

н(англ)
с 44

Вальтер Скотт

Вальтер Скотт

С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

в двадцати томах

*Под общей редакцией
Б. Г. РЕИЗОВА, Р. М. САМАРИНА,
Б. Б. ТОМАШЕВСКОГО*

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961 Ленинград*

Вальтер Скотт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том четвертый

ЧЕРНЫЙ КАРЛИК

*Перевод с английского
А. А. ВЕЙЗЕ*

•

ПУРИТАНЕ

*Перевод с английского
А. С. БОБОВИЧА*

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961 Ленинград

WALTER SCOTT
THE BLACK DWARF
OLD MORTALITY

Редакция перевода

*Л. В. Хвостенко («Черный карлик»)
и Б. Г. Реизова («Пуритане»)*

Комментарии

*М. И. Беккер, А. С. Бобовича
и Т. В. Вановской*

ЧЕРНЫЙ КАРЛИК

ВВЕДЕНИЕ

Далеко не все в этом рассказе является вымыслом. Много лет тому назад автор сам встречался с человеком, жизнь которого подсказала ему образ одинокого мечтателя, преследуемого сознанием собственного уродства и боязнию стать посмешищем для окружающих. Звали этого несчастного Дэвидом Ричи, и родился он в долине реки Твид. Он был сыном простого рабочего со сланцевых копей в Стобо и, по-видимому, уже появился на свет уродцем, хотя сам иногда ссылался на перенесенные в детстве побои. В Эдинбурге он прошел ученичество у щеточника и потом долго странствовал, пытаясь заработать на жизнь своим ремеслом; однако всюду ему сопутствовал назойливый интерес, возбуждаемый его безобразной внешностью, и он каждый раз бежал на новое место. По его собственным словам, он побывал даже в Дублине.

И вот наконец Дэвид Ричи решил оградить себя от издевательских криков, смеха и шуток и, подобно затравленному оленю, укрыться где-нибудь в глуши, чтобы как можно меньше общаться с глумившейся над ним толпой. С этой целью он и обосновался на вересковой пустоши, в уединенной ложине речушки

Мэнор, протекавшей по землям фермы Вудхауз в графстве Пибблсшир. Редкие путники, которым случалось проходить в тех местах, взирали с удивлением, а подчас и с некоторой долей суеверного страха, на то, как этот странный человечек, которого они окрестили Горбун Дэви, занимается совершенно, казалось бы, неподходящим для него делом, а именно — строит себе дом. Хижина, которую он построил, была совсем крохотной, но зато стены дома и окружавшего его участка Дэви возводил с претензией на особую прочность — из выложенных рядами больших камней и дерна, причем некоторые краеугольные камни были такими тяжелыми, что зрители только диву давались, как строитель ухитрился взгромоздить их на стену. Дело же объяснялось тем, что случайные прохожие, а также и те, кто нарочно приходил сюда поглазеть, часто пособляли Дэвиду; но поскольку никто не знал, какую помощь оказывали маленькому зодчему другие, всеобщему удивлению не было конца.

Хозяин тех земель, покойный баронет сэр Джеймс Нэсмит, как-то проезжал мимо этого своеобразного жилища, появившегося здесь без всякого на то права и разрешения, и сказал о нем в точности, как некогда Фальстаф: «Прекрасный дом, но на чужой земле»; казалось, бедному Дэвиду грозит потеря его убежища, сооруженного на неудачно выбранном месте; но землевладелец отнюдь не собирался производить конфискацию имущества — наоборот: он охотно простил Дэвиду его безобидный проступок и разрешил ему проживать там и дальше.

Теперь уже принято полагать, что описание внешности Элшендера с Маклстоунской пустоши является довольно точным и неискаженным портретом Дэвида с берегов Мэнора. Считается, что ростом Дэвид был около трех с половиной футов, поскольку такова была высота двери его дома, куда он проходил, не сгибаясь. В журнале «Скотс Мэгезин» за 1817 год приводятся следующие подробности о его внешности и характере; они, видимо, были сообщены тем самым мистером Робертом Чеймберсом из Эдинбурга, который проявил столько изобретательности и находчиво-

сти при собирании исторических преданий Славного Города и который другими своими публикациями внес немалый вклад в сокровищницу наших старинных народных былей. Он — земляк Дэвида Ричи и лучше других знал, где искать о нем разные интересные сведения.

«Голова у него была вытянутой и довольно необычной формы, — рассказывает этот авторитетный свидетель, — а череп такой крепкий, что он ударом головы легко вышибал филенку из двери или днище из бочки. Смех его, говорят, наводил ужас, а его резкий, по-свиному пронзительный и неприятный голос вполне соответствовал его внешности.

В его манере одеваться не было ничего необычного. Выходя из дому, он надевал старую, бесформенную шляпу, а дома носил какой-то ночной колпак, похожий на капюшон. Обуви он вообще не носил, так как никакие башмаки не годились для его искривленных, ластообразных ног, которые он тщательно обертывал до колен кусками холста. Ходил он, опираясь на кол или посох, значительно более высокий, чем он сам. Он придерживался каких-то странных, во многих отношениях необычайных, привычек, свидетельствующих о том, что склад ума у него был столь же исковерканный, как и череп, вмещавший в себе этот ум. Главной чертой его характера была раздражительность, ревнивая неприязнь к людям. Сознание собственного уродства преследовало его, словно навязание. А вечные насмешки и оскорбления наполняли его сердце горечью и злобой, хотя, если судить по другим чертам его характера, он отроду был ничуть не злее всех окружающих.

Детей он терпеть не мог, так как они постоянно дразнили и оскорбляли его. С незнакомыми людьми он держался сдержанно, угрюмо и грубовато; никогда не отказываясь от помощи и подаяний, он редко высказывал свою благодарность. Даже с теми, кого он мог считать своими величайшими благодетелями и к кому сам относился довольно доброжелательно, он часто бывал капризен и раздражителен. Одна дама, знавшая его с детства и весьма обязавшая нас тем,

что сообщила некоторые сведения из его жизни, рассказывала, что хотя Дэви и относился к членам семьи ее отца со всею привязанностью и уважением, на какие только был способен, они всегда вынуждены были подходить к нему с оглядкой. Однажды она пришла навестить его вместе с другой дамой, и он повел их осматривать сад и огород; с добродушной гордостью он показывал им все свои цветущие, со вкусом разбитые клумбы и грядки, как вдруг они остановились у гряды с капустой, слегка поеденной гусеницами. Когда Дэви заметил, что одна из дам улыбнулась, на его лице сразу появилась свирепая гримаса, и, воскликнув: «Проклятые черви! Они издеваются надо мной!» — он вскочил на грядку и начал топтать и колотить кочаны своим посохом.

При сходных обстоятельствах другая дама, тоже считавшаяся старым другом Дэви, сама того не желая, смертельно оскорбила его. Он как-то водил ее по саду и изредка оглядывался, ревниво следя за нею; вдруг ему показалось, что она плюнула. «Разве я жаба, почтеннейшая, что вы плюете на меня? Разве я жаба?» — в ярости закричал он и, не слушая никаких объяснений, выгнал ее из своего сада, осыпая проклятиями и оскорблениями. Его мизантропия проявлялась в еще более резких словах, а иногда и в действиях, если его выводили из себя люди, к которым он не питал никакого уважения; в таких случаях он мог прибегнуть к неслыханным и чрезвычайно злобным проклятиям и угрозам.¹

Природа во всех своих проявлениях стремится сохранить равновесие между добром и злом; вероятно, нет такой бездны отчаяния, которая не таила бы в себе утешений, свойственных ей одной. Так и у нашего бедняги, чья мизантропия шла от сознания своего противоестественного уродства, были свои радости в жизни. Вынужденный жить в полном одиночестве, он стал поклонником природы. Сад, который он возделывал с любовью и упорством, превратив свой участок каменистой пустоши в цветущий, плодо-

¹ «Скотс Мэгезин», том 80, стр. 207. (Прим. автора.)

родный уголок, был предметом его гордости и радости. Но он любовался красотами природы и в более широком смысле этого слова; он говорил, что мог часами с невыразимым наслаждением любоваться мягкими линиями зеленых холмов, журчащим родником, путаницей ветвей в чаще леса. Может быть, потому-то ему так нравились пасторали Шенстона и некоторые места из «Потерянного рая». Автору довелось слышать, как он своим весьма немзыкальным голосом декламировал знаменитое описание рая — по всей видимости, с полным пониманием всех его достоинств. Другим его любимым занятием было заводить споры. В приходской церкви он никогда не появлялся, и поэтому считалось, что он придерживается каких-то еретических взглядов; но сам он, вероятнее всего, объяснил бы дело тем, что ему не хочется выставлять напоказ свое уродство. О потусторонней жизни он говорил чрезвычайно взволнованно, даже со слезами на глазах. Ему претила мысль, что его останки будут покоиться рядом со всяким «кладбищенским сбродом», как сам он выразился, и поэтому в качестве места последнего отдохновения он с присущим ему вкусом выбрал для себя красивый, уединенный уголок в той же лощине, где жил. Однако потом он передумал и был похоронен на кладбище мэморской общины.

Автор наделил Мудрого Элши некоторыми качествами, благодаря которым он в глазах людей непросвещенных мог превратиться чуть ли не в колдуна. Дэвид Ричи пользовался такой же славой; не даром некоторые в округе, особенно бедняки и невежды, не говоря уже о детях, считали его причастным к «нечистой силе». Сам он старался не опровергать этого мнения: оно расширяло круг его влияния и льстило его самолюбию; к тому же оно в какой-то степени умеряло его мизантропию, так как давало ему больше возможностей наводить страх и причинять боль. Но тридцать лет назад страх перед колдовством уже успел дойти в прошлое даже в самых непросвещенных долинах Шотландии.

Дэвид Ричи часто бродил в безлюдных, уединенных местах, якобы посещаемых духами, и считал, что тем самым проявляет немалую отвагу. Но вряд ли он мог там встретить кого-нибудь уродливее и страшнее самого себя. Сам Ричи был очень суеверен и, чтобы уберечь себя от дурного глаза и наговоров, посадил вокруг своего домика несколько рябин. Надо полагать, что по той же причине он просил посадить рябины и вокруг его могилы.

Мы уже упоминали, что Дэвид Ричи любил красоту природы. У него было два четвероногих любимца — собака и кошка, к ним он был по-настоящему привязан; любил он и своих пчел, за которыми ухаживал чрезвычайно заботливо. В последние годы он взял к себе сестру, поселив ее в хижине, примыкавшей к его собственному жилищу, куда он не разрешал ей входить. Ее уродство было не телесного, а духовного свойства: она была чрезвычайно простодушна, скорее даже придурковата, но зато в ней не было ни капли угрюмости и резкости ее брата. Дэвид не выказывал к ней ни любви, ни привязанности — это было не в его духе, — он просто терпел ее. Содержал он себя и ее продажей того, что давали ему огород и улы; в последнее время он еще получал небольшое пособие от прихода. Невозможно представить себе, чтобы в те немудреные, патриархальные времена люди, подобные Дэвиду и его сестре, могли остаться без поддержки. Им достаточно было обратиться к ближайшему помещику или зажиточному фермеру, зная, что те, безусловно, им не откажут, а наоборот, охотно и безотлагательно удовлетворят их скромные нужды. Дэвид часто получал от незнакомых людей подавание, которое он не выпрашивал, но за которое и не благодарил, принимая его, по-видимому, как должное. Он, и в самом деле, мог считать себя одним из нахлебников матушки природы, даровавшей ему право рассчитывать на помощь себе подобных хотя бы в силу физического недостатка, лишившего его всех обычных способов зарабатывать себе на хлеб собственным трудом. Кроме того, на мельнице специально для Дэвида Ричи висел мешок, и редкий из тех,

кто уносил домой полную торбу, забывал бросить пригоршню муки в суму калеки. Короче говоря, деньги Дэвиду почти не были нужны, разве что на покупку нюхательного табака — единственной роскоши, в которой он себе не отказывал. Когда в начале нынешнего века он умер, оказалось, что он успел скопить двадцать фунтов, и это ничуть не противоречило его характеру и взглядам: ведь богатство — это сила, а Ричи, в возмещение того, что его изгнали из человеческого общества, хотел обладать хотя бы этой силой.

Его сестра была еще жива, когда впервые вышла в свет повесть, к которой я сейчас добавляю эти строки в качестве короткого вступления. Автор с огорчением узнал, что «местные симпатии» и любопытство, вызванное в те годы личностью автора «Уэверли» и сюжетами его романов, подвергли бедную женщину неприятным для нее расспросам. Когда у нее выпытывали подробности относительно ее брата, она отвечала: неужто нельзя оставить покойников в покое? На расспросы о ее родителях она отвечала примерно то же самое.

Автор встретился с этим несчастным горемыкой, как его вполне можно назвать, осенью 1797 года. Уже в то время, как и сейчас, автор имел счастье быть связанным узами тесной дружбы с семьею distinguished доктора Адама Фергюсона, философа и историка, проживавшего тогда в поместье Хэльярдс в долине Мэнора, примерно в миле от убежища Ричи; приехав на несколько дней погостить в Хэльярдс, автор и познакомился с этим своеобразным анахоретом, которого сам доктор Фергюсон считал личностью в своем роде исключительной и посему помогал ему различными способами, в частности — ссужая его по временам книгами. Естественно предположить, что вкусы философа и бедного крестьянина не всегда совпадали,¹ но доктор Фергюсон все же считал

¹ Помнится, Дэвид особенно жаждал раздобыть книгу, которую он называл, кажется, «Письма великосветским дамам» и о которой он отзывался как о лучшем из всех прочитанных им произведений; однако в библиотеке доктора Фергюсона этого труда не оказалось. (Прим. автора.)

Дэвида обладателем необыкновенных способностей и оригинального образа мыслей, хотя он же говорил о нем как о человеке, ум которого отклонен от надлежащей плоскости чрезмерным самомнением и самовлюбленностью, усугубленным чувством несправедливых обид и насмешек, и который пытается мстить обществу мрачным человеконенавистничеством.

Не говоря уж о том, что Дэвид Ричи и при жизни пребывал в полной безвестности, прошло несколько лет после его смерти, прежде чем автору этих строк пришло в голову, что подобный персонаж мог бы оказаться мощной движущей силой в беллетристическом произведении. Вот тут и возник образ Элши с Маклстоунской пустоши. Предполагалось, что повествование будет более длинным и что оно придет к трагической развязке более хитроумными путями, но дружески настроенный критик, на суд которого я отдал рукопись еще в процессе работы над нею, выразил мнение, что задуманный мною образ Пустынника крайне непривлекателен и что он скорее оттолкнет, нежели заинтересует читателя. Поскольку у меня были все основания считать его знатоком общественного мнения, я постарался разделаться со своим сюжетом, приведя его к поспешной развязке; и, сжав в один том повесть, рассчитанную на два, я, по-видимому, создал произведение столь же уродливое и непропорциональное, как и сам Черный Карлик, которому оно посвящено.

Глава I

ВВ ОДН А Я

А ты, пастух, ты разве не философ?

«Как вам угодно?»

В одно апрельское утро, — ясное и погожее, если не считать того, что ночью выпал снег и земля все еще была устлана ослепительно ярким покровом толщиной в шесть дюймов, — два всадника подъехали к гостинице «Уоллес». Первый из них был высокий, крепкий, плотно сложенный человек в сером плаще для верховой езды, высоких сапогах и широких штанах из толстого сукна и в клеенчатой шляпе, а на запястье у него висел массивный хлыст с серебряной рукоятью. На его высокой, сильной гнедой кобыле, не слишком холеной, но зато хорошо откормленной, было седло старинного иоменского образца и кавалерийская уздечка с двойными удилами. Сопровождавший его всадник был, по всей видимости, его слугой. Он восседал на мохнатом сером пони; на голове у него был синий берет горца, на шее — сложенный в несколько рядов большой клетчатый платок, а на ногах, вместо сапог, — пара длинных и плотных вязаных чулок синего же цвета; перчаток он тоже

не носил, и руки у него были перепачканы смолой; к своему спутнику он обращался скромно и почтительно, но без всяких признаков подобострастия или строгого этикета, соблюдаемого в отношениях между родовитым помещиком и его челядью. Наоборот, оба всадника въехали во двор гостиницы бок о бок, а заключение разговора, который они вели между собой, они в один голос произнесли:

— Господи помилуй! Что будет с ягнятами, если такая погода продержится!

Этих слов было достаточно, чтобы хозяин гостиницы понял, что за гости пожаловали к нему; подойдя к главному из всадников, он взял лошадь под уздцы и, держа ее, пока тот слезал с седла (его конюх тем временем оказал ту же услугу второму всаднику), одним духом выпалил: «Добро пожаловать в Гэндерклю!» и «Что слышно в горах Южной Шотландии?»

— Что слышно? — ответил фермер. — Сдается мне, ничего доброго. Хорошо еще, ежели мы спасем маток, а о приплоде и мечтать не приходится. О ягнятах, видимо, придется позаботиться Черному Карлику!

— Что верно, то верно, — качая головой, подхватил старый пастух, ибо второй всадник был именно пастухом. — Нынче у него хлопот будет полон рот.

— Черный Карлик? — сказал *мой ученый друг и покровитель*,¹ мистер Джедедия Клейшботэм. — Это что еще за особа?

— На-ко вот! — ответил фермер. — Неужто вы не слышали о Мудром Элши — Черном Карлике? Да не может того быть! Слухами о нем земля полнится; однако все это несусветная чепуха. Я никогда ни одному слову не верил!

¹ Здесь и ниже мы печатаем курсивом те немногие слова, которыми почтенный редактор, мистер Джедедия Клейшботэм, дополнил текст своего покойного друга мистера Петтисона. Мы должны раз и навсегда оговорить, что сей ученый джентльмен позволял себе подобную вольность, по-видимому, только в местах, касавшихся его собственной особы; а уж кому, как не ему, знать, в каком стиле следует описывать его личность и его поступки. (*Прим. автора.*)

— Зато ваш батюшка очень даже верил, — заметил старик, которому скептицизм хозяина явно пришелся не по душе.

— Верно, Боулди, верно, но то было во времена черноголовых, а в те времена, сам знаешь, верили в любые рассказы, даже в такие, каких теперь, когда появились длинные овцы, никто и слушать не станет.

— Тем хуже, тем хуже, — проговорил старик. — Ваш-то батюшка — я уж не раз говорил вам об этом, хозяин, — ваш батюшка не стал бы спокойно смотреть, как сносят старую овчарню, навес для стрижки овец и разбивают на ее месте парк. А тот славный холм, где рос кустарник, где он, бывало, накинёт на себя плед и сидит, смотрит, как стадо бредет с горы, — разве ваш отец примирился бы с тем, что этот славный холмик разрыт вдоль и поперек плугом, искорежен и вскопан по теперешнему обычаю.

— Помолчи-ка, Боулди, — ответил хозяин, — возьми лучше чарку, которую подает тебе хозяин, и не бреди себе зря душу. Мир меняется, но сам-то ты, слава богу, по-прежнему жив-здоров и полон сил.

— Ваше здоровье, господа! — провозгласил пастух, осушив чарку; и, заметив, что виски — как раз то, что нужно, он снова заговорил: — Оно конечно, не нам судить, не наше это дело, но уж больно хорош был холмик, и кустики такие славные: самое правильное укрытие для ягнят в такое вот морозное утро.

— Это — да, — ответил его патрон, — но ты же знаешь, что для длинных овец нам нужна кормовая свекла; ведь сколько мы бьемся, чтобы вырастить ее, хотя работаем и плугом и мотыгой; но никакой свеклы у нас не будет, если мы усядемся в кустиках на пригорке и начнем болтать о всяких там Черных Карликах, как в стародавние времена, когда в обычае было разводить коротких овец.

— Ладно уж, ладно, хозяин, — сказал пастух, — зато при коротких овцах и расчеты были короткие.

Тут в разговор снова вмешался мой *достойный и ученый* покровитель, заявивший, что с «точки зрения

длины он до сих пор не замечал между овцами никакой существенной разницы».

Это вызвало взрыв хриплого смеха со стороны фермера и удивленный взгляд со стороны пастуха.

— Да ведь по шерсти же, по шерсти, а не по самой скотинке зовут ее длинной или короткой. Коли мерить овцам спины, то короткие-то, поди, окажутся длиннее самых длинных, но чтобы за аренду платить — шерсть нужна, да еще как нужна-то, особенно сейчас.

— Правильно говорит Боулди: при коротких овцах и расчеты были короткие. Вот мой отец, например, платил за всю нашу ферму шестьдесят фунтов арендной платы, а мне она обходится в триста фунтов — вынь да положь. Все это правильно; однако нет у меня времени тары-бары разводить. Хозяин, дай-ка нам позавтракать да проследи, чтоб лошадей накормили, а мне надо спешить к Кристи Уилсону — авось мы и договоримся с ним о цене на его однолеток. На Сент-Босуэлской ярмарке мы уже с ним ударили по рукам, шесть пинт пунша осушили под эту сделку и все же о кое-каких подробностях так и не условились, хоть времени убили бог знает сколько. Боюсь, придется идти к мировому судье. Но вот что я вам скажу, сосед, — продолжал он, обращаясь на этот раз к моему *достойному и ученому* покровителю, — если вы хотите узнать кое-что о коротких и длинных овцах, то я вернусь сюда к часу дня похлебать шей; а если вам нужны всякие стародавние истории про Черного Карлика и прочее такое и если вы поднесете нашему старому Боулди полпинты пунша, он выложит их вам сколько угодно. Ну, а сам я поднесу вам не одну, а две пинты, если только сойдуся в цене с Кристи Уилсоном.

Фермер вернулся в назначенный час, и не один, а вместе с Кристи Уилсоном: к счастью, им удалось поладить, не прибегая к посредничеству джентльменов в длинных мантиях. Мой *ученый и достойный* покровитель тоже не преминул явиться, дабы вкушать от обещанных благ как духовных, так и телесных, *хотя известно, что последние он позволяет себе*

лишь в самых ограниченных количествах; компания, к которой присоединился и хозяин гостиницы, засиделась допоздна, сдабривая свои возлияния многочисленными рассказами и песнями. И последнее я помню вот что: как мой ученый и достойный покровитель, закончив длинную лекцию о пользе трезвости, свалился со стула. В заключение своей лекции он, помнится, позаимствовал из «Любезного пастушка» двустиишие, в котором говорится о скряжничестве, но которое он весьма уместно применил к другому пороку, а именно — к невоздержанности в употреблении спиртных напитков:

Излишества людей лишают сна;

Всегда, во всем воздержанность нужна.¹

За прочими темами не был забыт и Черный Карлик;² старый пастух Боулди рассказал о нем столько

¹ Стихотворные переводы, кроме особо оговоренных, выполнены Л. Хвостенко.

² Ныне почти забытый, Черный Карлик некогда наводил страх на жителей пограничных долин, где он считался виновником всех бедствий, случавшихся там с овцами и коровами. Доктор Лейден, который широко пользовался его образом в своей балладе «Килдарский конек», говорит о нем в следующих словах: «Это был эльф самого зловредного рода, истинный северный Дюэргар». Лучшие и наиболее достоверные сведения об этом опасном и таинственном существе были сообщены автору известным антикварием — Ричардом Сэртисом, эсквайром, владельцем поместья Мэйнсфорт и автором «Истории Дарэмского епископства».

Согласно сообщенному им преданию, заслуживающему всяческого доверия, два молодых охотника из Нортумберленда однажды углубились далеко в вересковые горы на границе Камберленда. Решив отдохнуть и подкрепиться, они сделали привал на берегу ручья, в уединенной маленькой ложине. Когда они поели, один из них прилег и уснул, а второй, не желая нарушать покой своего друга, тихонько выбрался из ложины с намерением осмотреть окрестности. Каково же было его удивление, когда он очутился лицом к лицу с существом, принадлежащим, казалось, к иному миру — с уродливейшим из всех карликов на всем белом свете. Его голова была нормального человеческого размера и потому представляла особенно резкий контраст с маленьким туловищем, ибо ростом карлик был немного меньше четырех футов. Единственным ее убором был покров из длинных, взлохмаченных рыжеватых волос, по плотности напоминавших барсучью шкуру,

всяких историй, что возбудил в слушателях живой интерес. Уже после третьей чаши пунша — но не раньше — оказалось, что скептицизм фермера был в значительной мере напускным: он должен был свидетельствовать о свободомыслии, о презрении к старинным суевериям, подобающим человеку, который платит триста фунтов арендной платы в год; на самом же деле где-то в тайниках своего сознания фермер продолжал верить в предания предков. По своему обыкновению, я впоследствии продолжал розыски среди лиц, имевших какое-либо отношение к тому глухому краю, где происходит действие предлагаемой читателю повести; мне удалось восстановить многие

а по оттенку — коричневато-красный цветок можжевельника. Руки и ноги его казались необычайно сильными, но отнюдь не уродливыми, разве что чрезмерно мускулистыми в сравнении с его крохотным ростом. Перепуганный охотник молча взирал на это жуткое видение, пока наконец маленькое существо не спросило, сердито нахмурившись, по какому праву он вторгается в эти горы и убивает их безобидных обитателей. Ошеломленный молодой человек попытался успокоить разгневанного карлика, предложив отдать ему всю подстреленную им дичь, как он сделал бы при встрече со вполне реальным земным владетельным лордом. Но его предложение только усугубило гнев карлика, который заявил, что он является владельцем этих гор и защитником всех диких животных, ищущих приюта в укромных уголках, и что всякая добыча, полученная ценой их гибели или страданий, мерзка и противна ему. Охотник всячески выражал сердитому эльфу свои извинения и, заверив его, что его проступок вызван лишь полным неведением и более не повторится, кое-как успокоил его. Тут гном стал более разговорчивым и сказал, что принадлежит к существам, стоящим где-то между ангелами и людьми. К этому он добавил совершенно неожиданное заявление о том, что надеется внести свою долю в искупление грехов рода Адамова. Он уговаривал охотника посетить его жилище, которое, по его словам, находилось рядом, и клялся, что не причинит ему вреда. Но в эту минуту послышался крик второго охотника, звавшего своего друга, и карлик, по-видимому не желавший, чтобы об его появлении стало известно кому-нибудь еще, и увидевший, что из ложины выходит второй охотник, мгновенно исчез.

Люди, имеющие в подобных делах некоторый опыт, единодушно утверждали, что если бы охотник, несмотря на клятвенные заверения гнома, последовал за ним, то он был бы или разорван на куски или заточен на многие годы в недрах какой-нибудь заколдованной горы.

Таково последнее и самое достоверное сообщение о появлении Черного Карлика. *(Прим. автора.)*

недостававшие в этой истории звенья, которые в той или иной степени объясняют, почему в простонародных преданиях многие ее обстоятельства в силу суеверия перерастали чуть ли не в чудеса.

Глава II

Вам, значит, нужен лишь охотник Хири?

«Виндзорские проказницы»

В одном из самых отдаленных районов Южной Шотландии, там, где воображаемая линия, проведенная по вершинам высоких каменистых гор, отделяет эту страну от братского королевства, молодой человек по имени Хэлберт, или просто Хобби Элиот, зажиточный фермер, ведущий свою родословную от воспетого в пограничных сказаниях и балладах старого Мартина Элиота из Прикин-тауэра, возвращался как-то домой после охоты на косуль. Когда-то косули водились в изобилии в этих пустынных, малонаселенных краях, но сейчас от них осталось лишь несколько разрозненных стад, которые прятались в самых укромных, почти недоступных для человека местах, и охота на них стала делом не только утомительным, но и рискованным. Все же среди молодежи еще можно было найти многих любителей этого опасного и нелегкого развлечения. Со времени мирного объединения двух тронов в царствование короля Великобритании Иакова — то есть уже более ста лет — на границе не обнажался меч. Однако далеко не все следы прошлого стерлись окончательно и бесповоротно: на протяжении всего предыдущего столетия мирный труд местного населения непрерывно нарушался распрями и междоусобицами, и народ здесь едва начал привыкать к ведению хозяйства; причем овцеводство еще не успело распространиться, и склоны гор и долины по-прежнему служили источником подножного корма для рогатого скота. Около своего дома фермер-арендатор, как и прежде, ухитрялся выращивать

небольшой урожай овса или ячменя, чтобы прокормить свою семью, но и скотоводство и земледелие вместе взятые, — словом, все хозяйство, которое велось кое-как, спустя рукава, — оставляли фермеру и его домочадцам много свободного времени. Молодые люди тратили его на охоту и рыбную ловлю, и в том самозабвении, с которым они отдавались своим деревенским забавам, легко было обнаружить ту же жажду приключений, которая некогда приводила к набегам и вооруженным стычкам.

В то время, когда начинается наше повествование, многие из более одаренных и смелых молодых людей округа ждали — скорее с надеждой, нежели со страхом — возможности соревноваться со своими отцами в ратных подвигах, рассказы о которых составляли их главное времяпрепровождение в вечерние часы и в непогоду. Англия была встревожена тем, что шотландский парламент принял закон о безопасности; казалось, стоит только скончаться царствовавшей тогда королеве Анне, и страна снова распадется на два королевства. Годолфин, стоявший во главе английского правительства, видел, что единственное средство избежать новой гражданской войны — это заключить договор о полном слиянии обоих королевств. Из книг по истории читатель может узнать, как этот договор был заключен и как мало было надежд, по крайней мере в первое время, что он принесет те благодатные плоды, которыми мы пользуемся доньше. Для наших целей достаточно упомянуть, что вся Шотландия с гневным осуждением встретила условия, на которых ее законодательное собрание пожертвовало независимостью родины. Впоследствии это породило самые невообразимые союзы и самые нелепые замыслы. Камеронцы готовы были взяться за оружие ради восстановления на престоле Стюартов, которых они с полным основанием считали своими врагами и угнетателями, и на фоне возникших интриг можно было наблюдать такие картины, когда, руководимые общим для всех сознанием, что с их родиной обошлись несправедливо, паписты, прелатисты и пресвитериане сговаривались между собой,

чтобы совместно действовать против английского правительства. Возмущение охватило всю страну, и поскольку по Закону о безопасности шотландцев учили пользоваться оружием, они были неплохо подготовлены к войне и ждали лишь сигнала со стороны кого-нибудь из дворян, чтобы начать открытые военные действия. Вот в этот-то период всеобщего брожения и начинается наш рассказ.

Когда сумерки стали сгущаться, Хобби Элиот уже был недалеко от дома, и каменистое ущелье, в которое он забрался, преследуя добычу, осталось далеко позади. Наступление ночи ничуть не смутило бы столь опытного охотника, как Хобби, ибо он мог и с завязанными глазами пройти свои родные вересковые пустоши в любом направлении, — но сумерки настигли его около открытого места, облюбованного, как говорили, всякого рода нечистой силой и пользовавшегося в местных преданиях особенно дурной славой. С раннего детства Хобби внимательно слушал такие истории, и, если во всей Шотландии не было уголка, породившего большее количество подобных легенд, то, пожалуй, во всей стране не было и человека, лучше знавшего их, чем Хобби из Хейфута, как окрестили нашего молодца, дабы не путать его с добрым десятком других Хобби Элиотов. Естественно, что нашему Хобби не нужно было напрягать память, чтобы вспомнить все ужасные рассказы, связанные с обширной пустошью, на которую только что ступила его нога. Наоборот, все они вспоминались ему так быстро и отчетливо, что ему даже стало как-то не по себе.

Это неприветливое место звалось Маклстоунской пустошью, то есть пустошью Большого Камня — благодаря огромной вертикальной глыбе неотесанного гранита, вздымавшей свою массивную главу над холмом около центра пустоши и установленной там или в память какого-нибудь кровопролитного сражения, или погребенного под ней великого покойника. Истинная причина появления здесь гранитной глыбы была давно забыта, а устные сказания, которые способствуют рождению небылиц ничуть не реже, чем помо-

гают сохранению исторических фактов, связали с этим местом одно из преданий, которое теперь и возникло в памяти Хобби Элиота. Земля вокруг гранитного столпа была усеяна или, точнее, завалена крупными обломками такого же камня, как и вся глыба. Разбросанные повсюду, они получили название Серых Гусей Маклстоунской пустоши. Как название, так и само появление камней на пустоши предание объясняло историей гибели хорошо известных и весьма опасной ведьмы, которая в прежние времена часто бродила здесь по горам, заставляя коров и овец скидывать плод и принося все прочие беды, которые обычно приписываются нечистой силе. На этой пустоши она справляла шабаш со своими косматыми подругами, и люди до сих пор показывали друг другу круги, на которых не росли ни трава, ни вереск, потому что некогда дерн здесь был вытопан во время плясок раскаленными копытами ведьминых дружков.

Говорят, что как-то старая колдунья пересекала пустошь, гоня перед собою стадо гусей, которых она намеревалась с выгодой для себя продать на соседней ярмарке; ибо хорошо известно, что хотя враг рода человеческого щедро одаряет своих слуг возможностью причинить зло, однако самым недостойным образом заставляет их добывать себе пропитание тяжелым, повседневным сельским трудом. Час был уже не ранний, а хорошую цену за гусей старуха могла получить, только придя на базар первой. Но гуси, которые до сих пор чинно и мирно шествовали впереди нее, дойдя до обширной пустоши, сплошь покрытой болотцами и лужами, вдруг разбежались в разные стороны и принялись плескаться в своей любимой стихии. Колдунья, разъяренная упрямством гусей, не поддававшихся никаким ее попыткам собрать их воедино, запаматовала на минуту слова заклятья, призывавшего сатану до поры до времени подчиняться ее приказам; вне себя от гнева она воскликнула: «О дьявол! Чтоб ни мне, ни гусям с места не сдвинуться!» Едва она произнесла эти слова, как произошла столь же мгновенная, как у Овидия, метамор-

фоза, и колдунья вместе со своим непокорным стадом была тут же обращена в камень, ибо дух, которому она служила, будучи строгим формалистом и поймав ее на слове, с жадностью ухватился за возможность окончательно погубить ее душу и тело. Говорят, что когда ведьма почувствовала, какое с нею происходит превращение, она крикнула предателю: «Ах ты, подлый обманщик! Сколько раз ты обещал подарить мне серое платье, чтоб я могла носить его веки вечные! Так вот, значит, какое оно!» Говоря о гранитной глыбе и окружающих ее камнях, поклонники старины, считающие, что человечество постепенно вырождается, часто ссылаются на их грандиозные размеры как на доказательство того, что в прошлом и старухи и гуси были куда крупнее нынешних.

Пока Хобби шагал по пустоши, все подробности этой легенды приходили ему в голову одна за другой. Он вспомнил также, что со времени трагического происшествия с колдуньей все простые смертные после наступления ночи обходят это место стороной, так как всякие эльфы и гномы, лешие и водяные, некогда участвовавшие в ведьминых увеселениях, по-прежнему собираются здесь, вокруг своей бывшей повелительницы. Будучи по природе храбрым, Хобби мужественно сопротивлялся нахлынувшему на него суеверному страху. Он подозвал поближе пару огромных гончих псов, всегда сопровождавших его на охоту и, по его словам, не боявшихся ни черта, ни дьявола, проверил кремень на своем ружье, и словно ряженный в сочельник, принялся насвистывать воинственную мелодию «Джок с нашей стороны»; словом, он поступил так, как поступает полководец, приказывая бить в барабаны, чтобы поднять боевой дух своих солдат.

Не удивительно, что, услышав за спиной дружеский голос, предлагавший ему подождать и идти вместе, Хобби очень обрадовался. Он замедлил шаги, и скоро его догнал молодой дворянин, тоже возвращавшийся с охоты. Молодой Эрнскиф — из «роду и племени» Эрнскифов, считавшихся в тех отдаленных краях людьми довольно богатыми, лишь недавно

достиг совершеннолетия и унаследовал скромное состояние, которое могло бы быть больше, если бы его семья не принимала столь горячего участия в бурных событиях недалекого прошлого. В родных местах Эрнскифы пользовались всеобщим почетом и уважением, и, судя по всему, это уважение должно было перейти на молодого Эрнскифа, ибо он отличался не только прекрасным образованием и воспитанием, но и превосходным характером.

— Эрнскиф! — воскликнул Хобби. — Вашу честь всегда приятно повстречать, а найти попутчика в таком глухом месте — и того приятнее! Где вы охотились?

— На Карлаклю, Хобби, — ответил Эрнскиф, в свою очередь поздоровавшись с ним. — А наши собаки не вцепятся друг в друга, как вы думаете?

— Моим не до того, — сказал Хобби, — они и так еле плетутся. Что за чертовщина! Можно подумать, что у нас тут не осталось ни одной косули. Добрался Хобби до самого Ингерфела и хоть бы пару рогов увидел! Погонялся было за тремя рыжими косулями, да они меня даже на выстрел не подпустили, хоть я и дал круг в целую милю, чтоб подойти к ним с подветренной стороны, как полагается. Ну и леший с ними! Но больно уж мне хотелось принести оленины нашей старой бабке. Она себе сидит в своем теплом углу и все твердит о том, какие, мол, охотники были в старые времена, не нам, дескать, чета. А я думаю, что они-то всех косуль и перестреляли в наших краях.

— Зато я, Хобби, подстрелил утром здорового оленя. Я уже отослал его в Эрнскиф, но, если хотите, возьмите половину для вашей бабушки.

— Спасибо вам, мистер Патрик. Недаром вся округа говорит, что у вас доброе сердце. Вот уж старуха-то обрадуется, особенно когда узнает, от кого подарочек. А если вы еще сами придете посидеть с нами за столом, это будет для нее самая большая радость. Вам одному небось тоскливо в старом замке, ведь у вас все родные в этом скучном Эдинбурге. Удивительно мне, чего они пропадают там, среди

каменных домов с каменными плитами на крышах, когда могли бы жить среди родных зеленых гор.

— В последние годы, пока я и сестра учились, моей матери поневоле пришлось жить в Эдинбурге. Но можете быть уверены, что я наверстаю упущенное.

— И подновите малость старый замок, — подхватил Хобби, — а потом заживете в нем весело, по-добрососедски, не забывая о старых друзьях своей семьи, как и положено владельцу Эрнскифа. Я ведь что хотел сказать, наша матушка — то есть не матушка, а бабушка: с тех пор, как мать умерла, мы ее зовем то так, то этак — ну, да все равно; она, одним словом, считает, что приходится вам не просто старым другом, а чем-то побольше.

— Верно, Хобби, и завтра я обязательно приду в Хейфут и с большой охотой отобедаю с вами.

— Вот это хорошие слова! Пусть мы с вами и не родня, зато старые соседи, и старухе очень хочется вас повидать. Она нет-нет, да и вспомнит про вашего батюшку, которого убили еще в давние времена.

— Оставьте, Хобби, оставьте: об этом ни слова. О таких делах лучше забыть.

— Вам виднее. Случись такое среди нашего брата, мы бы помнили; помнили обо всем, пока не рассчитались бы с обидчиками. Но вы, лэрды, знаете лучше нас, как вам быть и что делать. Только слышал я, что дружок старого Эллисло всадил клинок в вашего батюшку, уже когда сам лэрд схватился за шпагу.

— Ну, полно, Хобби, полно. Это была глупая ссора: спорили о политике за стаканом вина. А шпагами все махали, и нельзя точно сказать, кто нанес удар.

— Во всяком случае, старый Эллисло тут и пособлял и подстрекал, и я уверен, что, захоти вы расчитаться с ним, никто и слова не скажет: ведь кровь вашего батюшки на его руках, и к тому же он один и остался из всех, с кого можно потребовать ответа; кроме того, он заядлый прелатист и якобит. У нас тут в округе все говорят, что не миновать вам встречи с ним.

— Стыдно, Хобби! — ответил молодой лэрд. — Вы же человек верующий, а сами подстрекаете друзей нарушать законы и творить возмездие своей рукой — да еще где: в таком глухом месте, где никто не знает, кто подслушивает наши разговоры.

— Тише, тише! — зашикал Хобби, придвигаясь поближе к своему попутчику. — О них-то я и не подумал. Но, кажись, я тоже могу отгадать, почему у вас рука не поднимается, мистер Патрик. Тут дело не в том, что у вас не хватает смелости, это мы все знаем; если вы и держитесь так скромно, то только из-за серых глаз одной милой девицы, которую зовут мисс Изабелла Вир.

— Уверяю вас, — довольно сердито заговорил его спутник, — уверяю вас, Хобби, что вы ошибаетесь; ни вы, ни кто иной не имеет права говорить такие вещи. Я никому не позволю связывать мое имя с именем какой бы то ни было молодой особы. Это слишком большая вольность.

— Успокойтесь, успокойтесь! — откликнулся Элиот. — Недаром я говорил, что вы вовсе не из робости держитесь таким тихоней. Я не хотел вас обидеть, но дозвоьте уж по-дружески напомнить вам кое-что. В жилах старого лэрда Эллисло течет кровь его удалых предков и кипит горячее, чем у вас. Правда, ему никакого дела нет до всех нынешних разговоров о мире и покое: он по-прежнему считает, что главное в жизни это — хватай и бей! И за спиной у него стоит немало добрых молодцов, которым он умеет разогреть кровь; недаром они брыкаются, как годовалые жеребята. Откуда у него достатки, никто не знает, живет он широко, тратит больше, чем получает со здешних земель, однако деньги всюду расчищают ему путь. Помяните мое слово: если у нас тут заварится каша, то он будет среди первых поваров, а свои счета с вами он помнит куда как хорошо. Я так полагаю: чуть что — и он сразу очутится под стенами старого замка в Эрнскифе.

— Ну, Хобби, — ответил молодой дворянин, — если он и решится на такой опрометчивый шаг, то я позабочусь о том, чтобы старый замок устоял против

него, как и в прежние дни, когда он отражал удары и не таких вояк.

— Вот это верно, вот это по-мужски сказано, — проговорил отважный иомен, — и коли доведись такое дело, вам достаточно послать слугу раскатать большой замковый колокол, и как только вы ударите кремнем по кресалу, сейчас же мы — я, и два мои брата, и маленький Дэви из Стэнхауса — придем к вам на помощь вместе со всеми, кого нам удастся собрать.

— Большое спасибо, Хобби, — ответил Эрнскиф, — но я надеюсь, что в наше время вряд ли возникнет такая противоестественная, противная христианской душе война.

— Что вы, сэр, что вы! — возразил Элиот. — Просто небольшая война между двумя соседями; если в наших непросвещенных краях такое и случится, то ни богу, ни королю до этого никакого дела нет: это же у нас в крови, мы не можем жить спокойно, как лондонцы, — у нас слишком много свободного времени.

— Должен вам сказать, Хобби, — промолвил молодой лэрд, — что для человека, верящего во всякие сверхъестественные силы, вы говорите о боге чересчур свободно, особенно если вспомнить, где мы сейчас находимся.

— А почему я должен бояться Маклстоунской пустоши больше, чем вы сами, Эрнскиф? — немного обиженным тоном спросил Хобби. — Здесь водятся эльфы, насылающие порчу на скот, и не только эльфы, это верно; но почему мне их бояться? Совесть у меня чиста, и если мне и надо держать ответ, то разве за какую-нибудь проделку с девочками или за скандал на ярмарке, а это не такой уж большой грех. Хоть мне и не подобает говорить о себе, но я такой же мирный и спокойный малый, как...

— А кто проломил голову Дикую Тэрнбуллу, кто стрелял в Уилли из Уинтона? — спросил его попутчик.

— Эге, Эрнскиф, да вы, оказывается, ведете счет всем моим проступкам! Голова у Дика давно зажила, и в воздвижение мы нашу ссору уладим

в честном кулачном бою на ярмарке в Джеддарте: считайте, что этот спор разрешен мирным путем. А с Уилли мы опять друзья, да и попало-то в него, беднягу, каких-нибудь две-три дробинки. Да за пинту бренди я такую штуку охотно позволю кому угодно. Но Уилли не горец и слишком трясется за свою шкуру. А что до тех, кто насылает порчу, то доведись нам сейчас встретиться с кем-нибудь из них...

— Что вполне возможно, — проговорил молодой Эрнсклиф, — потому что вон там стоит ваша старая колдунья.

— Я же вам говорю, — продолжал Элиот, казалось возмущенный последним намеком, — если бы эта старая карга вдруг поднялась из могилы и встала тут передо мной, я бы обратил на нее не больше внимания, чем... Но что это, Эрнсклиф? Спаси нас господь, что это такое?

Глава III

«Так знай: Килдар перед тобой.
Кто ты, о черный гном?» —
«Я — карлик с пустоши глухой,
Средь вереска мой дом».

Джон Лейден

При виде предмета, который напугал молодого фермера, заставив его оборвать свои храбрые речи на полуслове, на минуту смутился даже его менее суеверный спутник. Луна, успевшая подняться, пока они беседовали, теперь, пользуясь местным выражением, «брела вброд по тучам» и лишь время от времени бросала на землю неверный свет. Один из лучей, падавший на массивный гранитный столп, к которому приблизились спутники, осветил нечто похожее на человеческую фигуру, но гораздо меньшего размера; фигура эта медленно передвигалась среди огромных серых камней, но не как человек, направляющийся к определенной цели, а как какое-то неведомое существо, неуверенно порхающее над печально памятными для него местами и по временам из-

дающее глухие, невнятные звуки. В представлении Хобби Элиота все это настолько соответствовало понятию о призраках, что он на мгновение замер, чувствуя, как волосы у него встают дыбом, и прошептал:

— Это же старуха Эйли! Может, пальнуть в нее, благословясь, как вы думаете?

— Не надо, ради бога, не надо, — ответил его спутник, отводя рукой ружье, которое Хобби уже собрался поднести к плечу. — Это же просто какой-то рехнувшийся бедняк.

— Сами вы рехнулись, если хотите подойти к ней, — сказал Элиот, в свою очередь хватая за рукав Эрнскилфа, двинувшегося было вперед. — Пока она подойдет, у нас еще хватит времени сотворить молитву-другую; жаль только, что я ни одной не помню. Э, да она не торопится, — продолжал он, приободрившись под влиянием своего спутника и заметив, что призрак не обращает на них никакого внимания. — Она ковыляет, как наседка на горячей сковородке. Послушайте, Эрнскилф (последнее он добавил шепотом), сделаем круг, будто к оленю, с подветренной стороны; болото здесь по колено, не больше, а мягкая¹ дорога все же лучше худой компании.

Несмотря на сопротивление и уговоры своего попутчика, Эрнскилф продолжал идти вперед по той же тропе и вскоре остановился перед заинтересовавшим его существом.

По мере того как молодые люди приближались, рост фигуры, казалось, все уменьшался: теперь в ней было меньше четырех футов; насколько им удалось разглядеть в неверном свете луны, она была примерно одинакова в высоту и ширину и имела скорее всего шарообразную форму, вызванную, по-видимому, каким-то ей одной присущим уродством. Дважды молодой охотник заговаривал с этим необычным видением, не получая ответа, но и не обращая

¹ В Шотландии эпитет «мягкий» имеет по крайней мере два специфических значения: так, *мягкая дорога* — это путь по болоту или топи, а *мягкая погода* — мокрая, весьма дождливая погода. (Прим. автора.)

внимания на шипки, при помощи которых его спутник хотел убедить его, что лучше всего тронуться дальше и оставить это сверхъестественное, уродливое существо в покое. Но в третий раз, в ответ на вопрос: «Кто вы? Что вы здесь делаете в такой поздний час?» — они услышали голос, пронзительно резкие и неприятные звуки которого заставили Эрнскифа вздрогнуть, а Элиота — отступить на два шага назад.

— Идите своим путем и не задавайте вопросов тем, кто не задает их вам.

— Что вы делаете здесь, вдали от жилья? Может, вас ночь застигла в пути? Хотите, пойдемте ко мне домой («Боже упаси!» — невольно вырвалось у Хобби Элиота), и я дам вам ночлег.

— Уж лучше искать ночлег на дне Тэрреса, — снова прошептал Хобби.

— Идите своим путем, — повторил человечек; от внутреннего напряжения звук его голоса стал еще более резким. — Не нужна мне ваша помощь, не нужен мне ваш ночлег; вот уже пять лет, как я не переступал порога человеческого жилья, и, надеюсь, никогда больше не переступлю.

— Он сумасшедший, — проговорил Эрнскиф.

— Он похож на старого жестянщика Хамфри Этеркапа, который погиб на этой самой пустоши пять лет тому назад, — откликнулся его суеверный спутник, — но у Хамфри не было такой здоровенной спины.

— Идите своим путем, — еще раз повторил предмет их любопытства, — ваше человеческое дыхание отравляет воздух вокруг меня, звук ваших человеческих голосов вонзается мне в уши, как острые иглы.

— Господи, спаси и помилуй! — прошептал Хобби. — Подумать только, что этот мертвец так зол на всех живых. Гляди, как не повезло его грешной душе!

— Послушайте, друг мой, — сказал Эрнскиф, — вас, видимо, терзает какое-то тайное горе. Простое сострадание не позволяет нам покинуть вас здесь.

— Простое сострадание! — воскликнул человечек, и его презрительный смех прозвучал почти как

визг. — Где вы подцепили это словечко, этот силоч для глухарей, эту ширму для самой простой западни, эту приманку, которую жалкие глупцы глотают только для того, чтобы обнаружить в ней жало острого крючка, в десять раз более острого, чем те, что вы закидываете для несчастных животных, которых вы убиваете просто для забавы.

— Поверьте, друг мой, — снова сказал Эрнскиф, — вы не в состоянии судить сами о своем положении. Вы погибнете в этих дебрях, и хотя бы силой, но мы для вашего же блага уведем вас отсюда.

— Ну, я к этому делу руки не приложу, — заявил Хобби. — Ради бога, пусть себе бедный дух идет своей дорогой.

— Если я здесь и погибну, кровь моя падет на мою голову, — произнес незнакомец. Заметив, что Эрнскиф намеревается подойти и взять его за руку, он добавил: — Но если вы притронетесь хотя бы к краю моей одежды и оскверните ее своим прикосновением, то пусть ваша кровь падет на вашу голову!

Луна светила теперь несколько ярче, и при этих словах незнакомца Эрнскиф заметил, что тот держит в руке какое-то оружие, не то длинный кинжал, не то пистолет, металл которого отсвечивал холодным блеском. Пытаться принуждать к чему-либо человека, вооруженного таким образом и к тому же полного отчаянной решимости, было бы чистейшим безумием, тем более что Эрнскиф не надеялся дожидаться помощи от своего товарища, который предоставил ему возможность улаживать дела с призраком собственными силами, а сам двинулся дальше и уже сделал несколько шагов по тропинке, ведущей к Хейфуту. Эрнскифу ничего не оставалось, как повернуться и последовать за Хобби, что он и сделал, оглянувшись раза два на предполагаемого сумасшедшего: тот, доведенный этой встречей до крайней степени ярости, метался среди огромных серых камней, давая выход раздражению в выкриках и проклятиях, от которых звенела вся обширная вересковая пустошь.

Некоторое время молодые охотники молча шли своею дорогой, покуда в ушах их не замерли отголоски

этих зловещих звуков, и, следовательно, они успели довольно далеко отойти от столпа, в честь которого это урочище получило свое название. Каждый думал о том, что они только что видели. Наконец Хобби Элиот воскликнул:

— Этот дух, если он в самом деле дух, при жизни натворил, надо думать, немало зла, да и сам натерпелся не меньше, а то бы он не стал так бесноваться после смерти.

— Он, по-видимому, сошел с ума от ненависти к людям, — проговорил Эрнскиф, поглощенный своими мыслями.

— Значит, вы не думаете, что он из мира духов? — спросил Хобби у своего спутника.

— Кто, я? Конечно, нет.

— Вот и я тоже не был уверен: может, они верно из живых существ; но только не хотел бы я увидеть кого-нибудь более похожего на призрак!

— Так или иначе, — сказал Эрнскиф, — я завтра утром приеду сюда верхом и посмотрю, что случилось с этим несчастным.

— При дневном свете? — спросил иомен. — Тогда, с благословения божьего, я поеду с вами. Но поглядите-ка: мы сейчас на две мили ближе к Хейфуту, чем к вашему дому. Не лучше ли будет, если вы заночуете у нас, а я пошлю мальчишку на пони, чтобы известить ваших, где вы, хотя, надо думать, никто вас в замке не ждет, кроме слуг и кошки.

— Пусть будет по-вашему, дружище Хобби, — откликнулся молодой охотник, — но мне бы не хотелось, чтобы из-за моего отсутствия беспокоились слуги и кошечка осталась без ужина, так что я буду вам премного обязан, если вы пошлете мальчика в замок.

— Вот это приятные слова! Значит, вы заночуете у нас в Хейфуте? То-то все наши обрадуются, увидев вас!

Приняв это решение, они бодро двинулись вперед, и вскоре, взойдя на вершину крутого холма, Хобби Элиот воскликнул:

— Вот, гляньте, Эрнскиф. Когда я дохожу до этого местечка, у меня всегда душа радуется. Видите

огонек вон там, внизу? Это — окно горницы, где наша бабка, умная старуха, сидит за своей прялкой. А видите огонек, что мелькает то в одном окошке, то в другом? Это моя двоюродная сестрица Грейс Армстронг; она вдвое умнее моих сестер — они сами так говорят, потому что душа-то у них добрая, добрее их в наших краях никого не сыскать. И бабка тоже говорит, что у нее золотые руки, да и в городе Грейс со всеми делами лучше других управляется: бабка-то сама теперь не выезжает. Ну, а братья мои — один уехал служить у лорда-камергера, другой на Моссфадрейге: это ферма, которую мы арендуем. За стадами он может присмотреть не хуже моего.

— Вы должны быть счастливы, дружище, что у вас столько полезной родни.

— А то нет! Грейс я очень даже благодарен и никогда от этого не отпираюсь. Но скажите мне, Эрнскиф, вы же учились во всяких колледжах в Эдинбурге, набрались знаний там, где им знают цену. Так вот, скажите... Правда, меня лично это не касается, но на зимней ярмарке я слышал, как прелат из церкви святого Иоанна и наш священник спорили, и оба говорили уж больно красиво. Прелат — он, значит, говорит, что жениться на двоюродной сестре греховно и противозаконно; но вот когда он ссылался на писание, так это у него получалось куда хуже, чем у нашего священника, а наш-то священник считается лучшим богословом и проповедником отсюда и до самого Эдинбурга. Так, наверно, прав-то все-таки он, как вы думаете?

— Конечно же, у нас, христиан-протестантов, брак считается свободным от всяких ограничений, кроме тех, которые установил господь бог по закону Левита. Таким образом, Хобби, у вас и мисс Армстронг нет и быть не может никаких препятствий — ни юридических, ни религиозных.

— Полно вам шутить, Эрнскиф, — ответил его спутник. — Небось сами-то вы сердитесь, ежели шутка заденет вас не с того боку. Да и спрашивал я вовсе не про Грейс. Вы же сами знаете, что она мне не кровная двоюродная сестра, а дочь жены моего дяди

от ее первого мужа, то есть никакая не родня, а только вроде как свояченица... Ну, вот мы и дошли до Шийлинг-хилла; пора пальнуть из ружья и дать знать, что я иду; я всегда так делаю, а когда возвращаюсь с добычей, то даю два выстрела: один — за себя, другой — за оленя.

Хобби выстрелил в воздух, и повсюду в окнах дома и даже перед домом замелькали огни; указав Эрнсклифу на огонек, как бы скользивший по двору к одной из построек, Хобби сказал:

— Это сама Грейс. Она не станет встречать меня у дверей, уж я-то ее знаю; зато она обязательно проверит, готова ли еда для моих бедных псов, чтоб они ненароком не остались голодными.

— «Любишь меня — люби мою собаку», — ответил Эрнсклиф. — Да, Хобби, вы настоящий счастливчик!

Это восклицание сопровождалось звуком, весьма похожим на вздох, что не ускользнуло от слуха Хобби.

— Полно вам! Может, кое-кто посчастливее меня. Разве я не видел, как на бегах в Карлайле мисс Изабелла Вир все глядела вслед одному человеку, когда он прошел мимо нее? Кто знает, что может случиться на этом свете.

Эрнсклиф что-то пробормотал в ответ, но трудно было разобрать, то ли он одобрил предположения Хобби, то ли осудил их, тем более что сам Эрнсклиф, видимо, предпочитал, чтобы истинный смысл его ответа пребывал во мраке неизвестности. Охотники ступили на широкую коровью тропу, которая, спускаясь наискось по крутому откосу, привела их к покрытому соломенной крышей, но в остальном вполне благоустроенному фермерскому дому, который служил жилищем Хобби Элиоту и его семье.

В дверях виднелось множество веселых лиц, и если бы не присутствие чужого человека, на Хобби тут же посыпался бы град насмешек по поводу его возвращения с пустыми руками. Три юные красотки растерянно замешкались на крыльце, причем каждая пыталась препоручить другой честь проводить гостя в дом, чтоб самой выиграть время и предстать перед

ним не в дезабилье, в котором можно встречать только родного брата, а в более пристойном виде.

Тем временем Хобби, добродушно обругав их всех вкупе и врозь (ибо Грейс в их числе не было), выхватил свечу из рук одной из этих сельских кокеток, игриво водившей ею взад и вперед, и провел своего гостя в гостиную, а точнее в зал, так как в прошлом весь дом был приспособлен для обороны и поэтому гостиная представляла собою комнату с каменным полом и сводчатым потолком; по сравнению с гостиными современных фермеров это помещение было довольно мрачным, но сейчас в очаге ярко горели торф и смолистые дрова, и после мрака и пронизывающего ветра верескового взгорья Эрнсклифу здесь все пришлось по душе. Почтенная старушка, глава всей семьи, радушно приветствовала гостя. Сидя в своем плетеном кресле у края огромного очага и присматривая за вечерними занятиями молодых хозяек и двух-трех ладно скроенных служанок, которые сучили в глубине зала кудель, старушка, одетая в строгое, плотно облегающее платье из домотканого сукна, с чепцом на голове, но зато украшенная большим золотым ожерельем и золотыми сережками, выглядела одновременно и фермершей и настоящей дамой, каковой она и была на самом деле.

Отдав поспешные распоряжения о необходимых добавлениях к вечерней трапезе и должным образом приветствовав гостя, почтенная бабка и сестры Хобби Элиота открыли огонь из всех орудий, высмеивая его неудачный поход на оленей.

— Зря Дженни поддерживала весь день огонь в кухонном очаге, — сказала одна из сестер.

— Конечно, зря, — подхватила другая. — Кабы раздуть потайной мох,¹ его бы вполне хватило, чтоб поджарить всю оленину, добытую сегодня Хобби.

— Хватило бы и свечки, только бы ветер ее не задул, — добавила третья. — Будь я на его месте, я бы подстрелила хоть ворону; в третий раз он

¹ Потайным мхом называется кусок торфа, в котором, не угасая, но и не пожирая топлива, теплится огонь. (Прим. автора.)

приходит домой без оленьего рога: даже потрубить не во что!

Хобби поворачивался от одной сестры к другой, поочередно разглядывая их с сердитой складкой между бровей; однако его нахмуренное чело явно противоречило добродушно улыбающемуся рту. Выслушав сестер, он попытался успокоить их, рассказав об обещанном ему подарке.

— В дни моей юности, — заговорила бабка, — охотник стыдился возвращаться с гор без косуль по обе стороны седла, подвешенных что твои телячьи тушки на коромысле разносчика.

— Хотелось бы, чтобы твои друзья-охотнички оставили косуль нам, бабушка, — возразил Хобби. — Порой мне кажется, что они перестреляли всех оленей в наших краях.

— Другие знают, где искать оленей, не то что ты, Хобби, — сказала его старшая сестра, бросая взгляд на молодого Эрнскилфа.

— Будет тебе, сестра! Сама знаешь: каждая собака знает свой день, и пусть меня Эрнскилф простит, если я не к месту привел старую поговорку. Может, в другой раз мне повезет, как ему, а ему, как мне. Но каково человеку целый день провести под открытым небом, потом бежать от испуга... Впрочем, не бежать, но, во всяком случае, столкнуться с нечистой силой, а в довершение всего — вернуться домой и переругиваться с кучей женщин, которым с утра до вечера больше и делать нечего, как крутить какую-то палку с ниткой да чинить прорехи.

— Бежать? От нечистой силы?! — в один голос воскликнули все женщины, ибо в горных долинах подобные вымыслы в те времена, как, пожалуй, и теперь, были предметом самого живого интереса.

— Я не сказал — бежать... Ну, а встретиться с нечистым нам довелось, хоть он там и был один; верно ведь, Эрнскилф? Вы же сами видели не хуже, чем я.

И Хобби по-своему, хотя и без особых преувеличений, поведал собравшимся о встрече на Маклстоунской пустоши с таинственным существом, о котором он в заключение сказал:

— Ежели это был не сам сатана, то, значит, один из тех пиктов, которые владели нашей страной еще в древние времена.

— Какой там пикт! — воскликнула его бабка. — Нет, нет, сынок, да убережет тебя бог от зла и лиха, это был никакой не пикт! Это был Черный Карлик с вересковых гор! Лихие дни сулит его приход. И надо же злым силам сеять беду в краю, где все давно уже живут тихо-мирно, в любви да согласии. Чтоб он сгинул! Никогда еще не приносил он добра здешним местам и жителям. Мой отец часто говорил мне, что его видели в год кровавой битвы при Марстон-муре, потом снова, когда Монтроз поднялся, и снова перед данбарским разгромом, а в мое уже время его видели незадолго до событий у Босуэл-бриджа, и говорят, что ясновидец лэрд Бенарбук имел с ним тайные сношения перед высадкой Аргайла, но об этом я точно не знаю: дело-то было далеко на западе. О, детки мои, он является лишь в лихую годину, помните об этом и уповайте только на того, кто всегда выручит и спасет в злополучный час.

Тут Эрнсклиф вступил в разговор, выразив твердое убеждение, что человек, с которым они встретились, просто жалкий безумец, отнюдь не уполномоченный потусторонним миром предрекать войну или насылать бедствия. Но его мнение встретило весьма холодный прием, и все единодушно осудили его намерение вернуться утром на Маклстоунскую пустошь.

— Сыночек мой пригожий, — сказала почтенная старушка (от доброты сердечной она называла своими детьми всех, о ком особенно пеклась), — уж тебе-то следовало бы остерегаться больше, чем кому другому. Твоя семья тяжело пострадала, когда пролилась кровь твоего отца, а там пошли всякие тяжбы и потери. А ведь ты украшение своего рода, тебе, коль будет на то воля божья, выпала доля восстановить былую славу отчего дома — как в наших краях, так и всюду — и оберегать покой тех, кто живет в нем. Тебе, как никому другому, следует избегать всяких сумасбродств; в твоём роду всегда было много

отчаянных смельчаков, но добра это никому не принесло.

— Но не думаете же вы, мой добрый друг, что мне и при дневном свете не следует появляться в чистом поле?

— Этого я не говорила, — ответила старушка. — Ни сына своего, ни друга я не стану удерживать от благого дела; коли надо поднять меч в свою защиту или в защиту друга — пусть идет: тот, в ком течет благородная кровь, иначе не поступит. Но из моей седой головы никак не выходит мысль, что искать беду, когда она тебя не кличет, значит идти противу всех законов земных и небесных.

Эрнскиф не стал продолжать спор, в котором у него не было никакой надежды что-нибудь доказать; кстати, тут принесли ужин, и разговор совсем прервался. В этот момент в зале появилась мисс Грейс, и Хобби, многозначительно взглянув на Эрнскифа, уселся рядом с нею. Веселая и оживленная беседа, которую старая хозяйка украсила добродушными шутками, звучащими как-то особенно приятно в устах людей преклонного возраста, вновь заставила расцвести на щеках трех юных дев пунцовые розы, согнанные рассказом их брата о встрече с призраком, и еще целый час после ужина они пели и плясали, как будто на свете нет и никогда не было никаких эльфов и злых духов.

Глава IV

Мне мерзок род людской, и я хотел бы,
Чтоб ты собакой был — тогда б я мог
Тебя хоть малость полюбить.

«Тимон Афинский»

На следующее утро Эрнскиф сразу же после завтрака распрощался со своими гостеприимными друзьями, пообещав вернуться и отведать оленины, которую уже доставили из его дома. Хобби тоже попрощался с ним для вида у порога, но неза-

метно последовал за ним и нагнал его на вершине холма.

— Я ведь знаю, куда вы направляетесь, мистер Патрик, и все равно вас не оставлю, что бы там ни говорила матушка. Только я решил уйти потихоньку, чтобы она не почувяла, что мы с вами замыслиаем; ее никак нельзя огорчать: еще отец, умирая, наказывал мне беречь ее.

— Вы правы, Хобби, — сказал Эрнскиф, — она вполне заслуживает всяческой заботы с вашей стороны.

— Случись что с вами, она о вас будет тужить не меньше, чем обо мне. Может, не стоит туда возвращаться? Не слишком ли много мы берем на себя? Ведь нас туда никто не звал.

— Если бы я думал так, как вы, Хобби, — заметил молодой дворянин, — я бы, наверное, бросил все это. Но коль скоро я придерживаюсь мнения, что нечистая сила либо совсем вывелась, либо встречается очень редко, сейчас, когда речь идет о жизни несчастного, полоумного существа, я не могу не выяснить всего до конца.

— Ну что ж, вам виднее, — неуверенно отвечал Хобби, — оно, конечно, верно и то, что эльфов — то бишь, наших добрых соседей (говорят, эльфами их называть нельзя), — которые, бывало, высыпали сотнями на каждом зеленом холме по вечерам, в наше время почти совсем не увидишь. Сам я, к примеру, не могу сказать, что встречал хотя бы одного. Только раз слышал, как кто-то засвистел позади меня во мху, точь-в-точь как каравайка. А ведь мой покойный батюшка рассказывал, что видывал их немало, когда, бывало, поздно вечером возвращался подвыпивши, как все добрые люди, домой с ярмарки.

Эрнскифа позабавила мысль о том, как из поколения в поколение постепенно увядают суеверия, о чем свидетельствовало последнее замечание его спутника. Они продолжали беседовать на ту же тему, пока не подошли к месту, откуда открывался вид на каменный столп, давший название всей пустоши.

— Не сойти мне с этого места, — воскликнул Хобби, — если наш человечек все еще не копошится там! Но сейчас светло, при вас ружье, а я захватил кинжал. Не страшно и подойти поближе.

— Что мы непременно и сделаем, — отозвался Эрнсклиф. — Но я никак не возьму в толк, чем он там занят.

— Должно быть, строит гать из Серых Гусей — вон из тех больших серых камней. Чудно, однако! Это уже совсем ни с чем не вяжется.

Когда они подошли поближе, Эрнсклиф не мог не согласиться со своим спутником. Человечек, которого они видели прошлой ночью, усердно трудился: нагромождая один на другой огромные камни, он понемногу складывал четырехугольник из стен. Строительного материала вокруг было сколько угодно, но камни казались такими большими, что даже сдвинуть их с места было невероятно трудно. Приходилось поражаться, как ему удалось поставить на место те из них, которые уже образовали фундамент нового строения. Когда молодые люди подошли, он возился с громадным валуном и был настолько увлечен работой, что заметил их, только когда они оказались совсем рядом. Пытаясь водрузить камень на место, он ворочал его с энергией, которая явно не вязалась с его ростом и со всем его обликом калеки. Судя по преодоленным уже трудностям, он обладал мощью Геркулеса: чтобы поднять некоторые из камней, потребовались бы усилия по крайней мере двух здоровых мужчин. При виде такой нечеловеческой силы в душе у Хобби вновь зашевелились суеверия.

— Не иначе, как это дух какого-нибудь покойного каменщика. Ишь какую крепь уложил! А если он не покойник, интересно, сколько он возьмет с погонного фута, коли заказать ему гать на болоте. Между Крингльхоупом и Шоузом давно уж пора построить хорошую гать! Эй, добрый человек, — крикнул он, повысив голос, — славно ты здесь потрудишься!

Человечек поднял на них свой тяжелый взгляд и, разогнувшись, предстал перед ними во всем своем природном безобразии. У него была необычайно боль-

шая голова с шапкой спутанных волос, местами тронутых сединой; его мохнатые густые брови нависали над маленькими черными, пронизывающими, глубоко запавшими глазами; по временам он, как безумец, зловеще вращал ими. В остальном, его облик отличался грубыми, топорными чертами, которыми художник наделил бы какого-нибудь сказочного великана. К этому следует добавить характерное диковато-подозрительное выражение, которое часто можно заметить на лице уроды. Его туловище, квадратное и плотное туловище человека среднего роста, покоилось сразу на двух огромных ступнях; должно быть, природа забыла о голених и бедрах, или же они были настолько короткими, что их целиком закрывала одежда. У него были длинные мускулистые руки с мощными кистями; в пылу работы он засучил рукава, и было видно, что руки у него поросли густыми черными волосами. Можно было подумать, что природа вначале предназначала различные части этого тела для какого-нибудь гиганта, а потом из внезапного каприза наделила ими карлика — настолько длина его рук и железная сила корпуса не соответствовали маленькому росту. Одеждой ему служил грубый коричневый балахон, напоминавший подрясник монаха и перехваченный пояском из тюленьей кожи. На его голове красовалась шапка из барсучьего или какого-то другого мохнатого меха. Нависая над лицом, на котором застыло угрюмое и злобное выражение человеконенавистника, она еще больше усиливала карикатурность его облика.

Этот необыкновенный карлик молча взирал на юношей, пока Эрнсклиф не сделал попытку привести его в доброе расположение духа, сказав:

— Трудно тебе приходится, друг мой. Позволь нам помочь тебе.

И тут же с помощью Элиота принялся водружать на строящуюся стену камень. Карлик наблюдал за ними подобно надсмотрщику и нетерпеливыми жестами проявлял свое раздражение, когда они слишком долго прилаживали камень на место. Он указал на другой камень — они подняли его, на третий, на четвертый — они продолжали ему угождать, хотя это

было нелегко, потому что он, будто нарочно, заставлял их браться за самые тяжелые из разбросанных повсюду валунов.

— Ну нет, дружище, — сказал Элиот, когда карлик бесцеремонно указал еще на один камень, превосходивший по размерам все предыдущие, — Эрнскиф как хочет, а меня уволь. Мне все одно, человек ты или нечистая сила, только ворочать камни я к тебе не нанимался; опять же и благодарности от тебя за труды никакой не увидишь.

— Благодарность! — воскликнул карлик, весь передернувшись от охватившего его презрения. — На, получи свою благодарность, подавись ею, и пусть она принесет тебе столько же удачи, сколько принесла мне, сколько удачи может принести любому земному червю благодарность пресмыкающегося рядом с ним ничтожеством. А теперь — либо работайте, либо уберите!

— Вот она, награда, Эрнскиф, за то, что мы могли дьяволу строить себе капище; поди знай, может мы и душу свою заодно погубили.

— Видимо, наше присутствие, — отвечал Эрнскиф, — только приводит его в исступление. Лучше уйдем, а потом пошлем ему провизии и кое-какую утварь.

Так они и сделали. Посланный ими слуга видел, что карлик все еще трудится над кладкой, но не смог добиться от него ни слова. Суеверный юнец не стал докучать этому необыкновенному существу ни вопросами, ни советами, а просто положил все, что принес, на лежащий в сторонке камень и оставил мизантропа в покое.

Карлик день за днем продолжал трудиться с таким невероятным рвением, что результаты казались прямо сверхъестественными. За один день он часто ухитрялся выполнить работу двух человек, и вскоре у избушки уже появились стены; сложенные без извести, из одних лишь камней и дерна, они были необычайно прочными для такой небольшой и примитивной постройки. Как только Эрнскиф, все время следивший за его работой, увидел, что стены домика

почти готовы, он послал несколько деревянных балок для стропил; он велел оставить их неподалеку от постройки и собирался на следующий день послать работников, чтобы те поставили их. Но карлик предвосхитил его намерения: проработав с вечера до зари и проявив при этом немалую смекалку, он к утру сам закончил стропила. Дальше оставалось только нарезать тростника и покрыть крышу, с чем он быстро и ловко справился.

Поскольку ему явно не хотелось принимать чью-либо помощь, кроме случайных услуг прохожего люда, его снабжали необходимыми материалами и инструментами, которыми он орудовал с большим искусством. Он сам смастерил дверь и окно в своей хижине, сколотил лежанку вместо кровати, приладил несколько полок; по мере того как благоустраивалось его жилье, он, казалось, приходил все в более мирное расположение духа.

Он построил крепкую ограду и принялся тщательно обрабатывать участок внутри нее; нанес еще земли, взрыхлил ту, которая была на месте, и разбил несколько грядок. Нет ничего удивительного, что отшельника посещали как редкие путники, которым случалось проходить по пустоши, так и те, кто нарочно приходил поглазеть на его работу. И действительно, невозможно было наблюдать, как человек, на вид столь неприспособленный к физической работе, трудится с беспримерным усердием, и не остановиться хоть на пять минут, чтобы помочь ему; поскольку ни один из его случайных помощников не представлял себе, много ли карлику помогали другие, все удивлялись, с какой быстротой он работал. Вид крепкого, ладного домика, построенного этим странным существом в такой короткий срок и со столь замечательным мастерством, возбуждал суеверные подозрения у соседей. Правда, они отказались от мнения, что карлик — призрак, поскольку было совершенно ясно, что, подобно им самим, он является существом из плоти и крови; но зато они продолжали утверждать, что, уж во всяком случае, он общается с потусторонним миром и выбрал это уединенное место, чтобы ему никто

не мешал. Они утверждали также, правда — не в том смысле, в каком об этом говорят философы, что пустынный никогда не был менее одинок, чем в те минуты, когда оставался наедине с самим собой, и добавляли, что с гор, окаймлявших пустошь, путники часто видят человека, работающего рядом с ним и исчезающего всякий раз, когда кто-нибудь подходит к хижине. Видели также, как это существо сидит иногда с карликом у входа, гуляет с ним по болоту или помогает ему носить воду из источника. Эрнсклиф попытался объяснить это явление предположением, что за человека принимали тень карлика.

— Какая к черту у него тень, — заявил Хобби Элиот, который горячо отстаивал сложившееся мнение, — он так снюхался с дьяволом, что у него давно никакой тени нет. А потом, — рассудил он более разумно, — слуханное ли дело, чтобы тень падала в сторону солнца? А эта тень — или что бы это там ни было, — тоньше и выше карлика и не раз ложилась между солнцем и Элши.

В любой другой части Шотландии все эти подозрения могли бы привести к расследованию, нежелательному для мнимого колдуна, но здесь они только вызвали чувство почтительного страха. Отшельнику, по-видимому, нравились те признаки робкого почитания, с которыми какой-нибудь случайный прохожий приближался к его хижине, испуганный и изумленный вид, с которым тот взирал на его фигуру и жилище, и поспешность, с которой все проходили мимо этого ужасного места. Лишь самые смелые останавливались, чтобы удовлетворить свое любопытство, бросив взгляд украдкой на стены домика и сад, и, как бы извиняясь, вежливо здоровались с их обитателем, который иногда снисходил до того, что бросал короткое приветствие или кивал в ответ. Эрнсклиф часто проходил этой дорогой и почти всякий раз осведомлялся о здоровье пустытника, который, по всей видимости, решил обосноваться здесь навсегда.

Заставить его говорить о себе было почти невозможно; он вообще не желал разговаривать ни о чем, хотя казалось, что его мизантропия несколько смяг-

чилась — вернее, его значительно реже стали посещать припадки безумия, признаком которого она являлась.

Из приношений он брал только самое необходимое, и никакие доводы не могли убедить его взять что-либо еще из того, что Эрнскилф предлагал ему из благотворительности, а более суеверные соседи — по иным мотивам. Последним он платил за услуги советами, которые давал, когда мало-помалу люди стали к нему обращаться по поводу своих болезней или болезней скота. Он также часто снабжал их лекарствами, и в его распоряжении были не только растущие в тех местах травы, но и привозные медикаменты. Он дал понять своим пациентам, что его имя — отшельник Элшендер, но в народе его вскоре прозвали Мудрым Элши и Мудрецом с Маклстоунской пустоши. Кое-кто искал у него совета в других делах, кроме телесных недугов, и в этих случаях всех поражала его пронизательность и чуть ли не пророческая верность его суждений, что в большой мере укрепило всеобщее убеждение в том, что он знает с нечистой силой. Приходившие к нему люди, как правило, оставляли свои приношения на камне, находившемся на некотором расстоянии от хижины; если это были деньги или какие-нибудь ненужные ему вещи, он либо выбрасывал их, либо так и оставлял на камне, не притрагиваясь к ним. Со всеми он держался одинаково грубо и необщительно, говорил мало и как можно более кратко, избегая всяких разговоров, не связанных с делом. Когда прошла зима и на его грядках появились овощи и коренья, он ограничил свой стол почти исключительно этими видами пищи. И все же он принял от Эрнскилфа пару коз, которые паслись на пустоши и снабжали его молоком.

Когда Эрнскилф увидел, что его подарок принят, он навестил отшельника. Старик сидел на широком плоском валуне возле садовой калитки — это было местом приема посетителей и пациентов. Внутренность домика и сад он свято оберегал от вторжения незнакомцев, подобно тому как туземцы Таити оберегают свои молитвенные хижины; по-видимому, он считал, что любой человек осквернит их своим присутствием.

Когда он закрывался в своем жилище, никакие мольбы не могли заставить его выйти или поговорить с кем бы то ни было.

Перед приходом к отшельнику Эрнсклиф удил рыбу в маленькой речушке неподалеку. В руке он держал удочку, а надетая через плечо корзина была наполнена форелью. Он уселся на камень почти напротив карлика, но тот, увидев уже знакомое ему лицо, не обращал на него никакого внимания, лишь время от времени поднимал свою огромную уродливую голову и окидывал его взглядом, а затем снова опускал голову на грудь, как бы в глубоком раздумье. Эрнсклиф огляделся вокруг и заметил, что отшельник расширил свои владения, построив загон для подаренных ему коз.

— Вы трудитесь не покладая рук, Элши, — заметил он, желая завязать разговор с этим необыкновенным существом.

— Труд, — отозвался карлик, — это наименьшее из зол, являющихся уделом жалкого рода человеческого; лучше трудиться, как я, нежели веселиться, как ты.

— Ничего не могу сказать в защиту наших обычных сельских развлечений — они не слишком-то гуманны, Элши, но все же...

— Но все же, — прервал его карлик, — они лучше, чем твои обычные занятия. Уж лучше проявлять свою бессмысленную и праздную жестокость по отношению к бессловесным рыбам, чем к ближнему своему. А впрочем, почему? Почему бы людям не набрасываться друг на друга и не пожирать один другого, пока все людское стадо не исчезнет с лица земли и не останется один лишь громадный и разжиревший Левиафан, а он, придушив всех и пожрав их вместе с костями, останется без пищи и будет реветь целыми днями, пока сам не подохнет от голода! Вот конец, воистину достойный человечества.

— Дела ваши, Элши, лучше, чем слова, — отвечал Эрнсклиф. — Вы сохраняете жизнь людям, которых обычно хулите из ненависти к роду человеческому.

— Это верно, но почему я так делаю? Слушай же. Ты меньше других внушаешь мне отвращение, и я,

пожалуй, изменю своим привычкам и скажу несколько слов из сострадания к твоей слепоте. Если я не могу насылать болезни на людские семьи и мор на их стада, я могу продлить жизнь тех, кто будет служить той же цели, уничтожая своих ближних. Умри Алиса из Бауэра зимой, юный Рутвин не погиб бы прошлой весной от любви к ней. Когда пронеслась весть, что рыжий разбойник Уэстбернфлет на смертном одре, никто и не думал гнать скот под охрану крепостных стен. Мои снадобья, мое искусство вернули его к жизни. А сейчас разве кто-нибудь осмелится оставить стадо на пастбище без присмотра или ляжет спать, не спустив собаку?

— Не спорю, — молвил в ответ Эрнскифф, — излечив разбойника, вы не оказали большого благодеяния людям. Но, в противовес этому, возьмем моего друга Хобби, честного Хобби из Хейфута. Прошлой зимой ваше искусство излечило его от лихорадки, которая едва не стоила ему жизни.

— Так думают в своем невежестве простые смертные, — сказал карлик со злорадной усмешкой, — и они говорят так по глупости. Тебе случалось когда-нибудь видеть котенка прирученной людьми дикой кошки? Какой он игривый, какой ласковый... Но попробуй пустить его вместе с куропатками, ягнятами или утками — моментально проснется его врожденная кровожадность, жажда хватать, рвать на части, грызть и пожирать.

— Таков инстинкт любого зверя, — возразил Эрнскифф. — Но какое это имеет отношение к Хобби?

— Это как бы образ его характера. Это копия с него, — пояснил отшельник. В настоящий момент он похож на ручное, безвредное домашнее животное, потому что ему не представляется случая проявить свои врожденные наклонности. Но вот прозвучит боевая труба, молодой гончий пес почует запах крови — и он станет не менее свирепым, чем самые дикие из его предков на границе, которые когда-то сжигали дома беззащитных поселян. Ты не сможешь отрицать, что даже сейчас он часто подбивает тебя на кровавую месть за зло, причиненное тебе в детстве.

Эрнскиф вздрогнул, но отшельник, казалось, не заметил этого и продолжал:

— Боевая труба зазвучит, молодой пес будет лаять горячую кровь; тогда я посмеюсь и скажу: «Для этого я и спас тебя!»

После короткого молчания он продолжал:

— Вот для чего я лечу людей; моя цель — увеличить число страданий на земле и даже в этой пустыне сыграть свою роль в жизненной трагедии. Лежи ты на смертном одре — я из сострадания, быть может, пошлю тебе чашу с ядом.

— Премного обязан, Элши! Я не премину обратиться к вам в надежде обрести утешение с вашей помощью.

— Не обольщай себя надеждой, — отвечал отшельник, — что я наверняка уступлю мимолетному чувству жалости. Зачем мне избавлять глупца, способного столь хорошо переносить все тяготы жизни, от горя, на которое его обрекают собственные стремления и людская подлость? Зачем мне играть роль великодушного индейца и вышибать томагавком мозги несчастного пленника, лишив тем самым трехдневного развлечения своих соплеменников в тот самый миг, когда костры уже горят, щипцы накалились, котлы кипят, ножи наточены и все готово для того, чтобы терзать, жечь, поджаривать и резать несчастную жертву?

— Вы нарисовали страшную картину жизни, Элши, но она меня не пугает, — возразил Эрнскиф. — В одном смысле наш земной удел — терпеть и страдать, но в другом — действовать и наслаждаться. После дня трудов наступает вечер покоя; даже терпеливое смирение находит награду в сознании выполненного долга.

— Я с презрением отвергаю эту рабскую, скотскую философию! — воскликнул карлик, и его глаза загорелись безумным огнем. — Я отвергаю ее, потому что она пригодна разве только для животных, удел которых — погибнуть. Но хватит; я не стану больше попусту тратить с тобой речей.

Он поспешно поднялся, но, прежде чем войти в хижину, добавил с большой убежденностью:

— Чтобы ты не думал больше, что мои так называемые благодеяния проистекают из глупого и холопского чувства, называемого любовью к ближнему, знай, что найдись на свете человек, который разбил бы в моем сердце самую дорогую надежду, вырвал у меня сердце и расплавил мой мозг, превратив его в вулкан, то и тогда, будь его жизнь и благосостояние в моих руках, я бы не стал уничтожать его, подобно этому хрупкому черепку (он схватил стоявшую перед ним глиняную кружку) — вот так! (Он с яростью швырнул кружку о стену.) Нет! (Он говорил теперь более спокойно, но с огромной горечью.) Я бы избавлял его богатством и властью, чтобы возбудить в нем самые низменные страсти и помочь осуществить его подлые замыслы; он смог бы без всякой помехи предаваться пороку и совершать злодеяния; он находился бы в центре водоворота, который беспрестанно кипел и бурлил, суля гибель всякому приблизившемуся к нему кораблю; подобно землетрясению, он сотрясал бы самую почву, на которой стоит, и превращал бы всех живущих окрест в жалких, никому не нужных отщепенцев вроде меня!

С этими словами несчастный стремглав бросился в хижину, яростно захлопнул за собой дверь, и тут же один за другим задвинул два засова, как будто опасался, как бы к нему не вторгся кто-нибудь из ненавистой ему породы людей, доводивших его до безумия. Эрнсклиф покинул пустошь со смешанным чувством ужаса и жалости, размышляя о том, какие странные и трагические обстоятельства могли привести в столь тяжелое душевное состояние человека, чья речь выдавала в нем происхождение и образование, не свойственные простолюдину. Его удивляло также, какое множество достоверных сведений, касающихся личной жизни и наклонностей своих соседей, знал этот человек, так недолго проживший в здешних местах и ведущий столь замкнутый образ жизни.

«При его поразительной осведомленности, — рассуждал Эрнсклиф сам с собой, — при его образе жизни,

нескладной внешности и столь ярко выраженных человеконенавистнических взглядах нисколько не удивительно, что в народе считают, будто он знается с дьяволом».

Глава V

Весна не минет и скалы холодной,
Что стынет средь бесплодных горных круч.
Лишайник оживет и мох воскреснет
В росе апрельской и в сиянье мая, —
Так сердце хладное растает вновь
От женских слез иль девичьей улыбки.

Бомонт

С приближением лета погода становилась все теплее, и отшельник все чаще выходил посидеть на широком плоском камне перед своим домом. И вот однажды около полудня по пустоши, на довольно большом расстоянии от его хижины, пронеслась кавалькада джентльменов и леди на конях с богатой сбруей и в сопровождении многочисленной свиты слуг. Тут были и собаки, и соколы и запасные лошади. Воздух то и дело оглашался возгласами охотников и звуками охотничьих рогов. При виде столь веселого сборища отшельник хотел было скрыться в своем жилище, как вдруг к хижине подскакали три молодые леди со своими слугами. Всадницы отделились от остальных и сделали круг, чтобы удовлетворить свое любопытство и посмотреть на Мудреца с Маклстоунской пустоши. При виде столь необычного и безобразного существа одна из молодых женщин вскрикнула и закрыла лицо руками. Вторая истерически хихикнула, пытаясь этим скрыть охвативший ее ужас, и обратилась к отшельнику с просьбой предсказать ей будущее. Как бы извиняясь за несдержанность своих подруг, вперед выступила третья. Она, бесспорно, превосходила всех и красотой, и одеждой, и убранством своего коня.

— Мы сбились с тропы на болоте, а наши спутники далеко опередили нас, — сказала она. — Когда

мы заметили вас на пороге этой хижины, отец, мы повернули сюда, чтобы...

— Молчи! — прервал ее карлик. — Так молода — и уже так лжива! И ты сама знаешь, что явилась сюда насладиться сознанием своей молодости, богатства и красоты: оно доставляет особое удовольствие при виде старости, нищеты и уродства. Но чего можно ожидать от дочери твоего отца? О, как ты непохожа на свою мать!

— Так вы знаете моих родителей! А меня вы знаете?

— Знаю. Правда, наяву я вижу тебя впервые. Но я видел тебя во сне.

— Во сне?

— Да, во сне, Изабелла Вир. Когда я бодрствую, мои мысли меньше всего заняты тобой или твоими родными.

— Когда вы бодрствуете, сэр, — сказала одна из подруг мисс Вир как бы в насмешку серьезным тоном, — ваши мысли, несомненно, шествуют тропой мудрости. Глупость имеет возможность посещать вас только во сне.

— Зато тобой, — возразил карлик с раздражением, которого трудно было ожидать от философски настроенного отшельника, — глупость владеет безраздельно и во сне и наяву.

— Господи помилуй, — сказала та, — да он сущий прорицатель!

— Это так же верно, — продолжал отшельник, — как то, что ты женщина. Женщина! Вернее сказать — дама, знатная дама. Ты попросила предсказать твое будущее. Все просто в твоей судьбе: твоя жизнь — это непрерывная погоня за удовлетворением нелепых прихотей, сменяющих одна другую и тут же забываемых, погоня, которая началась с первыми твоими младенческими шагами и кончится, лишь когда ты составишь и будешь ковылять на костылях. Любовь и прочие глупости юных лет пришли теперь на смену игрушкам и детским забавам, а в старости появятся карты и кости. Весной бабочки порхают по цветам, летом появляются колючки чертополоха, а осенью

и зимой остаются увядшие листья — все достигнуто, все надоело, все позади. Отойди, теперь ты знаешь свою судьбу.

— Но ведь все достигнуто, — возразила, смеясь, молодая женщина, которая приходилась мисс Вир кузиной, — это уже кое-что, а, Нэнси?

И она повернулась к девушке, которая первой подошла к карлику:

— А ты не хочешь спросить о своем будущем?

— Ни за что на свете, — отвечала та, робко попятившись, — для меня достаточно того, что я услышала о тебе.

— Ну что ж, — сказала мисс Айлдертон, протягивая карлику деньги, — тогда я заплачу за свое гадание. Принцесса в долгу перед своим оракулом.

— Правда не продается и не покупается, — промолвил предсказатель, с презрительным и мрачным видом отталкивая награду.

— Ну что ж, мистер Элшендер, — сказала молодая женщина, — тогда я оставлю эти деньги себе. Они мне пригодятся в погоне за удовлетворением моих прихотей.

— Еще как пригодятся, — отвечал циник, — без денег мало кому удастся удовлетворять свои прихоти; хуже того: без денег легко пасть жертвой чужих прихотей. Постой!

Последний возглас относился к мисс Вир, которая повернулась, чтобы последовать за своими отъехавшими спутницами.

— Мне нужно тебе еще кое-что сказать. У тебя есть то, что любой из твоих подруг хотелось бы иметь — если не на самом деле, то хотя бы в глазах окружающих: красота, богатство, талант, положение в обществе.

— Простите меня, отец, но мои подруги ждут меня. А что до ваших лестных слов и предсказаний, то они меня ничуть не трогают.

— Постой, — продолжал карлик, схватив лошадь за повод. — Я не ярмарочная гадалка и тем более не льстец. Всем благам, данным тебе судьбою, всем без исключения, противостоит в равных долях зло: нераз-

деленная любовь, отвергнутая дружба, заточение в монастыре или ненавистное супружество. Даже я, ненавидя все человечество, не могу пожелать тебе большего зла, чем то, которое предопределено тебе в жизни.

— Если это так, отец, то теперь, пока я еще благоденствую, дайте мне возможность совершить поступок, который явится самым лучшим утешением во всех моих бедах. Вы стары и бедны. Случись с вами какое-нибудь несчастье, ваше жилище так далеко от людей, что никто не придет вам на помощь. Многое в вашем образе жизни вызывает подозрения у просто-народья. Эти подозрения могут легко перейти в насилие. Дайте мне возможность думать, что я облегчила судьбу хотя бы одного человека на земле. Примите от меня посильную помощь. Сделайте это ради меня, если не ради себя самого. Тогда, если меня и постигнут предсказанные вами, может быть так верно, беды, я смогу думать, что более счастливые годы моей жизни не были прожиты совсем зря.

Старик заговорил прерывающимся от волнения голосом, почти не обращаясь к молодой леди.

— Да, таким образом ты и должна мыслить и говорить, если человек когда-либо вообще говорит то, что думает. Но этого никогда не бывает — нет, нет. Увы! Слова и мысли не могут быть едиными. И все же подожди минутку, не уходи, пока я не вернусь.

Он прошел в свой маленький садик и вернулся с полураспустившейся розой в руках.

— Впервые за все эти годы ты заставила меня уронить слезу. В знак моей благодарности за это доброе дело возьми эту самую простую розу. Сохрани ее и никогда не расставайся с ней. Приди ко мне, когда будешь в беде. Покажи эту розу или хотя бы лепесток от нее — пусть даже он будет таким же иссохшим, как мое сердце. И тогда, как бы я ни гневался на мерзкий и ненавистный мне мир, цветок пробудит лучшие чувства в моей груди и новые надежды в тебе. Но не вздумай присылать ко мне кого-нибудь! — воскликнул он, впадая в свою обычную мизантропию, — Никаких посредников! Приходи сама — тогда

то сердце и та дверь, которые закрыты для всякого другого, откроются перед тобой и перед твоим горем. А теперь — удались!

Он отпустил повод, и девушка поехала прочь, выразив свою благодарность этому странному существу в той мере, в какой позволило ей это сделать удивление перед необычностью его речей. Она то и дело оглядывалась на карлика, который стоял возле своего жилища, пока всадница, пересекая пустошь по направлению к отцовскому замку Эллисло, не скрылась за холмом.

Между тем подружки перебрасывались шутками с мисс Вир по поводу необычайной встречи со знаменитым мудрецом.

— Нашей Изабелле счастье сопутствует и дома и на охоте! Ее сокол на лету бьет тетерева, а ее глаза насмерть ранят кавалеров. Что же остается ее родственницам и бедным подругам? Ничего! Даже кудесник не смог избежать ее чар! Сжался над нами, дорогогая Изабелла! Умерь силу своего обаяния. Или по крайней мере открой торговлю и продай нам те чары, которые не нужны тебе самой!

— Можешь взять их все по самой сходной цене,— отвечала мисс Вир, — и кудесника в придачу.

— Нет, пусть кудесник достанется Нэнси, — сказала мисс Айлдертон, — он восполнит то, чего ей недостает: она ведь у нас совсем непохожа на колдунью.

— Боже мой, сестрица, — отозвалась юная мисс Айлдертон, — на что мне это чудовище! Я глянула на него один раз и тут же закрыла глаза. И хоть я крепко зажмурилась, он так и стоит передо мною, как живой.

— Значит, ты плохо зажмурилась, Нэнси, — сказала ее сестра. — А жаль: надо уметь закрывать глаза на недостатки людей. Это особенно важно при выборе поклонника. Придется мне, видно, взять мудреца себе. Я посажу его в японский ларец своей матушки и буду всем показывать. Пусть видят, что Шотландия может произвести на свет уроды в человеческом облике в десять тысяч раз более безобразного, чем фар-

форовые чудовища, которые увековечивают богатое воображение пекинских и кантонских мастеров.

— Судьба этого бедняка, — сказала мисс Вир, — наводит на столь грустные мысли, что я не могу, как обычно, разделить твое веселье, Люси. Как ему жить в этом безлюдном краю, вдали от всякого жилья, если у него нет средств к существованию. А если ему кто-то и помогает, то одно лишь подозрение, что у него есть деньги, может подвергнуть его опасности быть ограбленным и убитым кем-нибудь из наших разбойных соседей.

— Но ты забываешь, что его считают колдуном, — сказала Нэнси Айлдертон.

— Даже если потусторонние силы ему изменят, — вставила ее сестра, — ему достаточно воспользоваться своим природным уродством. Ведь стоит ему на виду у своих врагов высунуть в окно или дверь свою огромную башку и повернуть к ним свое сверхъестественно безобразное лицо, и ни один, даже самый смелый грабитель не решится подойти к нему. Ах, как мне бы хотелось заполучить эту голову Горгоны хотя бы на полчаса!

— Зачем, Люси? — спросила мисс Вир.

— О, я бы напугала и выгнала из замка этого мрачного, чопорного и спесивого сэра Фредерика Лэнгли, которого обожает твой папаша и которого ты сама терпеть не можешь. Уверяю вас, я всю жизнь буду благодарна нашему колдуну только за то, что он избавил нас на полчаса от общества этого человека: не задумай мы посетить Элши, мы и не подумали бы отколоться от остальных.

— А как бы ты отнеслась к тому, — сказала мисс Вир вполголоса, чтобы ее не услышала младшая сестра, ехавшая впереди по узкой тропинке, — как бы ты отнеслась к тому, милая Люси, если бы тебе, допустим, предложили терпеть его общество всю жизнь?

— Как бы я к этому отнеслась? Я бы трижды ответила: нет, нет и еще раз нет, и каждый раз все громче и громче, пока меня не услышали бы даже в Карлайле.

— А сэр Фредерик все равно скажет, что девятнадцать «нет» равны половине «да».

— Ну, это зависит исключительно от того, как эти «нет» были сказаны, — отвечала мисс Люси. — Будь уверена, я бы отказала ему так, что не осталось бы ни тени надежды.

— А если бы твой отец, — продолжала мисс Вир, — сказал тебе: «Выходи за него или...»?

— Я бы приняла любые формы этого «или», даже будь мой отец еще более жесток, чем все злые отцы из старинных романов.

— Даже если он стал бы тебя страшить теткой-аббатисой и монастырем?

— А я бы ему пригрозила зятем-протестантом и еще радовалась бы, что веление совести дает мне возможность пойти наперекор его воле. А сейчас, пока Нэнси нас не слышит, вот что я хочу тебе сказать. Ты будешь права перед богом и людьми, если воспротивишься всеми доступными тебе средствами этому нелепому браку. Он самодовольный, честолюбивый и скрытный человек и к тому же заговорщик. Всем известны его жадность и жестокость. Он плохой сын и плохой брат. Он черств и бездушен даже по отношению к своим родным. Изабелла, я бы скорее умерла, чем вышла за него.

— Смотри, чтобы мой отец как-нибудь не услышал, какие ты мне даешь советы, — сказала мисс Вир, — иначе, дорогая Люси, не бывать тебе больше в замке Эллисло.

— Я была бы только рада никогда больше не переступать его порог, — отвечала ее подруга, — если б только и ты навсегда его покинула и нашла себе лучшего защитника, чем тот, кто назначен тебе природой. О, если б мой бедный отец был, как прежде, здоров! С какой готовностью он принял и укрыл бы тебя на то время, пока ты не избавишься от этих нелепых домогательств.

— Я молю бога о том же, дорогая Люси, — отвечала Изабелла, — но боюсь, что теперь, когда здоровье твоего отца так пошатнулось, он не сможет дать отпор всем тем попыткам, которые немедленно

будут предприняты, чтобы вернуть несчастную беглянку.

— Боюсь, что так, — отвечала мисс Айлдертон, — но все-таки мы обсудим все это и что-нибудь придумаем. По всей видимости, твой отец и его гости целиком поглощены каким-то таинственным заговором. Недаром в замок приносят какие-то письма, приезжают и таинственно исчезают какие-то незнакомцы. Недаром там собирают и чистят оружие, и повсюду царит суета, а все мужчины ходят мрачными и озабоченными. Так вот, если положение станет опасным, мы всегда сможем устроить наш собственный маленький заговор. Пусть джентльмены не думают, что заговоры — это только их дело. У нас есть сообщник, которому я спокойно доверюсь.

— Не Нэнси ли это?

— Что ты? Нэнси — порядочная девушка и очень к тебе привязана, но заговорщица из нее никудышная — вроде Рено или других мелких заговорщиков из «Спасенной Венеции». Нет, нет, у нас есть свой Джафир или Пьер — если этот персонаж тебе больше по душе... Я вот знаю, что упоминание о нем будет тебе приятно, но как-то не решаюсь назвать его, так как боюсь тебя раздосадовать. А сама ты не догадываешься, кто это? В его имени сочетаются два слова: «орел» и «скала», — но не английское слово «орел», а нечто похожее на его шотландский вариант.

— Уж не на молодого ли Эрнскифа ты намекаешь? — зардевшись, воскликнула мисс Вир.

— На кого же еще мне намекать? — отвечала Люси. — Не секрет, что Джафиров и Пьеров у нас раз-два и обчелся, а всяких Рено и Бедамаров хоть отбавляй.

— Что за нелепости ты говоришь, Люси! Пьесы да романы совсем вскружили тебе голову. Ты же знаешь, что я никогда не выйду замуж без согласия отца, и отец никогда не согласится на мой брак с человеком, о котором ты говоришь. А потом, кроме твоих сумасбродных предположений и догадок, мы ничего толком не знаем о намерениях Эрнскифа, и вдобавок ко всему эта роковая ссора...

— В которой был убит его отец, — подхватила Люси. — Но ведь это было так давно! И к тому же, я надеюсь, миновало время кровавых междоусобиц, когда вражда между двумя семьями переходила от отца к сыну, подобно испанской игре в шахматы, и каждое новое поколение совершало одно-два убийства только для того, чтобы не дать вражде угаснуть. Нынче мы относимся к ссорам точно так же, как к платьям: примеряем их и изнашиваем до того, что от них ничего не остается. Так что думать о распрях наших отцов столь же глупо, как надевать доставшиеся нам от них в наследство штаны или камзолы.

— Ты рассуждаешь слишком легкомысленно, Люси, — отвечала мисс Вир.

— Нисколько. Рассуди сама. Ведь никто никогда не считал, что именно твой отец нанес этот смертельный удар, хотя он и участвовал в схватке. Кроме того, в прежние времена после взаимной резни кланы порой совсем были не прочь породниться. Так что рука какой-нибудь дочери или сестры часто становилась залогом их примирения. Ты вот смеешься над моим пристрастием к романтическим историям, а я все равно считаю, что ты больше чем кто-нибудь другой заслуживаешь, чтобы тебя и твои переживания описали в каком-нибудь романе. И я уверена, что проникательный читатель сразу бы понял, что любовь между тобой и Эрнсклифом предопределена именно вследствие того препятствия, которое ты считаешь непреодолимым.

— Но времена романтических любовных историй прошли. Ныне царит печальная действительность, ибо вот перед нами замок Эллисло.

— И вот перед нами сэр Фредерик Лэнгли, который ждет у ворот замка, чтобы помочь дамам сойти с лошадей. Для меня он омерзительнее всякой жабы. Назло ему я отдам лошадь старому конюху Хорсинг-тону.

Говоря это, молодая женщина пустила лошадь вперед галопом и, с легким кивком проехав мимо сэра Фредерика Лэнгли, готовившегося было взять ее коня под уздцы, прыгнула прямо в объятия старого конюха. Изабелла охотно сделала бы то же самое,

но не посмела: рядом стоял ее отец, и его обычно суровое лицо помрачнело от неудовольствия, так что ей волей-неволей пришлось принять ухаживания ненавистного ей поклонника.

Глава VI

Пусть никто не называет нас, телохранителей ночи, дневными грабителями; пусть зовут нас лесничими Дианы, рыцарями мрака, любимцами луны.

«Генрих IV», ч. I

Остаток дня, который ознаменовался встречей с молодыми женщинами, отшельник провел в своем садике. Вечером он снова вышел посидеть на любимом камне. Солнце, заходившее за холмистую гряду облаков, отбрасывало мрачные отблески на пустошь и окрашивало в темный пурпур силуэты поросших вереском гор, которые окружали эту пустынную местность. Карлик сидел, наблюдая за сгущавшимися и наплывавшими друг на друга массами облаков. В зловещих лучах заходившего светила, падавших на его одинокую и неуклюжую фигуру, его можно было принять за злого духа надвигающейся грозы или гнома, вызванного из недр земных содроганием почвы, возвещавшим об ее приближении. Пока он сидел и разглядывал хмурое грозное небо, к нему быстро подъехал всадник. Он остановил коня — как бы для того, чтобы дать ему немного отдышаться, — и поклонился отшельнику с дерзким и в то же время как бы смущенным видом.

Всадник был высокий, худой человек, жилистый и костлявый, но, по всей видимости, чрезвычайно сильный физически. Чувствовалось, что он всю жизнь занимался ратными трудами, которые не дают полнеть и в то же время закаляют и укрепляют мускулы. Его загорелое и веснушчатое лицо с острыми чертами и зловещим выражением говорило о сочетании власти, дерзости и изворотливости в нраве его облада-

теля, причем каждое из названных качеств по очереди брало верх над всеми остальными. Рыжеватые волосы и брови, из-под которых смотрели пронизывающим взглядом серые глаза, завершали малопривлекательный облик незнакомца.

При нем была пара седельных пистолетов в кобуре, еще одну пару он заткнул за пояс, хотя и старался скрыть их, застегнув свой камзол. На нем был ржавый стальной шлем, куртка из буйволовой кожи старинного покроя и перчатки. Правая перчатка была покрыта маленькими стальными пластинками и напоминала старинную латную рукавицу. Длинный палаш завершал его вооружение.

— Итак, — сказал карлик, — грабеж и убийство снова восседают в седле.

— Да, да, Элши, — отвечал бандит, — твое лекарское искусство помогло мне снова сесть на моего гнедого.

— И забыты все обещания исправиться, которые ты давал во время болезни, — продолжал Элшендер.

— Отброшены за ненадобностью, заодно с целебным питьем и размоченными сухарями, — заявил бывший больной, нимало не смутившись. — Помнишь, Элши, эти строчки, ведь ты хорошо знаком с их автором?

Коли черт здоров, то на кой ему черт врачи?

А коль болен черт, он и черта просит: лечи!

— Что верно, то верно, — сказал отшельник. — Скорее отучишь волка от сырого мяса или ворона от падали, чем тебя от твоего проклятого ремесла.

— А что ты от меня хочешь? Это же у меня врожденное — в крови. Недаром все мужчины из рода Уэстбернфлетов в течение целых десяти поколений занимались разбоем и угоном скота. Все они много пили, прожигали жизнь, жестоко мстили за легкую обиду и никогда не наживали никакого добра.

— Верно, — согласился карлик. — И из тебя вышел такой матерый волк, что тебя нельзя и близко подпускать к овчарне. Ну, а какие дьявольские козни строишь ты сегодня?

— А что подсказывает тебе твоя мудрость?

— Я знаю только одно, — отвечал карлик, — что намерения у тебя не добрые, дела будут плохие, а исход их — и того хуже.

— Как раз за это ты меня и любишь, папаша Элши, не так ли? — сказал Уэстбернфлет. — Ты всегда так говорил.

— У меня есть причины любить всех, — отозвался отшельник, — кто причиняет горе людям, а на твоей совести немало пролитой крови.

— Ну нет, в этом ты меня не вини. Я никогда не проливаю крови, пока мне не окажут сопротивления, а тут уж, сам знаешь, можно легко выйти из себя. Если на то пошло, нет ничего зазорного в том, чтобы обрубить гребешок молодому петушку, который кукарекает слишком нахально.

— Не намекаешь ли ты на юного Эрнсклифа? — несколько взволнованно спросил отшельник.

— Нет, я намекаю не на него. Пока еще не на него. Но его черед может прийти, если он не уймется, и не уберется восвояси в свою нору, и не перестанет тут резвиться, уничтожать последних оленей в наших краях, да разыгрывать из себя судью, да писать письма влиятельным людям в Эдинбург о беспорядках в стране. Не мешает ему быть поосторожнее.

— Тогда это Хобби из Хейфута, — сказал Элши. — Что он тебе сделал?

— Что сделал? Ничего. Просто болтал, будто бы я не стал играть в мяч на масленице, потому что испугался его. А на самом деле я боялся лесничего, у которого был приказ меня арестовать. Испугался! Да я выйду против Хобби и всего его клана. Но сейчас дело не в этом, просто я хочу его проучить, чтобы он не распускал свой язык и не клеветал на тех, кто лучше его. Ручаюсь, что к завтрашнему утру крылышки у него будут подрезаны. Прощай, Элши, там, в лесу, меня ждут несколько удалых молодцов. Я заеду на обратном пути и расскажу тебе веселенькую историю в благодарность за то, что ты меня вылечил.

Прежде чем карлик успел ответить, Уэстбернфлет прищипнул коня, Животное, испугавшись одного

из лежавших вокруг камней, прынуло в сторону от тропинки. Всадник безжалостно вонзил в него шпоры. Конь пришел в неистовство: он то вставал на дыбы, то лягался, то вдруг в диком скачке взмывал вверх, как олень, и опускался сразу на все четыре копыта. Но все было напрасно. Неумолимый всадник сидел на лошади, будто сросся с нею, и после жестокой борьбы смилившееся животное двинулось вперед с такой скоростью, что оба вскоре скрылись из глаз отшельника.

— У этого негодяя, — воскликнул карлик, — у этого беззастенчивого, беспощадного, закоснелого мерзавца, у этого подлеца, у которого на уме одни лишь преступления, достаточно сил и здоровья, чтобы заставить животное, более благородное, чем он сам, везти его туда, где он собирается свершить свое черное дело. А я, даже поддайся я слабости и пожелаю предупредить несчастную жертву об опасности, все равно не в силах осуществить свое доброе намерение из-за немощи, приковавшей меня к месту. Но стоит ли жалеть об этом? Что общего между моим уродливым телом, безобразными чертами и каркающим голосом и людьми, наделенными самой природой более приятной внешностью, чем моя? Они с трудом скрывают свой ужас и отвращение, даже когда принимают от меня благодеяния. Так зачем же мне переживать за тех, кто относится ко мне как к последнему выродку и отщепенцу? Нет! После всей той неблагодарности и зла, которые я видел на своем веку, после того, как меня бросили в тюрьму, полосовали бичом, заковали в цепи, я должен подавить в себе это непокорное чувство сострадания! Я не хочу больше быть дураком, как прежде, и забывать свои собственные принципы, как только начинают взывать к моим лучшим чувствам. Мне никто не оказывает сострадания, почему же я должен сочувствовать другим? Пусть колесница судьбы прокладывает себе путь через толпу, кромсая острыми лезвиями колес покорное и дрожащее от страха человечество! Я буду идиотом, если брошу под ее колеса свое брненное тело, этот

уродливый комок живой плоти. Как будто весь свет будет рукоплескать, если некий карлик, мудрец, горбун пожертвует собой ради спасения человека более приятной внешности или более крепкого здоровья! Нет! Никогда. И все же жаль Элиота, жаль мне этого Хобби, такого юного и смелого, такого прямодушного, такого... Однако хватит думать об этом! Я все равно не могу помочь ему, даже если бы хотел, а я решил, твердо решил, что не хочу. И не помог бы, даже если бы одного моего желания было достаточно, чтобы его спасти!

Закончив свой монолог, карлик удалился в хижину, чтобы укрыться от грозы, о начале которой возвестили первые крупные капли дождя. Исчезли последние лучи солнца, и два или три раската грома последовали быстро один за другим, перекатываясь среди поросших вереском гор, подобно гулу далекой битвы.

Глава VII

О горный орел, возвращайся домой:
Сгущаются тучи над гордой главой,
Орлица кричит над сожженным гнездом,
Птенцы голодают, и гибнет твой дом.

Кэмбел

Гроза бушевала всю ночь, но вот наступило ясное, омытое дождем утро. Казалось, тихое, безоблачное небо заставило улыбаться даже унылые просторы Маклстоунской пустоши, усеянной крохотными озерами со стоячей водой. Так хорошее настроение может придать невыразимое очарование самому некрасивому человеческому лицу. Вереск на пустоши цвел пышным цветом. Пчелы, которых отшельник развел в своем маленьком хозяйстве, вылетели из ульев за добычей и наполняли воздух деловитым гудением. Когда старик показался из своей хижины, его встретили две козы. Они принялись лизать ему руки в знак благодарности за овощи, которые он принес для них из огорода.

— Уж вы-то по крайней мере, — заговорил он, — не обращаете внимания на внешний облик человека, делающего вам добро. И наоборот, вы останетесь безразличны к человеку самых совершенных форм, которые могли бы служить образцом для скульптора. Вы скорее встревожились бы, появившись здесь такое совершенство вместо уродца, к заботам которого вы привыкли. Пока я жил с людьми, никто не отвечал мне подобной благодарностью. Да, да. Слуга, которого я воспитывал с детства, строил мне рожи, стоя за моим креслом, и даже друг, которому я помогал деньгами и ради которого даже обагрив... — Он замолчал, содрогнувшись всем телом. — Даже он считал, что место мне скорее среди сумасшедших, что мой удел — позор и лишения одинокой жизни, а не общение с людьми. Остается один Хьюберт, но и Хьюберт когда-нибудь покинет меня. Все одинаковы. Повсюду одно только зло, эгоизм и неблагодарность. Все — негодяи, которые грешат даже в своих молитвах. Все так черствы, что не могут без лицемерия поблагодарить самого бога за то, что он дает им солнечное тепло и чистый воздух.

Произнося эти мрачные обличения, отшельник услышал топот коня за оградой, окружающей хижину. Кто-то сильным и чистым басом распевал песню с задором, который свидетельствовал о беззаботном настроении певца:

— Славный Хобби Элиот, славный Хобби мой,
Славный Хобби Элиот, возьми меня с собой!

В то же мгновение через ограду перемахнула большая борзая. Охотники в тех местах хорошо знают, что вид коз и запах их следа настолько напоминают борзым косуль, что самые опытные собаки нередко ошибаются. Так и эта собака во мгновение ока свалила с ног и вцепилась в горло одной из коз отшельника. Подъехавший Хобби Элиот прыгнул с коня, желая спасти безответное животное от клыков пса, но было уже поздно.

Несколько мгновений карлик смотрел на свою любимицу, бившуюся в предсмертной агонии. После

последних конвульсий бедное животное вытянуло ноги и затихло. Тогда карлик в бешенстве выхватил длинный острый кинжал, который носил под курткой, и хотел было бросить его и пронзить борзую, но Хобби предупредил его, схватив за руку.

— Оставь собаку в покое! — воскликнул он. — Оставь ее! Зачем же убивать моего Громобоя?

Ярость карлика обратилась на молодого человека. Внезапным движением он с силой, которой трудно было в нем ожидать, вырвал руку и приставил кинжал к груди Элиота. Все это произошло во мгновение ока, и отшельник имел полную возможность отомстить, вонзив кинжал в грудь Хобби, но что-то удержало его и заставило отбросить кинжал прочь.

— Нет, нет, — воскликнул он, добровольно лишив себя средства утолить свой гнев, — больше не надо, не надо этого!

В полном замешательстве Хобби отступил на шаг или два, удивленный тем, что этот столь ничтожный с виду человек мог подвергнуть его такой опасности.

— Да он силен и зол, как дьявол во плоти!

Это были первые вырвавшиеся у Хобби слова. Вслед за тем он принялся извиняться по поводу происшествия, вызвавшего их ссору.

— Я, конечно, не оправдываю Громобоя. Поверь, Элши, мне тоже досадно, что все так случилось. Но я пришлю тебе двух коз и двух овец взамен твоей козы. Ты мудрый человек и не станешь злиться на бессловесную тварь. Ты же понимаешь, что коза — близкая родня козule, как тут Громобоем было не ошибиться. Такая уж у него природа! Будь на месте козы овечка, тогда другое дело. Тебе, Элши, лучше держать овец, а не коз: в наших краях слишком много гончих. Но я пошлю тебе и коз и овец.

— Бессердечный негодяй! — воскликнул отшельник. — Из-за тебя погибло существо, которое смотрело на меня с ласкою!

— Бог ты мой, Элши, — отвечал Хобби, — твои слова мне хуже ножа острого! Но ведь не виноват же я! И все же ты прав: мне следовало подумать о твоих козах и вовремя взять собак на сворку. Лучше бы они

загрызли первейшего барана в моем стаде. Послушай, человек, забудь обо всем и прости меня. Я же не меньше тебя огорчен всем этим. Понимаешь, я собираюсь жениться. Ну, ясное дело, поневоле станешь немного рассеянным. Мы готовимся к свадьбе, и два моих брата везут сейчас на слегах несколько оленьих туш: «Три славные косули из дэлломских лугов», как поется в песне. Братаны-то отправились кружным путем, через Райдерс-Слэк, потому как прямая дорога лежит через болото. Я бы послал тебе оленины, да ты, верно, не возьмешь ее: ведь косуль затравил Громобой.

Так говорил добродушный горец, приводя всевозможные доводы, какие только приходили ему в голову, пытаясь загладить свою вину перед карликом. Тот слушал опустив глаза к земле, как бы погруженный в глубокое раздумье. Наконец он очнулся и заговорил:

— Такая, говоришь, природа? Да, да, такова природа, так повелось испокон веков! Сильный хватает за горло слабого, богатый угнетает и грабит бедного, счастливый (ведь есть еще идиоты, считающие себя счастливыми!) оскорбляет и лишает последнего утешения того, кто попал в беду. Иди прочь! Ты причинил еще одно горе несчастнейшему из людей, лишил меня того, что казалось мне источником утешения. Иди же, наслаждайся счастьем, которое ожидает тебя дома!

— С места не сойду, — возразил Хобби, — пока не заберу тебя к себе, друже, пока ты не согласишься погулять на моей свадьбе в понедельник. Там будет сотня дюжих молодцов из клана Элиотов. Такого съезда добрых конников не видали на нашей земле со времен Мартина из Прикин-тауэра. Хочешь, я пошлю за тобой упряжку?

— И это мне ты предлагаешь смешаться снова с жалким и низким человеческим стадом, — сказал отшельник с видом глубокого отвращения.

— Низким! — возразил Хобби. — Ну нет. Род Элиотов всегда считался знатным!

— Иди прочь! — повторил карлик. — И пусть тебя постигнет не меньшее горе, чем то, которое ты причинил мне! Пусть сам я и не поеду с тобой, но посмотрим, как ты избежнешь гостей, которых вечно сопутствующие мне Гнев и Нищета уже привели к твоему порогу.

— Не надо так говорить, Элши, — возразил Хобби, — ты же сам знаешь, что накликать беду легче всего. И вот что я тебе скажу. Тебя можно понять так, будто ты желаешь зла мне и моим близким. Не дай бог, ежели что-нибудь случится с Грейс, со мной или с моим бессловесным псом! Коли пострадаю я сам, мое добро или мои близкие, я буду знать, кого винить в своем несчастье!

— Пошел прочь, деревенщина! — воскликнул карлик. — Отправляйся домой. Успеешь вспомнить обо мне, когда увидишь, что тебя там ожидает.

— Ладно, ладно, — отвечал Хобби, садясь в седло. — Что толку спорить с калеками, вечно они всем недовольны. Я хочу тебе сказать только одно, сосед: если с Грейс Армстронг что случится, не миновать тебе купаться в бочке со смолой, а уж бочку я найду, даже если придется объехать все ближние и дальние приходы.

С этими словами он отъехал прочь, а Элши, посмотрев ему вслед с презрительной усмешкой, взялся за лопату, чтобы вырыть могилу для своей погибшей любимицы.

Вдруг послышался тихий свист, и кто-то окликнул карлика: «Эй, Элши!» Тот прервал свое печальное занятие и поднял глаза. Перед ним стоял Рыжий Разбойник из Уэстбернфлета. Как у убийцы Банко, его лицо было измазано кровью. Кровь виднелась также на шпорах и на боках его загнанного коня.

— Ну что, насильник, — спросил карлик, — сделал свое дело?

— Как же, как же, Элши, — отвечал бандит. — Когда я сажусь в седло, моим врагам остается только вздыхать и стонать. Сегодня утром в Хейфуте было куда как много света и мало покоя. И хлеб и дом сгорели, а хозяйева плачут по дорогой невесте,

— По невесте?

— Ну да. Я отправил ее в Камберленд, к Чарли Грозе Леших, — так мы зовем Чарли Фостера из Тиннинг-бека; поживет у него, пока все не успокоится. Она видела и узнала меня: во время суматохи у меня на секунду спала с лица маска. Так что мне теперь несдобровать, вернись она сюда. Этих Элиотов развелось слишком много, и все они стоят друг за друга горой. Я ведь для чего завернул сюда? Хочу спросить твоего совета, как от нее теперь избавиться.

— Ты что, собираешься ее прикончить?

— Ну, что ты! На это я не пойду, если только меня не вынудят. Говорят, из некоторых портовых городов легко сплавить человека за море — на плантации, а если привести красивую девку, то за нее неплохо заплатят. За океаном бабы нужны, а у нас тут их хоть пруд пруди. Однако для этой девчонки я припас кое-что получше. В чужие края ссылают одну родовитую леди, хоть сама она туда не рвется. Так я хочу определить Грейс к ней в услужение — она девка видная. Веселенькое утро будет сегодня у Хобби: придет домой, а там ни невесты, ни добра!

— Так, так... И тебе его ничуть не жаль?

— Не очень-то он меня пожалел бы, если бы меня вели на Касл-хилл в Джеддарте.¹ Вот девчонку немного жалко. Но он найдет себе другую, и вся недолга, — девки все одинаковы. Ну, что скажешь? Ты ведь любишь, когда тебе рассказывают о набегам. Слышал ты когда-нибудь о таком славном дельце, как сегодняшнее?

— Смерч, океан, пожар, — проговорил карлик, обращаясь к самому себе, — землетрясение, ураган, извержение вулкана — все это не так страшно, как человеческая злоба. Вон он, например. Что он такое? Обыкновенный смертный, лишь более искусно выполняющий свое назначение на земле. Послушай ты, подлая твоя душа, отправляйся снова туда, куда я тебя уже посылал.

¹ Место, где расположен эшафот в этом древнем городке. На Касл-хилл окончили свои счеты с жизнью многие собраты Уэстбернфлета по разбойничьему ремеслу. (*Прим. автора.*)

— К управляющему именем?

— Да, и скажи ему, что отшельник Элшендер приказал дать тебе золота. А потом отпусти девушку и смотри, чтобы никто ее пальцем не тронул. Пусть она вернется к своим друзьям; но сначала заставь ее поклясться, что она никому не расскажет о твоём злодеянии.

— Никому не расскажет, — повторил Уэстбернфлет. — А что, если она нарушит клятву? Женщины не очень-то держат свое слово. Такому мудрому человеку, как ты, это хорошо известно. Говоришь, чтобы никто пальцем ее не тронул. А как знать, что может случиться, пока она в Тиннинг-беке? С Чарли Грозой Леших шутки плохи. Все же, если ты дашь мне двадцать золотых, я могу поручиться, что завтра она вернется к друзьям.

Карлик достал из кармана записную книжку, черкнул что-то в ней и вырвал листок.

— Возьми, — сказал он, подавая его разбойнику, — но не вздумай меня обмануть. Коли ослушаешься моих приказаний, ответишь за это своей подлой жизнью.

— Я знаю, — отвечал бандит, уставившись в землю, — что твоя власть велика. — Как бы ты ее ни приобрел. С помощью своих снадобий и своей мудрости ты сделаешь то, чего не может никто другой. А золото сыплется по твоему приказанию, словно пух с ясеня морозным утром в октябре. Я не ослушаюсь тебя.

— Ну так убирайся и избавь меня от своего мерзкого присутствия.

Разбойник всадил шпоры в коня и ускакал, не говоря больше ни слова.

Тем временем Хобби продолжал свой путь, мучимый теми неясными опасениями и страхом, которые принято называть недобрыми предчувствиями. Он еще не успел въехать на вершину холма, с которого видно было его жилье, как заметил спускавшуюся ему навстречу кормилицу — человека, в те времена весьма почитаемого в любой шотландской семье, будь то люди высшего или среднего круга. Между кормилицей и ее молочными детьми обычно складывались

настолько близкие, родственные отношения, что она навсегда оставалась жить в семье своего молочного сына, помогая по хозяйству и получая при этом всевозможные знаки внимания и уважения со стороны хозяев. Узнав кормилицу Эннепл по красному плащу с черным капюшоном, Хобби не мог удержаться от возгласа удивления.

— Какая напасть занесла старушку так далеко от дома? — спросил он себя. — Обычно она носа никуда не кажет. Может, она решила собрать клюквы или голубики на болоте для свадебных пирогов? Черт побери этого злого урода — его слова не выходят у меня из головы. Любой пустяк кажется мне предвестником беды. И все из-за тебя, дружище Громобой, надо же тебе было задавить эту несчастную козу, будто мало тебе других коз и оленей в наших местах!

Между тем Эннепл, на лице которой застыло немое отчаяние, ковыляя подошла к нему и схватила лошадь под уздцы. В ее взгляде была такая скорбь, что он не нашел в себе мужества спросить, что произошло.

— Ой, сыночек! — воскликнула она. — Остановись, не ходи туда. Это зрелище убьет кого угодно, а уж тебя и подавно.

— Скажи, ради бога, в чем дело? — вымолвил наконец изумленный горец, пытаясь высвободить узду из рук старухи. — Ради всего святого, дай мне проехать и самому узнать, что там случилось.

— Горе мне, что я дожила до этого дня! Твой дом сгорел, от скотного двора остались одни угли, а скот весь угнали. Не ходи туда, сынок. Сердце твое не вынесет того, что мои старые глаза видели сегодня утром.

— Но кто же посмел это сделать? Отпусти узду, Эннепл, где бабушка, сестры? Где Грейс Армстронг? Боже, слова колдуна все время звучат у меня в ушах!

Он спрыгнул с коня, чтобы избавиться от Эннепл, и, быстро взбежав по холму, увидел перед собой зрелище, которым она его только что пугала. Это было действительно нечто страшное. Дом, который он накануне оставил в спокойном уединении на берегу

горного ручья и в котором еще так недавно все говорило об изобилии, представлял собою теперь черное пожарище. От обрушившихся и закопченных стен все еще поднимался дым. Стога сена, амбары, конюшни, полные скота, — все добро зажиточного крестьянина-горца, а добра у Элиота было немало, — было разграблено и растащено за одну ночь.

С минуту он стоял неподвижно и затем воскликнул:

— Я разорен, разорен дотла! Но я не сожалел бы о своем добре, не случись все это за неделю до свадьбы. Однако чего тут распускать нюни, ведь я не ребенок! Найти бы только Грейс, бабушку и сестер. А потом можно наняться солдатом во Фландрию, как это сделал мой дед и старый Буклю, вставшие под знамена Беллендена. Но главное — не вешать носа, а то, глядя на меня, и все раскиснут!

И Хобби мужественно зашагал вниз по склону холма, с твердой решимостью не поддаваться горю и утешать других, хотя сам больше кого бы то ни было нуждался в утешении. Внизу уже собрались все ближние жители долины, главным образом те, кто носил одинаковую с ним фамилию. Молодежь потрясала оружием и взывала о мести, хотя никто не знал, кому следует мстить.

Соседи постарше старались чем могли облегчить участь пострадавшей семьи. Старушку и сестер Хобби Элиота временно устроили в домике Эннепл, расположенном ниже по течению ручья, на некотором расстоянии от места происшествия. Каждый принес все, что мог, из предметов первой необходимости, так как из сгоревшего дома почти ничего спасти не удалось.

— Что ж, мы, друзья, так и будем стоять здесь весь день, да смотреть на обгорелые стены? — воскликнул один высокий юноша. — Этот запах гари — позор для всех нас! По коням и в погоню! У кого тут поблизости есть собака-ищейка?

— У молодого Эрнскифа, — ответил кто-то. — Но он и шестеро других уже давно отправились по следу.

— Едем за ним, поднимем всю округу, соберем еще людей, а потом нападём на Камберленд — это прибежище грабителей. Будем и мы грабить, жечь

и убивать, и пусть достанется прежде всего тем, кто живет поближе!

— Стойте! Прекратите эту болтовню. Рехнулись вы, что ли? — воскликнул один из стариков. — Сами не знают, что говорят! Вы что, хотите разжечь войну между двумя мирными народами?

— Сами же напели нам в уши о геройстве наших отцов, — возразил юноша, — а теперь хотите, чтобы мы сидели сложа руки, смотрели, как сжигают дома наших друзей, и не пытались отомстить. Небось наши отцы так не поступали!

— Мы не говорим, что не надо мстить за Хобби, Саймон, но нынче надо считаться и с законами, — отвечал еще один благоразумный старец.

— А кроме того, — добавил другой, — я уверен, что и в живых-то уже нет никого, кто бы знал, как можно законно перейти границу в погоне за грабителями. Никто не знал этого лучше Тэма из Уиттрема, но ведь Тэм умер в голодную зиму.

— Да-а, — отозвался третий, — это он участвовал в большом набеге, когда наши преследовали врага до самого Тэрлуолла. То было на другой год после битвы у Филипхоу.

— Подумаешь, — воскликнул один из споривших, — чего тут знать? Поддень кусок горящего торфа на копье или, скажем, вилы, труби в рог, собери своих ребят и можешь отправляться через границу отвоевывать свое добро. А там ограбь какого-нибудь англичанина и отбери у него ровно столько, сколько отняли у тебя. Вот тебе и весь закон границы, принятый еще в Дандренне во времена Черного Дугласа. Чего тут рассуждать, все ясно как божий день.

— В дорогу, друзья! — крикнул Саймон. — Садитесь на коней да прихватите с собой старика Кадди. Он знает, сколько угнали скота и сколько добра разграблено у Хобби. Мы сегодня же к ночи заполним его конюшню и хлев скотинкой. А что до его дома, то пусть мы и не сможем его сразу отстроить, зато мы спалим дом какого-нибудь англичанина, как спалили Хейфут. И это будет только справедливо — никто в мире не сможет этого отрицать.

Предложение было встречено криками одобрения со стороны молодежи. В этот момент собравшихся облетела весть, которую передавали шепотом друг другу:

— Идет сам бедняга Хобби. Он поведет нас!

Несчастный герой дня спустился с холма и стал проталкиваться через толпу. Обуревавшие его чувства не давали ему говорить, и он лишь молча пожимал протянутые ему со всех сторон руки друзей. Этим жестом соседи и родные выражали ему сочувствие в постигшем его горе. Когда он пожимал руку Саймону Хэкберну, он наконец заговорил:

— Спасибо тебе, Саймон, спасибо, друзья. Я понимаю все, что вам хочется сказать мне. Но где сейчас находятся мои?.. Где?..

Он замолчал, как бы не решаясь назвать имена тех, о ком хотел спросить. Друзья, разделявшие его чувства, молча указали ему на домик Эннепл, и Хобби устремился к нему с такой поспешностью и отчаянием, будто решил разом узнать все самое худшее. Отовсюду послышались громкие сочувственные возгласы:

— Бедняга... бедный Хобби!..

— Сейчас он все узнает!

— Но ведь должен же Эрнскиф разведать что-нибудь о бедной девушке!

Этими возгласами пока и ограничилось дело. У собравшихся не было опытного предводителя, который мог бы повести их за собой, и они остались ждать возвращения Хобби, готовые повиноваться его приказаниям.

Встреча Хобби с семьей была в высшей степени трогательной. Сестры бросились ему на шею и чуть не задушили его в своих объятиях, будто задумали лишить его возможности оглянуться вокруг и заметить отсутствие той, которая была ему дороже всех на свете.

— Да храни тебя господь, сынок. Только он один может помочь, когда, подобно хрупкой тростинке, сломлены все земные надежды.

Этими словами старая дама приветствовала своего несчастного внука. А тот беспокойно оглядывался

вокруг, в то время как две сестры держали его руки, а третья повисла у него на шее.

— Я не всех вижу... дайте сосчитать: бабушка, Лилия, Джин и Эннот, но где же...

Он вдруг замолчал и потом, как бы пересилив себя, продолжал:

— Где Грейс? Не может же она прятаться от меня в такой момент! Теперь не время для шуток.

«О братец!», «Наша бедная Грейс!» — эти восклицания были единственным ответом на его вопрос, пока не поднялась старушка. Осторожно отстранив от внука плачущих девушек, она усадила его на стул. Затем со спокойствием, порождаемым лишь искреннею набожностью, которое, разливаясь, как масло по воде, умеряет разбушевавшиеся чувства, она сказала:

— Сынок, когда твоего деда убили на войне и я осталась с шестью сиротами без крова и без куска хлеба, я нашла в себе силу все претерпеть, и эту силу мне ниспослал господь. Я говорила себе: «Да свершится воля господня». Сынок, в наш мирный дом вчера вечером ворвались грабители, вооруженные, в масках. Они все разграбили и уничтожили и увезли с собой нашу Грейс. Молись, чтобы господь дал тебе силы, и повторяй: «Да свершится воля господня!»

— Матушка, матушка! Не принуждай меня... я не могу... только не сейчас... Ну, грешный я, грубый человек... Вооруженные, в масках... Увезли Грейс! Дай мне мой меч и походную сумку отца. Я буду мстить, даже если бы мне пришлось отправиться в ад, чтобы найти их!

— Сынок, сынок! Смирись под карающей лозою. Кто знает, когда *он* отведет от нас свою длань? Юный Эрнсклиф — да благословит его господь! — отправился в погоню вместе с Дэви из Стенхауза и другими молодцами, которые подросли первыми. Я крикнула им, чтобы они не тушили пожар, а лучше погнались за грабителями и отняли у них Грейс. Так что не прошло и трех часов после набега, как Эрнсклиф и его друзья были уже в пути. Господи благослови его! Он делает честь имени Эрнсклифов. Он сын своего отца и по-настоящему преданный друг.

— Преданный друг, вот уж верно! Благослови его господи! — воскликнул Хобби. — А теперь на коней и вперед! Присоединимся к погоне!

— О сын мой, прежде чем ты отправишься в опасный путь, повтори вместе со мною: «Да свершится воля господня!»

— Не принуждай меня, матушка, только не сейчас.

Он уже был на пороге, когда, оглянувшись, заметил горестное выражение на лице старушки. Тогда он поспешно вернулся, бросился в ее объятия и сказал:

— Да, матушка, конечно я скажу: «Да свершится воля твоя, господи», раз это послужит тебе утешением.

— Да не оставит он тебя, дорогой сыночек, чтобы по возвращении ты мог сказать: «Да будет благословенно имя твое, господи!»

— Прощайте, матушка... прощайте, дорогие сестры! — крикнул Элиот, стремглав бросаясь к выходу.

Глава VIII

Коня, коня! — воскликнул лэрд. —

Скорей — копые мне и коня!

Кто за Телфером вслед не скачет со мной,

Пусть другом своим не зовет меня!

Пограничная баллада

— Коня! Коня и копые! — крикнул Хобби своим друзьям. Все только этого и ждали, многие были уже в седлах, и пока Элиот поспешно собирал боевое снаряжение (что было далеко не легким делом в такой сумятице), в долине звенели одобрительные возгласы молодых людей.

— Правильно! — воскликнул Саймон Хэкберн. — Давно бы так, Хобби. Пусть бабы сидят дома да льют слезы, а мужчины должны помнить: «Око за око, зуб за зуб», как сказано в писании.

— Попридержи-ка язык, приятель, — осуждающе заметил кто-то из старших, — не поминай святого слова всуе. Ты сам не ведаешь, что говоришь.

— Что ты узнал, Хобби? Есть какие-нибудь новости? Ребятки, только не поступайте опрометчиво, — увещевал молодежь старый Дик Дингл.

— Ну, что ты нам читаешь проповеди! — сказал Саймон. — Коли сам не можешь ничего сделать, по крайней мере не удерживай других!

— Не кипятись! Скажи-ка лучше, кому ты мстить-то собрался?

— А ты думаешь, мы хуже наших отцов знаем дорогу в Англию? Все зло идет оттуда — так всегда говорили, и это уж точно. Туда мы и отправимся: сам дьявол тащит нас на юг!

— Мы поедem через пустошь по следу лошадей Эрнсклифа! — воскликнул один из Элиотов.

— Я отыщу его следы на любом лугу и болоте, даже если накануне там была бы ярмарка, — заявил Хью, кузнец из Ринглберна, — недаром я всегда сам подковываю его коня.

— Пустите по следу собак! — крикнул еще кто-то. — Где собаки?

— Что ты, старина, солнце-то когда еще взошло, роса испарилась, и след давно простыл.

Между тем Хобби уже свистнул своим гончим, которые бродили по пожарищу, оглашая воздух жалобным воем.

— А ну, Громобой, — заговорил он, — покажи сегодня свое искусство!

И вдруг его будто осенило, и он добавил:

— Постой-ка! Да ведь этот богомерзкий карлик что-то такое говорил мне! Да, да, он знает больше, чем все мы, но от кого: от земных лиходеев или от чертей из преисподней? Да, я вырву из него правду, хотя бы мне пришлось для этого вспороть его поганую утробу ножом!

И он принялся поспешно отдавать приказания то-варищам.

— Саймон, бери еще четверых и скачите прямо к Грэмскому ущелью. Если грабители были из англичан, они отправятся обратно этой дорогой. Остальные по двое и по трое объездите да осмотрите всю округу и ждите меня у Тринстинг-пула. Повстречаете моих

братьев, скажите им, чтобы ехали туда же. Бедняги: каково-то им будет! Пожалуй, не легче, чем мне... Не думают и не гадают, что их тут ждет! Сам я отправлюсь на Маклстоунскую пустошь.

— Будь я на твоём месте, — сказал Дик Дингл, — я бы поговорил с Мудрым Элши добром. Он-то знает, что делается в наших краях, и сможет все рассказать тебе, если захочет.

— Будь покоен — захочет, — заявил Хобби, осматривая свое оружие, — выложит, как миленький, всю правду. Иначе я все равно узнаю, что за причина заставляет его молчать.

— Ты с ним полегче, Хобби, полегче, голубчик: колдунов лучше не дразнить: они все водятся с разными привидениями и духами и сами делаются злыми, как черти.

— Ничего, я с ним управлюсь, — ответил Хобби, — сегодня у меня на душе творится такое, что все колдуны на свете и все черти в аду мне нипочем.

К этому времени все приготовления были закончены; Элиот вскочил в седло и, прищипив коня, пустился во весь опор вверх по склону холма.

Он быстро добрался до его вершины, столь же стремительно съехал вниз по другому склону, пересек небольшой лесок, затем узкую долину и очутился на Маклстоунской пустоши. Ему пришлось, однако, постепенно умерить прыть своего коня, зная, что тому предстоит дальняя дорога; поэтому у него оказалось достаточно времени, чтобы тщательно обдумать, в каком тоне разговаривать с карликом, дабы вывести у него побольше сведений о виновниках постигшего его несчастья. Он был уверен, что карлик о них что-то знает. Хотя, как и большинство его соотечественников, Хобби был грубоват, а иногда резок и вспыльчив, ему отнюдь нельзя было отказать в той доле хитрости, которая также присуща характеру шотландца. Из всего, что он видел в ту памятную ночь, когда впервые встретился с карликом, и из дальнейшего поведения этого загадочного существа он заключил, что с помощью угроз и насилия наверняка ничего от него не добьется и только испортит дело.

— Буду с ним поласковой, — сказал он самому себе, — старый Дик — он правильно советует. — Хоть и говорят, что он стакнулся с самим сатаной, но не мог он стать таким воплощенным дьяволом, чтобы не откликнуться на мое горе. Опять же, говорят, что он порой добрые дела совершает, помогает людям. Постараюсь сдержаться, буду гладить его по шерстке, ну а в крайнем случае, может, и придется взять его за горло.

С твердым решением во что бы то ни стало подладиться к отшельнику, Хобби подъехал к его хижине. Старика не было видно ни на камне, где он обычно встречал посетителей, ни за оградой в садике.

— Забрался в свою берлогу, — пробормотал Хобби, — не хочет никого видеть. Ну, да я обрушу его лачугу ему на голову, если он не выйдет добром!

Потешив себя такими рассуждениями, он стал взывать к Элши, стараясь говорить как можно смиреннее, хотя в его состоянии крайнего возбуждения ему это удавалось с трудом.

— Элши, друг Элши!

Ответа не последовало.

— Мудрый отец Элши!

Карлик молчал.

— Чтоб тебе пусто было, уродина ты этакая! — пробормотал горец сквозь зубы и затем продолжал вслух тем же смиренным тоном:

— Папаша Элши, к тебе за советом пришел несчастнейший из смертных!

— Поделом! — отвечал карлик резким и скрипучим голосом из похожего на бойницу окна, которое было проделано рядом с дверью и откуда он мог видеть любого, кто подходил к его жилищу, сам оставаясь невидимым.

— Поделом! — повторил Хобби с ноткой раздражения в голосе. — Но почему же, Элши? Разве ты не слышишь, что я говорю тебе: я самый несчастный человек на свете.

— А разве ты не слышишь, что говорю я: поделом тебе! Разве я не предупреждал тебя сегодня утром,

когда ты считал себя счастливым, что еще до вечера у тебя будет горе?

— Верно, предупреждал, — отвечал Хобби, — потому-то я и пришел к тебе сейчас за советом: тот, кто предвидит беду, знает, как помочь человеку выбраться из нее.

— Я не знаю, как помогать тем, кто в беде, — возразил карлик. — А если бы даже и знал, зачем стану я помогать другим, когда никто никогда не хотел помочь мне? Разве я не лишился богатства, которого бы хватило, чтобы сотни раз купить и перекупить все твои бесплодные земли; лишился положения, которое не сравнится с твоим, как твое не сравнится со званием простого крестьянина; разве я не изгнан из общества, где люди пленяют своим обхождением и блеском ума? Недаром я потерял все это. Недаром я прозябаю здесь пасынком на безлюдных и мерзких задворках природы и сам являю собой зрелище еще более мерзкое, чем все то, что меня окружает? И почему другие черви жалуются мне, когда по ним проедет колесница судьбы, когда я сам корчусь, уже раздавленный ею!

— Ты мог все это потерять, — отвечал Хобби с горечью, — землю и друзей, добро и деньги, — ты мог потерять все, но все же ты не терял Грейс Армстронг, и горю твоему не сравниться с моим. А у меня даже надежды никакой не осталось, не видеть мне больше моей Грейс!

Глубоко взволнованный, Хобби замолчал; нахлынувшие на него чувства вытеснили весь гнев и раздражение из его сердца. Но прежде чем он снова обратился к отшельнику, тот просунул в узкое оконце костлявую руку: длинные пальцы, обхватывавшие большой кожаный кошель, разжались, и кошель, звякнув, упал на землю. Снова послышался резкий голос отшельника:

— Вот! Вот тебе лучшее средство от всех земных несчастий — по крайней мере так думают все жалкие людишки. Убирайся! Теперь ты в два раза богаче, чем был до вчерашнего дня. И не терзай меня больше своими вопросами, жалобами и изъяснениями благодажности. Все они в равной мере мне ненавистны.

— Батюшки! Да это же деньги, — воскликнул Элиот, взглянув на содержимое мешка. Затем он снова повернулся к отшельнику.

— Спасибо тебе за доброту. Я бы охотно взял отсюда часть серебра и дал тебе расписку или закладную на свои земли. Но вот в чем загвоздка, дорогой Элши; я не решусь воспользоваться этими деньгами, пока не буду твердо знать, что они добыты честным путем. Неровен час, превратятся они в черепки, и я обману какого-нибудь бедняка.

— Невежественный олух! — воскликнул карлик. — Эта ядовитая погань изготовлена из обычного презренного металла, добытого из недр земных. Бери, трать их, авось ты преуспеешь с ними, как и я!

— Но я же тебе говорю, — сказал Элиот, — что пришел к тебе не плакаться о потерянном добре, — правда, потерял я ни много, ни мало тридцать голов скота — такого, что лучше не сыщешь по эту сторону границы, и все же бог с ним, со скотом. Вот если ты хоть намекнешь мне, что случилось с бедной Грейс, я буду вечным твоим рабом — не требуй лишь в заклад мою душу! Ну скажи, Элши, скажи же мне что-нибудь.

— Ладно, — сказал карлик, как бы желая отвязаться от назойливого просителя, — раз тебе мало своего собственного горя и ты непременно хочешь взвалить на себя горе другого человека, ищи ту, которую потерял, на западе.

— На западе! Но это слово можно понять по-разному.

— Больше я не намерен ничего говорить, — заявил карлик и захлопнул ставень, предоставив Хобби самому сделать все нужные выводы из брошенного ему намека.

— На западе, на западе, — размышлял Элиот, — но в тех местах все спокойно. Может быть, это Джок из Тодхоулса. Но нет, он слишком стар для такого дела. На западе... Ба, да это, должно быть, Уэстбернфлет! Элши, скажи мне только одно слово: ведь я прав, а? Это Уэстбернфлет? Ну, скажи мне, если я ошибаюсь. Мне не хотелось бы причинять зло соседу, который ни в чем не виноват... Молчит. Да, да, это

наверняка Рыжий Разбойник. Вот уж не думал, что он осмелится напасть на меня, зная, что нас так много. Он, наверное, заручился еще чьей-нибудь помощью посильнее своих камберлендских друзей. Прощай, Элши, большое тебе спасибо. Некогда мне сейчас возиться с твоим серебром: мне надо скорее встретиться с друзьями у Тринтинг-пула. Коли не хочешь открыть окно сейчас, подберешь свои деньги, когда я уеду.

Ответа по-прежнему не последовало.

— Он оглох или совсем рехнулся, а может, то и другое вместе. Все равно, некогда мне стоять здесь и болтать.

И Хобби Элиот поскакал к месту свидания, которое он назначил своим друзьям. У Тринтинг-пула уже собралось четверо всадников. Они стояли кружком, оживленно разговаривая, в то время как их лошади щипали траву под тополями, росшими по берегу спокойного озера. К югу можно было заметить более многочисленную группу всадников, приближавшихся к озеру. Когда они подъехали, оказалось, что это был Эрнскиф со своим отрядом. По следам угнанного стада он доехал до самой английской границы, но повернул обратно, узнав, что в том районе собрались значительные силы под предводительством нескольких дворян из якобитов и что уже началось восстание во многих других частях Шотландии. По всей видимости, ночное происшествие, в котором сначала видели проявление личной вражды и склонности к разбойничьим набегам, на самом деле было вызвано другими причинами, и Эрнскиф склонен был рассматривать его как один из признаков начинавшейся гражданской войны. Молодой дворянин поздоровался с Хобби тоном, выражавшим самое дружеское расположение, и ознакомил его с полученными новостями.

— Не сойти мне с этого места, — сказал Элиот, — если старик Эллисло не подстроил всю эту гнусную историю! Он давно уже стакнулся с католиками из Камберленда. Теперь понятно, почему Элши намекал на Уэстбернфлета: ведь Эллисло всегда покровительствовал ему. И, уж конечно, Рыжий Разбойник решил

малость пограбить в своей округе, прежде чем начнется мятеж.

Тут кто-то вспомнил, как бандиты из шайки говорили, будто они выполняют приказ самого Иакова VIII и что им поручено разоружить всех мятежников. Другие слышали, как Уэстбернфлет хвалился на попойках, что Эллисло скоро выступит с оружием в руках на стороне якобитов, что сам он будет командовать одним из его отрядов и что уж тогда-то они непременно рассчитаются с молодым Эрнскилфом и всеми остальными, кто станет защищать теперешнее правительство. В конце концов все пришли к убеждению, что Уэстбернфлет возглавил шайку по приказу самого Эллисло, и решили отправиться к дому главаря бандитов и постараться его схватить. Тем временем подошло подкрепление из тех, кто объезжал пустошь, и отряд насчитывал теперь свыше двадцати всадников. У всех были отличные кони, и все они были довольно прилично вооружены — кто во что горазд.

Речушка, вытекавшая из узкой горной долины около Уэстбернфлета, пересекала открытую заболоченную равнину, простиравшуюся на полмили по обе ее стороны. По имени равнины и назвали это место. Облик реки здесь менялся: из стремительного горного потока она превращалась в медленную голубую ленту, извивавшуюся по болоту наподобие распухшего тела дохлой змеи. На берегу реки, почти в самом центре равнины, высилась башня крепости Уэстбернфлета — одного из тех немногих сохранившихся укреплений, которые в былые времена были столь многочисленными на границе. Клочок земли ярдов в сто шириной, на котором она стояла, слегка возвышался над окружающим болотом, образуя площадку несколько большего размера, чем сама башня, а сразу за ее пределами начиналась непроходимая, страшная трясина. Только сам владелец башни и другие ее обитатели знали, как проехать к себе домой по извилистым и еле заметным тропкам, проходившим по твердым участкам почвы.

Однако в отряде, собравшемся под командой Эрнскилфа, было несколько человек, которым эти тро-

пинки были известны. Ибо, несмотря на то, что характер и привычки владельца Уэстбернфлета были всем хорошо известны, свобода взглядов в отношении кражи чужого добра приводила к тому, что никто не смотрел на бандита с отвращением, которое он внушал бы людям в более цивилизованной стране. Более мирные соседи относились к нему примерно так же, как в наше время относятся к игроку, завсегдаю петушиных боев или жокею. Его образ жизни, разумеется, осуждали, его общества чурались, и тем не менее он не пользовался славой человека окончательно отпетого, как это было бы в обществе, где почитают законы. И в данном случае он возбудил негодование у сторонников Элиота не столько беззаконностью своего поступка вообще — разве можно было ожидать от этого грабителя чего-нибудь другого? — сколько тем, что пострадавшим лицом явился человек, не сделавший бандиту ничего дурного, — их друг, который к тому же носил фамилию Элиот, а большинство принадлежало именно к этому клану. Не удивительно поэтому, что среди них нашлось несколько человек, довольно хорошо знакомых с теми местами и без труда отыскавших тайные тропинки в болоте, так что отряд вскоре появился на открытой площадке перед замком Уэстбернфлета.

Глава IX

Так забирай ее с собой, —
Сказал гигант. — Иди на бой!
За девичьи красоты:
За рот, что свежестью манит,
За блеск очей, за жар ланит, —
Нет у меня охоты!

«Роман о Соколе»

Башня, перед которой стоял теперь отряд, представляла собой небольшое квадратное строение самого мрачного вида. Стены у нее были необычайной толщины, а окна — вернее, щели в стенах, служившие

здесь окнами, — предназначались скорее для того, чтобы дать защитникам возможность стрелять во врага, нежели для того, чтобы пропускать свет и воздух во внутренние помещения. Со всех сторон над стенами выступал зубчатый парапет, также служивший целям обороны и окружавший крутую, выложенную большими серыми плитами крышу. На одном из ее углов над зубчатой стеной возвышалась башенка, в которой помещалась винтовая лестница с выходом на крышу через массивную дверь, сплошь покрытую шляпками вбитых в нее гвоздей. Подъехавшим показалось, что кто-то, спрятавшись в башне, следит за ними. Это подозрение превратилось в уверенность, когда в узкую бойницу просунулась женская рука; она махала платком, как бы подавая им сигнал. Хобби чуть не лишился чувств от радости и нетерпения.

— Это Грейс, — заявил он, — клянусь, я узнаю ее руку среди тысячи других! Другой такой не сыщешь по эту сторону Лоуденов. Вызовим ее, друзья, пусть хоть для этого нам придется бы разобрать по камешку всю крепость Уэстбернфлета!

Эрнскиф сомневался, что руку любимой можно узнать на таком расстоянии; однако он ничего не сказал, дабы не отнимать у своего друга зародившейся в нем надежды. Тут же было решено вступить в переговоры с гарнизоном крепости. Все принялись кричать, а один или двое затрубили в рог, но прошло немало времени, прежде чем в бойнице, находившейся подле входной двери, появилось сморщенное лицо старухи.

— Это мать Разбойника, — пояснил один из Элиотов, — она в десять раз хуже его самого и виновата во многих лихих делах, которые он натворил в наших краях.

— Кто вы такие? Что вам здесь нужно? — вопрошала почтенная родительница.

— Мы ищем Уильяма Грэма Уэстбернфлета, — отвечал Эрнскиф.

— Его нет дома, — заявила старуха.

— Когда он уехал? — продолжал Эрнскиф.

— Не могу сказать, — ответствовала привратница.
— А когда он вернется? — вмещался Хобби Элиот.
— Ничего я об этом не знаю, — откликнулась непреклонная хранительница башни.

— Есть кто-нибудь вместе с тобой в крепости? — снова спросил Эрнскиф.

— Ни одной живой души, кроме меня самой и кошек, — сказала старуха.

— Тогда отопри дверь ипусти нас, — предложил Эрнскиф. — Я мировой судья и ищу улики преступления.

— Да пусть у того отсохнут руки, кто снимет перед тобой засовы! — отвечала она. — Позор на ваши головы! Приехать сюда целым отрядом — у всех мечи, копья и стальные шлемы — и все это, чтобы напугать одинокую вдову!

— У нас точные сведения, — возразил Эрнскиф, — мы ищем здесь похищенное добро.

— И молодую женщину, которую увезли силой, — она дороже всякого добра.

— Предупреждаю тебя, — продолжал Эрнскиф, — единственное, чем ты можешь доказать непричастность твоего сына ко всей этой истории, — это впустить нас добром и дать нам обыскать дом.

— А ежели я не подумаю бросить вам ключи, и засовы не отодвину, и ворота не открою такому сброду? Что тогда вы станете делать? — язвительно осведомилась старуха.

— Обойдемся без ключей! Вломимся именем короля и свернем шею всем, кого найдем в доме. Лучше пусти нас добром! — гневно пригрозил разъяренный Хобби.

— Двум смертям не бывать, одной не миновать, — сказала старуха с прежней иронией. — Но сначала справьтесь-ка вон с той железной решеткой: она выдерживала натиск и не таких, как вы!

Она со смехом произнесла последние слова и отошла от амбразуры, через которую вела переговоры с отрядом. Осаждающие серьезно призадумались над тем, что предпринять. Огромной толщины стены с крохотными окнами могли бы некоторое время

противостоять даже пушечным выстрелам. Вход защищала массивная решетчатая дверь из кованого железа, настолько прочная на вид, что, казалось, не было силы, которая могла бы ее преодолеть.

— С ломом и молотом здесь делать нечего, — заявил Хью, кузнец из Ринглберна, — толку от них не больше, чем от тростинки.

По другую сторону прохода, длина которого равнялась толщине стены и составляла девять футов, находилась другая, дубовая дверь, которую вдоль и поперек пересекали толстые полосы железа и испещряли широкие шляпки болтов и гвоздей. К тому же вряд ли можно было верить старухе, что она одна составляет весь гарнизон крепости. Более опытные из членов отряда заметили следы копыт на тропинке, когда подъезжали к башне, и это свидетельствовало о том, что совсем недавно здесь в том же направлении проехало несколько человек.

Ко всем этим трудностям добавлялось отсутствие средств для штурма крепости. Не было никакой надежды раздобыть лестницы, достаточно длинные для того, чтобы добраться по ним до верха стены, а окна были слишком узки и к тому же забраны железными решетками. Поэтому нечего было и думать проникнуть в крепость таким путем; еще безнадежнее было пытаться взорвать стену, поскольку для этого не было ни подходящих инструментов, ни пороха. Не было также у осаждающих ни провианта, ни убежища, ни прочих условий, которые дали бы им возможность предпринять длительную осаду; и, наоборот, в этом случае они рисковали бы тем, что сообщники грабителя придут ему на помощь и атакуют их самих. Хобби обошел твердыню со всех сторон и только бессильно заскрежетал зубами, не зная, каким образом проложить себе в нее дорогу. Вдруг он воскликнул:

— А почему бы нам не сделать то же, что испокон веков делали наши отцы? За работу, друзья! Нарубим кустов да сухих веток, сложим костер перед дверью, зажжем его и подкоптим старую каргу, что твой окорок!

Предложение всем понравилось; в зарослях ольхи и боярышника, покрывавших берега заболоченной речушки, заработали клинки и ножи. Одни из ожаждавших срезали сухие полусгнившие ветки, из которых легко было разложить костер, другие сваливали их в большую кучу у дверной решетки. Вот уже высекли огонь из ружейного кремня, и Хобби шагнул к куче хвороста с горящей головней в руках. В этот момент в амбразуре, находившейся сбоку от двери, показалось угрюмое лицо грабителя и дуло мушкета.

— Большое спасибо за топливо: теперь нам на всю зиму хватит, — сказал он насмешливо. — Но сделай еще шаг, и заплатишь за него самой дорогой ценой.

— Это мы еще посмотрим, — отвечал Хобби, бесстрашно двинувшись вперед.

Грабитель шелкнул курком, но ружье, к счастью для нашего друга, не выстрелило. Зато в тот же момент выстрелил Эрнскиф, прицелившись в голову разбойника, видневшуюся в отверстии амбразуры, и пуля оцарапала ему висок. До сих пор грабитель, по всей видимости, считал свое убежище более безопасным, ибо в тот самый момент, когда он почувствовал, что ранен, хотя и легко, он решил вступить в переговоры и спросил, по какому праву напали так незаконно на мирного и честного человека и пролили его кровь.

— Мы хотим, — ответил Эрнскиф, — чтобы ты выдал нам пленницу целой и невредимой.

— А какие у вас на нее права? — спросил грабитель.

— Не тебе, — отрезал Эрнскиф, — не тебе, который удерживает ее силой, спрашивать об этом!

— Ладно, ладно, я и сам могу догадаться, — сказал разбойник. — Ну что ж, господа, я совсем не хочу вступать с вами в смертельный поединок и проливать вашу кровь, хотя Эрнскиф не остановился перед тем, чтобы пролить мою, — а стрелять он мастак! Так вот, чтобы кровопролития больше не было, я согласен выдать пленницу, раз уж вы так настаиваете.

— И стада Хобби! — крикнул Саймон Хэкберн. — Или ты думаешь, что тебе позволено грабить хлева и затоны одного из Элиотов, точно курятник какой-нибудь старой бабы?

— Клянусь вам, — отвечал Уилли Уэстбернфлет, — клянусь хлебом насущным, у меня не осталось ни одной головы его скота: всех уже давно угнали за болото — в крепости и пары рогов не увидишь! Но, может, мне и удастся вернуть кое-что из скота: я согласен через пару дней встретиться с Хобби в Каслтоне, пусть каждый из нас приведет по два свидетеля, и мы попробуем договориться, как возместить ему убытки.

— Ладно, ладно, — сказал Элиот, — меня это вполне устраивает. — Затем, обращаясь к Саймону, он добавил вполголоса:

— Чтоб они сгинули, все мои стада! Ради бога, друг мой, оставь ты их в покое. Сначала надо выручить Грейс из лап этого дьявола.

— Дай мне слово, Эрнсклиф, — продолжал грабитель, который все не отходил от амбразуры, — поклянись своей честью и перчаткой на руке, что дашь мне свободно выйти и уйти обратно. Мне надо не меньше пяти минут, чтобы открыть ворота, и пять минут, чтобы их закрыть — очень уж петли заржавели. Ну что, согласен?

— Тебя никто не задержит, — отвечал Эрнсклиф. — Клянусь в том своею честью и перчаткой на руке.

— Подождите тогда минутку, — сказал Уэстбернфлет, — нет, послушайте-ка, сперва отойдите на пистолетный выстрел. Не то что я не доверяю твоему слову, Эрнсклиф, но все-таки лучше не рисковать.

«Эх, приятель, — подумал про себя Хобби, отходя вместе с остальными от ворот, — встретиться бы нам с тобой на Тэрнерс-холме,¹ да чтобы вокруг никого не

¹ Тэрнерс-холмом зовется обширный луг, расположенный на самой границе двух королевств, как раз в том месте, где ручей, называемый Криссоп, впадает в реку Лиддел. В старые времена шотландцы часто превращали этот луг в арену, устраивая здесь состязания и турниры. (Прим. автора.)

было, кроме двух надежных парней, я бы тебе показал! После этого ты скорее дал бы переломать себе ноги, чем тронул пальцем скотину или человека, которые дороги мне!

— Ну и трус же он, этот Уэстбернфлет, — сказал Саймон Хэкберн, неприятно пораженный столь быстрой капитуляцией. — Куда ему до собственного отца!

Тем временем открылась внутренняя дверь, и мать грабителя показала в проходе, ведущем к наружным воротам. Вскоре из крепости вышел сам Уилли, ведя за собой женщину. Старуха тщательно задвинула за ними засовы и осталась на посту, как часовая.

— Один или двое из вас, выйдите вперед, — крикнул разбойник, — и примите ее из моих рук целую и невредимую.

Хобби бросился вперед, навстречу своей невесте. За ним двинулся Эрнсклиф; он следил за Уилли, каждую минуту ожидая какого-нибудь предательства. Вдруг Хобби замедлил шаги, почувствовав горькое разочарование, в то время как Эрнсклиф почти побежал, полный нетерпеливого изумления: перед ними стояла не Грейс Армстронг, а мисс Изабелла Вир. Именно ей принесло свободу их нападение на крепость.

— Где Грейс? Где Грейс Армстронг? — воскликнул Хобби, вне себя от гнева и возмущения.

— Только не у меня, — отвечал Уэстбернфлет, — можете обыскать башню, если не верите мне.

— Вероломный мерзавец! Говори, где она, не то умрешь! — крикнул Элиот, поднимая к плечу ружье.

Но его спутники, подоспевшие в этот момент, схватили ружье у него из рук и все разом заговорили:

— Эрнсклиф поклялся своей честью и перчаткой! Честью и перчаткой! Опомнись, Хобби. Мы должны сдержать наше слово перед Уэстбернфлетом, будь он самый отъявленный мошенник на свете!

Почувствовав себя в безопасности, бандит, испугавшийся было при виде угрожающего жеста Хобби, снова обнаглел.

— Я сдержал свое слово, господа, — заявил он, — и вы не посмеете обмануть меня. Если это не та, кого вы искали, — обратился он к Эрнскифу, — верните ее мне. Я в ответе за нее перед теми, кому она принадлежит.

— Ради бога, мистер Эрнскиф, защитите меня! — воскликнула мисс Вир, прижавшись к своему избавителю. — Не покидайте меня теперь, когда все меня покинули!

— Не бойтесь, — прошептал Эрнскиф, — пока я жив, вам ничего не грозит.

Затем, повернувшись к Уэстбернфлету, он сказал:

— Злодей! Как посмел ты оскорбить эту леди?

— За это, Эрнскиф, — отвечал бандит, — я отвечу перед теми, у кого больше права задавать мне такой вопрос. А вот как ты ответишь за то, что явился сюда с вооруженным отрядом и увез ее от тех, кому ее оставили ее собственные друзья? Впрочем, расхлебывай это дело сам. А я все равно не мог один оборонять свой дом против двадцати человек. Да и никто бы не смог сделать это на моем месте.

— Все это подлая ложь, — сказала Изабелла, — он силой увез меня от отца.

— Верно, он хотел, чтобы ты так думала, милашка, — отвечал грабитель, — но опять же это не мое дело. Так ты не отдашь мне ее обратно?

— Отдать ее тебе обратно? Конечно нет, — ответил Эрнскиф. — Я беру мисс Вир под свою охрану и доставлю ее, куда она сама пожелает.

— Ну да, конечно, может вы давно сговорились, — сказал Уилли Уэстбернфлет.

— А Грейс? — вмешался Хобби, вырываясь из рук друзей, которые продолжали твердить ему о святости и нерушимости слова, позволившего разбойнику без опаски выйти из крепости. — Где Грейс? — повторил он, бросаясь на грабителя с клинком в руке.

— Побойся бога, Хобби! Послушай, постой минутку! — воскликнул Уэстбернфлет в страхе; затем он повернулся и пустился наутек. Мать стояла наготове,

чтобы открыть и тут же закрыть за ним ворота, так что удар, направленный на него Хобби, не попал в цель: меч со страшной силой ударил в кованую дверь и оставил на одной из перекладин глубокую щербину; ее и по сей день показывают как свидетельство той редкой силы, которой отличались наши предки. Прежде чем Хобби успел снова поднять меч, дверь захлопнулась, и ему ничего не оставалось, как вернуться к товарищам, которые уже собирались снять осаду. Они настаивали, чтобы он отправился с ними.

— Ты уже нарушил перемирие, — сказал старый Дик Дингл, — и, не удержи мы тебя, ты тут такого бы натворил, что стал бы посмешищем во всей округе, а нас бы всех обвиняли в том, что мы нарушили слово и совершили убийство. Дождись встречи в Каслтоне, о которой вы договорились. Вот если он не возместит тебе весь причиненный ущерб, тогда мы выцедим его подлую кровь по капле. А пока поедем отсюда подбру-поздорову и займемся каждый своим делом. Я уверен, что после свидания с ним ты получишь обратно не только Грейс, но и свой скот, и все будет в порядке.

Эти спокойные доводы были не по душе несчастному влюбленному, но так как он мог рассчитывать на помощь своих соседей и друзей, только приняв их собственные условия, ему волей-неволей пришлось согласиться с их представлениями о чести и добропорядочных поступках.

Эрнсклиф обратился к отряду с просьбой помочь ему проводить мисс Вир в замок ее отца, куда она непременно желала вернуться. На его просьбу откликнулись пятеро или шестеро молодых людей, изъявивших желание поехать с ним. Хобби среди них не было. Убитый горем после событий этого дня и после только что пережитого разочарования, он в угрюмом настроении вернулся домой, чтобы сделать все, что было в его силах, для поддержания и защиты своей семьи и договориться с соседями о дальнейших действиях, которые следовало предпринять ради освобо-

ждения Грейс Армстронг. Остальные участники отряда разбрелись кто куда, как только миновали трясину. Бандит и его мать следили за ними из башни, пока все не скрылись из виду.

Глава X

Тебя покинул я в ночи —
В убранстве снежном спал твой дом.
Вернусь, когда блеснут лучи
И розы расцветут кругом.

Старинная баллада

Выведенный из себя тем, что его друзья, как ему казалось, проявляют непонятное равнодушие к постигшей его беде, Хобби постарался избавиться от всяких спутников и теперь ехал домой совсем один.

— Дьявол ты этакий, — говорил он, нетерпеливо прищипывая вконец усталого и спотыкающегося коня, — ты ничуть не лучше всех их. Не я ли растил тебя, кормил, укрывал от непогоды. А теперь, в тяжелый для меня час, ты готов выбросить меня из седла и сломать мне шею. Ты такой же, как все они: каждый из них считается моей родней, пусть это иногда и десятая вода на киселе, — и сам я за каждого готов в любое время пролить кровь, а они... Им куда важнее какой-то грабитель Уэстбернфлет, чем кровный родич! Скоро покажутся огни Хейфута... Но нет! — воскликнул он, вдруг вспомнив обо всем, что произошло, — нет: в Хейфуте уже не разведут огня в камине и не зажгут свечки! Если бы не матушка, не сестры и не бедная Грейс, прищиприл бы я коня, махнул бы с обрыва в омут — и дело с концом!

В таком мрачном настроении Хобби повернул коня к избушке, в которой его близкие нашли себе приют. Подъехав к двери, он вдруг услышал сдержанный шепот и смех своих сестер.

— Дьявол обуял всех женщин, — пробормотал бедный Хобби. — Они не перестанут пересмеиваться и хихикать даже у гроба своей лучшей подруги. —

А, впрочем, я рад, что мои глупенькие хохотушки не слишком убиваются. Ведь не им, а мне надо думать, как выкручиваться из беды.

Рассуждая таким образом, он тем временем призывал коня под навесом.

— Придется тебе обходиться теперь без попоны и подпруги, приятель, — сказал он, обращаясь к коню. — Мы с тобой оба попали в такую переделку, что лучше бы нам очутиться на дне самых глубоких пучин Тэрреса!

Его прервала младшая из сестер; она выбежала из дома и заговорила с ним сдавленным голосом, как бы преодолевая волнение:

— Что ты так долго возишься там с лошадей, Хобби? Тебя уже больше часа ждет гость из Камберленда. Иди скорее, я сама сниму седло.

— Гость из Камберленда! — воскликнул Элиот и, вложив узду в руку сестры, стремглав бросился в дом.

— Где он? Где он? — спрашивал он, оглядываясь с нетерпением вокруг и видя только женщин. — Есть какие-нибудь новости о Грейс?

— В самом деле, куда же это гость запропастился? — сказала старшая сестра, давась от смеха.

— Полно вам, полно, детки, — добродушно увещевала внучек старушка, — хватит вам разыгрывать нашего Хобби. Оглянись-ка, сынок, и посчитай, не больше ли нас стало, чем утром.

Хобби внимательно оглядел всех присутствующих.

— Нет, только ты и трое сестренки.

— Нас четверо, Хобби, голубчик, — подсказала младшая сестра, которая только что вошла в комнату.

В следующее мгновение Хобби уже держал в своих объятиях Грейс Армстронг, которую он до сих пор принимал за одну из своих сестер, так как она куталась в ее плед.

— Ну, как же ты могла так? — повторял он.

— Право, я не виновата, — говорила Грейс, закрывая лицо руками и пытаясь таким образом скрыть краску смущения и в то же время отвести от себя бую поцелуев, обрушенных на нее женихом в нака-

зание за нехитрую уловку, — право же, это не я; тебе надо расцеловать Джини с сестрами: это их затея.

— Я их и расцелую, — заявил Хобби и принялся обнимать своих сестер и старушку, осыпая их поцелуями. От избытка счастья все четверо плакали и смеялись в одно и то же время.

— Я самый счастливый человек, — воскликнул Хобби, в изнеможении бросаясь на скамью, — я самый счастливый человек на свете!

— Тогда, дорогой сыночек, — сказала добрая старушка, которая не упускала благоприятного случая преподавать урок благочестия в тот момент, когда сердца слушателей были лучше всего настроены к его восприятию, — тогда, сын мой, вознеси хвалу тому, кто слезы превращает в улыбку и горе — в радость, подобно тому, как он сотворил свет из тьмы и весь этот мир из пустоты. Разве я не говорила тебе, что стоит тебе сказать: «Да свершится воля твоя», у тебя будет причина сказать: «Да святится имя твое, господи!»

— Говорила, говорила, бабуся, и я возношу хвалу господа за его милосердие и за то, что он дал мне такую добрую матушку, когда не стало моих собственных родителей, — сказал простодушный Хобби, беря ее за руку, — так что я вспоминаю о нем и в счастье и в беде.

На минуту или две воцарилось торжественное молчание, в течение которого эта дружная семья мысленно возносила к небу свои чистые и искренние молитвы, благодаря провидение за столь неожиданное возвращение их исчезнувшего друга.

Приступив к расспросам, Хобби принялся выведывать у Грейс все, что с нею приключилось. Скоро он узнал все подробности; сводились они в основном к следующему. В ту ночь Грейс проснулась от шума, поднятого вломившейся в дом шайкой. Один или двое слуг пытались оказать сопротивление, но их тут же одолели. Она поспешно оделась, сбежала вниз и, узнав в суматохе Уэстбернфлета, с которого спала маска, неосторожно назвала его по имени и стала молить о пощаде. Тогда разбойник сразу же заткнул

ей рот кляпом, выволок из дома и посадил на лошадь позади одного из своих сообщников.

— Я ему шею сверну, проклятому, — пробормотал Хобби, — пусть он теперь считается последним в роду Грэмов!

Она рассказала далее, что шайка повезла ее куда-то в южном направлении; впереди гнали награбленный скот, и так они ехали до самой границы. Вдруг грабителей нагнал человек, в котором она узнала одного из родственников Уэстбернфлета. Он передал предводителю шайки, что его двоюродному брату некий верный человек сказал, будто им не будет удачи, если они не вернут девушку ее друзьям. После некоторых пререканий предводитель шайки, по всей видимости, согласился. Посланец молча усадил Грейс позади себя, пустил лошадь во весь опор по безлюдной тропинке в Хейфут и еще до наступления вечера оставил усталую и перепуганную насмерть девушку в четверти мили от жилища ее друзей.

Все присутствовавшие от всей души поздравили друг друга со счастливым исходом дела. Но вот восторги утихли, и на смену им явились размышления менее приятного свойства.

— Плохо вам тут будет, — сказал Хобби, оглядываясь по сторонам, — сам-то я, конечно, могу заночевать на дворе возле своего коня — так я провел не одну ночь в горах. Но как вы-то все здесь устроитесь? Хуже всего, что тут, видно, ничего не поделаешь. Ни завтра, ни послезавтра ничего не изменится.

— Только трус мог с такой жестокостью лишить бедную семью крова, — сказала одна из сестер, разглядывая голые стены хижины.

— И не оставить ни быка, ни телки, — подхватил младший брат, который только что вошел, — ни овцы, ни ягненка, ни одной четырехногой животины.

— Ну, кабы мы с ним были в ссоре, — сказал Гарри, второй брат, — мы решили бы спор в честной драке. И надо же было нам уехать из дому, всем до одного! Ведь, будь мы дома, Уилли Грэм никогда не решился бы на такое дело. Ты ждешь, что он объявится, Хобби, а?

— Соседи считают, что надо встретиться с ним в Каслтоне и договориться обо всем при свидетелях, — сказал Хобби с убитым видом, — они всё хотят сделать по-своему, а иначе помощи от них не жди.

— Договориться с ним! — воскликнули оба брата в один голос. — После такого гнусного нападения! Подобного в наших краях не было со времен последней войны!

— Верно, верно, друзья. У меня самого кровь кипела в жилах, но увидел Грейс и сразу поостыл.

— Ну, а наш скот, Хобби? — сказал Джон Элиот. — Ведь мы вконец разорены. Мы с Гарри обехали дальние пастбища, но и там почти ничего не осталось. Ума не приложу, на что мы будем теперь жить. Придется, видно, пойти в солдаты. Кабы Уэст-бернфлет и захотел возместить убыток, у него же у самого ничего нет. Что с него возьмешь, даже если шкуру с него спустить! Единственную свою клячонку он заездил до того, что после ночных походов она еле держится на ногах. Мы нищие, нет у нас теперь ни кола, ни двора!

Хобби бросил печальный взгляд на Грейс Армстронг; она тоже посмотрела на него, а потом опустила глаза и тихо вздохнула.

— Не печальтесь, детки, — заговорила старуха, — у нас есть хорошие друзья. Они не оставят нас в беде. Ну вот, к примеру, сэр Томас Китллуф, мой троюродный брат с материнской стороны. Он получил немалое наследство, и к тому же его произвели в баронеты за то, что он был одним из комиссаров во время объединения.

— Он не даст ни полушки, чтобы спасти нас от голодной смерти, — возразил Хобби, — а если и даст, то хлеб, купленный на его деньги, станет у меня поперек глотки. Ведь за эти деньги была продана наша корона и независимость доброй старой Шотландии.

— Есть еще лэрд Дандер — его род один из самых старинных в Тивiotдейле.

— Он в тюрьме, матушка. Его засадили в эдинбургскую темницу за тысячу золотых, которые он занял у стряпчего Сондерса Уайликоута.

— Бедняга! — воскликнула миссис Элиот. — Нельзя ли что-нибудь послать ему, Хобби?

— Ты забываешь, бабуся, что мы сами нуждаемся в помощи, — сказал Хобби с некоторым раздражением.

— И точно — забыла, родной, совсем забыла, — отвечала добросердечная старушка, — всегда как-то думаешь сперва не о себе, а о своих родных. А что ты скажешь об Эрнскифе?

— У него у самого недостатки невелики, — отвечал Хобби, — а ведь ему надо поддерживать честь своего имени. Совестно нам обременять его новыми заботами. Нет, бабуся, нечего нам тут перебирать титулы своих родных да знакомых: от звона громких имен легче нам не станет; сильные мира сего о нас и думать забыли, а те, кто равен нам по положению, сами кое-как перебиваются. Нет у нас такого друга, который мог бы или захотел бы помочь нам восстановить хозяйство.

— Тогда, Хобби, нам остается лишь уповать на того, в чьих силах, как сказано в писании, дать человеку обрести друга или деньги даже в безлюдной пустыне.

Хобби так и подпрыгнул.

— Ты права, бабуся, — воскликнул он, — ты права. Я знаю друга в безлюдной пустыне, который может и хочет помочь нам. От всех этих событий у меня голова пошла кругом. Как это я забыл о деньгах, которые оставил валяться на Маклстоунской пустоши! Их вдвое больше, чем нам нужно, и я уверен, что Элши не пожалеет их для нас.

— Элши? — повторила изумленно старуха. — О каком Элши ты говоришь?

— О каком же еще Элши я могу говорить, как не о Мудром Элши с Маклстоунской пустоши, — ответил Хобби.

— Боже тебя упаси, сынок. Не хватало еще ходить за водой к отравленному колодцу и искать помощи у тех, кто связан с дьяволом. Пути их не праведны, и дары их не приносят счастья. Все в наших местах знают, что Элши водится с нечистым.

Нет у нас закона и порядка, не царит у нас справедливость и добродетель, не то таких, как он, стирали бы с лица земли. Колдуны и ведьмы — это позор и проклятие для страны.

— Полно вам, матушка, — возразил Хобби, — говорите что хотите, а я так думаю, что у ведьм и колдунов нет и половины той власти, которой они прежде пользовались. По мне, злоумышленники вроде старого Эллисло и злодеи вроде этого проклятого Уэстбернфлета куда большее зло и проклятие для страны, чем целое скопище самых страшных ведьм, которые когда-либо разъезжали на помеле или справляли свои шабаши в ночь под Иванов день. Элши давно мог бы сжечь мой дом и стойла, если бы захотел, ну а сейчас посмотрим, не сможет ли он помочь нам отстроить их заново. Слава о его мудрости идет по всей округе; о нем говорят даже в Бру, что под Стэнмором.

— Не поступай опрометчиво, сынок, не забывай о том, что его услуги не приносили никому добра. Джон Хауден умер осенью от той самой болезни, от которой Элши его будто бы вылечил. Корова Лэмсайда он выходил, верно, зато у того же Лэмсайда случился падеж овец, какого сроду не видывали. И потом, рассказывают, он такими словами поносит весь род людской, что бросает вызов самому провидению. Да ты и сам говорил, что, когда увидел его в первый раз, подумал, будто это оборотень, а не человек.

— Полно, матушка, — сказал Хобби, — Элши совсем не такой плохой человек. Слов нет, обличье у него как у всякого горбуна, да и разговаривает он грубо, но черт не так страшен, как его малюют. Я, пожалуй, перекушу чего-нибудь — у меня с утра маковой росинки во рту не было, — растянусь на пару часиков возле гнедого и рано поутру отправлюсь на Маклстоун.

— А что, если не ложиться, Хобби? — предложил Гарри. — Поедем вместе прямо сейчас.

— Лошадь у меня заморилась, — ответил Хобби.

— Можешь взять мою, — вставил Джон.

— Да и сам я устал.

— Устал? — удивился Гарри. — Не от тебя бы такое слышать. Я сам видел, как ты провел в седле целые сутки и не думал жаловаться на усталость.

— Очень уж ночь темная, — продолжал Хобби, вставая и бросая взгляд в окно избышки. — По правде говоря, лучше не вводить дьявола во искушение. Может быть, Элши по-настоящему честный малый, но ежели ехать к нему, лучше брать солнышко в попутчики.

Это откровенное признание положило конец спору. А Хобби, приняв решение, явившееся как бы компромиссом между необдуманными советами его братьев и робкими предостережениями старой матушки, подкрепился кое-какой снедью, которая нашлась в хижине, отправился под навес и растянулся возле своего верного коня. Его братья улеглись на нескольких охапках чистой соломы в хлеву, где Эннепл держала корову, а женщины остались в доме и постарались там разместиться на ночь поудобней.

Хобби поднялся с первым проблеском зари и, почистив и оседлав коня, отправился на Маклстоунскую пустошь. Он намеренно не разбудил ни одного из братьев, зная, что карлик наиболее благосклонно относится к тем, кто посещает его в одиночку.

— Наш мудрец не ахти какой сосед, — рассуждал он с самим собой по дороге. — Ему и один гость в тягость. Выходил он из своей лачуги, чтобы подобрать кошель с деньгами, или нет? Если нет, то его, стало быть, нашел какой-нибудь счастливчик, а я остался с носом. Вперед, Тэррес! — крикнул он своему коню, всаживая шпоры в бока. — Не подведи, старина: мы должны приехать первыми.

Он уже въезжал на пустошь, которую освещали первые лучи восходящего солнца. С некрутого склона, по которому он спускался, издали видно было жилище карлика. Дверь хижины открылась, и Хобби собственными глазами увидел то, что до этого при нем часто описывали другие. Из уединенного убежища отшельника появились две человеческие фигуры (если фигура карлика заслуживала такого названия); они остановились на открытом месте, по всей

видимости, погруженные в разговор. Человек более высокого роста вдруг нагнулся, как будто для того, чтобы подобрать что-то у двери хижины, затем оба прошли немного вперед и снова остановились, все еще поглощенные разговором. При виде этой сцены в сердце Хобби вновь проснулся суеверный страх. То, что карлик впустил к себе в дом простого смертного, было настолько же невероятно, как и то, что кто-то добровольно согласился прийти к нему ночью. Убежденный, что он является свидетелем беседы колдуна с дружески настроенным духом, Хобби резко натянул поводья, не желая мешать им. Они, видимо, почувствовали его приближение, потому что не прошло и минуты, как карлик вернулся к себе в хижину, а сопровождавший его высокий незнакомец бесшумно шагнул к окружавшей садик ограде и мгновенно исчез из глаз изумленного Хобби.

— Этакого ни одна живая душа не видела! — пробормотал Элиот. — Ну, да в моем положении все равно деваться больше некуда. Будь это сам Вельзевул, я рискну поехать ему навстречу.

Как он ни храбрился, он поневоле поехал медленнее; вдруг на том самом месте, где только что видел высокую фигуру, он заметил небольшой черный предмет с неопределенными очертаниями, напоминавшими спрятавшегося в вересковых зарослях терьера.

— Никогда не слышал, что он держит собаку, — рассуждал Хобби, — выходит, что одних чертей ему мало. Господи, прости меня за такие слова! А ведь с места не шелохнется этот... ну кто бы это там ни был. Пожалуй, это барсук — ведь кто знает, кем могут прикинуться оборотни, чтобы испугать человека. Неровен час, бросится на меня в образе льва или обернется крокодилом, когда я подъеду поближе. Запущу-ка я в него камнем, а то, если он примет другой образ, когда я буду совсем рядом, Тэррес испугается, как пить дать, — а враз и с чертом и с конем нипочем не сладить.

И он с опаской бросил камень в черневшийся предмет. Тот не сдвинулся с места.

— Значит, это все-таки не живое существо, — сказал Хобби, подъезжая ближе. — Э, да это тот самый кошель с деньгами, который он вчера выбросил из окна. А долговязый просто подтащил его поближе ко мне.

Он проехал вперед и поднял тяжелый кожаный кошель, битком набитый золотыми монетами.

— Господи спаси и помилуй, — шептал Хобби, терзавшийся противоречивыми чувствами: его то переполняли радостные надежды на будущее, то одолевали подозрения, что деньги подброшены ему с недоброй целью.

— Господи спаси и помилуй! Ведь и прикасаться-то страшно к тому, что только что побывало в когтях у нечистого. Вдруг все это проделки сатаны? Ну, да честному человеку и доброму христианину бояться нечего! Будь что будет!

Он приблизился к двери хижины и несколько раз постучал. Подождав и не получив ответа, он громким голосом обратился к ее обитателю:

— Элши, отец Элши! Я знаю, что ты дома и не спишь: я видел тебя на пороге, когда был еще на холме. Выйди и поговори минутку с человеком, который очень хочет тебя поблагодарить. То, что ты сказал мне об Уэстбернфлете, все было правдой. Но он вернул Грейс целой и невредимой, так что ничего непоправимого пока не произошло. Ну, выйди же на минутку, старина! Скажи хоть, что слушаешь меня. Ну что ж, не отвечай, коль не хочешь, я все равно буду говорить. Понимаешь, одно у меня не выходит из ума: ведь мы с Грейс молоды, трудно нам будет отложить нашу свадьбу на долгие годы, пока я не побываю на войне и не вернусь домой с деньгами; нынче не прежние времена: говорят, на войне больше трофеев не берут, да и с королевского жалованья богатства не накопишь. А бабка совсем стара стала, так что останутся мои сестры у камелька одни, и без меня некому будет их развеселить. Да ведь и соседям — скажем, Эрнслифу или тебе самому — может еще понадобится помощь Хобби Элиота. Эх, кабы цел был наш старый дом в Хейфуте! Вот я все

и думаю... Но, черт меня возьми, чего это я тут распинаюсь, — спохватился он, — перед человеком, который не хочет со мной и словом перемолвиться — не скажет даже, слушает он меня или нет.

— Говори что хочешь, поступай как знаешь, — откликнулся карлик из избушки, — только уходи поскорее и оставь меня в покое.

— Ладно, ладно, — отвечал Элиот, — раз уж ты готов слушать меня, я буду краток. Ты был так добр, что согласился дать денег, чтобы я мог восстановить Хейфут. Я, со своей стороны, согласен принять твой дар, и принимаю его с глубокой благодарностью. Говоря по правде, деньги будут сохраннее в моих руках: у тебя они валялись тут на земле, и любой бродяга мог их стащить. А кроме того, сколько тут по соседству лиходеев, которых не остановят ни запертые двери, ни замки. Послушай, ты отнесся ко мне как друг, и я с радостью приму твой дар. Ведь матушка и я — пожизненные арендаторы всех земель Уайдоупена, и мы дадим тебе расписку или залоговое свидетельство под эти деньги и будем каждые полгода делать взносы в погашение долга. Бумаги нам составит Сондерс Уайликоут, и все расходы по их оформлению я беру на себя.

— Прекрати свою болтовню и убирайся, — сказал карлик. — Со своим многословием и тупоголовой честностью ты еще более невыносим, чем вороватый придворный, который оберет человека, не утруждая его ни благодарностью, ни какими-либо объяснениями или извинениями. Прочь отсюда! Ты один из тех покорных рабов, которых слово сковывает крепче, чем цепи. Пользуйся этими деньгами и процентами с них до тех пор, пока я сам не потребую их обратно.

— Пойми, — продолжал неугомонный горец, — все мы только люди, и все мы смертны; надо же нашу сделку написать черным по белому. Ты все-таки набросай черновик расписки, а я ее аккуратно перепишу и скреплю своей подписью в присутствии надежных свидетелей. Только, Элши, прошу тебя: не говори в ней ничего такого, что может помешать спасению моей души. Все равно это напрасный труд, потому что я

дам ее прочитать пастору. Ну, сейчас я поеду. Тебе и так надоела моя болтовня, а мне надоело говорить одному. На днях привезу тебе кусок свадебного пирога и приеду с Грейс, чтобы познакомить ее с тобой. Она тебе понравится, ей-богу! Ведь ты хоть и кажешься суровым... Боже! Что с ним? Он стонет, как от боли, будто я толкую о какой-нибудь божественной благодати, а не о простой девушке, о моей Грейс Армстронг. Бедняга! Что-то все-таки с ним неладно. Но ко мне он относится так, будто я его родной сын. Хорошенький папаша был бы у меня, если бы это было правдой!

Хобби наконец избавил благодетеля от своего присутствия и с легким сердцем отправился домой, показать сокровище и обсудить меры, которые надлежало принять, дабы возместить урон, причиненный набегом Рыжего Разбойника из Уэстбернфлета.

Глава XI

О небо, сжался надо мной!
Три негодяя в час дневной
Вчера похитили меня
И усадили на коня, —
И вот я здесь. Клянусь творцом,
Не знаю я, чей это дом.

Кристабел

Следует несколько отклониться от нашего рассказа и описать обстоятельства, поставившие мисс Вир в весьма неприятное положение, из которого ее неожиданно и, по сути говоря, случайно вызволило появление Эрнскифа и Элиота с их отрядом у стен крепости Уэстбернфлет. Вернемся немного назад.

Утром того дня, когда был ограблен и сожжен дом Хобби, отец мисс Вир попросил дочь сопровождать его на прогулке в уединенном уголке живописных угодий, окружавших замок Эллисло. «Слышать — значит повиноваться», — гласит закон восточного деспотизма, и, дрожа от страха, Изабелла молча после-

довала за отцом по каменистой тропинке, которая то извивалась вдоль реки, то поднималась на крутые утесы, окаймлявшие ее берега. С ними был один-единственный слуга, выбранный в провожатые, по всей вероятности, из-за своей необычайной глупости. Отец молчал, и Изабелла ничуть не сомневалась, что он выбрал это уединенное место для того, чтобы вновь вернуться к столь часто затевавшемуся между ними в последнее время разговору о сэре Фредерике и что сейчас он размышляет, как бы похуже внушить дочери мысль о необходимости принять его в качестве соискателя ее руки. Но время шло, и ее опасения казались безосновательными. Замечания, с которыми ее отец время от времени к ней обращался, касались только романтической красоты окружающей природы, которая по мере того как они шли вперед, являла взору все новые картины. На эти замечания, исходившие от человека, которым, казалось, владели более мрачные и важные мысли, Изабелла старалась отвечать как можно более легким и беззаботным тоном, преодолевая невольно закрадывавшийся в душу страх.

Кое-как поддерживая этот обрывочный разговор, отец и дочь через некоторое время очутились в центре рощицы, состоявшей из крупных дубов, берез, рябин, орешника, остролиста и разнообразного подлеска. Ветви высоких деревьев тесно переплетались над головой, а кустарник покрывал свободное пространство между стволами. Место, на котором они остановились, было более открытым, но и над ним простиралась природная древесная сень, а по бокам доступ свету преграждали буйно разросшиеся молодые деревца и кустарник.

— Вот здесь, Изабелла, — сказал мистер Вир, возобновляя то и дело прерывавшийся разговор, — здесь я воздвигнул бы алтарь дружбы.

— Дружбы, сэр? — удивилась мисс Вир. — Но почему именно в таком мрачном и уединенном месте?

— Место выбрано правильно, и это легко доказать, — отвечал с усмешкой отец. — Ты считаешь себя образованной девушкой, мисс Вир, и знаешь, что

древние римляне не только обожествляли известные им полезные качества и добродетели; они создавали особый культ для каждого оттенка и разновидности этих добродетелей во всех их индивидуальных проявлениях. Возьмем, к примеру, дружбу, в честь которой должен быть здесь воздвигнут храм: это не мужская дружба, которой глубоко чужды всякого рода двуличность, интриги и притворство, а женская дружба, которая, в сущности, в том только и заключается, что так называемые подруги подстрекают одна другую на обман и мелкие интриги.

— Вы строго судите о женщинах, сэр.

— Не строже, чем они того заслуживают, — отвечал отец. — К тому же мой портрет лишь слабая копия с оригинала; это портрет, созданный благодаря возможности созерцать два столь великолепных творения, как мисс Айлдертон и ты.

— Если я ненароком совершила какой-то проступок, сэр, то со всей искренностью уверяю вас, что ни о чем не советовалась с мисс Айлдертон и не делилась с нею.

— Ах так! — воскликнул мистер Вир. — Кто же внушил тебе то легкомыслие в речах и дерзость в спорах, которыми ты за последнее время оттолкнула сэра Фредерика и причинила мне столько неприятностей?

— Если своим поведением я имела несчастье доставить вам неудовольствие, сэр, то приношу вам самые глубокие и самые искренние извинения. Но я отнюдь не раскаиваюсь, что отвечала дерзко сэру Фредерику, когда он стал грубо преследовать меня. Раз уж он забыл, что я аристократка по рождению, необходимо было ему напомнить, что я по крайней мере женщина.

— Прибереги, пожалуйста, свои дерзости для тех, кто захочет спорить с тобой на эту тему, Изабелла, — холодно заметил отец. — Что до меня, подобные разговоры мне надоели, и я больше не скажу об этом ни слова.

— Да благословит вас бог, дорогой отец! — воскликнула Изабелла, схватив отца за руку, которую

тот хотел было отнять. — Я во всем готова повиноваться вам, но не заставляйте меня выслушивать любезности этого человека. Они для меня тяжелое наказание.

— Ты бываешь отменно любезна, мисс Вир, когда послушание соответствует твоим интересам, — продолжал неумолимый отец, вырывая у дочери руку, — но отныне, дорогая, я не намерен докучать тебе своими советами. Полагайся только на себя.

В этот момент на них набросились четверо бандитов. Мистер Вир и слуга выхватили кинжалы, которые в те времена принято было всегда иметь при себе, и попытались отразить атаку и защитить Изабеллу. Но пока каждый из них сражался с одним из нападавших, два других негодяя увлекли молодую женщину в чащу и там усадили ее на спрятанную в роще лошадь. Вскочив на своих лошадях, они пустились крупной рысью, держа ее лошадь с двух сторон за узду. Еле заметными и извилистыми тропинками по полям и долинам, через пустошь и болото они привезли ее в крепость Уэстбернфлет, где она оставалась под строгим, но заботливым надзором старухи, сыну которой принадлежала эта твердыня. Как ни умоляла мисс Вир старую каргу открыть причину, по которой ее увезли силой и подвергли заключению в этом уединенном месте, та не сказала ни слова. Появление перед крепостью Эрнсклифа с сильным отрядом всадников встревожило бандита. Он уже отдал приказание вернуть Грейс Армстронг ее друзьям, и ему и в голову не пришло, что это неожиданное нападение предпринято ради нее. Увидев во главе отряда Эрнсклифа, привязанность которого к мисс Вир была предметом толков во всей округе, он уже не сомневался, что единственной целью нападения является ее освобождение. Боязнь личной ответственности принудила его выдать пленницу; о том, как это все произошло, было рассказано выше.

В тот самый момент, когда послышался топот лошадей, увозивших дочь Эллисло, ее отец упал на землю. Слуга, рослый парень, который уже начал было теснить своего противника, тотчас перестал

сражаться и бросился на помощь хозяину, решив, что тот получил смертельную рану. Оба негодяя тут же покинули поле боя, скрылись в кустах и, сев на лошадей, поскакали во весь опор вслед за своими товарищами. Между тем Диксон с радостью обнаружил, что мистер Вир не только жив, но даже не ранен. Он, по всей видимости, просто потерял равновесие в пылу битвы и упал, споткнувшись о корень дерева, в то время как пытался нанести удар своему противнику. Отчаяние, охватившее его, когда он обнаружил исчезновение дочери, было, по словам Диксона, настолько велико, что зрелище это растрогало бы даже камень. Он был так обессилен своим горем и несколькими бесплодными попытками отыскать след похитителей, что добрался до дома и поднял на ноги всех слуг очень нескоро.

Все его поведение свидетельствовало о безутешном горе.

— О, не говорите со мной, сэр Фредерик, — нетерпеливо повторял он, — вы никогда не были отцом. Она моя дочь, неблагодарная дочь, увы, но зато единственная! Где мисс Айлдертон? Она должна что-нибудь знать о случившемся. Мне кое-что известно об ее интригах: ни к чему хорошему они привести не могли. Иди, Диксон, позови сюда Рэтклифа. Пусть он явится, не мешкая ни минуты.

В этот момент человек, о котором шла речь, вошел в комнату.

— Послушай, Диксон, — продолжал мистер Вир другим тоном, — передай мистеру Рэтклифу, что я хотел бы побеседовать с ним по важному делу. — Ах, дорогой мой, — продолжал он, как бы только что заметив вошедшего, — именно ваш совет мне более всего необходим в постигшем меня несчастье.

— Что случилось, мистер Вир, чем вы так взволнованы? — спросил мистер Рэтклиф озабоченным тоном. И пока лэрд Эллисло излагает Рэтклифу во всех деталях утреннее происшествие, сопровождая свой рассказ жестами, выражающими крайнее горе и возмущение, мы воспользуемся возможностью

рассказать читателям о взаимоотношениях этих двух джентльменов.

Молодые годы мистер Вир из Эллисло провел в необузданной погоне за наслаждениями. Позже ей на смену явилось мрачное и ненасытное честолюбие, не менее пагубное по своим последствиям. Он привык удовлетворять свои страсти, не считаясь с тем, что это подтачивает его состояние; зато в тех случаях, где дело не шло об удовлетворении его прихотей, он был скуп и расчетлив. Когда в результате бурно проведенной молодости его дела пришли в упадок, он уехал в Англию, где, как стало известно, вступил в выгодный брак. Много лет он не жил в своем родовом имении. Вдруг, неожиданно для всех, он вернулся вдовцом и привез с собой дочь, которой было тогда лет десять. С этого момента он, по мнению простодушных обитателей окрестных гор, принялся тратить деньги без ограничения. Казалось, он давно уже должен был погрязнуть в долгах, но он продолжал жить на широкую ногу, пока в замке Эллисло не поселился мистер Рэтклиф; и вот тут, всего за несколько месяцев до начала нашего повествования, все вокруг окончательно убедились в его разорении. С момента своего прибытия последний, при молчаливом согласии, хотя и к неудовольствию хозяина замка, захватил в свои руки бразды правления и стал оказывать какое-то необъяснимое влияние на ведение всех его личных дел.

Мистер Рэтклиф был серьезным, уравновешенным и сдержанным человеком средних лет. Все, кому доводилось вступать с ним в деловые отношения, считали его человеком необычайно сведущим. С людьми он общался мало, но при встречах и беседах всегда поражал своими знаниями и умом. Еще до того, как он окончательно поселился в замке, он время от времени навещал мистера Вира и тот, в отличие от своей обычной манеры обращаться с теми, кто стоял ниже его по положению, всегда относился к нему с подчеркнутым вниманием, чуть ли не с подобострастием. Тем не менее казалось, что хозяин замка всякий раз испытывал какую-то неловкость при его появлении,

а проводив его, облегченно вздыхал. Таким образом, когда Рэтклиф приехал и поселился в замке, легко было заметить, что его присутствие доставляет мистеру Виру мало удовольствия. И действительно, в их отношении друг к другу своеобразно сочетались доверие и настороженность. Мистер Рэтклиф вел наиболее важные дела мистера Вира, и хотя последний отнюдь не был одним из тех богатых бездельников, которым лень настолько мешает заниматься собственными делами, что они рады препоручить их кому-нибудь другому, тем не менее во многих случаях можно было наблюдать, как он поступался своим мнением и соглашался с мнением Рэтклифа, которое тот не стеснялся довольно недвусмысленно высказывать.

Ничто, казалось, не выводило мистера Вира из себя больше, чем замечания окружающих, касающиеся зависимого положения, в котором он очутился. Когда об этом заговаривал сэр Фредерик или кто-нибудь из друзей, мистер Вир обычно возражал им в надменном и возмущенном тоне или же пытался уклониться от прямого ответа, говоря с принужденным смехом, что Рэтклиф знает себе цену, что он самый честный и знающий человек на свете и что без помощи и совета Рэтклифа он просто не в состоянии управиться со своими английскими делами. Таков был человек, который вошел в комнату в тот момент, когда мистер Вир призывал его к себе, и который с удивлением, смешанным с явным недоверием, выслушал теперь торопливую повесть о том, что произошло с Изабеллой.

Ее отец кончил следующими словами, обращенными к сэру Фредерику и другим джентльменам, которые стояли вокруг, изумленно внимая рассказу:

— И теперь, друзья мои, вы видите перед собой самого несчастного отца во всей Шотландии. Помогите мне, джентльмены, посоветуйте что-нибудь, мистер Рэтклиф. Этот неожиданно свалившийся на меня удар совершенно лишил меня способности действовать и соображать.

— Возьмем лошадей, кликнем своих людей, объездим всю округу и разыщем негодяев, — предложил сэр Фредерик.

— Неужели, — многозначительно проговорил Рэтклиф, — вы никого не подозреваете в том, что у него был какой-то повод для совершения столь странного преступления? Сейчас не рыцарские времена, и девушки не похищают ради их красоты.

— Боюсь, — сказал мистер Вир, — что я слишком хорошо знаю причины этого странного происшествия. Прочитайте-ка это письмо. Мисс Айлдертон не постеснялась отправить его из моего дома молодому Эрнсклифу, которого я имею наследственное право считать врагом нашей семьи. Вы видите, что она пишет ему, как человек, посвященный в тайну его любви к моей дочери, которую он даже не считает нужным скрывать, и сообщает ему, что она готова всячески помочь ему в достижении его цели, и более того — что в гарнизоне замка у него есть друг, который сослужит ему еще более полезную службу. Обратите особое внимание на написанные карандашом строчки. мистер Рэтклиф, где эта назойливая девчонка советует действовать решительно и уверяет, что его ухаживания увенчаются успехом, стоит только девушке оказаться за пределами земель баронов Эллисло.

— И это романтическое письмо некоей крайне романтической молодой особы, — заметил Рэтклиф, — заставляет вас, мистер Вир, утверждать, что молодой Эрнсклиф насильно увез вашу дочь, совершив тем самым тяжкое преступление, и что якобы для него оказалось вполне достаточно совета и заверений мисс Люси Айлдертон?

— Но что же я могу еще предположить? — сказал Эллисло.

— Да, что еще вы можете предположить? — вмешался сэр Фредерик. — Или кто еще мог иметь какие-нибудь мотивы для совершения подобного преступления?

— Если таким образом пытаться искать виновного, — возразил спокойно мистер Рэтклиф, — то легко можно указать на лиц, которым такое преступ-

ление было бы еще более выгодным и у которых тоже нашлось бы достаточно мотивов для того, чтобы способствовать ему. Можно предположить, что кому-то показалось желательным увезти мисс Вир в такое место, где можно было бы воздействовать на нее в определенном отношении гораздо сильнее, чем под крышей замка Эллисло. Что скажет сэр Фредерик Лэнгли о таком предположении?

— Я заявляю, — отвечал тот, — что если мистеру Виру угодно мириться с вольностями, допускаемыми мистером Рэтклифом и совершенно несовместимыми с его положением в обществе, то это его дело; но я никому не позволю безнаказанно делать подобные намеки в отношении меня.

— А я заявляю, — воскликнул юный Маршал из Маршал-Уэллса, который тоже гостил в замке, — я заявляю, что вы все с ума сошли: стоите и переругиваетесь между собой, вместо того чтобы помчаться в погоню за негодяями.

— Я уже отправил слуг по наиболее вероятному направлению, — сказал мистер Вир. — Если вы окажете мне честь сопровождать меня, мы присоединимся к поискам.

Предприятие это закончилось полным провалом, возможно потому, что Эллисло направил погоню к замку Эрнсклифа, исходя из предположения, что его владелец окажется виновником совершенного насилия. Таким образом отряд двинулся в направлении, прямо противоположном тому, в котором ускакали похитители. К вечеру все вернулись обратно, измученные и злые. Тем временем в замок прибыли новые гости; однако после того, как им рассказали об утрате, только что понесенной владельцем замка, и они выразили свое удивление и соболезнование по этому поводу, все тут же о ней забыли, углубившись в обсуждение политических интриг, которые уже дошли до состояния кризиса и с минуты на минуту могли привести к взрыву.

Несколько джентльменов, принимавших участие в совете, были католиками и все без исключения — убежденными якобитами. Каждый был полон самых

радужных надежд в связи с ожидавшимся со дня на день вторжением монархистов из Франции. Шотландия была скорее готова приветствовать это событие, чем сопротивляться ему, ибо в стране не было боеспособных гарнизонов и крепостей, а среди населения росло число недовольных. Рэтклиф, которого никто не приглашал присутствовать при дебатах по всем этим вопросам и который сам не проявлял к ним ни малейшего интереса, ушел к себе. Мисс Айлдертон была подвергнута чему-то вроде почетного заключения — «до тех пор, пока, — по выражению мистера Вира, — не представится случай отправить ее домой, к отцу». Такой случай представился на следующий же день.

Слуги и домочадцы не переставали удивляться тому, что странное нападение на мисс Вир и ее исчезновение были так быстро забыты всеми в замке. Они и не подозревали, что тем, кто больше всего был заинтересован в судьбе девушки, были хорошо известны и причины ее похищения и то место, куда ее отвезли; что касается прочих, то в тревожное и смутное время, предшествовавшее возникновению заговора, их мало волновало все, что не было непосредственно связано с их собственными интригами,

Глава XII

Скачите вы — направо,
Вы — налево.
Где нам искать ее?

На следующий день поиски были возобновлены (возможно, только для вида), но оказались они столь же безуспешными. Вечером отряд возвращался в Эллисло.

— Уму непостижимо, — сказал Рэтклифу Маршал, — как это четыре всадника со своей пленницей могли проехать по местности, не оставив после себя никаких следов. Можно подумать, что они пролетели по воздуху или провалились сквозь землю,

— Люди, — отвечал Рэтклиф, — часто узнают о том, что *есть*, после того, как обнаружат то, чего *нет*. Мы обрыскали все дороги и тропинки, идущие от замка во всевозможных направлениях, за исключением одной извилистой и заросшей тропинки, которая ведет на юг по Уэстберну через трясины.

— Но почему же мы ее не осмотрели? — спросил Маршал.

— О, этот вопрос вам лучше задать мистеру Виру, — сухо ответил его собеседник.

— Так я задам его немедленно, — заявил Маршал.

— Мне сказали, сэр, — обратился он к мистеру Виру, — что имеется тропинка, которую мы еще не осмотрели. Она ведет в Уэстбернфлет.

— О, — сказал со смехом сэр Фредерик, — мы хорошо знаем владельца Уэстбернфлета: он — сорви-голова и не очень-то отличает свое добро от имущества соседей, но при всем том он человек, честно придерживающийся определенных принципов. Он не тронет ничего, что принадлежит Эллисло.

— Кроме того, — сказал мистер Вир, загадочно улыбаясь, — вчера вечером у него было достаточно хлопот. Вы слышали, что у молодого Элиота, владельца Хэйфута, сожгли дом и угнали весь скот? И все потому, что он отказался присоединиться к честным людям, которые собираются выступить в защиту короля.

Все обменялись улыбками, как будто услышали о некоем славном событии, благоприятствовавшем их собственным планам.

— И тем не менее, — не унимался Маршал, — мы должны поехать и в этом направлении, иначе мы не выполним до конца своего долга.

Поскольку против этого предложения нечего было возразить, отряд повернул в сторону Уэстбернфлета. Однако они не успели далеко отъехать, как послышался лошадиный топот и показались несколько всадников, двигавшихся им навстречу.

— Это же Эрнсклиф, — воскликнул Маршал, — хорошо знаю его гнедого скакуна со звездой на лбу.

— И с ним моя дочь! — гневно воскликнул мистер Вир. — Кто назовет теперь вздорными или пустыми мои подозрения? Джентльмены, друзья, призываю вас: с оружием в руках помогите мне вернуть дочь!

Он обнажил шпагу; сэр Фредерик и некоторые его приверженцы последовали его примеру и приготовились атаковать встречный отряд. Но большинство остановилось в нерешительности.

— Они же приближаются мирно и без всяких враждебных намерений, — заявил Маршал-Уэллс. — Давайте послушаем, как они сами объяснят это загадочное происшествие. Если мисс Вир подверглась хотя бы малейшему оскорблению или как-нибудь пострадала от рук Эрнскифа, я первый отомщу за нее. Но сначала выслушаем, что они скажут.

— Вы обижаете меня своими подозрениями, Маршал, — продолжал Вир. — От кого другого, но от вас я этого не ожидал.

— Вы вредите самому себе, непременно желая прибегнуть к насилию, хотя в этом вас можно легко извинить.

Он проехал немного вперед и громко крикнул:

— Мистер Эрнскиф, стойте! Впрочем, вам и мисс Вир лучше выехать нам навстречу. Вас обвиняют в том, что вы похитили эту девушку из отцовского дома, и все мы с оружием в руках готовы пролить кровь, чтобы вернуть ее и по справедливости наказать тех, кто причинил ей зло.

— Я действовал из тех же самых побуждений, мистер Маршал, — отвечал Эрнскиф, — когда сегодня утром освободил ее из темницы, в которой она томилась. А сейчас я сопровождаю ее обратно в замок Эллисло.

— Так ли это, мисс Вир? — спросил Маршал.

— Да, да, — поспешно ответила Изабелла, — ради бога, уберите свои шпаги. Клянусь всем, что есть у меня святого, меня похитили бандиты — люди, которых я видела впервые в жизни, и только вмешательство этого джентльмена вернуло мне свободу.

— Кто же, однако, и с какой целью сделал это? — недоумевал Маршал. — А вы не узнали место, в которое вас увезли? Эрнскиф, где вы нашли девушку?

Прежде чем тот успел ответить, Эллисло выехал вперед и, вложив шпагу в ножны, прервал их разговор.

— Когда мне станет точно известно, — сказал он, — чем именно я обязан Эрнскифу, он может соответственно рассчитывать на мою признательность. А пока, — продолжал он, беря лошадь мисс Вир за узду, — пока я благодарю его за то, что он вернул дочь тому, кто по праву крови является ее естественным защитником.

Эрнскиф не менее высокомерно и угрюмо кивнул в ответ, а Эллисло, проехав с дочерью немного назад по дороге, ведущей к замку, вступил с нею в разговор, настолько оживленный, что остальные члены отряда сочли неудобным следовать сразу же за ними. Между тем Эрнскиф, обратившись к спутникам Эллисло, сказал им на прощанье:

— Хотя я не совершил ничего предосудительного, мне кажется, что мистер Вир полагает, будто я принимал какое-то участие в насильственном похищении его дочери. Я прошу вас, джентльмены, принять во внимание, что я категорически отвергаю это оскорбительное подозрение. Я готов простить самого мистера Вира, которого отцовские чувства могли в такой момент ввести в заблуждение, но если кто-нибудь еще из джентльменов (здесь он посмотрел в упор на сэра Фредерика Лэнгли) считает недостаточным мое слово, а также свидетельство мисс Вир и моих друзей, сопровождающих меня, то я буду счастлив, только счастлив, опровергнуть обвинение, как это подобает человеку, почитающему свою честь дороже жизни.

— А я выйду вместе с ним, — заявил Саймон Хэкберн, — и возьму на себя любых двух из вас, будь они знатного или простого происхождения, лэрды или крестьяне, — мне на это наплевать.

— Кто этот мужлан, — спросил сэр Фредерик Лэнгли, — и почему он вмешивается в ссору джентльменов?

— Я из Верхнего Тевiota, — сказал Саймон, — и я завожу ссоры с кем хочу, кроме короля или моего собственного лэрда.

— Полно, полно, — сказал Маршал, — довольно ссор. Мистер Эрнсклиф, хотя наши взгляды во многом различны и мы можем оказаться противниками и даже врагами, однако, если так случится, мы, надо надеяться, не запятнаем своего честного имени и не потеряем уважения друг к другу. Я верю в то, что вы настолько же непричастны к этому делу, как и я сам. И ручаюсь, что мой кузен Эллисло, как только он после всех этих неожиданных событий обретет способность здраво рассуждать, самым подобающим образом признает всю важность услуги, которую вы оказали ему сегодня.

— Самая возможность оказать услугу вашему кузену уже достаточная награда. До свидания, джентльмены, — продолжал Эрнсклиф. — Я вижу, большинство из вас уже отправилось к замку.

Учтиво поклонившись Маршалу и небрежно кивнув остальным, Эрнсклиф повернул коня и направился в Хейфут, чтобы обсудить с Хобби Элиотом дальнейшие шаги для розысков его невесты, о возвращении которой он еще не знал.

— Каков, а? — воскликнул Маршал. — Право, он славный и храбрый малый! Хотел бы я повстречаться с ним на зеленом поле. В колледже меня считали почти равным ему на рапирах; интересно, как бы у нас получилось на шпагах?

— По-моему, — заметил сэр Фредерик, — мы поступили очень неправильно, что позволили ему и его людям уехать, не отобрав у них оружия. Такой ловкий молодой человек, пожалуй, соберет под своей командой немало вигов.

— Стыдитесь, сэр Фредерик! — воскликнул Маршал. — Неужели вы думаете, что Эллисло согласится запятнать себя, допустив насилие над Эрнсклифом, когда тот вступил в его владения для того, чтобы вернуть ему дочь? И даже если бы Эллисло разделял ваши настроения, неужели вы думаете, что я и другие джентльмены опозорим себя, согласившись

помогать вам в таком деле? Нет и еще раз нет! Честь и родная Шотландия превыше всего! Когда засверкают мечи, я буду в первых рядах, но пока они в ножнах, давайте вести себя как подобает джентльменам и добрым соседям.

Вскоре они прибыли в замок, где Эллисло, опередивший их на несколько минут, встретил их во дворе.

— Как чувствует себя мисс Вир? Узнали вы, почему ее похитили? — поспешно спросил Маршал.

— Она очень утомлена и ушла к себе. Вряд ли она сможет пролить свет на это приключение, пока не придет в себя, — ответил ее отец. — Мы оба очень признательны вам, Маршал, и всем нашим друзьям за вашу заботу. Но на время мои отцовские чувства должны умолкнуть и уступить место чувствам патриота. Вы знаете, что сегодня мы должны принять окончательное решение: время не ждет, наши друзья всё прибывают, и я пригласил в замок не только дворян, но и многих из их людей, которые нам неизбежно понадобятся. А у нас едва хватит времени, чтобы подготовиться к их встрече. Просмотрите-ка эти списки, Марши (таким прозвищем окрестили Маршала-Уэллса друзья). А вы, сэр Фредерик, прочтите эти письма из Лотиана и Западной Шотландии. Урожай созрел, и нам остается только кликнуть жнецов.

— Приветствую это от всей души, — сказал Маршал. — Чем больше шума, тем веселее охота.

У сэра Фредерика был угрюмый и озабоченный вид.

— Пойдемте со мною, мой дорогой друг, — сказал Эллисло помрачневшему баронету, — мне нужно сказать вам по секрету кое-что, чем вы останетесь довольны.

Они вошли в дом, оставив Рэтклифа и Маршала во дворе.

— Итак, — сказал Рэтклиф, — люди ваших политических убеждений настолько уверены в падении теперешнего правительства, что даже не считают нужным скрывать свое участие в заговоре,

— Может быть, мистер Рэтклиф, — отвечал Маршал, — действия и настроения *ваших* друзей и нуждаются в том, чтобы их скрывали, а мне больше по душе то, что мы можем действовать открыто.

— А ведь вы, — продолжал Рэтклиф, — несмотря на ваши врожденные недостатки: легкомыслие и горячность (простите, мистер Маршал, но я прямой человек), обладаете природным здравым умом и благоприобретенными знаниями; так неужели вы настолько одурели, что позволили втянуть себя в это отчаянное предприятие? Как чувствует себя ваша голова, когда вы принимаете участие в этих опасных совещаниях?

— Не так крепко на плечах, — ответил Маршал, — как в тех случаях, когда я веду беседу о псовой или соколиной охоте. Я не обладаю хладнокровием моего кузена Эллисло, который говорит о государственной измене, будто читает детские стишки, и когда теряет, а потом находит свою очаровательную дочку, то выказывает при этом меньше чувства, чем я, потеряв щенка своей борзой. Мой характер далеко не столь закален, а моя ненависть к правительству не столь велика, чтобы ослепить меня и заставить забыть об опасности нашего предприятия.

— Тогда почему же вы идете на этот риск?

— Почему? Я всем сердцем предан бедному изгнаннику королю, да и мой отец когда-то принимал участие в деле при Килликрэнки. Кроме того, у меня свои счета с придворными из объединенного правительства, с теми, кто продал прежнюю независимую Шотландию.

— И ради этих призрачных целей, — возразил его наставник, — вы готовы ввергнуть родину в пучину войны и подвергнуть себя опасности?

— Я готов? Что вы! Просто чему быть — того не миновать. А опасность — что ж, лучше встретиться с нею завтра, чем через месяц. А то, что она пожалуй, в этом я не сомневаюсь. И, как говорят в народе, чем скорее, тем лучше. На то и дана молодость. Что касается риска быть повешенным, то, выражаясь

словами сэра Джона Фальстафа, я на виселице буду выглядеть не хуже, чем любой другой. Помните конец старой баллады?

Так весело, отчаянно
Шел к виселице он,
В последний час в последний пляс
Пустился Макферсон.¹

— Мистер Маршал, мне вас жаль, — сказал его суровый советчик.

— Я очень признателен вам, мистер Рэтклиф, но я не хотел бы, чтобы вы судили о нашем деле по тем оправданиям, которые я сам для него нахожу. В нем участвуют головы поумнее моей.

— И более умные головы, чем ваша, могут с равным успехом полететь с плеч, — сказал Рэтклиф предостерегающим тоном.

— Все может быть, но важно, чтоб на сердце было всегда легко. И, дабы от ваших увещаний у меня не стало тяжело на сердце, давайте пока расстанемся, мистер Рэтклиф, а за обедом вы увидите, что мрачные предчувствия не отняли у меня аппетита.

Глава XIII

...Чтоб скрасить облик мятежа нарядом,
Приятным взору легковверных дурней
Иль бедняков, обиженных судьбою,
Которые чуть что — сбегутся в кучу
И разевают рты...

«Генрих IV», ч. II

В этот важный день в замке Эллисло деятельно готовились к приему гостей. Собраться должны были не только окрестные дворяне, примкнувшие к якобитам, но также многие из недовольных рангом пониже, которые решили принять участие в рискованном предприятии, побуждаемые к этому либо превратностями

¹ Перевод С. Маршака,

судьбы, либо любовью к смене впечатлений, негодованием против Англии, либо любым другим из многочисленных обстоятельств, разжигавших в то время страсти. Людей именитых и состоятельных было немного, ибо почти все крупные землевладельцы держались в стороне, а большинство мелкопоместных дворян и именов были пресвитерианами и поэтому, как бы неприяженно они ни относились к объединенному правительству, участвовать в якобитском заговоре не хотели. Однако среди гостей было несколько богатых джентльменов, поддерживавших заговор из семейных традиций, или религиозных побуждений, или же попросту разделявших честолюбивые планы Эллисло. Было также несколько горячих молодых людей, подобных Маршалу, жаждавших прославиться, приняв участие в опасном заговоре, который, как они надеялись, вернет независимость их родине. Среди прочих было тут и немало отчаянных людей из низших слоев, готовых в любой момент поднять восстание в этой части страны. Несколько позже, в 1715 году, они снова восстали под предводительством Форстера и Дервентуотера, причем отряд Дугласа, дворянина из пограничной области, почти целиком состоял из флибустьеров, среди которых немаловажную роль играл пресловутый «Счастливчик».

Мы считаем необходимым упомянуть все эти детали, как характерные только для тех мест, где происходит действие нашего рассказа; в других частях страны якобитская партия, разумеется, представляла собою куда более грозную силу и состояла из более уважаемых личностей.

В просторном зале замка Эллисло был накрыт длинный стол. Все здесь сохранилось примерно в том же виде, в каком было и сто лет назад: полутемный зал, пересеченный ребрами сводчатых арок, выложенных из больших отесанных камней, тянулся во всю длину замка; в центре свода каждой из арок находились высеченные из того же камня изображения голов фантастических существ, созданных воображением готического мастера, которые ухмылялись, хмурились или скалили клыки на сидящих внизу гостей.

Пиршественный зал освещался с двух сторон длинными узкими окнами с мутными цветными стеклами, едва пропускавшими тусклые и обесцвеченные лучи солнца. Над креслом, в котором восседал Эллисло, развевалось знамя, захваченное, согласно преданию, у англичан в битве при Сарке. Сейчас его значение состояло в том, чтобы поднимать дух гостей, напоминая им о былых победах над соседями. Сам Эллисло, лицо которого, несмотря на суровое и зловещее выражение, вполне можно было назвать красивым, оделся ради такого случая с особой тщательностью и являл собой импозантную фигуру: он выглядел настоящим феодальным бароном прежних времен. Справа от него поместился сэр Фредерик Лэнгли, слева — Маршал из Маршал-Уэллса. Именитые джентльмены со своими сыновьями, братьями и племянниками сидели во главе стола; среди них был и мистер Рэтклиф. Ниже солонки, массивной серебряной посуды, занимавшей середину стола, сидели все *sine nomine turba*¹ — люди, тщеславию которых льстило уже одно то, что они вообще приглашены в подобное общество, в то время как различие, соблюдаемое в их размещении, щекотало самолюбие тех, что стояли выше их по положению. Насколько невзыскательно выбирали гостей для «нижней палаты» можно было заключить хотя бы по тому, что среди них находился Уилли Уэстбернфлет. Наглость этого субъекта, который без зазрения совести явился в дом джентльмена, коему он только что нанес столь вопиющее оскорбление, можно было объяснить лишь его уверенностью в том, что его роль в деле похищения мисс Вир оставалась тайной, которую ни она сама, ни ее отец не намеревались разглашать.

Этому многочисленному и разношерстному сборищу был подан обед, состоявший отнюдь не из отборных деликатесов, как принято писать в газетах, но из блюд сытных, прекрасно приготовленных и настолько обильных, что от них ломился стол. Однако ни вкусная еда, ни возлияния не вызвали сначала

¹ Без имени (лат.).

особого веселья. Гости, сидевшие на нижнем конце стола, в течение некоторого времени смущались от сознания того, что они являются участниками столь высокого собрания. Их чувства можно сравнить с тем трепетом, который, как рассказывает приходский священник П. П., овладел им в тот момент, когда он в первый раз запел псалом в присутствии столь знатных особ, как мудрый судья Фримен, почтенная леди Джоунз и великий сэр Томас Труби. Однако под влиянием возбудителей веселья, которые подавались в неограниченном количестве и столь же неумеренно поглощались гостями более низкого происхождения, церемонный холодок вскоре прошел. Языки развязались, и гости стали шумными, даже крикливыми в своем веселье.

Но ни бренди, ни изысканные вина не могли поднять настроение тех, кто занимал места во главе пиршественного стола. Все они испытывали неприятное чувство, охватывающее людей, когда им приходится принимать отчаянное решение при обстоятельствах, в которых одинаково трудно и идти вперед и отступать. Зиявшая перед ними пропасть выглядела все страшной по мере того, как они к ней приближались, и каждый с замиранием сердца ожидал, чтобы кто-нибудь из его сообщников показал пример, первым ринувшись вниз. Их душевное смятение и нежелание идти вперед проявлялись по-разному, в зависимости от привычек и характеров этих людей. Одни выглядели угрюмыми, другие глупыми, третьи с мрачным предчувствием взирали на пустые стулья в верхнем конце стола, предназначавшиеся для членов заговора, благоразумие которых взяло верх над политическим рвением и побудило их в самый критический момент не явиться на это совещание; и, наконец, четвертые сидели, взвешивая и сопоставляя звания и перспективы тех, кто присутствовал и отсутствовал на пиршестве. Сэр Фредерик Лэнгли угрюмо молчал, явно чем-то недовольный. Сам Эллісло сделал несколько неуклюжих попыток поднять настроение собравшихся, чем ясно показал, что он был в дурном расположении духа. Рэтклиф наблюдал за происходящим с хладно-

кровием зоркого, но равнодушного зрителя. Один лишь Маршал с присущим ему бездумным весельем ел, пил, смеялся, шутил и, казалось, находил удовольствие даже в самом замешательстве гостей.

— Куда улетучилась сегодня наша замечательная храбрость? — воскликнул он. — Можно подумать, что мы собрались на похороны, где ближайшие родственники говорят только шепотом, а наемные плакальщики и челядь (он глянул на нижнюю половину стола) пьют и радуются! Эллисло, не пора ли приступить к выносу тела? Что вы приуныли, старина? И почему уявили радужные надежды рыцаря из Лэнгли-дейла?

— Вы совсем с ума сошли, — сказал Эллисло. — Посмотрите, сколько человек еще не явилось.

— Ну и что же, — молвил в ответ Маршал, — разве вы раньше не знали, что половина людей на свете больше болтает, чем действует? Меня радует уже то, что за столом сидят две трети наших друзей, хотя добрая половина из них, сдается мне, пришла, чтобы в худшем случае урвать хотя бы обед.

— С побережья нет никаких известий, подтверждающих высадку короля, — промолвил другой гость приглушенным и срывающимся шепотом, который свидетельствовал о его нерешительности.

— И ни строчки от графа Д***. Ни одного джентльмена с южной стороны границы, — сказал третий.

— Кто это ждет помощи из Англии? — воскликнул Маршал напыщенным тоном театрального героя. —

Кузен мой, Эллисло? Нет, мой кузен,

Коль суждено нам пасть...

— Ради бога, — взмолился Эллисло, — хоть сейчас избавьте нас от своих глупостей.

— Ну что ж, хорошо, — ответил тот, — тогда вместо глупостей дарую вам свою мудрость, какова бы она ни была. Если мы и выступили как дураки, давайте же не будем отступать как трусы. Мы уже натворили достаточно, чтобы навлечь на себя подозрение и мщение правительства. Так нечего сдаваться, пока мы не сделали хоть что-нибудь, чтобы их заслу-

жить. Ну что? Неужели никто не хочет произнести тост? Тогда я покажу пример.

Поднявшись с места, он наполнил пивной бокал до краев красным вином и жестом предложил всем последовать его примеру и встать. Все повиновались — более именитые гости несколько неохотно, другие — с энтузиазмом.

— Итак, друзья, я провозглашаю главный тост сегодняшнего дня: за независимость Шотландии и за здоровье нашего законного монарха, короля Иакова Восьмого, высадившегося в Лотиане и, как я полагаю, уже захватившего свою старинную столицу!

Он осушил бокал до дна и швырнул его через плечо.

— Пусть никогда, — заявил он, — менее достойный тост не осквернит его!

Все последовали его примеру и под звон разбивающегося стекла и громкие выкрики поклялись сражаться и умереть за политические идеалы, провозглашенные в тосте.

— Вы сделали первый шаг при свидетелях, — шепнул Эллисло Маршаллу, — однако, я полагаю, это даже к лучшему. Так или иначе, мы не сможем теперь отступить от намеченного пути. Только один человек (он устремил взгляд на Рэтклифа) отказался поддерживать тост, но к этому мы еще вернемся позже.

Поднявшись, он обратился к собравшимся с горячей речью, обличавшей правительство и его мероприятия; в особенности он обрушился на договор об унии с Англией, который, по его утверждению, лишил Шотландию независимости, свободы торговли и чести, опутал ее цепями рабства и бросил к ногам соперника, против посягательств которого она в течение стольких лет с честью защищала свои права, преодолевая огромные опасности и проливая реки крови. Вопрос был жгучий, и он нашел живой отклик у всех присутствующих.

— Наша торговля пришла в полный упадок, — отозвался с другого края стола старый Джон Рукасл, джедбергский контрабандист.

— В сельском хозяйстве застой, — сказал лэрд Броукен-Герт-Флоу, на землях которого с сотворения мира не росло ничего, кроме вереска и черники.

— Каленым железом выжигают нашу веру, — сказал прыщеватый пастор епископального молитвенного дома в Кирк-Уистле.

— Чего доброго, скоро мы не посмеем ни подстрелить оленя, ни поцеловать девушку без разрешения совета старейшин или церковного казначея, — заметил Маршал-Уэллс.

— Ни распить четверть бренди морозным утром без разрешения акцизного, — подхватил контрабандист.

— Ни выехать в горы темной ночью, — воскликнул Уэстбернфлет, — не спросив разрешения у молодого Эрнсклифа или у мирового судьи, пляшущего под дудку англичан! Ведь были же золотые денечки на границе, когда ни миром, ни правосудием там и не пахло!

— Вспомним, сколько зла нам причинили в Дарьене и Гленко, — продолжал Эллисло, — и возьмемся за оружие, дабы защитить наши права, наше состояние, нашу жизнь и наши семьи.

— Отстоим истинно епископальное посвящение в духовный сан, без коего немислимо законное духовенство, — добавил священнослужитель.

— Положим конец пиратским налетам Грина и других английских грабителей на наши суда, ведущие торговлю с Индией, — сказал Уильям Уиллисон, бесшумный шкипер и один из совладельцев брига, ежегодно совершавшего четыре рейса между Кокпулом и Уайтхэвеном.

— Помните об исконных свободах! — вставил Маршал. Ему, казалось, доставляло удовольствие подогревать энтузиазм, который он сам вызвал; он напоминал озорного мальчишку, который, открыв шлюз в мельничной плотине, наслаждается грохотом приведенных им в движение колес и ни на минуту не задумывается о несчастях, которые это может вызвать,

— Помните о свободах! — повторил он. — К черту гнет, поземельный налог, пресвитерианских попов и память о старом Уилли, которому мы обязаны всем этим!

— Будь проклят акцизник! — вторил ему старый Джон Рукасл. — Я зарублю его своей собственной рукой!

— Долой судью и констебля, — снова заговорил Уэстбернфлет. — Я сегодня же всажу в каждого из них по пуле!

— Итак, — сказал Эллисло, — все согласны с тем, что мириться далее с существующими порядками нельзя.

— Согласны, все до одного! — отвечали гости.

— Не совсем так, — сказал мистер Рэтклиф, — ибо, не надеясь утихомирить столь бурные страсти, я, тем не менее, позволю себе заметить, если мнение одного из присутствующих что-нибудь значит, что согласен далеко не со всеми жалобами на существующие порядки и решительно протестую против безумных мер, с помощью которых вы предлагаете их исправить. Мне кажется, что многое было высказано здесь сгоряча или, может быть, ради шутки. Однако есть такие шутки, которые близки к правде; и вы не должны забывать, джентльмены, что стены имеют уши.

— У стен могут быть уши, — возразил Эллисло, взирая на Рэтклифа со злобным и торжествующим видом, — но некий домашний шпион, мистер Рэтклиф, скоро лишится своих ушей, если посмеет оставаться долее в семье, которой он непрошенно навязал себя, где он вел себя нахально и самонадеянно и откуда его выставят, как опозорившегося мошенника, если только он сам не уберется восвояси.

— Мистер Вир, — возразил Рэтклиф со спокойным презрением, — я вполне отдаю себе отчет в том, что с того самого момента, когда мое присутствие станет ненужным для вас, — а это неизбежно в связи с тем рискованным предприятием, на которое вы пускаетесь, — мое дальнейшее пребывание здесь станет небезопасным, поскольку вы и раньше едва терпели

меня. Но одно определенное обстоятельство послужит мне защитой, — и довольно надежной, — ибо вы, безусловно, не захотите, чтобы я рассказал этим джентльменам и людям чести о тех исключительных обстоятельствах, которые в прошлом связали мою судьбу с вашей. В остальном я только рад, что наши отношения кончились. Я полагаю также, что мистер Маршал и другие джентльмены гарантируют неприкосновенность моих ушей, а главное горла (опасаться за него у меня больше оснований) в течение этой ночи. Я уеду из замка не раньше завтрашнего утра.

— Быть по-вашему, — молвил в ответ мистер Вир, — и можете быть покойны: я не причиню вам зла, потому что это ниже моего достоинства, а совсем не потому, что боюсь раскрытия каких-то там семейных тайн, хотя ради вашей собственной безопасности я очень не советую вам этого делать. Ваши услуги и посредничество теряют всякое значение для человека, который рискует всем. В борьбе, которая нам предстоит, мы либо обречем законные права, либо у нас несправедливо отберут все, что мы имеем. Прощайте, сэр.

Рэтклиф поднялся и кинул на Вира взгляд, от которого тому стало не по себе; затем он поклонился окружающим и вышел из комнаты.

Этот разговор произвел на многих неприятное впечатление, но Эллисло поспешил его рассеять, приступив к деловым переговорам. После поспешного совещания было решено немедленно начать восстание. Эллисло, Маршал и сэр Фредерик Лэнгли были выбраны руководителями и облечены всей полнотою власти. Условились о месте, где все должны были встретиться рано поутру на следующий день, причем каждый обещал привести с собой всех своих друзей и всех преданных общему делу людей, которых сможет собрать. Часть гостей уехала, с тем чтобы заняться необходимыми приготовлениями, а Эллисло извинился перед оставшимися, которые вместе с Уэстбернфлетом и старым контрабандистом продолжали прикладываться к бутылке, за то, что вынужден встать из-за стола и уединиться вместе со своими

помощниками, дабы трезво обсудить с ними положение вещей. Извинения были приняты с тем большей готовностью, что хозяин просил гостей продолжать отдавать дань напиткам, хранящимся в погребах замка. Оставшиеся за столом проводили ушедших громкими кликами и потом в течение всего вечера провозглашали хором здравицы в честь Вира, Лэнгли и особенно Маршала, каждый раз поднимая полные бокалы.

Когда главные заговорщики очутились наедине, они с минуту смотрели друг на друга в замешательстве, которое придавало смуглому лицу сэра Фредерика недовольное и угрюмое выражение. Маршал первым нарушил молчание. Громко рассмеявшись, он сказал:

— Итак, джентльмены, мы пустились в наше славное плавание — *vogue la galère!*¹

— Вас мы можем поблагодарить за то, что корабль спущен на воду, — сказал Эллисло.

— Верно, но не знаю, станете ли вы меня благодарить, — отвечал Маршал, — когда взглянете на это письмо, полученное мною как раз перед началом пиршества. Мой слуга сообщил, что его доставил человек, которого он никогда до этого не видел и который сразу же усакал, велев ему передать его мне лично.

Эллисло нетерпеливо распечатал письмо и прочел вслух следующее:

Эдинбург

Уважаемый сэри!

Будучи бесконечно обязанным вашей семье и узав, что вы являетесь членом компании смельчаков, ведущей дела торгового дома «Джеймс и К^о», находившегося одно время в Лондоне, а ныне переехавшего в Дюнкерк, я считаю своим долгом своевременно известить вас лично, что ожидаемые вами корабли были отогнаны от берега вместе со всем своим товаром и не имели возможности даже начать разгрузку. Ваши партнеры в западной части страны при-

¹ В путь, галера! (франц.).

няли решение не поддерживать больше вашу фирму, так как она неизбежно должна обанкротиться.

Надеюсь, что вы воспользуетесь этими своевременными сведениями, чтобы принять все необходимые меры для своей собственной безопасности.

Остаюсь вашим покорным слугой

Никто Безымянный

Ролфу Маршалу из Маршал-Уэллса.

Срочно, в собственные руки.

После прочтения письма у сэра Фредерика отвисла челюсть и лицо страшно помрачнело, а Эллисло воскликнул:

— Помилуйте, но ведь это же выбивает почву у нас из-под ног! Если верить этому проклятому письму и англичане действительно отогнали французский флот с королем на борту, то в каком мы-то оказываемся положении!

— Полагаю, что в том же самом, в каком были утром, — сказал Маршал, снова расхохотавшись.

— Извините меня, но ваше веселое настроение крайне неуместно, мистер Маршал. Сегодня утром мы еще не приняли на себя публичных обязательств, а теперь мы связали себя обещаниями. С вашей стороны было просто безумием допустить это, имея в кармане письмо с известием о том, что все наше предприятие обречено на провал.

— Вот-вот, я так и думал, что вы это скажете. Но, во-первых, мой доброжелатель Никто Безымянный вместе с его письмом может оказаться сплошной выдумкой. А, главное, мне надоела вся эта канитель, когда люди ничего не делают, а лишь принимают смелые решения за рюмкой вина и к утру благополучно о них забывают. В настоящий момент правительство не располагает ни войсками, ни боеприпасами; пройдет несколько недель, и у него будет и то и другое. В настоящий момент страна горит возмущением против правительства; пройдет несколько недель, и этот первый пыл превратится в рождественский мороз: его погасит людской эгоизм, равнодушие

и страх — они начинают проявляться уже сейчас. Поэтому я решил рискнуть и сделал так, чтобы вы зашли так же далеко, как и я сам. Окунуться нам всем не мешало, но мы увязли в болоте и теперь волей-неволей вынуждены будем выбираться из него.

— Вы ошибаетесь в отношении одного из нас, мистер Маршал, — сказал сэр Фредерик Лэнгли. Дернув за звонок, он велел вошедшему слуге передать его собственным людям, чтобы те седлали лошадей.

— Вы не должны уезжать, сэр Фредерик, — сказал Эллисло, — нам необходимо провести смотр наших сил.

— Я уеду сегодня же, мистер Вир, — заявил сэр Фредерик, — и уже из дому сообщу вам о своих дальнейших намерениях.

— Да, да, — воскликнул Маршал, — и одновременно пошлете конный отряд из Карлайла с приказом нас арестовать. Послушайте, сэр Фредерик, я со своей стороны не допущу, чтобы меня оставляли в беде или тем более предали. Если вы и уедете из замка Эллисло сегодня, то только перешагнув через мой труп.

— Стыдитесь, Маршал, — сказал мистер Вир, — не делайте поспешных выводов. Вы неправильно истолковали намерения нашего друга. Я уверен, что сэр Фредерик просто пошутил: он слишком благородный человек, чтобы помышлять о выходе из наших рядов. Впрочем, он все равно не смог бы это сделать, памятуя об имеющихся у нас неоспоримых доказательствах его поддержки наших планов и его активного содействия в их осуществлении. Кроме того, он не может не отдавать себе отчета в том, что в правительстве с готовностью прислушаются к первой вести о готовящемся мятеже, и если встанет вопрос о том, кто сможет донести первым, то мы легко можем опередить его на несколько часов.

— Говорите «я», а не «мы», коли речь зашла о первенстве в соревновании на предательство. Что касается меня, то моя лошадь не будет участвовать в скачках на такой приз, — заявил Маршал, а затем

пробормотал сквозь зубы: — Вот и положишься на таких компаньонов, когда на карту поставлена жизнь.

— Не пытайтесь меня запугать. Я поступлю так, как считаю нужным, — сказал сэр Фредерик, — и прежде всего уеду из Эллисло. Какой мне смысл держать слово перед человеком (здесь он глянул на Вира), который не сдержал своего слова передо мной.

— Но в чем же, — спросил Эллисло, делая знак рукой своему неугомонному родичу, чтобы тот молчал, — в чем обманул я ваши надежды?

— В сугубо личном и чрезвычайно щекотливом вопросе: вы изволили пренебречь предполагавшимся союзом между мною и вашей дочерью, между тем как отлично знали, что он должен явиться залогом нашего совместного политического выступления. Это похищение и возвращение мисс Вир, холодный прием, который я от нее получаю, извинения, которыми вы стараетесь загладить дело, — все это, по-моему, лишь уловки с вашей стороны. С их помощью вы хотите удержать в своих руках владения, принадлежащие ей по праву, а тем временем использовать меня в качестве послушного орудия в вашей безрассудной авантюре, все время подогревая во мне надежду обещаниями, которых вы отнюдь не собираетесь выполнять.

— Сэр Фредерик, заверяю вас именем всего, что для меня свято...

— Я не стану слушать ваши заверения. Довольно водить меня за нос, — отвечал сэр Фредерик.

— Вы же прекрасно понимаете, что если покинете нас, — сказал Эллисло, — то неизбежно погибнете сами и погубите нас. Наше единственное спасение в том, чтобы держаться вместе.

— Предоставьте мне самому заботиться о своем спасении, — возразил дворянин. — Даже если то, что вы говорите, правда, я предпочту погибнуть, но не позволю больше дурачить себя.

— Неужели ничто, никакие гарантии не смогут убедить вас в моей искренности? — с тревогой спросил Эллисло. — Еще утром я отвергнул бы ваши

несправедливые подозрения, сочтя их за оскорбление, но в нашем теперешнем положении...

— Вы чувствуете, что вынуждены быть искренним, — закончил его мысль сэр Фредерик. — Если вы хотите, чтобы я поверил этому, есть только один путь убедить меня — пусть ваша дочь обвенчается со мной сегодня же вечером.

— Так скоро? Невозможно! — отвечал Вир. — Подумайте о том, что она только что пережила, о подготавливаемом нами выступлении...

— Я не стану ничего слушать, кроме ее согласия на брак, данного перед алтарем. У вас в замке есть часовня, среди гостей находится доктор Хобблер. Сегодня вечером вы докажете верность своему слову, и мы снова вместе, душой и телом. Если же вы откажете мне сейчас, в момент, когда согласиться всецело в ваших интересах, — как смогу я доверять вам завтра, когда целиком свяжу свою судьбу с вашими планами и отступать будет уже поздно?

— Должен ли я понимать дело так, что, стань вы моим зятем сегодня вечером, наша дружба возобновится?

— Самым крепким, самым нерушимым образом, — отвечал сэр Фредерик.

— В таком случае, — сказал Вир, — хотя то, что вы просите, несвоевременно, нетактично и несправедливо по отношению ко мне, тем не менее, сэр Фредерик, дайте мне вашу руку — моя дочь будет вашей женой.

— Сегодня вечером?

— Именно, сегодня вечером, — отвечал Эллисло, — до того, как часы пробьют полночь.

— С ее согласия, надеюсь, — вмешался Маршал, — ибо предупреждаю вас обоих, джентльмены, что я не намерен наблюдать сложа руки, как совершают насилие над моей хорошенькой родственницей.

— Черт бы побрал этого дерзкого юнца, — пробормотал Эллисло про себя и затем вслух добавил: — С ее согласия? Да за кого вы меня принимаете, Маршал, что считаете нужным вмешиваться, дабы защитить дочь от ее собственного отца? Поверь-

те, она не имеет ничего против сэра Фредерика Лэнгли.

— Вернее, она не против того, чтобы называться лэди Лэнгли! Действительно, многие женщины рассуждали бы так же на ее месте. Прошу прощения, но это неожиданное требование и ваша уступка заставили меня почувствовать за нее тревогу.

— Меня смущает лишь внезапность предложения, — сказал Эллисло. — В случае, если она откажется выполнить мою волю, может быть сэр Фредерик примет во внимание...

— Я ничего не намерен принимать во внимание, мистер Вир. Отдайте мне руку вашей дочери сегодня же вечером, или я уезжаю, пусть даже в полночь, — вот мой ультиматум.

— Я принимаю его, — сказал Эллисло, — и оставляю вас обсуждать планы наших военных приготовлений, а пока пойду подготовить дочь к столь неожиданному изменившимся обстоятельствам.

И с этими словами он вышел из комнаты,

Глава XIV

Жестокий рок! В мужья мне не Танкреда,
А Осмонда надменного ведут!

«Танкред и Сигизмунда»

Мистер Вир, которого давняя привычка к притворству научила менять даже походку, шел по каменному коридору и затем по первому пролету лестницы, ведущей в покои мисс Вир, четким и твердым шагом человека, направляющегося по важному делу и нимало не сомневающегося в успешном его завершении. Но как только он обогнал своих спутников и они не могли его больше слышать, шаги его стали медленными и нерешительными, что вполне соответствовало владевшим им сомнениям и страхам. Наконец он совсем остановился, пытаясь собраться с мыслями, прежде чем заговорить с дочерью.

«Кому еще приходилось сталкиваться с таким безнадёжным и неразрешимым вопросом? — размышлял он. — Если разногласия нарушат сейчас наше единство, можно не сомневаться, что правительство казнит меня как главного виновника восстания. Даже если я унижусь до того, что первым признаю свое поражение, меня все равно ждет гибель. Я окончательно порвал с Рэтклифом, и с этой стороны мне нечего ожидать, кроме оскорблений и преследования. Разорённому и обесчещенному, мне придется скитаться, не имея даже средств к существованию. Я не говорю уже о том, что лишусь богатства, — а лишь оно способно хоть как-то уравновесить бесчестье человека, которого назовут политическим ренегатом не только те, кого он покинул, но и те, на чью сторону он перешел. Об этом нечего и думать. И тем не менее что еще остается, помимо этого жалкого жребия и позорной смерти на плахе? Единственное спасение — это примириться с моими союзниками, для чего я и обещал Лэнгли, что Изабелла обвенчается с ним сегодня до полуночи, а Маршалу — что она пойдет на это без принуждения. Между мною и гибелью стоит только ее согласие выйти замуж за человека, которого она не любит, и притом настолько поспешно, что она возмутилась бы против этого, будь он даже любимым ею человеком. Мне остается уповать лишь на романтическое великодушие ее характера. Придется сгустить краски, доказывая ей необходимость уступить; впрочем, истинное положение вещей едва ли нуждается в преувеличении».

Закончив тягостные размышления об опасностях своего положения, он вошел в покои дочери, решившись всеми силами поддерживать те доводы, которые собирался ей изложить. Как бы лжив и честолобив он ни был, он все же не настолько еще очерствел, чтобы не содрогаться при мысли о предстоявшей ему роли, о необходимости играть на чувстве послушания и привязанности к нему своей собственной дочери. Но мысль о том, что в случае успеха этой миссии его дочь всего лишь попадет в сети выгодного замуже-

ства, а в случае провала его самого ждет гибель, — быстро заглушила голос совести.

Войдя в спальню мисс Вир, он увидел дочь, которая сидела у окна, подперев голову рукой. Она либо дремала, либо была погружена в такое глубокое раздумье, что не слышала шума его шагов. Напустив на себя выражение печали и сострадания, он подошел к дочери и, подсев поближе, привлек к себе внимание, нежно взяв ее за руку. При этом он не забыл сопроводить свой жест глубоким вздохом.

— Отец! — воскликнула Изабелла. Она как-то странно вздрогнула, и на лице у нее отразился скорее страх, нежели радость или нежные чувства.

— Да, Изабелла, — сказал Вир, — твой несчастный отец, который приходит в роли кающегося грешника, чтобы просить прощения у своей дочери за зло, причиненное ей от чрезмерной любви, и потом расстаться с ней навсегда.

— Сэр! Причиненное мне зло? Расстаться навсегда? Что все это значит? — недоуменно спросила мисс Вир.

— Да, Изабелла, я говорю это вполне серьезно. Но позволь мне прежде спросить тебя, не подозреваешь ли ты, что я мог быть причастен к тому странному происшествию, которое произошло с тобой вчера утром?

— Вы, сэр? — начала Изабелла и запнулась, с одной стороны — сознавая, что он угадал ее мысли, а с другой — борясь со стыдом и страхом, которые мешали ей признаться в столь унижительном и нелепом подозрении.

— Да, да! — продолжал он. — Твое колебание выдает, что у тебя были такие мысли, и сейчас мне предстоит тяжелая задача признаться в том, что твои подозрения не были безосновательными. Но выслушай мои оправдания. Не к добру поощрял я ухаживания сэра Фредерика Лэнгли. Я считал невозможным, чтобы у тебя могли быть серьезные возражения против брака, который принесет тебе явные выгоды. Не в добрый час ввязался вместе с ним в эту затею с целью вернуть изгнанного монарха и независимость

нашему отечеству. Он воспользовался моей неосторожностью, моим доверием, и моя жизнь сейчас у него в руках.

— Ваша жизнь, сэр? — повторила чуть слышно Изабелла.

— Да, Изабелла, — продолжал отец, — жизнь того, кому сама ты обязана жизнью. Как только я осознал, что его безудержная страсть может толкнуть его на крайности (надо отдать ему справедливость, что если он и вел себя безрассудно, то только из чрезмерно пылкого чувства к тебе), я попытался под благовидным предлогом удалить тебя на несколько недель и таким образом выпутаться из положения, в котором очутился. В случае, если бы ты стала по-прежнему противиться этому браку, я хотел негласно отослать тебя на несколько месяцев в Париж, в монастырь твоей тетки с материнской стороны. Но, вследствие целого ряда недоразумений, ты вернулась обратно из тайного и безопасного места, которое я предназначил для тебя в качестве временного убежища. Судьба лишила меня этого последнего выхода, и мне остается лишь благословить тебя и отослать из замка с мистером Рэтклифом, который как раз собирается уезжать. А там скоро решится и моя собственная судьба.

— Боже мой, сэр! Возможно ли это? — воскликнула Изабелла. О, зачем только меня освободили из заключения, которому вы меня подвергли! И почему вы скрыли от меня свои намерения?

— Подумай сама, Изабелла. Неужели ты хотела бы, чтобы я вызвал у тебя предубеждение против своего друга, которому я больше всего хотел угодить, и рассказывал тебе о мало похвальной настойчивости, с которой он добивается своего. Это было бы нечестно с моей стороны, тем более что я сам же обещал помогать ему. Но все это дело прошлого. Я и Маршалл решили умереть как мужчины. Остается лишь отослать тебя отсюда под надежной охраной.

— Силы небесные! Неужели нет никакого исхода? — в ужасе воскликнула молодая женщина,

— Нет, дитя мое, — тихо ответил Вир, — кроме той меры, к которой ты сама не станешь советовать своему отцу прибегнуть: первым предать своих друзей.

— Нет, нет, только не это, — заговорила она с жестом отвращения и с такой поспешностью, словно не желала поддаться искушению согласиться на этот единственный выход из положения. — Но неужели нет никакого другого выхода... Бежать, прибегнуть к посредничеству кого-либо... Просить заступничества... Я на коленях буду умолять сэра Фредерика!

— Ты понапрасну унизилась бы! Он не изменит своего решения; я точно так же решил мужественно встретить все испытания, уготованные мне судьбой. Только при одном условии он может передумать, но у меня язык никогда не повернется сказать тебе, что это за условие.

— Назовите его, я заклинаю вас, дорогой отец, — воскликнула Изабелла, — что это за просьба, которую мы не в состоянии удовлетворить, чтобы предотвратить грозящую вам страшную катастрофу?

— Этого, Изабелла, торжественно сказал Вир, — ты не узнаешь, пока голова твоего отца не скатится с окровавленного эшафота. Только тогда ты узнаешь, что его действительно можно было бы спасти с помощью одной жертвы.

— Но почему же не сказать об этом сейчас? — настаивала Изабелла. — Неужели вы думаете, что меня смутит мысль о том, что ради вашего спасения мы должны пожертвовать всем нашим состоянием? Или вы предпочитаете оставить мне в наследие муки раскаяния, которые я буду испытывать всякий раз, когда подумаю, что вы погибли, в то время как оставалось средство предотвратить нависшую над вами беду?

— Ну что ж, дитя мое, — сказал Вир, — поскольку ты настаиваешь, чтобы я сказал тебе то, о чем тысячу раз предпочел бы умолчать, знай, что в качестве выкупа он не возьмет ничего другого, кроме твоего согласия стать его женой — и притом сегодня же, не позже полуночи.

— Сегодня, сэр! — повторила молодая женщина, пораженная ужасом при этом известии. — Стать женой такого человека, чудовища, которое способно добиваться женщины, угрожая жизни ее отца! Поистине, это невозможно.

— Ты права, мое дитя, — молвил в ответ ее отец, — поистине это невозможно, и я не имею ни права, ни желания воспользоваться такой жертвой. Это в порядке вещей: старики умирают, и их забывают, а молодые должны жить и наслаждаться счастьем.

— Чтобы мой отец умер, в то время как его дочь могла спасти его! Но нет, нет, дорогой отец, простите меня, это невозможно. Вы просто хотите склонить меня к исполнению вашей воли. Я знаю, вы по-своему заботитесь о моем счастье и придумали эту ужасную историю для того, чтобы повлиять на меня и преодолеть мои колебания.

— Дочь моя, — отвечал Эллисло тоном, в котором оскорбленная гордость, казалось, боролась с родительскими чувствами, — так ты подозреваешь, что я изобрел эту историю, чтобы подействовать на твои чувства! Придется снести и это и даже унизиться до того, чтобы отвести от себя это недостойное подозрение. Ты знаешь безупречную честность своего кузена Маршала — посмотри, что я ему напишу; из его ответа ты сама увидишь, что опасность, которой мы подвергаемся, совершенно реальна, что я принял все меры, чтобы ее предотвратить.

Он сел, поспешно написал несколько строк и протянул их Изабелле, которая много раз смахивала слезы и долго всматривалась в письмо, прежде чем поняла, что там написано.

Дорогой кузен, — говорилось в письме, — как я и ожидал, несвоевременная и поспешная настойчивость сэра Фредерика привела мою дочь в отчаяние. Она не может даже представить себе, какая опасность нам угрожает и насколько мы теперь зависим от него. Ради бога, попробуйте повлиять на него, с тем чтобы он смягчил свой ультиматум. Я не могу и не

стану принуждать мою дочь принять его — это оскорбляет ее чувства, а также идет вразрез со всякими правилами деликатности и приличия.

Любящий вас
Р. В.

Итак, в письме причина колебаний мисс Вир приписывалась несвоевременности предложения о браке и той форме, в которой оно было сделано, а вовсе не глубокому отвращению, которое она питала к жениху; но нет ничего удивительного в том, что она не заметила этого в своем смятении: глаза ее были полны слез, а мысли путались, и она едва понимала, что читает. Мистер Вир позвонил и вручил письмо слуге с просьбой передать его мистеру Маршалу. Потом он поднялся со стула и молча ходил по комнате в сильном волнении, пока не принесли ответ. Он пробежал его глазами и передал дочери, с чувством пожав ей при этом руку. Суть ответа сводилась к следующему:

Мой дорогой родич, я уже пробовал уговаривать рыцаря из Лэнгли-дейла, но он непреклонен, как скала. Мне искренне жаль, что от моей прекрасной кухни требуют, чтобы она поступилась своими девическими правами. Однако сэр Фредерик согласен уехать из замка вместе со мной сразу же после венчания; мы поднимем наших сторонников и начнем военные действия. Весьма вероятно, что жениха прикончат в бою и он не вернется к невесте — у Беллы есть полная возможность стать лэди Лэнгли à très bon marche.¹ В остальном, могу только сказать, что если она вообще согласна на этот союз, сейчас не время для обычных девичьих церемоний: моей хорошенькой кухне следует как можно скорее согласиться выйти замуж, иначе мы все будем каяться на досуге; вернее, у нас даже не будет «досуга», чтобы каяться.

На этом кончаю, ваш любящий родич
Р. М.

¹ Дешево отделившись (франц.).

Р. С. Передайте Изабелле, что я предпочту покончить с этой дилеммой, перерезав горло нашему рыцарю, нежели спокойно наблюдать, как ее принуждают выходить замуж против ее воли.

Когда Изабелла кончила читать, письмо выпало у нее из рук; она сама упала бы со стула, если бы ее не поддержал отец.

— Боже, моя дочь умирает! — воскликнул Вир, поддаваясь отцовским чувствам, вытеснившим корыстные соображения даже из *его* сердца.

— Полно, Изабелла, не горюй, дитя мое. Будь что будет, но тебе не придется приносить такую жертву. Пусть я погибну, но буду знать, что ты осталась счастливой. Пусть моя дочь плачет на моей могиле, но ей не придется — по крайней мере в этом случае — поминать меня лихом.

Он позвал слугу.

— Иди и немедленно пригласи сюда Рэтклифа.

Между тем мисс Вир, побледнев как полотно, вытянула крепко сжатые руки перед собой, закрыла глаза и с силой втянула губами воздух. Казалось, что невероятное душевное усилие, которое она делала над собой, передалось даже ее телу. Затем, подняв голову и судорожно всхлипнув, она твердо сказала:

— Отец, я согласна на брак.

— Ни в коем случае, ни в коем случае, дитя мое, дорогая моя, ты не можешь обречь себя на верное страдание, чтобы избавить меня от возможной опасности.

Так говорил Эллисло, и — что за странное и непоследовательное создание человек! — он выразил свои истинные чувства, на короткое время завладевшие его сердцем.

— Отец, — повторила Изабелла, — я согласна на этот брак.

— Нет, дитя мое, нет, ну хотя бы не столь поспешно. Мы будем униженно просить его дать нам отсрочку. И потом, Изабелла, неужели ты так и не сможешь преодолеть эту неприязнь, которая не имеет

под собой никакой почвы? Ты только подумай, какая он партия — богатство, звание, положение...

— Отец, — повторила Изабелла, — я дала свое согласие.

Казалось, она лишилась способности говорить что-либо иное или выразить другими словами фразу, которую с таким огромным усилием заставила себя произнести.

— Да благословит тебя небо, дитя мое! Да благословит тебя небо! И оно действительно благословит тебя богатством, радостями жизни и властью.

Мисс Вир еле слышно взмолилась, чтобы ее оставили одну на этот вечер.

— Разве ты не примешь сэра Фредерика? — с тревогой спросил отец.

— Я встречаюсь с ним, — ответила она, — встречаюсь с ним там, где нужно, когда это будет нужно, а сейчас избавьте меня от него.

— Будь по-твоему, дорогая. Я сумею избавить тебя от всякого принуждения. Постарайся не думать слишком дурно о сэре Фредерике — во всем виновата его страсть.

Изабелла сделала нетерпеливый жест рукой.

— Прости меня, дочь моя. Я ухажу. Да благословит тебя небо. В одиннадцать — если ты не позовешь меня раньше — в одиннадцать я приду за тобой.

Как только он ушел, Изабелла упала на колени.

— Боже, помоги мне оставаться твердой в принятом мной решении. Боже, только ты можешь — о, бедный Эрнскиф! Кто утешит его теперь? С каким презрением будет он произносить имя той, которая внимала ему днем, а вечером отдала себя другому! Что же, пусть презирает меня. Это лучше для него, чем знать правду. Пусть презирает меня, если это поможет ему бороться с горем, — потеря его уважения послужит мне утешением.

Она горько плакала, то и дело тщетно пытаясь начать молитву, ради которой опустилась на колени. Но ей не удалось взять себя в руки до такой степени, чтобы помолиться. Она по-прежнему томилась в душевной муке, когда дверь комнаты тихо открылась.

Глава XV

В пещере мрачной коротал свой век
Убитый тяжким горем человек:
Он думал только о своих страданиях.

«Королева фей»

Свидетелем горя мисс Вир оказался Рэтклиф. В своем волнении Эллисло забыл отменить приказ пригласить его, и сейчас тот открыл дверь со словами:

— Вы посылали за мной, мистер Вир?

Затем, оглядев комнату, он воскликнул:

— Как мисс Вир — и одна! На полу, в слезах!

— Оставьте меня, оставьте меня, мистер Рэтклиф, — говорила несчастная девушка.

— Нет, я не уйду, — сказал Рэтклиф, — я несколько раз просил, чтобы меня впустили попрощаться с вами, и мне всякий раз отказывали, пока ваш отец сам не послал за мной. Вы меня можете осуждать за дерзость и назойливость, но меня оправдывает то, что я должен выполнить свой долг.

— Я не могу слушать вас, я не могу разговаривать с вами, мистер Рэтклиф. Примите мои пожелания счастливого пути и, ради бога, оставьте меня.

— Скажите одно, — настаивал Рэтклиф, — неужели правда, что этот чудовищный брак должен состояться — и притом сегодня вечером? Я слышал, как слуги говорили об этом, когда проходил по лестнице. Я слышал также, как отдавали распоряжение приготовить часовню.

— Пощадите, мистер Рэтклиф, — отвечала несчастная невеста, — посмотрите, в каком я состоянии, и оставьте свои жестокие расспросы.

— Выйти замуж за сэра Фредерика Лэнгли, и притом сегодня же! Не может, не должно этого быть, и этого не будет!

— Это неизбежно, мистер Рэтклиф, иначе моего отца ждет гибель.

— А, я понимаю, — молвил в ответ Рэтклиф, — и вы пожертвовали собой, чтобы спасти того, кто... Однако, пусть добродетели дочери искупят грехи отца,

сейчас не время ворошить прошлое. Что же делать? Время идет — я знаю только одно средство; будь у меня в распоряжении хоть один день, я бы нашел много других... Мисс Вир, вы должны просить защиты у единственного человека, во власти которого изменить ход событий, грозящих увлечь вас за собой.

— Кто же человек, обладающий такой властью? — спросила мисс Вир.

— Не пугайтесь, когда я назову его имя, — попросил Рэтклиф, подходя ближе и тихо, но отчетливо выговаривая слова, — это тот, кого называют Элшендером, отшельником с Маклстоунской пустоши.

— Вы сошли с ума, мистер Рэтклиф, или же хотите поиздеваться над моим горем. Ваша шутка крайне неуместна.

— Я в здравом уме, нисколько не меньше, чем вы сами, — отвечал ее советчик, — и я отнюдь не склонен шутить, тем более над чужим горем, и менее всего — над вашим. Я клянусь вам, что этот человек (а он совсем не тот, за кого себя выдает) действительно располагает возможностью избавить вас от этого ненавистного союза.

— И спасти моего отца?

— Да, даже это, — ответил Рэтклиф, — если вы попросите его об этом. Трудность лишь в одном: надо добиться, чтобы он вас выслушал.

— Это как раз довольно просто, — заявила мисс Вир, вдруг вспомнив эпизод с розой. — Помню, он говорил, что я могу обратиться к нему за помощью в случае какого-нибудь несчастья, и в знак этого дал мне этот цветок. Он не успеет полностью завянуть, сказал он, как мне понадобится его помощь. Неужели возможно, что это пророчество не было всего лишь безумным бредом!

— Отбросьте всякие сомнения и не бойтесь ничего, — отвечал Рэтклиф. — Но прежде всего не будем терять времени. Вы свободны, за вами не следят?

— Нет, как будто, — сказала Изабелла, — но что вы хотите мне посоветовать?

— Поезжайте немедленно, — продолжал Рэтклиф, — и падите в ноги этому необыкновенному человеку, который, пребывая в обстоятельствах, свидетельствующих, по всей видимости, о самой ужасающей нужде, обладает силой оказать решающее влияние на вашу судьбу. Гости и слуги пьянствуют, руководители восстания поглощены обсуждением своих изменнических планов, моя лошадь стоит оседланная в конюшне, я оседлаю еще одну для вас и встречу вас у садовой калитки. Пусть никакие сомнения в моем благоразумии или верности не помешают вам решиться на единственный шаг, который может избавить вас от ужасной судьбы, уготованной для супруги сэра Фредерика Лэнгли.

— Мистер Рэтклиф, — отвечала мисс Вир, — вы всегда пользовались репутацией безукоризненно честного человека. Утопающий хватается за соломинку. Я доверяюсь вам, я последую вашему совету, я выйду к садовой калитке...

Как только мистер Рэтклиф вышел, она заперла на засов входную дверь своей спальни и сошла в сад по потайной лестнице. По дороге она уже раскаивалась, что согласилась на этот сумасбродный и безнадешный план. Но, спускаясь по лестнице мимо потайной двери, которая вела в часовню, она услышала голоса служанок, занятых там уборкой:

— Выйти замуж! За такого дрянного человека! Господи! Все, что угодно, только не это.

— Они правы, они правы, — пробормотала мисс Вир, — все, что угодно, только не это!

Она поспешила в сад. Мистер Рэтклиф сдержал слово: оседланные лошади стояли у калитки, и через несколько минут путники уже скакали по направлению к избушке отшельника.

Пока дорога была ровной, быстрая езда мешала им разговаривать, но при крутом спуске, когда они вынуждены были пустить лошадей шагом, новая тревожная мысль пришла в голову мисс Вир.

— Мистер Рэтклиф, — сказала она, натянув поводья, — прекратим это путешествие, на которое я могла согласиться только под влиянием крайнего

возбуждения. Я очень хорошо знаю, что среди просто-народья об этом человеке говорят, будто он наделен сверхъестественной властью и якшается с нечистой силой. Знайте же, что, во-первых, я не придаю никакого значения всем этим глупостям, а во-вторых, если бы я им и верила, мои религиозные убеждения не позволили бы мне обратиться к нему за помощью.

— Казалось бы, мисс Вир, — молвил в ответ Рэтклиф, — мой характер и мои убеждения вам отлично известны. Не можете же вы предполагать, что я верю во всю эту чепуху?

— Какие же другие возможности помочь мне, — недоумевала Изабелла, — могут быть у человека, который сам несчастней всех на свете?

— Мисс Вир, — сказал Рэтклиф, помолчав с минутой, — я связан обетом молчания. Не настаивайте на дальнейших объяснениях и удовлетворитесь моим заверением в том, что он действительно располагает такими возможностями. Надо только убедить его захотеть ими воспользоваться, и я несколько не сомневаюсь, что вам это удастся.

— Мистер Рэтклиф, — возразила мисс Вир, — ведь вы и сами можете заблуждаться, а от меня ждете безграничного доверия.

— Вспомните, мисс Вир, — ответил он, — когда, побуждаемые добротой, вы попросили меня заступиться перед вашим отцом за Хэзуэлла и его разоренную семью, когда вы попросили меня добиться того, чтобы ваш отец сделал нечто совершенно несвойственное его натуре, а именно — простил обиду и отменил наказание, — я поставил вам условие, чтобы вы не задавали мне вопросов об источнике моего влияния. Вам не пришлось раскаиваться, что вы доверились мне тогда. Доверьтесь мне и сейчас.

— Но необычный образ жизни этого человека, — настаивала мисс Вир, — его затворничество, его фигура, глубокая мизантропия, которая, как говорят, сквозит в его речах... Мистер Рэтклиф, что я должна о нем думать, если он действительно обладает властью, которую вы ему приписываете?

— Этот человек, мисс, был воспитан католиком. А среди верующих католиков можно найти тысячи людей, которые отказались от власти и богатства и добровольно обрекли себя на еще более жестокие лишения, чем Элшендер.

— Но он не признает никаких религиозных побуждений, — возразила мисс Вир.

— Нет, — отвечал Рэтклиф, — он ушел из мира, проникнувшись к нему чувством глубокого отвращения и не прикрываясь при этом никакими религиозными предрассудками. Могу вам рассказать лишь следующее. Он родился наследником огромного состояния, которое его родители намерены были еще увеличить, женив сына на девушке, приходившейся ему сродни и специально воспитывавшейся в их доме. Вы видели, как он сложен; судите сами, что могла думать эта девушка об ожидавшей ее участи. И все же, привыкнув к его наружности, она смирилась с этой мыслью, и друзья... друзья человека, о котором я рассказываю, нисколько не сомневались, что его глубокая привязанность к ней, его незаурядные способности и большое личное обаяние помогут его суженой преодолеть чувство отвращения, внушаемое его безобразной внешностью.

— И они не обманывались? — спросила Изабелла.

— Об этом позже. По крайней мере сам он признавал свою неполноценность. Сознание это неотвязно, как призрак, преследовало его. «Как бы ты ни возражал, — говорил он, бывало, мне, то бишь одному человеку, которому доверял, — я жалкий отщепенец, которого следовало задушить прямо в колыбели, а не вскармливать на страх и посмеище этому миру, где мне суждено прозябать». Человек, с которым он вел эти беседы, тщетно пытался внушить ему философскую мысль о том, что внешний облик ничего не значит, тщетно убеждал его в превосходстве духовных совершенств над более привлекательными, на первый взгляд, качествами, которые являются лишь поверхностным проявлением индивидуальных свойств человека. «Я понимаю тебя, — отвечал он, — но ты говоришь как хладнокровный рационалист или в луч-

шем случае как пристрастный друг. Но загляни в любую из прочитанных нами книг, исключая те, в которых излагается абстрактная философия, не затрагивающая наших чувств. Разве облик человека, по крайней мере такой, который не вызывает в нас чувства ужаса или отвращения, не считался всегда существенно важным в нашем представлении о друге, тем более о любимом человеке? Разве самой природой все радости жизни не заказаны такому безобразному чудищу, как я? Что, кроме моего богатства, препятствует тому, чтобы все — может быть, даже Летиция и ты в том числе — отвернулись от меня, как от чего-то такого, что противно вашей природе и ненавистно самим своим сходством с человеком, подобно тому, как некоторые виды животных особенно ненавистны человеку, потому что кажутся ему карикатурой на него самого.

— Вы повторяете рассуждения сумасшедшего, — сказала мисс Вир.

— Нет, — ответил ее спутник, — если только нельзя назвать безумием его чрезмерную и болезненную чувствительность в этом вопросе. И все же не стану отрицать, что овладевшее им чувство и вечная настороженность порой доводили его до иступления, что свидетельствовало о его расстроенном воображении. Казалось, он полагал, что частые и не всегда уместные проявления щедрости, доходящей до излишества, совершенно для него необходимы, ибо сближают его с людьми, от которых он отчужден самой природой. Склонный оказывать благодеяния по самому филантропическому складу своей натуры, он раздавал свои милости направо и налево со все возроставшей энергией, как бы подгоняемый неотступной мыслью о том, что ему положено сделать больше, чем другим, и щедро расточал свои богатства, словно пытаясь подкупить людей, чтобы те приняли его в свою среду. Едва ли есть необходимость говорить, что щедрость, исходившая из столь своенравного источника, часто вызывала нарекания, а его доверие нередко бывало обмануто. Ему не раз приходилось испытывать горькое разочарование, которое в той или

иной мере постигает всех, но чаще всего выпадает на долю тех, кто рассыпает щедроты кому попало. Но его большое воображение объясняло все лишь ненавистью и презрением, вызываемыми его уродством. Я, кажется, утомил вас, мисс Вир?

— Нет, нет, нисколько. Просто я отвлеклась на минуту. Продолжайте, прошу вас.

— Он стал своим собственным мучителем, — продолжал Рэтклиф, — и проявлял в этом редкую изощренность. Издевательства толпы и еще более жестокие насмешки пошляков из его собственного сословия причиняли ему такие мучения, словно его четвертовали. Смех простолюдинов на улице, еле сдерживаемое хихиканье молодых девиц, с которыми его знакомили в компании, или даже еще более обидное выражение страха на их лицах, — все это казалось ему выражением того мнения, которое складывалось о нем у людей, как о некоем чудовище, недостойном быть, как все, принятым в обществе, и служило оправданием правильности его стремления держаться от них подальше.

Он безоговорочно полагался на верность и искренность всего лишь двух людей: своей невесты и друга, человека весьма одаренного и, по всей видимости, искренне к нему привязанного. Впрочем, не удивительно, если так оно и было, ибо тот, кого вы собираетесь сегодня повидать, буквально осыпал его благодеяниями. Вскоре родители героя моего рассказа умерли почти одновременно. В связи с этим свадьба была отложена, хотя ее день был уже назначен. Невеста, по-видимому, не особенно сокрушалась по поводу отсрочки, впрочем этого трудно было и ожидать; с другой стороны, она не проявляла никаких колебаний, когда по истечении приличествующего случаю срока для бракосочетания была назначена новая дата. Друг, о котором я упоминал, постоянно жил в замке в это время. Уступив, на свою беду, настояниям друга, отшельник однажды вышел к гостям, среди которых находились люди самых различных политических убеждений, и принял участие в общей попойке. Вспыхнула ссора; друг отшельника

тоже обнажил шпагу, но был обезоружен и повергнут наземь более сильным противником. Схватившись врукопашную, они оба катались по полу у ног отшельника, который, несмотря на свое уродство и малый рост, обладает тем не менее большой физической силой; к тому же он подвержен приступам внезапно вспыхивающей ярости. Он схватил шпагу, пронзил ею сердце противника своего друга и попал под суд. С большим трудом его удалось спасти от казни. В конце концов он отделался всего лишь годом тюремного заключения в наказание за непреднамеренное убийство. Он глубоко переживал все это, тем более что покойный был хорошим человеком и обнажил меч только после того, как подвергся тяжелому оскорблению. Примерно с этого времени я стал замечать... Прошу прощения... Стало заметно, что припадки болезненной чувствительности, терзавшие этого несчастного человека, усугублялись чувством раскаяния, которое совершенно неожиданно обрушилось на него и которое он переносил тяжелее, чем всякий другой. Он уже не мог скрывать приступы отчаяния от своей нареченной, и надо признать, что они приняли угрожающий характер. Он утешал себя мыслью, что по выходе из тюрьмы будет жить в обществе лишь жены и друга и порвет все связи с внешним миром. Но он обманулся: еще до того, как кончился срок заключения, его друг и невеста стали мужем и женой. Трудно описать, как потрясло это известие человека столь буйного темперамента, измученного к тому же горьким раскаянием и давно уже чуждавшегося людей из-за своих мрачных фантазий. Казалось, лопнул последний трос, и корабль, только что еще державшийся у причала, внезапно очутился во власти яростной бури. Элшендера поместили в лечебницу. Это могло быть оправдано как временная мера, но его жестокосердный друг, ставший после женитьбы его ближайшим родственником, продлил срок его заточения, желая подольше управлять его огромным поместьем. Был еще один человек, обязанный всем отшельнику, незаметный, но благородный и верный друг. В результате непрерывных усилий и неодно-

кратных судебных исков в конце концов удалось добиться того, что его покровителя выпустили на свободу и восстановили в правах, как хозяина его собственных владений, к которым вскоре прибавилось поместье его бывшей невесты, перешедшее к нему по праву наследства после ее смерти, так как она не оставила мужского потомства. Но ни свобода, ни богатство не могли восстановить его душевного равновесия: к свободе его сделало равнодушным пережитое им горе, а деньги были для него всего лишь средством удовлетворения странных прихотей. Он отрекся от католической веры, но некоторые ее заветы, по-видимому, сохранили свое влияние на его душу, которой по внешним признакам теперь безраздельно владели раскаяние и мизантропия. С этого времени он вел попеременно жизнь то пилигрима, то отшельника, перенося самые жестокие лишения, но не во имя аскетического самоотречения, а из ненависти к людям. И вместе с тем трудно найти другого человека, слова и действия которого так противоречили бы друг другу. Ни один лицемер, маскирующий свои злодеяния добрыми намерениями, не проявляет большей изобретательности, чем этот несчастный, который совмещает отвлеченную философию человеконенавистничества с поведением, продиктованным врожденным великодушием и добротой.

— И все же, мистер Рэтклиф, судя по вашему описанию, все это лишь обычная непоследовательность сумасшедшего.

— Нисколько, — отвечал Рэтклиф, — я не собираюсь отрицать, что у этого человека действительно расстроенное воображение. Я уже рассказывал вам, что по временам у него бывали даже приступы, близкие к подлинному безумию. Но я имею в виду его обычное состояние: он человек со странностями, но не сумасшедший. Одно так же непохоже на другое, как светлый полдень на мрак полуночи. Придворный, готовый погубить себя ради титула, который совершенно ему не нужен, или власти, которою он не сможет должным образом воспользоваться; скряга, трясушийся над своими деньгами, или его блудный сын,

проматывающий их, — все они в определенном смысле сумасшедшие. То же можно сказать и о преступнике, идущем на опасное преступление, мотивы которого здравому уму представляются несоизмеримо ничтожными по сравнению с ужасным поступком, а также опасностью быть пойманным и наказанным. Любой взрыв чувства, например ярость, можно назвать кратковременным безумием.

— Хорошо философствовать обо всем этом, мистер Рэтклиф, — молвила в ответ мисс Вир, — но, простите, ваши рассуждения отнюдь не помогают мне набраться храбрости, чтобы в такой поздний час решиться посетить человека, сумасбродства которого вы сами признаете, хотя и пытаетесь оправдать.

— В таком случае, — сказал Рэтклиф, — позвольте мне торжественно заверить вас, что вы не подвергаетесь ни малейшей опасности. Но есть еще одно обстоятельство, о котором я до сих пор не упоминал из боязни встревожить вас. Мы уже находимся около его хижины — вон она виднеется, — и дальше я с вами не поеду. Вам придется продолжать путь одной.

— Одной? Но как же я...

— Так нужно, — настаивал Рэтклиф, — а я останусь здесь и буду ждать вас.

— Так вы не сойдете с этого места... — сказала мисс Вир. — Но и отсюда до избушки так далеко, что вы не услышите меня, если я позову на помощь.

— Не бойтесь ничего, — подбодрил ее спутник, — только старайтесь следить за собой, чтобы ничем не выказать робости. Помните, что самое страшное и мучительное для него — это сознание того, что он наводит страх своим безобразием. Поезжайте прямо, мимо вон той склоненной к земле ивы. Держитесь слева от нее. Болото останется справа. Простимся ненадолго. Помните о той участи, которая вам угрожает, и пусть эта мысль поможет вам преодолеть все ваши сомнения и страхи.

— Мистер Рэтклиф, — сказала Изабелла, — прощайте. Если только вы обманули такую несчастную,

как я, вы навсегда потеряете репутацию порядочного и честного человека, каким я вас считала.

— Клянусь, клянусь жизнью, — воскликнул Рэтклиф, повышая голос, так как она уже отъехала прочь, — вы в безопасности, в полной безопасности!

Глава XVI

Его согнули время и невзгоды.
Коль Время щедрое блага бывые
Вернет ему, бывое в нем проснется...
Ведите нас к нему, и — будь что будет!

Старинная пьеса

Звук голоса Рэтклифа замер в отдалении, но, минутно оглядываясь назад и различая в темноте очертания его фигуры, Изабелла чувствовала себя смелее. Однако и этот силуэт вскоре слился со сгустившимися тенями. При последних проблесках угасающего дня молодая женщина остановилась перед хижиной отшельника. Дважды она протягивала руку к двери и дважды опускала ее. Когда она наконец решилась постучать, звук был настолько слабым, что его заглушило биение ее собственного сердца. Она постучала снова, на этот раз погромче. В третий раз она дважды громко стукнула в дверь: боязнь остаться без защиты, на которую Рэтклиф возлагал такие надежды, начала превозмогать страх перед тем, у кого она собиралась ее просить.

Наконец, не получив ответа, она несколько раз назвала карлика по имени и просила его ответить и открыть ей.

— Кого это несчастья вынуждают искать здесь убежища? — послышался устрашающий голос отшельника. — Уходи! Когда птицы нуждаются в пристанище, они не ищут его в гнезде ночного ворона.

— Я пришла к вам со своим горем, отец, как вы сами велели мне, — отвечала Изабелла. — Вы обещали, что сердце ваше и ваша дверь откроются перед моим несчастьем; но я боюсь...

— А! — воскликнул отшельник. — Так это Изабелла Вир. Покажи мне знак, подтверждающий, что это ты.

— Я принесла с собой розу, которую вы дали мне. Она не успела еще увянуть, как меня постигла предостановленная вами злая участь.

— Раз ты возвращаешь мне залог, — сказал карлик, — я не останусь перед тобой в долгу. Сердце и дверь, запертые для любого другого человека на земле, откроются перед тобой и перед твоим горем.

Она слышала, как он ходил по хижине; тут же зажегся свет, и один за другим отодвинулись засовы на двери. По мере того как падали преграды, отдалявшие минуту встречи, сердце у Изабеллы билось все сильнее. Дверь открылась, и отшельник предстал перед нею. Металлический светильник, который он держал в руке, освещал его нескладную фигуру и уродливое лицо.

— Входи, несчастная дева, — проговорил он, — входи в юдоль скорби и нищеты.

Она вошла и со все возрастающим трепетом наблюдала, как отшельник, поставив лампу на стол, прежде всего тщательно задвинул многочисленные засовы на двери. Услышав скрежет, сопровождавший это зловещее действие, она содрогнулась, но, памятуя предупреждение Рэтклифа, постаралась не выказывать ни малейшего признака страха. Светильник чадил и мигал, а сам отшельник, казалось, не обращал на Изабеллу никакого внимания; жестом указав ей на маленькую скамью возле очага, он поспешно поджег несколько сухих стеблей дрока, так что через мгновение пламя ярко осветило внутренность хижины. С одной стороны очага тянулись деревянные полки с книгами, связками сухих трав и деревянной посудой. По другую сторону очага находились земледельческие орудия попеременно с разными инструментами. В углу стояли деревянные нары с подстилкой из сухого мха и тростника — подлинное ложе аскета. Весь домик внутри был не более десяти футов в длину и шести в ширину, и единственная мебель в нем, кроме

той, которую мы уже описали, состояла из стола и двух стульев, сделанных из грубо отесанных досок.

В этой каморке Изабелла очутилась теперь с глазу на глаз с человеком, о котором слышала только плохое и уродливый облик которого внушал ей почти суеверный страх. Усевшись напротив и насупив свои огромные мохнатые брови, он устремил на нее свой пронизывающий взор и молчал, как бы под напływом противоречивых чувств. Ее длинные локоны, развившиеся от ночной сырости, падали на плечи и грудь подобно тому, как обвисают на мачте корабля вымпелы после шторма, выбросившего его на берег. Карлик первым нарушил молчание внезапным и вселяющим страх вопросом:

— Женщина, какой злой рок привел тебя сюда?

— Опасность, угрожающая моему отцу и ваше собственное обещание, — отвечала она чуть слышно, но не колеблясь.

— И ты надеешься на помощь с моей стороны?

— Если в ваших силах оказать ее, — молвила она в ответ все тем же смиренным тоном.

— Откуда ж у меня такие силы? — продолжал карлик с горькой усмешкой. — Разве я похож на борца со злом? Разве это жилище похоже на замок, где живет человек, обладающий достаточной властью, чтобы у него искала защиты красавица? Я посмеялся над тобой, девушка, когда сказал, что помогу тебе.

— Тогда мне остается только уйти и встретить свою судьбу, как смогу.

— Нет! — воскликнул карлик. Он встал, загородил дорогу к двери и жестом приказал ей сесть. — Нет, не уходи. Нам надо еще поговорить. Почему люди ищут помощи друг у друга? Почему каждый не надеется только на себя? Оглянись вокруг: я — самое презренное и уродливое существо на задворках матери природы; разве я просил сочувствия или помощи у кого-нибудь? Я сам взгромоздил эти камни, своими собственными руками изготовил эту посуду, а этим... — Он с жестокой улыбкой положил руку на длинный кинжал, который всегда носил под курткой

и обнажил его так, что лезвие блеснуло при свете огня. — Этим, — продолжал он, сунув оружие обратно в ножны, — я могу при необходимости защитить искру жизни, теплящуюся в этом брэнном теле, против самого красивого, самого сильного врага, который попробует мне угрожать.

Изабелла с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть от страха, но смолчала.

— В природе все так устроено, — продолжал отшельник, — что каждый живет сам по себе, надеется только на себя и ни от кого не зависит. Один волк не призывает другого, чтобы устроить свое логово, и стервятник не кличет другого стервятника, чтобы напасть на свою добычу.

— А если они не смогут прокормиться в одиночку? — сказала Изабелла, рассчитывая, что лучше всего на него подействуют доводы, выраженные в его собственном метафорическом стиле. — Что станет с ними тогда?

— Тогда им останется голодать, подохнуть и кануть в забвение. Таков удел всех людей.

— Это удел диких зверей, — возразила Изабелла, — и прежде всего хищников, а хищники не привыкли делиться добычей. Но это не закон природы вообще. Даже слабые животные объединяются, чтобы защищаться от врагов. А человечество погибло бы, если бы люди перестали помогать друг другу. С того момента, когда мать в первый раз запеленает своего ребенка, и до той поры, когда какой-нибудь добросердечный человек вытрет смертный пот со лба умирающего, мы не в состоянии существовать без помощи друг друга. Поэтому все, кто нуждается в помощи, вправе просить о ней у своих ближних. И всякий человек, во власти которого помочь другому, совершит тяжкий грех, если откажет ему в этом.

— И с этой надеждой, несчастная девушка, — сказал отшельник, — ты явилась в это пустынное место, чтобы обратиться за помощью к человеку, решившему навсегда порвать узы, о которых ты только что говорила, и желающему погибели всему человечеству? Как это ты не побоялась прийти сюда?

— Горе, — отвечала Изабелла с твердостью, — сильнее всякого страха.

— А тебе не приходилось слышать разговоры о том, что я проданся нечистой силе, — дьяволам, столь же безобразным на вид и столь же враждебным людям, как и я сам? Ведь ты слышала об этом — и все же явилась ко мне в полночный час.

— Моя вера в бога охраняет меня от суетного страха, — отвечала Изабелла, но ее бурно вздымающаяся грудь выдавала, что храбрость ее напускная.

— О, — воскликнул карлик, — да ты, оказывается, философ! Однако как же ты, столь юная и прекрасная, не подумала об опасности, которой подвергаешься, доверяясь человеку, затаившему такое зло против человечества, что для него нет большего удовольствия, чем уродовать, уничтожать и унижать самые красивые его создания.

Изабеллу охватило чувство тревоги, но она отвечала с твердостью:

— Какое бы зло ни причинили вам люди, вы не станете мстить за него человеку, который не сделал вам ничего дурного и никогда никому не желал зла.

— Вот как, девушка! — продолжал он. Его черные глаза сверкали, придавая злобное выражение его искаженным чертам. — Мсть — это голодный волк, который только и ждет, чтобы рвать на куски живую плоть и лакать кровь. Неужели он будет слушать ягненка, уверяющего, что он ни в чем не виноват?

— Послушайте! — сказала Изабелла, вставая и говоря тоном, полным чувства собственного достоинства. — Я не боюсь всех этих ужасов, которыми вы пытаетесь меня запугать. Я с презрением отвергаю их. Будь вы человек или дьявол, вы не обидите женщину, которая пришла в тяжелую минуту просить о помощи. Вы не тронете меня, вы не посмеете.

— Ты верно говоришь, милая, — отвечал отшельник, — я не посмею и не трону тебя. Иди домой. Не бойся того, что тебе угрожает. Ты просила меня о помощи — ты ее получишь.

— Но, отец, я дала согласие сегодня вечером овенчаться с человеком, который мне отвратителен. От-

казаться — значит подписать смертный приговор моему отцу.

— Сегодня вечером? В котором часу?

— До полуночи.

— А теперь давно уже стемнело, — пробормотал карлик. — Все равно не бойся ничего. Времени вполне достаточно, чтобы спасти тебя.

— И моего отца? — спросила Изабелла умоляющим тоном.

— Твой отец, — молвил в ответ карлик, — был и остается моим злейшим врагом. Все равно не бойся, твоя добродетель спасет и его. А теперь уходи. Иначе меня снова усыпят глупые мысли о достоинствах человека, пробуждение от которых было таким страшным... Не бойся ничего, я вызволю тебя у самого подножия алтаря. Прощай, время идет, и я должен действовать.

Он подвел ее к двери хижины и выпустил. Она вскочила на лошадь, которая паслась за оградой и при свете восходящей луны быстро двинулась вперед, к тому месту, где остался Рэтклиф.

— Ну что, все в порядке? — был его первый нетерпеливый вопрос.

— Тот, к кому вы послали меня, дал мне обещание; но как он его выполнит?

— Ради бога, — отвечал Рэтклиф, — не сомневайтесь в том, что он способен выполнить свое обещание.

В этот момент раздался далеко разнесшийся по пустоши резкий свист.

— Слышите! — сказал Рэтклиф. — Он зовет меня. Мисс Вир, возвращайтесь домой и оставьте незакрытой заднюю калитку в саду. А от двери, ведущей к потайному ходу, у меня есть ключ.

Свист повторился, на этот раз он был еще более резким и продолжительным, чем в первый раз.

— Иду, иду! — воскликнул Рэтклиф и, прищипорив коня, двинулся через пустошь по направлению к хижине отшельника. Мисс Вир вернулась в замок. Дорога заняла совсем мало времени, ибо под ней был горячий конь, которому передавалась владевшая его хозяйкой тревога.

.. Она исполнила наказ Рэтклифа, хотя не понимала толком, что он означает, и, оставив лошадь на лужайке возле сада, никем не замеченная, поспешила к себе.

Она отперла дверь и позвонила, чтобы принесли свечи. Вместе со слугой, отозвавшимся на звонок, вошел ее отец.

Он сказал, что дважды подходил к ее двери в течение двух часов, которые прошли с тех пор, как они расстались, и, не слыша ее голоса, стал уже было опасаться, что она заболела.

— А сейчас, дорогой отец, — сказала она, — позвольте мне напомнить о вашем любезном обещании. Дайте мне возможность провести одной те последние минуты моей свободы, которые у меня еще остались, и постарайтесь продлить это время как можно дольше.

— Охотно, — отвечал отец, — тебе больше никто не помешает. Но твой туалет в беспорядке, волосы растрепаны. Надеюсь, ты приоденешься, когда я за тобой приду? Твое самопожертвование только в том случае пойдет на пользу, если оно добровольно.

— Ах, так? — отвечала она. — Не бойтесь, отец, жертва украсит себя перед заклинанием.

Глава XVII

На свадьбу что-то непохоже!

«Много шума из ничего»

Часовня в замке Эллисло, в которой должен был происходить обряд злополучного бракосочетания, представляла собою здание гораздо более древнее, чем сам замок, хотя последний и был построен очень давно. Еще до того, как между Англией и Шотландией начались частые войны, настолько продолжительные, что здания по обе стороны границы стали главным образом использоваться в качестве крепостей, в Эллисло существовало небольшое поселение

монахов, являвшееся, по предположению знатоков старины, частью богатого Джеббергского аббатства. За годы перемен, вызванных войной и взаимными грабежами, монахи давно уже лишились своих владений. На месте их разрушенных келий был построен феодальный замок, в архитектурный ансамбль которого вошла их часовня.

Круглые арки и массивные колонны простотой своих очертаний свидетельствовали, что это сооружение принадлежало к так называемой ранней саксонской архитектуре. Оно всегда выглядело весьма мрачно и уныло. Феодальные властители замка нередко пользовались им как фамильным склепом, а задолго до этого монахи хоронили в нем своих умерших. Сейчас, при свете нескольких дымящих факелов, которые горели желтым огнем, часовня выглядела вдвойне мрачно. Пробиваясь сквозь дым, этот свет окружал факелы багряно-красным ореолом, за которым снова смыкалась тьма, скрывавшая от глаз внутренность часовни, так что последняя казалась непомерно огромной. Мрачность всей картины, пожалуй, еще более подчеркивалась выбранными на скорую руку украшениями. Вокруг висели старые гобелены, поспешно снятые со стен других помещений замка и перемежавшиеся теперь с фамильными гербами и надгробными памятниками в разных местах часовни. По краям каменного алтаря находились два изваяния, резко отличавшиеся друг от друга. С одной стороны высилась высеченная из камня мрачная фигура отшельника или монаха, приобщившегося своею смертью к лику святых. Он был изображен стоящим на коленях, в рясе и капюшоне, а лицо его было обращено кверху, как во время молитвы. Его руки с висящими на них четками были сложены на груди. По другую сторону алтаря находилась гробница в итальянском стиле, изваянная из очень красивого белого мрамора — образец современного искусства. Она была воздвигнута в честь матери Изабеллы, покойной миссис Вир-Эллисло, которая была изображена лежащей на смертном одре, в то время как плачущий херувим, отвернувшись, гасил лампаду, — это был

символ ее близкой кончины. Статуя была подлинным произведением искусства, но выглядела не на месте в этом грубом склепе. Многих удивило и даже возмутило, что Эллисло, не относившийся с особым вниманием к жене, когда та была жива, в притворном горе соорудил ей столь дорогой памятник. Другие не склонны были обвинять его в лицемерии, утверждая, что памятник сооружался под наблюдением и на средства мистера Рэтклифа.

Перед церемонией венчания у этого памятника собрались гости. Их было немного: большинство уехало из замка, чтобы готовиться к предстоящему политическому выступлению, а Эллисло при существующих обстоятельствах не очень-то желал приглашать кого-либо, кроме самых ближайших родственников, присутствие которых, согласно обычаям страны, считалось совершенно необходимым. Рядом с алтарем стоял сэр Фредерик Лэнгли, более мрачный, угрюмый и задумчивый, чем обычно, и около него Маршал, собиравшийся, по установленному обычаю, выступить в роли шафера. Беззаботное настроение молодого человека, которое он никогда не давал себе труда подавлять, еще более оттеняло мрачное облако, нависшее над челою жениха.

— Невеста еще не вышла из своей комнаты, — шептал Маршал сэру Фредерику. — Надеюсь, нам не придется прибегать к средствам принуждения, которые были в ходу у римлян — я читал об этом еще в колледже. Нельзя же похитить мою хорошенькую кузину дважды на протяжении двух дней; впрочем, она больше кого бы то ни было достойна такой жестокой любезности.

Сэр Фредерик сделал вид, что не слышит этих рассуждений. Он принялся что-то напевать про себя и отвернулся, но Маршал не унимался.

— Эта задержка совсем не по вкусу доктору Хобблеру: его побеспокоили просьбой поскорее все подготовить к торжественному событию, как раз когда он откупорил себе третью бутылочку. Надеюсь, вы оградите его от нареканий со стороны духовного начальства, так как, насколько я понимаю, час для

совершения обряда сейчас слишком уж поздний... А вот и Эллисло с моей хорошенькой кузиной. Она прелестнее чем когда-либо, только бледна как смерть. Послушайте-ка, сэр рыцарь, в случае, если она совершенно добровольно не скажет «да», венчание не состоится, вопреки всему, что уже сказано и сделано!

— Не состоится? — удивленно спросил сэр Фредерик громким шепотом, еле сдерживая гнев.

— Нет, свадьбы не будет, — ответил Маршал, — клянусь вам, вот вам на том моя рука и перчатка.

Сэр Фредерик схватил протянутую руку и, стиснув ее с силой, прошипел:

— Маршал, ты ответишь за это.

И тут же оттолкнул от себя руку молодого человека.

— Охотно, — сказал Маршал, — ибо мои уста никогда не произносили ни одного слова, за которое моя рука не была готова ответить. Итак, говори, моя хорошенькая кузина, скажи мне, по своей ли собственной воле и вполне ли непредубежденно принимаешь ты сего доблестного рыцаря как своего мужа и господина? Ибо в случае, если ты хоть немного колеблешься, будь что будет, но он не женится на тебе.

— Ты с ума сошел, мистер Маршал! — воскликнул Эллисло, который по праву бывшего опекуна молодого человека часто разговаривал с ним тоном старшего. — Не воображаешь ли ты, что я потащу дочь к подножию алтаря, не будь на то ее собственная воля?

— Полно, Эллисло, — возразил молодой человек, — бросьте рассказывать басни. Ее глаза полны слез, а щеки блее подвенечного платья. Во имя простой человечности я настаиваю, чтобы венчание положили до завтра.

— Она сама скажет, дабы впредь тебе не повадно было соваться в чужие дела, что она сама хочет, чтобы венчание состоялось. Не так ли, Изабелла, дорогая?

— Да, так, — отвечала Изабелла почти в полуобморочном состоянии, — раз уж и бог и люди отступились от меня.

Последние слова она произнесла чуть слышно. Маршал пожал плечами и отступил назад. Эллисло подвел, или скорее подтащил дочь к алтарю. Сэр Фредерик выступил вперед и встал рядом с ней. Священник открыл молитвенник и взглянул на мистера Вира, ожидая сигнала начать обряд.

— Начинайте, — скомандовал тот.

Внезапно откуда-то из-под гробницы усопшей женщины послышался голос: «Стойте!»

Это слово, произнесенное громким и резким тоном, пронеслось эхом по всей часовне.

Все замерли, прислушиваясь к отдаленному гулу и лязгу оружия или какому-то напоминавшему его звуку, который исходил из дальней части замка. Звук тотчас же умолк.

— Это еще что такое? — спросил сэр Фредерик, испепеляя Эллисло и Маршала взглядом, в котором сквозили подозрение и злоба.

— Это наверняка выходка какого-нибудь перепившегося гостя, — сказал Эллисло. — Ничего удивительного: нынче вечером все хлебнули изрядно. Продолжайте службу.

Священник не успел выполнить это приказание, как из того же места, что и раньше, вторично последовало запрещение. Женщины-служанки, находившиеся в часовне, взвизгнули от страха и бросились к выходу, мужчины схватились за оружие. Но, прежде чем кто-либо успел опомниться, из-за гробницы показался карлик. Он вышел на середину и остановился прямо перед мистером Виром. Появление этого странного и безобразного существа в таком месте и при таких обстоятельствах поразило всех присутствующих, но, казалось, больше всего потрясло лэрда Эллисло. Он выпустил руку дочери, шатаясь подошел к ближайшей колонне, обхватил ее руками, как бы ища поддержки, и приложился к ней лбом.

— Кто этот человек, — спросил сэр Фредерик, — и по какому праву он врывается сюда?

— Я пришел объявить тебе, — молвил в ответ карлик с присущей ему желчностью, — что, беря в жены

эту девушку, ты не женишься на наследнице ни поместья Эллисло, ни Моули-холла, ни Полвертона и не получишь ни одной пяди земли, если только она не выйдет замуж с моего согласия, — а тебе я этого согласия никогда не дам. На колени — и возблаговари господа, что тебе помешали повенчаться с обладательницей того, что тебе меньше всего нужно: безупречной правдивости, добродетели и невинности. А ты, низкий, неблагодарный человек, — продолжал он, обращаясь к Эллисло, — что дали тебе все твои подлые увертки? Ты хотел продать собственную дочь, чтобы избавить себя от опасности, подобно тому как во время голода ты убил и сожрал бы ее тело, чтобы сохранить свою поганую жизнь! Да, да, закрой руками свое лицо, чтобы не покраснеть, когда ты смотришь на того, чье тело ты заковал в цепи, чью руку заставил пролить кровь и чью душу обрек на страдания. Еще раз тебя спасет добродетель той, которая называет тебя отцом. Прочь отсюда, и пусть мое прощение и благодеяния, оказываемые тебе, будут для тебя подобны угольям и жгут твой мозг, как ты выжег мой мозг!

С жестом немого отчаяния Эллисло покинул часовню.

— Следуй за ним, Хьюберт Рэтклиф, — приказал карлик, — и сообщи ему, что ждет его в будущем. Он возликует, ибо дышать воздухом и бренчать деньгами для него уже счастье.

— Я ничего не понимаю во всем этом, — сказал сэр Фредерик Лэнгли, — но здесь перед вами дворяне, с оружием в руках вставшие за дело короля Иакова; и будь вы действительно сэр Эдуард Моули, которого давно считают умершим в заключении, или самозванец, присвоивший себе его имя и титул, мы позволим себе задержать вас, пока вы не объясните, как полагается, каким образом сюда попали. Мы не потерпим среди нас шпионов. Хватайте его, друзья!

Но слуги, охваченные сомнением и тревогой, не последовали за ним. Сэр Фредерик шагнул было к отшельнику, намереваясь его схватить. Внезапно он вынужден был остановиться, так как в грудь ему

уперлось сверкающее острие алебарды, которую твердой рукой держал Хобби Элиот.

— Посмей только тронуть его, и я прорежу в тебе такую дыру, что сквозь нее небо будет видно! — воскликнул отважный горец. — А ну, отойди, пока я тебя хорошенько не угостил! Никто и пальцем не тронет Элши. Он сосед не то что некоторые и всегда готов помочь другу. Ты небось думаешь, он — калека, а ты попробуй-ка с ним схватиться. Он так тебя двинет, что у тебя кровь брызнет из-под ногтей. Элши крепкий малый — схватит, как в тиски зажмет!

— Что привело тебя сюда, Элиот? — сказал Маршал. — Кто просил тебя вмешиваться?

— А вот, Маршал-Уэллс, — отвечал Хобби, — просто взял я да и приехал сюда по своей собственной воле и во имя короля или королевы, что ли, а со мной еще десятка два-три наших ребят и сам мудрый Элши. Мы решили навести тут порядок и рассчитаться с Эллисло за старые обиды. Видишь ли, его голово-резы устроили мне на днях веселенький завтрак, он их и подбил на это дело. В ответ я решил сегодня с ним поужинать. Оставьте в покое ваши шпаги, джентльмены: мы без большого шума завладели замком. Двери все были настежь, а слуги перепились. Отобрать у них шпаги и пистолеты было не труднее, чем вышелушить горох из стручка.

Маршал стремительно выбежал из часовни и тотчас же вернулся.

— Клянусь богом, это правда, сэр Фредерик: дом занят вооруженными людьми, а эти пьяные свиньи обезоружены. Шпаги наголо, и проложим себе путь к выходу!

— Не горячитесь, не горячитесь! — воскликнул Хобби. — Выслушайте меня. Мы не сделали вам ничего худого; но уж коли вы выступили за короля Иакова — как вы его там называете — и римских прелатов, мы тоже вправе возобновить старые соседские распри и отстаивать права королевы и церкви. Но мы вас пальцем не тронем, если вы согласитесь спокойно разойтись по домам. Это для вас будет самое лучшее, так как из Лондона есть верные вести,

что человек по имени Бэнг, Бинг или что-то в этом роде отогнал французские корабли и нового короля от наших берегов. Так что за неимением лучшей королевы вам придется удовлетвориться старушкой Нэнси.

Вошедший в этот момент Рэтклиф подтвердил правильность этих сведений, столь неблагоприятных для якобитов. Не простившись ни с кем, сэр Фредерик тут же уехал из замка, сопровождаемый теми из своей свиты, кто мог последовать за ним.

— А что будете делать вы, мистер Маршал? — осведомился Рэтклиф.

— Право, не знаю, — отвечал тот с улыбкой. — У меня слишком много энергии и слишком мало денег, чтобы последовать примеру отважного жениха. Это не в моем характере, и я так не хочу поступать.

— Ну так распустите своих людей и не поднимайте шума, тогда вам все простится — ведь открытого восстания еще не было.

— Ну да, конечно, — вставил Элиот, — кто старое помянет, тому глаз вон, и снова станем друзьями. Единственно против кого у меня было зло, — это Уэстбернфлет, ну, а ему-то я задал жару. Но не успели мы обменяться тремя ударами палаша, как он выскочил из окна прямо в ров и поплыл на тот берег, что твой селезень! Ну и ловкач! Только бы ему и похищать девиц — по две в день, на меньшее он не согласен. Однако, если он сейчас не уберется восвояси из наших мест, я его на веревке доволоку до морского берега, потому что время встречи в Каслтоне миновало и его друзья не станут ему помогать.

Во время всеобщей суматохи Изабелла бросилась к ногам своего родственника, сэра Эдуарда Моули (ибо так мы должны его теперь называть), чтобы выразить ему свою признательность и в то же время умолять простить ее отца.

После того как немного утихло всеобщее волнение, глаза всех присутствующих обратились к ним. Мисс Вир стояла на коленях возле гробницы своей матери, мраморные черты которой очень напоминали ее собственные. Она держала карлика за руку

и поминутно целовала ее и орошала слезами. Он стоял неподвижно; только его глаза переходили от мраморной фигуры к живой девушке и обратно. Наконец он поднял руку и смахнул крупные капли слез, повисшие у него на ресницах.

— Я полагал, — сказал он, — что не пролью больше ни одной слезы. Но мы льем слезы со дня нашего рождения, и их источник не пересыхает, пока мы не ляжем в могилу. Но хоть и растаяло мое сердце, это не изменит моего решения. Я немедленно и навсегда распрощаюсь со всеми; чья память (он взглянул на гробницу) или чье присутствие (он пожал руку Изабеллы) мне дороги. Не говорите ничего! Не старайтесь сбить меня с намеченного пути! Все это бесполезно. Вы больше не услышите обо мне и не увидите больше безобразного калеку! Для вас я умру еще до того, как действительно сойду в могилу, и вы сможете думать обо мне как о близком человеке, освободившемся от тягот и преступлений этого мира.

Он поцеловал Изабеллу, запечатлел другой поцелуй на лбу мраморной статуи, возле которой она склонила колена, и вышел из часовни, сопровождаемый Рэтклифом. Изабеллу, измученную переживаниями, служанки отнесли в покои. Большинство из оставшихся гостей разъехались, стараясь внушить каждому, кто пожелал их слушать, свое осуждение антиправительственных заговоров и свое сожаление по поводу участия в одном из них. Хобби Элиот принял на себя охрану замка на эту ночь и, как положено, выставил караул. Впоследствии он немало хвалился, что он и его друзья не замешкались ни на минуту, получив от Элши призыв через верного Рэтклифа. По счастливому стечению обстоятельств, рассказывал он, они именно в тот самый день получили известие, что Уэстбернфлет не собирается явиться на переговоры в Каслтон и бросает им вызов. Поэтому в Хэйфуте собрался довольно большой отряд, намеревавшийся утром на следующий день нагрянуть в крепость разбойника, и Хобби ничего не стоило убедить своих товарищей напасть вместо этого на замок Эллисло.

Глава XVIII

И в заключение всех событий —
Еще один, последний эпизод.

«Как вам это понравится»

На следующее утро мистер Рэтклиф передал мисс Вир письмо от ее отца, в котором было написано следующее:

Мое дорогое дитя!

Предвидя неизбежные преследования со стороны правительства, я вынужден ради собственной безопасности уехать за границу и оставаться там некоторое время. Я не прошу тебя ни сопровождать меня, ни следовать за мной. В моих и твоих собственных интересах, чтобы ты оставалась дома. Нет необходимости подробно останавливаться на причинах, которые вызвали происшедшие вчера странные события. Полагаю, что у меня есть все основания жаловаться на то, как обошелся со мной сэр Эдуард Моули, который является твоим ближайшим родственником с материнской стороны; но, поскольку он признал тебя своей наследницей и собирается передать тебе большую часть своего состояния, я считаю, что это полностью искупает его вину. Я знаю, что он все еще не простил мне того, что твоя мать однажды ответила на мои чувства, вместо того чтобы выполнить условия семейного договора, самым нелепым и тираническим образом предопределявшего ее судьбу — стать женой своего родственника-урода. Потрясение оказалось для него настолько тяжелым, что он потерял рассудок (надо сказать, что он всегда казался немного не в своем уме), и мне, как мужу его ближайшей родственницы и наследницы, выпала на долю щепетильная обязанность заботиться о нем самом и его имуществе все время, пока он не был восстановлен в своих правах в результате хлопот тех людей, которые, без сомнения, полагали, что они оказывают ему услугу, в то время как, если внимательно присмотреться к его дальнейшему поведению, станет ясно, что для его же

собственной пользы было бы лучше оставить его под благотворным для него и не слишком строгим надзором.

Однако в одном отношении он выказал как родственные чувства, так и понимание собственной неполноценности: тогда как сам он бежал от людей, скрывался под различными именами и личинами и настойчиво распространял слухи о своей смерти (причем я поддерживал их ему в угоду), он передал в мое распоряжение доходы от большей части своих владений, главным образом тех, которые ранее принадлежали твоей матери и затем перешли к нему, как к наследнику по мужской линии. Он мог думать, что проявляет необычайное великодушие, в то время как, по мнению всех беспристрастных свидетелей, он всего лишь выполнял свой родственный долг, понимая, что, по сути дела, если не по букве закона, тебя следует считать наследницей матери, а меня — твоим законным опекуном. Однако вместо того, чтобы чувствовать себя обязанным сэру Эдуарду, меня корбило оттого, что эти деньги выдавались мне скудными порциями, по усмотрению мистера Рэтклифа. Кроме того, тот брал с меня расписки под заклад моего фамильного имения Эллісло на все те суммы, которые я просил у него помимо положенного мне содержания; таким образом, он мало-помалу завладел всем моим имуществом. Или, если все это кажущееся дружеское расположение со стороны сэра Эдуарда было рассчитано лишь на то, чтобы поставить под свой полный контроль все мои дела и получить возможность разорить меня в любой момент, то, повторяю, я еще менее склонен чувствовать признательность за его мнимые благодеяния.

Примерно осенью прошлого года он появился в наших краях; не берусь судить, был ли этот шаг продиктован его расстроенным воображением или являлся частью того плана, о котором я только что упомянул. Сам он, кажется, утверждал, что его привело сюда желание увидеть памятник, поставленный по его распоряжению в часовне, над могилой твоей матери. Мистер Рэтклиф, в это время оказавший мне честь

поселиться в моем доме, тайком провел его в часовню. Как он впоследствии рассказывал, результатом этого посещения явилось то, что несчастный впал в невменяемое состояние и несколько часов скитался по ближним пустошам. Придя в себя, он решил построить себе хижину в самом глухом месте, поселился в ней и стал чем-то вроде сельского лекаря — надо сказать, что и в лучшие дни он проявлял склонность к подобного рода занятиям. Примечательно, что мистер Рэтклиф не сказал мне обо всем этом ни слова и поэтому лишил меня возможности должным образом позаботиться о несчастном родственнике покойной жены; наоборот, он потакал его сумасбродствам и даже поклялся молчать. Он часто посещал сэра Эдуарда и помогал ему строить его убежище, что, по-моему, было самой нелепой затеей, и больше всего они, по-видимому, боялись, как бы их отношения не стали известны.

Местность была открытая со всех сторон, и в тех случаях, когда к ним кто-нибудь приближался, Рэтклиф прятался в небольшой пещере, вернее в заброшенном склепе, который они обнаружили поблизости от большого гранитного столпа. Ты сама понимаешь, дорогая, что у них была какая-то серьезная причина для такой скрытности. Итак, в то время как я полагал, что мой несчастный друг живет в обществе монахов-траппистов, на самом деле он в течение многих месяцев разыгрывал свою странную роль, живя всего в пяти милях от моего дома и регулярно получая сведения о самых интимных сторонах моей жизни либо через Рэтклифа, либо через Уэстберфлета и других людей, которых он имел возможность подкупать. Он ставит мне в вину, что я пытался выдать тебя за сэра Фредерика. Я хотел сделать лучше для тебя; но если сэр Эдуард Моули думал иначе, почему же он не заявил об этом всем как мужчина, не сказал, что намерен заняться устройством твоих дел и принимает в тебе участие, как в наследнице своего огромного состояния?

Но даже сейчас, когда твой неуравновешенный и чудаковатый родственник с таким опозданием объа-

вил о своих намерениях, я отнюдь не собираюсь перечесть его воле, хотя он прочит тебе в мужья Эрнскифа — человека, казалось бы, менее всего ему удобного, если принять во внимание одно трагическое происшествие в прошлом. Я охотно дам свое согласие на этот брак, при условии, что все бумаги, касающиеся твоего обеспечения будут составлены совершенно ясно и определенно, дабы моя дочь была избавлена от унижительного зависимого положения и тех внезапных и беспричинных материальных ограничений, от которых я так страдал в свое время. Думаю, что о сэре Фредерике Лэнгли ты больше не услышишь. Едва ли он станет претендовать на руку девушки без приданого. Итак, дорогая Изабелла, я уповаю на мудрость провидения и на твое собственное благоразумие и умоляю тебя, не теряя времени, воспользоваться щедротами, которых твой капризный родственник лишил меня с тем, чтобы осыпать ими тебя.

Мистер Рэтклиф упомянул о намерении сэра Эдуарда выплачивать мне ежегодно довольно большую сумму, на которую я мог бы жить за границей, но моя гордость не позволяет мне принять от него этот дар. Я сказал ему, что у меня есть любимая дочь, которая, живя сама в достатке, не позволит мне нуждаться. Я счел нужным сообщить ему без обиняков, что если он пожелает увеличить твою долю, эти деньги, конечно, пойдут на содержание твоего родного отца. Я охотно закреплю за тобой замок и имение Эллисло — это докажет мою родительскую любовь к тебе и заботу о твоём благосостоянии. Годовые проценты от суммы долга, обременяющего поместье, несколько превысят доход от самого поместья, несмотря на то, что назначенная мною арендная плата за земли достаточно велика. Однако все долговые расписки находятся в руках мистера Рэтклифа, а он, являясь поверенным твоего родственника, будет сговорчивым кредитором. Кстати, должен тебе сказать, что хотя у меня есть основания жаловаться на отношение мистера Рэтклифа лично ко мне, я все же считаю его порядочным и честным человеком, которому ты

можешь смело довериться во всех делах, не говоря уже о том, что заслужить его доброе мнение — это верный путь к сердцу твоего родственника.

Передай от меня привет Марши. Надеюсь, у него не будет неприятностей в связи с недавними событиями. Напишу тебе более подробно с континента. Засим, остаюсь твоим любящим отцом.

Ричард Вир.

Это письмо содержит те немногие факты, которые проливают свет на неясные места в начале нашего повествования. По мнению Хобби, — возможно, его разделяет большинство наших читателей, — у отшельника с Маклстоунской пустоши разум был какой-то тусклый, сумеречный: он-де сам ясно не представлял, чего он хочет, да и не способен был добиваться своей цели простым и прямым путем. По выражению Хобби, пытаться понять его поведение было бы столь же бесполезно, как искать прямой путь через поле, на котором сотни окольных тропинок и ни одной проезжей дороги.

Внимательно прочитав письмо, Изабелла прежде всего спросила об отце. Ей сообщили, что после продолжительной беседы с мистером Рэтклифом он рано утром уехал из замка и был теперь на пути к ближайшему портовому городу, из которого намеревался отплыть на континент.

— А где сэр Эдуард Моули?

Никто не видел карлика с момента происшедшей накануне знаменательной сцены.

— Нехорошо, ежели что случилось с Элши, — говорил Хобби Элиот, — пусть меня снова ограбят, только бы его не тронули!

Он тотчас же отправился к хижине, где его встретила лишь коза; она громко блеяла, так как время дойки давно прошло. Отшельника нигде не было видно; дверь была непривычно распахнута, огонь в очаге потух, но внутри самой хижины ничего не изменилось с тех пор, как ее посетила Изабелла. Было совершенно ясно, что карлик покинул эти места, восполь-

зовавшись, по-видимому, теми же средствами, какие накануне помогли ему добраться до Эллисло. Огорченный Хобби вернулся в замок.

— Неужели мы навсегда потеряли нашего мудрого Элши?

— Именно так, — сказал Рэтклиф, вынимая бумагу, которую он вложил Хобби в руку. — Возьмите и прочтите это, и вы убедитесь, что от знакомства с ним вы кое-что приобрели.

Бумага оказалась дарственной, по которой «сэр Эдуард Моули, называемый также отшельником Элшендером, передавал в полную собственность Хэлберту, или Хобби, Элиоту и Грейс Армстронг значительную сумму, взятую Элиотом у него взаймы».

Но радость Хобби была омрачена грустью, и по его обветренным щекам катились слезы.

— Странное дело, — сказал он, — но не могу я радоваться этим деньгам, раз не уверен, что бедняга, давший их мне, тоже счастлив.

— Сознание того, что ты устроил счастье другого человека, — заметил Рэтклиф, — тоже приносит счастье. Если бы благодеяния моего хозяина принимались так, как этот дар, все было бы совершенно иначе. Но щедрость без разбора, поощряющая жадность и рождающая мотовство, и не приносит пользы и не вызывает ответного чувства благодарности. Поступать так — значит сеять ветер, чтобы пожать бурю.

— Вырастить такой урожай — дело нетрудное, — сказал Хобби. — Так я, с позволения молодой госпожи, заберу принадлежащие Элши улья и поставлю их в цветнике Грейс в Хэйфуте — их там никто не тронет. Вот и за бедной козочкой тоже некому присмотреть. Пусть-ка она лучше пасется на нашем лужке возле пожарища. Собаки за один день к ней привыкнут и ни за что не тронут. Грейс будет доить ее каждое утро вместо Элши. Надо прямо сказать, хоть он не жаловал людей, но бессловесных тварей очень любил.

Против предложения Хобби никто не возражал. Всех приятно поразила его природная чуткость, подсказавшая ему такой способ выразить свою благо-

дарность. Он очень обрадовался, когда Рэтклиф сообщил ему, что его благодетель обязательно узнает о заботе, проявленной Хобби в отношении его любимцы.

— Скажите ему, — добавил Хобби, — что бабка, девицы, а пуще всего Грейс и я сам живем и не тушим, и этим мы обязаны ему. Верно, ему приятно будет об этом слышать.

Элиот и вся его семья в Хэйфуте долгое время жили в довольстве и счастье, что было достойной наградой за его безупречную честность, доброту и храбрость.

Препятствий к союзу Эрнсклифа и Изабеллы больше не существовало, а сумма, переведенная Рэтклифом на Изабеллу от имени Эдуарда Моули, удовлетворила даже аппетиты корыстолюбивого Эллисло. Но мисс Вир и Рэтклиф утаили от Эрнсклифа тот факт, что у сэра Эдуарда была серьезная побудительная причина для того, чтобы осыпать молодых людей благодеяниями: таким путем он старался искупить перед Эрнсклифом свою старую вину, когда много лет тому назад во время неожиданно вспыхнувшей ссоры пролил кровь его отца. Если правда то, что, как утверждал Рэтклиф, мизантропия карлика несколько смягчилась от сознания того, что он сделал столько людей счастливыми, воспоминание об этом несчастье было одной из основных причин того, что он упорно не желал лично наблюдать их благополучие.

Маршал ездил на охоту, упражнялся в стрельбе и пил красное вино. Когда ему наскучила деревенская жизнь, он уехал за границу, участвовал в трех военных кампаниях, вернулся домой и женился на Люси Айлдертон.

Шли годы, и Эрнсклиф с женой по-прежнему жили в довольстве и счастье. Честолюбие и склонность к авантюрам толкнули сэра Фредерика Лэнгли на участие в восстании 1715 года. Вместе с графом Дервентуотером и другими он попал в плен под Престоном в Ланкашире. В архиве процессов по делам государственных преступников можно и ныне найти его защитительную речь в суде и речь перед казнью.

Мистер Вир, которому собственная дочь определила большое содержание, продолжал жить за границей, был одним из компаньонов банка Лоу во время регентства герцога Орлеанского и одно время считался необыкновенно богатым человеком. Когда этот знаменитый мыльный пузырь лопнул, он был настолько огорчен необходимостью снова ограничить себя небольшим годовым доходом (хотя видел, как многие его товарищи по несчастью буквально умирают с голоду), что его от горя разбил паралич, и через несколько недель он умер.

Уилли Уэстбернфлет бежал от гнева Хобби Элиота, подобно тому как именитые люди спасались от преследования закона. Его патриотизм побуждал его служить родине за границей, но в то же время ему не хотелось покидать родную землю; он предпочел бы остаться в любимой Шотландии и отбирать кошельки, часы и кольца у прохожих на большой дороге. К счастью для него, первое из этих побуждений взяло верх. Он вступил в армию Марлборо и получил офицерский чин, чему способствовали его заслуги по реквизиции скота для пополнения армейских запасов продовольствия. Спустя много лет он вернулся домой с деньгами (одному богу известно, каким образом он их добыл), срыл крепость Уэстбернфлет, построил вместо нее высокий и узкий дом с трубами с обоих концов, пил бренди с соседями, которых грабил в былые дни, — умер в собственной постели, похоронен в Киркуистле, и надпись на его надгробной плите (сохранившейся и поныне) гласит, что он был по всем статьям храбрым солдатом, чутким соседом и истинным христианином.

Мистер Рэтклиф большей частью жил вместе с обитателями Эллисло, но регулярно каждую весну и осень отсутствовал в течение месяца. Он упорно молчал о том, куда и с какой целью ездил, но все прекрасно понимали, что он выполнял распоряжения своего несчастного патрона. Наконец, когда он однажды вернулся после одной из своих очередных отлучек, печальное выражение его лица и траурная одежда поведали семейству Эллисло, что их благодетель скон-

чался. Смерть сэра Эдуарда не увеличила их достатка, ибо он роздал все, что у него было, еще при жизни, и львиная доля его состояния уже перешла к ним. Рэтклиф, единственный человек, которому он доверял, умер глубоким стариком, но так и не открыл ни того, где жил последнее время его покровитель, ни тех обстоятельств, при которых он умер, ни места, где его похоронили. Было ясно, что патрон приказал ему скрыть все эти подробности.

Внезапное исчезновение Элши из его странного убежища лишний раз подтвердило слухи, распространившиеся о нем в народе. Многие утверждали, что после того, как он дерзнул посетить святое место, нарушив тем самым свой договор с дьяволом, он был похищен нечистой силой на обратном пути в свою хижину. Но большинство придерживается мнения, что исчез он ненадолго и время от времени его можно вновь видеть на вересковых взгорьях. Как водится, у всех свежи воспоминания о его невоздержанном и желчном языке и забыто, что большинство его поступков в сущности приносили людям добро. Поэтому его считают злым демоном по имени Дух Болота, о проделках которого миссис Элиот рассказывала своим внукам, и, в соответствии с этим, приписывают ему, будто он насылает порчу на овец, заставляет беременных маток скидывать ягнят или же обрушивает нависший сугроб снега на путников, которые ищут спасения от бури под защитой высокого речного берега или крутого склона лощины. Короче говоря, все беды, которых больше всего боятся и которые проклинаят жители этой пастушеской страны, приписываются деяниям *Черного Карлика*.

ПУРИТАНЕ

ВВЕДЕНИЕ

В конце прошлого века в Шотландии был хорошо известен один весьма примечательный человек, по прозвищу Кладбищенский Старик. Роберт Патерсон — таково его настоящее имя — был, как говорят, уроженцем Клозбернского прихода в Дамфризшире и, вероятно, каменотесом — во всяком случае, он сизмальства был приучен владеть резцом. Неизвестно, что побудило его уйти из дому и пуститься странствовать по Шотландии, уподобляясь паломнику, — домашние ли неурядицы или глубокое и проникновенное ощущение того, что он считал своим долгом. Известно только, что не нужда толкнула его на эти скитания, ибо он решительно отказывался от денежной помощи и позволял себе пользоваться только гостеприимством, которое ему всюду охотно оказывали, а если случалось, что никто не приглашал его к себе в дом, у него всегда бывало достаточно денег для удовлетворения своих скромных потребностей. Его внешность и излюбленное — вернее, единственное — занятие подробно описываются в «предварительной» главе предлагаемого романа.

Лет тридцать назад, а то и побольше, автор встретился с этой необыкновенной личностью на кладбище

в Даннотере, приехав сюда на день-другой к ныне покойному мистеру Уокеру, ученому и уважаемому приходскому священнику, чтобы осмотреть развалины даннотерского замка, а заодно и остатки старины в ближайших окрестностях. Там же оказался за своим обычным занятием, побуждавшим его к вечным скитаниям, и Кладбищенский Старик, так как замок и приходское кладбище в Даннотере, хотя они и находятся во враждебном ковенантерам округе Мернс, являются для камеронцев своего рода святынею из-за мучений, которые здесь претерпели их предки во времена Иакова II.

В 1685 году, когда Аргайл угрожал высадкой в Шотландии, а Монмут готовился вторгнуться в пределы Западной Англии, Тайный совет Шотландии, принимая в связи с этим крутые меры, велел арестовывать в южных и западных провинциях более ста человек, многих вместе с женами и детьми, полагая, что вследствие своих религиозных воззрений они враждебны правительству. Узников, обращаясь с ними, точно со стадом волов, погнали на север — впрочем, о волах проявляют заботу, между тем как до насущных потребностей этих людей никому не было дела. В конце концов их заперли в подземелье даннотерского замка; окно их темницы было пробито в скале, нависшей на большой высоте над Северным морем. Они немало выстрадали в пути; их оскорбляли, над ними всячески измывались северные прелаты; их преследовали насмешками, издевательствами и шуточными песенками скрипачи и волынщики, сбегавшиеся со всех сторон на дорогу, чтобы потешиться вдоволь над теми, кто с такой нетерпимостью относился к их роду занятий. Даже в мрачной темнице их не оставляли в покое. Сторожа требовали с них плату за каждую оказанную ими услугу, даже за воду, и, когда некоторые из узников противились столь наглому требованию, настаивая на своем праве получать ее безвозмездно, поскольку она необходима для поддержания жизни, их тюремщики выливали ее на пол, утверждая, что «если они обязаны приносить

воду для ханжей-вигов, то никто их не может заставить бесплатно давать им кувшины и кружки».

В этой тюрьме, которая и поныне называется «Темницею вигов» многие из заключенных погибли от болезней, обычных в подобных местах, а другие переломали себе руки и ноги или разбились насмерть, пытаясь бежать из своего страшного заточения. Над могилами этих несчастных их друзья воздвигли после революции памятник с подобающей эпитафией.

Эту своеобразную усыпальницу вигов-мучеников глубоко чтят их потомки, как бы далеко от места их заключения и погребения они ни проживали. Мой друг почтенный мистер Уокер рассказывал мне, что лет сорок тому назад, путешествуя по Южной Шотландии, он имел несчастье заблудиться в лабиринте дорог и тропинок, пересекающих во всех направлениях обширную пустошь близ Дамфриза, именуемую Лохарские Мхи; выбраться оттуда человеку чужому без посторонней помощи почти невозможно. Между тем найти провожатого было делом нелегким, так как все, кто встречался ему по пути, усердно копали торф, а это — работа первостепенной важности, и ее нельзя прерывать. Мистеру Уокеру удалось добиться лишь нескольких малопонятных ему указаний на южном диалекте, который значительно отличается от мернского говора. Он начал уже тревожиться, не находя выхода из этого трудного положения, и обратился наконец к фермеру побогаче, занятому, как все, копкою торфа на зиму. Вначале старик, подобно другим, отказался проводить мистера Уокера, ссылаясь на неотложность своей работы, но, проникнувшись уважением к сану своего собеседника и увидев, что тот совершенно растерян, спросил:

— Вы, сударь, священник?

Мистер Уокер ответил утвердительно.

— Судя по вашей речи, вы с севера?

— Вы правы, друг мой, — отозвался священник.

— Разрешите спросить, не приходилось ли вам слышать о месте, прозываемом Даннотер?

— Мне полагалось бы кое-что знать о нем, друг

мой, — сказал мистер Уокер, — я много лет был священником этого прихода.

— Рад это слышать, — оживился дамфризширец, — потому что один из моих близких родичей лежит там на кладбище, и на его могиле как будто есть памятник. Дорого я дал бы за то, чтобы узнать, цел ли еще этот памятник.

— Ваш родственник был, наверно, из тех, кто погиб в замке, в «Темнице вигов»; кроме них на нашем кладбище покоится очень мало южан, и ни у кого из этих южан, насколько я знаю, нет намогильного памятника.

— Именно, именно, — сказал камеронец (старый фермер принадлежал к этой секте). Он отложил лопату, надел куртку и со всей искренностью предложил проводить священника, даже если его дневной урок и останется недоделанным. Мистер Уокер, по его словам, сторицею вознаградил его за этот урон, прочитав ему эпитафию, которую знал наизусть. Старик был в восторге, услышав имя своего деда или прадеда среди имен братьев-страдальцев, и, выведя мистера Уокера на сухую и безопасную дорогу, отказался от вознаграждения, лишь попросив дать ему копию с эпитафии.

Слушая этот рассказ и осматривая упомянутый памятник, я впервые увидел Кладбищенского Старика; занятый своим обычным трудом, он очищал от наростшего мха и подправлял украшения и эпитафии на могильных плитах. Его наружность и одежда были точно такими, как они описаны в предлагаемом романе. Мне захотелось поближе узнать эту необыкновенную личность, и я рассчитывал, что смогу это сделать, так как Кладбищенский Старик остановился в доме гостеприимного и свободного от религиозной нетерпимости пастора. Но хотя мистер Уокер и пригласил его выпить с нами после обеда стопочку водки, к которой, как поговаривали, старик не испытывал особого отвращения, все же он не пожелал говорить со всей откровенностью о своем неизменном занятии. Он был в дурном настроении, и, по его словам, ему было в тягость поддерживать с нами беседу.

Он был глубоко возмущен, услышав в одной из церквей в Эбердине камертон-дудку или что-то в этом роде, с помощью которого регент управлял пением псалмов: для Кладбищенского Старика это было величайшим кощунством. Возможно, он к тому же стеснялся нашего общества; может быть, он также испытывал подозрение, что вопросы северошотландского пастора и молодого судебного стряпчего вызваны скорее пустым любопытством, чем действительной заинтересованностью в деле его жизни. Во всяком случае, пользуясь выражением Джона Беньяна, Кладбищенский Старик прошел своей дорогой, и я никогда больше его не видел.

Примечательный облик и род занятий этого вечного странника напомнил мне своим рассказом о нем мой добрый друг мистер Джозеф Трен, акцизный контролер в Дамфризе, которому я обязан множеством самых разнообразных сведений подобного рода. От него я узнал и об обстоятельствах смерти этого необыкновенного человека, а также кое-какие подробности, нашедшие себе место в романе. Он же сообщил мне о том, что род Кладбищенского Старика существует в третьем поколении и поныне и пользуется большим уважением благодаря талантам и нравственным достоинствам его представителей.

Когда эти страницы уже печатались, я получил нижеследующее сообщение мистера Трена, который, со всегдашней любезностью, в свободные от своих многотрудных обязанностей часы собрал из достоверных источников эти сведения:

Часто бывая в Гленкенсе, я коротко познакомился с Робертом Патерсоном, сыном Кладбищенского Старика, проживающим в небольшой деревне под названием Балмакеллан. И хотя ему скоро семьдесят, он все еще сохраняет всю живость молодости; память у него поразительная, и знаний гораздо больше, чем можно было бы ожидать в человеке его звания и образа жизни. Он же и рассказал мне о своем покойном отце и о его потомках вплоть до настоящего времени.

Роберт Патерсон, *alias*¹ Кладбищенский Старик, был сыном Уолтера Патерсона и Маргарет Скотт, проживавших на ферме Хаггиша, в Ховикском приходе, в первой половине восемнадцатого столетия. Здесь в памятный 1715 год и родился Роберт.

Как младшего сына в большой семье, его еще мальчиком отправили к старшему брату Фрэнсису, который арендовал у сэра Джона Джардина из Эпплгарса небольшой клочок земли на Корнкокльской пустоши, близ Лохмабена. Здесь он познакомился с Элизабет Грей, дочерью Роберта Грея, садовника сэра Джона Джардина, на которой впоследствии и женился. Жена его довольно долго была кухаркой у сэра Томаса Керкпатрика из Клозберна, который исплопотал для ее мужа у герцога Куинсбери разрешение разрабатывать на льготных условиях каменоломню в Гейтлоубригге, в приходе Мортон. Тут он выстроил дом и имел участок земли, достаточный для содержания лошади и коровы. Мой осведомитель не мог назвать с полной уверенностью год поселения его отца в Гейтлоубригге, но он убежден, что это должно было произойти незадолго до 1746 года, так как во время памятных всем морозов 1740 года его мать, говорит он, еще служила у сэра Томаса Керкпатрика. Возвращаясь из Англии зимой 1745—1746 года, горцы по дороге в Глазго разграбили дом мистера Патерсона в Гейтлоубригге и, захватив его с собою как пленника, отпустили лишь в Гленбеке, и все только из-за того, что он сказал одному из этой бродячей армии, будто их отступление можно было легко предвидеть заранее, ибо десница всевышнего, несомненно, подъята не только на кровожадных и исполненных скверны Стюартов, но и на всех, кто пытается оказать поддержку гнусным ересям римской церкви. Из этого видно, что Кладбищенский Старик уже смолоду находился во власти того религиозного фанатизма, который впоследствии стал наиболее примечательною чертою его характера.

¹ Иначе (*лит.*).

Религиозная секта, называемая «горные люди», или камеронцы, пользовалась в то время широкой известностью и уважением благодаря строгости нравов и благочестию ее членов, подражавших в этом основателю секты Ричарду Камерону, и Кладбищенский Старик сделался ревностным последователем ее учения. Он стал довольно часто ездить в Гэллоуэй на молитвенные собрания камеронцев и при случае возил с собою надгробные плиты из своей гейтлоубригской каменоломни с целью увековечить память почивших праведников. Кладбищенский Старик не принадлежал к числу тех ханжей, которые, лицемерно устремив один глаз к небесам, другим пристально следят за происходящим в подлунном мире. По мере того как его религиозное рвение возрастало, поездки в Гэллоуэй становились все более частыми, и мало-помалу он начал даже пренебрегать своими обязанностями отца семейства. Приблизительно с 1758 года он перестал возвращаться из Гэллоуэя к жене и пятерым детям в Гейтлоубриг, что вынудило его послать старшего сына Уолтера, которому тогда было только двенадцать лет, в Гэллоуэй на розыски отца. Пройдя почти всю эту обширную область, от Ника в Бенкори до Фелла в Борульоне, мальчик нашел наконец отца на старом кладбище в Керккрите, расположенном на западном берегу Ди, напротив города Керкедбрайта, где он восстанавливал памятники на могилах камеронцев. Маленький путешественник всеми доступными ему средствами старался побудить отца возвратиться к семье, но все было тщетно. Миссис Патерсон посылала в Гэллоуэй и своих дочерей, чтобы они разыскали отца и убедили его вернуться домой, но и эта попытка не имела успеха. В конце концов летом 1768 года она переселилась в горную деревушку Балмакклеллан, близ Гленкенса, и, открыв небольшую школу, скромно, но безбедно жила там на доходы с нее со своей большою семьей.

На ферме Калдон, близ так называемого Дома в горах, существует небольшой памятный камень; он особо почитается камеронцами, как первый памятник, воздвигнутый Кладбищенским Стариком тем, кто пал

в этих местах, отстаивая свои религиозные верования во время гражданской войны в царствование Карла II.¹

После Калдонской фермы Кладбищенский Старик с течением времени распространил свою деятельность чуть ли не на всю равнинную часть Шотландии. Почти на всех кладбищах в Эршире, Гэллоуэе или Дамфризшире и теперь еще можно увидеть работу его резца. Ее легко отличить от работ любого другого мастера по примитивной бесхитростности эмблем смерти и наивной простоте надписей, высеченных им на грубо вытесанных камнях. Реставрация и установка надгробных камней, безо всякого вознаграждения от кого бы то ни было, были единственным занятием этой примечательной личности на протяжении сорока лет. Двери каждого камеронского дома были открыты для него в любой час, и его принимали с таким радушием, словно он был близким родственником семьи; впрочем, он не всегда пользовался этим гостеприимством, что видно по следующему перечню скромных расходов, обнаруженному в его записной книжке среди прочих бумаг покойного (кое-какие из них находятся у меня):

Флитская сторожка, 4 февраля 1796 г.
Роберт Патерсон должен Маргарет Кристейл

	Фунты	Шиллинги	Пенсы
За сухое помещение в течение семи недель	0	4	1
За четыре мерки овсяной муки	0	3	4
За шесть мерок картофеля	0	1	3
Взято взаймы в день причастия мистера Рейда	0	6	0
За три кружки эля с Сэнди, продавцом мела ²	0	0	9
	0	15	5
Уплачено	0	10	0
Остается	0	5	5

¹ Этот дом был взят штурмом капитаном Орчардом или Уркхартом, который был убит пулею во время атаки, (Прим. автора.)

² Хорошо известный шутник, здравствующий и поныне, называемый в народе Старый Куль с Мелом: он торгует мелом, которым фермеры метят овец. (Прим. автора.)

Этот счет свидетельствует о том, что наш странник в старости очень нуждался; но это происходило скорее по его собственной воле, чем в силу стечения обстоятельств, так как в упоминаемое здесь время все его дети жили в достатке и были бы рады приютить у себя отца; однако никакие уговоры и мольбы не могли склонить его отказаться от бродячего образа жизни. Он путешествовал от кладбища к кладбищу верхом на белом стареньком пони до последнего дня своей жизни и умер, как вы написали в романе, 14 февраля 1801 года на восемьдесят шестом году жизни. Извещение о случившемся было послано его сыновьям в Балмаккеллан тотчас по обнаружении его трупа, но из-за глубокого снега, выпавшего в тот год, письмо с изложением подробностей его смерти задержалось в пути, и этот вечный странник был предан земле, прежде чем кто-нибудь из его близких смог прибыть в Бенкхилл.

Вот точная копия счета, в котором перечисляются издержки на его погребение (оригинал этого документа находится у меня):

Счет расходов на похороны Роберта Патерсона,
умершего в Бенкхилле февраля 14 дня 1801 г.

	Фунты	Шиллинги	Пенсы
За гроб	0	12	0
За отделку его	0	2	8
За рубашку покойному	0	5	6
За пару бумажных чулок	0	2	0
За хлеб на поминках	0	2	6
За сыр там же	0	3	0
За одну пинту рома	0	4	6
За одну пинту виски	0	4	0
Посыльному в Эннен	0	2	0
Могильщику	0	1	0
За полотно на саван	0	2	8
	2	1	10
Найдено на умершем	1	7	6
Остается	0	14	4

Этот счет был заверен сыном покойного.

Мой друг был болен и не мог поехать в Бенкхилл на похороны отца, о чем я глубоко сожалею, так как ему неизвестно, на каком кладбище тот погребен.

Я хотел поставить на его могиле небольшой памятник и тщательно, где только мог, наводил справки о месте его погребения, но все мои розыски не привели ни к чему, так как смерть Кладбищенского Старика не занесена в книги ни одного из окрестных приходов. С горечью думаю я о том, что, по всей вероятности, этот удивительный человек, отдавший столько лет своей долгой жизни, чтобы молотком и резцом увековечить память многих гораздо менее достойных, чем он, останется без простого надгробного камня, указывающего место упокоения его бранных останков.

У Кладбищенского Старика было три сына — Роберт, Уолтер и Джон; первый, как я уже говорил, живет в деревне Балмаклееллан в полном достатке и пользуется большим уважением в своем околотке. Уолтер, скончавшийся несколько лет назад в той же деревне, оставил после себя вполне обеспеченную семью. Джон в 1776 году уехал в Америку; испытав на своем веку немало капризов фортуны, он обосновался в конце концов в Балтиморе.

Сам старейший Нол, как говорят, был не прочь пошутить (смотри мемуары капитана Ходжсона). Кладбищенский Старик в этом отношении кое в чем походил на протектора. Подобно господину Молчанию, он был весел раза два за всю жизнь; впрочем, шутки его были мрачными, словно похороны, и порой имели для него неприятные последствия, как это явствует из приводимого ниже рассказа:

«Однажды Кладбищенский Старик занимался на кладбище в Гертоне обычным для него делом — восстанавливал надгробия на могилах страдальцев; не вдалеке от него приходский могильщик выполнял родственную задачу, то есть, попросту говоря, рыл могилу. Несколько озорных мальчишек шумно играли близ них, беспокоя стариков своими забавами и мешая им в их сосредоточенной и серьезной работе. Осо-

бенно назойливыми в этой ватаге были два-три сорванца, внуки хорошо известной в округе личности, носившей имя Купера Климента. Этот мастер в Гертоне и соседних приходах пользовался в то время своего рода монополией на изготовление и продажу деревянных ковшей, чашек, мисок, кубков, ложек, солонок, досок для хлеба и тому подобных предметов домашнего обихода. Нужно отметить, что посуда, изготавливаемая Купером, несмотря на великолепное качество, вначале придавала красноватый оттенок лубой наливаемой в нее жидкости. Впрочем, это нередко бывает с новой деревянной посудой.

Внукам этого деревянных дел мастера пришло в голову спросить могильщика, куда он деваает обломки старых гробов, которые выкидывает из земли, роя могилы. «Неужели вам неизвестно, — сказал на это Кладбищенский Старик, — что он продает их вашему деду, который превращает их в ложки, доски для хлеба, кувшины, чашки, кубки и прочее?» Это разъяснение страшно смутило мальчишек, и они стали с огвращением вспоминать, сколько еды им довелось съесть на тарелках, которые, по словам Кладбищенского Старика, годились лишь для пиршества ведьм и вампиров. Они рассказали об этом у себя дома, и в тот день пришлось выбросить немало обедов — такое отвращение вызвала разнесенная ими новость; ведь красноватый оттенок, который даже в дни величайшей славы Купера Климента казался несколько подозрительным, теперь стали объяснять происхождением употребляемого им материала. Товары Купера вызывали ужас, и это было весьма на руку его соперникам-гончарам. Этот мастер резной ложки и миски видел, что дело его хиреет, и наконец узнал о причине беды, когда его прежние покупатели стали в ярости требовать, чтобы он принял обратно товар, сделанный из столь мерзкого материала, и возвратил уплаченные за него деньги. Попав в тяжелое положение, разорившийся мастер привлек Кладбищенского Старика к суду, на котором без труда доказал, что используемое им дерево — клепки от винных бочек,

которые он скупал у контрабандистов, а последних в то время в округе было великое множество. Это обстоятельство объяснило красноватый оттенок, придаваемый жидкостям сделанной им посудой. Кладбищенский Старик заявил, что, говоря о дереве от гробов, он не имел другого намерения, как отделаться от мешавших ему детей. Но легче отнять доброе имя, чем его возратить. Дело Купера Климента все больше приходило в упадок, и он окончил свои дни в нищете».

Глава I **ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ**

Среди заброшенных могил
Зачем все время бродит он?
Встревожить то, что гроб сокрыл?
Нарушить спящих вечный сон?

*Лэнгхорн*¹

Большинству читателей, — сказано в рукописи мистера Петтисона, — приходилось, конечно, не без удовольствия наблюдать веселую кутерьму, которую в тихий час летнего вечера, расходясь после занятий, поднимают деревенские школьники. Неуемная живость, свойственная детскому возрасту, с таким трудом подавляемая в томительные часы учения, вдруг разражается, словно взорвавшись, криками, пением и проказами маленьких сорванцов, которые собираются на лужайке и, разбившись на группы, принимаются за свои состязания. Но есть еще одна личность, которая в момент роспуска учеников тоже испытывает облегчение; впрочем, ее чувства не так заметны стороннему

¹ Стихотворные переводы, кроме особо оговоренных, выполнены В. Давиденковой.

наблюдателю и не в такой мере способны вызвать его симпатию. Я имею в виду учителя, который, оглушенный несмолкающим гулом голосов и задыхаясь в спертом воздухе классной комнаты, непрерывно сражался весь день (один против целой оравы), пресекая озорство, побуждая к труду безразличие, сиюсь просветить тупоумие и укрощая упрямство. Мысли его спутались и потускнели оттого, что он выслушал сто раз подряд все тот же затверженный наизусть глупый урок, и единственное, что нарушало его унылое однообразие, — это разнообразный вздор, изрекаемый отвечающими. Даже цветы античного гения, доставлявшие столько радости его одинокой фантазии, и они, казалось, увядали и блекли от связанных с ними слез, ошибок и наказаний, так что не было такой эклоги Вергилия или оды Горация, которая не сплеталась бы в его представлении с хмурым обликом или монотонным скандированием того или иного хнычущего ученика. Если добавить, что к этому напряжению умственных сил присоединяются хрупкое телосложение и душа, жаждущая более высокого поприща, чем мучительство школьников, читатель сможет понять, хотя и весьма отдаленно, какое великое облегчение голове, раскалывающейся от боли, и нервам, издерганным многочасовым докучным трудом на ниве народного просвещения, — одинокая прогулка в прохладе ясного летнего вечера.

Для меня эти блуждания вечерней порой были счастливейшими часами моей несчастливой жизни, и если какой-нибудь благосклонный читатель найдет удовольствие в чтении этого плода моих бессонных ночей, то да будет ему известно, что план своей книги я обычно обдумывал в те мгновения, когда отдох от изнурительного дневного труда и шума и безмятежность окружающего склоняли мой дух к сочинительству.

Мое излюбленное место прогулок в эти часы золотого досуга — берега небольшого ручья, который, «извиваясь по долу зеленого папоротника», протекает перед сельской школой в Гэндерклю. На первой четверти мили мне иногда приходится отвлекаться

от своих размышлений, отвечая на приветствия моих забредших в эти места питомцев — кто неловко шаркивается, кто сдергивает с головы шапочку, — которые ловят в ручье форелей и всякую мелюзгу или собирают вдоль его берегов тростник и полевые цветы. Но забираться дальше упомянутого мной расстояния после захода солнца юные удильщики не очень-то любят. Причина заключается в том, что чуть выше по узкой долине, во впадине, как бы вырытой в крутом, поросшем вереском склоне, расположено заброшенное, старое кладбище, и маленькие трусишки боятся подходить к нему в сумерки. Для меня, напротив, это место полно неизъяснимого очарования. Оно долгое время было излюбленной целью моих прогулок, и, если мой добрый наставник и покровитель не забудет своего обещания, оно станет (и, вероятно, довольно скоро) моим последним прибежищем по завершении мною земного пути.¹

Здесь, как всегда на кладбище, испытываешь какое-то торжественное благоговение, но к нему не примешивается ничего тягостного и неприятного, неизменно ощущаемого при посещении других кладбищ. Уже много лет тут почти не хоронят, и поднимающиеся над ровной поверхностью могильные холмики покрыты тем же тонким ковром бархатистого дерна, что и все по соседству. Памятники, которых всего семь или восемь, наполовину ушли в землю и поросли мхом. Здесь нет ни одной свежей могилы, которая могла бы нарушить трезвую ясность наших раздумий напоминанием о недавнем горе, нет и буйно разросшейся сочной травы, навязывающей нам мысль о том, что она обязана своей мрачной роскошью гниющим под нею, разлагающимся и омерзительным

¹ Примечание мистера Джедедии Клейшботэма: «Свидетельством того, что я свято исполнил свой долг по отношению к покойному и незабвенному другу, может служить красивый надгробный камень, воздвигнутый мною на этом месте за собственный счет с начертанными на нем именем и званием Питера Петтисона, датой его рождения и погребения, а также перечислением его достоинств, засвидетельствованных мною, его начальником и руководителем. — Д. К.» (Прим. автора.)

останкам. Маргаритки, то здесь, то там выглядывающие из дерна, и склоняющиеся над ними колокольчики получают свою чистую пищу от небесной росы, и их цветение не вызывает в нас никаких отталкивающих и удручающих представлений. Разумеется, здесь побывала смерть, и ее следы перед нами, но с тех пор, как они отпечатались, прошло столько времени, что они поистерлись и не внушают нам ужаса. Между теми, кто спит в этих могилах, и нами, как подсказывает размышление, нет ничего общего, кроме того, что они были некогда тем, чем теперь являемся мы, и если их прах растворился в матери-земле и больше неотделим от нее, то такое же превращение когда-нибудь постигнет и нас.

И хотя даже на самом позднем из этих скромных могильных камней мох нарастал в течение четырех поколений, все же память о некоторых из тех, кто спит под ними, благоговейно почитается и поныне. Правда, на самом большом и для любителя старины наиболее интересном надгробии, где изображен доблестный рыцарь со шлемом и щитом, закрывающим рыцарю грудь, герб на щите изгладило время, и несколько полустершихся букв, к удовольствию пытающегося разобрать надпись, можно прочесть и как «Dns. Johan...de Hamel» и как «Johan...de Lamel». Правда и то, что о другом памятнике, изобилующем скульптурными украшениями — орнаментированным крестом, митрой и пасторским посохом, — предание утверждает лишь то, что под ним погребен некий безымянный епископ. Но зато на двух других находящихся рядом плитах можно прочесть изложенную нескладной прозой и еще более нескладной поэзией историю покоящихся под ними. Как говорят эпитафии, они были из гонимых пресвитериан, судьба которых — одна из грустных страниц истории времен Карла II и его преемника на престоле.¹ Возвращаясь после битвы у Пентлендских холмов, горстка повстанцев подверглась в этой долине нападению со стороны

¹ Иаков VII, король шотландский, и он же Иаков II, король английский. — Д. К. (Прим. автора.)

небольшого отряда королевских войск, и трое или четверо из них были убиты в стычке или, попав в плен, расстреляны, как мятежники, захваченные с оружием в руках. Могилы этих жертв прелатизма все еще почитаются крестьянами не в пример больше, чем самые богатые памятники. Обращая на них внимание своих сыновей и рассказывая им о судьбе страдальцев, они обыкновенно заканчивают следующим увещанием: если потребуют обстоятельства, стоять насмерть, как их славные предки, за священное дело гражданской и религиозной свободы.

Хотя я далеко не поклонник своеобразных воззрений, разделяемых теми, кто называет себя последователями этих людей, чьи нетерпимость и узколобый фанатизм поражают нас нисколько не меньше, чем их благочестивое рвение, все же сказанное отнюдь не унижает памяти этих страдальцев, многие из которых соединяли в себе независимость мысли Хемпдена с жадой мученичества Хупера и Лэтимера. Вместе с тем, справедливости ради, не следует забывать, что многие из числа даже наиболее рьяных ненавистников и гонителей того, что в их понимании было злонамеренным и мятежным духом этих несчастных скитальцев, проявили, когда им пришлось пострадать за свои политические и религиозные взгляды, такое же беззаветное и несокрушимое рвение, окрашенное в этом случае рыцарской преданностью, тогда как у их противников оно было окрашено республиканским энтузиазмом. Разбираясь в шотландском характере, не раз отмечали, что вложенное в него упорство раскрывается отчетливее всего, если встречается противодействие; тогда он напоминает клен их родных гор, который не изменяет своей природе и не склоняется даже под воздействием господствующих ветров, но, раскидывая ветви одинаково смело во всех направлениях и не приспособляясь наветренной стороной к налетающим шквалам, может быть сломан, однако никогда не сгибается. Само собой разумеется, я изображаю своих соотечественников такими, какими их наблюдал. Что касается уехавших за море,

то я слышал, что там они стали податливее. Но пора возвратиться к прерванному повествованию.

Как-то летним вечером, во время одной из моих описанных выше прогулок, приближаясь к этой пустынной обители мертвых, я удивился, услышав звуки, не похожие на те, что обычно баюкали ее тишину, — на ласковое журчание ручья и вздохи ветра в ветвях трех гигантских ясеней, поднимавшихся над погостом. На этот раз я отчетливо услышал стук молотка и, признаюсь, испытал некоторую тревогу: уж не ставлял ли в долине ограду, о чем уже давно помышляли двое землевладельцев, чьи земли разделял милый моему сердцу ручей, чтобы заменить прямолинейным безобразием изящные извивы природной межи.¹ Подойдя ближе, я с удовольствием обнаружил, что мои предположения были ошибочны. На памятнике замученных пресвитериан сидел какой-то старик, усердно углублявший резцом полуистершуюся надпись, которая торжественным языком писания возвещала вечное блаженство в удел убиенным и с подбавляющим гневом возглашала анафему их убийцам. Седые волосы благочестивого труженика прикрывала синяя шляпа необыкновенных размеров. Его одежду составляли широкий, старомодного покроя кафтан, сшитый из грубошерстной ткани, носящей название ходдингрей и чаще всего употребляемый пожилыми крестьянами, такие же штаны и жилет; и хотя этот костюм выглядел еще вполне сносно, все же на нем были заметны отчетливые следы его долголетней

¹ Считаю необходимым уведомить читателя, что эта межа между соприкасающимися землями его милости владельца Гэндерклю и его милости владельца Гюздаба должна была представлять собою пограничный вал наподобие римского *agger*, или, скорее, *tegus*, то есть стену из диких камней без связи, обложенную сеспице *viridi*, или, говоря по-иному, дерном. Их милости действительно повздорили из-за ничтожного клочка заболоченной земли, расположенного близ небольшой заводи, именуемой Бедролс Бейлд; дело после многолетнего разбирательства местными судьями было переправлено затем в столичный город Лондон на рассмотрение коронного суда, где оно, так сказать, *adhuc in pendente* (и посейчас не закончено, — *Лат.*). — Д. К. (*Прим. автора.*)

службы. Все в заплатах, но еще крепкие башмаки, украшенные гвоздями с широкими шляпками, и черные суконные гетры дополняли его наряд. Невдалеке, меж могил, пощипывал травку пони, его дорожный спутник крайне преклонного возраста, о чем явственно говорили его необычайная белизна, отовсюду торчащие кости и ввалившиеся глаза. Его сбруя, отличавшаяся исключительной простотой, состояла из уздечки, сплетенного из конского волоса недоуздка и набитой соломой подушки, заменявших собою седло и поводья. С шеи животного свешивалась холщовая сумка, предназначавшаяся, видимо, для инструментов его хозяина и еще кое-каких вещей, которые он брал с собою в дорогу. Хотя этого старика я видел впервые, все же, принимая во внимание необычность его занятия и весь его облик, я тотчас же распознал в нем благочестивого странника, рассказы о котором слышал не раз и которого хорошо знали в разных частях Шотландии под прозвищем Кладбищенский Старик.

Откуда этот человек родом и каково его настоящее имя, я так и не выяснил; даже побуждения, заставившие его уйти из дому и предпочесть кочевой образ жизни оседлому, известны мне лишь в самых общих чертах. По мнению большинства, он был уроженцем не то графства Дамфрис, не то Гэллоуэя и происходил от тех самых приверженцев ковенанта, подвиги и страдания которых были излюбленной темой его рассказов. Сообщают, что когда-то он держал небольшую ферму на пустоши, но то ли вследствие понесенных на ней убытков, то ли из-за семейных раздоров уже давно от нее отказался, как отказался, впрочем, и от каких бы то ни было заработков. Говоря языком писания, он покинул дом, кров и родных и скитался по самый день своей смерти, то есть что-то около тридцати лет.

В течение всего этого времени благочестивый паломник-энтузиаст непрерывно кочевал по стране, взяв себе за правило ежегодно навещать могилы несчастных пресвитериан, погибших в схватках с врагом или от руки палача в царствования двух послед-

них монархов из дома Стюартов. Эти могилы особенно многочисленны в западных округах — Эйре, Гэллоуэе и графстве Дамфрис, но на них можно наткнуться и в других областях Шотландии — повсюду, где гонимые пуритане пали в боях или были казнены военной и гражданской властями. Их надгробия — нередко в стороне от человеческого жилья, посреди диких пустошей и торфяников, куда, скрываясь от преследований, уходили эти скитальцы. Но где бы эти могилы ни находились, они обязательно ежегодно навещались Кладбищенским Стариком по мере того, как его маршрут предоставлял ему эту возможность. И охотники на тетеревов порою встречали его, к своему изумлению, в самых глухих горных ущельях, возле серых могильных плит, над которыми он усердно трудился, счищая с них мох, подновляя своим резцом полуистершиеся надписи и восстанавливая эмблемы смерти — обычные украшения этих незатейливых памятников. Глубоко искренняя, хотя и своеобразная набожность заставила этого старого человека отдать столько лет своей жизни бескорыстному служению памяти павших воинов церкви. На свое дело он смотрел как на выполнение священного долга и считал, что, возрождая для взоров потомков пришедшие в упадок надгробия — эти символы религиозного рвения и подвижничества их предков, он как бы поддерживает огонь маяка, который должен напоминать будущим поколениям, чтобы и они стояли за веру не щадя живота своего.

Этот неутомимый старый паломник, видимо, никогда не нуждался в денежной помощи и, насколько известно, наотрез от нее отказывался. Правда, его потребности были очень невелики и к тому же, куда бы ему ни доводилось попасть, для него всегда был открыт дом какого-нибудь камеронца, его единоверца по секте, или другого истинно религиозного человека. За почтительное гостеприимство, которое ему повсюду оказывали, он неизменно расплачивался приведением в порядок надгробий (если таковые имелись) членов семьи или предков своего хозяина. И так как странника постоянно видели за этим благочести-

вым занятием где-нибудь на деревенском кладбище или заставляли склонившимся над одинокой, полускрытой вереском могильной плитой, с молотком, которым он ударял по резцу, пугая тетеревов и ржанок, тогда как его белый от старости пони пасся где-нибудь рядом, народ из-за его постоянного общения с мертвыми дал ему прозвище Кладбищенский Старик.

Характеру такого человека должна быть чужда, как представляется, даже безобидная жизнерадостность. Однако среди людей, разделявших его религиозные убеждения, он слыл человеком веселого нрава. Потомков гонителей его веры и всех, кого он подозревал в приверженности к тем же религиозным взглядам, а так же безбожников, нередко пристававших к нему со своим зубоскальством, он именовал не иначе, как исчадьем ехидны. В беседе со всеми другими он соблюдал важность и уснащал свою речь нравоучениями, не лишенными налета суровости. Впрочем, как утверждают, он никогда не выходил из себя, разве только один-единственный раз, когда какой-то негодник мальчишка отбил камнем нос у того херувима, над восстановлением которого старик в то время трудился. Вообще говоря, я берегу розгу и не следую тому правилу царя Соломона, за которое школьники едва ли могут быть ему благодарны, но в данном случае и я, надо полагать, показал бы, что не испытываю ненависти к ребенку. Но пора вернуться к рассказу об обстоятельствах, при которых состоялась моя первая встреча с этим интереснейшим энтузиастом.

Подойдя к Кладбищенскому Старiku и почтительно извинившись, что нарушаю его труды, я не преминул воздать должное его возрасту и убеждениям. Старик отложил резец, которым работал, вынул очки, протер их и, водрузив на нос, с подобающею учтивостью ответил на мое обращение. Ободренный его любезностью, я стал расспрашивать его о страдальцах, памятником которым он тогда занимался. Говорить о подвигах ковенантеров было для него истинным наслаждением, подновлять их могилы — делом всей

его жизни. Он принялся подробно выкладывать все собранные им на этот счет сведения об их войнах, об их скитаниях. Можно было подумать, что он — их современник и своими глазами видел события, о которых рассказывает; он настолько проникся их чувствами и их мыслями, что повествование его было обстоятельно, как рассказ очевидца.

— Мы, — сказал он, воодушевляясь, — мы единственные настоящие виги. Следуя за тем, кому принадлежит царство мира сего, люди, помышлявшие лишь о земном, присвоили себе это победоносное имя. Но кто из них просидел бы шесть часов сряду на сыром склоне холма, чтобы выслушать проповедь слова божия? И часу, готов поручиться, было бы с них довольно! Да, они нисколько не лучше тех, кто не стыдится носить имя наших гонителей, кровожадных тори! Все они себялюбцы, алчущие богатств, власти, мирской суеты, предавшие забвению все, что было сделано и достигнуто отважными и могучими, шедшими на приступ в день великого гнева. И не приходится удивляться, что они трясутся от страха, как бы не свершилось возвешенное устами достопочтенного мистера Пидена (это бесценный слуга господний, и всякое слово его исполнилось), предсказавшего, что мусью французы вскоре наводнят долины Эйра и хижины Гэллоуэя, как горцы в тысяча шестьсот семьдесят седьмом году. А теперь они хватаются за луки и копья, тогда как им только и остается, что оплакивать свою грешную землю и погранный ковенант.

Я не стал оспаривать его странные взгляды и дал старику успокоиться; затем, загоревшись желанием продолжать беседу с этим любопытнейшим человеком, я убедил его воспользоваться радушным гостеприимством, которое мистер Клейшботэм охотно оказывал всякому, кто в нем нуждался. По пути к дому учителя мы завернули в трактир Уоллеса, где в этот вечерний час всегда можно было застать моего покровителя. После вежливого обмена приветствиями Кладбищенский Старик с трудом сдался на уговоры своего будущего квартирохозяина разделить с ним

компанию и пропустить стаканчик спиртного, причем он согласился на это лишь при условии, что ему будет позволено произнести подобающий тост; послав ему молитву минут на пять, он с непокрытой головой, подняв к небу глаза, осушил свой стакан в память тех героев пресвитерианской церкви, которые первыми подняли в горах ее знамя. Никакие увещания не могли его убедить продлить это пиршество и снизить хотя бы ко второй чарочке, и мой покровитель повел его к себе в дом и устроил в «Келье Пророка», как ему было угодно называть комнатку, в которой есть запасная кровать и которая часто служит приютом неимущему путнику.¹

На следующий день я попрощался с Кладбищенским Стариком, растроганным, видимо, тем неослабным вниманием, которым я старался его окружить и с которым слушал его рассказы. Вздравшись не без труда на старого белого пони, он взял меня за руку и сказал: «Да пребудет с вами, молодой человек, благословенье господне! Часы мои подобны колосьям, поспевшим для жатвы, тогда как дни ваши — еще весенние дни, и все же вы, может статься, попадете в закрома смерти прежде, чем придет мой черед, ибо коса ее скашивает зеленыя так же часто, как и то, что созрело; и к тому же на ваших щеках румянец, под которым порою так же, как и в нераспустившейся розе, таится точащий изнутри червь. Поэтому трудитесь как тот, кто не ведает, когда его призовет господь. И если на мою Долю выпадет возвратиться в эту деревню после того, как вы отойдете в уготованное вам место, эти старые, изборожденные морщинами

¹ Здесь мистер Петтисон мог бы добавить: и имущему также, ибо — благодарение моей счастливой звезде — с тех пор и великие мира сего не раз находили пристанище в моем скромном жилище. И пока у меня в доме жила служанка Доротти, девушка веселого нрава и приятной наружности, его милость владелец поместья Смекоу по дороге в столицу и на обратном пути благоволил предпочитать мою «Келью Пророка» даже спальне пестрого цвета с кроватью под балдахином в трактире Уоллеса, а также осушать у меня чарку-другую, чтобы, как он говаривал в шутку, освоиться с новосельем, но в действительности, чтобы скоротать со мной вечерок. — Д. К. (Прим. автора.)

руки соорудят над вашей могилой надгробие, дабы имя ваше не изникло среди людей».

Поблагодарив Кладбищенского Старика за его добрые побуждения и намерения, я подумал о том, что, быть может, вскоре, и в самом деле, потребуется его дружеская услуга, и тяжело вздохнул — полагаю, не от жалости к самому себе, а из покорности воле божьей. Он, вероятно, нисколько не ошибался, считая, что пора моей жизни может оборваться в дни моей молодости, но он все же преувеличивал длительность оставшегося ему земного пути. Вот уже несколько лет, как он перестал появляться в местах, которые всегда посещал, и могильные плиты, подновлять которые было делом всей его жизни, опять начали зарастать мхом, ситником и лишайником. Свое земное поприще он окончил в начале нынешнего столетия. Его нашли на большой дороге близ Локерби в Дамфризшире в совершенном изнеможении и при последнем издыхании. Старый белый пони, его постоянный товарищ и спутник, стоял возле своего умирающего хозяина. На покойном были обнаружены кое-какие деньги, впрочем, достаточные для приличных похорон, и это доказывает, что его смерть не была ни насильственной, ни последовавшей от чрезмерных лишений. Простой народ и посейчас благоговейно хранит память о нем, и многие держатся того мнения, что надгробные плиты, которых касалась его рука, никогда больше не будут нуждаться в резце. Мало того — они утверждают, что надписи на надгробиях, упоминающие об обстоятельствах, при которых были убиты эти мученики за веру, а также их имена читаются после кончины Кладбищенского Старика так же отчетливо, как и при его жизни, тогда как имена их гонителей, высеченные на тех же надгробиях, совершенно изгладились. Едва ли нужно указывать, что эти толки — плод досужего воображения и что со дня смерти благочестивого странника памятники, бывшие предметом его заботы, как и все творения рук человеческих, быстро ветшают и превращаются в прах.

Мои читатели, разумеется, понимают, что, включив в это сжатое повествование многочисленные исто-

рии, которые мне удалось извлечь из Кладбищенского Старика, я не стал воспроизводить ни его стиля, ни его мыслей, ни даже тех или иных сообщенных им фактов, явно искаженных его сектантскими предрасудками. Я постарался проверить их подлинность и восстановить истину и с этой целью собрал достоверные сведения, добытые мною у представителей обеих сторон.

Что касается пресвитериан, то я расспрашивал тех фермеров западных округов, которые, проживая на пустошах, то ли благодаря доброте владельцев арендуемой ими земли, то ли как-либо иначе, сумели сохранить за собой при последнем всеобщем переделе земельной собственности те самые пастбища, где их предки пасли своих овец и быков. Должен сознаться, я только недавно понял, как мало может дать этот источник. В поисках дополнительных сведений я обратился к тем скромным, вечно кочующим людям, которых щепетильная вежливость наших предков именovala странствующими торговцами, а мы, применяясь как в этом, так и в более важных вопросах ко вкусам и склонностям наших более богатых соседей, стали называть коробейниками или разносчиками. Многими добавлениями и пояснениями к рассказам Кладбищенского Старика, совсем во вкусе и духе последнего, я также обязан деревенским ткачам, обычно странствующим по стране в надежде сбыть плоды своих зимних трудов, и особенно бродячим портным, которые благодаря своему, так сказать, сидячему ремеслу и необходимости временно проживать в наших краях, занимаясь своей работой, в семье, прибегающей к их услугам, являются хранителями сельских преданий.

Гораздо труднее было разыскать материалы, которые помогли бы освободить эти залежи народных преданий от пропитавших их насквозь предубежденности и пристрастности, без чего было бы невозможно нарисовать правдивую во всех отношениях картину нравов этой злосчастной эпохи и воздать должное доблисти обеих сторон. Впрочем, я смог сопоставить рассказы Кладбищенского Старика и его друзей-

камеронцев с сообщениями потомков нескольких старинных и почтенных родов; низведенные силою обстоятельств до весьма незавидной жизненной доли, они все же горделиво оглядываются на те времена, когда их предки сражались и погибали за дело изгнанного дома Стюартов. Я даже могу похвалиться, что между моими осведомителями были и важные духовные лица, ибо несколько неприсягнувших священников, авторитет и доходы которых, равно как и их апостольский чин, таковы, что им мог бы позавидовать злейший ненавистник епископства, соблаговолители за скромной трапезой в трактире Уоллеса снабдить меня сведениями, дополнившими и уточнившими то, что я узнал от других. Добавлю, что в разных местах проживает несколько землевладельцев, которые не очень-то стыдятся того, что их отцы служили в карательных отрядах Эрлшелла и Клеверхауза, хотя, говоря об этом, и пожимают плечами. Я также сумел собрать немало весьма ценных сведений и от егерей только что упомянутых джентльменов — в знатных домах эта должность чаще всякой другой становилась наследственной.

В общем, у меня едва ли есть основания опасаться, что, описывая влияние, которое оказывали противостоявшие друг другу воззрения на хороших и дурных людей той эпохи, я могу в наши дни быть заподозренным в сознательном оскорблении или очернении одной из сторон. Хотя воспоминания о перенесенных в прошлом обидах, ультрароялизм, презрение и ненависть их противников породили жестокость и произвол одной из враждующих партий, вместе с тем едва ли можно отрицать, что, если рвение к дому господню и не поглотило ковенантеров до конца, оно, по меньшей мере, перефразируя слова Драйдена, уничтожило добрую долю их верноподданнических чувств, здравого смысла и благовоспитанности. Мы можем с уверенностью сказать, что души отважных и искренних, принадлежавших к той и другой партии, долгие годы взирали с небес, как в этой юдолитымы, крови и слез извращаются их идеи, порождая взаимную ненависть и вражду, Мир их памяти! Будем же

думать о них не иначе, чем думает об умершем отце, умоляя о том же своего господина, героиня нашей единственной шотландской трагедии:

О, не тревожьте прах своих отцов!
Неумолимый гнев был их виною,
И тяжким было искупленье их,

Глава II

И на заре сто всадников лихих
Для нас к воротам замка соберите.

Дуглас

В царствование последних Стюартов правительство старалось противодействовать всеми доступными ему средствами аскетическому или, что то же, пуританскому духу — этой характерной особенности республиканского правительства революции — и оживить те феодальные учреждения, которые связывали вассала с ленным владельцем, а их обоих — с короною. Власти устраивали частые смотры и народные празднества, объединяя боевые учения со всевозможными состязаниями и развлечениями. Их опека в последнем случае была по меньшей мере недальновидной, ибо, как всегда при таких обстоятельствах, те, кто вначале был всего-навсего щепетилен в вопросах совести, вместо того чтобы отступить перед преследованием властей, укреплялись в своих воззрениях, и молодежь обоего пола, для которой флейта и барабан в Англии или волынка в Шотландии сами по себе могли составить неодолимый соблазн, оказалась в состоянии пренебречь ими, находя для себя опору в горделивом сознании, что и в этом она сопротивляется воле совета. Побудить людей плясать и предаваться веселью по принуждению редко удавалось даже на борту невольничьих кораблей, где в прежние времена делались, бывало, попытки заставить несчастных узников немного размяться и разогнать застоявшуюся кровь в те считанные минуты, в которые

им позволяли наслаждаться на палубе свежим воздухом. И чем упорнее пыталось правительство ослабить аскетизм ревностных пресвитериан, тем непримиримее он становился и тем шире распространялся. Истинно иудейское соблюдение седьмого дня, презрительное осуждение всех мужских развлечений и безобидных забав, равно как и «нечестивого» обыкновения плясать вперемежку, когда мужчины и женщины танцуют в одном хороводе (сколько я знаю, они допускали, что это занятие может быть и вполне невиновным при условии, чтобы те и другие водили отдельные хороводы), отличали всех тех, кто среди них выделялся святостью жизни. Они же по мере возможности отваживали народ даже от привычных издавна «боевых смотров», как их тогда было принято именовать, на которые созывалось феодальное ополчение графства и куда каждый вассал короны под угрозой строгих, определенных законами наказаний был обязан являться с установленным для его владения количеством воинов и вооружения. Эти смотры особенно заботили ковенантеров, так как проводившие их лорды-лейтенанты и шерифы в соответствии с указаниями правительства не щадили усилий, чтобы сделать их притягательными для молодежи, которую, конечно, могли увлечь и утренние боевые учения и завершавшие этот день вечерние состязания.

Вот почему проповедники и приверженцы ревностных пресвитериан прилагали всяческие старания, чтобы предостережениями, увещаниями и прямым принуждением уменьшить число участников этих смотров: они хорошо понимали, что, действуя таким образом, они препятствуют распространению того *esprit de corps*,¹ который в короткое время сплавляет молодых людей, привыкающих общаться друг с другом на соревнованиях в мужской ловкости и на военных учениях, и тем самым ослабляют не только внешне, но и по существу силу правительства. Исходя из этого, они делали все возможное, чтобы удержать от участия в смотре всякого, кто мог бы удовлетвори-

¹ Духа товарищества (франц.).

тельно объяснить причину своей неяви, и были особенно суровы и непреклонны в отношении тех из своих прихожан, которые из пустого любопытства отправлялись поглазеть на интересное зрелище или из любви к телесным упражнениям становились участниками учений и состязаний. Но хотя многие из мелкопоместных дворян разделяли на этот счет кальвинистские взгляды, они далеко не всегда имели возможность поступать сообразно с ними. Веления закона были строгими и неуклонными, и Тайный совет, высший орган исполнительной власти в Шотландии, беспощадно наказывал вассалов короны, пропустивших без достаточных оснований очередной смотр. Землевладельцам поэтому приходилось волей-неволей посылать в назначенные для сборов места своих сыновей, арендаторов и вассалов — столько людей, лошадей и копий, сколько за ними было записано; и нередко случалось, что юные воины оказывались не в силах справиться с искушением принять участие в следовавших за смотрами состязаниях или не могли уклониться от посещения церкви и от присутствия на происходивших в этих случаях богослужениях и, таким образом, по мнению своих негодующих и гневающихся родителей, прикасались к тому, над чем тяготеет господне проклятие и что в глазах господ — величайшая мерзость.

Утром 5 мая 1679 года — с этой даты и начинается наш рассказ — на обширной плоской равнине по соседству с одним королевским местечком, название которого для моего повествования не существенно, шериф графства Ланарк производил боевой смотр феодальному ополчению захолустного округа, носившего наименование Верхний Уорд Клайдсдейла. После смотра и неизбежного разбора учений молодым людям, как обычно, предстояло приняться за различные состязания, главнейшим из которых была стрельба в «попку» — старинная забава с применением в былые дни луков и стрел, а в описываемое время — огнестрельного оружия. Этот «попка» представлял собой птичье чучело с пестрыми перьями, что и делало его похожим на попугая. Он был подвешен на шесте

и служил мишенью, по которой стрелки поочередно разряжали свои ружья и карабины с расстояния в шестьдесят или семьдесят шагов. Кто сбивал мишень на землю, тому на остаток дня присваивалось почетное звание Капитана Попки, и обычно толпа торжественно провожала его до наиболее известного в округе трактира, где вечер и завершался веселым пиршеством, протекавшим под его председательством, а если он был в состоянии выдержать бремя связанных с ним издержек, то и за его счет.

Само собой разумеется, что местные дамы, за исключением, пожалуй, наиболее ревностных пуританок, почитавших за грех присутствовать на подобном шабаше нечестивцев, не преминули прибыть на это благородное соревнование в меткости. Ландо, кабриолетов и тильбюри в те бесхитростные времена еще не существовало. Только лорд-лейтенант графства (должностное лицо в ранге герцога) притязал на такое великолепие, как карета, то есть нечто, покрытое поблекшею позолотой и резными украшениями и напоминавшее по форме ноев ковчег на лубочной картинке. Герцогская карета была влекома восьмью длиннохвостыми фландрскими кобылами и вмещала восемь внутренних седоков и еще шесть наружных. Те, что сидели внутри, были сами их светлости: две фрейлины, двое детей, капеллан, всунутый в своего рода боковую нишу, образуемую выступом для дверей колымаги и прозванную «сапогом», и шталмейстер его светлости, запряженный в такой же закуток с другого бока. Кучер и трое форейторов — обладатели коротких шпаг и париков в три косицы — с мушкетами за спиной и пистолетами у луки седла правили колымагой. На подножке позади этих хором на колесах стояли или, вернее, висели в три ряда друг над другом шестеро вооруженных до зубов слуг в богатых ливреях. Остальное дворянство — мужчины и женщины, молодые и старые — было верхами в сопровождении слуг; впрочем, общество по причинам, отмеченным выше, было скорее избранным, чем многолюдным.

Невдалеке от необъятной кожаной колымаги — мы уже попытались дать ее описание, — как бы отстаи-

вая превосходство своей титулованной госпожи над нетитулованным дворянством округа, виднелась степенная и смиренная лошадь леди Маргарет Белленден, несшая на себе сухое и угловатое тело самой леди Маргарет, облаченной в неизменные вдовьи одежды — славная леди не снимала их со дня казни своего супруга, осужденного за близость к Монтрозу.

Ее внучка и единственная земная забота, светло-волосая Эдит, единогласно признанная самой прелестной девицей во всем Верхнем Уорде, держалась позади своей пожилой родственницы и казалась веселой, следующей по пятам за зимою. Ее вороная испанской породы лошадка, которой она правила с большой грацией, ее нарядный костюм амазонки, ее дамское, расшитое галуном седло были тщательно подобраны таким образом, чтобы подчеркивать наиболее выгодные стороны ее внешности. Пышные пряди ниспадавших из-под шляпы локонов, повязанных только зеленою лентой, лицо, красивое и женственное, но все же не лишенное известного оттенка игривой насмешливости, спасавшего ее безукоризненно правильные черты от упрека в безжизненности, который обращают порой к белокурым и голубоглазым красавицам, — все это вызывало у молодежи большее восхищение, нежели роскошь ее убора и стать ее лошади.

Свита этих знатных дам не соответствовала, однако, ни их рождению, ни обыкновению того времени, так как состояла всего из двух верховых слуг. По правде говоря, славная старая леди, дабы полностью выставить воинов, которых ее баронству полагалось послать на смотр — а допустить, чтобы там обнаружилась недостача, она бы не согласилась ни за что на свете, — была вынуждена призвать к оружию всю свою челядь. Старик управитель в стальном шлеме и необъятных ботфортах, который возглавил ее ополченцев, отпотел, по его выражению, водой и кровью, сиюсь взять верх над увертками и уловками фермеров с пустошей, которые в таких случаях были обязаны поставлять людей, лошадей и сбрую. В конце концов их спор привел к почти открытому объявле-

нию войны, так как разъяренный сторонник епископства обрушил на упрямых смутьянов громы и молнии, суля им кары небесные, и услышал взамен предупреждения, угрожавшие ему кальвинистской анафемой. Как следовало ему поступить? Наказать строптивых арендаторов было проще простого. Тайный совет не замедлил бы наложить на них денежный штраф и прислать кавалерийский отряд, чтобы его взыскать. Но это было бы то же самое, что впустить в огород охотников и собак с целью затравить зайца.

«Мужичье, — сказал себе Гаррисон, — в конце концов не очень-то богато добром, и если я позову красные куртки и отберу у него то немногое, чем оно обладает, то как сможет моя высокочтимая госпожа собрать на сретенье причитающуюся ей арендную плату, что дело нелегкое даже в лучшие времена?»

Итак, он вооружил охотника, сокольничего, лакея и пахаря с фермы при замке, а также вечно пьяного дворецкого-роялиста, когда-то служившего вместе с покойным сэром Ричардом под началом Монтроза и поражавшего вечерами тиллитудлемских слуг разглашательствами о своих подвигах при Килсайте и Типпермуре, — единственного белоручку в отряде, не испытывавшего ни малейшей склонности к физическому труду. Таким образом, завербовав еще не то одного, не то двух равнодушных к делам религии браконьеров и любителей ловить рыбу в запретных водах, мистер Гаррисон набрал наконец ровно столько людей, сколько приходилось на долю леди Маргарет Белленден, как пожизненной владелицы баронства Тиллитудлем и прочих угодий. Но когда управитель в утро этого злополучного дня инспектировал свое *troupe dorée*¹ перед железными воротами замка, появилась мать Кадди Хедрига, пахаря, нагруженная ботфортами, курткой из буйволовой кожи и прочими предметами снаряжения, розданными заранее всем назначенным в ополчение, и, сложив все это у ног управителя, вкрадчиво и учтиво сказала, что не ей судить, может статься, то болезнь живота, а может,

¹ Золотое войско (франц.).

и угрызения совести, но только Кадди куда как метался целую ночь, и она не может сказать, что утром ему полегчало. Тут перст божий, продолжала она, и ее мальчик ни за что не пойдет выполнять подобные поручения. Угрозы наказать, наложить штраф, наконец выгнать, следовавшие в ответ на ее заявление, оказались напрасными; мать Кадди была упряма, да и сам он при обследовании его на дому, принятом с целью проверки его телесного состояния, то ли не мог, то ли не хотел отвечать иначе, как тяжкими вздохами. Что касается Моз, то она с давних пор служила при доме, была в некотором роде любимцей леди Маргарет и соответственно с этим держала себя. Леди Маргарет самолично отправилась к Хедригам, но и ее вмешательство не увенчалось успехом. И вот в этот трудный момент добрый гений старого пьянчуги дворецкого подсказал выход. Ему пришлось повидать немало славных ребят, которые были, пожалуй, еще помельче, чем этот Гусенок Джибби, но они здорово дрались под началом Монтроза. А почему бы не взять с собой этого самого Джибби?

Это был слабоумный мальчуган очень малого роста, находившийся под началом у старой птичницы и помогавший ей ухаживать за домашнею птицей; в шотландском доме в эту пору было довольно странное разделение труда. Мальчика возвратили с жнивья, поспешно завернули в куртку из буйволового кожи и, вернее сказать, не ему пристегнули меч, а его пристегнули к большому мечу взрослого воина. Его крошечные ножки утонули в ботфортах, а стальной шлем огромных размеров, водруженный на его голову, был предназначен, казалось, для того, чтобы его удушить. Снаряженный описанным образом, он был посажен, по его собственной настоятельной просьбе, на самую смирную лошадь в отряде, и под опекою и руководством старого дворецкого Джона Гьюдыла, ехавшего непосредственно перед ним, он благополучно миновал смотр: дело в том, что шериф не нашел нужным подвергнуть тщательной проверке рекрутов столь благонамеренной личности, как леди Маргарет Белленден.

Вот почему личная охрана леди Белленден в этот достопамятный день состояла всего из двух слуг — при других обстоятельствах она, разумеется, постыдилась бы показаться на людях с такой жалкою свитой. Но для королевского дела она готова была в любое мгновение на неограниченные личные жертвы. Она потеряла в гражданских войнах этой многострадальной эпохи мужа и двух сыновей, на которых возлагала большие надежды; но она познала также и сладость вознаграждения, ибо, двигаясь через Западную Шотландию навстречу Кромвелю — их столкновение произошло на злосчастном поле под Вустером, — Карл II соблаговолил позавтракать у нее в Тиллитудлеме, и это событие положило начало новой и важной эре в жизни леди Маргарет, которая начиная с этого дня редко когда принималась за завтрак, будь то дома или в гостях, без того, чтобы не рассказать подробнейшим образом о посещении его величества короля, не забывая при этом упомянуть о приветствии, коим его величество почтил обе половины ее лица, но опуская порою в своем рассказе, что той же милостью были отмечены и две пухленькие служанки, неотступно следовавшие за нею и возведенные на один этот день в ранг дежурных статс-дам.

Эти знаки монаршей милости оказались решающими, и, если бы леди Маргарет не была убежденною роялисткой по воспитанию, из сознания своего высокого происхождения и из ненависти к мятежной партии, по вине которой она претерпела столько семейных несчастий, уже одно то, что ей довелось предложить завтрак монарху и получить взамен королевскую благодарность, было само по себе столь великою почестью, что связало бы ее раз и навсегда с судьбою Стюартов. Эти последние теперь явно восторжествовали над своими врагами, но ведь преданность леди Белленден оставалась нерушимой даже в самые худшие времена и была способна претерпеть столь же суровые удары судьбы, если бы чаша весов этой династии опустилась опять. В описываемый момент она радовалась от всего сердца при виде военной мощи, готовой отстаивать королевскую власть, и сдер-

живала, насколько могла, раздражение, вызванное недостойным дезертирством ее собственных подданных.

Ее милость и присутствовавшие на смотре представители различных преданных королевскому дому родовитых семейств, питавшие к ней глубокое уважение, успели обменяться множеством всяких учтивостей, и не один знатный юноша, проезжая мимо в рядах ополчения, выпрямлялся в седле и поднимал своего коня на дыбы, чтобы показать мисс Эдит Белленден в наиболее выгодном свете и свое искусство наездника и отменную выездку своего скакуна. Но юные кавалеры, отличавшиеся высоким происхождением и несомненными верноподданническими чувствами, привлекали не больше внимания мисс Эдит, чем этого требовали непререкаемые правила этикета: она равнодушно внимала расточавшимся ей комплиментом, по большей части изрядно затасканным, хотя и позимствованным ради такого случая из надуманных и бесконечно нудных романов Кальпренеда и Скюдери, поставлявших молодежи эпохи излюбленные образцы для всемерного подражания, пока прихоть не выбросила за борт балласта и не заменила своих тяжелых и больших кораблей — таких, как романы «Кир», «Клеопатра» и кое-какие другие, — легкими и небольшими судами, так же мало нуждавшимися в глубокой воде или, чтобы выразиться яснее, требовавшими столь же малой затраты времени, как и тот малый челн, в который соблаговолил сесть мой благосклонный читатель. Однако судьбе было угодно не дать мисс Белленден выказывать до конца дня такую же невозможность.

Глава III

От боли вскрикнул всадник, и с коня
Он рухнул вниз, доспехами звеня.

«Утехи надежды»

По окончании военных учений, прошедших, принимаемая во внимание неуклюжесть людей и коней, относительно хорошо, громкий крик возвестил, что

соревнующиеся готовы приступить к стрельбе в «попку», которого мы уже описали. Под возгласы столпившегося народа был поднят столб или, точнее, шест с поперечную рейкой, с которой свисала мишень; теперь не могли подавить в себе интерес к предстоящему соревнованию даже те, кто перед этим наблюдал за перестроениями феодальной милиции с презрительной и злорадной усмешкой, вызванной их откровенною неприязнью к королевскому делу. Собравшись у стрелкового рубежа, они встречали критическими замечаниями каждого участника состязания по мере того, как те выходили друг за другом вперед и стреляли по цели, причем их ловкость или неловкость вознаграждались одобрением или смехом многочисленных зрителей. Но когда вышел стройный молодой человек с ружьем наготове, одетый просто, но не без некоторого щегольства и изящества — его темно-зеленый откинутый назад плащ, кружевные брыжи и шляпа с перьями свидетельствовали о том, что это не какой-нибудь простолюдин, — в толпе зашептались; но говорило ли это о безусловном одобрении молодого стрелка, решить было трудно.

— Увы, милостивые государи! Видеть сына такого отца за столь беспутным занятием! — восклицали старшие и наиболее ревностные из пуритан, в ком любопытство настолько превозмогло фанатизм, что привело их на площадку для состязаний. Впрочем, большинство смотрело на происходившие соревнования отнюдь не так мрачно и ограничилось пожеланиями успеха сыну покойного пресвитерианского военачальника, не вдаваясь в тщательное исследование вопроса, пристойно ли ему быть одним из соискателей приза.

Их пожелания исполнились. С первого выстрела зеленый стрелок сразил попугая — то было первое попадание за весь день, хотя перед этим несколько пуль пролетели почти у самой мишени. Последовал дружный взрыв рукоплесканий. Однако этот успех не был решающим, так как еще не стрелявшие участники состязания имели право, в свою очередь, попытать счастья, после чего те, кому удалось поразить цель, должны были продолжать соревнование между собой,

пока кто-нибудь один не добьется окончательного превосходства. Из всех остальных еще только двоим удалось попасть в попугая. Первый был молодой человек низкого звания, не ладно скроенный, но крепко сшитый, прикрывавший лицо серым плащом; второй — изящный молодой кавалер, примечательный своей красивою внешностью, нарядно одетый ради такого дня. Во время смотра он держался около леди Маргарет и мисс Белленден и покинул их с выражением безразличия на лице лишь после того, как леди Маргарет обратилась к нему с вопросом, почему никто из молодых людей знатных родов и роялистских убеждений не оспаривает победу у двух удачливых юношей. В какие-нибудь полминуты лорд Эвендел спрыгнул с коня, взял ружье у своего слуги и, как мы отметили выше, поразил цель. Продолжение борьбы между тремя добившимися удачи соперниками вызвало повышенный интерес. Парадная колымага герцога, не без труда приведенная в движение, приблизилась к месту действия. Всадники и всадницы тронулись вслед за нею, и все взоры устремились туда, где решался исход состязания в меткости.

По правилу, соперникам перед вторым кругом нужно было установить жребием очередность стрельбы. Первый выстрел достался молодому простолюдину, который, выйдя вперед, слегка приподнял плащ и, приоткрыв свое простое лицо крестьянского парня, сказал кавалеру в зеленом: «Знаете, мистер Генри, в другой день я бы с удовольствием промазал из почтения к вам, но Дженни Деннисон смотрит на нас, и я должен показать себя в лучшем виде».

Он приложился к ружью и выстрелил; пуля прошла так близко от цели, что было видно, как вздрогнула подвешенная на рейке мишень, но все же он промахнулся, и ему пришлось отказаться от дальнейшего участия в состязании; опустив глаза, он поспешил удалиться, словно боялся быть узнанным. Вслед за ним вышел зеленый стрелок, и его пуля вторично попала в «попку». Все вокруг ликовало, и где-то в задних рядах закричали: «Да здравствует старое правое дело!»

Пока представители власти, слыша эти возгласы злонамеренных, хмурились, молодой лорд Эвендел успел еще раз попытать счастья и снова успешно. Крики ликования и поздравления благонамеренных и аристократической части общества приветствовали его успех, но на этом состязание в меткости еще не закончилось.

Зеленый стрелок, желая, как видно, ускорить решение спора, взял своего коня у того, на чьем попечении он находился, и, предварительно осмотрев, подтянута ли подпруга и все ли в порядке с седлом, вскочил на него. Помахивая рукою, чтобы ему уступили дорогу, он пришпорил коня, пустил его галопом к тому месту, откуда ему предстояло стрелять, и, поравнявшись с ним, бросил поводья, повернулся боком в седле, разрядил карабин и сбил попугая. Лорд Эвендел последовал его примеру, хотя многие стоявшие возле него заявляли, что это — новшество, идущее вразрез с установившимися обычаями, и что он не обязан ему подчиняться. Но то ли он не владел оружием с таким совершенством, то ли его лошадь не была так хорошо выезжена. При выстреле своего хозяина животное шарахнулось в сторону, и пуля пролетела, не задев попугая. Те, кого восхитила ловкость стрелка в зеленом, были теперь приятно изумлены и его учтивостью. Он утверждал, что последний выстрел не имеет никакого значения, и предложил своему противнику не засчитывать его как попадание и возобновить поединок, на этот раз спешившись.

— Я предпочел бы верхом, если б мой конь был так же хорошо выезжен и, возможно, приучен к стрельбе на скаку, как ваш, — сказал молодой лорд, обращаясь к сопернику.

— Не соблаговолите ли вы оказать мне честь и воспользоваться им в следующем круге, при условии, что одолжите мне вашего? — ответил молодой джентльмен.

Лорд Эвендел не решался принять эту любезность, так как предвидел, насколько потеряла бы в блеске его победа, согласись он на подобное предложение, но желание восстановить свою славу искусного стрел-

ка все же возобладало, и он добавил, что, отказываясь от притязаний на почетное звание (это было сказано несколько презрительным тоном), он тем не менее, если победитель не возражает, готов принять его любезное предложение и обменяться конями исключительно для того, чтобы выстрелить в честь своей дамы. Сказав это, он смело посмотрел в сторону мисс Белленден, и, как утверждает молва, туда же, хотя и не так открыто, были направлены взоры юного *ti-gaillieur'a*.¹ Последний выстрел лорда Эвендела был так же неудачен, как предыдущий, и ему с трудом удавалось сохранять тот тон презрительного равнодушия, которым он до того разговаривал. Понимая однако, что досада побежденного только смешна, этот молодой человек, возвращая лошадь, верхом на которой проделал свою последнюю и столь же безуспешную попытку, и получая взамен свою, принес благодарность сопернику, восстановившему, как он заявил, честь его излюбленного коня: ведь ему угрожала опасность свалить на бедную лошадку вину за испытанную им неудачу, которую теперь каждый, и он сам в первую очередь, должен отнести за счет всадника. Произнеся эти слова тоном, в котором досада набрасывала на себя покров равнодушия, он сел на коня и отъехал в сторону.

Как всегда в нашем мире, одобрение и внимание даже тех, кто от всей души желал успеха лорду Эвенделу, после понесенного им поражения сосредоточились на его восторжествовавшем сопернике. «Кто он? Как его зовут?» — спрашивали присутствовавшие на состязании землевладельцы-дворяне у тех немногих, кто его знал. Вскоре его имя и звание стали известны решительно всем и, так как он был из того сословия, почтить которое великий человек мог без умаления собственного достоинства, четверо друзей герцога с такой же угодливостью, какую бедняга Мальволио приписывает своей воображаемой свите, решили представить победителя пред его светлые очи. Осыпая молодого человека поздравлениями с успехом, они

¹ Стрелка (франц.).

торжественно сопровождали его сквозь толпу зрителей, и тут ему случилось проехать, или, вернее, быть проведенным мимо леди Маргарет и ее внучки. И Капитан Попки и мисс Белленден, смущенно ответившая на низкий поклон, которым приветствовал ее победитель, склонившись чуть не до луки седла, покраснели как маков цвет.

— Ты знакома с этим молодым человеком? — спросила леди Маргарет.

— Да... сударыня... я его видела как-то у дяди и... помнится, где-то еще... — прошептала мисс Эдит Белленден.

— Тут говорят, — продолжала леди Маргарет, — что этот молодой щеголь — племянник старого Милнвуда?

— Сын покойного полковника Мортон из Милнвуда, который с большим мужеством командовал кавалерийским полком при Данбаре и Инверкейтинге, — заметил с высоты своего седла джентльмен, конь которого стоял бок о бок с конем леди Маргарет.

— И который до этого сражался на стороне пуритан при Марстон-муре и Филипхоу, — добавила леди Маргарет, со вздохом произнося эти роковые названия, неизменно бередившие в ней печальные воспоминания о гибели ее мужа.

— Память вашей светлости безупречна, — сказал джентльмен улыбаясь, — но, право, было бы лучше, если бы все это было забыто.

— Но ему подобало бы помнить об этом, Гилберт-склю, — сказала в ответ леди Маргарет, — и не втираться в общество тех, у кого его имя вызывает неприятные воспоминания.

— Вы забываете, моя любезная леди, — возразил ее собеседник, — что молодой человек выполняет здесь обязанности и повинности своего дяди. Было бы очень неплохо, если бы каждое поместье в округе посылало на смотр таких же отличных ребят.

— Его дядя, надо полагать, такой же круглоголовый, как и его покойный отец, — заметила леди Маргарет.

— Он всего-навсего старый скряга, — сказал Гилбертсклю, — и полновесный золотой в любое время перевесит его политические воззрения; вот почему, опасаясь денежных штрафов и прочих взысканий, он и послал сюда юного джентльмена, погрешив, возможно, против своих убеждений. Ну, а юнец — тот, вероятно, на седьмом небе, что улизнул на денек из унылого старого дома в Милнвуде, где он видит лишь желчного дядю и его всеильную домоправительницу.

— Не могли бы вы сообщить, сколько людей и коней обязаны выставять земли Милнвуд? — продолжала допрос старая леди.

— Двух вооруженных всадников, — ответил Гилбертсклю.

— А наша земля, — заявила леди Маргарет, с достоинством приосаниваясь в седле, — испокон века посылала на смотры по восьми всадников, кузен Гилбертсклю, а нередко и вдвое больше, и еще добровольное ополчение. Припоминаю, что его священнейшее величество король Карл, когда вкушал у меня в Тиллитудлеме завтрак, особенно подробно расспрашивал...

— Карета герцога, я вижу, уже тронулась с места, — поспешил сказать Гилбертсклю, испытывая в этот момент хорошо знакомую всем друзьям старой леди тревогу, охватывавшую их всякий раз, как она заводила речь о посещении королем ее родового гнезда. — Карета герцога, я вижу, уже тронулась с места; полагаю, что и ваша милость не преминет воспользоваться своим правом покинуть вслед за герцогом этот луг. Не разрешите ли проводить вашу милость и мисс Белленден домой? Банды этих дикарей-вигов бродят в окрестностях, и поговаривают, что они обезоруживают и бесчестят благонамеренных, проезжающих без надежной охраны.

— Благодарим вас, кузен Гилбертсклю, — ответила леди Маргарет, — нас будут сопровождать мои люди, и, надеюсь, мы меньше чем кто-либо нуждаемся в том, чтобы причинять беспокойство друзьям. Будьте любезны сообщить Гаррисону, чтобы он привел сюда наших людей, и как можно скорее; он движется

до того медленно, словно едет во главе похоронной процессии.

Гилбертскию послал человека, и тот передал приказания ее милости верному Гаррисону.

Честный управитель имел свои основания сомневаться в благоразумии полученного распоряжения, но раз оно было отдано и передано, оставалось только повиноваться. Он пустил коня легкой рысцой; за ним следовал старый дворецкий, отличавшийся военной выправкой, которую приобрел, служа под началом Монтроза, и бросавший вокруг себя исполненные презрения взгляды, становившиеся все надменнее и все строже под влиянием винных паров, исходивших от чарки бренди, проглоченной им впопыхах в перерыве между исполнением служебных обязанностей, чтобы пожелать здоровья королю и гибели пуританскому ковенанту. К несчастью, он подкрепился чересчур основательно, и из его памяти начисто улетучилось, что ему нужно опекать и поддерживать следовавшего за ним Гусенка Джибби. Между тем, едва кони перешли на рысь, ботфорты Джибби — справиться с ними бедный мальчуган оказался не в силах — начали колотить коня попеременно с обоих боков, а так как на этих ботфортах красовались к тому же длинные и острые шпоры, терпение животного лопнуло, и оно стало прыгать и бросаться из стороны в сторону, причем мольбы несчастного Джибби о помощи так и не достигли ушей слишком забывчивого дворецкого, утонув частью под сводами стального шлема с забралом, водруженного на его голову, частью в звуках воинственной песенки про храброго Грэмса, которую мистер Гьюдыл высвистывал во всю мощь своих легких.

Дело кончилось тем, что конь поторопился распорядиться по-своему: сделав, к великому удовольствию зрителей, несколько яростных прыжков туда и сюда, он пустился во весь опор к огромной семейной карете, описанной нами выше. Копье Джибби, выскользнув из своего гнезда, приняло горизонтальное положение и легло под его руками, которые — мне горестно в этом признаться — позорно искали спасения, ухватившись, насколько хватало сил, за гриву коня.

Вдобавок ко всему этому шлем Джибби окончательно съехал ему на лицо, так что перед собой он видел не больше, чем сзади. Впрочем, если бы он и видел, то и это мало помогло бы ему при сложившихся обстоятельствах, так как конь, словно стакнувшись со злонамеренными, неся что было духу к парадной герцогской колымаге, и копые Джибби грозило проткнуть ее от окна до окна, нанизав на себя одним махом не меньше народу, чем знаменитый удар Роланда, пронзившего (если верить итальянскому эпическому поэту) столько же мавров, сколько француз насаживает на вертел лягушек.

Выяснив направление этой беспорядочной скачки, решительно все седоки — и внутренние и внешние — разразились паническим криком, в котором слились ужас и гнев, и это возымело благотворное действие, предупредив готовое свершиться несчастье. Своенравная лошадь Гусенка Джибби, испугавшись шума и внезапно осекшись на крутом повороте, пришла в себя и начала лягаться и делать курбеты. Ботфорты — истинная причина бедствия, — поддерживая добрую славу, приобретенную ими в былое время, когда они служили более искусным наездникам, отвечали на каждый прыжок коня новым ударом шпор, сохраняя, однако, благодаря изрядному весу, свое прежнее положение в стремях. Совсем иное случилось с горемыкою Джибби, который был с легкостью вышвырнут из тяжелых и широких ботфорт и на потеху многочисленным зрителям перелетел через голову лошади. При падении он потерял шлем и копые, и, в довершение беды, леди Маргарет, еще не вполне уверенная, что доставивший присутствовавшим зевакам столько забавы — один из воинов ее ополчения, подъехала как раз вовремя, чтобы увидеть, как с ее крошк-вояки сдирали его львиную шкуру, то есть куртку из буйволово́й кожи, в которую он был запеленат.

И так как она не знала о замене Кадди Гусенком Джибби и не могла даже догадываться об этом, удивление и негодование почтенной леди достигли такого предела, что ни извинения, ни объяснения управлятеля и дворецкого не смогли помочь делу. Засим,

возмущенная возгласами и зубоскальством толпы и готовая обрушить свой гнев на упрямого пахаря, которого так неудачно замещал Джибби, она скомандовала поспешное отступление. Большинство окрестных помещиков также тронулось в путь, и злосчастное происшествие, приключившееся с воинством Тиллитудлема, долго веселило их по дороге домой. Стали покидать место сбора и прочие ополченцы, которые разъезжались группами, состоявшими из попутчиков. Остались лишь те, кто показал меткость в стрельбе по «попке» и кому полагалось, в соответствии со старинным обычаем, распить перед тем, как расстаться, почетную чашу в честь своего капитана.

Глава IV

Всегда на ярмарках играл он,
Всегда бойцов увеселял он...
Оружье, шлемы — все сверкало,
Как самоцвет.
Кто ж грянет им напев удалый,
Коль Хебби нет?

*«Элегия на смерть
Хебби Симпсона»*

Во главе группы всадников, направлявшихся в городок или, вернее, местечко, ехал на своей белой лошадке Нийл Блейн, городской музыкант; вооружение его составляли кинжал и палаш, а в руке он держал волынку, с которой свешивалось такое множество лент, что их хватило бы на полдюжины деревенских красавиц, принарядившихся ради ярмарки или проповеди. Многочисленные достоинства Нийла — а он был пригожим, статным, крепким малым с сильными легкими — доставили ему должность городского музыканта в *** со всеми присвоенными ей правами и благами, а именно Музыкантским выгоном — участком земли площадью около акра, и поныне носящим то же название, — ежегодным жалованьем в пять мерков и ежегодно выдаваемым новым парадным костюмом присвоенного городку цвета; сюда еще присоеди-

нились кое-какие надежды на доллар в день выборов муниципальных властей, буде старшины смогут и пожелают оказать ему эту милость, а также право объезжать раз в году, ранней весной, всех значительных землевладельцев окрúги, с тем чтобы улаживать сердца слушателей своей музыкой, улаживать свое собственное их элем и бренди и выпрашивать в каждом поместье малую толику зерна для посева.

В добавление ко всем этим бесценным правам и привилегиям личные, а быть может, и служебные совершенства Нийла завоевали ему сердце хорошенькой вдовушки, содержавшей в то время лучший кабачок в городке. Ее покойный супруг был строгим пресвитерианином, и до того ревностным, что приверженцы этой секты называли его не иначе, как Гае-трактирщиком. Вот почему самых непримиримых из них глубоко возмутила профессия избранного его вдовую преемника. Но ее кабачок «Приют» сохранил несмотря ни на что свою несравненную славу, и большинство прежних его посетителей продолжало по-старому отдавать ему предпочтение. К тому же новый трактирщик обладал счастливым характером, позволявшим ему приспособляться ко всем и каждому; внимательно следя за рулем, он ловко и уверенно вел свой утлый челнок среди бушующих волн политической смуты. Этот хитрец веселого нрава, думавший исключительно о себе, с полным безразличием относился решительно ко всем спорам о церкви и государстве и помышлял лишь о том, как бы улагодворить своих посетителей, независимо от их взглядов. Впрочем, его характер, а заодно и состояние всей страны, читатель поймет и сам, если мы перескажем ему наставления, с какими Нийл обратился к своей единственной дочери, девушке лет восемнадцати, посвящая ее в хозяйственные заботы, бремя которых верой и правдой несла его жена и помощница, пока, за полгода до описываемых событий, достойную женщину не снесли на погост.

— Дженни, — говорил Нийл, пока девушка помогала ему снять вольнку, — сегодня тебе предстоит впервые прислуживать посетителям, заменяя твою

бесценную мать; славная она была женщина, приветливая, и все любили ее, и виги и тори, и те, что с верхнего конца улицы, и те, что живут внизу. Трудненько придется тебе на ее месте, особенно в такой суматошный день, но ничего не поделаешь. Так было угодно небу. Запомни, Дженни, что бы ни заказал Милливуд, ему ни в чем не должно быть отказу — ведь он Капитан Попки, а старинных обычаев надо держаться; если он не сможет оплатить счет — я-то знаю, на очень уж коротком поводу его держат, — не беда, я сумею пристыдить его дядюшку и выколотить должок. Священник играет в кости с корнетом Грэмом. Будь учтива и приветлива с тем и другим — в наше время и духовные и военные могут натворить много беды, попробуй только их рассердить. Драгуны будут орать и требовать эля; им не в привычку, да и ни к чему, испытывать жажду — они, конечно, озорные ребята, но так или иначе, а все же платят за угощение. Недавно купил я коровку — ту, комолую, теперь она лучшая в нашем хлеву — у чернявого Фрэнка Инглиса и сержанта Босуэла; за нее я отдал десять шотландских фунтов, и они пропили эти деньги в один присест.

— Погоди, отец, — прервала эту речь Дженни, — поговаривают, будто эти бессовестные разбойники увели ее у хозяйки, что с Беллской пустоши, придравшись к тому, что она пошла как-то в воскресенье после обеда послушать пришлого проповедника.

— Помалкивай, ты, сорока! — сказал Нийл. — Нам-то что до того, откуда скотина, которую они продают, — это дело их совести. Дженни, заметь хорошенько того угрюмого парня, что сидит у самого очага, спиною ко всем. Он, похоже, из тех, кто ушел в горы; я видел, как он легонько вздрогнул, когда увидел здесь красные куртки, и мне сдается, что он был бы рад поскорее убраться отсюда, да лошадь его (добрый у него мерин!) совсем пристала, вот ему поневоле и приходится оставаться. Прислуживай и ему, да только с умом, Дженни, и без суеты, и, не обрати на него, упаси боже, взглядов солдат, надоедая ему расспросами; но не отводи ему и отдельной

комнаты, не то скажут, что мы его укрываем. Что до тебя самой, дочка, то будь учтива с народом и не обращай внимания на глупости и всякий вздор, с которыми к тебе будут лезть молодые ребята. Кто из семьи трактирщика, тому терпеть да терпеть. Твоя мать, царствие ей небесное, была терпелива, как большинство женщин, но только до той поры, пока дело чисто и не балуют руками. Если кто начнет чересчур приставать, можешь меня позвать. А когда выпивка осилит еду, они начнут разглагольствовать об управлении церковью и государством, и тогда, Дженни, они примутся спорить — ну и пускай себе: в сердцах людям всегда хочется пить, чем больше они распаляются, тем больше и пьют; только имей в виду, тут уж лучше подавать им легкое пиво — оно меньше бьет в голову, а какое оно, никому из них не понять.

— А если они начнут колотить друг друга, как в прошлый раз, — сказала Дженни, — звать ли мне вас, отец?

— Ни в каком случае, Дженни; кто разнимает, тому и попадает. Если солдаты обнажат сабли, зови капрала и караул. Если мужики возмутятся за ухваты и кочергу, зови судью и городских стражников. Но ни в каком случае меня не зови; я устал, я дудел целый день и хочу спокойно пообедать у себя в кладовой. И еще вот о чем: лэрд Ликитапа (то есть который был прежде лэрдом) заказал немного выпивки с соленой селедкой, — так ты тронь его за рукав и шепни на ухо, что я буду рад с ним отобедать: он был когда-то выгодным гостем, и ему не хватает лишь денег, чтобы стать им опять, — он и теперь любит выпить, как прежде. И если ты знаешь какого-нибудь беднягу из наших знакомых, который жметя, потому что у него вышли деньжата, а идти домой далеко, дай ему глоток пива и кусок пирога; своего мы не упустим, а для такого дома, как наш, это выглядит очень почтенно. А теперь, медовая ты моя, иди и обслуживай посетителей, но принеси сначала обед, да две кружки эля, да пинту бренди.

Возложив на Дженни, как на своего первого министра, бремя обязанностей по дому, Нийл Блейн

и *si-devant*¹ лэрд, некогда его покровитель, а теперь довольный положением его прихлебателя, засели на остаток вечера в кладовой, вдали от суеты общей комнаты.

В ведомстве Дженни все, можно сказать, кипело. Рыцари «попки» принимали обильное угощение своего капитана и отвечали ему тем же самым, тогда как он, почти не притрагиваясь к круговой чаше, следил за тем, чтобы она с надлежащею быстротой обходила всех остальных, которым казалось, что они отроду не встречали такого гостеприимства. Впрочем, число его гостей постепенно таяло, и в конце концов их осталось всего четверо или пятеро, но и те уже начали поговаривать, что пора по домам. За другим столом, невдалеке от них, сидели двое драгун, о которых упоминал Нийл Блейн: то были сержант и рядовой из прославленного полка лейб-гвардейцев, которым командовал Джон Грэм Клеверхауз.

Даже на унтер-офицеров и рядовых этих военных частей не смотрели как на обыкновенных наемников: к ним относились приблизительно так же, как во Франции к мушкетерам; в глазах всех они были как бы кандидатами на офицерский чин, проходящими солдатскую службу с-видами на производство в случае, если им удастся отличиться.

В их рядах насчитывалось немало отпрысков знатных семейств, и это усиливало самонадеянность и кичливость этих полков. Превосходным образчиком таких молодых людей мог бы служить сержант, с которым нам сейчас предстоит познакомиться. Его настоящее имя было Фрэнсис Стюарт, но все звали его Босуэлом, так как он был прямым потомком последнего графа Босуэла — не бесчестного возлюбленного несчастной королевы Марии, но Фрэнсиса Стюарта, тревожившего ранний период царствования Иакова VI Шотландского своим буйным нравом и постоянными заговорами и умершего изгнанником в нищете. Сын графа обратился к королю Карлу I с ходатайством о возвращении ему хотя бы части конфискованных

¹ Бывший (франц.).

отцовских поместий, но руки вельмож, которым они были розданы, оказались слишком цепкими, и у них ничего нельзя было вырвать. Гражданские войны окончательно разорили его, лишив и той небольшой пенсии, которая выплачивалась ему Карлом I, так что он умер в крайней нужде. Сын его, прослужив некоторое время солдатом за границей и в Англии и испытав многочисленные превратности своенравной судьбы, вынужден был довольствоваться положением сержанта в лейб-гвардии, хотя и происходил по прямой линии от королевского дома, так как отец графа Босуэла, имущество которого подверглось конфискации в пользу казны, был побочным сыном короля Иакова VI. Необычайная физическая сила и мастерское владение оружием, равно как и его высокое происхождение привлекли к нему внимание полковых офицеров. При всем том Босуэл отличался исключительно распушенностью и грабительскими наклонностями, которые были свойственны большинству солдат, привыкших выполнять обязанности правительственных агентов по взысканию штрафов и недоимок, требовать постоя и всячески притеснять отказывавшихся повиноваться правительству пресвитериан. Привыкнув к поручениям такого рода, они бесчинствовали и, уверенные в своей безнаказанности, не знали над собой ни закона, ни другой власти, кроме власти своих офицеров. Во всех таких случаях Босуэл неизменно бывал впереди.

Возможно, что Босуэл и его товарищи так долго не позволяли себе никаких выходов лишь потому, что тут же присутствовал их корнет, командовавший небольшим отрядом, расквартированным в городке, и в описываемое время поглощенный игрой в кости с местным священником. Но когда обоих игроков оторвали от их занятия, вызвав по неотложному делу в ратушу, Босуэл не замедлил выказать свое презрение ко всем остальным.

— Не странно ли, Хеллидей, — сказал он, обращаясь к своему товарищу, — что эта кучка мужланов, бражничая здесь целый вечер, ни разу не выпила за здоровье его величества короля?

— Они пили здоровье короля, Босуэл, — заметил Хеллидей, — я слышал собственными ушами, как эта зеленая капустная гусеница возгласила здоровье его величества.

— Так ли? — пробурчал Босуэл. — В таком случае, Том, мы заставим их выпить за здоровье архиепископа Сент-Эндрю, и пусть они проделают это, став на колени.

— Это дело, ей-богу, — оживился Хеллидей, — а если кто станет отказываться, того мы потащим к нам в кордегардию и выучим ездить верхом на кобылке, выращенной из желудя, привязав для устойчивости посадки к каждой ноге по парочке карабинов.

— Правильно, Том, — продолжал Босуэл, — и, чтобы все было как полагается, начнем с того надутого синего колпака, который прилип к очагу.

Он встал и, сунув под мышку палаш, чтобы в случае нужды подкрепить силой задуманную им наглую выходку, направился к посетителю, о котором Нийл Блейн в своем наставлении дочери говорил, что он, по-видимому, из тех, кто скрылся в горах, или, иными словами, что он мятежный пресвитерианин.

— Я беру на себя смелость, любезнейший, — произнес Босуэл подчеркнуто торжественным тоном и гнусава, как это обыкновенно делают деревенские проповедники, — потребовать с вас заверения, что вы соизволите подняться со своего места и будете сгибать ваши поджилки, пока не коснетесь коленями пола, а также, что вы опрокинете в себя эту чарку (невежды зовут ее пинтой) живительной влаги, именуемой смертными бренди, во здравие и славу его милости архиепископа Сент-Эндрю, достопочтенного примаesa всей Шотландии.

Все ждали ответа незнакомца. Его суровые, почти свирепые черты, взгляд вбок, казавшийся косым, хотя в действительности этого не было, и придававший его лицу мрачное выражение, все это в сочетании с его телосложением — плотным, крепким и мускулистым, хотя он был чуть пониже среднего роста, предвещало, что этот человек не склонен сносить грубые шутки и не оставит безнаказанным оскорбление.

— А что, если я не пожелаю исполнить ваше не слишком учтивое требование? — спросил он.

— А вот что, любезнейший, — ответил Босуэл тем же насмешливым тоном: — во-первых, я хорошенько ущипну твой хоботок, или, попросту, нос; во-вторых, любезнейший, я приложу свой кулак к твоим кривым буркалам, и, в заключение, любезнейший, я дам практическое применение плоской стороне моего палаша, который пройдет по плечам мятежника.

— Вот как! — сказал незнакомец. — В таком случае подайте мне чарку. — И, взяв ее в руку, он с усмешкой произнес каким-то странным голосом: — За архиепископа Сент-Эндрю и за место, которое он теперь по достоинству занимает; пусть каждый прелат Шотландии станет в близком будущем тем, чем ныне является праведный и преосвященный Джеймс Шарп!

— Он выдержал испытание! — воскликнул Хеллидей с торжествующим видом.

— Да не вполне, — ответил Босуэл, — никак не пойму, на что намекает этот дьявольский лопухий виг.

— Хватит, джентльмены, — вмешался Мортон, выведенный из терпения наглой выходкой солдат. — Мы здесь собрались как добрые подданные его величества, и притом ради праздника, и мы вправе рассчитывать, что нас не станут тревожить подобными ссорами.

У Босуэла на языке вертелся дерзкий ответ, но Хеллидей шепотом напомнил ему о строгом приказании — не допускать со стороны солдат оскорбления тех, кто был послан на смотр в соответствии с распоряжением Тайного совета. Итак, удостоив Мортон продолжительным и пристальным взглядом, Босуэл проговорил:

— Ну что ж, господин Попка, не стану оспаривать ваше царствование — ведь оно, полагаю, окончится ровно в полночь. Не забавно ли, Хеллидей, — продолжал он, обращаясь к своему приятелю, — что они поднимают столько шума, щелкнув разок-другой своими годными разве что для птичек ружьишками

по цели, которую любая женщина или мальчик смогут сбить после дневной подготовки? Если бы Капитан Попки или кто-нибудь из его армии пожелал схватиться на палашах, тесаках, просто рапирах или рапирах вместе с кинжалом, со ставкою в один золотой за первую каплю крови, то я был бы готов признать в них хоть немного души, или, черт меня побери, если бы эта деревенщина согласилась хотя бы бороться, или метать железные брусья, или кидать камень, или бросать шест, если уж (при этом он презрительно коснулся носком сапога шпаги Мортон) они обвешиваются оружием, обнажать которое сами боятся.

Терпение Мортоня совершенно иссякло, и он, забыв о благоразумии, собрался было зло ответить на наглые замечания Босуэла, как вдруг незнакомец, покинув свое место у очага, шагнул на середину комнаты.

— Ссора возникла из-за меня, — сказал он, — и ради правого дела я хочу лично покончить с нею. Послушай-ка, ты, приятель, — бросил он Босуэлу, — не хочешь ли побороться со мной?

— С превеликой охотой, любезнейший, — ответил Босуэл. — Конечно, я буду бороться с тобой, пока один из нас или мы оба не грохнемся на пол.

— В таком случае, исполненный веры в того, кто один только и может помочь, — ответил ему противник, — я сделаю так, чтобы впредь ты стал примером для всех таких же, как ты, дерзких Рабсаков.

Произнеся эти слова, он сбросил с плеч серую, из грубого сукна, дорожную куртку и, вытянув вперед свои цепкие могучие руки, с решительным видом приготовился к схватке. Сержанта, видимо, не смутили ни мускулистое телосложение, ни широкая грудь, ни могучие плечи, ни смелый взгляд противника. Хладнокровно насивистывая, он отстегнул пряжку на своем поясе, снял военную куртку и отложил ее в сторону. Присутствовавшие стояли вокруг борцов, с беспокойством ожидая исхода.

В первой схватке, как казалось, перевес был на стороне Босуэла; то же было и во второй, хотя все

еще нельзя было предугадать, чем окончится эта борьба. Впрочем, всякому стало ясно, что сержант, сразу использовав всю свою силу, начинает выдыхаться, борясь с соперником, обладающим большой выдержкой, ловкостью, выносливостью и хорошими легкими. В третьей схватке крестьянин приподнял противника и бросил его оземь с такой силою, что тот на мгновение потерял сознание и растянулся на полу, не подавая признаков жизни. Его товарищ Хеллидей выхватил из ножен палаш.

— Вы убили моего сержанта! — воскликнул он, бросаясь на победителя. — И, клянусь всем святым, ответите мне за это.

— Стойте! — закричал Мортон и все окружавшие. — Игра велась чисто; ваш приятель сам искал схватки и получил ее.

— Что верно, то верно, Том, — произнес Босуэл, медленно поднимаясь с пола, — убери свой палаш. Не думал я, чтобы среди этих лопоухих бездельников нашелся такой, который мог бы красу и гордость королевской лейб-гвардии повалить на пол в этой гнусной харчевне. Эй, приятель, давайте-ка вашу руку.

Незнакомец протянул руку.

— Обещаю вам, — сказал Босуэл, крепко пожимая руку противника, — что придет время, когда мы встретимся снова и повторим эту игру, причем гораздо серьезнее.

— И я обещаю, — сказал незнакомец, — что в нашу следующую встречу ваша голова будет лежать так же низко, как она лежала сейчас, и у вас недостатнет сил, чтобы ее поднять.

— Превосходно, любезнейший, — ответил на это Босуэл. — Если ты и взаправду виг, все же тебе нельзя отказать в отваге и силе, и, знаешь что, бери свою клячу и улепетывай, пока сюда не явился с обходом корнет; ему случалось, уверяю тебя, задерживать и менее подозрительных лиц, чем твоя милость.

Незнакомец, очевидно, решил, что этим советом не следует пренебрегать; он расплатился по счету, пошел в конюшню, оседлал и вывел на улицу своего

могучего вороного коня, отдохнувшего и накормленного; затем, обратившись к Мортону, он произнес:

— Я еду по направлению к Милнвуду, где, как я слышал, ваш дом; готовы ли вы доставить мне удовольствие и высокую честь, отправившись вместе со мною?

— Разумеется, — сказал Мортон, хотя в манерах этого человека было нечто давящее и неумолимое, неприятно поразившее его с первого взгляда. Гости и товарищи Мортонa, учтиво пожелав ему доброй ночи, стали разъезжаться и расходиться, направляясь в разные стороны. Некоторые, впрочем, сопровождали Мортонa и незнакомца приблизительно с милю, покидая их один за другим. Наконец всадники остались одни.

Вскоре после того, как все они покинули гостеприимный «Приют», как называлось заведение Блейна, ночную тишину нарушили звуки литавр и труб. Лейб-гвардейцы, поспешно хватая оружие, собирались на базарную площадь. Корнет Грэм, родственник Клеверхауза и мэр городка, с выражением тревоги и озабоченности на лицах, в сопровождении полудюжины солдат и городских стражников с алебардами, поспешно вошли в кабачок Нийла Блейна.

— Приставить стражу к дверям! — таковы были первые слова, брошенные корнетом. — Никого отсюда не выпускать! Что это значит, Босуэл? Или вы не слышали сигнала тревоги?

— Он собирался бежать в казармы, сэр, — ответил корнету его приятель, — но видите ли, упал и растянулся.

— Конечно, в драке, — прервал его Грэм. — Если вы будете и впредь пренебрегать своими обязанностями, вам едва ли поможет ваше королевское происхождение.

— В чем же я пренебрегаю моими обязанностями? — угрюмо спросил Босуэл.

— Вам следовало находиться в казармах, сержант Босуэл, — ответил корнет, — вы упустили такой удобный случай. Пришло известие, что архиепископ Сент-Эндрю убит, убит зверски и при исключительных

обстоятельствах. Шайка мятежных вигов, преследовавших его на Магус-мурской равнине, близ Сент-Эндрю, вытащила его из кареты и искромсала палашами и кинжалами.¹

Все оцепенели при этом известии.

— Вот приметы преступника, — продолжал офицер, разворачивая воззвание к населению, — за голову каждого из убийц назначено вознаграждение в тысячу мерков.

— Так вот оно, не вполне удавшееся испытание, — сказал Босуэл, обращаясь к своему приятелю Хеллидею, — теперь все разъяснилось. Черт меня побери! И мы не задержали его! Беги, Хеллидей, седлай лошадей. Скажите, корнет, не было ли среди убийц дюжого, коренастого, широкогрудого, но узкого в бедрах молодчика с ястребиным носом?

— Погодите, погодите, давайте-ка заглянем в бумагу, — ответил корнет. — Хэкстон из Рэтилета: высокий, тонкий, черные волосы.

— Нет, это не он, — сказал Босуэл.

— Джон Белфур, прозываемый Берли: орлиный нос, рыжие волосы, пяти футов восьми дюймов росту...

— Это он! — воскликнул Босуэл. — Он самый... К тому же здорово косит на один глаз, не так ли?

— Правильно, — продолжал Грэм, — под ним сильный вороной конь, которого он захватил после убийства примаса.

— Он, он самый, — повторял Босуэл, — и тот самый конь! Этот человек был тут не больше как четверть часа назад.

Торопливо расспросив о подробностях происшедшего, он убедился в том, что мрачный и замкнутый незнакомец был Белфур из Берли, главарь шайки убийц, слепых фанатиков, которые беспощадно рас-

¹ Сообщение об этом убийстве можно найти во всех хрониках того времени. Более подробные сведения содержатся в рассказе одного из участников этого события, Джеймса Рассела, помещенном в приложении к «History of the Church of Scotland» («Истории шотландской церкви») Керктона, изданной Чарльзом Керкпатриком Шарпом, эсквайром, Эдинбург, 1817, (Прим. автора.)

правились с примасом, настигнутым ими случайно в то время, как они разыскивали другое лицо, навлекшее на себя их ненависть.¹ Их возбужденному воображению случайная встреча с архиепископом показалась указанием провидения, и они убили его с холодной жестокостью, веря, что сам господь, как они говорили, отдал его их карающей длани.

— На коней, на коней, в погоню, ребята! — воскликнул корнет, — Голова этого злобного пса стоит обещанного за нее золота!

Глава V

Встань, о юность! То не клич земной —
То божьей церкви голос призывной,
То стяг с крестом, подъятый в синеву,
Путь к славной смерти или к торжеству.

Джеймс Дафф

Покинув городок, Мортон и его спутник ехали некоторое время в полном молчании. В незнакомце, как мы отметили, было что-то отталкивающее, что мешало Мортону первому обратиться к нему, а тот, видимо, не испытывал ни малейшего желания вступать в разговор. Внезапно он резко спросил:

— Что побудило сына такого отца, как ваш, предаваться греховным забавам, в которых, я знаю, вы принимали сегодня участие?

— Я выполнял мой долг верноподданного и ради своего удовольствия позволил себе самые безобидные развлечения, — ответил Мортон, несколько уязвленный этим вопросом.

— Неужели вы думаете, что ваш долг или долг любого другого юноши-христианина состоит в том,

¹ Речь идет о некоем Керкмайкле, шерифе-депутате графства Файф, который всячески преследовал неконформистов. Он охотился на болоте, но, случайно узнав, что его разыскивают с целью убить, возвратился домой и тем избежал назначавшейся ему участи, обрушившейся на его покровителя архиепископа. (Прим. автора.)

чтобы служить своим оружием делу тех нечестивцев, которые в ярости проливали, как воду, кровь господних святых в пустыне? И разве безобидное развлечение тратить время, стреляя по этому дурацкому пучку перьев и бражничая весь вечер в кабаках и на ярмарках, когда тот, кто могуч и всемогущ, сошел в нашу страну, дабы отделить пшеницу от плевел?

— Судя по вашим словам, — отозвался Мортон, — вы один из тех, кто счел возможным открыто выступить против правительства. Нахожу нужным напомнить, что едва ли следует произносить перед случайным попутчиком речи столь опасного содержания, которые к тому же в такое время, как наше, небезопасно слушать и мне.

— От этого никуда не уйдешь, Генри Мортон, — продолжал его спутник, — господь имеет на тебя свои виды, и раз он тебя призывает, ты должен повиноваться; я убежден, что ты еще не слышал настоящего проповедника, иначе ты был бы таким, каким ты, бесспорно, когда-нибудь станешь.

— Мы, как и вы, придерживаемся пресвитерианского исповедания, — ответил Мортон, так как его дядя со всеми домочадцами принадлежал к пастве одного из тех многочисленных пресвитерианских священников, которым, с известными ограничениями, была разрешена свободная проповедь. Эта индульгенция, как выражались в то время, вызвала среди пресвитериан великий раскол, и те, кто ее принял, подвергались суровому осуждению со стороны наиболее ревностных приверженцев секты, отказавшихся пойти на предложенные условия. Вот почему незнакомец выслушал с величайшим презрением сообщение Мортон о его исповедании веры.

— Это всего-навсего отговорка, пустая и жалкая отговорка. Вы слушаете по воскресеньям холодные, мирские, приспособленные к духу времени речи, исходящие от того, кто до такой степени забыл свое высокое назначение, что получил апостолический чин благодаря покровительству придворных и лжепрелатов, и вы именуете проповеди таких лиц словом господним! Из всех соблазнов, коими дьявол в эти дни

крови и мрака улавливает души людей, ваша черная индульгенция была самым опасным и самым пагубным. Это была страшная сделка: она означала, что пастырь убит, а овцы рассеялись по горам, что одно христианское знамя поднято против другого и что на мечи сынов света обрушивается воинство тьмы.

— Мой дядя считает, — заметил Мортон, — что, находясь на попечении принявших индульгенцию пасторов, мы в достаточной мере располагаем свободой совести, а так как избирать церковь для себя и своих домашних — его бесспорное право, я должен в силу необходимости следовать в этом за ним.

— Ваш дядя таков, — заявил незнакомец, — что последний ягненок в милнвудском стаде ему дороже, чем вся христианская паства. Он один из тех, кто охотно пал бы ниц перед золотым тельцом в Вефиле и вылавливал бы из вод частички его, после того как телец был истолчен в порошок, и этот порошок брошен в воду. Твой отец был человеком другого закала.

— Мой отец, — сказал Мортон, — и в самом деле был отважным и честным воином. Но вы, должно быть, знаете, сэр, что он сражался под знаменами того же королевского дома, во имя которого и я сегодня брался за оружие.

— Это верно, но если б он дожил до этих дней, он проклял бы час, в который обнажил меч за их дело. Когда-нибудь поговорим и об этом, а пока я твердо возвещаю тебе, что и твой час у порога, и тогда слова, которые ты только что слышал, застрянут в твоей груди, как стрелы с зазубренным накопчиком. Прощай, мне сюда.

Он указал на ущелье, которое, уходя вверх, вело в дикий край пустынных и мрачных гор; но когда он уже совсем собрался свернуть на извилистую тропу, отходившую от дороги в указанном им направлении, внезапно появилась какая-то старуха в красном плаще, сидевшая до этого у перекрестка, и, приблизившись к нему, зашептала:

— Если вы наш человек и дорожите жизнью, то не езжайте нынешней ночью этим ущельем. На тропе залег лев. Бросерстейнский священник и с ним десять солдат преградили проход, чтобы отнять жизнь у всякого из наших скитальцев, если кто из них попытается пройти этим путем к Гамильтону и Дингуоллу.

— А разве гонимые соединились в отряд и у них есть предводитель? — спросил незнакомец.

— Их человек семьдесят конных и пеших, — сказала старуха, — но горе им! У них плохо с оружием и еще хуже с едой.

— Господь поможет своим, — сказал всадник. — По какой же дороге мне ехать, чтобы их отыскать?

— Сегодня это никак невозможно, — ответила женщина, — уж очень зорко стерегут солдаты проход; говорят, странные вести пришли с востока; вот они и бесятся из-за этого и в ожесточении сердца своего еще свирепее, чем когда-либо прежде; вам нужно найти себе убежище на ночь, а потом уже пробираться через торфяники; скрывайтесь до первого света, а после поезжайте через Дрейкскую топь. Когда я услышала страшные угрозы насильников, я накинула на себя плащ и села у самой дороги предупредить наших рассеянных повсюду страдалцев, чтобы они не забрели на эту тропу и не попали в сети злодеев.

— Вы живете поблизости? — спросил незнакомец. — Не приютите ли меня на ночь?

— Моя хижина возле дороги, около мили отсюда; но у меня поместили четырех слуг Велиала, чтобы они себе на потеху ограбили и разорили меня, а все потому, что я не хотела слушать бессмысленные, бесконечные и бессвязные разглагольствования этого погрязшего в мирской суете Джона Халфтекста, священника.

— Доброй ночи; вы славная женщина; благодарю за совет, — сказал незнакомец и тронул коня.

— Да будет над вами благословенье господне, — напутствовала его старуха, — да хранит вас всемогущий: он один властен над нами.

— Аминь! — произнес спутник Мортон. — Ибо разумение человеческое бессильно измыслить, где этой ночью я мог бы укрыть свою голову.

— Мне очень горестно видеть вас в столь затруднительном положении, — сказал Мортон, — и будь у меня свой собственный дом или какой-нибудь кров, который я мог бы назвать своим, полагаю, что я скорее рискнул бы навлечь на себя жестокую кару закона, чем оставил бы вас в этой крайности. Но мой дядя настолько боится штрафов и наказаний, предусмотренных законом для тех, кто поддерживает, принимает и поощряет враждебных правительству лиц, что строго-настрого запретил и мне и всем своим слугам вступать с ними в какое-либо общение.

— Ничего другого я и не ждал, — сказал незнакомец, — и все же вы могли бы приютить меня без его ведома; какой-нибудь амбар, сеновал или сарай для телег — любое место, где я мог бы прилечь, было бы для меня с моей неприхотливостью как бы скинией, убранный со всех сторон серебром, и жертвенником, сложенным из кедрового дерева.

— Уверяю вас, — сказал в замешательстве Мортон, — я не могу пригласить вас в Миллвуд без ведома и согласия дяди; и даже если бы я был в состоянии это сделать, то и тогда я бы не позволил себе навлекать на него, ничего не подозревающего, опасность, которой он больше всего страшится и от которой так старательно отгораживается.

— Ну что ж, — проговорил незнакомец, — в таком случае, еще одно слово. Слыхали ли вы когда-нибудь от отца имя Джона Белфура Берли?

— Еще бы! Его давнего друга и товарища по оружию, спасшего ему жизнь, едва не отдав свою, в битве при Лонгмастон-муре? Часто, очень часто.

— Так вот, этот Белфур — я, — сказал спутник Мортон. — Вот дом твоего дяди; я вижу свет между деревьев. Тот, кто жаждет отмстить мне за кровь, гонится за мной по пятам, и смерть моя неизбежна, если ты не скроешь меня. А теперь, юноша, выбирай: бежать ли от отцовского друга, как тать в ночи, и тем самым обречь его мучительной смерти, от кото-

рой он спас когда-то твоего отца, или подвергнуть бременные блага дяди опасностям, которые грозят всякому, кто в наше развратное время подаст ломоть хлеба или глоток воды христианину, погибающему от голода или жажды.

Множество воспоминаний пронеслось в голове Мортонa. Его отец, память о котором он чтит, как святыню, не раз говорил ему, чем он обязан этому человеку, и всегда сокрушался, что после длительной дружбы они расстались с некоторой неприязнью друг к другу; это произошло в то тяжелое время, когда все население шотландского королевства разделилось на два враждующих стана — «резолуционистов» и «протестующих»; первые стали приверженцами Карла II, после того как отец его умер на эшафоте, тогда как вторые склонялись к союзу с победоносными республиканцами. Неистовый фанатизм Берли связал его с партией «протестующих», и друзья разошлись, чтобы никогда больше не встретиться. Обо всем этом покойный полковник Мортон часто рассказывал сыну и всякий раз выражал при этом глубокое сожаление, что ему так и не удалось тем или иным способом отблагодарить Берли за помощь, которую тот неоднократно ему оказывал.

Колебаниям Мортонa положил конец ночной ветерок, принесший издалека зловещие звуки литавр; с каждым мгновением они, казалось, становились все ближе, и это говорило о том, что в сторону наших путников направляется кавалерийский отряд.

— Это, видимо, Клеверхауз с остатком своего полка. Но что означает этот ночной поход? Если вы отправитесь дальше, то неминуемо попадете в их руки; если возвратитесь в местечко, вы в не меньшей опасности, потому что там корнет Грэм со своими людьми. Тропу, ведущую в горы, перехватили драгуны. Я должен либо укрыть вас в Милнвуде, либо покинуть на верную смерть; впрочем, кара закона по справедливости должна обрушиться на меня одного и не задеть дядю. Едем!

Берли, с полным бесстрашием ожидавший решения Мортонa, молча двинулся вслед за ним.

Дом Милнвуда, выстроенный отцом нынешнего владельца, был скромным жилищем, под стать самому поместью; к тому же со времени перехода в руки теперешнего хозяина он заметно пришел в упадок. Невдалеке от дома стояли хозяйственные постройки. Тут Мортон остановился.

— Мне придется ненадолго оставить вас в одиночестве, — прошептал он. — Нужно добыть вам постель.

— О, я не нуждаюсь в таких удобствах, — сказал Берли, — на протяжении последних тридцати лет эта голова чаще покоилась на кучке торфа или на валуне, чем на шерстяной или пуховой подушке. Глоток эля, кусок хлеба, молитва на ночь и вместо постели немного сухого сена — для меня то же самое, что для иных расписная опочивальня и княжеский стол.

В это мгновение Мортону пришло в голову, что, попытавшись провести беглеца внутрь дома, он подвергнет его дополнительной опасности быть обнаруженным; итак, пройдя в конюшню и разыскав оставленные для него трут и огниво, он высек огонь и, привязав в стойле обеих коней, проводил Берли к деревянной лежанке, поставленной на сеновале, наполовину заполненном сеном; раньше здесь спал поденщик, пока дядюшка в припадке скупости, возраставшей в нем день ото дня, его не уволил. Покидая своего случайного гостя в этом нежилом помещении, Мортон посоветовал ему заслонить свет таким образом, чтобы в окне его не было видно, и вышел с тем, чтобы вскоре вернуться с провизией, какую ему удастся раздобыть в столь позднее время. В последнем, однако, он совсем не был уверен, так как возможность достать даже самую простую еду всецело зависела от настроения, в каком он найдет единственное лицо, пользовавшееся доверием дяди, — его старую домоправительницу. Если она уже улеглась, что было вполне вероятно, или в плохом настроении, что столь же вероятно, успех его предприятия был по меньшей мере сомнителен.

Кляня в душе гнусную скаредность, проникшую во все поры хозяйства старого Милнвуда, он, как обычно,

постучал в запертую на засов дверь, через которую попадал домой, когда ему случалось задерживаться позже того весьма раннего часа, когда в поместье гасили огни. Он стучал робко, нерешительно, словно сознавал за собою вину; казалось, что он скорее взывает, чем настаивает на внимании. Мортону пришлось постучать еще и еще, прежде чем домоправительница, ворча сквозь зубы, так как ей пришлось выбраться из теплого местечка у печки в прихожей, с головою, повязанной клетчатым шейным платком, чтобы уберечь ее от холодного воздуха, прошлепала по каменным плитам и, повторив предусмотрительно несколько раз свое: «Кто там так поздно?», — отодвинула засовы, отомкнула замки и опасливо приоткрыла дверь.

— Вот это и впрямь подходящее время, мистер Генри, — сказала она тем властным и вызывающим тоном, какой свойствен любимым и избалованным слугам, — глухая ночь на дворе и пора в самый раз, чтобы нарушать покой мирного дома и не давать утомленным людям, ожидающим вас, лечь наконец в постель. Ваш дядюшка знай себе посапывает носом уже часика три, Робина одолел ревматизм, и он лежит пластом у себя на кровати. И я должна была сидеть одна-одинешенька, как бы ни душил меня кашель.

Тут она кашлянула разок-другой в доказательство неслыханных мук, которые ей пришлось вытерпеть.

— Премного обязан вам, Элисон, тысяча благодарностей.

— Как это, сэр! Ведь мы так отменно воспитаны! Многие называют меня миссис Уилсон, и лишь один Милнвуд во всем поместье зовет меня Элисон, да и он частенько обращается ко мне, как все остальные, «миссис Элисон».

— Простите, пусть будет по-вашему, — сказал Мортон, — я глубоко огорчен, миссис Элисон, что заставил вас так долго меня ждать.

— А раз вы уже дома, — сказала ворчливая домоправительница, — почему вы не берете свечи и не

отправляетесь спать? Да смотрите, чтобы свеча у вас не накапала, когда будете проходить по гостиной с панелями, и потом не пришлось бы отскабливать и очищать от сала весь дом.

— Но, Элисон, прежде чем отправиться спать, нужно же мне немного перекусить и пропустить глоток эля.

— Перекусить? И эль, мистер Генри? Господи боже, значит, вы вовсе не угостились. И вы думаете, что мы не слыхали о ваших подвигах с «попкою», о том, что вы перевели столько пороху, сколько пошло бы на дичь, которой хватило бы от этого дня до самого сретенья, что потом отправились шумной ватагой в харчевню волынщика, что сидели там с кучкою самых отпетых бездельников и негодяев и бражничали вплоть до заката на счет вашего несчастного дяди, со всяким сбродом и подонками с побережья, а теперь вы вваливаетесь домой и требуете эля, как настоящий господин и хозяин.

Возмущенный ее словами, но помня о том, что ему во что бы то ни стало необходимо добыть ужин для своего гостя, Мортон подавил в себе раздражение и с добродушным видом стал уверять миссис Уилсон, что ему действительно хочется есть и пить.

— А что касается стрельбы в «попку», то я слышал от вас, — заключил он свою речь, — что вам и самой доводилось бывать, миссис Уилсон, на таких состязаниях; очень жаль, что вы не приехали посмотреть и на нас.

— Ах, мистер Генри, — ответила на это старушка, — а мне очень жаль, что вы учитесь нашептывать на ушко женщинам медовые речи! Впрочем, болтайте себе на здоровье, но только таким старухам, как я; большой беды тут не будет. Берегитесь, однако, плутовок помоложе, мой милый. Ах вы, Попка! Вы считаете себя молодцом хоть куда и, по правде сказать (тут она осветила его свечой), нет ничего худого быть пригожим снаружи, лишь бы изнутри было то же. Припоминаю, что, когда я была еще шальнойю девчонкою, то видела герцога, того самого, которому потом отрубили в Лондоне голову, — говорили, что

она была у него не бог весть какая, а все же ему, бедняге, жалко было с ней расставаться. Так вот, он сбил «попку», потому что немногие посмели тягаться с самим его светлостью; а был он красавчик, и когда вся знать села на коней, чтобы погарцевать на народе, его светлость оказался рядом со мной, вот так, к примеру, как вы, и он мне тогда сказал: «Поберегитесь, милочка (это его собственные слова), мой конь не очень-то ловок!» А теперь, раз вы говорите, что недоели и недопили, я докажу, что никогда не забываю о вас; ведь я не считаю, что молодым людям следует отправляться в постель на голодный желудок.

Справедливость побуждает нас указать, что ночные наставления миссис Уилсон, расточаемые ею в подобных случаях, нередко заканчивались этой в высшей степени разумною фразой, которая неизменно предшествовала появлению на столе каких-нибудь кушаний, и притом более изысканных, чем обычно, что случилось и в этот раз. В действительности, главной причиной ее воркотни было желание потешить свое тщеславие и проявить власть, ибо миссис Уилсон не была, в сущности, злобною женщиной и, конечно, больше всего на свете любила своего старого и молодого хозяев, хотя всячески мучила и того и другого.

И, подавая мистеру Генри, как она имела обыкновение величать Мортон, оставленные для него яства, она ласково и внимательно разглядывала его.

— Кушайте на здоровье, мой славный. Не думаю, чтобы вас потчевали у Нийла такими лакомствами. Его жена была умелой хозяйкой и могла неплохо готовить разные вещи для своего заведения, но, уверяю вас, она все же не справилась бы с хозяйством в порядочном доме. Ну, а дочка, сдается мне, просто дурочка; чего только не накрутила она с волосами, когда в прошлое воскресенье я видела ее в церкви. Чую, ох, чую, услышать нам новости об этом трактире. Ну, дорогой, старые глаза мои вовсе слипаются; не суетитесь и не забудьте погасить свечку; у вас в комнате полный рог эля и стакан с гвоздичной водой; ее я никому не даю, берегу, как лекарство, и для вашего молодого желудка она

будет, пожалуй, получше, чем бренди. Покойной ночи, мистер Генри, и смотрите не забываете, что со свечой нужно быть осторожным.

Мортон обещал в точности выполнить ее указания и попросил, чтобы она не тревожилась, если услышит, как отворяется наружная дверь; ведь ей хорошо известно, что ему предстоит еще раз наведаться к своей лошади и позаботиться о ней. Миссис Уилсон удалилась к себе, а Мортон, взяв с собой ужин, собрался было направиться к своему гостю, как вдруг кивающая голова старой домоправительницы снова показалась в дверях, с тем чтобы еще раз напомнить ему о необходимости отдать себе строгий отчет в совершенных им за день поступках, прежде чем он отойдет ко сну, и помолиться о покровительстве божьем на те часы, когда все окутано непроглядною тьмой.

Таковы были нравы известного круга слуг, нравы, когда-то обычные для Шотландии и, быть может, существующие еще и поныне где-нибудь в старых замках, затаившихся в самых глухих углах нашей страны. Эти слуги были связаны неразрывными узами с семьями, в которых они служили; они не представляли себе, что могут при жизни расстаться со своими хозяевами, и были искренне преданы каждому члену семьи.¹ С другой стороны, избалованные снисходительностью и беспечностью своих давних господ, они нередко становились капризными и властными тиранами в доме, так что порой хозяйка или хозяин были бы рады променять эту сварливую преданность на лстывое и угодливое двоедушие современной прислуги.

¹ Один слуга, наговорив кучу дерзостей своему господину, получил приказание немедленно получить расчет. «Уж конечно, я не сделаю этого, — сказал он. — Если вашей чести неизвестно, что она располагает хорошим слугой, то я зато знаю, насколько хорош мой господин, и отсюда никуда не уйду». Во втором случае, похожем на этот, господин сказал: «Джон, нам с вами больше не спать под одним кровом», на что Джон ответил с прелестной наивностью: «Но у какого дьявола собирается ваша честь поселиться?» (*Прим. автора.*)

Глава VI

Суровый взгляд, как страшное заглавье,
Нам страшную предсказывает повесть.

Шекспир

Отделавшись наконец от домоправительницы, Мортон собрал все съестное, оставленное ему миссис Уилсон, и приготовился отнести ужин своему тайному гостю. Он решил, что обойдется без фонаря, так как отлично знал все закоулки в усадьбе, и его счастье, что он его с собою не взял: не успел он переступить порог дома, как тяжелый топот многих коней возвестил, что большою дорогой, оббегающей подошву холма, на вершине которого стояло поместье Милнвуд, проходит кавалерийский отряд, литавры которого они слышали еще в пути.¹ До его слуха отчетливо донеслись слова команды старшего офицера, прокричавшего «стой!» Затем на короткое время воцарилась полная тишина, нарушаемая порой только ржанием или ударом копыт о землю какого-нибудь нетерпеливого скакуна.

— Чей это дом? — произнес кто-то властным и повелительным голосом.

— Милнвуда, с позволения вашей чести, — ответил другой.

— А владелец — благонамеренный человек? — спросил первый.

— Он покорен во всем властям и посещает проповеди священника, принявшего индульгенцию.

— Гм, вот как! Принявшего индульгенцию? Да ведь это всего-навсего личина предательства, весьма неразумно дозволенная всякому, кто слишком труслив, чтобы явно исповедовать свои убеждения. Не лучше ли послать нескольких человек и хорошенько пошарить в доме? А что, если там скрывается

¹ Военная музыка никогда не играет ночью. Но кто поручится, что она не играла по ночам и во времена Карла II? Пока я доподлинно не выясню этого, литавры у меня все же будут греметь, так как это придает живописность ночному маршу. (Прим. автора.)

кто-нибудь из кровожадных убийц, замешанных в этом гнусном злодействе?

Прежде чем Мортон успел совладать с тревогой, в которую повергло его предложение офицера, в разговор вступил еще один собеседник: — Не думаю, чтобы это было необходимо: Милнвуд — больной, нудный старик; он никогда не вмешивается в политику и дрожит над своей мощной и закладными, которые для него дороже всего на свете. Племянник его был, как я слышал, сегодня на смотре и выиграл «лопку», так что и он не похож на фанатика. Они, наверно, уже давно спят, и беспокойство, которое мы причиним в такой поздний час, может быть роковым для бедного старика.

— Согласен, — присоединился к этому мнению командир, — пусть будет по-вашему; обыскивать дом — значит потерять драгоценное время, которого и без того в обрез. Господа лейб-гвардейцы, вперед! Марш!

Звуки трубы и время от времени грохот отбивающих ритм литавр вместе со стуком копыт и бряцанием оружия указали, что отряд снова двинулся в путь. Когда передние ряды колонны достигли склона холма, на который петлями взбегала дорога, из-за туч показалась луна и осветила стальные каски солдат; во мгле можно было различить темные фигуры всадников и коней. Они поднимались на холм и исчезали за его гребнем, и так как это продолжалось довольно долго, то кавалерийский отряд, надо полагать, был очень внушительным.

Как только последний всадник исчез из виду, Мортон поспешил к своему гостю. Войдя в предоставленное им Берли убежище, он увидел его сидящим на убогой лежанке с карманной библией в руке и, казалось, всецело поглощенным чтением. Палаш, который он извлек из ножен, когда у дома остановились драгуны, лежал у него на коленях; маленький огарок свечи, прилаженный сбоку на опрокинутом старом ящике, заменявшем стол, бросал мерцающие, тусклые отблески на суровые и резкие черты его лица, свирепость которого стала еще торжественней и облагораживалась налетом дикого, полного трагической

силы энтузиазма. На челе его лежала печать какой-то всепоглощающей мысли, подавляющей другие страсти и чувства; так, прилив в новолуние или при полной луне скрывает от нашего взора прибрежные утесы и скалы, и об их существовании свидетельствует лишь разъяренная пена волн, которая кипит и перекатывается над ними. Почти целую минуту Мортон молча смотрел на него; наконец его гость поднял голову.

— Вижу, — сказал Мортон, бросив взгляд на палаш, — что вы слышали, как мимо нас проходили драгуны; их прибытие задержало меня.

— Я почти не обратил на это внимания, — ответил Белфур, — час мой еще не пробил. Но я твердо уверен, что придет день, когда я попаду в их кровавые руки и удостоюсь чести разделить участь тех святых страстотерпцев, которых они замучили. Я жажду, молодой человек, чтобы час этот пробил; он мне столь же желанен, как час свадьбы для жениха. Но если господу моему труд мой еще необходим на земле, я обязан безропотно трудиться во имя его.

— Поешьте и отдохните, — сказал Мортон. — С первым светом, как только станет возможным различать тропу на болоте, вам следует покинуть наш дом и направиться в горы.

— Молодой человек, — задумчиво произнес Белфур, — вы уже тяготитесь мною и, вероятно, тяготились бы еще больше, если бы знали, какое бремя я только что возложил на себя. И это не удивительно, ибо порою я сам себе в тягость. Разве не тяжкое испытание для плоти и духа чувствовать себя орудием, выполняющим справедливые приговоры неба, пока ты сам еще на бренной земле и сохраняешь в себе слепое чувство и сострадание к телесным мучениям, которые заставляют содрогаться нашу грешную плоть, когда мы пронзаем мечом чужую? И неужели вы думаете, что, отняв жизнь у какого-нибудь зловреднейшего тирана, те, через кого свершилось возмездие, оглядываясь назад и вспоминая свое участие в его умерщвлении, могут неизменно пребывать

неколебимыми и твердыми духом? Не должны ли они порою задаваться вопросом, справедлив ли тот пыл, который они ощущали в себе и под влиянием которого действовали? Не должны ли они иногда терзаться сомнениями, от кого исходило то неумолимое побуждение, которое возникло и укрепилось в них после их горячих молитв о господнем руководстве в их трудном деле, и не приняли ли они в смятении чувств заблуждение, внушенное им врагом человеческим, за ответ, исходящий от самой Истины?

— В этих вещах, мистер Белфур, я слишком плохо осведомлен, чтобы вступать с вами в спор, но, признаюсь, я глубоко сомневаюсь в божественном происхождении побуждений, толкающих на поступки, которые противоречат естественному чувству человеколюбия, предписанному нам небом как непреклонный закон нашего поведения.

Белфура, казалось, взволновали эти слова: он весь передернулся, но тотчас же взял себя в руки и холодно произнес:

— Вполне понятно, что вы привержены таким взглядам; вы узник закона, вы пребываете в яме, еще более темной, чем та, в которую был брошен Иеремия, мрачнее темницы Малахии, сына Гамелеха, где не было воды, но была жидкая грязь. На челе вашем печать ковенанта, и сын праведника, не щадившего своей крови, отстаивая поднятое в горах знамя свободы, не сгинет бесследно, как какие-нибудь чада тьмы. Неужели вы думаете, что в эти дни скорби и бедствий от нас не требуется ничего больше, как придерживаться нравственного закона, насколько нам позволяет наша слабая плоть? Неужели вы полагаете, что нам должно добиваться победы лишь над собственными пороками и страстями? Нет, с того часа, как мы препоясали чресла свои, мы обязаны смело вступить в борьбу и, обнажив меч свой, беспощадно разить им всякого неугодного богу, будь то даже сосед наш, и жестокосердого мужа власти, будь то наш родственник или друг, которого мы лелеяли в сердце своем.

— Это то самое, — сказал Мортон, — в чем вас обвиняют ваши враги и что если не оправдывает, то, во всяком случае, объясняет жестокие меры, принятые Тайным советом в отношении вас. Ваши противники утверждают, что вы присвоили себе право на самочинные действия, оправдывая их, как вы говорите, внутренним озарением, что вы пренебрегаете предписаниями законной власти, законами государства и простой человечностью, если они противоречат тому, что вы называете духом, обитающим в вас.

— Они клеветают на нас, — возразил ковенантер, — это они клятвопреступники, и они попирают всякий закон, божеский и человеческий, это они преследуют нас за приверженность Торжественной лиге и ковенанту господа с королевством Шотландским, ковенанту, которому все они, за исключением нескольких закоснелых папистов, в былые дни клялись в верности. А теперь они сжигают его на рыночных площадях и, издеваясь, топчут ногами. Да, Карл Стюарт возвратился в наши королевства, но разве они, разве эти нечестивцы вернули его сюда? Они стремились к этому вооруженной рукой, но им это не удалось. Разве я говорю неправду? Разве Джеймс Грей Монтроз и его разбойники-горцы смогли бы возвести его на отцовский трон? Их головы на Западных воротах в Эдинбурге долго рассказывали совсем о другом. Работники, что трудились во славу святого дела, те, кто жаждал восстановить скинию в изначальной ее красе, — вот кто вернул Карлу престол, с которого был свергнут его отец. А что мы получили в награду? По слову пророка: «Ждем мира — а ничего доброго нет, ждем времени исцеления — и вот ужасы. От Дана слышен храп коней его, от громкого ржання жеребцов его дрожит вся земля, и придут и истребят землю и все, что на ней, город и живущих в нем».

— Мистер Белфур, — сказал Мортон, — не берусь ни опровергать ваши обвинения против правительства, ни признать их справедливыми. Я считаю своей обязанностью заплатить долг старому другу отца, предложив вам убежище, раз вы в нем нуждаетесь,

и думаю, что вы извините меня, если я не стану высказываться как за, так и против изложенных вами взглядов. Оставляю вас, чтобы вы могли отдохнуть, и глубоко сожалею, что не в моей власти предоставить вам более удобный ночлег.

— Надеюсь, однако, что увижу вас завтра перед отъездом? Я не такой человек, чтобы прилепиться всем сердцем к родным или друзьям на этой бренной земле. Взявшись за плуг, я заключил договор с моими земными привязанностями, что не стану оглядываться и сожалеть об оставшемся у меня за спиной. Но сын моего старого боевого товарища для меня то же, что собственный, и я не могу взирать на него без глубокой и твердой надежды, что придет день, когда он препояшет себя мечом ради того благородного и правого дела, за которое некогда бился и истекал кровью его отец.

Мортон обещал разбудить своего гостя, когда расцветет настолько, что он сможет продолжить свой путь, и они расстались.

Мортон прилег, чтобы хоть немного вздремнуть; но воображение, возбужденное событиями минувшего дня, не дало ему желанного отдыха. Его томили неясные, но мучительные видения, главным действующим лицом которых был его новый знакомец. К ним примешивался также образ Эдит Белленден; прекрасное лицо ее было в слезах, волосы в беспорядке, и она, казалось, искала его поддержки и зывала к нему о помощи, которой он не мог ей оказать. Мортон внезапно пробудился от беспокойного сна, чувствуя себя совершенно разбитым, и сердце его сжалось в предчувствии чего-то недоброго. Вершины далеких гор уже горели в лучах восходящего солнца, было совсем светло; летнее утро дышало свежестью.

«Я проспал! — воскликнул он, обращаясь к себе самому, — уже поздно, и нужно поторопить этого несчастного скитальца с отъездом».

Он поспешно оделся, осторожно отворил дверь и торопливо направился к убежищу ковенантера. Мортон вошел к нему на носках, так как резкость тона и манер этого странного человека, равно как и его

необыкновенные речи и убеждения, внушили ему чувство, близкое к страху. Белфур еще не проснулся. Луч солнца осветил его убогое ложе без полога и позволил Мортону рассмотреть его суровое, с искавшимися чертами, лицо, на котором отражалась какая-то ожесточенная внутренняя борьба. Он не раздевался. Руки его лежали поверх одеяла; правая была крепко сжата в кулак и время от времени как бы порывалась нанести кому-то удар, как это нередко бывает, когда снятся кошмары; левая, беспомощно вытянутая вдоль тела, иногда поднималась, словно отталкивая кого-то. На лбу его каплями выступил пот, «как пузырьки на только что растревоженных водах потока», и этим признакам внутреннего смятения сопутствовали отрывочные слова, срывавшиеся с его уст: «Я настиг тебя, иуда... Я настиг тебя... не ползай у моих ног... не ползай... Разите его!.. Священнослужитель?.. Увы, священнослужитель Ваала, которого должно связать и убить тут же на берегу Киссона... Пуле не взять его... Разите... Пронзите его клинком... Кончайте скорее... кончайте... Избавьте его от мучений хотя бы из уважения к сединам его».

Встревоженный смыслом этих отрывочных восклицаний, вырывавшихся у спящего с мрачною страстностью, которая говорила о каком-то совершенном им насильственном акте, Мортон стал будить своего гостя и трясти его за плечо. Просыпаясь, тот произнес: «Делайте со мной что хотите, я готов отвечать за содеянное».

Осмотревшись вокруг и придя наконец в себя, он тотчас же принял свой обычный строгий и мрачный вид и, опустившись на колени, прежде чем заговорить с Мртоном, излился в пылкой молитве о страждущей церкви Шотландии, о том, чтобы кровь ее святых мучеников и страстотерпцев была угодна создателю и чтобы щит всемогущего оборонил рассеянные остатки их, во имя его скрывшиеся в пустыне. Возмездие, скорое и полное возмездие угнетателям и насильникам, — вот о чем в заключение просил он в своей молитве, произнесенной энергичным

и возвышенным языком, выразительность которого усиливала восточные обороты писания.

Окончив молиться, он поднялся с колен и, взяв Мортонa под руку, спустился вместе с ним с сеновала в конюшню, где Скиталец (под таким именем знали Берли приверженцы его секты) принялся снаряжать коня в путь. Оседлав и взнуздав его, он попросил Мортонa проводить его хотя бы немного, на расстояние ружейного выстрела, через лес и указать кратчайшую дорогу к болоту. Мортон охотно согласился, и они некоторое время двигались молча в тени раскидистых старых деревьев, по заброшенной тропе, которая, пройдя по лесу, выводила в голую и пустынную местность, простиравшуюся до подножия гор.

Беседа их не вязалась, пока Берли неожиданно не спросил Мортонa, не принесли ли плодов в душе его те слова, которые были сказаны им минувшею ночью.

Мортон ответил, что остался при своем старом мнении и что он полон решимости, насколько возможно и пока будет возможно, совмещать в себе доброго христианина и вместе с тем верноподданного.

— Другими словами, — заметил Берли, — вы хотите служить и богу и мамоне, в иные дни вещать своими устами истину, а в иные — брать в руки оружие и по приказу земной и тиранической власти проливать кровь тех несчастных, которые ради той же истины отреклись от благ мира сего. Неужели вы полагаете, — продолжал он, — что можно прикоснуться к смоле и не испачкаться; стать в ряды безбожников, папистов, прелатистов, латитудинариев и богохульников; разделять их забавы, которые представляют собою не что иное, как жертвоприношение идолам, входить при случае к их дочерям, как некогда, до потопа, сыны божии входили к дочерям человеческим, — неужели вы полагаете, говорю я, что можете творить эти мерзости и остаться неоскверненным? А я говорю вам, что всякое общение с врагами церкви — страшное зло, ненавистное господу! Не прикасайтесь, не трогайте, не берите в руки! И не тушите, молодой человек, точно вам одному на всем свете приходится подавлять в себе земные привязан-

ности и отречься от наслаждений, которые суть силки, раскинутые у вас под ногами. А я говорю вам, что сын Давидов не лучшую долю возвестил всему роду людскому.

Он вскочил на коня и, обернувшись к Мортону, прочел текст писания:

— «Тяжкое бремя возложено на сынов Адамовых с того дня, как они вышли из чрева матери, и до того, когда возвратятся в лоно матери сущего; и тому, кто облачен в лазоревый шелк и украшен венцом, и тому, на ком простые льняные одежды, — тот же удел: вражда и зависть, заботы и тревоги душевные, тяготы и борьба, и страх смерти в час отдохновения и покоя».

Произнеся эти слова, он пустил коня вскачь и вскоре исчез между деревьев.

«Прощай, суровый фанатик, — подумал Мортон, смотря ему вслед. — Сколь опасно могло бы быть для меня общение с таким человеком в иные мои минуты. Если он не смог увлечь меня своим рвением к догматам веры или, точнее, к определенной форме устройства церкви (ибо это главное в его рассуждениях), то могу ли я быть человеком в полном смысле этого слова, и к тому же шотландцем, и равнодушно взирать на гонения, превращающие разумных людей в безумцев? И не боролся ли мой отец за дело гражданской и религиозной свободы? Поступлю ли я правильно, оставаясь бездеятельным или став на сторону творящей насилия власти, если представится действительная возможность избавить от невыносимых страданий несчастных моих соотечественников? Но кто мне поручится, что люди, одичавшие от преследований, не станут в час торжества такими же жестокими и нетерпимыми, как те, кем они ныне гонимы? Какую умеренность, какого милосердия можно ожидать, скажем, от Берли, одного из главных их предводителей, еще не остывшего, по-видимому, от какого-то только что совершенного им насилия, Берли, угрызения совести которого так сильны, что их не может заглушить даже его пламенный фанатизм? Мне надоело видеть вокруг себя только насилие, только

ярость, то под личиной законной государственной власти, то под личиной религиозного рвения. Мне ненавистна родина, я сам, моя зависимость, необходимость подавлять свои чувства, этот лес, река, дом — всё, кроме одной Эдит, но и она никогда не станет моей. К чему подстергать ее на прогулке? К чему тешить себя, а может быть, и ее, несбыточными мечтами? Все равно она никогда не станет моей. Все ополчилось против меня: ее надменная бабка, враждебные друг другу взгляды наших семейств, мое проклятое подневольное положение... О жалкий, несчастный раб, не располагающий даже жалованьем слуги, — и нет ни малейшей надежды, что мы когда-нибудь сможем соединиться! К чему упорствовать, к чему тешить себя такой мучительной мечтой?»

— Но я не раб! — сказал он вслух, выпрямляясь во весь рост. — Да, я не раб, по крайней мере в одном. Я могу уехать отсюда; шпага моего отца — моя шпага; передо мною Европа, как некогда она была перед ним и сотнями моих соотечественников, наполнивших ее громкою славой своих подвигов. Быть может, и меня вознесет какой-нибудь нечаянный случай, как вознес наших Рутвенгов, Лесли или Монро, лучших военачальников прославленного ревнителя протестантизма, короля Густава-Адольфа; во всяком случае, там меня ждет жизнь солдата или могила солдата.

Занятый этими мыслями, он обнаружил, что не приметно для себя самого дошел до усадьбы дядюшки. Он решил не терять времени и немедленно известить его о своих планах.

«Но один-единственный взгляд Эдит, одна-единственная прогулка с нею, и моя решимость бесследно исчезнет. Я должен отрезать себе путь к отступлению и, когда со всем будет покончено, только тогда повидаться с нею».

Обуреваемый этими мыслями, он вошел в столовую с отделанными панелью стенами, где застал дядю за утреннюю трапезой, состоявшей из огромной миски овсяной каши и такого же количества пахтанья. Тут же на страже находилась и уже известная

нам любимица дядюшки, его домоправительница, стоявшая позади него, наклонившись над спинкою его кресла, в позе, которая свидетельствовала о свободе в обращении и вместе с тем о почтительности. Старый джентльмен в дни молодости был поразительно высокого роста, но уже давно утратил свою молодецкую выправку и согнулся до такой степени, что какой-то шутник сосед, встретив его на собрании, где обсуждался вопрос о способах постройки горбатого моста, который предполагалось перебросить через довольно широкий ручей, предложил выплатить Милнвуду порядочную сумму за его кривой позвоночник, утверждая, что тот охотно продаст любую принадлежащую ему собственность. Кривые ноги необыкновенных размеров, длинные тонкие руки, кисти которых украшались ногтями, давно не знавшими ножниц, дряблое и сморщенное лицо, длиною своею под стать всей его нескладной фигуре, вместе с маленькими хищными серыми глазками, выскикивавшими всегда и везде только корысть, довершали не предвещавшую ничего хорошего наружность мистера Мортон из Милнвуда. Было бы весьма неразумно вкладывать в такую недостойную оболочку благородство, благожелательность и прочие добрые качества, и природа снабдила его душою, вполне соответствующей его внешности, то есть низкой, эгоистичной и алчной.

Когда эта симпатичная личность заметила появившегося в столовой племянника, она поспешила, прежде чем обратиться к нему, проглотить полную ложку каши, которую как раз подносила ко рту, а так как каша оказалась чертовски горячей, причиненный ею ожог, пока она опускалась по пищеводу в желудок, усилил раздражение мистера Милнвуда, и без того сердившегося на своего юного родственника.

— Черт поberi того, кто ее стряпал! — таково было первое его восклицание, обращенное им к миске с кашей.

— А каша сегодня отменная, — заметила миссис Уилсон, — вам нужно было только остудить ее в ложке. Я сама варила ее, но когда у людей не хватает терпения, горло у них должно быть луженым.

— Помолчите, Элисон! Я говорю с племянником. Итак, что вы скажете, сударь? Где это вы пропадали так поздно? Вчера вас не было дома почти до полуночи.

— Да, сэр, около этого, — бесстрастным тоном ответил Мортон.

— Около этого, сударь? Это что за ответ, сударь? Почему вы не изволили возвратиться домой вместе со всеми присутствовавшими на смотре?

— Полагаю, что вы отлично осведомлены об этом, — сказал Мортон. — Мне вчера посчастливилось занять первое место среди стрелков, и я задержался, чтобы угостить, по обычаю, других молодых людей, участников состязания.

— Черт побери, сударь! И вы мне об этом заявляете прямо в глаза? И вы позволяете себе угощать других, вы, который не знали бы, чем пообедать, если бы вас не кормил столь долготерпеливый человек, как я? Но если я трачусь на вас, вы обязаны по крайней мере отработать стоимость вашего содержания. Не понимаю, почему бы вам не взяться за плуг, особенно теперь, когда от нас ушел пахарь; это было бы вам больше к лицу, чем наряжаться в зеленые тряпки и выбрасывать деньги на свинец и порох: вы имели бы в руках честное ремесло и смогли бы добывать хлеб свой насущный, никого не обременяя.

— Я был бы рад научиться этому ремеслу, но я не умею управлять плугом, сэр.

— А почему бы и нет? Это гораздо легче, чем стрелять из ружья или лука, что составляет ваше излюбленное занятие. Старый Дэви еще не закончил пахоты, и два-три дня вы могли бы поработать у него как погонщик, — только смотрите не загоните быков; это будет по крайней мере настоящее дело! Дэви вас живо обучит, ручаюсь вам в этом! В Хегги-холме земля тяжелая, а он становится стар, чтобы пахать с опущенным как следует лемехом.

— Извините, сэр, но я вынужден вас перебить; я принял решение, которое освободит вас от бремени и неприятностей, связанных с моим пребыванием здесь,

— Так вот оно что? В самом деле? У вас есть решение? Это, надо полагать, что-нибудь очень мудрое, — сказал дядюшка с ехидной усмешкою. — Расскажите, дружок, а мы вас послушаем.

— Я изложу его в двух словах, сэр. Я намерен покинуть нашу страну и отправиться служить за границу, как это сделал когда-то отец; он уехал, как вы знаете, прежде, чем у нас начались эти злосчастные беспорядки. Имя его и сейчас не забыли в тех странах, где он служил, и его сыну, надеюсь, оно поможет попытаться солдатского счастья.

— Храни нас боже от этого! — воскликнула домоправительница. — Да чтобы наш молодой мистер Гарри отправился за границу! Нет, нет, нет, этому не бывать!

Милнвуд, не помышлявший о том, чтобы расстаться с племянником, и в глубине души не желавший этого, так как тот во многих отношениях был ему чрезвычайно полезен, выслушав внезапную декларацию независимости, и притом от того самого юноши, над которым он издавна и неограниченно властвовал, был поражен ею как громом. Впрочем, самообладание тотчас же вернулось к нему.

— А кто, молодой человек, должен, по-вашему, предоставить вам средства для выполнения этой дикой затеи? Уж конечно, не я. Мне и так едва удастся содержать вас у себя дома. И вы, несомненно, там женитесь — я в этом уверен, — как поступил и ваш покойный отец, и пришлете к дядюшке кучу малых ребят, которые будут драться друг с другом и орать на весь дом, когда я состарюсь, а потом, как только отрастут у них крылья, улетят прочь так же, как вы, если от них потребуют поработать на пользу поместью. Не так ли?

— Я никогда не женюсь.

— Только послушать его! — вмешалась домоправительница. — Стыд и срам, чтобы такой чудесный молодой человек говорил эти вещи, когда всякий знает, что кому же, как не таким, нужно жениться, не то пойдет баловство,

— Помолчите же, Элисон, — прервал ее владелец Милнвуда, — помолчите и вы, Гарри, — добавил он мягче, — и выкиньте эту бессмыслицу из головы — это все оттого, что вчерашний день вы были солдатам. И учтите, дружок, что для выполнения этих бессмысленных планов недостает самого главного, то есть денежек.

— Прошу извинить меня, сэр, мои пожелания очень скромны, и если бы вы возвратили мне золотую цепь, которая была пожалована маркграфом отцу после битвы при Люцене...

— Покорно благодарю! Золотую цепь! — вскричал в ужасе дядюшка.

— Золотую цепь! — как эхо повторила за ним домоправительница. Оба были потрясены дерзостью этого предложения.

— Я сохраню только несколько ее звеньев, — продолжал молодой человек, — чтобы они напоминали мне постоянно о том, кто когда-то ее носил, а также о месте, где она была пожалована ему; остального мне хватит, чтобы начать такой же жизненный путь, как тот, на котором отец удостоился этой награды.

— Сохрани нас господа! О небо! — воскликнула миссис Уилсон. — Но ведь хозяин носит ее каждое воскресенье!

— И воскресенье и субботу, — добавил старый Милнвуд, — всякий раз, как надеваю костюм из черного бархата. И, знаете, Уилли Мак-Триkit склонен считать, что эта цепь — наследственное имущество, которое принадлежит скорее главе семьи, чем непосредственному потомку покойного владельца ее. В ней три тысячи звеньев; я пересчитывал их множество раз. И стоит она три тысячи фунтов стерлингов.

— Это больше того, что мне нужно, сэр; если вы сообразовите выдать мне третью часть этих денег и пять звеньев цепи, я смогу достигнуть поставленной мною цели; что касается остального, то пусть оно послужит слабым возмещением за издержки и хлопоты, которые я вам доставил.

— Да этот парень спятил с ума! — воскликнул дя-
дюшка. — А что станет с Милнвудом и всеми его по-
стройками, когда я умру и отправлюсь в дальнее
странствие? Он готов был бы бросить даже корону
Шотландии, если бы она была у него.

— Погодите, сэр, — заметила домоправительни-
ца, — я должна сказать, что и вы в этом не без вины.
Вам не следовало так туго натягивать повод. И раз
он побывал в «Приюте» у Нийла, право же вам при-
дется оплатить счет.

— Ничего не поделаешь; но только, чтобы этот
счет не превысил двух долларов, — ответил старый
джентльмен, совершенно убитый неожиданными рас-
ходами.

— Я сама договорюсь с Нийлом, дайте мне только
съездить в местечко; и поверьте, мне это дело станет
дешевле, чем стало бы вам, ваша милость, или ми-
стеру Гарри. — Сказав это, она зашептала на ухо
Генри: — Не волнуйте вы его больше; если понадо-
бится, я рассчитаюсь с Нийлом из масляных денег,
и вообще, довольно об этом. — И она снова обрати-
лась к Милнвуду: — Не посылайте молодого человека
ходить за плугом; в наших местах сколько угодно го-
лодных бедняков вигов, и каждый из них будет рад
пахать землю за кусок хлеба и миску похлебки, а это
больше подходит для них, чем для такого, как он.

— И тогда на нас нагрянут драгуны, — возразил
Милнвуд, — и обвинят в том, что мы укрываем и кор-
мим мятежников; выгодное дельце, нечего сказать,
вы нам предлагаете! Но садитесь завтракать, Гарри,
и потом скиньте наконец ваш новый зеленый костюм
и наденьте домотканый, серого цвета; это более му-
жественное и более практичное платье, и оно к тому
же приличнее, чем болтающееся на вас покупное
тряпье с пышными лентами.

Генри Мортон, покидая столовую, ясно видел, что
у него нет никаких надежд на достижение постав-
ленной цели; впрочем, возможно, что его не слишком
огорчали препятствия, которые мешали ему поки-
нуть поместье, расположенное так близко от Тилли-
гудлема. Миссис Уилсон, последовав за ним в сосед-

нюю комнату и похлопав его по спине, попросила «быть добрым мальчиком и выбросить из головы все эти сумасбродные выдумки».

— Я обошью галуном вашу шляпу и спорю с нее ленты, а также тесьму, — сказала эта вездесущая дама, — и вы никогда, ни за что на свете, не должны говорить о том, что покинете родину или что нужно продать золотую цепь; ваш дядюшка страшно доволен, когда видит вас пред собою и когда считает звенья на цепи; и потом, разве можно оставить навсегда старика? Ведь и цепь и земли — все-все станет когда-нибудь вашим; и вы сможете жениться на любой девице в наших краях, какая только полюбится вам, и богато жить в Милнвуде — ведь тут всего вдоволь. А разве это не стоит того, чтобы подождать еще, голубь мой?

В заключительной части пророчества миссис Уилсон содержалось нечто до такой степени приятное для слуха Мортонна, что он сердечно пожал руку старушки. Он сказал ей, кроме того, что очень обязан ей за добрый совет и что хорошенько подумает обо всем этом, а пока не будет настаивать на своем прежнем решении.

Глава VII

В семнадцать лет вошел я в эту дверь;
Мне семьдесят — я уйду теперь.
В семнадцать лет как счастья не искать?
Но в семьдесят позднеенько начинать.

«Как вам это понравится»

Теперь мы должны перенестись в Тиллитудлем, куда леди Маргарет вернулась, выражаясь романтическим слогом, расстроенная и с тяжким бременем на душе по причине неожиданного и, как она полагала, несмываемого позора, которым покрыло ее перед всеми злосчастное происшествие с Гусенком Джибби. Этот незадачливый воин был безотлагательно отправлен пасти свое пернатое стадо в самый дальний уголок выгона, чтобы не растравлять душевных ран

своей госпожи и не попадаться ей на глаза, пока не изгладится воспоминание о недавнем позоре.

Тотчас по возвращении леди Маргарет нарядила торжественный суд, к участию в котором были привлечены Гаррисон и дворецкий — и как свидетели и как заседатели — для установления виновности Кадди Хедрига, пахаря, а также злостного подстрекательства со стороны его матери, так как оба эти лица, по общему мнению, были подлинными виновниками тяжелого поражения, понесенного рыцарством Тиллитудлема. Поскольку следствие было закончено и преступление неопровержимо доказано, леди Маргарет приняла решение лично пристыдить подсудимых и, если они не расскаются, вынести приговор об их изгнании из пределов баронства. Лишь одна мисс Белленден осмелилась замолвить словечко за осужденных, но ее заступничество не оказало той помощи, какую могло бы оказать при других обстоятельствах. Узнав, что незадачливый кавалерист нисколько не пострадал при падении, Эдит, вспоминая о его злключениях, не могла совладать с одолевшим ее желанием посмеяться, и, несмотря на досаду и негодование леди Маргарет, смех разбирал ее тем сильнее, чем настойчивее, как это обычно бывает, она стремилась его подавить. Эти приступы смеха не раз повторялись и по дороге домой, пока ее бабка, которую не смогли обмануть вымышленные причины, приводимые юною леди в объяснение неуместной веселости, не отчитала ее в полных горечи выражениях за бесчувственное отношение к чести семьи. Вот почему вмешательство мисс Белленден не имело никакого успеха.

Чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений, леди Маргарет сменила палку с набалдашником из слоновой кости, которую обычно брала с собой во время прогулок, на огромную трость с золотым набалдашником, доставшуюся ей после отца, покойного графа Торвуда; ею, словно своего рода официальным жезлом, она пользовалась лишь в исключительно важных случаях. Опираясь на свой грозный, царственный посох, леди Маргарет Белленден просле-

довала к хижине провинившихся и переступила ее порог.

Старая Моз со смущенным лицом поднялась с плетеного стула и, покинув свое место у очага, выступила вперед, но не с выражением сердечной радости, как бывало, свидетельствовавшей о том, насколько она польщена честью, оказанной ей госпожою, а с какой-то торжественностью и робостью, напоминая собой обвиняемого, который впервые предстает перед судьей и несмотря ни на что полон решимости отстаивать свою невиновность. Ее руки были скрещены на груди, губы, выражая почтительность, смешанную с упорством, плотно сжаты; вся она изображала собою внимание и готовность к этой торжественной аудиенции. Встретив высокую гостью старательным приседанием и молчаливым поклоном, Моз, как обычно, указала на стул, на котором леди Маргарет (славная леди обожала посплетничать) не раз, бывало, просиживала по получасу, слушая всякую всячину, касающуюся округи и ближнего городка. Но теперь ее госпожа была слишком разгневана, чтобы снизойти до подобной милости. Величественным жестом она отклонила немое приглашение Моз и, выпрямившись во весь рост, начала нижеследующий вопрос, ведя его таким тоном, чтобы подавить обвиняемую:

— Правду ли, Моз, сообщили мне Гаррисон, Гюдвил и другие из моих слуг, что, преступно нарушив свои обязанности перед богом, королем и мною, вашей исконной леди и госпожой, вы осмелились не пустить вашего сына на смотр, созванный по приказу шерифа, и возвратили оружие, доспехи и снаряжение, когда не было уже никакой возможности подыскать вместо Кадди подходящего человека, из-за чего баронство Тиллитудлем как в лице владетельницы его, так и в лице его обитателей подверглось такому унижению и бесчестию, каких наша семья не запомнит со времен Малколма Кенмора?

Моз всегда безгранично уважала свою госпожу и теперь пришла в замешательство, не зная, как себя защитить; робко кашлянув несколько раз, она наконец ответила:

— Конечно... миледи... хм... хм... Конечно, мне горько... мне очень горько, что произошла неприятность... Но болезнь моего сына...

— Не говорите мне о болезни вашего сына, Моз! Если бы он действительно захворал, вам следовало прийти на рассвете в замок и попросить у меня чего-нибудь из моих снадобий, и ему стало бы легче; почти нет недугов, от которых у меня не было бы лекарства, и вам это отлично известно.

— О да, миледи! Конечно! Я убедилась, что вы чудо как лечите. Питье, что вы прислали Кадди в последний раз, когда на него напали колики в животе, оно прямо как рукой сняло с него хворь.

— Почему же, дорогая моя, вы не обратились ко мне, раз в этом была нужда? А потому, что никакой нужды не было, — слышите вы, вероломная женщина!

— Ваша милость никогда прежде не обзывали меня такими словами. Горе мне! Ах, зачем я дожидая до этого часа, чтобы услышать такое! — продолжала Моз, разражаясь слезами. — И это я, которая родилась в Тиллитудлеме и прожила тут свой век, служа владельцам его! Я вижу, нас с Кадди считают злодеями, раз говорят, что он не бился бы в крови выше колен за вашу милость, и за мисс Эдит, и за старый замок — но это неправда, он бился бы, и лучше ему погибнуть под его развалинами, чем покинуть вас, спасаясь от смерти; но верховая езда, смотры, миледи, ну их совсем... не слышать бы мне о них вовсе! Не могу понять, на что только они нужны!

— На что нужны? — вскричала высокородная леди. — А разве вам не известно, безрассудная женщина, что вы, являясь моими вассалами, обязаны участвовать в моей охоте и моем ополчении, должны охранять и защищать меня от врагов, если вас на законном основании призовут к этому от моего имени? Вы несете службу не безвозмездно. Насколько я знаю, вы пользуетесь землей. Вы живете здесь на хороших условиях; у вас тут и дом, и хлев, и огород, и пастбище на моем выгоне. Много ли найдется таких, которые жили бы лучше вашего? А вы ропщете, когда

от вашего сына требуют, чтобы он один-единственный день послужил мне в строю!

— Нет, нет, миледи... здесь вовсе не то! — воскликнула Моз в замешательстве. — Но нельзя служить двум господам; и если уж говорить правду, как она есть, то еще существует тот, чьи веления я обязана выполнять прежде ваших. И я, конечно, не стану повиноваться ни королю, ни кесарю, ни кому-либо из бранных земных созданий наперекор его воле.

— Так вот оно что! Да вы совсем выжили из ума! Разве я приказываю вам что-нибудь не согласное с вашей совестью?

— Я не хочу утверждать это, миледи; тут нет ничего несогласного с совестью вашей милости; ведь вы выросли в правилах прелатизма. Но каждый должен идти, сам себе освещая дорогу светом собственной веры, а моя, — продолжала Моз, набираясь смелости по мере того, как их разговор становился все напряженнее, — а моя вера велит, чтобы я скорее лишилась дома, огорода и пастбища для коровы и претерпела всякие муки, чем надела бы на себя доспехи или позволила моему сыну облачиться в них ради неправого дела.

— Неправого! — воскликнула леди Маргарет. — Дело, к которому вас призывает ваша законная госпожа, воля его величества, распоряжение Тайного совета, приказ лорда-лейтенанта и вызов шерифа — это дело неправое?

— Ах, миледи, несомненно неправое, не гневайтесь, ваша милость; вспомните, что говорит писание о царе Навуходоносоре, который поставил золотого истукана на поле Деир, и это место было на равнине у реки, совсем как то, где вчера собралось ополчение; князя, наместники, военачальники, судьи — и они также, — и еще хранители царской казны, советники и шерифы были собраны туда на поклонение истукану, и им велели пасть перед ним и почитать его при звуках труб, флейт, арф, фанфар, псалмов и другой музыки.

— Ну и что из того? До чего же вы глупая женщина! Что общего между Навуходоносором и смотром в Верхнем Уорде Клайдсдейла?

— Сейчас объясню, миледи! Чутьочку погодите! — продолжала твердым голосом Моз. — Епископальная церковь — то же самое, что золотой истукан в поле Деир, и так же, как Седрах, Мисах и Авденаго (только они одни — и больше никто — отказались пасть ниц и преклониться пред ним), — так и Кадди Хедриг, ничтожный пахарь на службе у вашей милости, по крайней мере с согласия своей старой матери не станет кривляться, или, как они говорят, совершать коленопреклонения в доме прелатов и приходских священников и не препояшет себя мечом, чтобы биться за их дело ни под литавры, ни под орган, ни под волынку, ни под какую другую музыку.

Леди Маргарет слушала это изложение библии вне себя от негодования и изумления.

— Так вот с какой стороны задул ветер! — воскликнула она, приходя в себя после минутного оцепенения, — злобный дух тысяча шестьсот сорок второго года снова творит свое дело, и притом настойчивее, чем прежде, и всякая старуха у очага вступает в спор о вере господней с учеными богословами и праведными отцами церкви!

— Если ваша милость разумеет епископов и священников, то какие же они отцы — они отчимы нашей шотландской церкви. И раз ваша милость желает, чтобы мы с Кадди убрались отсюда, я скажу вам начистоту еще одну вещь. Ваша милость и управитель хотели приставить моего сына Кадди к машине, что недавно придумана для провеивания зерна¹ и отделения его от мякины. А я считаю, что поднимать ветер при помощи человеческих ухищрений ради собственной нужды вашей милости вместо того, чтобы молиться о нем или покорно и терпеливо ждать, когда провидению будет угодно ниспослать его на тот холм,

¹ Возможно, что речь идет о чем-то вроде амбарных веялок, употребляемых теперь для провеивания зерна, которые, однако, появились в их нынешнем виде не ранее 1730 года. При своем появлении они были враждебно встречены наиболее ревностными сектантами, рассуждавшими так же, как наша славная Моз. (Прим. автора.)

где наше гумно, — это, выходит, безбожно восставать против промысла божия. И еще, миледи...

— Эта женщина способна вывести из себя хоть кого! — прервала ее леди Маргарет; затем, властно и равнодушно, она добавила: — Итак, Моз, закончу тем, с чего мне следовало начать: вы для меня слишком ученая и слишком благочестивая, и я не могу спорить с вами. Только скажу вам вот что: или Кадди всякий раз беспрекословно будет являться на смотр, когда его на законном основании призовет к этому мой управляющий, или вам и ему придется немедленно убраться отсюда и покинуть мои владения; старух и пахарей сколько угодно; но если бы их и вовсе не существовало на свете, я предпочла бы, чтобы на полях Тиллитудлема не росло ничего, кроме бурьяна, и в нем гнездились целые тучи птиц, чем чтобы мою землю распахивали мятежники, восставшие против своего короля.

— Ну что же, миледи, — сказала на это Моз, — здесь я родилась и думала, что умру там же, где умер отец; а ваша милость всегда были доброю госпожой, и я никогда не скажу ничего другого и никогда не перестану молиться за вас и мисс Эдит и о том, чтобы на вас снизошла благодать и вы узрели заблуждения вашего сердца. Но пока...

— Заблуждения моего сердца! — взорвалась леди Маргарет. — Заблуждения сердца! Да как вы смеете, дерзкая женщина?

— О да, миледи; обитая в юдоли слез и во тьме, все мы впадаем во множество заблуждений, и великие мира сего и малые; но я сказала уже: мое ничтожное благословение всегда будет с вами и близкими вам, где бы я ни была. Я буду вам сострадать, если услышу о ваших горестях, я буду счастлива, услышав о вашем благополучии, как на земле, так и на небе. Но я не могу повиноваться велениям земной своей госпожи наперекор велениям бога, иже на небе, и я готова претерпеть за правое дело.

— Отлично, — заявила леди Маргарет, повернувшись спиной к своей собеседнице, — отлично; вам известно мое решение, Моз. Я не желаю иметь у себя в

баронстве Тиллитудлем заядлых вигов. Еще немного, и вы устроите, пожалуй, свое молитвенное собрание не где-нибудь, а в моей гостиной.

Произнеся эти слова, она удалилась с превеликим достоинством, тогда как Моз, дав волю чувствам, которые она подавляла в себе во время аудиенции, — ведь и у нее была своя гордость, — разразилась жалобами и начала громко рыдать.

Кадди, которого все еще удерживала в постели болезнь — мнимая или действительная, — лежал, пока шли эти прения, у себя на кровати за дощатою перегородкой, совершенно убитый услышанным. Он притаился и боялся пошевелиться, трепеща при мысли о том, как бы леди Маргарет, к которой он испытывал своего рода наследственное почтение, не обнаружила его присутствия и не обрушила на него столь же горьких упреков, какими она осыпала его старую мать. Но едва миледи ушла и миновала опасность быть услышанным ею, он выпрыгнул из своего гнезда.

— Вы просто спятили, вот что я скажу вам! — закричал он, подступая к матери. — У вас язык на целую милю, как говаривал мой славный отец. Неужели вы не могли оставить леди в покое и не приставать к ней с вашим пуританством? А я, взрослый дурень, послушался вас и улегся, как мальчишка, под одеяло вместо того, чтобы поехать вместе со всеми на смотр. Господи боже, а я все-таки ловко обвел вас вокруг пальца: ведь не успели вы повернуться ко мне своей старой спиной, как я вылез в окно и дал тягу, чтобы пострелять в «попку», и как-никак дважды попал в него! Ради вашей блажи я обманул нашу леди, но я не собирался обманывать мою милую. А теперь она может выходить за кого вздумает, ведь меня все равно навсегда выбросили отсюда. Получается, что эта взбучка почище той, которую нам задал мистер Гьюдрил, когда вы заставили меня как-то в сочельник отказать от каши с изюмом, будто господу богу или еще кому-нибудь не все одно, поужинал ли пахарь пирожком с начинкою или овсяным киселем.

— Замолчи, сынок, замолчи, — ответила Моз, — ничего ты в этом не смыслишь: то была недозволенная

еда, она разрешается только в особые дни, да еще в праздники, а в прочее время протестантам запрещено к ней прикасаться.

— А теперь, — продолжал Кадди, — вы навлекли на нас гнев уже самой леди! Когда бы я мог приодеться почище да поприличнее, я бы спрыгнул с кровати и сказал, что поскачу, куда ей будет угодно, днем или ночью, и она бы оставила нам и дом, и наш огород, где растет лучшая ранняя капуста во всей округе, и пастбище на господском выгоне.

— Но, драгоценный мой мальчик, мой Кадди, — продолжала старая женщина, — не ропщи на ниспосланные нам испытания; не жалуйся, раз терпишь за правое дело.

— А откуда мне, матушка, знать, правое оно или нет, — возразил Кадди, — или, может быть, оно правое потому, что вы так часто восхваляете вашу веру? Тут мне ничего не понять. По-моему, между обеими верами не такая уж разница, как думают люди. Кто же не знает, что священники читают те же слова, которые читаются и у нас; а если это праведные слова, то славную сказку, как я считаю, не грех и дважды послушать, и всякому тогда легче ее понять. Не у каждого столько ума, как у вас, матушка, чтобы сразу уразуметь такую премудрость.

— Ах, дорогой мой Кадди, это и есть для меня самое горькое, — проговорила взволнованно Моз. — Сколько раз я тебе объясняла различие между чистой евангелической верой и верой, испорченной выдумками людей. Ах, мальчик мой, если не ради своей души, то ради моих седин...

— Ладно, матушка, — прервал ее Кадди, — к чему поднимать столько шуму? Я всегда делал все, что вы мне велели; я ходил в церковь по воскресеньям, как вы хотели, и, кроме того, заботился о вас во все дни на неделе, а беспокоюсь я больше всего о том, как мне вас прокормить в это тяжелое время. Не знаю, смогу ли я пахать на каком-нибудь поле, кроме господского или Маклхема; ведь я никогда не работал на другой земле, и она не будет мне родной и знакомой. И ни один из окрестных землевладельцев не

осмелится взять нас к себе в поместье после того, что нас прогнали отсюда, как нонэнормистов.¹

— Нонконформистов, милый, — вздохнула Моз, — таким именем окрестили нас люди.

— Ну что ж! Придется уйти подальше, может за двенадцать или пятнадцать миль. Я мог бы служить, конечно, в драгунах, ведь я хорошо езжу на лошади и умею поиграть с палашом, но вы опять завопите о вашей горе и о ваших седилах (тут всхлипывания Моз заметно усилились). Ладно, ладно, не буду больше; вы слишком старая, чтобы трястись на обозной телеге вместе с Эппи Дамблен, капральской женой. Но что нам все-таки делать, вот уж не приложу ума! Придется, пожалуй, двинуться в горы, к диким вигам, как их называют, и тогда меня подстрелят как зайца или отправят на небо с пеньковым воротником на шее.

— Ах, милый мой Кадди! — воскликнула благочестивая Моз. — Воздержись от таких греховных, себялюбивых речей, которые не лучше, чем неверие в божественный промысл. «Не видел я сына праведника, просящего хлеб насущный», — сказано в священном писании; твой отец был хороший и честный человек, хотя, пожалуй, слишком привязанный к земным радостям, и тревожился, подобно тебе, счастье мое, лишь о бранных делах мира сего.

— Ну что ж, — сказал, поразмыслив, Кадди. — Я вижу лишь одно средство, но это то же, что дуть на остывший уголь. Вы, верно, кое-что знаете про дружбу мисс Эдит с мистером Генри Мортонем, которого зовут молодым Милнвудом; я несколько раз стносил от него к ней и обратно книжки, а может, и письма. Я делал вид, что ни о чем не догадываюсь, хотя очень хорошо понимал, в чем тут дело, — иногда полезно прикинуться дурачком; и частенько я видел, как они гуляли себе по тропинке у динглвудского ручейка. Но никто ни одного слова не слышал об этом от Кадди. Я знаю, у меня не бог весть какая голова на плечах, но я честен, как наш старый пере-

¹ Игра слов. Enormity — по-английски «гнусность».

довой вол, — бедняга, не придется мне больше работать с ним; надеюсь, что тот, кто заменит меня, будет о нем заботиться так же, как я. Так вот, я говорю, пойдем мы, матушка, с вами в Милнвуд и расскажем мистеру Гарри о нашей беде. Им нужен пахарь, и земля там похожа на нашу. Я уверен, что мистер Гарри возьмет мою сторону, потому что у него доброе сердце. Конечно, от его дяди, старого Ниппи Милнвуда, большого жалованья не жди: у него такие же цепкие лапы, как у самого черта. Но у нас все же будет немного хлеба, немножко капусты, и местечко у очага, и кров над головой, а что нам еще нужно на первое время. Итак, поднимайтесь, матушка, и собирайте-ка вещи: раз все равно придется уйти, лучше не ждать, пока старый Гьюдбил и мистер Гаррисон явятся сюда сами и вытолкают нас взащей.

Глава VIII

Никакого он черта не пуританин и вообще ничего определенного, а попросту угодатель.

«Двенадцатая ночь»

Был уже вечер, когда Генри Мортон увидел, что к усадьбе Милнвуд приближаются укутанная в клетчатый плед старая женщина и поддерживающий ее под руку дюжий, глуповатого вида парень в серой домотканой одежде. Старая Моз отвесила поклон Мортону, но Кадди первым обратился к нему. По дороге он условился с матерью, что по-своему поведет это дело; Кадди охотно склонялся перед ее умственным превосходством и с сыновней почтительностью слушался ее в обычных делах, но на этот раз он решительно заявил, что найти работу или добиться чего-нибудь в жизни он с его малым умишком сумеет, конечно, не в пример лучше ее, хоть она и может трещать о чем хочешь, не хуже любого священника.

В соответствии с их уговором он и начал беседу с Мртоном:

— Славный вечерок выдался нынче для ржи, ваша честь; западный участок здорово поднимется за ночь.

— Не сомневаюсь, Кадди; но что же привело сюда вашу матушку — ведь это она, не так ли? (Кадди кивнул.) Что же привело сюда вашу мать и вас, да еще в дождь и так поздно?

— По правде говоря, сударь, то, что заставляет старух пускаться в дорогу: нужда, сударь, нужда. Я ищу места, сударь.

— Места? В это время года? Что это значит?

Моз не могла дольше сдерживаться. Гордая от сознания, что страдает за правое дело, она начала в тоне подчеркнутого смирения:

— Небу было угодно, с позволения вашей чести, почтить нас посещением...

— Сам сатана в этой женщине, и ни крупинцы добра! — зашептал Кадди на ухо матери. — Если вы приметесь толковать о ваших треклятых вигах, никто во всей нашей округе не отважится отворить перед нами дверь своего дома. — Затем он громко заговорил, обращаясь к Мортону: — Моя мать стара, сударь, и она забылась в разговоре с миледи, которая не терпит, когда ей хоть немножко перечат (сколько я знаю, никто не любит, чтобы с ним спорили, раз может сам себе быть хозяином), особенно, сударь, когда ей перечат ее же люди, — и потом мистер Гаррисон, управитель, и мистер Гьюдйл, дворецкий, не очень-то жалуют нас, а знаете, плохо жить в Риме и ссориться с папой. Вот я и подумал, что лучше убраться подальше, пока одна беда не привела за собою другую; а потом у меня к вашей милости письмецо; оно, может быть, объяснит вам получше, зачем мы сюда пришли.

Мортон взял у Кадди записку и, покраснев до ушей от радости и неожиданности, прочел следующие слова: «Если вы поможете этим несчастным и беззащитным людям, то премного обяжете вашу Э. Б.»

Он был так взволнован, что не сразу собрался с мыслями; наконец он спросил:

— В чем ваша просьба, Кадди, и чем я мог бы помочь?

— Мне нужна работа, сударь, работа и кров для матери и для меня (у нас есть кое-какие вещи, чтобы обставиться, была бы только тележка перевезти их сюда), и еще мучица, и молоко, и овощи, — ведь я за столом не промах, да и матушка, дай бог ей здоровья, тоже; и потом немного деньжат, но тут уж решайте с хозяином сами. Я знаю, вы не дадите в обиду бедного человека, если сможете ему пособить.

Мортон покачал головой.

— Что касается пищи и крова, Кадди, то это, наверно, устроится; а вот насчет жалованья — тут дело нелегкое.

— Ну что ж, сударь, как там уж выйдет; все лучше, чем тащиться в Гамильтон или еще куда-нибудь и того дальше.

— Хорошо, Кадди, идите на кухню; я сделаю все, что смогу.

Предстоявшие Мортону переговоры были нелегкими. Ему пришлось уламывать сначала домоправительницу, которая привела тысячу возражений с единственной целью доставить себе удовольствие выслушать просьбы и увещания; после того, как удалось наконец преодолеть сопротивление с ее стороны, было уже сравнительно просто уговорить старого Милнвуда взять в дом работника, тем более что платить ему он мог по своему усмотрению.

Моз и ее сыну отвели под жилье помещение в одной из пристроек, и было решено, что, пока они не обзаведутся своим хозяйством, их допустят к скромной трапезе, за которой собирались все слуги Милнвуда. Что касается Мортонна, то он употребил содержимое своего тощего кошелька на подарок Кадди «для обзаведения», как он при этом сказал, и это может служить доказательством глубокого уважения к той, которая поручила его заботам несчастных изгнанников.

— Вот мы и устроились, — сказал Кадди матери, — и если нам не так хорошо и удобно, как прежде, жизнь есть жизнь, где бы ты ни был; а главное, мы

с благочестивыми и богобоязненными людьми той же веры, что ваша, и споров о ней у вас, матушка, больше не будет.

— Моей веры, медовый мой! — воскликнула его свехрученая мать. — Горе мне с твоей и их слепотой! Ах, Кадди, да ведь они в стане язычников и, я думаю, никогда не выберутся оттуда; они почти что не лучше, чем прелатисты. Они слушают наставления этого заблудшего человека, Питера Паундтекста, который был некогда достойнейшим проповедником слова господня, а теперь стал вероотступником и за жалованье, чтобы прокормить себя и семью, покинул праведную стезю и пошел за этой черной индульгенцией. О сын мой! Если бы ты проникся евангельской проповедью, которую слушал в долине Бенгонара, когда там говорил наш незабвенный Ричард Рамблбери, этот сладчайший юноша, приявший мученический венец на Сенном рынке незадолго до сретенья! Неужели ты не запомнил — а ведь он говорил об этом не раз, — что эрастианство так же мерзостно, как прелатизм, а индульгенция так же мерзостна, как эрастианство?

— Да слыханное ли это дело! — прервал ее Кадди. — Нас выгонят и отсюда, и нам некуда будет приткнуться. Вот, матушка, мое последнее слово: если я услышу хоть раз, что вы подымаете крик (на людях, конечно; мне ваша болтовня нипочем, меня от нее клонит ко сну), так вот, если я услышу еще разок такой крик на людях из-за разных там Паундтекстов, и Рамблбери, и всяких вер, и всяких мошенников, я сделаюсь солдатом, а кто знает, может быть и сержантом и капитаном, когда вы не перестанете мне надоедать, и пусть Рамблбери вместе с вами отправится к самому черту. Никакого проку не видал я в его наставлениях и ничего через них не добыл, разве что колики в животе — ведь битых четыре часа просидел я на сыром мху, пока шло ваше собрание; а потом леди лечила меня своим снадобьем, и когда б она знала, с чего я заполучил эту болезнь, она, верно, не торопилась бы выгнать ее своими лекарствами.

Вздыхая в душе над тем, что ее Кадди такой закоснелый и нераскаянный грешник, Моз, однако, не смела больше затрагивать в разговорах с ним запретную тему и хорошо запомнила выслушанное ею предупреждение. Она достаточно хорошо знала характер своего покойного мужа, на которого этот благополучно здравствующий залог их союза был очень похож; она помнила и о том, что, хотя ее супруг в большинстве случаев беспрекословно склонялся пред ее умственным превосходством, все же порою и у него, когда он выходил из себя, случались припадки упрямства, и тогда не помогали ни убеждения, ни угрозы, ни ласки. Трепеща поэтому, как бы Кадди и в самом деле не надумал пойти в драгуны, она прикусила язык и, даже слушая похвалы Паундтексту, как красноречивому и способному проповеднику, сохраняла в себе достаточно здравого смысла, чтобы удержать готовую сорваться с языка гневную отповедь, выражая клокотавшее в ней возмущение только тяжкими вздохами, которые ее собеседники сочувственно приписывали ее взволнованным воспоминаниям о наиболее патетических местах его поучений. Трудно сказать, как долго удавалось бы ей подавлять свои истинные чувства и мысли. Неожиданный случай избавил ее от этой необходимости.

Владелец Милнвуда строго придерживался старинных порядков, если они способствовали соблюдению экономии. По этой причине в его доме все еще продолжал сохраняться старый обычай, лет за пятьдесят до того повсеместно распространенный в Шотландии и заключающийся в том, что слуги, принеся с кухни кушанья, садились в нижней части стола и обедали вместе со своими хозяевами. Итак, на следующий день после переселения Кадди и на третий с начала нашего повествования старый Робин, исполнявший в усадьбе Милнвуда обязанности дворецкого, камердинера, ливрейного лакея, садовника и кого только угодно, поставил на стол огромную миску похлебки, заправленной овсяной мукой и капустой, причем в океане жидкости наиболее усердные наблюдатели заметили смутные очертания двух-трех тощих

бараньих ребрышек, появлявшихся время от времени на поверхности. Две огромные корзины, одна — с хлебом из ячменной муки пополам с гороховую, вторая — с овсяными лепешками, служили дополнением к этому неизменному блюду. Крупный отварной лосось в наши дни указывал бы на то, что здесь живут на широкую ногу, но в прежние времена эта рыба ловилась во всех сколько-нибудь значительных реках Шотландии, и в таком количестве, что лососину не только не считали деликатесом, но кормили ею главным образом слуг, которые, говорят, нередко ставили даже условием, чтобы им не давали такую приторную и надоевшую пищу свыше пяти раз в неделю. Объемистый мех с очень слабым пивом собственной варки был отдан в распоряжение всех обедающих, так же как лепешки, хлеб и похлебка; что до баранины, то она полагалась лишь господам, включая в их число и миссис Уилсон. Только для господ был поставлен с краю и серебряный кувшин с элем, имевшим некоторое право на это название. Огромный круг сыра из овечьего молока, смешанного с коровьим, а также миска с соленым маслом предназначались для всех.

В верхнем конце стола, чтобы почтить эту изысканную трапезу своим присутствием, восседал сам владелец поместья, с племянником по одну руку и любезной его сердцу домоправительницей по другую. На довольно большом расстоянии и, разумеется, как повелось издавна, ниже солонки, сидел старый Робин, худой, изможденный слуга, скрюченный и изувеченный вконец ревматизмом, и рядом с ним неряшливая, всегда неопрятная горничная, сделавшаяся с течением времени совершенно бесчувственной к ежедневной брани и понуканиям, которыми осыпали ее хозяин и его верная домоправительница по причине ее беспечного нрава. Тут были еще молотильщик, седой пастух, на попечении которого находилось стадо коров, и только что нанятый пахарь Кадди со своей матерью. Остальные работники поместья Милнвуд жили своим хозяйством и были счастливы хотя бы уже потому, что свою столь же простую еду могли есть спокойно

и досыта, избавленные от наблюдения острых и жадных серых глазок Милнвуда, которые измеряли, казалось, количество пищи, проглатываемой каждым из его подчиненных, и следили за каждым куском ее от губ до желудка. Это пристальное наблюдение было явно не в пользу Кадди, который вследствие быстроты, с какою исчезало пред ним все съестное, вызвал неприязнь в своем новом хозяине. Милнвуд то и дело отводил глаза от не в меру усердного едока, чтобы устремить негодующий взгляд на племянника, отвращение которого к сельским работам было главной причиной необходимости в пахаре и на которого ложилась прямая ответственность за наем этого чудовищного обжоры.

«И еще платить тебе жалованье? Черта с два! — думал Милнвуд. — За неделю ты у меня наешь больше, чем наработаешь в месяц».

Эти невеселые размышления были прерваны громким и настойчивым стуком в ворота. Повсюду в Шотландии было принято во время обеда держать ворота усадьбы, а если их не было, то входную дверь в доме накрепко запертыми, и только важные гости или те, кого привело неотложное дело, позволяли себе домогаться, чтобы их приняли в эту пору.¹ Вот почему и хозяев и домочадцев удивил этот неожиданный стук, и так как времена были смутные, он даже немного встревожил их, тем более что колотили в ворота властно и очень настойчиво. Миссис Уилсон встала из-за стола и собственной персоной поспешила к воротам; но, разглядев через щелку, которая для этого прорезалась в дверях большинства шотландских домов, кто виновники грохота, торопливо возвратилась назад, обьятая ужасом и всплескивая руками: «Красные куртки, красные куртки!»

— Эй, Робин! Пахарь, как тебя там? Молотильщик! Племянник Гарри! Откройте ворота, да поскорее! — восклицал старый Милнвуд, поспешно хватая и засовывая в карман две-три серебряные ложки, которыми был сервирован верхний конец стола, тогда как ниже

¹ Это было правило хорошего тона. (Прим. автора.)

солонки полагались лишь честные роговые. — Будьте приветливы, господа, ради самого бога, будьте приветливы с ними; им недолго и покалечить. О, мы ограблены, мы ограблены!

Пока слуги отворяли ворота и впускали солдат, отводивших душу проклятиями и угрозами по адресу тех, кто заставил их зря прождать столько времени, Кадди успел шепнуть на ухо матери:

— А теперь, сумасшедшая вы старуха, оглохните, как колода, — ведь и я до этого времени бывал глух к вашим словам, — и дайте мне говорить за вас. Я не желаю вкладывать свою шею в петлю из-за болтовни старой бабы, даже если она моя мать.

— Медовый мой, милый, я помолчу, чтобы не напортить тебе, — зашептала в ответ старая Моз. — Но помни, мой дорогой, что кто отречется от слова, от того и слово отречется...

Поток ее увещаний был остановлен появлением четырех лейб-гвардейцев во главе с Босуэлом.

Они вошли, производя страшный грохот подкованными каблуками необъятных ботфуртов и волочащимися по каменному полу длинными, с широким эфесом, тяжелыми палашами. Милнвуд и домоправительница тряслись от страха, так как хорошо знали, что такие вторжения обычно сопровождаются насилиями и грабежами. Генри Мортону было не по себе в силу особых причин: он твердо помнил, что отвечает перед законом за предоставление убежища Берли. Сирая и обездоленная вдова Моз Хедриг, опасаясь за жизнь сына и одновременно подхлестываемая своим неугасимым ни при каких обстоятельствах пылом, упрекала себя за обещание молча сносить надругательства над ее религиозными чувствами и потому волновалась и мучилась. Остальные слуги дрожали, поддавшись безотчетному страху. Один Кадди, сохраняя на лице выражение полнейшего безразличия и непроницаемой тупости, чем шотландские крестьяне пользуются порою как маской, за которой обычно скрываются сметливость и хитрость, продолжал усердно расправляться с похлебкой. Придвинув миску, он оказался полновластным хозяином ее

содержимого и вознаградил себя среди всеобщего замешательства семикратною порцией.

— Что вам угодно, джентльмены? — спросил Милнвуд, униженно обращаясь к представителям власти.

— Мы прибыли сюда именем короля, — ответил Босуэл. — Какого же черта вы заставили нас так долго торчать у ворот?

— Мы обедали, и дверь была на запоре, как это принято у здешних домохозяев. Когда бы я знал, что у ворот — верные слуги нашего доброго короля... Но не угодно ли отведать немного элю, или, быть может, бренди, или чарку канарского, или кларета? — спросил он, делая паузу после каждого предложения не менее продолжительную, чем скаредный покупатель на торгах, опасющийся переплатить за облюбованную им вещь.

— Мне кларета, — сказал один из солдат.

— А я предпочел бы элю, — сказал второй, — разумеется, если этот напиток и впрямь в близком родстве с Джоном Ячменным Зерном.

— Лучшего не бывает, — ответил Милнвуд, — вот о кларете я не могу, к несчастью, сказать то же самое. Он жидковат и к тому же слишком холодный.

— Дело легко поправимое, — вмешался третий солдат, — стакан бренди на три стакана вина начисто предупреждает урчание в животе.

— Бренди, эль, канарское или кларет? А мы отведаем всего понемногу, — изрек Босуэл, — и присоемся к тому, что окажется лучшим. Это не лишено смысла, хоть и сказано каким-то распроклятым шотландским вигом.

Поспешно, хотя и не без дрожи в руках, Милнвуд вытащил из кармана два увесистых, громадных ключа и вручил их домоправительнице.

— Домоправительница, — заявил Босуэл, придвигая стул и бесцеремонно усаживаясь, — не слишком молода и не такая уж раскрасавица, чтобы кто-нибудь испытывал искушение сопровождать ее в погреб, и, черт меня побери, не вижу тут никого, кто бы мог ее заменить. Это что? (Шаря вилкой в миске

с похлебкой и вылавливая баранье ребрышко.) Никак мясо? Я возьму, пожалуй, кусочек-другой! Но оно жесткое, словно его произвела на свет сама чертова матушка!

— Если в доме найдется что-нибудь лучшее, сэр... — забеспокоился Милнвуд, встревоженный этими симптомами недовольствия.

— Нет, нет, нам не до этого, — сказал Босуэл, — пора переходить к делу. Вы посещаете Паундтекста, пресвитерианского пастора, не так ли, мистер Мортон?

Мистер Мортон поспешил утвердительно ответить на этот вопрос и начал торопливо оправдываться:

— Согласно индульгенции, дарованной его все-милостивейшим величеством и нашим правительством, — ведь я ни за что не сделал бы ничего не дозволенного законом; и потом, знаете, я вовсе не против умеренного епископства: я человек деревенский, а наши пасторы будут попроще, так что их поведение как-то понятнее; и, с вашего разрешения, сэр, эта мера правительства сберегла немало денег в стране.

— Ладно, меня это нисколько не касается, — отозвался Босуэл, — они получили индульгенцию, и делу конец; что до меня, то если бы я сочинял законы, ни один лопухий поп изо всей этой своры никогда бы не лаял с кафедры в нашей Шотландии. Впрочем, я повинуюсь приказам. А, вот и напитки: ставьте-ка их сюда, моя славная матушка, да поближе.

Он вылил добрую половину бутылки, вмещавшей целую кварту кларета, в деревянную чашку и осушил ее до последней капли.

— Вы зря хулили свое вино, друг мой; оно превосходно и лучше вашего бренди, но и бренди совсем недурное. Давайте-ка выпьем с вами за здоровье его величества короля!

— С удовольствием, — сказал Милнвуд, — но я, знаете, не пью ничего, кроме эля, а кларета держу самую малость для моих distinguished друзей.

— Вроде меня, не так ли? — заметил Босуэл. — Раз так, — продолжал он, протягивая бутылку

Генри, — раз так, молодой человек, за здоровье его величества короля!

Генри молча наполнил вином стакан средних размеров, не обратив внимания на толчки и намеки дяди, как видно желавшего, чтоб он последовал его примеру и предпочел пиво кларету.

— Превосходно, — сказал Босуэл. — Ну, а как обстоят дела с остальными? Что там за старуха? Дайте и ей стакан бренди, пусть и она выпьет за здоровье его величества.

— С позволения вашей чести, — произнес Кадди, устремив на Босуэла тупой и непроницаемый взгляд, — то моя матушка, сударь; она такая же глухая, как Кора-Линн, и, как ни бейся, ей все равно ничего не втолкуешь. С позволения вашей чести, я охотно выпью вместо нее за здоровье нашего короля и пропущу столько стаканчиков бренди, сколько вам будет угодно.

— Готов поклясться, парень говорит сухую правду! — воскликнул Босуэл. — Ты и впрямь похож на любителя пососать бренди. Вот и отлично, не теряйся, приятель! Где я, там всего вволю. Том, налей-ка девчонке добрую чарочку, хоть она, как мне сдается, неряха и недотрога. Ну что ж, выпьем еще, и эту чарку — за нашего командира, полковника Грэма Клеверхауза! Какого черта ворчит эта старая? По виду она из самых отъявленных вигов, какие когда-либо жили в горах. Ну как, матушка, отрекаетесь ли вы от своего ковенанта?

— Какой ковенант изволит ваша честь разумыть? Существует ковенант труда, существует и ковенант искупления? — поторопился вмешаться Кадди.

— Любой ковенант, все ковенанты, какие только не затевались, — ответил сержант.

— Матушка! — закричал Кадди в самое ухо Моз, изображая, будто имеет дело с глухою. — Матушка, джентльмен хочет узнать, отрекаетесь ли вы от ковенанта труда?

— Всей душой, Кадди, — ответила Моз, — и молю господу бога, чтобы он уберег меня от сокрытой в нем западни,

— Вот тебе на, — заметил Босуэл, — не ожидал, что старуха так здорово вывернется. Ну... выпьем еще разок вкруговую, а потом к делу. Вы уже слышали, полагаю, об ужасном и зверском убийстве архиепископа Сент-Эндрю? Его убили десять или одиннадцать вооруженных фанатиков.

Все вздрогнули и переглянулись; наконец Милнвуд нарушил молчание:

— Мы уже слышали об этом несчастье, но надеялись, что слух о нем ложен.

— Вот опубликованное сегодня официальное сообщение. Я хочу знать, старина, что вы думаете об этом.

— Что я думаю, сэр? Все, что соблаговолит думать Тайный совет, — пробормотал Милнвуд.

— Я желаю, друг мой, чтобы вы высказались с большей определенностью, — произнес повелительным тоном драгун.

Глаза Милнвуда впились в бумагу, чтобы поспешно извлечь из нее наиболее сильные выражения, которыми она изобиловала, в чем немало ему помогло то обстоятельство, что она была отпечатана жирным шрифтом.

— Я думаю, что это — кровавое и мерзостное... убийство и злодейство... измышленное адской и неумолимой жестокостью... в высшей степени отвратительное и что это позор для нашей страны.

— Хорошо сказано, старина! — одобрительно заметил допрашивающий, — я рад вашим благонамеренным взглядам. Вы обязаны мне благодарственной чашей за все, чему я вас научил. Нет, дружок, ты выпьешь со мной свое собственное канарское — кислому элю совсем не место в столь верноподданном желудке. А теперь ваша очередь, молодой человек; что вы думаете об интересующем меня деле?

— Я бы без возражений ответил на это, — сказал Генри, — если бы знал, на основании каких полномочий вы устроили этот допрос?

— Сохрани и помилуй нас боже! — заволновалась старая домоправительница. — Говорить такие вещи солдату, когда всему свету известно, что с любым

мужчиной, и с любой женщиной, и со скотиною, и со всем остальным они поступают как им захочется!

Старый Милнвуд с неменьшим ужасом воспринял дерзость племянника:

— Опомнитесь, сударь, и соблаговолите отвечать джентльмену как полагается. Или в лице сержанта лейб-гвардии вы намерены оскорблять королевскую власть?

— Молчать! — вскричал Босуэл, ударяя кулаком по столу. — Молчать и слушать меня. Вы спрашиваете, располагаю ли я полномочиями, чтобы учинять вам допрос, сэр, — сказал он, обращаясь к Генри. — Моя кокарда и мой палаш — вот мои полномочия, и притом несравненно более веские, нежели те, которыми старый Нол снабжал некогда круглоголовых; впрочем, если вы горите желанием узнать об этом подробнее, вам не возбраняется заглянуть в приказ, изданный Тайным советом и поручающий офицерам и солдатам его величества производить обыски, а также допрашивать и задерживать подозрительных лиц. Вот на каком основании я повторно обращаю к вам тот же вопрос: что вы думаете об убийстве архиепископа Шарпа? Это пробный камень новейшего образца, и на нем мы испытываем металл, из которого отлиты наши люди.

Генри, обдумав положение, успел прийти к выводу, что было бы неразумно подвергать риску благополучие всего дома, оказывая сопротивление тиранической власти, доверенной таким решительным и грубым рукам. Поэтому он внимательно прочел сообщение об убийстве примаса и спокойно ответил:

— Скажу, не колеблясь, что исполнители этого злодейского преступления содеяли безрассудное и вредное дело, о котором я сожалею тем более, что предвижу в качестве последствий его гонения на многих ни в чем не повинных людей, столь же непричастных к нему и столь же далеких от его одобрения, как далек от этого, скажем, я.

Пока Генри произносил эти слова, Босуэл, не сводивший с него своего острого взгляда, припомнил наконец, где он видел те же черты лица.

— Так вот оно что! Капитан Попки! Старый приятель! Верно, нам с вами довелось уже как-то встретиться, и вы, помнится, были в весьма подозрительном обществе.

— Однажды я вас действительно видел, — ответил Генри, — это было в трактире, в городке ***.

— А с кем вы покинули этот трактир, мой мальчик? Не с Джоном ли Белфуром Берли, одним из убийц архиепископа?

— Да, я покинул трактир с названным вами лицом, — ответил Генри, — я считал бы недостойным отрицать это, но тогда я не знал, что Белфур — убийца примаса, как не знал и того, что свершилось это ужасное преступление.

— Боже спаси и помилуй меня! Я разорен! Разорен окончательно и бесповоротно! Он пустил меня по миру! — принялся причитать старый Милнвуд. — Язык этого молодца будет звенеть без умолку, пока его голова не скатится с плеч! Он добьется своего: они отнимут все, что у меня есть, вплоть до серого плаща, прикрывающего мне спину!

— Но вы знали, что Берли, — продолжал Босуэл, обращаясь к Генри и оставляя без внимания горестные восклицания его дяди, — вы знали, что Берли — объявленный вне закона мятежник, а также преступник; вы знали о запрещении иметь дело с подобными личностями, вы знали, что вам, как верноподданному, возбраняется укрывать или снабжать чем бы то ни было этого избалованного властями государственного преступника, а также общаться с ним, сноситься устно, письменно или через третьих лиц, возбраняется под угрозой строжайшего наказания доставлять ему пищу, питье, кров, убежище или прочие средства к существованию, — обо всем этом вы знали и тем не менее преступили закон.

Генри молча слушал Босуэла.

— Где вы расстались с ним? На большой дороге или, чего доброго, укрыли его в этом доме?

— В этом доме! — вскричал Милнвуд. — Да я бы свернул ему шею, если бы он осмелился привести ко мне в дом государственного преступника.

— А он? Решится ли он утверждать, что не сделал этого? — спросил Босуэл.

— Поскольку мне вменяется это в вину, — ответил Генри, — вы не без удовольствия услышите от меня признание, которым я изобличу сам себя.

— О мои милнвудские земли! О кровные мои земли! На протяжении двухсот лет вы находились во владении Мортонов! — восклицал его дядюшка. — Где они, эти земли? Они были, да сплыли, они рассыпаются в прах, и пахота, и уголья, и поля, и заливные луга у реки!

— Нет, сэр, — сказал Генри, — вы не пострадаете из-за меня. Я один, — продолжал он, повернувшись к Босуэлу, — я один, без каких-либо соучастников, приютил этого человека на ночь, ибо Берли — старый боевой товарищ отца. Я сделал это не только без ведома дяди, но, больше того, наперекор его прямым приказаниям. Надеюсь, что если этого показания достаточно для моего осуждения, оно должно быть достаточным и для доказательства невиновности дяди.

— Молодой человек, — сказал сержант более мягким тоном, — вы производите приятное впечатление, и я вас жалею; да и ваш дядюшка — славный, отчаянно храбрый старикан, который, я вижу, больше любит гостей, чем себя, так как, потчует нас отменным вином, сам довольствуется дрянным элем, — расскажите все, что вы знаете относительно этого Берли, что сказал он вам на прощание, куда отправился и где его можно искать; и, черт подери, я закрою глаза на ваше участие в этом деле, насколько позволит мой долг. За голову этого окаянного вига дают тысячу мерков; ах, если б только напасть на его след! Ну, не будем тянуть! Где вы расстались с ним?

— Извините, но я не могу ответить на ваш вопрос, сударь, — сказал Мортон, — те же побудительные причины, которые принудили меня предоставить ему ночлег, несмотря на значительный риск для меня и моих друзей, требуют, чтобы я свято хранил его тайну, в случае если бы он и в самом деле доверился мне.

— Значит, вы не желаете отвечать? — спросил Босуэл.

— Мне нечего вам ответить, — сказал Генри.

— Быть может, я смогу подсказать вам ответ, приложив кусочек зажженного фитиля к вашим пальцам, — проговорил Босуэл.

— Ради всего святого, сударь, — взмолилась старая Элисон, обращаясь к Милнвуду, — дайте им денег — они только этого и хотят! Они замучают мистера Генри, а потом наступит и ваш черед!

Милнвуд в смятении и душевной горести разразился сетованиями и стонами; наконец голосом человека, испускающего последний вздох, он воскликнул:

— Если ф... ф... фунтов двадцать, покончат с этим тягостным делом...

— Хозяин, — вкрадчиво сказала Босуэлу Элисон, — даст двадцать фунтов стерлингов...

— Двадцать шотландских фунтов, вы, старая сука! — завопил Милнвуд; скаредность заставила его забыть о пуританской точности в выражениях и об обычной вежливости в обращении к домоправительнице.

— Фунтов стерлингов, — продолжала настаивать Элисон, — если вы согласитесь снисходительно отнестись к проступку нашего мальчика; ведь он упрямец, и вы можете резать его на куски, и все же не вырвете из него ни одного слова; я уверена, что, если вы припалите ему его милые пальчики, то от этого вам большого прибытку не будет!

— Так, так — сказал Босуэл, колеблясь, — право, не знаю, что делать; большинство моих однополчан взяли бы деньги, а заодно прихватили бы с собой и арестованного, но у меня есть совесть, и если ваш хозяин присоединяется к вашему предложению и готов поручиться за своего племянника; если к тому же весь дом даст присягу, я, право, не знаю...

— Да, да, сударь! Разумеется, сударь! — вскричала миссис Уилсон. — Любую присягу, любую клятву, какую вам будет угодно! И, повернувшись к хозяину, она зашептала: — Идите, сударь, поторапливайтесь, несите поскорей деньги, или у нас на глазах они сожгут дотла дом.

Побуждаемый жестокой необходимостью, старый Милнвуд окинул горестным взглядом свою советницу и пошел, как фигурка в голландских часах, выпускать на свободу своих заключенных в темнице ангелов. Между тем сержант Босуэл принялся приводить к присяге остальных обитателей усадьбы Милнвуд, проделявая это, само собой, с почти такой же торжественностью, как это происходит и посейчас в таможнях его величества.

— Ваше имя, женщина?

— Элисон Уилсон, сударь.

— Вы, Элисон Уилсон, торжественно клянетесь, подтверждаете и заявляете, что считаете противозаконным для верноподданного вступать под предлогом церковной реформы или под каким-либо иным в какие бы то ни было лиги и ковенанты...

В это мгновение церемонию присяги нарушил спор между Кадди и его матерью, которые долго шептались и вдруг стали изъясняться во всеуслышание.

— Помолчите вы, матушка, помолчите! Они не прочь кончить миром. Помолчите же наконец, и они отлично поладят друг с другом.

— Не стану молчать, Кадди, — ответила Моз. — Я подыму свой голос и не буду таить его; я изобличу человека, погрязшего во грехе, даже если он облачен в одежду алого цвета, и мистер Генри будет вырван словом моим из тенет птицелова.

— Ну, теперь понеслась, — сказал Кадди, — пусть удержит ее, кто сможет, я уже вижу, как она трясется за спиною драгуна по дороге в Толбутскую тюрьму; и я уже чувствую, как связаны мои ноги под брюхом у лошади. Горе мне с нею! Ей только приоткрыть рот, а там — дело конченное! Все мы — пропащие люди, и конница и пехота!

— Неужто вы думаете, что сюда можно явиться... — заторопилась Моз; ее высохшая рука тряслась в такт с подбородком, ее морщинистое лицо пылало отвагой религиозного исступления; упоминание о присяге освободило ее от сдержанности, навязанной ей собственным благоразумием и увещаниями Кадди. — Неужто вы думаете, что сюда можно явиться с ва-

шими убивающими душу живую, святотатственными, растлевающими совесть проклятиями, и клятвами, и присягами, и уловками, со своими тенетами и ловушками, и силками? Но воистину все расставлены сети на глазах птицы.

— Так вот оно что, моя милая! — сказал сержант. — Поглядите-ка, вот где, оказывается, всем вигам виг! Старуха обрела и слух и язык, и теперь мы, в свою очередь, оглохнем от ее крика. Эй ты, успокойся! Не забывай, старая дура, с кем говоришь.

— С кем говорю! Увы, милостивые государи, вся скорбная наша страна слишком хорошо знает, кто вы такие. Злобные приверженцы прелатов, гнилые опоры безнадежного и безбожного дела, кровожадные хищные звери, бремя, тяготящее землю...

— Клянусь спасением души! — воскликнул Босуэл, охваченный столь же искренним изумлением, как какой-нибудь дворовый барбос, когда на него насккивает куропатка, защищающая своих птенцов. — Ей-богу, никогда еще я не слыхивал таких красочных выражений! Не могли бы вы добавить еще что-нибудь в этом роде?

— Добавить еще что-нибудь в этом роде? — подхватила Моз и, откашлявшись, продолжала: — О, я буду ратовать против вас еще и еще. Филистимляне вы и идумеи, леопарды вы и лисицы, ночные волки, что не гложут костей до утра, нечестивые псы, что умышляют на избранных, бешеные коровы и яростные быки из страны, что зовется Васан, коварные змеи, и сродни вы по имени и по природе своей большому красному дракону. (Откровение святого Иоанна, глава двенадцатая, стих третий и четвертый.)

Тут старая женщина остановилась — не потому, разумеется, что ей нечего было добавить, но чтобы перевести дух.

— К черту старую ведьму! — воскликнул один из драгунов. — Заткни ей рот кляпом, и прихвати ее с собой в штаб-квартиру.

— Постыдись, Эндрю, — отозвался Босуэл, — ты забываешь, что наша старушка принадлежит к прекрасному полу и всего-навсего дала волю своему

язычку. Но погодите, дорогая моя, ни один васанский бык и ни один красный дракон не будет столь терпелив, как я, и не сетуйте, если вас передадут в руки констебля, а он вас усадит в подобающее вам кресло. А пока что я должен препроводить молодого человека к нам в штаб-квартиру. Я не могу доложить моему офицеру, что оставил его в доме, где мне пришлось столкнуться лишь с изменой и фанатизмом.

— Смотрите, матушка, что вы наделали, — зашептал Кадди, — филистимляне, как вы их окрестили, собираются взять с собой мистера Генри, и все ваша дурацкая болтовня, черт бы ее побрал.

— Придержи язык, трус, — огрызнулась Моз, — и не суйся со своими упреками! Если ты и эти ленивые объедалы, что расселись здесь, пуча глаза, как корова, раздувшаяся от клевера, приметесь ратовать руками за то, за что я ратовала моим языком, им не утащить в тюрьму этого драгоценного юношу.

Пока происходил этот диалог, солдаты успели окружить своего пленника. Но тут вошел Милнвуд; встревоженный тем, что увидел, он поспешил, хотя и не без тяжких вздохов, протянуть Босуэлу кошелек с золотом, которое он обязался внести как выкуп за племянника. Сержант взял кошелек с видом полного равнодушия, взвесил его на руке, подбросил вверх и поймал его на лету; затем покачал головой и сказал:

— В этом гнездышке с желтыми птенчиками много веселых и беззаботных ночей, но, черт побери, мне не хочется рисковать ради них — уж слишком громко разглагольствовала тут эта старуха, и к тому же перед столькими свидетелями. Послушайте, старина, я обязан доставить вашего племянника в штаб-квартиру, а потому не могу, по совести, взять сверх того, что полагается за хорошее обращение с арестованным.

Развязав кошелек, он дал солдатам по золотому, взяв себе три.

— Теперь, — сказал он, — вы можете утешаться сознанием, что ваш родственник, юный Капитан Попки, — в хороших руках и что с ним будут учтивы и обходительны. Остаток денег я вам возвращаю.

Милнвуд жадно протянул руку.

— Только вы, конечно, осведомлены, — продолжал Босуэл, играя по-прежнему кошельком, — что всякий землевладелец отвечает за добропорядочность и верноподданническое поведение своих домочадцев и слуг, а также, что мои товарищи и подчиненные отнюдь не обязаны умалчивать о превосходной проповеди, которую мы выслушали от этой старой и закоснелой пуританки в клетчатом плеле; и я вас заранее предупреждаю, что, если кто-нибудь донесет о случившемся, Тайный совет наложит на вас изрядный денежный штраф.

— Мой добрый сержант, мой дорогой и уважаемый капитан, — воскликнул вконец перепуганный скряга, — я ручаюсь, что в моем доме нет никого, кто мог бы нанести вам оскорбление!

— Ошибаетесь, — отозвался Босуэл, — сейчас вы услышите, как она примется ратовать, — она сама называет так свои разглагольствования. Ну, приятель, — бросил он Кадди, — отойди-ка в сторонку, и пусть твоя мамаша выскажется от всего сердца. Я вижу, она снова поджала губы и снова заряжена, как перед своим первым залпом.

— Милостивый лорд, благородный сэр, — сказал Кадди, — язык старой бабы — да ведь это пустое дело, чтобы поднимать из-за него столько шума. Ни мой покойный отец, ни я никогда не прислушивались к болтовне моей матери.

— Погоди, дружок, ты и сам хорош, — оборвал Кадди Босуэл, — честное слово, ты не так прост, как хотел бы казаться. Ну, старая, вы слышите, ваш хозяин не хочет верить, что вы способны так блистательно ратовать.

Моз нуждалась, пожалуй, лишь в этом ударе шпорой, чтобы понестись, закусив удила.

— Горе отступникам и любострастным корыстолюбцам, — возгласила она, — которые грязнят и обрекают гибели свою совесть, склоняясь перед нечестивыми требованиями и предаваясь гнусной мамоне сынов Велиала, лишь бы жить с ними в мире. Это — греховное попустительство, это — подлый союз с врагом! Это — зло, содеянное Менаимом на глазах

господа, когда он вручил Фулу, царю ассирийскому, тысячу талантов серебра, чтобы рука его помогла ему. (Книга вторая Царств, глава пятнадцатая, стих девятнадцатый.) Это — зло, содеянное также Ахавом, пославшим деньги Феглаффелассару. (Смотри ту же вторую книгу Царств, глава шестнадцатая, стих восьмой.) И если был осужден, как вероотступник, даже благочестивый Езекия, склонившийся перед Сеннахиримом, дав ему денег и обещая внести, что будет наложено на него (смотри ту же вторую Книгу Царств, главу восемнадцатую, стих четырнадцатый и пятнадцатый), то не иначе будет и с теми из нашего косного и вероотступнического поколения, кто вносит подати, и налоги, и поборы, и штрафы алчным и неправедным мытарям, и оплачивает жалованье наймитам священникам (этим безгласным псам, которые даже не лают, но дремлют, возлежа среди всякия скверны, ибо больше всего любят покой), потворствует их вымогательствам и задаривает их для того, чтобы они могли быть пособниками и слугами наших угнетателей и мучителей. Все они нисколько не лучше, чем пребывающие во вражеском стане, чем те, кто готовит яства для войска и предлагает жертвенные напитки сонмам.

— Вот, мистер Мортон, чудеснейший образец их верований! Как вы относитесь к ним? Или вы думаете, что к ним одобрительно отнесется Тайный совет? Полагаю, что самое главное мы можем унести в голове, не прибегая к мелкам и дощечкам, какие вы таскаете с собой на ваши молитвенные собрания. Эндрю, как ты считаешь, не призывает ли она к отказу от уплаты налогов?

— Именно так, ей-богу, — ответил Эндрю, — и она клялась, что угостить солдата кружкою эля и посадить его с собою за стол — превеликий грех.

— Вы слышите, — продолжал Босуэл, обращаясь к Милнвуду, — впрочем, все это меня не касается, дело ваше. — И он равнодушно протянул кошелек, успевший приметным образом отошать.

Милнвуд, ошеломленный всеми свалившимися на него бедами, машинально протянул руку за кошельком.

— Да вы сумасшедший, — зашептала в страхе домоправительница, — скажите, что вы отдаете им эти деньги; все равно они оставят их у себя, добром или силою; и единственная наша надежда, что, получив их, они наконец успокоятся.

— Не могу, не в силах сделать это своею рукой, Эли, — сказал в изнеможении Милнвуд, — не в силах расстаться с деньгами, которые столько раз пересчитывал, не могу отдать их этим слугам самого сатаны.

— Раз так, я сделаю это сама, Милнвуд, — сказала домоправительница, — иначе все у нас пойдет прахом... Мой хозяин, сэр, — обратилась она к Босуэлу, — не может и думать о том, чтобы хоть что-нибудь взять назад из рук такого почтенного джентльмена, как вы; он умоляет вас принять эти деньги и быть с его племянником таким добрым, каким только вы сможете быть, а также благожелательным в докладе начальству о духе нашего дома, и еще он просит не делать нам зла из-за дурацкой болтовни этой старой кобылы (тут она надменно посмотрела на Моз, чтобы хоть чем-нибудь вознаградить себя за усилия, которых стоили ей любезности, расточаемые солдатам), этой старой, полоумной смутьянской дряни. До вчерашнего вечера (пропади она пропадом!) она не жила в нашем доме и никогда больше не переступит его порога, как только я выгоню ее вон.

— Беда, беда, — зашептал Кадди на ухо матери, — всегда то же самое! Я так и знал, что нам снова придется пуститься в дорогу, если вы раскроете рот и произнесете два-три слова подряд. Я был уверен, что другому и не бывать, матушка.

— Помолчи, сынок, — сказала Моз, — и не ропщи на наш крест. Никогда не переступит порога! Да я и сама не захочу переступить их порог. На дверях этого дома не начертано знака, чтобы ангел мщения миновал его. И они будут поражены от руки его, ибо думают много о тварях и не думают о творце, радуют о благах земных, а не о поруганном ковенанте, о кружках из желтого кала, а не о чистом золоте слова господня, о друзьях и родне, а не об избранных, коих преследуют и поносят, гонят, выслеживают, ловят,

хватают, бросают в темницы, терзают, ссылают, обезглавливают, вешают, кромсают, четвертуют, не говоря уже о сотнях других, принужденных покинуть дома свои и скитаться в пустынях, горах, болотах, топях, среди мшистых трясин и заброшенных торфяных ям, чтобы слушать писание божие, как те, что тайком вкушают хлеб свой насущный.

— А ведь она, сержант, разошлась точно на своем сборище. Не прихватить ли нам с собой и ее? — предложил один из солдат.

— Не мели, черт побери, вздора, — ответил Босуэл. — Разве тебе невдомек, что лучше оставить ее на месте, пока здесь хозяйничает такой уважаемый, сговорчивый, тороватый и почтенный землевладелец, как мистер Мортон Милнвуд, который располагает средствами утихомирить ее? Пусть уж старая муха выводит свой рой: она до того упряма, что с ней ничего не поделаешь. Итак, — крикнул он, — еще одну круговую за Милнвуда, и его чудо-гостеприимство, и за нашу скорую и приятную встречу, которая, надеюсь, не за горами, если он и впредь будет держать у себя такую фанатичную челядь.

Затем он приказал солдатам седлать коней и выбрал в конюшне Милнвуда лучшую лошадь «на службу его величеству королю», как он заявил, чтобы посадить на нее арестованного.

Миссис Уилсон, утирая слезы, собрала между тем небольшой узелок с теми вещами, которые, по ее мнению, могли понадобиться мистеру Генри во время его вынужденной поездки. Бега в хлопотах взад и вперед по комнате, она нашла случай незаметно вложить ему в руку немного денег. Босуэл с товарищами сдержали свое обещание и хорошо обращались с узником. Они не связали Мортон, а ограничились тем, что поместили его коня между своими. Вскочив наконец в седло и тронувшись в путь, они перекидывались шутками и весело гоготали, оставив обитателей Милнвуда в страшном смятении. Старый хозяин усадьбы, подавленный арестом племянника и бессмысленной потерей двадцати фунтов, весь вечер только и делал, что метался в своем большом кожаном кресле, по-

вторяя все ту же жалобу: «Разорен, разорен окончательно и пущен по миру, разорен и пущен по миру, — о плоть моя и именье мое! О плоть моя и именье мое!»

Скорбь миссис Элисон Уилсон нашла для себя отдушину и до некоторой степени утешение в потоке брани, который она обрушила на Моз и Кадди, выпроваживая их из Милнвуда.

— Пусть болячки источат твоё старое тело! Первый красавец в Клайдсдейле стал отныне страдальцем, и все из-за тебя и твоего сумасшедшего смутьянства!..

— Поди прочь! — воскликнула Моз. — А я говорю, что вы в путях греха и во власти зла, раз ропщете, отдавая лучшее и возлюбленное своё за дело того, кто вам его даровал, и клянусь, я сделала для мистера Гарри не меньше, чем сделала бы для своего сына; и если бы Кадди сподобился ратовать за истину на Сенном рынке...

— Похоже, что так и будет, коли ты и он не пойдёте другою дорогой.

— И если бы, — продолжала Моз, не обращая внимания на замечание миссис Уилсон, — и если бы кровавые псы и лживые зифей норовили завлечь меня в тенета своим обещанием отпустить его ценою греховных уступок, я стояла бы несмотря ни на что на своём и продолжала бы возвышать голос свой против папства, епископства, антиномианства, эрастианства, лапсарианства, сублапсарианства и других грехов и соблазнов нашего времени, я вопила бы, как роженица, кляня черную индульгенцию, которая была камнем преткновения для ученых богословов, я бы возвысила голос мой, подобно сильному словом своим проповеднику.

— Хватит, матушка! — крикнул Кадди, вмешавшись в эту затянувшуюся перебранку и силою увлекая за собой мать. — Хватит! Перестаньте ратовать перед достопочтенной госпожой домоправительницей — ведь она, чего доброго, может оглохнуть! Вы напроповедовали на всю неделю вперед. Вы допроповедовались до того, что нас прогнали из нашего уютного дома, и с нашего милого огорода, и из этого

нового убежища нашего, где мы не успели даже прилепиться как следует; вы допроповедовались до того, что мистера Гарри поволокли в яму; вы допроповедовались и до того, что в кармане хозяина двадцати фунтов как не бывало, а вы знаете, как туго он расстается со своими кровными денежками; и, может быть, вы теперь помолчите немножко, не то придется мне, видно, подняться по лестнице наверх, а потом опуститься, да только уже на веревке. Пошли, матушка, пошли прочь; они сыты по горло вашими ратованиями и долго будут помнить о них.

Произнеся это, он потащил за собою Моз, с тем чтобы приготовиться к новым странствиям в поисках крова, и еще долго ее язык не мог успокоиться и с ее гневных уст слетали слова: ратование, ковенант, злокозненные, индульгенция.

— Старая, зловредная, выжившая из ума дура — вот она кто! — воскликнула домоправительница, наблюдая, как Кадди с матерью покидают усадьбу. — Воображает, будто лучше ее не сыщешь на свете, старая дрянь! А сколько горя и неприятностей принесла она с собой в тихий и мирный дом! Если бы я не была по моему положению больше чем на половину женщиной благородного звания, запустила бы я вот этот десяток моих коготков в ее паршивую шкуру!

Глава IX

Я веселый солдат, в битве черт мне не брат,
И рубцов целый ряд я бы вам показал:
За красотку свою иль в кровавом бою,
Там, где в дальнем краю я французов
встречал.

Бернс

— Не падайте духом, — говорил Босуэл своему пленнику по пути в штаб-квартиру, — вы славный малый, у вас много знакомств, и в худшем случае вас вздернут за это, но ведь таков удел многих честных людей. Скажу откровенно: ваша жизнь во власти

закона; проявите покорность — и тогда, пожалуй, вы сможете выпутаться из этой истории, внеся порядочный штраф из средств вашего дядюшки, а он, поверьте, от этого не разорится.

— Но это больше всего и волнует меня, — сказал Генри. — Расставаться с деньгами — для моего дяди сущая пытка. Не он предоставил Берли ночлег, и я молю бога о том, чтобы наказание, которое я понесу, если избавлюсь от смертной казни, пало на меня одного.

— Кто его знает, — заметил Босуэл, — они могут предложить вам отправиться на службу в один из заграничных шотландских полков. Это совсем неплохо; если ваши друзья похлопочут за вас и нажмут, где полагается, вы сможете вскоре получить производство.

— Я убежден, — отозвался Мортон, — что это самое лучшее, что только может выпасть на мою долю.

— В самом деле! Значит, вы совсем не такой уж завязтый виг! — воскликнул сержант.

— Я никогда не вмешивался в борьбу наших партий, — ответил Генри, — я спокойно сидел у себя дома и не раз всерьез задумывался над тем, не поступить ли мне в один из наших заграничных полков.

— Вот как! — сказал Босуэл. — Ну что ж, это делает честь вашим намерениям; я служил в шотландском гвардейском во Франции, и довольно долго; вот где приучаешься к дисциплине, черт побери! Им нет ни малейшего дела, где вы пропадаете в свободное время, но попробуйте опоздать на поверку, и они вам покажут, где раки зимуют. Наш старик, капитан Монтгомери, заставил меня как-то выстоять на часах у нашего арсенала в кирасе, латах и шлеме шесть часов сряду, да еще на солнцепеке, ну я и испекся, как голубь, которых продают возле Пор-Рояля. После этого я дал себе клятву, что, когда на поверке выкликнут: «Фрэнсис Стюарт!» — я буду всегда тут как тут и ради этого даже брошу, если придется, свои карты на барабане. Да, дисциплина — это не шутка!

— А в других отношениях вам нравилась ваша служба?

— Par excellence,¹ — ответил Босуэл, — женщины, вино, кутежи, всего вволю, дай себе только труд пожелать, да с толком. И если у вас хватит совести внушить какому-нибудь жирному патеру, что вы не прочь перейти в католичество, он как есть расшибется в лепешку, чтобы доставить вам удовольствия этого рода и таким способом заполучить немножко вашей признательности. А где вы найдете лопухого пастора-вига, который отличался бы такой же предупредительностью!

— Совершенно согласен с вами, такого нигде не найти, — сказал Генри. — Но в чем состояли ваши основные обязанности?

— Охранять особу его величества короля, — ответил Босуэл, — оберегать, мой мальчик, жизнь Людовика Четырнадцатого Великого, и время от времени устраивать облавы на гугенотов или, что то же, на протестантов. Да, там было, где поучиться этому ремеслу, и я здорово набил себе руку для службы в нашей стране. Но послушайте, вы, сдастся мне, *bon samarado*,² как говорят испанцы, и я должен поделиться с вами блестящими соображениями вашего почтенного старого дяди. Таков уж закон среди нас, рубак; мы не можем безучастно смотреть на товарища, когда он в нужде, а у нас позвякивает в кармане.

Произнеся эти слова, он вынул из кошелька несколько золотых и, не считая, протянул их Генри. Молодой Мортон не принял этого дара, но, полагая излишним сообщать сержанту, несмотря на его очевидную щедрость, о деньгах, которые были при нем, он без труда убедил Босуэла, что дядя не оставит его своею поддержкой.

— В таком случае, — сказал Босуэл, — позволим этим желтым плутишкам чуть подольше полежать у меня в кошельке. Я поставил себе за правило не покидать кабака (если того не потребует служба), пока мой кошелек настолько увесист, что его можно перебросить через флагшток. Когда же он становится

¹ Исключительно (*франц.*).

² Добрый товарищ (искаженное испанское *bueno camarada*).

тощим и ветер относит его назад, как пушинку, тогда — тысяча чертей, караул! — приходится ломать себе голову, где бы раздобыть для него пополнение. Но что за башня пред нами на крутом холме посреди леса, который со всех сторон окружает ее?

— Это Тиллитудлем, — сказал один из солдат, — тут живет старая леди Маргарет Белленден. Благонамереннее ее в этих краях никого не найдешь, и к тому же она — друг нашего брата-солдата. Когда я был ранен тем треклятым мятежным псом — он стрелял в меня, спрятавшись за изгородью овчарни, — мне пришлось целый месяц пролежать в ее замке, и, черт побери, я был бы не прочь еще разок заполучить такую же рану, лишь бы снова пожить на таких чудесных квартирах.

— Раз так, — проговорил Босуэл, — я хочу засвидетельствовать почтеннейшей леди мое уважение, а вместе с тем дать небольшой отдых людям и лошадям. И мне так чертовски хочется пить, точно я ничего не пил в Милнвуде. Но до чего славно, — продолжал он, обращаясь к Мортону, — что в наши дни королевский солдат не может миновать ни одного дома, где бы его не попотчевали. В таких домах, как Тилли... Тилли... — как он там называется?.. — вас угощают от всего сердца; в домах окаянных фанатиков вы сами себя угощаете, пуская в ход силу; что же касается умеренных пресвитериан и прочих подозрительных личностей, то здесь за вами ухаживают из страха; вот и выходит, что так или иначе, а вы всегда можете утолить свою жажду.

— И вы намерены, — спросил сержанта встревоженный Генри, — ради этого направиться в замок?

— Будьте уверены, что именно так мы и поступим, — ответил Босуэл, — как же стану я докладывать офицерам о здравии и похвальных взглядах почтеннейшей леди, если мне неизвестен вкус ее хереса, — а она поднесет нам херес, могу поручиться в этом; херес — излюбленный утешитель пожилой знатной вдовы, подобно тому как жидкий кларет — напиток ваших сельских дворянчиков.

— В таком случае, ради бога, — попросил Генри, — раз вы решили заехать туда, не упоминайте, пожалуйста, моего имени и не показывайте меня семье, с которою я знаком. Позвольте мне на время закутаться в плащ одного из ваших солдат и называйте меня попросту арестованным, которого вы конвоируете.

— С величайшей готовностью, — ответил Босуэл, — я обещал по-хорошему обращаться с вами, и не в моих правилах нарушать слово. А ну-ка, Эндрю, закутай в плащ арестованного и смотри не упоминай ни его имени, ни где мы его задержали, не то пеняй на себя: наездишься ты у меня на деревянной кобылке.

Тем временем всадники достигли арки ворот, по обе стороны от которых возвышались стены с зубцами и двумя башенками; одна из этих башенок обрушилась почти полностью; сохранилась лишь ее нижняя часть, занятая под хлев крестьянином, обитавшим с семьей во второй башенке, совсем целой. Ворота, разбитые и сорванные с петель солдатами Монка еще во время гражданской войны, не были с тех пор восстановлены и, таким образом, не составили ни малейшей преграды для Босуэла и его людей. Проезд от них к замку, очень крутой и узкий, был замощен крупным булыжником; этот проезд шел наискось по склону обрывистого холма, образуя петли и то открывая, то, напротив, скрывая из виду самый замок и его внешние бастионы, которые, как казалось всадникам, отвесно поднимались над их головами.

Представшие перед их взорами средневековые стены замка были настолько мощными, что Босуэл воскликнул.

— Счастье, что эта крепость — в честных и надежных руках. Ведь если бы ею владел неприятель, какая-нибудь дюжина мятежных старух, обладай они хоть вполровину тем пылом, какой был у той старой карги в Милнвуде, вооружась прялками, могла бы оборонять его от целого отряда драгун. Клянусь жизнью, — продолжал он, когда они подъехали вплотную к массивной двухъярусной башне и окружающим ее бастионам и боковым укреплениям, это — велико-

лепная крепость, и, если я еще не совсем позабыл латынь, она основана, как сказано в полуистертой надписи над воротами, сэром Ральфом Белленденом в тысяча триста пятидесятом году — давность почтенная. Мне следует приветствовать старую леди с подобающим ей уважением, хотя для этого придется не без труда припомнить иные из тех изысканных выражений, которые я расточал в те времена, когда еще бывал в таком обществе.

Пока сержант подобным образом рассуждал сам с собой, дворецкий, увидев через бойницу солдат, успел сообщить своей госпоже, что у ворот замка остановился отряд драгун, видимо лейб-гвардейцев, под охраной которых находится арестованный.

— Я убежден, — сказал Гьюдвил, — и готов поклясться, что шестой всадник — их пленник; его лошадей ведут в поводу, и двое передних драгун вынули из чехлов свои карабины и держат их у бедра. В дни великого маркиза и мы точно так же водили пленных.

— Солдаты его величества короля? — спросила хозяйка. — Возможно, что они хотят подкрепиться. Походите, Гьюдвил, пригласите их и распорядитесь, чтобы ни они, ни их лошади не испытывали ни в чем недостатка. Погодите, скажите моей камеристке, что мне нужны черная шаль и плащ. Я хочу сойти вниз и сама приветствовать солдат короля. Надо же оказать лейб-гвардейцам заслуженное внимание, ведь они так усердствуют ради его величества. И послушайте, Гьюдвил, пусть Дженни Деннисон наденет кружевную накидку — она будет идти впереди меня и моей внучки, а три других девушки сзади нас, — и еще пригласите мисс Эдит сейчас же прийти сюда.

Облаченная в парадное платье и сопровождаемая в соответствии с ее указаниями подобающей свитой, леди Маргарет чинно и торжественно выплыла во внутренний двор своего замка. Босуэл приветствовал важную и достопочтенную владелицу старинного родового гнезда с ловкостью и уверенностью, не лишенной некоторого налета той легкой и беспечной развязности, которая отличала светских щеголей времен Карла II и нисколько не походила на грубые и неловкие

манеры драгунского сержанта. Самый язык его и жесты, применяясь к случаю и обстоятельствам, стали, казалось, изысканнее и утонченнее; впрочем, в превратностях исполненной приключений, беспорядочной жизни Босуэл порою водил компанию, более соответствовавшую знатности его рода, чем тому положению, которое он занимал. На вопрос леди Маргарет, чем она может быть полезна драгунам, он ответил с глубоким поклоном, что, поскольку им предстоит этой ночью проехать еще несколько миль, они были бы чрезвычайно признательны уважаемой леди за позволение устроить в замке привал и дать коням кратковременный отдых, прежде чем они снова тронутся в путь.

— С величайшей охотой, — ответила Босуэлу леди Белленден, — моим слугам велено позаботиться, чтобы и людям и лошадям всего было вдоволь.

— Мы в этом не сомневались, сударыня, — продолжал свои любезности Босуэл, — ибо в стенах Тиллитулдема тем, кто служит своему королю, никогда иного приема и не оказывали.

— Мы всегда старались добросовестно и честно исполнить свой долг, — ответила на это леди Маргарет, довольная комплиментом сержанта, — как по отношению к нашим монархам, так и по отношению к их приверженцам, а особенно — к их верным солдатам. Не так давно — возможно, что воспоминание об этом все еще не изгладилось у его величества, благополучно властвующего над нами в настоящее время, — сам король почтил своим посещением мой скромный и бедный дом и завтракал в одной из комнат этого замка, мистер сержант, — эту комнату покажет вам моя дежурная камеристка. Мы еще и теперь зовем эту комнату королевским покоем.

Между тем Босуэл приказал своим людям спешиться; поручив одним присматривать за лошадьми, другим — охранять арестованного, он смог продолжить беседу, так милостиво начатую леди Белленден.

— Раз сам король, мой владыка, имел честь лично познать ваше гостеприимство, я нисколько не удивлен, что оно распространяется также на тех, кто слу-

жит ему и чья главная заслуга состоит в том, что они делают это верой и правдой. К тому же я имею более близкое отношение к особе его величества, чем можно думать при взгляде на эту грубую красную куртку.

— В самом деле? — спросила леди Маргарет. — Вы, наверное, принадлежали к его домашнему штату?

— Не совсем так, сударыня, правильнее сказать — к его дому, и эта близость дает мне право притязать на родство с лучшими фамилиями Шотландии, не исключая, видимо, и фамилии Тиллитудлем.

— Сударь! — сказала старая леди, с достоинством выпрямившись при этих словах Босуэла, воспринятых ею как дерзкая шутка. — Я не понимаю вас, сударь.

— Сударыня, человеку в моем положении глупо говорить о подобных вещах, — ответил сержант, — но вы, разумеется, слышали о жизни и злоключениях моего деда Фрэнсиса Стюарта, которому Иаков Первый, его двоюродный брат, даровал титул Босуэла, как зовут и меня мои сослуживцы. Увы! Это имя принесло ему в конце концов не больше счастья, чем мне.

— Вот как, — удивленно и сочувственно сказала леди Маргарет, — я и вправду предполагала, что внук последнего графа должен находиться в затруднительных обстоятельствах, но, признаюсь, все же не ожидала встретить его в таком низком чине. Что же довело вас при таких связях до...

— Ничего особенного, сударыня, самый обычный ход житейских событий, — поспешил сказать Босуэл, прерывая леди Маргарет и предугадывая ее вопрос. — Я испытал в своей жизни и мгновения счастья, как доводится всякому; мне случалось распить бутылку-другую с Рочестером, беззаботно играть в кости с Бакингом и сражаться в Танжере бок о бок с Шеффилдом. Но мое счастье никогда не бывало длительным, я не сумел превратить веселых собутыльников в полезных друзей; быть может, — продолжал он с горечью, — я не смог в достаточной мере проникнуться мыслью, что потомок шотландских Стюартов должен считать для себя великою честью приглашение на ужин к какому-нибудь Уилмоту или Виллье.

— Но ваши друзья в Шотландии, мистер Стюарт, ваши родственники в этой стране, столь многочисленные и столь могущественные?

— Ах, миледи, — ответил сержант, — полагаю, что иные из них были бы готовы, пожалуй, предложить мне должность главного егеря, так как я неплохой стрелок, иные, быть может, взяли бы меня в качестве своего bravo,¹ так как я недурно владею шпагой; найдутся среди них и такие, которые, за именем лучшей компании, были бы не прочь пригласить меня в собутыльники, раз я могу выпить, не поморщившись, три бутылки вина. Не знаю, почему только, если уж нужно служить, и служить своим родственникам, я предпочитаю быть слугою кузена Карла, как самого высокопоставленного из них, хотя жалование за эту службу довольно скудное и мундир далеко не блестящий.

— Это срам, это позор на весь мир! — воскликнула леди Маргарет. — Почему вы не обратитесь к его священнойшему величеству? Он, несомненно, придет в изумление, услышав, что отпрыск его августейшего дома...

— Прошу прощения, сударыня, — перебил ее сержант Босуэл, — я простодушный солдат, и, надеюсь, вы извините меня, если я позволю себе сказать, что его священнойшее величество больше хлопочет о своих собственных отпрысках, нежели о происходящих от его прапрадеда.

— Хорошо, мистер Стюарт, — сказала леди Маргарет, — я хочу получить от вас обещание, что вы проведете эту ночь в Тиллитудлеме; завтра утром я ожидаю к себе вашего командира, доблестного и честного Клеверхауза, которому и король и страна так обязаны за его борьбу против тех, кто готов вывернуть мир наизнанку. Я поговорю с ним о том, чтобы вас поскорее произвели в офицеры, и уверена, что, воздавая дань уважения крови, которая течет в ваших жилах, и просьбам леди, удостоенной столь лестного внимания его величества короля, как это слу-

¹ Телохранителя (*итал.*).

чилося со мною, он не оставит вас в том бедственном положении, в каком вы находились до этого времени.

— Премного обязан вашей чести; конечно, я останусь здесь на ночь, раз вы настаиваете на этом, тем более что таким образом я смогу без промедления передать полковнику Грэму моего арестанта и получить его приказания относительно этого молодца.

— Кто же ваш арестант? — спросила леди Маргарет.

— Молодой человек из весьма порядочного семейства, проживающего недалеко отсюда. Он был настолько неосторожен, что предоставил убежище одному из убийц покойного примаса и, кроме того, способствовал бегству этого пса.

— Какое бесстыдство! — воскликнула леди Маргарет. — Я готова забыть обиды, причиненные мне руками этих разбойников, хотя некоторые из этих обид, мистер Стюарт, таковы, что забыть их нельзя; но тем, кто покрывает преступников, совершивших столь жестокое и предумышленное убийство беззащитного человека, старого и притом обличенного священным саном архиепископа, тем их бесстыдство не может быть прощено! Если вы хотите поместить арестованного в надежное место и облегчить ваших людей, я прикажу Гариссону и Гьюдылу разыскать ключ от нашей ямы, или главной темницы. Ее не открывали с тех пор, как бедный сэр Артур Белленден через неделю после Килсайтской победы посадил туда два десятка захваченных им мятежников; она уходит всего на два яруса под землю, так что не может быть очень вредною для здоровья заключенных в ней узников, тем более что там, кажется, есть отверстие для доступа воздуха.

— Прошу прощения, сударыня, — ответил сержант, — не сомневаюсь, что ваша темница великолепна; но я обещал хорошо обращаться с этим молодым человеком и приму меры, чтобы его тщательно стерегли. Я заставляю тех, кого наряжу в охрану, зорко следить за ним, и бежать ему будет так же невозможно, как если бы у него на ногах были испанские сапоги, а на пальцах — пыточные зажимы.

— Дело ваше, мистер Стюарт, — заметила на это леди Белленден. — Вам лучше моего известно, в чем состоит ваш долг. От всего сердца желаю вам хорошо провести вечер и поручаю вас заботам моего управителя Гаррисона. Я охотно пригласила бы вас составить компанию, но я... я...

— О, сударыня, не требуется никаких пояснений; я очень хорошо понимаю, что грубая красная куртка войск короля Карла Второго отнимает у того, кто ее носит, и вполне справедливо, права и привилегии голубой крови короля Иакова Пятого.

— Только не в моих глазах, уверяю вас, мистер Стюарт; вы несправедливы ко мне, если считаете, что я способна на это. Завтра же я переговорю с вашим полковником, и, надеюсь, вы вскоре достигнете положения, которое избавит вас от неприятностей этого рода.

— Полагаю, сударыня, — сказал Босуэл, — что ваша доброта вводит вас в заблуждение; во всяком случае, я бесконечно признателен вам за ваше намерение; как бы там ни было, я эту ночь проведу с мистером Гаррисоном приятно и весело.

Леди Маргарет церемонно откланялась, выразив в этом поклоне все свое почтение к королевской крови, даже если она течет в жилах сержанта лейб-гвардии, и еще раз заверила мистера Стюарта, что от всего сердца предоставляет в его распоряжение, а также распоряжение его спутников, все, чем только богат Тиллитудлем.

Сержант Босуэл не преминул воспользоваться любезным приглашением леди и вскоре за веселой пирушкой с готовностью забыл о своем высоком происхождении. Мистер Гаррисон постарался подать самые лучшие вина, какие только хранились в подвалах замка, и усердно стремился служить примером для своего гостя, а в таких делах это гораздо важнее, чем приглашения и уговоры. К их занятию, столь любезному его сердцу, присоединился и старый Гьюдвил, подобно тому как Дэви во второй части «Генриха IV» принимает участие в кутеже своего господина, шерифа Шелло. Он сбегал в погреб, рискуя соб-

ственной шеей, чтобы пошарить в закоулках, известных, как он похвалялся, лишь ему одному; он уверял, что за время его службы дворецким из этих тайников никогда не извлекалась, да и не могла быть ни-коим образом извлечена, ни одна бутылка, кроме как для верных слуг короля.

— Когда здесь обедал как-то раз герцог, — сказал дворецкий, который из уважения к генеалогии Босуэла сел в некотором отдалении и после каждого периода своей речи придвигался на пол-ярда к столу, — моя госпожа потребовала бутылку бургундского (тут он немного придвинулся), но не знаю, как это случилось, мистер Стюарт, но меня одолело сомнение. Я заподозрил, что герцог вовсе не такой друг правительства, каким хочет казаться: хороший род — это еще не все. Старый герцог Джеймс потерял честь еще раньше, чем голову, и выходит, что этот вустер-ец оказался пресной похлебкою и ни на что не годился, ни чтобы изжарить, ни чтобы сварить, ни чтобы съесть в сыром виде. (Этим глубокомысленным замечанием Гьюдйл закончил первую параллель и начал придвигаться зигзагами, как искусный и опытный инженер, с очевидным намерением подвести апроши к столу.) Итак, чем чаще хозяйка моя покрывала: «Бургундского его светлости... Старого бургундского его светлости... Самого лучшего бургундского... Бургундского тысяча шестьсот тридцать девятого года», тем чаще я повторял про себя: «Черта с два, ни одна капля его не попадет в герцогскую утробу, пока я не выясню, чем он дышит; хватит с него простого канарского и кларета». Нет, джентльмены, шутите: с тех пор, как на меня возложили обязанности дворецкого в нашем тиллитудлемском доме, тут уж я гляжу в оба, чтобы ни один предатель или человек сомнительных взглядов не глотнул чего-нибудь из заветного тайника. Но когда я встречаю истинного друга его величества и борца за его правое дело, а также за умеренное епископство, когда я встречаю человека, который, как я себе говорю, будет стоять за церковь и за корону, как это делал я сам при жизни моего господина, — то было во время Монтроза, —

в нашем погребѣ нет ничего такого, чего бы я пожалел для него.

К этому времени он подвел ложементы к крепостным стенам, или, иными словами, придвинулся вплотную к столу.

— А теперь, мистер Фрэнсис Стюарт из Босуэла, разрешите мне удостоиться чести выпить за ваше здоровье, и за ваше производство, и за всяческую удачу в очищении этой страны от вигов и круглоголовых, фанатиков и приверженцев ковенанта.

Босуэл, который, как нетрудно себе представить, уже давно перестал быть придиричивым к своему обществу и руководствовался в выборе друзей и приятелей больше занимаемым им положением и удобствами, чем древностью своего рода, охотно ответил на тост дворецкого, похвалив попутно его вино. Мистер Гьюдйл, таким образом, был принят в компанию в качестве ее полноправного члена и продолжал снабжать ее источником радости и веселья, пока не занялся следующий день.

Глава X

Ужели в путь пустился б я с тобой
Лишь в ясный день, по глади голубой,
А в бурю я покинул бы твой челн
И на берег бежал от грозных волн?

Прайор

Пока леди Маргарет вела с знатным драгунским сержантом беседу, подробно пересказанную нами на предыдущих страницах, внучка ее, не разделявшая восторгов бабушки перед всеми, в чьих жилах течет королевская кровь, удостоила его одним-единственным взглядом и увидела высокого, крепко сложенного человека, со смелым, огрубевшим от непогоды лицом, которому затаенная гордость и распушенный образ жизни придали выражение недовольства и бесшабашной, горькой веселости. Остальные солдаты еще меньше были достойны ее интереса; зато таин-

ственный арестант, завернувшийся в плащ и прятавший в его складках лицо, целиком приковал к себе внимание мисс Эдит, которая, сколько ни силилась, не могла отвести от него глаз, хотя и бранила себя за праздное любопытство, явно стеснявшее незнакомца.

— Мне хотелось бы, — сказала она своей горничной и наперснице Дженни Деннисон, — мне хотелось бы знать, кто этот несчастный.

— Я и сама только что об этом подумала, мисс Эдит, — ответила Дженни. — То не может быть Кадди Хедриг, этот выше и будто потоньше.

— Но это может быть, — продолжала мисс Эдит Белленден, — кто-нибудь из наших соседей, и мы должны принять в нем участие.

— Я смогла бы, пожалуй, выведать, кто он такой, — сказала предприимчивая и ловкая Дженни, — пусть только солдаты покончат со своими делами и отправятся отдыхать; одного из них я хорошо знаю — это самый красивый и молодой между ними.

— Ты знаешь, кажется, всех молодых бездельников в околоте, — ответила ее госпожа.

— Что вы, мисс Эдит, я совсем не так легка на знакомства, — ответила горничная. — Конечно, как же не знать с лица тех, кто заглядывается на тебя на рынке и в церкви; но я знакома так, чтобы по-настоящему поговорить, только с несколькими молодыми людьми, и все они — тиллитудлемские ребята, а кроме того, с тремя Стейнсонами, Томом Рендом, молодым мельником, лтяью Ховисонами в Несершейлсе, длинным Томом Джилри да еще...

— Сократи, пожалуйста, перечень исключений, он грозит быть нескончаемым, и скажи, кто тот молодой солдат, о котором ты говорила, — прервала Дженни мисс Белленден.

— Господи боже, мисс Эдит, да ведь это Том Хеллидей, солдат Том, как его называют, который был ранен мятежниками на их сборище в Аутерсайд-муре и пролежал у нас в замке, пока не поправился. Я могу спросить его, о чем захочу, и Том, конечно, ответит, могу поручиться вам в этом.

— Тогда, — сказала мисс Эдит, — найди случай спросить у него имя узника и приходи ко мне сообщить, что ты узнала.

Дженни Деннисон отправилась выполнять поручение. Вскоре она возвратилась с испуганным и удивленным лицом; было видно, что ее глубоко взволновала судьба арестованного.

— В чем дело? — тревожно спросила Эдит. — Неужели это все-таки Кадди? Вот бедняга!

— Кадди, мисс Эдит? Нет, нет, это не Кадди, — расплакалась верная горничная, страдавшая оттого, что ее новости поразят в самое сердце юную мисс Эдит. — О дорогая, милая мисс Эдит, нет... это... это сам молодой Милнвуд.

— Молодой Милнвуд! — воскликнула в ужасе мисс Белленден. — Молодой Милнвуд! Непостижимо, совершенно непостижимо! Его дядя — прихожанин священника, принявшего индульгенцию, и не поддерживает решительно никаких связей с крамольниками; да и он сам никогда не вмешивался в эти злочастные споры; он ни в чем не повинен; разве что вступился за чьи-нибудь погрязшие права.

— Ах, моя дорогая мисс Эдит, — сказала ее наперсница, — теперь не такое время, чтобы спрашивать, где правда, где кривда; будь он такой же невинный, как новорожденный, они нашли бы, как сделать его виноватым, когда бы им этого захотелось; но Том Хеллидей говорит, что дело идет о жизни мистера Гарри, потому что он укрыл одного из пяти джентльменов, покончивших с этим старикашкой архиепископом.

— О его жизни! — вскричала Эдит, поспешно вставая со своего места. Запинаясь, с отчаянием в голосе, она продолжала: — Нет, они не могут... Они не сделают этого... Я вступлюсь за него... Они не тронут, нет, они не тронут его...

— О моя милая, милая леди! Подумайте только о бабушке, подумайте об опасности и о том, как это трудно, — прибавила Дженни, — его держат под строгой охраной, пока не приедет сюда Клеверхауз, который будет здесь завтра утром, и, если Милнвуд не

повинится пред ним и не расскажет всего, то — так говорит Том Хеллидей — расправа будет короткая: на колени... товсь... внимание... пли... — так же, как они поступили с глухим Джоном Мак-Брайером; несчастный не понял ни одного вопроса, с которым они к нему приставали, и вот лишился жизни, потому что был тугим на ухо.

— Дженни, — сказала юная леди, — если он умрет, я умру вместе с ним; сейчас не время вспоминать об опасностях и трудностях; я накину на себя плед, мы проникнем туда, где они его сторожат... Я паду к ногам часового и буду молить его — ведь и у него есть душа, и ему надо не забывать о ее спасении.

— Сохрани боже, — прервала мисс Эдит Дженни, — сохрани боже, чтобы наша юная леди валялась в ногах у солдата Тома и говорила с ним о спасении его души, — бедный мальчик и сам не знает, есть ли она у него, хотя порой и клянется ею; нет, этому не бывать, мисс Эдит, слышите, не бывать! Но будь что будет, я никогда не оставлю дела, где замешана истинная любовь; раз вам нужно встретиться с молодым Милнвудом, хотя я не думаю, что от этого будет польза, — ведь вашим сердцам только прибавится горечи, — я готова рискнуть и постараюсь улестить Тома; но вы должны дать мне полную волю и не проронить ни словечка; Хеллидей сторожит Милнвуда в восточном крыле нашего замка.

— Иди принеси мне плед, — приказала Эдит, — дай мне только свидеться с ним, и я найду средство избавить его от опасности. Поспеши, если не хочешь утратить мою любовь.

Дженни выбежала из комнаты и вскоре вернулась с пледом, в который мисс Эдит закуталась так, чтобы спрятать лицо и скрыть свой стройный девический стан.

В конце семнадцатого и в начале следующего столетия носить плед описанным образом было в моде среди шотландских дам, и почтенные пастыри пресвитерианской церкви, опасаясь, что подобная мода может благоприятствовать любовным интригам,

добились от Ассамблеи нескольких актов, осуждающих ношение пледа. Но мода, как обычно, не подчинилась велениям власти, и, пока плед не был предан забвению, женщины всех сословий продолжали при случае прибегать к его помощи, пользуясь им как мантилей или вуалью.¹ Итак, закутавшись в пледи скрыв в его складках лицо, Эдит, опираясь на руку своей преданной горничной, торопливыми и нетвердыми шагами направилась к месту заключения Мортона.

Это была тесная комнатка в одной из замковых башен, выходившая в просторную галерею, по которой взад и вперед шагал часовой: сержант Босуэл, щепетильно соблюдая данное слово, а может быть, и испытывая некоторое сочувствие к своему пленнику, в котором его подкупали молодость и благородное поведение, не пожелал оскорбить его, поместив с ним вместе солдата. Итак, Хеллидей с карабином в руках прохаживался по галерее, утешаясь время от времени глотком эля из огромного кувшина, стоявшего на столе в одном из углов галереи, и мурлыча в промежутках шотландскую любовную песенку:

— Из Джонстона путь наш в веселый Данди...
Красотка моя, за меня выходи!

Дженни Деннисон вторично предупредила свою госпожу, чтобы та предоставила ей свободу действий.

— Я знаю, как нужно обращаться с солдатом, — сказала она, — он парень грубый, но я знаю его насквозь; а вы — ни слова, ни одного слова.

Руководствуясь своими особыми соображениями, она отворила дверь в галерею как раз в тот момент, когда часовой повернулся спиной ко входу, и, под-

¹ В те времена было в обычае не открывать лица в общественных местах или в смешанном обществе. В Англии, где плед не был в ходу, знатные дамы пользовались с этой целью полумаскою, тогда как щеголи закидывали за правое плечо полу своего плаща так, чтобы прикрыть нижнюю часть лица. Об этом неоднократно упоминает в своем дневнике Пипс. (*Прим. автора.*)

хватив песенку, которую тот мурлыкал, кокетливо, тоном грубоватой, но в то же время беззлобной насмешки, пропела:

— Солдатской женою негоже мне стать, —
Друзья огорчатся, рассердится мать;
А лэрд или лорд подошли б для меня!
Твоею женою не сделаюсь я!

— Недурной вызов, ей-ей, черт подери! — вскричал часовой, круто повернувшись кругом. — И еще от двоих разом! Да не так-то легко отхлестать солдата его собственным поясом! — И он запел, продолжая с того места, на котором остановилась девушка:

— Придется, красотка, меня полюбить
И ужин и ложе со мной разделить,
Под бой барабана мы пустимся в путь,
Моею женою, красавица, будь.

Поди ко мне, милочка, и поцелуй меня за мою песенку.

— И не подумаю, мистер Хеллидей, — ответила Дженни, выражая тоном и взглядом нужную степень негодования, — и еще, уверяю вас, вам больше меня не видать, пока вы не научитесь вежливости. Я пришла сюда со своею приятельницей совсем не затем, чтобы выслушивать такой вздор, и вам должно быть стыдно за себя, да, да, стыдитесь!

— Гм! А за каким вздором, миссис Деннисон, вы сюда пришли, в таком случае?

— У моей родственницы есть одно личное дело к вашему узнику, молодому мистеру Гарри Мортону, и я сопровождаю ее, чтобы присутствовать при их разговоре.

— Черта с два, — заявил часовой. — А позвольте спросить, миссис Деннисон, как же ваша родственница, да и вы сами, предполагаете проникнуть к нему? Вы, пожалуй, чересчур пухленькая, чтобы пролезть в замочную скважину, а о том, чтобы отворить дверь, нечего и толковать.

— Да тут и толковать нечего, нужно сделать, — отпарировала настойчивая девица.

— Держи карман шире, милая Дженни. — И солдат снова принялся ходить взад и вперед по галерее, мурлыча себе под нос:

— Когда в колодец поглядишь,
Дженет, Дженет,
Себя в колодце разглядишь,
Красотка Дженет.

— Так вы не желаете нас впустить, мистер Хеллидей? Ну что ж! Ладно, пусть так. Будьте здоровы. Больше вы меня не увидите, и этой славной вещицы — тоже, — сказала Дженни, показывая солдату блестящий серебряный доллар.

— Дай ему золотой, дай золотой, Дженни, — прошептала, замирая от волнения, юная леди.

— С таких, как он, хватит и серебра, раз ему ни почем глазки хорошенькой девушки, — ответила горничная. — И, кроме того, что еще хуже, он может подумать, что тут что-то не то, что тут побольше, чем родственница. Господи боже! Не так уж много у нас серебра, чтобы швыряться золотом. — Прошептав это своей госпоже, она громко сказала: — Не хочет моя родня дожидаться, мистер Хеллидей; ну так вот, как вам угодно, а не то — будьте здоровы.

— Погодите чуточку, погодите, — оживился солдат, — попридержите лошадку, Дженни, и давайте столкнемся. Если я впущу вашу родственницу к моему арестанту, вы останетесь здесь и повеселите меня, пока она не выйдет оттуда, и тогда, знаете, никто из нас не будет в накладе.

— И тогда сам дьявол погонится за мной по пятам, — ответила Дженни. — Неужто вы думаете, что моя родственница и я заодно хотим потерять наше доброе имя; чтобы такие шалопаи, как вы, а в придачу и ваш арестант, пошли чесать языками. Нет уж, мы хотим, чтобы игра шла в открытую. Да, да, господа, прошу поглядеть, какая разница между обещаниями некоторых и исполнением их обещаний! Вы все наговаривали на бедного Қадди, что он такой дасякой; а попроси я его о чем хочешь, и мне бы не

пришлось напоминать ему дважды о том же, даже если бы ему грозила за это веревка.

— Будь он проклят, ваш Кадди! — обозлился драгун. — Ему и так не уйти от веревки, могу поручиться. Я видел его сегодня в Милнвуде вместе с этой пуританскою сукон, его мамашей, и когда бы я знал, что он залезает в мою тарелку, то приволок бы его сюда, привязав к хвосту моей лошади; у меня было достаточно оснований, чтобы не отвечать за такое дело.

— Ладно, ладно, смотрите, да хорошенько, как бы Кадди не всадил в вас меткую пулю после того, что вы выгоните его в болота, вслед за многими порядочными людьми. Он здорово бьет по цели и был третьим, когда стрелял в попугая; и потом он так же верен своим обещаниям, как верны его глаз и рука, хотя он не бахвалится, как иные ваши знакомые. Но это уже мое дело... Идем, дорогая, идем-ка отсюда.

— Погодите, Дженни, будь я проклят, если, посулив что-нибудь, тяну дольше других, — сказал солдат, начиная, видимо, колебаться. — Где сержант?

— Пьет и накачивается, — ответила Дженни, — вместе с управителем и Джоном Гьюдьилом.

— Значит, этот не в счет; а где остальные ребята? — продолжал Хеллидей.

— Хлещут медными жбанами вместе с птичником, егерем и еще кое-кем из прислуги.

— Много ли у них эля?

— Шесть галлонов, налитых верхом, — ответила девушка.

— Ну, тогда все в порядке, красавица, — сказал часовой, смягчаясь, — выходит, до смены можно не беспокоиться; чего доброго, они и запоздают маленько; так вот, если вы обещаете, что еще раз придете сюда, и одна...

— Может приду, а может, и нет, — перебила солдата Дженни, — а если доллар будет у вас в руках, что вам до всего остального?

— Будь я проклят, если возьму его, — заявил Хеллидей и тут же взял доллар. — Это все-таки дело опасное; если Клеверхауз услышит про то, что я сделал, он поставит для меня кобылку ростом с ваш

Тиллитудлем. Только в полку всякий берет, где может, и Босуэл со своей королевскою кровью подает хороший пример. Положиться на вас, чертенок вы этакый, значит, как говорится, попусту ноги бить и порош тратить, тогда как этот голубчик, — продолжал он, разглядывая монету, — куда бы ему ни попасть, всюду будет хорш. Проходите, двери для вас открыты, но смотрите! Не хныкать и не молиться с молодым вигом и, лишь только я крикну у двери, — не мешкать, как если бы горнист протрубил: «На коней — марш вперед!»

С этими словами Хеллидей отпер дверь в комнату заключенного, пропустил Дженни и ее мнимую родственницу, поглядел им вслед и принялся снова размеренным шагом прохаживаться по галерее, насвистывая, чтобы убить время, как полагается порядочным часовым на посту.

Пока дверь медленно отворялась, мисс Эдит увидела Мортонa, который сидел за столом, положив голову на руки. Поза молодого человека свидетельствовала об охватившем его глубоком унынии. Услышав скрип отворяемой двери, он поднял голову и, заметив обеих женщин, вскочил со своего места, смотря на них изумленным взором. Эдит, в которой скромность боролась с решимостью, порожденной отчаянием, остановилась у двери, не имея сил ни заговорить, ни подойти ближе.

Все планы, с какими шла она к любимому человеку, чтобы помочь, поддержать и утешить его, улетучились, казалось, из ее памяти, оставив мучительный хаос в мыслях; к тому же, допустив поступок, быть может, на взгляд Мортонa, необдуманный и не подобающий женщине, она боялась, не уронила ли себя в его мнению. Неподвижная, почти лишившись сил, она повисла на руке своей спутницы, которая тщетно пыталась успокоить и ободрить ее, нашептывая ей на ухо:

— Раз мы уже здесь, сударыня, давайте как следует используем время; сержант или капрал, я уверена, все-таки захотят сделать обход, и будет досадно, если бедняга Хеллидей поплатится за свою любезность.

Между тем Мортон сделал несколько робких шагов навстречу пришедшим, подозревая истину, ибо какая другая женщина, кроме Эдит, могла в этом доме принимать к сердцу его злоключения. Однако, из-за вечерней полутьмы и пледа, скрывавшего лицо незнакомки, он все еще опасался, как бы не впасть в ошибку, которая могла бы набросить тень на предмет его обожания. Дженни, сообразительность и расторопность которой оказались как нельзя более кстати для исполняемой ею роли, поторопилась растопить лед.

— Мистер Мортон, мисс Эдит глубоко сожалеет по поводу того положения, в котором вы в данное время находитесь, и...

Этого было достаточно: он порывисто устремился к Эдит, он был у ее ног, он сжимал ее руки, которые она без сопротивления отдала ему, он осыпал ее словами благодарности и нежной признательности; впрочем, его бессвязная речь едва ли могла бы быть понятна читателю без описания интонаций, жестов, страстных и стремительных проявлений глубокого и сильного чувства, сопровождавших ее.

Две-три минуты Эдит была неподвижна, как статуя святой девы, принимающей благоговейное поклонение; наконец, немного оправившись и отняв свои руки у Генри, она почти неслышно проговорила:

— Я позволила себе странный поступок, мистер Мортон, поступок, — продолжала она более связно, по мере того как усилием воли брала верх над собой и собиралась с мыслями, — который, быть может, встретит с вашей стороны порицание... Но уже давно я разрешила вам пользоваться языком дружбы и, может быть, даже больше... да слишком давно, чтобы покинуть вас в таких обстоятельствах, когда вас покинул, по-видимому, весь свет. Как и почему вы арестованы? Что можно сделать? А мой дядя, который так высоко вас ценит, не может ли он помочь? Или ваш родственник Милнвуд? Что следует предпринять? И что, по-вашему, вам угрожает?

— Будь что будет, — ответил Генри, пытаясь завладеть рукою Эдит, которую она отняла у него и которую теперь снова ему отдала, — будь что будет;

сейчас я ощутил, что все случившееся со мной — самое счастливое событие моей скучной жизни. Вам, моя дорогая Эдит, — простите меня, я должен был бы сказать: мисс Белленден, но несчастье притязает на особые привилегии, — вам я обязан несколькими мгновениями счастья, осветившими солнечным светом мое тусклое существование, и если теперь ему будет положен конец, воспоминание о чести, которой вы меня удостоили, сделает меня бесконечно счастливым даже в мой смертный час.

— Неужели ваше дело так безнадежно, мистер Мортон? — спросила Эдит. — Неужели вы оказались так внезапно и так глубоко втянуты в эти злосчастные распри, хотя всегда были от них в стороне, что не рассчитываете сохранить свою...

Она остановилась, не в силах произнести слово, которое должно было за этим последовать.

— Жизнь, вы хотели сказать? — отозвался на ее слова Мортон спокойным, но грустным тоном. — Решение, полагаю, всецело зависит от судей. Мои стражи считают, что мне могут заменить смертную казнь отправкой в один из наших находящихся за границей полков. Я думал, что могу согласиться на это, но теперь, мисс Белленден, встретившись с вами еще раз, я понял, что ссылка была бы для меня горше смерти.

— Неужели вы действительно так опрометчиво вступили в сношения с одним из тех свирепых злодеев, которые умертвили примаса?

— Предоставляя ночлег, — сказал Мортон, — и скрывая одного из этих безумных и жестоких людей — старинного друга и соратника моего отца, я не знал еще об убийстве архиепископа. Но это обстоятельство едва ли облегчит мою участь. Ибо кто же, мисс Эдит, кроме вас, поверит мне в этом? И, что еще хуже, я никоим образом не могу заявить с полной уверенностью, что, даже зная о преступлении, я смог бы переломить себя и при любых обстоятельствах отказать во временном приюте тому, кто искал его у меня.

— Но кто же, — сказала Эдит, встревоженная услышанным, — будет производить расследование по вашему делу?

— Мне дали понять, что я предстану пред полковником Грэмом Клеверхаузом, — сказал Мортон, — он один из членов военной комиссии, которой королю, Тайному совету, а также парламенту — последнему более всего подобало бы оберегать наши свободы — было угодно вручить право распоряжаться нашим имуществом и нашею жизнью.

— Пред Клеверхаузом, — произнесла Эдит совершенно упавшим голосом, — боже мой, вы погибли! Вы погибли прежде, чем предстанете перед судом! Он писал моей бабушке, что завтра будет у нас проездом, направляясь в главный город нашего графства, где несколько отчаянных вигов, воодушевляемых присутствием в их среде двух или трех убийц примаса, собрались вместе с целью поднять восстание против правительства. Выражения, которыми он пользуется в письме, заставили меня содрогнуться, хотя я не знала тогда, что... что мой друг...

— Не надо чрезмерно тревожиться обо мне, моя родная Эдит, — сказал Генри, заключая ее в объятия, — хотя Клеверхауз беспощаден и крут, но все говорят, что он человек прямой, благородный и честный. Я сын солдата и буду защищаться, как подобает солдату. Он благосклоннее, может статься, отнесется к открытой и бесхитростной речи, чем это сделал бы подобоострастный и трусливый судья. В самом деле, в наше время, когда суд всех инстанций прогнал насквозь, я предпочитаю расстаться с жизнью в результате неприкрытого произвола военщины, чем быть приговоренным к смертной казни при помощи какого-нибудь подлого фокуса, придуманного прожженным судебским крючком, который использует свое знание законов и кодексов, созданных, чтобы оказывать нам защиту, ради того, чтобы добиться нашего осуждения.

— Вы погибли, погибли, если ваше дело зависит от Клеверхауза! — вскричала Эдит. — «Искоренить до основания» — это наиболее мягкое из его выражений. Несчастный примас был ему близким другом, а в дни молодости полковника Грэма — и его покровителем. «Никакие оправдания, никакие увертки, — говорится

в его письме, — не спасут ни тех, кто непосредственно причастен к этому злодеянию, ни тех, кто покровительствовал убийцам или предоставлял им убежище, от сурового наказания, предусмотренного законами, и я буду непреклонен до тех пор, пока не отдам в отпущение за это чудовишное убийство столько же жизней, сколько на голове этого почтенного старца было седых волос». Тщетно надеяться на сострадание или сочувствие.

Дженни Деннисон, хранившая до этой поры молчание, видя, что влюбленные, понимая опасность, тем не менее не могут найти против нее средства, решилась подать совет:

— С позволения вашей милости, мисс Эдит, а также вашей, молодой мистер Мортон, нам нельзя терять время. Пусть Милнвуд возьмет мой плед и мое платье; я мигом сброшу их в темном углу, если он обещает, что не будет смотреть. И он, как ни в чем не бывало, пройдет мимо Тома Хеллидея, который наполовину ослеп от своего эля; а я расскажу мистеру Гарри, как ему потихоньку выбраться из нашего замка; а ваша милость, мисс Эдит, спокойно отправитесь к себе в комнату; я же завернусь в серый плащ и надену на себя шляпу и буду изображать заключенного, пока можно, а потом позову Тома и заставлю его меня выпустить.

— Выпустить? — сказал Мортон. — Да вы за это поплатитесь жизнью!

— Нисколечко, — ответила Дженни, — Том ради себя самого не посмеет признаться, что он хоть когда-нибудь впустил в эту комнату; и я заставлю его как-нибудь объяснить исчезновение арестованного.

— Так вот оно что, черт подери! — сказал часовой, внезапно показываясь в дверях. — Если я наполовину ослеп, то еще не оглох, и вам не нужно было так громко трещать о своем замысле, раз вы хотели его исполнить. А ну-ка, мисс Дженет, марш! Отряд, рысью! В галоп! Черт меня побери! А вы, госпожа родственница, — не хочу дознаваться вашего настоящего имени, — хоть вы и собирались сыграть со мною такую подлую шутку, должен ли я очистить свой

пост? Должен. А раз так, давай пошевеливайся, пока вы не устроили мне подвоха.

— Надеюсь, — сказал Мортон, обеспокоенный этим неожиданным происшествием, — надеюсь, вы не станете рассказывать о случившемся, друг мой, и поверите моему слову, что я постараюсь отплатить за вашу любезность, сохраняя все происшествие в тайне. Если вы подслушивали нашу беседу, то должны были заметить, что мы не приняли и даже не обсуждали поспешного предложения этой доброй и сострадательной девушки.

— Доброй и сострадательной девушки! Черта с два! — сказал Хеллидей. — Что касается остального, я догадываюсь, в чем дело, да я не охотник разносить сплетни или болтать всякую всячину, как другие; но только эту кокетливую чертовку Дженни Деннисон благодарить не за что; она заслуживает основательной трепки, потому что тащит бедного парня прямо в беду, и все из-за того, что ему сдурю понравилась ее осыпанная веснушками рожица.

Дженни располагала только теми средствами самозащиты, к которым во всех трудных случаях имеют обыкновение прибегать представительницы прекрасного пола, и часто не безуспешно; она прижала к лицу носовой платок и начала судорожно рыдать, и то ли действительно плакала, то ли притворялась, что плачет, как мог бы сказать Хеллидей, — но ее всхлипывания были поразительно правдоподобны.

— А теперь, — продолжал солдат, немного смягчась, — если вам нужно еще о чем-нибудь потолковать, толкуйте себе, даю вам ровно две минуты на это, и вообще, покажите мне поскорей свои спины; ведь взбреди в пьяную башку Босуэла произвести смену на полчаса раньше, солоно придется и мне и вам заодно.

— Прощайте, Эдит, — прошептал Мортон, собирая всю свою твердость, которой у него в эту минуту было не слишком много. — Уходите, уходите, предоставьте меня судьбе; что бы ни ожидало меня, я стерплю решительно все, раз вы думаете и помните обо мне. Покойной ночи, покойной ночи! Идите, чтобы вас тут не застigli.

Произнеся эти слова, он препоручил Эдит ее спутнице, которая не торопясь вывела ее под руку из комнаты узника.

— Конечно, у каждого свой собственный вкус, — сказал Хеллидей, — но черт меня побери, когда бы я стал огорчать такую милую девушку даже из-за всех вигов, поклявшихся в верности ковенанту.

Добравшись до своей комнаты, Эдит дала волю отчаянию, что немало встревожило Дженни, которая принялась утешать ее, хватаясь за все, что ни приходило ей в голову.

— Не надо так огорчаться, мисс Эдит, — говорила верная горничная, — кто знает, откуда может прийти помощь молодому Мортону? Он кавалер храбрый, и добрый, и честный, и они не вздернут его, как бедняг вигов, которых вылавливают на болоте и потом развешивают на деревьях, точно связки зимнего лука; может, его вызволит дядя, а может, и ваш дядюшка замолвит за него слово: уж кому-кому, а ему знакомы все эти господа красные куртки.

— Верно, Дженни! Верно, — сказала Эдит, оправляясь понемногу от овладевшего ею оцепенения. — Сейчас не время предаваться отчаянию, сейчас нужно действовать. Найди кого-нибудь, кто отвез бы этой же ночью письмо моему дяде.

— В Чарнвуд, сударыня? Но уже страшно поздно, и туда целых шесть миль, да еще кусок, что ведет вниз, до реки; боюсь, что нам не найти этой ночью ни человека, ни лошади; к тому же они поставили часового у ворот. Бедный Кадди! Нет его больше с нами, бедняги, а то бы он сделал все, чего бы от него ни потребовали, и даже не спросил бы, зачем это нужно. А с новым пахарем у меня еще не было времени познакомиться, и потом, говорят, будто он собирается взять за себя Мег Мердисон, эту жалкую коротышку.

— И все-таки ты должна кого-нибудь отыскать, слышишь, Дженни; от этого зависит жизнь или смерть Генри Мортон.

— Я бы отправилась и сама, моя леди; я могу вылезти из окошка чулана и спуститься вниз по старому тису; я проделывала это не раз. Но дорога в Чарн-

вуд ужасно дикая, а тут такое множество красных курток, не говоря уж о виггах, которые будут несколько не лучше (молодые парни, конечно), если встретят такое слабое существо, да еще одну-единешеньку, да еще в пустоши. Я не постояла бы, чтобы пойти в Чарнвуд пешком, я могу, и даже очень могу, пройти десять миль, когда светит луна.

— Неужели ты так и не сможешь вспомнить о ком-нибудь, кто ради денег или из преданности согласится оказать эту услугу? — спросила, волнуясь, Эдит.

— Нет, пожалуй, что не смогу, — ответила после некоторого раздумья Дженни. — Разве Гусенок Джибби; только он, может статься, не знает дороги, хотя отыскать ее проще простого, если он будет держаться конной тропы, да не забудет свернуть у Капперклю, и не потонет в Хумлеккернской топи, и не свалится с утеса у Чертова луга, или не оступится на щербатых ступеньках Уолкуорского перехода, или не наткнется на виггов, которые уведут его с собой в горы, или не наскочит на красные куртки и они не потащат его в тюрьму.

— Надо все-таки попытаться, — сказала Эдит, пресекая перечень происшествий, могущих помешать благополучному прибытию Джибби к конечному пункту его многотрудных странствий, — нужно рискнуть, раз не найти гонца понадежнее. Пойди, вели мальчику приготовиться, и потом ты сама выведешь его из нашего замка, да так, чтобы никто этого не заметил. Если его остановят в пути, пусть скажет, что несет письмо майору Беллендену из Чарнвуда, но не называет других имен.

— Понимаю, сударыня, — сказала Дженни, — я уверена, что парнишка справится с этим делом, и Тиб, нашей птичнице, я скажу, чтобы она присмотрела за птицей, и еще я передам Джибби, что ваша милость поговорит с леди Маргарет, и он получит прощение, и что мы дадим ему доллар.

— Пообещай ему два, если он удачно выполнит поручение, — приказала Эдит.

Дженни пошла будить Джибби, так как в это время он уже спал, укладываясь на покой на заходе солнца или чуть позже вместе с гусями и прочей

домашней птицей, находившейся под его присмотром. Пока Джени отсутствовала, Эдит успела написать следующее письмо, адресовав его: «В собственные руки майора Беллендена из Чарнвуда, моего глубоко-чтимого дяди».

Дорогой дядя! Пишу, чтобы известить вас о том, что я хотела бы знать, как ваша подагра, — мы не встретили вас на смотре, и это обеспокоило и бабушку и меня. И если вам не повредит выехать, мы будем счастливы видеть вас в нашем скромном жилище завтра за утренним завтраком, так как полковник Грэм Клеверхауз, проходя с полком, обещал быть у нас, и мы бы хотели, чтобы вы помогли нам встретить и принять у себя столь заслуженного воина, которого, возможно, не очень-то развлечет общество женщин. И кроме того, дорогой дядя, передайте, пожалуйста, миссис Карфорт, вашей домоправительнице, что я прошу ее переслать мое платье из падуанского шелка — с такой же подкладкой и со свисающими рукавами; она найдет его в третьем ящике в ореховом шкафу, что в зеленой комнате, которую вы по своей доброте зовете моею. И еще, дорогой дядя, пришлите, пожалуйста, второй том «Кира Великого», так как я прочла только до заточения Филидаспа в тюрьму на семьсот тридцать третьей странице. Но самое главное, дядя, приезжайте к нам завтра утром, к восьми, что вы сможете сделать, не поднимаясь раньше обычного часа, — ведь у вас такой замечательный иноходец. Итак, моля бога о вашем здоровье, остаюсь вашей почтительною и любящею племянницей

Эдит Белленден.

P. S. Сегодня под вечер несколько лейб-гвардейцев доставили сюда арестованного — это ваш юный друг Генри Мортон из Милнвуда. Предполагая, что вас огорчит происшествие с этим молодым джентльменом, довожу об этом до вашего сведения на случай, если вы вздумаете ходатайствовать за него перед полковником Грэмом. Я не называла бабушке его имени, так как знаю ее неприязнь к семье Мортон»,

Письмо было надлежащим образом запечатано и отдано Дженни, после чего преданная служанка поспешила вручить его Джибби, готовому тронуться в путь. Она подробно объяснила ему, как нужно идти, так как предвидела, что он, конечно, собьется с дороги, не проделав ее предварительно раз пять или шесть, ибо природа наградила его такой же скудной порцией памяти, как и ума. В заключение она тихонько выпроводила его через окно кладовой, откуда он перелез на раскидистый тис, и с облегчением вздохнула, увидев, что Джибби благополучно достиг земли и, пускаясь в странствие, пошел в нужном направлении. Возвратившись к своей молодой госпоже, Дженни принялась уговаривать ее прилечь и хотя бы немного вздремнуть, уверяя ее, что Джибби, без сомнения, справится со своим посольством, и, кстати, мимоходом посетовала, что нет ее верного Кадди, который куда лучше исполнил бы подобное поручение.

Джибби-гонiec оказался удачливее Джибби-кавалериста. Благодаря счастливой случайности, а не сметливости и расторопности, сбившись с пути не менее девяти раз и дав своему платью испробовать вкус воды во всех лужах, ручьях и болотах между Тиллитудлемом и Чарнвудом, он уже на рассвете добрался до ворот старого дома майора Беллендена, пройдя десять миль (ибо «кусок», как обычно, составлял добрых четыре мили) за десять часов с небольшим.

Глава XI

Во двор к нам примчался отряд удалой,
И там капитан им скомандовал: «Стой!»

Свифт

Давнишний слуга майора Беллендена Гедеон Пайк, принеся к постели своего господина одежду, приготовленную для утреннего туалета почтенного старого воина, и разбудив его на час раньше обыч-

ного, сообщил ему в свое оправдание, что из Тиллитудлема прибыл нарочный.

— Из Тиллитудлема? — переспросил старый джентльмен, поспешно поднимаясь с постели и усаживаясь на ней. — Отвори ставни, Пайк; надеюсь, моя невестка здорова; откинь полог, Пайк. Что тут такое? — продолжал он, бросая взгляд на письмо Эдит. — Подагра? Какая подагра? Она отлично знает, что у меня не было приступа с самого сретенья. Смотр? Но ведь я говорил ей месяц назад, что не собираюсь там быть. Платье из падуанского шелка со свисающими рукавами? Повесить бы ее самое! Кир Великий и Филипп Даст. Филипп Черт Подери! Девчонка спятила, что ли? Стоило ли посылать нарочного и будить меня в пять утра ради такой дребедени! А что в постскриптуме? Боже мой! — воскликнул он, пробежав приписку. — Пайк, Пайк, немедленно седлай старика Килсайта и другого коня для себя!

— Надеюсь, сэр, ничего тревожного из Тиллитудлема? — спросил Пайк, пораженный внезапным порывом своего господина.

— Ничего... то есть... да, да ничего; я должен там встретиться с Клеверхаузом по неотложному делу; итак, Пайк, в седло! Как можно быстрее! О господи! Ну и времена! Бедный мальчик... Сын моего соратника и старого друга! И глупая девчонка заткнула это известие куда-то в постскрипtum, как она сама выражается, после всего этого вздора о старых платьях и новых романах!

В несколько минут славный старик офицер был совершенно готов к отъезду; усевшись на коня столь же величественно, как это сделал бы сам Марк Антоний, он направился в Тиллитудлем.

Зная о давней ненависти леди Маргарет ко всем без исключения пресвитерианам, он по дороге благо-разумно решил не сообщать ей о том, кто и какого звания арестованный, находящийся в ее замке, но самостоятельно добиваться от Клеверхауза освобождения Мортонa.

«Человек исключительной честности и благородства, он не может не пойти навстречу такому старому

роялисту, как я, — размышлял ветеран. — Все говорят, что он хороший солдат, а если так, то он с радостью поможет сыну старого всина. Я еще не встречал настоящих солдат, которые не были бы просто-сердечны, не были бы честными и прямыми ребятами; и я полагаю, что было бы в тысячу раз лучше, если бы стоять на страже законов (хотя грустно, конечно, что они находят необходимым издавать такие суровые) доверили людям военным, а не мелочным судебским крючкам или меднолобым сельским дворянам».

Таковы были размышления майора Майлса Беллендена, прерванные подвыпившим Джоном Гьюдьилом, который принял у него повод и помог ему спешиться на грубо вымощенном дворе Тиллитудлема.

— Ну, Джон, — сказал майор, — хороша у тебя, черт подери, дисциплина! Ты, никак, уже с утра успел начитаться женевской стряпни?

— Я читал литании, — ответил Джон, покачивая головой и смотря на майора с хмельною важностью (он уловил лишь одно слово из всего сказанного майором). — Жизнь коротка, сэр, и мы — полевые цветы, сэр, ик... ик... и лилии дола.

— Цветы и лилии? Нет, приятель, такие чудища, как мы с тобой, едва ли заслуживают другого названия, чем плевел, увядшая крапива или сухой бурьян; но ты считаешь, видимо, что мы все еще нуждаемся в орошении?

— Я старый солдат, сэр, и, благодарение господу, ик... ик...

— Ты всего-навсего старый пьянчуга, приятель. Ладно, старина, проводи меня к своей госпоже.

Джон Гьюдьил привел майора в большой, выложенный каменными плитами зал, где леди Маргарет, суется и поминутно меняя свои приказания, заканчивала приготовления к приему знаменитого Клеверхауза, которого одни чтили и превозносили до небес, как героя, а другие проклинали, как кровожадного угнетателя.

— Разве я вам не сказала, — говорила леди Маргарет, обращаясь к своей главной помощнице, — разве я вам не сказала, Мизи, что хотела бы соблюсти в точности то убранство стола, которое было в столь памятное мне утро, когда его священнейшее величество вкушал завтрак у нас в Тиллитудлеме?

— Конечно, ваша милость именно так и приказывали, и я сделала как только могла получше... — начала было Мизи, но леди Маргарет, не дав ей закончить, перебила:

— Почему, в таком случае, паштет из дичи оказался у вас по левую руку от трона, а графин с кларетом — по правую, когда, как вы хорошо помните, Мизи, его священнейшее величество собственноручно переставил паштет поближе к графину, сказав, что они приятели и разлучать их негоже.

— Я это очень хорошо помню, сударыня, — сказала Мизи, — а если бы, упаси боже, запомнявала, то ваша милость вспоминали об этом счастливом утре многое множество раз; но я думала, что все нужно поставить совсем так, как оно было при входе в этот зал его величества, благослови его господи, — он больше походил бы на ангела, чем на мужчину, когда бы не был таким смуглым с лица.

— А раз так, Мизи, значит вы плохо думали и додумались до чепухи: ведь как бы его священнейшее величество ни переставлял графины и кубки, это в не меньшей мере, чем королевская воля в более значительных и важных делах, должно быть законом для его подданных, и будет всегда таковым для тех, кто имеет отношение к Тиллитудлему.

— Все в порядке, сударыня, — сказала Мизи, делая необходимые перестановки, — ошибку нетрудно исправить; но только, если всякой вещи полагается быть такой же, какую ее оставил король, то в паштете, с вашего позволения, была очень даже немалая дырка.

В это мгновение приоткрылась дверь.

— В чем дело, Джон Гьюдьил! — воскликнула старая леди. — Я занята и не стану ни с кем разговаривать. А, это вы, дорогой брат? — продолжала она,

несколько удивившись при виде майора. — Ранехонько вы к нам сегодня пожаловали.

— Хотя и ранним гостем, но, надеюсь, все же желанным, — ответил майор, здороваясь со вдовой своего покойного брата. — Я узнал из записки, присланной Эдит в Чаривуд по поводу кое-каких ее нарядов и книг, что вы ожидаете нынешним утром Клеверза, и подумал, что такой старый ружейный кремень, как я, не без удовольствия поболтал бы с этим идущим в гору солдатом. Я приказал Пайку седлать Килсайта, и вот мы оба у вас.

— И до чего кстати, — сказала старая леди. — Я сама хотела просить вас об этом, но посчитала, что уже поздно. Как видите, я занимаюсь приготовлениями. Все должно быть совершенно таким же, как тогда...

— Когда король завтракал в Тиллитудлеме, — сказал майор, который, подобно всем друзьям леди Маргарет, боялся повествования об этом событии и поспешил пресечь хорошо известный ему рассказ. — Да, да, это утро крепко засело у меня в памяти; вы помните, ведь я служил его величеству за столом.

— Совершенно верно, — сказала леди Маргарет, — и вы можете, должно быть, напомнить мне некоторые подробности.

— Нет, сестрица, увы! — ответил майор. — Проклятый обед, которым через несколько дней Нол угостил нас под Вустером, вышиб из моей памяти все ваши чудесные яства. Но что я вижу? Тут даже то большое турецкое кресло, и на нем те же подушки.

— Трон, братец; с вашего позволения, это трон, — наставительно произнесла леди Маргарет.

— Трон так трон, — продолжал майор, — и он послужит Клеверзу исходной позицией для атаки паштета, не так ли, сестрица?

— Нет, братец, — ответила леди, — эти подушки покоили на себе нашего обожаемого монарха, и их, даст бог, не обременит, пока я жива, тяжесть какой-нибудь менее достойной особы.

— В таком случае, — сказал старый солдат, — вам не следовало оставлять их на глазах почтенного

старого кавалериста, проскакавшего до завтрака десять миль; признаюсь, они выглядят страшно заманчиво. А где Эдит?

— У зубцов сторожевой башенки, — ответила старая леди, — ждет, когда покажутся наши гости.

— Ну что ж, пожалуй, и я поднимусь наверх. И раз этот зал приведен в полную боевую готовность, то и вам не мешало бы отправиться вместе со мной. Чудесная вещь, доложу вам, любоваться кавалерийским полком на марше.

Произнося эти слова, майор со старинной галантностью предложил леди Маргарет руку, принятую ею с теми церемониями и выражениями признательности, что были в ходу в Холирудском дворце до 1642 года, который на время вывел из моды и придворные церемонии и дворцы.

У зубцов башенки, куда они поднялись, проделав нелегкий путь по винтовой лестнице с неудобными, грубо сложенными ступенями, майор увидел Эдит, насколько не похожую на молодую девицу, сгорающую от нетерпения и любопытства в ожидании блестящих драгун, но, напротив, бледную, подавленную, с лицом, которое неоспоримо доказывало, что минувшею ночью сон не слетал к ее изголовью. Доброго старого воина поразил и огорчил ее измученный вид, тогда как леди Маргарет в суете приготовлений к приему высокого гостя ничего этого, видимо, не замечала.

— Что с тобой, глупышка? — сказал он, обращаясь к Эдит. — Почему ты выглядишь как жена офицера, раскрывающая после кровавого дела «Ньюз Леттер» и боящаяся найти в списке убитых и раненых имя своего супруга? Впрочем, причина ясна: ты читалась этих дурацких романов, ты глотаешь их днем и ночью и льешь слезы над страданиями, которых никто никогда не испытывал. Каким образом, черт побери, можешь ты верить бессмысленным басням вроде того, что Артамен, или как его там, сражался в одиночку против целого батальона? Удачно сразиться одному против трех — и то величайшее чудо, и я никогда не встречал никого, кроме капрала Раддлбейна, кто решался бы драться при этих усло-

виях. А эти проклятые книги изображают какие-то совершенно невероятные подвиги, и позволительно думать, что, окажись Раддлбейн рядом с твоим Артаменом, ты сочла бы капрала полным ничтожеством. Я охотно отправил бы тех, кто стряпает такую несусветную чушь, на аванпосты, поближе к огню.

Леди Маргарет, которая и сама любила романы, не преминула вступить за них.

— Мосье Скюдери, — сказала она, — сам солдат, и, как мне приходилось слышать, отличный; то же самое и господин д'Юрфе.

— Тем хуже для них; кому-кому, а им полагалось бы основательней знать то, о чем они пишут. Что до меня, то последние двадцать лет я не раскрывал ни одной книги, за исключением библии, да еще «В чем долг человека», и, совсем недавно, — сочинения Тернера «Pallas Armata, или Руководство к использованию пикинеров», хотя и не согласен с придуманною им тактикой. Он предлагает располагать кавалерию впереди пикинеров, вместо того чтобы помещать ее на их крыльях; не сомневаюсь, что, поступи мы так при Килсайте и не поставь горсточки наших всадников с флангов, противник первой же своею атакой смял бы их и бросил на наших горцев. Но что это? Я слышу литавры.

Все устремились к зубцам башенки, откуда открывался вид на далеко протянувшуюся долину реки. Замок Тиллитудлем стоял, а может быть, стоит и поныне на очень крутом и обрывистом берегу Клайда,¹ в том месте, где в него впадает довольно большой ручей. Через этот ручей, близ его устья, был переброшен узкий горбатый одноарочный мост, и по этому мосту, а затем у основания высокого и изрезанного берега проходила, извиваясь, большая дорога; укрепления Тиллитудлема, господствовавшие над дорогой и переправой, приобретали в военное время исклю-

¹ Замок Тиллитудлем — плод фантазии автора; впрочем, развалины замка Кренсена, на берегу Нисена, приблизительно в трех милях от его слияния с Клайдом, напомнят читателю описания, которые он встретит в романе. (*Прим. автора.*)

чительно большое значение, ибо, кто хотел обеспечить за собой пути сообщения между лежащими выше глухими и дикими округами и теми, что находятся ниже, где долина становится шире и более пригодной для земледелия, тот должен был удерживать в своих руках эту твердыню. Внизу повсюду расстилались леса; впрочем, на ровных местах и слегка покатых склонах в непосредственном соседстве с рекой виднелись хорошо возделанные поля неправильной формы, отделенные одно от другого живыми изгородями и рошицами; было очевидно, что эти участки отвоеваны человеком у леса, который теснил их отовсюду, занимая сплошным массивом более крутые откосы и более отдаленные берега. Чистый сверкающий поток коричневого оттенка, напоминающего кернгорнский горный хрусталь, пробегает по этой романтической местности, делая смелые изгибы и петли, то прячась между деревьями, то вновь открываясь взору. С предусмотрительностью, неведомой в других уголках Шотландии, крестьяне развели вокруг своих жилищ сады, и бурное цветение яблонь в эту весеннюю пору придавало нижней части пейзажа вид огромного цветника.

Вверх по течению Клайда характер пейзажа заметно менялся к худшему. Холмистый, пустынный, невозделанный край подступал к берегам реки; деревья здесь были редкими и теснились поближе к потоку; невдалеке от него унылые пустоши сменялись тяжелыми и бесформенными холмами, которые, в свою очередь, переходили в гряды величавых, высоких гор, смутно различаемых на горизонте. Таким образом, с башни открывался вид в двух направлениях: с одной стороны — на прекрасно возделанную и веселую местность, с другой — на дикие и мрачные, поросшие вереском пустоши.

Глаза собравшихся у зубцов башенки были прикованы к нижней части пейзажа, и не только из-за того, что с этой стороны он был привлекательнее, но также и потому, что из долины, где извивалась, взбираясь вверх, большая дорога, начали доноситься далекие звуки военной музыки, возвещавшей прибли-

жение давно ожидаемого полка лейб-гвардейцев. Вскоре в отдалении показались их тускло поблескивавшие ряды; они то исчезали, то вновь появлялись, так как иногда их скрывали деревья и изгибы дороги, и вообще различить их можно было главным образом по вспышкам яркого света, который время от времени излучало на солнце оружие. Колонна была длинная и внушительная — в ней насчитывалось до двухсот пятидесяти всадников; сверкание их палашей и развевающиеся знамена в сочетании со звонкими голосами труб и громоханием литавр порождали в восприятии грозные и полные жизни картины. По мере их приближения все отчетливее становились видны ряды этих отборных солдат, в полном вооружении и на великолепных конях, следовавшие длинною вереницей друг за другом.

— Это зрелище молодит меня лет на тридцать, — сказал старый кавалерист, — и все же мне был бы не по душе тот род службы, который навязывают этим бедным ребятам. И мне пришлось испытать свою чашу во время гражданской войны; могу сказать, не колеблясь, что никогда не служил я с таким удовольствием, как за границей, когда мы рубились с врагами, у которых и лица и язык были чужими. Скверное дело слышать, как кто-нибудь на родном, шотландском наречии молит тебя о пощаде, а ты должен рубить его, как если бы он вопил чужеземное «*Miséricorde!*»¹ Ба, да они уже на Несервудской низинке; славные ребята, честное слово! И какие кони! Тот, кто несется вскачь от хвоста колонны к ее голове, не кто иной, как сам Клеверз; вот он уже впереди, и они въехали на мост; не пройдет и пяти минут, как они будут у нас.

Возле моста, под башней, полк разделился надвое, причем бо́льшая часть, поднявшись по левому берегу ручья и переправившись вброд несколько выше, пустилась к ферме — так обычно называли большую усадьбу с различными хозяйственными постройками, — где по приказанию леди Маргарет все было

¹ Пошады! (франц.).

готово для их приема и угощения. Только офицеры со своим знаменем и охраной при нем направились по круто поднимавшемуся проезду к главным воротам замка, исчезая время от времени за выступами берега или среди огромных старых деревьев, скрывавших их своими ветвями. Наконец узкая тропа кончилась, и они оказались перед фасадом старого замка, ворота которого были гостеприимно распахнуты в ожидании их прибытия. Леди Маргарет вместе с Эдит и деверем, поспешно спустившись со своего наблюдательного поста, в сопровождении многочисленной свиты из слуг, которые в меру возможного, принимая во внимание вчерашнюю оргию, все же соблюдали установленный этикет, появилась перед гостями, чтобы встретить и приветствовать их. Отменно галантный юный корнет (родня и тезка Клеверхауза, с которым читатель успел уже познакомиться) склонил под звуки фанфар в знак уважения к высокому титулу знатной хозяйки и чарам ее красавицы-внучки офицерское знамя, и старые стены ответили эхом на переливчатые голоса труб и на топот и ржание коней.

Клеверхауз без посторонней помощи прыгнул с вороного коня, который, быть может, был самым красивым во всей Шотландии. На нем не было ни одного белого волоска, и это обстоятельство, наряду с его нравом, быстротою и тем, что он нередко носил на себе своего седока в погоню за мятежными пресвитерианами, породило среди последних молву, что этот скакун был подарен своему нынешнему владельцу самим сатаной, чтобы помогать ему в преследовании бегущих скитальцев. После того, как Клеверхауз с чисто военной учтивостью выразил свое почтение дамам и принес извинения за все неудобства, которые причинил леди Маргарет и ее близким, а в ответ выслушал от нее подходящие случаю уверения в том, что никаких неудобств не было, да и быть не могло, раз столь заслуженный воин и столь верный слуга его величества короля оказывает своим присутствием честь стенам ее Тиллитудлема, — короче говоря, после того, как были соблюдены все правила и формулы гостеприимства и вежливости, полковник

попросил у леди Маргарет позволения выслушать рапорт сержанта Босуэла, стоявшего тут же, и, отойдя в сторону, коротко с ним переговорил. Майор Белленден воспользовался этой заминкой и сказал, обращаясь к племяннице, однако так, чтобы леди Маргарет не услышала его слов:

— Что за пустая и несмысленная ты девчонка, Эдит! Посылать с нарочным письмо, набитое всяким вздором о книгах и тряпках, и всунуть единственное, за что можно дать мараведи, куда-то в самый конец, в постскриптум!

— Я не знала, — ответила Эдит в замешательстве, — я не знала, подобало ли мне, подобало ли...

— Понимаю, ты хочешь сказать: ты не знала, имеешь ли право испытывать сочувствие к пресвитерианину. Но я знал еще отца этого парня. Он был славный солдат, и если был когда-то на ложном пути, то был и на правильном. Я должен похвалить твою осторожность, Эдит: бабушке действительно не стоит говорить о деле этого юноши; ты можешь рассчитывать на мое молчание, я тоже не стану посвящать ее в это дело. Попробую поговорить с Клеверзом. Пойдем, дорогая, они уже отправились завтракать. Нужно идти и нам.

Глава XII

С утра они плотно решили поесть —
Такой уж обычай у путников есть.

Прайор

Завтрак леди Маргарет Белленден столько же подходил на современный «*déjeuner*»,¹ как большой, выложенный каменными плитами зал Тиллитудлема — на столовую нашего времени. Ни чая, ни кофе, ни всевозможных булочек и печенья, но зато солидная и существенная еда: пасторский окорок, рыцарское филе, благородная вырезка, отменный паштет из дичи; при этом серебряные кувшины, едва спасенные

¹ Легкий завтрак (*фринц.*).

от ковенантеров и теперь вновь извлеченные из тайников, некоторые с элем, другие с медом, а прочие с тонким вином различных сортов и букетов. Аппетит гостей вполне соответствовал великолепию и солидности поданных яств — не вялое поклевывание, не детская забава, а упорное и длительное упражнение челюстей, чему способствовали ранние утренние часы и не слишком изысканный стол во время похода.

Леди Маргарет с наслаждением наблюдала за тем, как заготовленные ею лакомые кусочки с поразительной быстротой исчезали во чреве ее почетных гостей, и ей почти не приходилось потчевать кого-либо из них, за исключением разве одного Клеверхауза, а между тем в обычае дам той эпохи было вкладывать в это дело такую неумолимость, словно их гости подвергаются *«reine force et dure»*.¹

Впрочем, самый почетный гость, озабоченный больше комплиментами по адресу мисс Белленден, возле которой его посадили, чем удовлетворением своего аппетита, был недостаточно внимателен к представленным перед ним изысканным блюдам. Эдит молча слушала бесчисленные любезности, которые он ей расточал голосом, обладавшим счастливой способностью переливаться мягкими нотками в интересной беседе, но в шуме сражения звучать «среброзвонной трубой». Сознание, что она находится рядом с внушающим ужас вождем, от чьего «да будет так» зависит судьба Генри Мортонa, воспоминание о страхе и трепете, порождаемых одним именем этого военачальника, лишили ее на время не только смелости отвечать на его вопросы, но даже решимости взглянуть на него. Когда же, ободренная наконец его тоном, она подняла на него глаза и пролепетала что-то ему в ответ, оказалось, что в сидящем рядом с ней человеке нет ни одного из тех жутких свойств, которыми она его наделила в своем воображении.

Грэм Клеверхауз был во цвете лет, невысок ростом и худощав, однако изящен; его жесты, речь и манеры были такими, каковы они обычно у тех, кто

¹ «Наказанию суровому и тяжелому» (франц.).

живет в аристократическом и веселом обществе. Черты его отличались присущей только женщинам правильностью. Овальное лицо, прямой, красиво очерченный нос, темные газели глаза, смуглая кожа, сглаживавшая некоторую женственность черт, маленькая верхняя губа со слегка приподнятыми, как у греческих статуй, уголками, оттененная едва заметной линией светло-каштановых усиков, и густые, крупно вьющиеся локоны такого же цвета, обрамлявшие с обеих сторон его выразительное лицо, — это была наружность, какую любят рисовать художники-портретисты и какою любят женщины.

Суровость его характера, равно как и более возвышенное качество — безграничная и деятельная отвага, которую вынуждены были признавать в нем даже враги, таилась где-то под его внешнею оболочкою, подходившей, казалось, скорее ко двору или к салонам, чем к полю сражения. Благожелательность и веселость, которыми дышали черты его привлекательного лица, одушевляли также любое его движение и любой жест; в целом, на первый взгляд, Клеверхауз мог показаться скорее жрецом наслаждений, чем честолюбия. Но за этой мягкой наружностью скрывалась душа, безудержная в дерзаниях и замыслах и, вместе с тем, осторожная и расчетливая, как у самого Маккьявелли. Глубокий политик, полный, само собой разумеется, того презрения к правам личности, которое порождается привычкой к интригам, этот полководец был холодеи и бесстрастен в опасностях, самонадеян и пылок в использовании успеха, беззаботен перед лицом смерти и беспощаден к врагам. Таковы люди, сложившиеся во время гражданских раздоров, люди, чьи лучшие качества, извращенные политической враждой и стремлением подавить обычное в таких случаях сопротивление, весьма часто сочетаются с пороками и страстями, сводящими на нет их достоинства и таланты.

Пытаясь отвечать на любезности Клеверхауза, Эдит проявила столько застенчивости, что ее бабушка сочла нужным поспешить к ней на помощь.

— Эдит Белленден, — сказала старая леди, — вследствие моего уединенного образа жизни так мало встречала людей своего круга, что ей и впрямь трудно поддерживать разговор и отвечать подобающим случаю образом. Воины у нас столь редкие гости, полковник Грэм, что, за исключением юного лорда Эвендела, нам едва ли случалось принимать у себя джентльмена в военной форме. Кстати, вспомнив об этом отличном молодом дворянине, могу ли я осведомиться у вас, будем ли мы иметь удовольствие видеть его сегодня среди ваших гвардейцев?

— Лорд Эвендел, сударыня, проделал поход вместе с нами, — ответил Клеверхауз, — но я счел необходимым послать его с небольшим отрядом, чтобы рассеять этих несносных бездельников, которые до того обнаглели, что собрались в скопище на расстоянии каких-нибудь пяти миль от моей штаб-квартиры.

— Вот как! — воскликнула старая леди. — Это, можно сказать, верх безрассудства, на которое, я полагала, не осмелятся даже эти мятежные изуверы. Да, странные у нас времена! Скверный дух в наших местах, полковник; это он толкает вассалов знатных особ бунтовать против тех, кто их содержит и кормит. Один из моих людей, здоровый и крепкий, на днях наотрез отказался выполнить мое требование и отправиться на боевой смотр. Не найдется ли закона, полковник, на такого ослушника?

— Полагаю, что за этим дело не станет, — ответил, сохраняя невозмутимое спокойствие, Клеверхауз. — Лишь бы ваша милость соизволила назвать имя и указать местопребывание провинившегося.

— Его имя, — ответила леди Маргарет, — Кутберт Хедриг. Не могу сказать, где сейчас его дом; после своей выходки, можете мне поверить, полковник, он недолго оставался у нас в Тиллитудлеме и был тотчас же изгнан за своеволие. Но я бы отнюдь не хотела, чтобы этого молодца наказали слишком сурово; тюрьма или даже немного розог послужили бы хорошим уроком для нашей округи. Его мать, под влия-

нием которой он, наверное, действовал, — давнишняя наша служанка, и это склоняет меня к снисходительности. Впрочем, — продолжала старая леди, устремив взгляд на портреты покойного мужа и сыновей, которыми была увешана одна из стен зала, и тяжело при этом вздыхая, — впрочем, полковник Грэм, я не имею права испытывать сострадание по отношению к этому упрямому и мятежному поколению. Они сделали меня бездетной вдовой, и, не находясь я под защитой августейшего нашего государя и его храбрых солдат, они же не замедлили бы лишить меня и земли, и имущества, и крова, и даже господнего алтаря. Семеро моих фермеров, арендная плата которых в совокупности достигает ста мерков в год, решительно отказались платить ее, равно как и другие налоги, и имели дерзость заявить моему управителю, что не признают ни короля, ни землевладельца, а только тех, кто принял их ковенант.

— С разрешения вашей милости я поговорю с ними по-своему, — сказал в ответ на эти жалобы Клеверхауз. — Я поступил бы неправильно, если б не оказал поддержку законной власти, особенно когда она находится в таких достойных руках, как руки леди Белленден. Должен, однако, признаться, что эта часть нашей страны день ото дня становится все беспокойнее и что это обстоятельство вынуждает меня принимать против смутьянов меры, которые вытекают скорее из круга моих обязанностей, чем из моих личных склонностей. И раз мы заговорили об этом, считаю своим долгом поблагодарить вашу честь за гостеприимство, которое вы изволили оказать небольшому отряду, доставившему сюда арестованного, повинного в том, что он предоставил убежище кровожадному убийце Белфуру Берли.

— Двери Тиллитудлема, — ответила леди Маргарет, — всегда открыты для верных слуг его величества короля, и я позволяю себе уповать, что камни, из которых сложены стены этого замка, будут покоиться друг на друге лишь до того времени, пока он не перестанет пребывать столько же в распоряжении короля и его слуг, сколько в нашем. В связи

с этим, полковник, мне вспомнилось, что джентльмен, начальствующий этим отрядом, — принимая во внимание то, чья кровь течет в его жилах, — едва ли занимает в нашей армии подобающее ему по рождению место, и если бы я могла льстить себя надеждой на то, что моя просьба будет уважена, я взяла бы на себя смелость ходатайствовать перед вами, чтобы при первом удобном случае он был произведен в офицеры.

— Ваша честь имеет в виду сержанта Фрэнсиса Стюарта, которого мы зовем Босуэлом, — сказал с улыбкою Клеверхауз. — По правде говоря, попадая в сельскую местность, он чрезмерно усердствует и к тому же не безупречен в отношении дисциплины, которой требуют от нас правила службы. Но поставить меня в известность, чем я могу услужить леди Беллленден, все равно что продиктовать мне закон. Босуэл, — продолжал он, обращаясь к сержанту, который в это мгновение появился в дверях, — поцелуйте леди Маргарет руку: она хлопчет за вас; вы получите производство при первой свободной вакансии.

Босуэл направился выполнять приказание, однако с явным намерением показать, что делает это с большой неохотой; покончив с этим, он заявил:

— Поцеловать руку у леди — не унижение для джентльмена; но поцеловать руку мужчине, за исключением короля, — нет, я не сделаю этого даже за генеральский мундир.

— Вы его слышите, леди, — заметил Клеверхауз, усмехаясь, — здесь его камень преткновения; он никак не может забыть своей родословной.

— Я уверен, — тем же тоном продолжал Босуэл, — я уверен, что вы не забудете, мой благородный полковник, о своем обещании; и тогда, быть может, вы разрешите корнету Стюарту помнить о своих прадедах, тогда как сержант должен о них забыть.

— Хватит, сударь, — сказал Клеверхауз привычным для него повелительным тоном, — хватит; скажите, зачем вы явились сюда и что имеете сообщить.

— Лорд Эвендел со своими людьми и несколькими задержанными дожидается ваших приказаний на дороге у замка, — ответил Босуэл.

— Лорд Эвендел! — вмешалась в разговор леди Маргарет. — Вы, конечно, разрешите ему, полковник, оказать мне честь своим посещением и скромно позавтракать с нами; позвольте напомнить, что его священнейшее величество, сам король, проезжая мимо нашего замка, остановился в нем и подкрепился в дороге.

Так как леди Маргарет уже в третий раз вспоминала об этом достойном событии, полковник Грэм поспешно, однако не нарушая вежливости, воспользовался первою паузой, чтобы пресечь этот злополучный рассказ.

— Нас и без того более чем достаточно за этим столом. Но понимая, как грустно было бы лорду Эвенделу, — сказал он, взглянув на Эдит, — лишиться того удовольствия, которое выпало на мою долю и на долю этих господ, я беру на себя смелость, рискуя злоупотребить вашим гостеприимством, принять от его имени ваше любезное приглашение. Босуэл, сообщите лорду Эвенделу, что леди Белленден просит оказать ей честь своим посещением.

— Не забудьте передать Гаррисону, — добавила почтенная леди, — чтобы он позаботился о людях, и лошадях.

Во время этого разговора сердце Эдит затрепетало от радости: ей представилось, что благодаря своей власти над лордом Эвенделом она, быть может, найдет способ избавить Мортон от грозящей ему опасности, если ходатайство ее дяди пред Клеверхаузом окажется безуспешным. При других обстоятельствах она бы не разрешила себе воспользоваться этою властью; при всей ее неопытности в житейских делах, врожденная чуткость не могла не подсказывать ей, что красивая молодая женщина, принимая от молодого человека услуги, связывает себя известными обязательствами. Она не хотела обращаться к лорду Эвенделу с какой бы то ни было просьбой также и потому, что досужие кумушки Клайдс-

дейла уже давно — по причинам, о которых речь пойдет ниже — судачили о нем, как о ее поклоннике. К тому же ей было ясно, что требуется лишь незначительное поощрение с ее стороны, и эти догадки, еще недавно не имевшие под собой никакой почвы, станут вполне справедливыми. А этого и нужно было больше всего опасаться: вздумай лорд Эвендел сделать ей формальное предложение, он имел бы все основания рассчитывать на поддержку леди Маргарет и всех ее близких, и она не могла бы противопоставить их увещаниям и родственной власти ничего, кроме своей любви к Мортону, а это было и опасно и бесполезно. Поэтому она приняла решение выждать, чем завершатся хлопоты ее дяди, и, если они окажутся тщетными, о чем она, конечно, тотчас же догадается по взглядам или репликам старого воина, воспользоваться как последним средством спасения Мортонa нежным вниманием к ней лорда Эвендела. Душа ее, впрочем, недолго оставалась в неведении относительно успехов ее старого дяди.

Майор Белленден, отдавший должное обильному угощению и все время оживленно беседовавший с офицерами, которые сидели в том же конце стола, что и он, теперь, когда завтрак закончился и можно было встать с места, нашел удобный повод подойти к Клеверхаузу и попросил племянницу оказать ему честь, представив его полковнику. Так как майор был известен в военных кругах, они встретились как люди, глубоко уважающие друг друга. Эдит с замиранием сердца видела, как ее пожилой родственник вместе со своим новым знакомым покинули остальное общество и уединились в проеме одного из стрельчатых окон зала. Она следила за их беседой почти невидящими глазами, так как напряженное ожидание затуманило ее зрение; впрочем, тревога, пожиравшая ее изнутри, обостряла в ней наблюдательность, и по немым жестам, сопровождавшим их разговор, она догадывалась о том, как Клеверхауз принял заступничество майора за Мортонa и к чему может повести эта встреча.

Сначала лицо Клеверхауза выражало ту прямодушную доброжелательность, которая, пока неизвестно в чем состоит просьба, говорит о том, какое это огромное удовольствие оказать услугу просителю. Однако чем дольше продолжался их разговор, тем более хмурым и суровым становилось лицо полковника, и хотя черты его все еще сохраняли выражение безукоризненной и утонченной вежливости, оно показалось под конец испуганному воображению Эдит неумолимым и жестким. Губы полковника были сжаты, словно он испытывал нетерпение; время от времени они кривились в улыбку, в которой проступало учтивое пренебрежение к доводам, приводимым майором. Ее дядя, насколько она могла судить по его жестам, горячо убеждал Клеверхауза со свойственным его характеру простодушием и вместе с тем с чувством собственного достоинства, на которое ему давали право возраст и безупречная репутация. Но его слова, видимо, не производили особого впечатления на полковника Грэма, который вскоре отошел от окна с очевидным намерением пресечь настойчивость старого воина и закончить разговор какой-нибудь фразой, содержащей любезное сожаление по поводу неисполнимости просьбы и вместе с тем решительный и твердый отказ. Они подошли так близко к Эдит, что она отчетливо слышала, как Клеверхауз произнес:

— Это невозможно, майор Белленден; снисходительность в этом случае несовместима с возложенным на меня поручением, хотя во всем остальном я искренне и с большой радостью оказал бы вам любую услугу. А вот и лорд Эвендел и, надо полагать, с новостями. Какие вести, Эвендел? — продолжал он, обращаясь к юному лорду, только что вошедшему в зал. Он был в полной форме, хотя одежда его была в беспорядке и сапоги забрызганы грязью, что свидетельствовало о том, что ему пришлось проделать нелегкий путь.

— Дурные, сэр, — ответил Эвендел. — Большая толпа вооруженных вигов собралась на холмах; нам придется иметь дело с настоящим восстанием. Они

всенародно сожгли Акт о верховенстве, и тот, которым учреждалась епископальная церковь, и манифест о мученическом венце Карла Первого, и ряд других документов; они заявили о своем намерении не расходиться и не расставаться с оружием, чтобы углубить и продолжить дело, возведенное Реформацией.

Это неожиданное известие взволновало всех, за исключением Клеверхауза.

— Вы называете это дурными вестями? — сказал полковник, и его темные глаза загорелись мрачным огнем. — Но они много лучше всего, слышанного мной за последнее полугодие. Теперь, когда негодяи собрались вместе, мы легко и сразу справимся с ними. Если ехидна покажется при дневном свете, — добавил он, ударяя каблуком об пол, словно и в самом деле собирался раздавить ядовитого гада, — я могу растоптать ее насмерть; но она в безопасности, пока скрывается в своем логове или болоте. Где эти бездельники? — продолжал он, обращаясь к лорду Эвенделу.

— В горах, приблизительно в десяти милях отсюда, в месте, именуемом Лоудон-хилл, — последовал ответ молодого лорда. — Я разогнал сборище, против которого вы послали меня, и захватил одного из закоренелых глашатаев мятежа — это, так сказать, пуританский священник, которого мы застали за подстрекательством его паствы к восстанию, к борьбе за правое дело, как он говорил, и, кроме него, еще двоих из его слушателей, показавшихся мне особенно наглыми; все прочее известно мне от местных жителей и лазутчиков.

— Каковы могут быть силы мятежников? — спросил Клеверхауз.

— Возможно, около тысячи, но сведения на этот счет очень разноречивы.

— В таком случае, господа, — сказал Клеверхауз, — пора в путь и нам. Босуэл, велите трубить выступление.

Босуэл, который, подобно боевому коню из писания, чуял битву издалека, поспешил передать приказ Клеверхауза шестерым неграм в белых, богато расшитых галунами мундирах, с массивными серебряными воротниками и такими же нарукавниками. Эти черные

служаки были в полку трубачами, и вскоре стены старого замка и окрестные леса огласились трубными звуками.

— Значит, вы покидаете нас? — спросила леди Маргарет; сердце ее болезненно сжалось, в ней ожили тягостные воспоминания о былом. — Не лучше ли послать людей для выяснения численности мятежников? О, сколько раз слышала я эти грозные звуки, сколько раз звали они из Тиллитудлема полных жизни и сил, молодых, цветущих мужчин, но мои старые глаза никогда не видели, чтобы они возвращались назад.

— Я не могу оставаться дольше, — сказал Клеверхауз, — в этих местах найдется достаточно негодяев, чтобы впятеро увеличить число мятежников, если мы немедленно их не раздавим.

— И так уже многие, — добавил Эвендел, — сбегаются к ним, и они утверждают, что ждут сильное подкрепление из принявших индульгенцию пресвитериян, которых ведет молодой Милнвуд, как они называют его, сын прославленного некогда круглоголового, полковника Сайлеса Мортон.

Присутствующие каждый по-своему восприняли это известие. Эдит, потрясенная им, едва не упала со стула, тогда как Клеверхауз устремил острый и полный сарказма взгляд на майора Беллендена, выражавший, казалось, следующее: «Теперь вы видите, каковы убеждения того юноши, за которого вы заступались».

— Это ложь, это наглая ложь бесстыдных фанатиков! — воскликнул майор. — Я готов отвечать за Генри Мортон, как отвечал бы за своего сына. Его религиозные взгляды столь же благонадежны, как взгляды любого офицера лейб-гвардии. В этом ни для кого нет ни малейшего оскорбления. Он бывал со мной в церкви по крайней мере раз пятьдесят, и я ни разу не слышал, чтобы он не ответил вместе со всеми, когда это полагается по ходу богослужения. Эдит Белленден может подтвердить справедливость моего свидетельства — они пользуются общим молитвенником, и он знает тексты писания не хуже священника. Позовите, выслушайте его.

— Убытку от этого, конечно, не будет, невиновен ли он или виновен. Майор Аллан, — сказал Клеверхауз, поворачиваясь к старшему офицеру, — возьмите проводника и ведите полк к Лоудон-хиллу самой удобной и короткой дорогой. Двигайтесь как можно быстрее, но смотрите, чтобы люди не заморили коней. Лорд Эвендел и я нагоним вас не позже, чем через четверть часа. Оставьте Босуэла с небольшим отрядом, он будет конвоировать арестованных.

Аллан поклонился и вышел из зала в сопровождении всех офицеров, кроме Клеверхауза и молодого Эвендела. Через несколько минут звуки военной музыки и топот коней возвестили, что всадники выезжают из замка. Потом музыка стала доноситься только урывками и наконец замерла в отдалении.

Пока Клеверхауз старался успокоить тревогу леди Белленден и убедить старого воина в ошибочности его мнения о Мортоне, Эвендел, поборов застенчивость, обычную в бесхитростном молодом человеке при приближении к предмету его обожания, подошел к мисс Белленден и обратился к ней тоном глубокого уважения, в котором вместе с тем ощущалось сильное и нежное чувство.

— Мы должны вас покинуть, — сказал он, беря ее руку, которую сжал с неподдельным волнением, — покинуть ради дела, не лишено известного опасности. Прощайте, дорогая, милая мисс Белленден; позвольте сказать в первый и, быть может, последний раз — дорогая Эдит! Мы уходим при обстоятельствах столь необычных, что они могут, как кажется, извинить некоторую торжественность при расставании с той, которую я так давно знаю и к которой испытываю столь глубокое уважение.

Тон лорда Эвендела не соответствовал содержанию его слов и свидетельствовал о чувстве более глубоком и сильном, чем выражения, которыми он воспользовался. Не нашлось бы, вероятно, женщины, которая могла бы остаться бесчувственной к его скромной и идущей из глубины души нежности. И хотя Эдит была подавлена горем и ужасной опасностью, нависшей над тем, кого она так любила, все же почтительная и без-

надежная страсть милого юноши, прощавшегося с ней перед тем, как пойти навстречу неведомым и грозным опасностям, тронула и взволновала ее.

— Я надеюсь, я искренне убеждена, — сказала Эдит, — вам не угрожает опасность. Надеюсь, что нет оснований для такого торжественного прощания, что эти обезумевшие повстанцы будут скорее рассеяны страхом, чем силою, и что лорд Эвендел вскоре возвратится сюда, и снова окажется с нами, и будет навсегда дорогим и уважаемым другом всех обитателей замка.

— Всех, — повторил Эвендел, подчеркивая это слово с нескрываемой грустью. — Пусть будет так: все, что близко и дорого вам, так же близко и дорого мне, и поэтому я ценю их внимание и любовь. Что касается успеха нашего предприятия, то в нем я отнюдь не уверен. Нас так мало, что я не смею надеяться на быстрое, бескровное и благополучное завершение этого злосчастного бунта. Эти люди исполнены фанатизма, они решительны, они отчаянно храбры, и у них вожди, не лишенные военного опыта. Я не могу освободиться от мысли, что стремительность нашего командира бросает нас против них, пожалуй, несколько преждевременно. Впрочем, о личной безопасности я не думаю; оснований щадить себя у меня меньше, чем у кого бы то ни было.

Теперь Эдит представился случай — чего она так хотела — попросить юного дворянина, чтобы он вступился за Мортон; ей казалось, что это единственный способ избавить его от почти неминуемой смерти. Но она чувствовала, что, обратившись к Эвенделу, злоупотребит преданностью и доверием влюбленного в нее юноши; она знала, что делается у него в сердце, как если бы он ей признался в любви. Совместимо ли с ее честью заставлять лорда Эвендела оказывать услуги сопернику? Благоразумно ли обращаться к нему с какой-либо просьбой и тем самым связать себя и дать пищу надеждам, которым никогда не суждено сбыться? Впрочем, момент был критический и не допускал ни длительных колебаний, ни объяснений,

которые могли бы скрыть истинную причину ее горячего участия в Мортоне.

— Я допрошу этого молодца, — сказал Клеверхауз с противоположного конца зала, — после чего, лорд Эвендел, как мне ни грустно прерывать вашу беседу, нам придется все же сесть на коней. Босуэл, почему не ведут арестованного? Пусть двое солдат зарядят карабины.

Эдит услышала в этих словах смертный приговор ее Генри. Она пересилила робость, принуждавшую ее так долго к молчанию; в сильном смущении, запинаясь, она сказала:

— Лорд Эвендел, этот молодой человек — близкий друг моего дяди; вы, очевидно, имеете влияние на полковника — разрешите просить вас вступить за Мортон... Этим вы премного обяжете дядю:

— Вы преувеличиваете мои возможности, мисс Белленден, — сказал лорд Эвендел. — Не один раз, движимый простым человеколюбием, я обращался с тем же к полковнику, но, увы, безуспешно.

— А теперь попытайтесь ради моего старого дяди.

— А почему бы не ради вас, Эдит? — спросил лорд Эвендел. — Позвольте мне думать, что в этом деле я оказываю услугу вам, и никому больше. Неужели вы настолько не доверяете старому другу, неужели не хотите доставить ему удовольствие думать, что он исполнил ваше желание?

— Конечно, конечно, — поспешила согласиться Эдит, — вы бесконечно меня обяжете... Я принимаю к сердцу эту историю с молодым Мртоном, так как она очень волнует майора. Не теряйте времени, заклинаю вас господом богом!

Она все смелее и настойчивее обращалась к Эвенделу, потому что услышала шаги часовых, входивших в это мгновение вместе с арестованным в зал.

— В таком случае, — сказал лорд Эвендел, — клянусь небом, он не умрет, хотя бы мне пришлось отдать за него свою жизнь. — Но в награду за мое усердное служение вам, — продолжал он, вновь беря ее руку, которую она в смятении не решалась отнять

у него, — не дадите ли также и вы обещание выполнить одну мою просьбу?

— Все, что вы пожелаете, мой дорогой лорд, все, на что способна сестра ради любимого брата.

— И это все, — продолжал молодой человек, — и это все, что вы можете обещать моему чувству, пока я жив, и моей памяти в случае моей смерти...

— Не надо так говорить, милорд, — сказала Эдит, — ваши слова разрывают мне сердце; вы несправедливы к себе самому. У меня нет ни одного друга, которого я ценила бы так высоко, как вас, которому я могла бы с большей готовностью представить доказательство моего глубочайшего уважения, при условии... Но...

Прежде чем она успела закончить, тяжкий вздох внезапно заставил ее обернуться; и пока она подбирала слова, чтобы точнее выразить ограничение, которым хотела заключить свою фразу, ей стало ясно, что их слышал Мортон, проходивший в это мгновение у нее за спиной — в тяжелых оковах, под конвоем солдат, — чтобы предстать перед полковником Клеверхаузом. Взгляды их встретились; жесткий и полный упрека взгляд Мортон подтвердил, как ей показалось, что он частично слышал ее слова и превратно истолковал услышанное. Не хватало лишь этого, чтобы Эдит окончательно перестала владеть собой. Кровь, только что заливавшая краской румянца ее лицо, отхлынула к сердцу, и она стала бледной как смерть. Эта перемена не ускользнула от внимания лорда Эвендела, быстрый взгляд которого без труда обнаружил, что между арестованным и предметом его привязанности существуют какие-то необыкновенные и странные связи. Он выпустил руку мисс Белленден, еще раз с большим вниманием оглядел арестованного, снова взглянул на Эдит и явственно заметил смущение, которого она не могла дольше скрывать.

— Это, — сказал он глухо после минутного и тягостного молчания, — если не ошибаюсь, тот самый молодой джентльмен, который взял на стрелковом состязании приз.

— Может быть, — пробормотала Эдит, — нет... я склонна думать, что это не он, — произнесла она, едва ли понимая, что говорит.

— Нет, это он, — решительно заявил лорд Эвендел, — я узнаю его. Победитель, — продолжал он несколько высокомерно, — должен был бы произвести большее впечатление на прекрасную зрительницу.

Сказав это, он отошел от нее и, приблизившись к столу, за которым расположился полковник, остановился невдалеке, опираясь на свой палаш, молчаливый, но отнюдь не равнодушный свидетель происходящего.

Глава XIII

Остерегайтесь ревности, милорд.

«Отелло»

Чтобы объяснить глубокое впечатление, произведенное на несчастного узника обрывками того случайно подслушанного им разговора, который мы подробно передали выше, необходимо сказать несколько слов о его душевном состоянии в последнее время и о том, как он познакомился с Эдит Белленден.

Генри Мортон был одним из тех одаренных людей, которые, обладая множеством разнообразных способностей, даже не подозревают об этом. Он унаследовал от отца неустрашимую отвагу и стойкое, непримиримое отвращение к любому виду насилия как в политике, так и в религии. Однако его приверженность своим убеждениям, не взращенная на дрожжах пуританского духа, была свободна от всякого фанатизма. Душа молодого человека не была скована его путами, и этим он был обязан отчасти деятельным усилиям своего острого и проницательного ума, отчасти нередким и надолго затягивавшимся посещениям майора Беллендена. У последнего он встречался с его многочисленными гостями и, общаясь с ними, понял, что доброе сердце и достойная жизнь не являются исключительной привилегией тех, кто

принадлежит к определенному религиозному исповеданию.

Гнусная скарედность дяди создала много помех его образованию и воспитанию; но он так использовал представлявшиеся сами собой возможности, что и его наставники и близкие ему люди были поражены успехами, которых он добился несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Тем не менее его душу постоянно сковывало сознание, что он зависим, беден и, сверх того, недостаточно и поверхностно образован. Это сделало его сдержанным и застенчивым, и никто, кроме самых близких друзей, не подозревал, как велики и многообразны его способности и как тверд и непреклонен его характер. Обстоятельства того времени придали этой сдержанности вид нерешительности и безразличия, так как, не примыкая ни к одной из многочисленных партий, разделивших королевство на несколько враждующих станов, он мог производить впечатление ограниченного и бесстрастного человека, которому неведомы ни религиозное чувство, ни любовь к родине. Такое заключение было бы, однако, крайне несправедливым, потому что стремление к нейтралитету, которого он так упорно придерживался, коренилось в побуждениях совсем иного порядка и, надо сказать, достойных всяческой похвалы. Он завязал близкое знакомство с некоторыми из тех, кто подвергался преследованиям за свои убеждения, и его оттолкнули от них нетерпимость и узость владевшего ими сектантского духа, их мрачный фанатизм, непостижимое для него и претившее ему осуждение всех видов искусства, а также вполне невинных забав и развлечений, их отравленная взаимною ненавистью политическая непримиримость. Впрочем, еще больше его возмущали тиранический, попирающий все и вся образ правления, распущенность и жестокость солдат, казни на эшафоте и побоища в чистом поле, размещения войск на постой и вымогательства, чинимые под прикрытием военных законов, которые, неограниченно властвуя над жизнью и имуществом свободных людей, ставили их в положение каких-нибудь бесправных азиатских рабов. Осуждая и ту и другую

стороны за разного рода крайности, тяготясь творящимся у него на глазах злом и страдая от невозможности его облегчить, слыша вокруг себя то жалобы угнетенных, то клики ликующих угнетателей, радость которых была для него далекой и чуждой, он уже давно оставил бы родную Шотландию, если бы его не удерживала привязанность к Эдит Белленден.

Вначале молодые люди встречались в Чарнвуде, где Эдит гостила у майора Беллендена, который в делах любви был не более проникателен, чем сам дядюшка Тоби, и поощрял возникшую между ними взаимную склонность, не догадываясь об ее истинной сущности и не помышляя о ее естественных следствиях. Их любовь, как всегда в таких случаях, состояла у дружбы ее название, пользовалась ее языком и притязала на ее привилегии. После возвращения в замок бабушки Эдит, как это ни поразительно — в особенности принимая в расчет расстояние между Тиллитудлемом и Милнвудом, — по какому-то странному и неизменно возникавшему стечению обстоятельств стала во время своих одиноких прогулок часто встречать Генри Мортонa. Как бы то ни было, она ни разу не выразила своего удивления — что было бы так естественно — по поводу этих постоянно повторяющихся случайностей, и их отношения мало-помалу сделались более близкими и душевными, а их встречи стали похожи на заранее условленные свидания. Они обменивались книгами, рисунками, письмами, и всякая, самая мелкая услуга или любезность, оказанная им или ею, вызывала новую переписку. Слова «любовь» они, правда, еще не успели произнести, но каждый из них достаточно хорошо разбирался в состоянии своего сердца и, конечно, догадывался, что творится в сердце другого. Не имея сил отказаться от исполненных такого очарования встреч, трепеща при мысли о слишком вероятных последствиях, избегая решительного объяснения, продолжали они поддерживать эту нежную дружбу, пока судьба не решила распорядиться по-своему.

Из-за всего этого, а также мнительности, присущей характеру Мортонa, его время от времени тер-

зало неверие в ответные чувства Эдит. По своему положению она стояла неизмеримо выше него: она была богата, так образованна, так красива, у нее были такие очаровательные манеры, что он жил в вечном страхе, как бы между ним и предметом его обожания не оказался какой-нибудь новый поклонник, взысканный судьбой больше него и более, чем он, приемлемый для семейства Белленден. Молва указывала на такого соперника: это был лорд Эвендел. Его происхождение, богатство, связи и политические взгляды, а также частые посещения Тиллитудлема и постоянное присутствие во всех общественных местах рядом с леди Маргарет и ее внучкой давали основание предполагать, что Эдит отдает ему предпочтение; нередко случалось, что разные увеселения, в которых принимал участие лорд Эвендел, препятствовали встрече влюбленных, и Генри не мог не заметить, что Эдит или старательно избегала говорить о молодом дворянине, или говорила о нем с явной сдержанностью и неохотой.

Эти тревожные недомолвки, вызванные в действительности нежностью ее чувства к Мортону, были превратно истолкованы его природною недоверчивостью, и ревность, которую они в нем разожгли, находила для себя пищу в замечаниях, как бы невзначай брошенных Джени Деннисон. Как две капли воды похожая на служанку с театральных подмостков, она была законченной деревенской кокеткой, и, когда ей не представлялось возможности дразнить собственных обожателей, пользовалась всяким удобным случаем, чтобы помучить поклонника ее юной леди. Происходило это не из-за ее неприязни к Мортону, который не только в глазах ее госпожи, но и в ее собственных, с его статной фигурой и красивым лицом, был жених хоть куда. Но лорд Эвендел был тоже красив; он был более щедр, чем Мортон, который не располагал для этого средствами, и к тому же был лордом. Если бы мисс Эдит Белленден приняла его предложение, то стала бы супругой барона, и, что самое важное, она, маленькая Джени Деннисон, которую грозная домоправительница Тиллитудлема

помыкала в свое удовольствие, превратилась бы в мисс Деннисон, собственную служанку ее милости леди Эвендел и, кто знает, может стать, даже в ее камеристку. Беспристрастие Дженни не простиралось поэтому так далеко, как беспристрастие миссис Куикли, и она не выражала желания, чтобы оба красивых соперника разом женились на ее юной леди, так как чаша весов ее уважения, нужно признать, все же склонялась в пользу лорда Эвендела и расположение, которое она питала к нему, выражалось в самых различных формах, неизменно мучительных для Мортон; то она дарила его каким-нибудь дружеским предупреждением, то удостоивала сообщением «по секрету», то позволяла себе веселую шутку, но все это неизменно преследовало одну и ту же определенную цель, а именно — напомнить Мортону, что рано или поздно его романтические встречи с ее госпожой должны прекратиться и что Эдит Белленден, несмотря на летние прогулки в тени деревьев, обмен стихами, книгами и рисунками, кончит тем, что станет леди Эвендел.

Эти намеки попадали в самую точку, усиливая страхи и подозрения Мортон, и он был недалек от того, чтобы ощутить в себе муки ревности, которую испытывал всякий любивший по-настоящему, но которой особенно подвержены те, кто страдает из-за отсутствия дружеского участия или из-за досадных помех судьбы. Сама Эдит бессознательно, по благородству своей искренней и прямой натуры, вводила в заблуждение своего друга. Как-то в разговоре они коснулись насилья, учиненных недавно солдатами, которыми, как утверждали (впрочем, несправедливо), командовал лорд Эвендел. Эдит, одинаково верная как в любви, так и в дружбе, была задета словами сурового осуждения, высказанного по этому поводу Мртоном, который, возможно, был особенно резок под влиянием недоброго чувства к своему предполагаемому сопернику. Она вступилась за лорда Эвендела, и притом с таким пылом, что Мортон воспринял это как оскорбление, потрясшее его до глубины души, что немало потешило Дженни Деннисон, всегдашнюю спутницу их прогулок. Почувствовав, что допустила

ошибку, Эдит постаралась ее исправить, но впечатление, которое произвел этот случай на Мортонa, было не из тех, что легко изглаживаются, и оно немало способствовало укреплению в нем решимости отправиться за границу, чему, впрочем, помешали причины, о которых мы недавно упоминали.

Последнее их свидание, когда Эдит пришла к нему в башню, ее глубокое и взволнованное участие в его судьбе — все это должно было бы рассеять его подозрения; однако, изобретая для себя все новые пытки, он решил, что и это — лишь проявление ее дружбы или, самое большее, мимолетного чувства, которое, конечно, не устоит перед обстоятельствами, внушениями друзей, властью леди Маргарет и постоянством лорда Эвендела.

«Но что виною, — вопрошал он себя, — что виною тому, что я не могу предстать перед всеми и открыто, как подобает мужчине, добиваться своего, пока меня не обведут вокруг пальца? Да что же иное, как не вездесущая и проклятая тирания, которая властвует над нашими телами, душами, имуществом и любовью! И одному из этих наемных головорезов деспотического правительства я должен уступить мои притязания на Эдит Белленден? Нет, этому не бывать, клянусь небом! Я был безучастен к общественным бедствиям, и вот теперь, как заслуженное мною возмездие, они коснулись меня самого, и не только они, но и сопутствующие им оскорбления, и притом в такой области, где их меньше всего можно стерпеть!»

Этот стремительный поток бурливших в нем мыслей и длинная вереница воспоминаний обо всех обидах и оскорблениях, перенесенных им в борьбе за себя и за дело родины, были прерваны появлением у него в башне сержанта Босуэла, сопровождаемого двумя драгунами, у одного из которых были с собой ручные оковы.

— Вам придется пройти со мной, молодой человек, — сказал сержант, обращаясь к Мортону, — но сначала мы вас немножко принарядим.

— Принарядите? — спросил Мортон. — Как это следует понимать?

— Да никак: просто нам придется надеть на вас эти браслетики; они, правда, тяжеловаты, но ничего не поделаешь. Я не дерзнул бы — нет, я дерзнул бы, черт побери, на все, что угодно, — но даже за трехчасовой грабеж в только что захваченном городе я не повел бы к полковнику вига без оков на руках. Э, молодой человек, стоит ли огорчаться из-за таких пустяков!

Он направился к Мортону, чтобы надеть на него наручники, но тот, схватив дубовый стул, на котором перед этим сидел, заявил, что проломит голову первому, кто посмеет к нему приблизиться.

— Да я мог бы, мой мальчик, укротить вас в один миг, — сказал Босуэл, — но, право, было бы предпочтительнее, чтобы вы сами, без шума, убрали паруса и отдали якорь.

В этом случае он говорил сущую правду; ему хотелось поладить с Мортоном миром не потому, что арестованный внушал ему страх и не из нежелания применить насилие, а потому, что он опасался шумной борьбы, из-за которой могло стать известно, что, вопреки строжайшим приказам, он оставил узника на ночь без кандалов.

— Для вас же лучше вести себя возможно благо-разумнее, — продолжал он примирительным, по его мнению, тоном, — и не портить себе игры. В замке усиленно поговаривают, что внучка леди Маргарет вот-вот пойдет под венец с нашим молодым капитаном, лордом Эвенделом. Я только что видел их в зале, они были вместе, и я слышал, как она просила его вступить за вас. Она чертовски красива и была до до того с ним нежна, что, клянусь моею душой... Но что за дьявольщина, что с вами? Вы стали белый как полотно. Хотите глоточек бренди?

— Мисс Белленден просила обо мне лорда Эвендела? — едва слышно произнес Мортон.

— Ну, конечно же; нет друзей, равных женщинам, — уж они добьются всего и при дворе и в армии. А! Вы, кажется, чуточку поумнели. И, сдается, пришли в себя.

Говоря это, он принялся надевать на арестованного наручники, и Мортон, потрясенный сообщением Босуэла, не оказал ему никакого сопротивления.

— Его молят пощадить мою жизнь, и молит об этом она. Какой ужас!.. Надевайте скорее оковы... Мои руки не станут больше противиться, они не откажутся влачить на себе такое же бремя, как навалившееся на мою душу. Эдит молит о моей жизни — и молит лорда Эвендела!

— Вот именно, и он сможет добиться помилования, — заметил Босуэл, — ведь никто в полку не имеет такого влияния на полковника, как Эвендел.

На этом Босуэл закончил свои увещания, и Мортон повели в зал. Проходя позади кресла Эдит, несчастный узник слышал обрывки ее разговора с лордом Эвенделом; и того, что до него донеслось, было, как ему представлялось, совершенно достаточно, чтобы подтвердить сказанное сержантом. В это мгновение в его характере произошел внезапный и крутой перелом. Глубочайшее отчаяние, в которое его повергли разбитые надежды на любовь и на счастье, опасность, угрожавшая его жизни, непостоянство Эдит, ее заступничество, звучавшее теперь горькой насмешкой, убили в нем, как он думал, всякое чувство к той, что заполняла всю его жизнь, и вместе с тем разбудили другие, заглушавшиеся до этого более нежными, но и более эгоистическими страстями. Полный безграничной отваги, он решил отстаивать права своей родины, попираемые в его лице. Его характер в эти мгновения изменился так же неузнаваемо, как меняется облик какой-нибудь загородной усадьбы, которая, попав в руки вторгшегося в нее воинского отряда, из обиталища домашнего покоя и счастья тотчас же превращается в грозное укрепление.

Мы уже упоминали о том, что он бросил на Эдит взгляд, полный упрека и одновременно печали и как бы говоривший ей: «Прощай навсегда». Вслед за этим он направился решительным шагом к столу, за которым сидел Клеверхауз.

— По какому праву, — сказал он твердо, не дожидаясь вопросов полковника, — по какому праву ваши

солдаты, сударь, оторвали меня от моих домашних и надели оковы на руки свободного человека?

— На основании моего приказа, — ответил Клеверхауз, — а теперь я приказываю вам помолчать и выслушать мои вопросы.

— И не подумаю, — заявил уверенным тоном Мортон; его смелость, казалось, наэлектризовала всех свидетелей этой сцены.

— Я желаю знать, законно ли я заключен под стражу и перед гражданским ли судьей нахожусь. И желаю знать об этом заранее, прежде чем в моем лице будет нанесено оскорбление конституции моей родины.

— Вот уж, поистине, примерный молодой человек! — проговорил Клеверхауз.

— Вы с ума сошли, Генри, — обратился майор Белленден к своему юному другу. — Ради самого господ бога, — продолжал он голосом, в котором слышалось и увещание и осуждение, — помните, что вы разговариваете с одним из офицеров его величества, занимающим высокое служебное положение.

— Именно поэтому, сударь, — твердо заявил Генри, — я и хочу выяснить, по какому праву он держит меня под арестом, не имея на то законного основания. Если бы здесь был представитель судебной власти, я знал бы, что мой долг — повиноваться ему.

— Ваш друг, — холодно сказал Клеверхауз, обращаясь к старому воину, — один из тех свержщепетильных джентльменов, которые, подобно помешанному в комедии, не повяжут своего галстука без приговора судьи Пересола; но я смогу доказать этому юноше прежде, чем уеду отсюда, что мои аксельбанты — такие же символы власти, как жезл судьи. Итак, прекратим эти прения, и будьте любезны, молодой человек, ответить точно и ясно, когда вы видели Белфура Берли?

— Насколько я знаю, вы не имеете права задавать мне такой вопрос, — ответил Мортон, — и я отказываюсь на него отвечать.

— Вы признались моему сержанту, — сказал Клеверхауз, — что видели Берли и предоставили ему

кров, хотя были осведомлены, что он — объявленный вне закона преступник; почему же вы не желаете быть столь же откровенным со мною?

— Потому, — ответил на это узник, — что полученное вами образование должно бы, казалось, обязывать вас уважать права, которые вы стремитесь поправить; а я хочу, чтобы вы отдавали себе отчет, что еще не перевелись шотландцы, способные отстаивать свободу Шотландии.

— И эти воображаемые права вы готовы защищать своей шпагой, не так ли?

— Будь я вооружен так же, как вы, и случись нам с вами столкнуться в горах, вам не пришлось бы дважды задавать этот вопрос.

— С меня совершенно достаточно, — невозмутимо сказал Клеверхауз, — ваши речи вполне соответствуют всему, что я о вас слышал. Но вы сын солдата, хотя и мятежного, и вы не умрете смертью собаки; я избавлю вас от такого позора.

— Я умру так, как смогу, — отозвался Мортон, — я умру, как подобает сыну отважного человека, и да падет позор, о котором вы говорите, на головы тех, кто проливает невинную кровь.

— Даю вам пять минут для примирения с небом. Босуэл, ведите его во двор и приготовьте людей.

Этот жуткий разговор и его завершение до того потрясли присутствовавших, что все, кроме самих собеседников, пораженные ужасом, оцепенели в молчании. Теперь, однако, со всех сторон раздались возгласы и увещания; старая леди Маргарет, несмотря на предубежденность, свойственную ее общественному положению и политическим взглядам, не смогла побороть в себе чувствительность своего пола и во всеуслышание вступилась за Мортон.

— О полковник, — воскликнула она, — пощадите его юную жизнь! Передайте его в руки закона; нет, нет, не оплачивайте мне за гостеприимство пролитием человеческой крови у порога моего дома!

— Полковник Грэм, — сказал майор Белленден, — не думайте, что если я стар и немощен, то сын моего друга может быть безнаказанно умерщвлен у меня

на глазах. Я смогу отыскать друзей, которые заставят вас ответить за это.

— Успокойтесь, майор, я отвечаю за свои действия, — бесстрастно сказал Клеверхауз. — А вы, сударыня, соблаговолите избавить меня от горькой необходимости отклонить вашу страстную просьбу о помиловании этого государственного преступника. Вспомните, что благородная кровь членов вашей семьи пролита такими, как он.

— Полковник Грэм, — ответила старая леди, дрожа от волнения, — я предоставляю возмездие господу богу, возвестившему, что оно принадлежит ему, и никому больше. Если вы прольете кровь этого юноши, вы не возвратите тех, кто дорог моему сердцу; да и могу ли я находить для себя утешение в том, что еще какая-нибудь вдова станет, быть может, бездетной, как это случилось со мной, из-за черного дела, совершенного у моей двери?

— Но ведь это безумие чистой воды, — возразил Клеверхауз. — Я обязан исполнить мой долг перед церковью и государством. Здесь тысяча негодяев, открыто поднявших восстание, а вы просите, чтобы я пощадил молодого фанатика, которого и одного было бы совершенно достаточно, чтобы зажечь пожаром все королевство. Нет, это решительно невозможно. Босуэл, уведите его!

Та, кто больше всех переживала это роковое решение, дважды делала попытку заговорить, но ее не слушался голос, ее ум не находил нужных слов, а язык был бессилен их вымолвить. Она вскочила со своего места, чтобы устремиться вперед, но упала бы навзничь на каменный пол, не подхвати ее вовремя верная Дженни.

— На помощь! — закричала она. — Ради бога на помощь! Моя юная леди кончается.

Услыхав ее крик, Эвендел, неподвижно стоявший на протяжении всей этой сцены, опираясь на свой палаш, теперь подошел к Клеверхаузу и произнес:

— Полковник Грэм, повремените с исполнением приговора и позвольте сказать вам два слова наедине.

Клеверхауз удивленно взглянул на Эвендела, но тотчас же встал из-за стола и отошел с ним в оконную нишу, где между ним произошел следующий краткий диалог.

— Надеюсь, полковник, мне незачем напоминать вам о том, что в минувшем году, когда наша семья оказала вам некоторые услуги в известном деле, которое разбиралось в Тайном совете, вы заявили, что считаете себя обязанным нам?

— Разумеется, мой милый Эвендел, — ответил Клеверхауз, — ведь я не принадлежу к числу тех, кто забывает свои долги, и вы доставите мне огромное удовольствие, указав, чем бы я мог выразить мою благодарность.

— Хорошо, будем считать, что с вашим долгом покончено, — продолжал лорд Эвендел, — если вы пощадите жизнь молодого Мортон.

— Эвендел, — возразил Клеверхауз, изумленный этой просьбой, — вы помешались, вы сумасшедший! Что может вас побуждать вступаться за отродье какого-то круглоголового? Его отец, можете мне поверить, был самым опасным человеком во всей Шотландии; это был холодный, решительный, отважный солдат, непреклонный в своих трижды проклятых принципах. Что же касается сына, то он — весь в отца. Я, слава богу, знаю людей, Эвендел; будь он ничтожным, фанатичным деревенским тупицей, разве я стал бы отказывать в таком пустяке, как его жизнь, леди Маргарет и ее домашним? Но это юноша пламенный, убежденный и к тому же с образованием, а этим негодьям недостает именно такого вождя, им нужен человек, который мог бы направить их слепую и полную энтузиазма отвагу. Я говорю об этом не потому, что намерен ответить отказом на вашу просьбу, но для того, чтобы вы отчетливо представляли себе возможные последствия вашего шага. Я никогда не отрекаюсь от своих обещаний и всегда оплачиваю свои долги — если вы просите у меня его жизнь, она будет ему оставлена.

— Держите его под строгой охраной, — ответил Эвендел, — и не удивляйтесь, что я так настойчиво

домагаюсь его помилования. Меня побуждают к этому весьма основательные причины.

— Пусть будет по-вашему, сказал Клеверхауз, — но, молодой человек, если вы хотите достигнуть когда-нибудь высокого положения, служа своему королю и отечеству, пусть первойшей вашей обязанностью будет безоговорочное подчинение ваших страстей, привязанностей и чувств общественным интересам и служебному долгу. Теперь не время отказываться ради бредней выживших из ума стариков и слез неразумных женщин от спасительных мер, прибегать к которым нас вынуждают грозящие отовсюду опасности. И помните, что, если на этот раз, поддавшись вашей настойчивости, я сдался, то эта уступка должна раз и навсегда избавить меня от ваших ходатайств такого же рода.

Сказав это, он вышел из ниши и бросил на Мортон испытующий взгляд, желая, видимо, выяснить, какое впечатление произвела на того эта жуткая пауза между жизнью и смертью, оледенившая ужасом всех окружающих. Мортон сохранял ту твердость духа, на которую способны лишь те, кто, покидая землю, не оставляет на ней ни любви, ни надежд.

— Взгляните, — прошептал Клеверхауз лорду Эвенделу, — он стоит у самого края бездны, отделяющей сроки человеческие от вечности, в неведении более мучительном, чем самая страшная неотвратимость, и все же его щек не покрыла бледность, его взгляд спокоен, его сердце бьется в обычном ритме, его нервы не сдали. Посмотрите на него хорошенько, Эвендел. Если этот человек станет когда-нибудь во главе войска мятежников, вам придется отвечать за содеянное вами нынешним утром. — Потом он громко сказал: — Молодой человек, на этот раз ваша жизнь будет пощажена. Этим вы обязаны заступничеству друзей. Уведите его, Босуэл; держите его под строгой охраной и возите за нами вместе с другими задержанными.

— Если мне сохраняют жизнь, — начал Мортон, уязвленный мыслью, что этим он обязан заступниче-

ству своего удачливого соперника, — если мне сохраняют жизнь по ходатайству лорда Эвендела...

— Ведите узника, Босуэл, — сказал Клеверхауз, прерывая Мортонa, — мне некогда ни произносить, ни выслушивать красивые речи.

Босуэл подтолкнул Мортонa и заставил его выйти из зала. По дороге, ведя его во двор замка, он сказал ему:

— Разве у вас в кармане три жизни, кроме той, которая заключена в теле? Как же вы позволили своему языку, дружище, наболтать столько всякого вздора? Ладно, уж я постараюсь держать вас подалеже от глаз полковника, не то, знаете, не пройдет и пяти минут, как у первого встречного дерева или первого рва ваша песенка будет спета. Ну, марш, марш к вашим товарищам по несчастью.

Произнося эти слова, сержант, который при всей своей внешней грубости ощущал что-то вроде симпатии к бесстрашному юноше, торопил Мортонa сойти поскорее во двор, где под охраной драгун находилось трое задержанных (двое мужчин и одна женщина), доставленных отрядом лорда Эвендела.

Тем временем Клеверхауз прощался с леди Маргарет и майором Белленденом. Доброй леди нелегко было, однако, забыть, что он не уважил ее заступничества.

— До сих пор я думала, — сказала она, что мой Тиллитудлем всегда сможет служить убежищем для всякого, кому угрожает опасность, даже если он не был столь безупречным, каким ему полагалось бы быть; но я вижу, что старый плод теряет свой вкус; наши жертвы и наши заслуги — все это было слишком давно.

— Мною, сударыня, заверяю вас в этом, они никогда не будут забыты. И ничто, кроме велений моего священного долга, не могло бы заставить меня отклонить вашу просьбу или просьбу майора. Итак, моя добрая леди, разрешите считать, что мне даровано ваше прощение, и когда нынешним вечером я вернусь к вам со стадом из двухсот вигов, пятьдесят голов ради вас я отпущу на свободу.

— Я буду счастлив узнать о вашем успехе, полковник, — сказал майор Белленден, — но внимайте совету старого воина: шадите кровь по окончании битвы. И разрешите еще раз поручиться за юного Генри Мортон.

— Мы потолкуем об этом по моем возвращении, — сказал Клеверхауз. — А пока будьте спокойны: его жизнь в безопасности.

Во время этой беседы Эвендел несколько раз с беспокойством оглядывался вокруг, отыскивая взглядом Эдит; но Дженни Деннисон уже успела принять необходимые меры, и ее госпожа была перенесена в свою комнату.

Угрюмо и неохотно подчинился молодой лорд нетерпеливым напоминаниям Клеверхауза, который, попрощавшись по всем правилам этикета с леди Маргарет и майором, направился во двор замка. Арестованные и их конвой уже были в пути, и офицеры вместе с эскортом последовали за ними. Они торопились догнать главные силы, предполагая, что часа через два окажутся в виду неприятеля.

Глава XIV

Пусть убегают псы мои,
Пусть соколы в леса летят,
Пусть лорд возьмет себе мой дом, —
Я больше не вернусь назад.

Старинная баллада

Мы оставили Мортон в тот момент, когда он вместе с тремя арестованными двинулся в путь под охраною небольшого отряда, составлявшего арьергард колонны, которой командовал Клеверхауз, и находившегося в непосредственном подчинении у сержанта Босуэла. Они направлялись в сторону гор, где, согласно полученным донесениям, собрались мятежные пресвитериане. Наши всадники не проехали и четверти мили, как их обогнали Клеверхауз и Эвендел, проскакавшие мимо них в сопровождении ординар-

цев, чтобы занять свое место в колонне, успевшей пройти вперед. Едва они скрылись из виду, как Босуэл остановил отряд, которым командовал, и снял наручники с Мортон.

— Королевская кровь должна свято соблюдать данное слово, — сказал драгун. — Я обещал, что обращение с вами в меру возможности будет хорошим. Капрал Инглис, сюда! Пусть этот джентльмен едет бок о бок с тем молодым парнем, задержанным людьми лорда Эвендела; и ты можешь позволить им разговаривать в свое удовольствие, только смотри, не иначе как шепотом, да прикажи, чтобы за ними хорошенько присматривали двое рядовых с заряженными карабинами. Если попытаются улизнуть, уложить их на месте. Вы не можете назвать это невежливостью, — продолжал он, обращаясь к Мортону, — таковы законы войны, ничего не поделаешь. Так вот, Инглис, а что до попа и старухи, то пусть и они будут рядышком — лучшей пары не сыщешь: хватит с них и одного рядового. Если они вымолвят хоть словечко изو всей их ханжеской дребедени или фанатической чепухи — полоснуть их хорошенько ремнем. Есть надежда, что поп, которого мы заставим помалкивать, чего доброго лопнет с досады: если ему не дать разглагольствовать, он посчитает себя предателем, и это его задушит.

Отдав эти распоряжения, Босуэл тронул коня, и Инглис с шестью драгунами двинулся за сержантом. Они пустились крупною рысью, спеша нагнать полк.

Мортон, подавленный теснившимися в нем противоречивыми чувствами, проявил полное безразличие не только к мерам, принятым Босуэлом для его охраны, но и к освобождению от наручников. Он ощущал усталость и душевную пустоту, которые обычно следуют за ураганом страстей, и, больше не поддерживаемый гордостью и сознанием своей правоты, внушившими ему достойные ответы полковнику Клеверхаузу, в глубоком унынии созерцал просеки, по которым проезжал их отряд, и каждый поворот дороги напоминал ему о минувшем счастье и о безжалостно разбитых упованиях его сердца. Теперь они

поднимались на ту возвышенность, откуда можно было увидеть старинный замок, всякий раз открывавшийся его взорам, когда он подходил к Тиллитудлему или возвращался домой; нужно ли добавлять, что здесь он обыкновенно задерживался, чтобы с восторгом влюбленного рассматривать зубцы стен, выступавшие над высоким и густым лесом, указывая жилище той, которую он ожидал вскоре увидеть или с которой незадолго перед этим расстался. Инстинктивно он обернулся, чтобы бросить последний взгляд на картину, еще недавно столь дорогую ему, и также инстинктивно вздохнул. Ему ответил громкий стон его товарища по несчастью, глаза которого, быть может, под влиянием тех же чувств, устремились туда же. Стон этого арестованного прозвучал, однако, скорее грубо, чем нежно; но то был голос наболевшей души, и в этом отношении он был сродни вздоху Мортонa. Они одновременно повернули друг к другу головы, их глаза встретились, и Мортон увидел перед собой простецкое лицо Кадди Хедрига, теперь унылое и измученное, на котором скорбь о своей собственной участи сочеталась с выражением трогательного сочувствия к судьбе своего спутника.

— Ну и дела! — произнес отставной пахарь тиллитудлемской фермы. — Да ведь это же ни на что не похоже, чтобы добрых людей возили, как нас с вами, по всей стране, словно они какая-нибудь диковина.

— Мне очень прискорбно, Кадди, видеть вас в таких обстоятельствах, — сказал Мортон, который, при всех своих горестях, не утратил сострадания к несчастью другого.

— И мне тоже, мистер Генри, — ответил Кадди, — и за вас и за себя, но от этого нам легче не станет. За меня будьте спокойны, — продолжал арестованный земледелец, находя утешение в разговоре, хотя ему было отлично известно, что этим беде не поможешь, — за меня будьте спокойны, на мне вины нет, и держать меня не за что: в жизни не вымолвил я ни слова ни против нашего короля, ни против священников, но моя бедная матушка — та не смогла сдержать

свой старый язык, и, видать, нам обоим придется заплатить за это.

— Разве и ваша мать арестована? — рассеянно спросил Мортон.

— А как же! И она, словно какая невеста, скачет за вами, рядом с этим старым хрычом проповедником, которого они называют Габриелем Тимпаном, — посадил бы его дьявол в этот самый тимпан! — ведь из-за него все дело и вышло. Видите ли, не успели нас прогнать за порог дома в Милнвуде, как ваш дя-дюшка и его хозяйка захлопнули дверь и заперли ее на засов, точно мы какие-нибудь прокаженные. Тут я и говорю матери: «Куда нам податься? Всякая нора и дыра теперь нам с вами заказаны — ведь вы оскорбили мою старую госпожу и принудили солдат взять молодого Милнвуда». А она говорит: «Не падай духом, сынок, но препояшись мечом на выполнение великой задачи этого дня и ратуй, как подобает мужу, на стенах ковенанта».

— И вы, наверное, отправились на собрание? — спросил Мортон.

— Вы еще про это услышите, — продолжал Кадди, — так вот, не придумав ничего лучшего, мы отправились к одной старой бабке, такой же полоумной, как моя мать, и там нам дали немного похлебки и овсяных лепешек; но сначала они прочитали уйму молитв и пропели кучу псалмов — сдается, им хотелось задурить и меня, только с досады я еще больше проголодался. И они подняли меня утром чуть свет, и я должен был — хочешь не хочешь — тащиться с ними на большое собрание их народа у Мирских ключей; и там этот парень Габриель Тимпан кричал им со склона холма, чтобы они, не колеблясь, поднялись ратовать и пошли на бой в этот Римский Гилеад или еще какое-то место. Ах, мистер Генри, ну и наворотил же им этот дед! Его было слышно за целую милю, само собою, по ветру. Он ревел, как корова на чужом выгоне. Так вот, думаю я, нет в нашей округе места, которое прозывалось бы Римский Гилеад, это где-нибудь на западе, в пустошах. И пока мы дойдем туда, я уж как-нибудь улизну с моей старой матерью,

потому что мне вовсе не хочется сломать себе шею из-за какого-то там Габриеля Тимпана. Так вот, — продолжал Кадди, отводя душу подробным рассказом о своих злоключениях и не задаваясь вопросом, насколько внимательно слушает его Мортон, — так вот, под конец проповеди, когда она мне просто ужас как надоела, кругом пошли разговоры, что подступают драгуны. Одни побежали, другие давай кричать: «Стой!», а некоторые вопили: «Долой филистимлян!» Тут я к матери, чтобы потихоньку да полегоньку удрать с нею подальше, пока на нас не набросились красные куртки, но мне было бы легче погнать без стрекала нашего старого тиллитудлемского вола, что ходит передним в упряжке; черта с два, она и с места не сдвинулась. Мы были в тесной ложбинке, и поднялся густой-прегустой туман, и драгуны могли бы нас не заметить, попридержи мы свои языки; куда там, держи карман шире! Словно старый дед Габриель сам по себе не поднимал столько шума, что мог разбудить покойника, они как завоют псалом, да так, что вы могли бы их слышать, находясь хоть в Ланрике! Так вот, чтобы длинную басню маленько укоротить, вижу я, сам молодой лорд Эвендел скачет, что только коню его вмочь, а за ним десятка два красных курток. Двое-трое из наших ребят стали отбиваться от них, и тут же их порешили, и они приняли венец мученический, но большого урона все-таки не было, потому что Эвендел крикнул, чтобы нас разгоняли, но однако ж щадили жизнь.

— И вы не сопротивлялись? — спросил Мортон, быть может, думая, что сам он встретил бы лорда Эвендела совсем по-другому.

— По правде говоря, нет, — ответил Кадди, — я заслонил собою мою старуху и стал просить о пощаде, но двое в красных куртках наскочили на нас, и один из них уже собирался огреть мою матушку своим палашом. Тут я поднял дубинку и сказал, что надаю им, как следует. Тогда они оборотились против меня и начали размахивать палашами, а я стал защищаться, как мог, и продержался, пока не подошел лорд Эвендел, а когда он приблизился, я ему

крикнул, что я — работник из Тиллитудлема, — вы и сами хорошо знаете, у нас поговаривали, что он заглядывается на молодую хозяйку, — и он приказал, чтобы я бросил дубинку; так они и задержали нас с матушкой. Кто знает, может статься, нас бы и отпустили, но только этого Габриеля Тимпана поймали совсем возле нас; он был верхом на лошади Эндрю Уилсона, а та прежде ходила под драгунским седлом, и чем сильнее старик ее шпорил, тем быстрее упрямая скотина неслась навстречу драгуну. Так вот, когда моя мать и он сошлись вместе, они возьми и начни осыпать этих солдат ругательствами, да какими! И досталось же им на орехи! Отродье вавилонской блудницы — это было, пожалуй, самое ласковое, что они изрыгнули. Те снова озлились и нас троих забрали с собой для острастки, как это у них называется.

— Это — гнусное, отвратительное насилие, — сказал Мортон, обращаясь скорее к себе, чем к своему собеседнику. — Предо мною несчастный миролюбивый парень, пошедший на собрание пресвитериан только из сыновней почтительности, и за это его заковали в цепи, словно вора или убийцу, и он умрет, возможно, от руки палача без судебного разбирательства, хотя наши законы не отказывают в нем даже наихудшему из злодеев! Быть свидетелем этого произвола, а тем более жертвой его — да от этого закипит кровь в самом смиренном и покорном рабе.

— Конечно, — отозвался Кадди, внимательно выслушав и лишь частично поняв горькие слова Мортонa, выравнившиеся из его жестокой оскорбленной души, — разумеется, о властях не полагается говорить плохо, моя старая леди повторяла это не раз и, конечно, имела на то полное право, потому что и она тоже вроде как власть; и, по правде сказать, я очень терпеливо слушал ее, потому что, окончив учить нас нашим обязанностям, она приказывала, бывало, угостить нас стопочкой водки и капустной похлебкой или еще чем другим. Но черт с нею, с водкой, капустой и чем другим — эти лорды, что сидят в Единбурге, жалуют нас не больше, чем кружкой холодной воды,

а все же рубят нашему брату головы, и вешают нас, и травят, напуская на нас своих негодяев, и грабят, забирая все, что найдут, и даже последнюю одежонку, словно мы какие преступники. Не могу сказать, чтобы это было мне по сердцу.

— Было бы странно, Кадди, если бы вы думали об этом иначе, — ответил Мортон, подавляя внутреннее волнение.

— А что хуже всего, — продолжал бедный Кадди, — так это наглость, с какою красные куртки подкатываются к девочкам и отнимают у нас наших милых. Сердце у меня сжалось, когда сегодня во время завтрака проезжали мы мимо тиллитудлемской фермы, и я увидел, как из трубы нашей хижины вытекает дымок, — ведь я знал, что кто-то другой, а не моя старая мать хлопочет у очага. Но мое сердце сжалось еще сильнее, когда я увидел, как этот подлец Том Хеллидей целует у меня на глазах Дженни Деннисон. Удивляюсь, откуда у женщин столько бесстыдства, чтобы позволять себе подобные вещи; но они так и льнут к красным курткам. Я и сам думал было пойти в солдаты, считая, что иначе не заполучу Дженни; а может, и не хорошо так уж ее ругать; может, это ради меня позволила она Тому помять ленты у себя в волосах.

— Ради вас? — спросил Мортон, начиная проникаться интересом к тому, о чем рассказывал Кадди, так как ему показалось, что история Кадди и его собственная поразительным образом напоминают друг друга.

— Вот именно, Милнвуд, — ответил Кадди, — ведь бедняжка потому и любезничала с этим чертовым парнем (будь он проклят, если позволено так выражаться), чтобы подойти поближе ко мне; и она сказала, что молит бога не оставлять меня помощью, и хотела сунуть мне денег; готов поручиться, что это была добрая половина ее жалованья и наградных, потому что остальное она истратила на приколки и кружево, когда ходила смотреть, как мы с вами стреляем в «попку».

— И вы взяли у нее деньги, Кадди? — спросил его Мортон.

— Нет, Милнвуд, не взял; я был такой дурак, что швырнул их обратно. Сердце мое не стерпело, когда я увидел, как этот парень обхаживает и целует ее, и я не смог удержаться. Но тут я сглупил — деньги пригодились бы и моей матери и мне самому, а она все равно их истратит на тряпки и на всякие пустяки.

За этим последовало продолжительное молчание. Кадди, вероятно, предавался сожалениям о том, что пренебрег щедростью своей милой, тогда как Мортон усиленно размышлял, каким образом мисс Белленден удалось добиться от лорда Эвендела помощи в его деле.

Может быть, подсказывала ему пробудившаяся надежда, он слишком поспешно и ложно истолковал то влияние, которое она имеет на лорда Эвендела. Имел ли он право так сурово ее осуждать, если ради спасения его жизни она прибегла к притворству и позволила этому знатному офицеру лелеять надежды, которым не суждено сбыться? Или, быть может, она обратилась с призывом к великодушию лорда Эвендела, которым, по общему мнению, он отличался, и, задев в нем честь, побудила его спасти жизнь своего более удачливого соперника?

Все же случайно подслушанные слова не давали ему покоя, и он возвращался к ним снова и снова, и боль от этого была столь же мучительна, как от укуса ядовитой змеи.

«Она ни в чем ему не откажет», — вспоминалось ему. Можно ли яснее и определеннее выразить свое обожание? Язык любви в устах девушки не знает более сильного выражения. Она потеряна для меня, потеряна окончательно, и мне не остается ничего больше, как мстить за мои собственные несчастья, за насилия, которым ежечасно подвергается моя родина.

Кадди размышлял, по-видимому, о том же, хотя и в более простой форме. Во всяком случае, он неожиданно спросил шепотом Мортон:

— Как по-вашему, было бы очень нехорошо удрать от этих ребят, если бы выпала такая удача?

— Напротив, — ответил Мортон, — как только представится подходящий случай, я не премину им воспользоваться.

— Мне очень приятно слышать это от вас, — сказал Кадди, — правда, я человек бедный и темный, но я думаю, что не такой уж великий грех вырваться, употребив силу, лишь бы дело успешно закончилось. Я, знаете, такой человек, что не побоюсь рукопашной, если дойдет до нее; но наша старая леди назвала бы это неповиновением королевской власти.

— Я буду сопротивляться любой власти на свете, — заявил Мортон, — любой власти, деспотически попирающей права свободного человека, закрепленные хартией; и я решил, что не позволю бросить себя без достаточных оснований в тюрьму или, быть может, вздернуть на виселицу, и сделаю все, что сумею, чтобы спастись от этих людей хитростью или силой.

— То же и у меня на уме, когда бы только мы смогли это выполнить. Но то, что вы говорите о хартии, касается лишь таких, как вы, из господского звания, а мне до этого далеко, раз я простой батрак и ничего больше.

— Хартия, о которой я говорю, — возразил Мортон, — принадлежит всем шотландцам и даже самому последнему среди них. Это — свобода от кнута и тюрьмы, провозглашенная, как вы можете прочесть в священном писании, не кем иным, как апостолом Павлом, и ее обязан отстаивать всякий, рожденный свободным, как ради себя самого, так и ради своих соотечественников.

— Так вот оно что, сударь! — сказал Кадди. — Много утекло бы воды, прежде чем леди Маргарет или моя матушка отыскали бы в библии такие мудрые вещи. Госпожа моя — та всегда повторяла, что кесарю надо воздавать кесарево, а что до матери, то она совсем спятила со своим пресвитерианством. Наслушавшись болтовни обеих старух, я ничего больше не понимаю; но если бы мне удалось найти джентльмена, который взял бы меня к себе в услужение, я

стал бы, уверен в этом, совсем другим человеком; и ваша честь, может быть, вспомните об этих моих словах, когда выйдете из заточения, и тогда вы возьмете меня к себе камердином.

— Камердинером, Кадди? — ответил Мортон. — Увы! Это было бы довольно печально для вас, даже если бы мы были свободны.

— Понимаю, о чем вы толкуете, вы думаете, что я деревенщина и что из-за меня вам будет стыдно перед людьми. Ну так знайте: я сметлив и понимаю с одного слова, и все, что можно сделать руками, всему этому я легко научился, только вот читать, писать да считать — тут дело совсем другое; и вы не найдете другого, кто играл бы лучше меня в футбол; да и палашом я действую не хуже капрала Инглиса. Как-то я уже продырявил ему башку, даром что теперь он так важно едет за нами. А что, если вы не останетесь в нашей стране? — сказал он, внезапно оборвав свою речь.

— Очень возможно, — ответил Мортон.

— Я не возьму с вас ни гроша. Видите, я мог бы поместить матушку у ее старшей сестры, тетюшки Мег, в Глазго, в Гэллоугейте, и, думаю, ее там не сожгли бы, как ведьму, и не дали бы ей помереть с голоду, и не повесили бы, как рьяную пресвитерианку; там, говорят, городской старшина заботится о таких одиноких, покинутых бедняках. А мы с вами могли бы уехать и поискать свое счастье, как в этих старых дурашливых сказках о Джоке, что разил великанов, и Валентине и Орсоне; а потом мы бы возвратились в веселую, как поется в песне, Шотландию, и я снова надел бы ходули и так бы разворотил пар на славных заливных лугах в Милнвуде, что не жалко было бы выставить целую пинту, лишь бы на это взглянуть.

— Боюсь, — сказал Мортон, что у нас, мой добрый друг Кадди, очень мало надежды возвратиться к своим прежним занятиям.

— Что вы, сударь, что вы! — ответил Кадди. — Никогда нельзя поддаваться унынию — и разбитый корабль добирается иной раз до берега. Но что я

слышу? Лопнуть мне тут же на месте, если моя старуха снова не принялась за свою проповедь! Знаю я ее голос, как начнет она сыпать словами писания, — точно ветер воет на чердаке; а вот и Тимпан также взялся за работу. Господи боже! Разозлились только солдаты, и они порешат их обоих, да и нас с вами в придачу.

Беседа их действительно была прервана каким-то раздавшимся за их спинами не то ревом, не то мычанием, в котором можно было разобрать голоса проповедника и старухи, один — напоминавший ворчанье фагота, другой — повизгиванье надтреснутой скрипки. Сперва оба престарелых страдальца довольствовались взаимными соболезнованиями, сетуя на свои несчастья и негодуя в весьма сдержанных выражениях; но, изливая друг перед другом душу, они распалялись все больше и под конец не могли сдерживать душивший их гнев.

— Горе, горе вам, трижды горе, кровожадные насильники и тираны! — кричал почтенный Габриель Тимпан. — Горе, горе вам, трижды горе и до того, как сломаны будут печати, и раздастся трубный глас, и изольют влагу сосуды!

— Так... так... Да почернеют их окаянные рожи, да поразит их господь в день суда небесного десницей своею! — раздался, словно эхо, пронзительный алыт старой Моз, исполнявшей партию второго голоса в этой фуге.

— Истинно говорю вам, — продолжал проповедник, — ваши походы и ваши набеги, фыркание ваших коней и горделивая поступь их, ваши кровавые, варварские и бесчеловечные злодеяния, то, что вы глушите, умерщвляете и растлеваете совесть несчастных созданий божьих кошунством и отвратительными соблазнами, — все это восходит от земли к небу, словно гнусный и отвратительный вой святотатца, и приблизит час расплаты и гнева. Кха... кха.. кха... — Поток его слов прервал приступ сильного кашля.

— А я говорю, — кричала Моз, тем же тоном и почти одновременно с проповедником, — что хоть

дыхание у меня старое, и одышка, и при такой быстрой езде...

— Черт подери! Хоть бы они перешли на галоп, — сказал Кадди. — Уж он заставил бы ее придержать язык.

— Да... да... хоть дыхание мое старое и тяжелое, — продолжала выкрикивать Моз, — не перестану я клеймить вероотступничество, измену, ереси и колебания в нашей истинной вере. Я возвышу мой голос против всякого угнетения, против того, чему еще придет час возмездия.

— Помолчи, прошу тебя, помолчи, добрая женщина, — говорил проповедник, который наконец справился с мучительным приступом кашля и сокрушался, что Моз опередила его своими проклятиями, — помолчи и не вырывай из уст служителя алтаря слов, которые надлежит произнести ему, и только ему... А я скажу... Я возвышаю свой голос и говорю вам, что прежде чем игра будет окончена, да, прежде чем зайдет это солнце, вы узнаете, что ни гнусный иуда, ваш епископ Шарп, уже отправившийся, куда ему подобало, ни кощунствующий Олоферн, этот кровопийца Клеверхауз, ни надменный Диотреф, этот юнец Эвендел, ни алчный и рыщущий, как ищейка, Димас, кого вы зовете сержантом Босуэлом и кто отнимает у сирой вдовицы последний грош и все, что ни найдет у нее в чулане, ни ваши карабины, ни пистолеты, ни палаши или кони, ни ваши седла, уздечки, подпруги, мундштуки или сумки с овсом, из которых вы кормите лошадей, не отвратят от вас стрел, что уже отточены, и лука, чья тетива уже натянута против вас.

— Конечно, не отвратят, конечно, — как эхо, вторила Моз, — отверженные они, каждый из них... презренные они... метлы они, годные только, чтобы швырнуть их в огонь, после того как ими выметут мусор из храма господня; бичи, сплетенные из бечевки, чтобы наказывать тех, кто больше алкает суетных благ и одежд, чем креста или ковенанта; но когда дело их будет выполнено, они сгодятся лишь на завязки к башмакам дьявола.

— Лукавый меня возьми, — сказал Кадди, обращаясь к Мортону, — если мне не сдается, что наша матушка проповедует не хуже попа. Только жаль: едва он разоидется, как на него нападает кашель; и потом долгая езда сегодня утром тоже не пошла ему впрок. А то бы он заглушил мою старую мать и тогда бы отвечал сам за себя. Счастье еще, что дорога здесь каменистая и солдаты не очень-то слышат, что они там городят: уж слишком стучат копыта; а вот дайте выехать на мягкую землю, тут уж дело так просто не обойдется.

Предположения Кадди полностью оправдались. Пока стук копыт на плотной, каменистой почве заглушал слова арестованных, солдаты почти не обращали на них внимания; теперь, однако, дорога пошла болотом, где обличения обоих ревностных пресвитериан лишились спасительного аккомпанемента, сопровождавшего их до этой поры. И действительно, едва кони побежали по вереску и зеленой траве, Габриель Тимпан снова возопил пронзительным голосом: — Итак, я подымаю мой голос, точно пеликан в пустыне... — А я свой, — подхватила Моз, точно воробей на застрехе... — как капрал, ехавший в хвосте маленького отряда, прокричал во всю мочь своих легких: — Эй вы! А ну-ка, придержать языки, обложи их черт языками и болячками, не то быть вам у меня замундштученными.

— Не подчинюсь повелениям безбожника, — продолжал Габриель.

— И я не стану им подчиняться, никогда не признаю я, — вторила проповеднику Моз, — приказаний бренного черепка от сосуда из праха земного, будь он выкрашен в такую же алую краску, как кирпич самой Вавилонской башни, и зови он себя капралом.

— Хеллидей! — крикнул капрал. — Нет ли у тебя, старина, хорошего кляпа? Надо заткнуть им рты, пока они не заговорили нас до смерти.

Но прежде чем последовал ответ Хеллидея или могли быть приняты меры во исполнение пожеланий капрала, показался драгун, скакавший навстречу Бо-

сузу, который успел довольно значительно опередить свой отряд. Выслушав переданное ему приказание, Босуэл тотчас же повернул коня и подъехал к своим; он велел сомкнуться, пришпорить коней, соблюдать молчание и быть начеку, потому что вскоре они окажутся в виду неприятеля.

Глава XV

А мы хотели бы сказать,
Что лучше кровь не проливать,
А положив конец раздорам
И перейдя к переговорам,
Сей поединок роковой
Окончить сделкой мировой.

Батлер

На быстром аллюре, которым теперь они двигались, у ревнителей истинной веры перехватило дыхание, и они поневоле вскоре умолкли. Уже больше мили скакали они по ровной и голой местности, оставив за собой перелески и рощицы, сопровождавшие их после того, как они выбрались из лесов Тиллитудлема. Впрочем, склоны узких ложбин все еще украшали редкие дубы и березы, а кое-где кучки этих деревьев можно было увидеть и на уходящей вдаль заболоченной и унылой равнине. Но и они постепенно исчезали; перед всадниками расстилалась обширная пустынная местность, переходившая в отдалении в покрытые темным вереском сумрачные холмы, изрытые глубокими, крутыми оврагами, в которых зимою бурлили бешеные потоки, а летом по несоразмерно широким руслам пробивались ничтожные ручейки, змеясь слабой струйкой среди нагромождения гальки и валунов — этих свидетелей зимних неистовств воды — и напоминая собою кутил, обнищавших и опустившихся после бесшабашного расточительства и сумасбродств. Эта необитаемая равнина простиралась, казалось, дальше, чем мог охватить глаз, лишенная величия, лишенная даже того достоинства, которое присуще горным пустыням. И все же она

поражала своими размерами по сравнению с более благословенными клочками земли, пригодными к обработке и созданными для поддержания человеческого существования, производя неизгладимое впечатление на душу наблюдателя и внушая ему мысль о всемогуществе природы и относительной слабости человека и его хваленых мер борьбы с климатом и бесплодием почвы.

Удивительный эффект таких пустынных пространств состоит в том, что они порождают ощущение одиночества даже у тех, кто путешествует здесь целыми группами, — до того сильно действует на их воображение несоизмеримость окружающей бескрайней пустыни с пересекающими ее людьми. Так, участники каравана в тысячу душ могут испытывать среди песков Африки и Аравии чувство заброшенности и отчужденности от всего мира, незнакомое одинокому путнику, чей путь проходит по цветущей и возделанной области.

Вот почему, заметив на расстоянии около полумили полк кавалерии (к которому принадлежала и охранявшая его стража), поднимающийся по извилистой и крутой тропе из болот на холмы, Мортон почувствовал нечто вроде душевного облегчения. Число лейб-гвардейцев, казавшееся очень значительным, когда они теснились на узкой дороге, и еще большим, когда они мелькали в разных местах между деревьями, теперь как будто заметно уменьшилось. Все они были у него на виду, и посреди неоглядных просторов эта колонна всадников скорее напоминала стадо быков, чем военный отряд, медленно взбирающийся по горному склону. Их силы и численность казались теперь жалкими и ничтожными.

«Горсточка смелых людей, — подумал Мортон, — при условии, что их храбрость не уступает владеющему ими энтузиазму, имея перед собой такие слабые силы, как эти, может запереть любой проход в здешних горах».

Пока он размышлял обо всем этом, сторожившие его всадники быстро покрыли отделявшее их от товарищей расстояние, и, прежде чем голова колонны

Клеверхауза достигла вершины холма, Босуэл со своей группой и арестованными соединился — или, точнее, почти соединился — с полком, который вел за собой полковник Грэм. Чрезвычайно неудобная, местами топкая, местами слишком круто поднимающаяся тропа немало затрудняла движение, особенно задним рядам, так как после прохода основной массы всадников, там, где тропа пролежала по топкому месту, почва превращалась в жидкое месиво значительной глубины, так что солдатам в хвосте колонны нередко приходилось пускаться в объезд в поисках более надежной дороги.

В таких случаях мучения достопочтенного Габриеля Тимпана и Моз Хедриг возрастали, так как сопровождавшие их солдаты, не считаясь с опасностью, которой подвергались столь неопытные наездники, заставляли их прыгать через канавы и ямы или гнать лошадей прямо в топь и трясины.

— Господь перенес меня через эту стену! — закричала несчастная Моз, когда ее лошадь, понукаемая драгунами, перескочила дерновую изгородь, отделявшую заброшенный загон для овец; совершая свой подвиг, Моз потеряла косынку, и теперь ее седые волосы трепал ветер.

— Я увяз в глубокой трясине, где нет опоры для ног! Я попал в глубокую воду, и она покрывает меня! — завопил Тимпан, когда его конь погрузился по самое брюхо в один из ключей, которые питают болота. Грязная, смешанная с песком вода стекала по лицу и одежде злосчастливого проповедника.

Эти крики вызвали дружный хохот драгун; но развернувшиеся вскоре события заставили их присмиреть и уgomониться.

Передние ряды полковой колонны уже почти достигли вершины упомянутого нами крутого и обрывистого холма, как вдруг два-три всадника, в которых сразу узнали людей из высланного вперед дозора, выскочили на гребень холма и понеслись галопом к своим; кони их были загнаны, и все свидетельствовало о том, что они спасаются беспорядочным бегством. И действительно, вслед за ними появились другие

всадники; их было пять или шесть, и они были вооружены; заметив полк лейб-гвардейцев, они остановились на вершине холма. Двое из тех, у которых были в руках карабины, спешились, спокойно взяли на мушку находившихся в переднем ряду и, разрядив свои ружья, ранили двух солдат, причем одного тяжело. Потом они сели на лошадей и скрылись за гребнем холма. Судя по спокойствию, с каким они это проделали, их не испугало приближение столь сильного неприятеля, так как они, видимо, чувствовали у себя за спиной достаточную поддержку. Это происшествие задержало весь полк, и пока Клеверхауз выслушивал донесение одного из разведчиков, вынужденных описанным образом возвратиться к своим, лорд Эвендел поднялся на вершину холма, только что покинутого группой мятежников, а майор Аллан, корнет Грэм и прочие офицеры вывели полк с неудобного для кавалерии места и развернули его на склоне холма в две линии — так, чтобы вторая могла поддерживать первую.

Был отдан приказ наступать; через несколько минут первая линия оказалась уже на гребне, с которого открывался вид на обратный склон. Вторая линия последовала за первой, и туда же направился арьергард с нашими узниками; теперь Мортон и его товарищи по несчастью получили ясное представление о тех трудностях, которые предстояло преодолеть продвигавшемуся вперед полку Клеверхауза.

Склон холма, на котором были выстроены королевские лейб-гвардейцы, полого спускаясь на протяжении приблизительно четверти мили, представлял собою покатое поле, вполне пригодное для сражения в конном строю, несмотря на некоторую неровность поверхности. Только у самой его подошвы начиналась заболоченная низина с пересекавшим ее во всю ширину не то созданным природой овражком, не то вырытым человеческими руками глубоким дренажным ровом, края которого были изрезаны родниками и канавами, заполненными водой; по обе стороны этой выемки были места, где прежде копали торф, а теперь

виднелись заросли низкорослой ольхи, настолько любящей сырость, что там, где тощая почва и стоячая вода не дают ей развиться в настоящее дерево, она растет небольшими кустами. За этим ровом или овражом местность снова шла вверх, образуя поросшую вереском возвышенность или горку, у подножия которой стояли готовые к решительной битве мятежники, преграждая неприятелю путь через этот обильный препятствиями участок и через ров, прикрывавший их с фронта.

Их пехота была выстроена в три линии. Первая, довольно сносно вооруженная огнестрельным оружием, была выдвинута вперед, к самому краю низины, и огонь этой линии мог причинить значительный урон неприятельской кавалерии при спуске с открытого для прицельной стрельбы противоположного склона — огонь, впрочем, был бы еще губительнее, если бы драгуны попытались преодолеть заболоченное пространство. За первой линией был поставлен отряд пикинеров для поддержки передних, на случай если бы врагам все же удалось форсировать топь. Позади них находилась третья линия: тут были крестьяне с косами, вертикально насаженными на колья, вилами, заступами, стрекалами, острогами и другими орудиями деревенского обихода, спешно превращенными в боевое оружие. На обоих флангах пехотных линий, впрочем немного отступя от низины, очевидно с тем, чтобы действовать на сухом и удобном поле, если бы противник все-таки пробился через препятствия, находилось по небольшому отряду всадников. Почти все они были плохо вооружены, с конями у них обстояло и того хуже, но зато они горели желанием биться за правое дело, так как были главным образом мелкими землевладельцами или зажиточными фермерами, имевшими возможность выступить в поход на собственной лошади. Те, кто только что гнался за дозором, высланным королевскими силами, теперь неторопливо возвращались к своим. Из всего войска повстанцев лишь эти несколько человек были в движении. Остальные застыли в неколебимой

неподвижности, как разбросанные вокруг среди вереска серые валуны.

Всего повстанцев насчитывалось около тысячи человек, однако конных здесь было не больше сотни, да и то добрая их половина не имела сносного вооружения. Впрочем, вожди восстания пытались возместить недостаток оружия, снаряжения и боевой выучки выгодною позицией и сознанием того, что принятый шаг сделал отступление невозможным, а главное — пылким энтузиазмом мятежников.

Позади их войска, на склоне холма, виднелись женщины и даже дети, которых привели в эту глушь религиозное рвение и ненависть к тем, кто подвергал их гонениям. Они собрались, чтобы наблюдать за ходом сражения, от которого зависела и их собственная судьба и судьба их отцов, мужей, сыновей. Пронзительные крики, которыми они, подобно женщинам древних германских племен, встретили сверкающие ряды врага, показавшегося на гребне противоположной возвышенности, были для их близких как бы призывом к битве не на живое, а на смерть в защиту тех, кто был им дороже всего. Эти увещания, очевидно, встретили живой отклик, и дикое утешение, прокатившееся по рядам, едва были замечены приближавшиеся солдаты, подтвердило решимость повстанцев стоять до последнего.

Всадники Клеверхауза остановились на гребне холма, и их трубы и литавры исполнили дерзкий и воинственный туш, в котором слышались угроза и вызов: он пронесся над этой пустынной и дикой местностью, как пронзительный клич ангела разрушения. В ответ на это изгнанники соединили в общем хоре свои голоса и спели прозвучавшие как величавый и торжественный гимн две первые строфы из сорока шестого псалма в той его стихотворной редакции, которая принята шотландскою церковью:

Всеславен в Иудее бог,
В Израиле почтен.
Салем — пристанище его
И на Сионе — трон,

Он стрелы лука сокрушил,
И копыа, и щиты,
Славнее и превыше гор,
Непобедимый, ты.

Громогласный крик, или, скорее, торжественный возглас, заключил эти строки; затем, после минутной паузы, мятежники пропели следующие стихи, толкуя гибель ассирийцев как предсказание участи, уготованной их врагу в предстоящем единоборстве:

Ты гордых духом в прах поверг,
Они объаты сном,
И тот беспомощен теперь,
Кто прежде был вождем.

О бог Иакова, когда
Ты грянул, разъярен,
Коней и колесницы их
Объял глубокий сон.

Затем снова раздался такой же возглас, как предыдущий, вслед за чем наступила мертвая тишина.

Пока этот торжественный гимн, слетавший с тысячи уст, звучал среди холмов, Клеверхауз внимательно осматривал местность и боевой порядок повстанцев, принятый ими в ожидании атаки противника.

— Среди этих мужланов, — сказал он, — несомненно, есть несколько старых солдат — деревенщина не сумела бы выбрать такую позицию.

— Утверждают, что с ними Берли, — заметил лорд Эвендел, — а также Хэкстон из Рэтилета, Пэтон из Медоухеда, Клиленд и еще кое-кто, знакомый с военным делом.

— Я так и думал, — продолжал Клеверхауз, — это было видно по легкости, с какою их всадники перескочили ров, возвращаясь к своим. Нетрудно было понять, что среди них несколько бывалых кавалеристов из круглоголовых, этих подлинных исчадий ковенанта. Нам предстоит действовать не только

отважно, но и с величайшею осмотрительностью. Эвендел, соберите офицеров у этого холмика.

Он направился к небольшому, заросшему мхом надгробному камню, под которым, возможно, покоился прах какого-нибудь кельтского вождя далеких времен, и по сигналу: «Офицеры, вперед!» — они собрались вокруг своего командира.

— Я созвал вас, джентльмены, — сказал Клеверхауз, — не для того, чтобы устроить формальный военный совет: я никогда не стану перекладывать на других ответственность, которую мое положение возлагает на меня самого. Я только хотел бы ознакомиться с вашим мнением, оставляя за собой право руководствоваться своим, как это делает большинство людей, просящих совета. Итак, что скажете, корнет Грэм? Напасть ли нам на этот воюющий сброд? Среди нас вы самый молодой и горячий, и поэтому за вами первое слово.

— Мне оказана честь охранять штандарт лейб-гвардейцев, — ответил корнет, — а он никогда, пока это зависит от моей воли, не станет уклоняться от встречи с мятежниками. На ваш вопрос я говорю: атакуйте во имя бога и короля.

— А что скажете вы, майор Аллан, — продолжал Клеверхауз, — Эвендел настолько скромн, что его все равно не заставишь говорить прежде вас.

— Этих парней, — сказал майор Аллан, старый и опытный кавалерист, — приходится на каждого из нас трое или, может быть, даже четверо. Не думаю, чтобы в открытом поле это было чересчур много, но они заняли чрезвычайно выгодную позицию и, по всей видимости, не склонны ее оставлять. Поэтому, в отличие от корнета Грэма, я нахожу, что нам следует повернуть назад в Тиллитудлем, занять проход между равниной и холмами и послать за подкреплениями к лорду Россу, находящемуся с пехотным полком в Глазго. Сделав это, мы сможем отрезать их от долины Клайда, и тогда они либо выйдут из этой своей твердыни и решатся на сражение в благоприятных для нас условиях, либо, если они останутся на старой позиции, мы их атакуем, как только к нам подойдет

пехота и у нас будет возможность действовать вместе с нею среди этих болот, трясин и канав.

— Вот еще, — заметил юный корнет, — какое значение может иметь выгодная боевая позиция, если ее занимает шайка распевающих псалмы старых ханжей?

— Мужчина не сражается хуже оттого, что читает свою библию и псалтырь, — отпарировал майор Аллан. — Эти парни докажут, что они крепки как сталь. Я их знаю не первый день.

— Их гнусавое пение, — сказал корнет Грэм, — напоминает нашему майору скачку при Данбаре.

— Молодой человек, если бы вам довелось принимать участие в этой скачке, — ответил майор, — вы бы вспоминали о ней вплоть до последнего дня своей жизни.

— Хватит, джентльмены, хватит, — прервал споривших Клеверхауз, — это неуместные препирательства; я принял бы ваш совет, майор Аллан, если бы каналы дозорные (они еще понесут должное наказание!) своевременно донесли о численности и позиции неприятеля. Но мы предстали пред ним в развернутом боевом порядке, и отступление лейб-гвардейцев было бы воспринято как свидетельство их неуверенности в себе, что послужило бы сигналом к восстанию на всем Западе. В этом случае мы не только не сможем рассчитывать на помощь со стороны лорда Росса, но, уверяю вас, я бы испытывал весьма серьезное опасение, как бы мы не оказались отрезанными один от другого, так и не успев объединить наши силы. Отступление привело бы к столь же пагубным для королевского дела последствиям, как поражение. Ну, а что касается вопроса о степени угрожающей нам лично опасности, то, джентльмены, я несколько не сомневаюсь, что никто из вас об этом не думает. Здесь должны быть проходы через трясины, воспользовавшись которыми мы сможем прорваться вперед; и, уж конечно, ни один лейб-гвардеец, ступив на твердую почву, не усомнится в том, что наши эскадроны растопчут в прах этих неопытных в бою мужиков,

будь их хоть вдвое больше. Теперь ваше слово, Эвендел!

— Мое скромное мнение состоит в том, — сказал лорд Эвендел, — что, каков бы ни был исход сражения, оно будет очень кровопролитным; мы потеряем немало наших смелых товарищей и будем вынуждены, быть может, перебить большое число этих заблуждающихся людей, которые все же шотландцы и подданные его величества короля Карла, как и мы с вами.

— Мятежники! Мятежники, не заслуживающие названия шотландцев и подданных, — прервал лорда Эвендела Клеверхауз. — Но продолжайте, милорд, в чем же все-таки состоит ваше мнение?

— Войти в переговоры с этими невежественными и обманутыми своими вождями людьми, — ответил молодой дворянин.

— В переговоры! С мятежниками, взявшими в руки оружие! Пока я жив — никогда! — заявил Клеверхауз.

— Во всяком случае, послать к ним трубача и парламентаря с предложением перемирия, постараться их убедить сложить оружие и разойтись, — продолжал лорд Эвендел, — пообещать им прощение, если они подчинятся этому требованию; я не раз слышал, что, сделай мы это перед битвою у Пентлендских холмов, было бы сохранено много крови.

— Допустим, — сказал Клеверхауз. — Но кто же, черт подери, возьмет на себя смелость обратиться с подобными увещаниями к этим упрямым и доведенным до отчаяния изуверам? Они не признают законов войны. Их вожди принимали участие в умерщвлении архиепископа Сент-Эндрю и сражаются с веревкой на шее; они умышленно убьют нашего парламентаря, чтобы запятнать своих приверженцев верноподданной кровью и лишить их надежды на возможность прощения, как лишены ее они сами.

— Я это сделаю, с вашего позволения, — сказал лорд Эвендел. — Я часто рисковал собственной кровью, проливая чужую; разрешите и теперь ею

рискнуть, на этот раз ради спасения человеческих жизней.

— Нет, я не могу направить вас с таким поручением, — заявил Клеверхауз. — Ваш титул и положение в свете делают вашу жизнь особенно ценной, и, если бы вы погибли, это повлекло бы за собой тяжелые последствия для страны, особенно в наше время, когда добрые убеждения — вещь в высшей степени редкая. С нами сын моего брата Дик Грэм; он не боится ни вражеской пули, ни вражеского клинка, точно сам дьявол оделил его защитной броней — так же, как и его дядю, по словам этих фанатиков. Корнет с белым флагом в руке, прихватив с собой трубача, подъедет к краю низины и попытается убедить их сложить оружие и разойтись по домам.

— С величайшей охотой, полковник, — ответил корнет. — Я прикреплю к пике мой шарф, который послужит мне вместо белого флага, — эти негодяи никогда еще не видели вымпела из такого тонкого фландрского кружева.

— Полковник Грэм, — говорил Клеверхаузу Эвендел, пока корнет готовился к выполнению данного ему поручения, — этот молодой человек — ваш племянник и вместе с тем, очевидно, наследник. Ради бога, не препятствуйте мне отправиться к ним. Это был мой совет, и я обязан принять риск на себя.

— Будь он моим собственным сыном, — сказал Клеверхауз, — все равно я не счел бы для себя допустимым щадить при таких обстоятельствах его жизнь. Полагаю, что мои личные привязанности и чувства никогда не мешали и не будут мешать выполнению мною служебного долга. Если Дик Грэм погибнет, то его потеря главным образом коснется лично меня; если умрете вы, ваша честь, пострадает король и вместе с ним вся Шотландия. Итак, джентльмены, прошу по местам. Если наши предложения будут отвергнуты, мы немедленно атакуем. И, как начертано на старинном гербе Шотландии, — правому поможет господь.

Глава XVI

И гром и звон кругом стоят,
Скрестился с палицей булат.

«Гудибрас»

Корнет Ричард Грэм с импровизированным белым флагом в руке спускался по склону возвышенности, насвистывая песенку и заставляя своего отлично выезженного коня проделывать в такт ей прыжки и курбеты. За ним следовал трубач. Пять или шесть всадников, похожих с виду на офицеров, отделились от флангов пресвитерианского войска и, съехавшись в центре, приблизились, насколько позволяло болото, ко рву, проходившему по низине. К этой группе, держась противоположного края топи, и направлял своего коня корнет Грэм, на котором теперь сосредоточилось внимание и того и другого стана; не умаляя мужества тех и других, допустимо предполагать, что обе стороны страстно желали, чтобы это посольство отратило готовое свершиться кровопролитие.

Остановив коня как раз против тех, кто, выехав навстречу парламентару, принял на себя роль начальников неприятельских сил, корнет Грэм велел трубачу проиграть сигнал, приглашавший к открытию переговоров. У повстанцев не было трубачей, чтобы ответить на него подобающим образом, и один из них прокричал сильным и чистым голосом, спрашивая, с какою целью он прибыл.

— Чтобы призвать вас от имени короля и Джона Грэма Клеверхауза, имеющего особые полномочия от достопочтенного Тайного совета Шотландии, — ответил корнет, — сложить оружие и распустить по домам ваших приверженцев, которых вы подняли на мятеж, противный законам господа бога, короля и всей нашей страны.

— Возвратись к пославшим тебя, — сказал один из вождей повстанцев, — и передай, что мы взяли за оружие в защиту попранного ковенанта и нашей гонимой церкви; передай, что мы отрекаемся от развратного и вероломного Карла Стюарта, которого вы

именуете королем, так же, как он отрекся от ковенанта после того, что не раз давал клятву добиваться всей своей властью исполнения этого договора, добиваться деятельно, неуклонно и искренне, во все дни своей жизни, и не иметь других врагов, кроме врагов ковенанта, и других друзей, кроме его друзей. Между тем он не сдержал своей клятвы, в свидетели которой призывал господа бога и ангелов, и первым шагом его после возвращения в королевства Англии и Шотландии было гнусное посягательство на власть всемогущего посредством этого мерзкого Акта о верховенстве вкупе с изгнанием, без вызова в суд, без предъявления обвинения и без судебного разбирательства многих сотен достославных, истинно благочестивых проповедников слова божия, вследствие чего он отнял хлеб жизни у алкающих уст, у этих несчастных созданий, и насильнически заткнул им глотку мертвыми, не уснащенными солью, безвкусными, ни холодными, ни горячими опресноками четырнадцати лжепрелатов и поставленных ими продажных, бездушных, погрязших в плотских наслаждениях, позорящих род человеческий и во всем покорных их воле священников.

— Я прибыл сюда совсем не затем, чтобы выслушивать ваши проповеди, — сказал офицер, — но чтобы без дальних околичностей выяснить, разойдетесь ли вы на условиях полного прощения всех, за исключением убийц архиепископа Сент-Эндрю, или вы намерены дожидаться атаки войск его величества короля, которые готовы немедленно выступить против вас.

— Раз без дальних околичностей, то да будет тебе известно, — ответил оратор, — что мы пребываем здесь с мечом у бедра, как подобает мужчинам, несущим стражу в ночи. Мы все как один разделим общую участь, как равные во всем братья. Пусть кровь того, кто восстанет на наше правое дело, падет на его собственную главу. Итак, возвращаясь к пославшим тебя, и да откроет господь и им и тебе всю мерзость ваших путей.

— Как ваше имя? — спросил корнет, которому показалось, что он где-то уже встречал человека,

отвечавшего ему от лица мятежников. — Не зовут ли вас Джон Белфур Берли?

— А если и так, — сказал тот, — что ты можешь возразить против этого?

— Только то, — ответил корнет, — что прощение, обещанное мною от имени короля и моего командира, на вас отнюдь не распространяется, и я предлагаю его не вам, а этому простому деревенскому люду; и еще, что я послан для переговоров не с вами и не с подобными вам.

— Ты, приятель, видать, еще совсем зеленый солдат, — отозвался Берли, — и недостаточно понаторел в своем ремесле; иначе тебе полагалось бы знать, что предлагающий перемирие не вправе вести переговоры с неприятельской армией, а должен сноситься лишь с ее офицерами; и если он позволяет себе нарушать это условие, то утрачивает права, обеспечивающие его безопасность.

Произнося эти слова, Берли снял с плеча карабин и взял его в руки.

— Угрозы убийцы не мешают мне исполнить мой долг, — заявил корнет Грэм. — Слушай меня, добрые люди: объявляю от имени короля и моего командира полное прощение всем, за исключением...

— Еще раз предупреждаю тебя! — крикнул Берли, вскидывая ружье.

— ...полное прощение всем, — продолжал молодой офицер, обращаясь к строю мятежников, — всем, кроме...

— Раз так... да примет господь твою душу, аминь! — произнес Берли.

С этими словами он выстрелил, и корнет Ричард Грэм свалился с коня. Выстрел поразил его насмерть. Несчастный молодой человек, напрягая последние силы, повернулся на другой бок и еле слышно проворкотал: «Бедная мать!» Это усилие ускорило его смерть. Обезумевший конь во весь опор помчался к полку, и за ним поскакал перепуганный не меньше его трубач.

— Что вы наделали! — сказал, обращаясь к Белфуру, один из его соратников,

— Я исполнил свой долг, — твердо ответил Белфур. — Не сказано ли в писании: «Ты будешь ревностен и тогда, когда убиваешь». Пусть теперь кто-нибудь посмеет заговорить о перемирии или прощении!

Клеверхауз видел, как его племянник упал. Он обратил свой взгляд на Эвендела, и его невозмутимо спокойные черты на какую-то долю секунды исказились не поддающейся описанию скорбью. Он кратко сказал:

— Видели!

— Я отомщу за него или погибну! — воскликнул Эвендел и, пришпорив коня, бешено помчался вниз по склону возвышенности, увлекая за собой свой эскадрон и солдат павшего Грэма, устремившихся на врага по собственному почину; и так как каждый хотел опередить остальных, чтобы первым отомстить за своего офицера, их ряды вскоре пришли в расстройство. Эти эскадроны составляли первую линию королевских войск. Тщетно Клеверхауз восклицал: «Стой! Стой! Эта стремительность нас погубит!» Единственное, чего ему удалось добиться, несясь сломя голову вдоль второй линии, убеждая, приказывая и даже угрожая солдатам шпагой, — это чтобы остальные не последовали столь заразительному примеру.

— Аллан, — сказал он, водворив в рядах драгун относительный порядок, — ведите их, не торопясь, вниз по склону холма, чтобы оказать поддержку лорду Эвенделу, который в ней, видимо, очень нуждается. Босуэл, ты хладнокровный и решительный парень...

— Что ж, — пробурчал Босуэл, — вы имеете достаточно оснований вспомнить об этом в такой момент, как сейчас.

— Ты поведешь десяток рядов направо вверх по ложбине, — продолжал его командир, — и попытаешься любым способом переправиться через топь; там тыстроишь солдат и атакуешь мятежников с фланга и с тыла, а мы одновременно ударим им в лоб.

Босуэл поклонился в знак того, что понял свою задачу и повинует, и тотчас же поскакал со своими людьми в указанном ему направлении.

Между тем опасения Клеверхауза стали оправдываться. Солдаты, бросившись вслед за лордом Эвенделом, вскоре столкнулись с препятствиями, остановившими их беспорядочный натиск.

Некоторые, пытаясь переправиться через трясины, увязли в ней, другие, отказавшись от этой попытки, остановились у ее края, третьи рассыпались, чтобы отыскать более удобное место для перехода. Во время этого замешательства первая линия пресвитериан, изготовившись к стрельбе по противнику: передний ряд — с колена, второй — пригнувшись, а третий — во весь рост, — открыла убийственный дружный огонь, поваливший с коней не менее двадцати всадников и вызвавший еще больший беспорядок среди драгун. Лорду Эвенделу и вслед за ним кучке солдат, кони которых были получше, удалось перескочить ров, но едва они оказались по ту сторону рва, как их атаковал левый отряд вражеской кавалерии. Ободренные малочисленностью преодолевших препятствие лейб-гвардейцев, повстанцы бешено понеслись на них с яростным криком: «Горе, горе необрезанным филистимлянам! Долой Дагона и всех поклоняющихся ему!»

Молодой дворянин сражался как лев; но большинство последовавших за ним солдат было убито, да и сам он не избежал бы такой же участи, если бы не сильный ружейный огонь, которым поддержал его Клеверхауз; подойдя со второй линией ближе ко рву, он так разил противника, что его конница и пехота начали отходить. Эвендел, избавленный благодаря этому от неравного боя и оставшийся почти в одиночестве, перебрался назад через трясины и присоединился к своим. Впрочем, несмотря на потери, причиненные залпами Клеверхауза, повстанцы вскоре оправились; они поняли, что преимущество в численности и в занимаемой ими позиции настолько обеспечивает их перевес, что, ограничиваясь упорной, но вместе с тем деятельной обороной, они смогут нанести поражение лейб-гвардейцам. Их вожди носились между рядами, убеждая не поддаваться и разясняя, насколько сокрушителен их огонь, поражающий одно-

временно и всадника и коня, так как драгуны, в соответствии с установившимся в кавалерийских частях обычаем, стреляли не спешиваясь. Клеверхауз, видя, что его лучшие люди падают от неприятельских залпов, подавить которые они не могли, неоднократно в разных местах делал попытки пройти через трясину и навязать противнику бой на твердой почве и в более благоприятных для королевских солдат условиях. Но плотный огонь повстанцев в сочетании с естественными препятствиями, помешал ему выполнить этот замысел.

— Если диверсия Босуэла не удастся, придется, видимо, отступить, — сказал он Эвенделу. — А пока отведите людей за пределы досягаемости неприятельского огня, оставив в ольшанике группы застрельщиков; пусть они из-за укрытия беспокоят противника.

Эти приказания были выполнены, и Клеверхауз стал с нетерпением ждать, когда же покажутся Босуэл и его люди. Но и тому пришлось столкнуться с препятствиями. Начатый им обход справа не ускользнул от бдительного ока Белфура Берли, который немедленно ответил на него выдвижением левого фланга своей кавалерии, так что, когда Босуэл, проскакав довольно значительное расстояние по ложбине, нашел более или менее подходящую переправу, он увидел, что перед ним превосходящий его противник.

Эта неожиданность нисколько, однако, не охладила его пыла.

— За мной, ребята, — обратился он к своим людям, — пусть никто не посмеет сказать, что мы позорчим спину, наткнувшись на этих круглоголовых ханжей!

Затем, как если бы в него вселился дух его предков, он зычным голосом крикнул: «Босуэл, Босуэл!» и, бросившись прямо в топь, проскочил ее во главе своего отряда и налетел на всадников Берли с такой яростью, что отогнал их на расстояние пистолетного выстрела, собственноручно убив троих. Берли, предвидя, какие последствия вызовет поражение на этом

участке, и учитывая, что его всадники, хотя и превосходят противника численностью, однако не выдерживают никакого сравнения с солдатами регулярной армии ни в искусстве владеть оружием, ни в кавалерийской выучке, устремился наперерез Босуэлу и столкнулся с ним один на один. В обоих бойцах люди возглавляемых ими отрядов видели как бы своих представителей, и в результате произошло то, чему скорее место в романе, чем в описании достоверного события. И лейб-гвардейцы и повстанцы перестали сражаться и смотрели на Босуэла и на Берли такими глазами, словно судьба всего этого дня зависела от исхода единоборства между этими искусными и опытными рубаками. Участники поединка и сами, видимо, разделяли такое же мнение, так как, обменявшись двумя-тремя нетерпеливыми наскоками и нападениями, они, точно по уговору, опустили оружие, чтобы немного передохнуть после предшествовавшей борьбы и подготовиться к новой схватке; каждый из них понимал, что перед ним — достойный противник.

— Ты гнусный убийца, Берли, — сказал Босуэл, крепко сжимая палаш и стиснув зубы, — однажды тебе удалось от меня ускользнуть, но твоя голова (он выпалил такое ужасающее проклятие, что мы не решаемся его повторить)... стоит того, во что ее оценили, и она будет болтаться у луки моего седла, или мой конь возвратится к своим с опустевшим седлом.

— Да, — отозвался Берли с видом суровой и мрачной решимости, — да, я тот самый Берли, который обещал тебе, что уложит твою голову на землю, и притом так, чтобы ты не смог ее больше поднять. И да сотворит со мной господь то же самое и еще худшее, если я не сдержу своего слова.

— Значит, или ложе из вереска, или тысяча мерков! — воскликнул Босуэл, обрушиваясь изо всей силы на Берли.

— Меч господи и меч Гедонеа! — прокричал Белфур, отбивая удар Босуэла и отвечая ему своим.

Едва ли часто случалось, чтобы оба участника поединка были столь же равны в физической силе, в искусстве владеть оружием и конем, в безграничной

храбрости и в непримиримой взаимной вражде. Обменявшись многочисленными ударами, нанеся и получив по несколько легких ран, они в бешенстве набросились друг на друга, подгоняемые слепым нетерпением смертельной ненависти: Босуэл схватил Берли за португую, Белфур вцепился в воротник его куртки, и оба свалились наземь. Товарищи Берли поспешили ему на выручку, но им помешали драгуны, и борьба опять стала общей. Но ничто не могло оторвать Берли и Босуэла друг от друга, и они продолжали кататься по земле, борясь, беснуясь, с пеной у рта, напоминая упорством чистокровных бульдогов.

Несколько лошадей промчалось над ними, но они не разжали объятий, пока удар копытом не сломал правую руку Босуэла. Подавляя глубокий стон, он отпустил врага, и они оба вскочили на ноги. Сломанная рука Босуэла беспомощно повисла у него на боку, но левой рукой он пытался нащупать место, где должен был находиться кинжал, который, однако, выпал из ножен во время борьбы. Устремив на противника взгляд, в котором сочетались бешенство и отчаяние, он стоял теперь безоружный и беззащитный; и Белфур, с диким торжествующим хохотом взмахнув палашом, обрушил его на противника. Тот устоял на ногах, так как палаш лишь слегка задел ему ребра. Босуэл больше не защищался, но, взглянув на Берли с усмешкой, в которой выразил всю свою беспредельную ненависть, он презрительно бросил ему:

— Грязный мужик, ты пролил королевскую кровь!

— Умри, жалкая тварь! — закричал Белфур, нанося новый удар, и на этот раз с большим успехом. И, наступив ногой на тело упавшего Босуэла, он в третий раз пронзил его своим палашом: — Умри, кровавадный пес! Умри, как ты жил; умри, как подымают животные, ни на что не уповая, ни во что не веря.

— И ничего не страшась, — прохрипел Босуэл, собрав последние силы, чтобы произнести эти гордые, полные непримиримости слова, и тотчас же испустил дух.

Поймать пробежавшую лошадь за повод, вскочить в седло и броситься на помощь своим было для Берли делом какого-нибудь мгновения. Гибель Босуэла не меньше окрылила повстанцев, чем смутила королевских драгун, и это сразу решило исход возобновившейся стычки. Несколько солдат было убито, остальные перебрались через трясины и обратились в бегство. Победитель Берли, в свою очередь, переправился через топь, задумав использовать против Клеверхауза такой же маневр, какой должен был выполнить Босуэл. Он построил своих людей, собираясь атаковать правое крыло королевских войск. Сообщая главным силам о своем успехе, он заклинал их именем неба перейти болото и завершить славное дело господне общей атакою на врага.

Между тем Клеверхауз успел несколько выправить положение, создавшееся после беспорядочной и безуспешной атаки, и теперь ограничивался стрельбой по мятежникам издали, которую вели несколько спешенных им лейб-гвардейцев. Действуя в густом ольшанике у самого края топи, они своим плотным, спокойным прицельным огнем сильно тревожили неприятеля и сверх того внушали ему преувеличенное представление о силах королевских солдат. Ведя бой описанным образом и все еще не теряя надежды, что диверсия Босуэла и его людей сможет создать благоприятные условия для общей атаки по фронту, Клеверхауз неожиданно увидел перед собой одного из драгун, окровавленное лицо и измученный конь которого явно свидетельствовали, что он только что из жаркого дела.

— Ну что, Хеллидей? — спросил Клеверхауз, знавший по имени каждого драгуна в полку. — Где Босуэл?

— Босуэл погиб, — ответил Хеллидей, — и вместе с ним много хороших ребят.

— В таком случае, Хеллидей, — сказал Клеверхауз с обычной невозмутимостью, — король потерял стойкого и преданного солдата. Неприятель, видно, перешел через топь?

— Большим конным отрядом, под командой самого дьявола, что убил Босуэла, — ответил перепуганный насмерть солдат.

— Тише, тише! — оборвал его Клеверхауз, прикладывая палец к губам. — Никому ни слова об этом. Лорд Эвендел, наше отступление неизбежно. Такова воля рока. Соберите людей, что засели в кустах, ведя огонь по врагу. Пусть Аллан построит полк. Приказываю вам и ему отступать вверх по склону холма, разделившись на два отряда и попеременно прикрывая друг друга. А я буду сдерживать этих висельников силами арьергарда, время от времени останавливаясь и сходясь с ними врукопашную. Они сейчас будут по эту сторону рва; весь их боевой порядок пришел в движение, они готовятся к переправе; не теряйте же времени!

— Где Босуэл и его люди? — спросил лорд Эвендел, пораженный спокойствием своего командира.

— Угомонился навеки, — ответил Клеверхауз ему на ухо, — король потерял слугу; теперь он слуга дьявола. Но к делу, Эвендел, поезжайте, соберите людей. Аллану и вам придется зажать их в кулак. Отступление — дело для нас непривычное; но ничего, наступит и наш черед.

Аллан и Эвендел приступили к выполнению возложенной на них Клеверхаузом задачи, но, прежде чем полк, разделенный на два отряда, успел перестроиться для отступления, значительные силы противника начали переходить топь. Клеверхауз, собравший вокруг себя несколько самых опытных и отважных драгун, бросился с ними на перешедших через трясины, но еще действовавших в одиночку повстанцев. Некоторые из них были убиты, другие загнаны назад в топь, и это позволило основному ядру лейб-гвардейцев, теперь значительно уменьшившихся в числе и павших духом из-за понесенных потерь, начать отход вверх по склону холма.

Однако авангард неприятеля, получив подкрепление и поддерживаемый всем войском пресвитериан, заставил Клеверхауза следовать за полком. Никогда ни один человек не показывал примера такого

безупречного солдатского поведения, как он в этом бою. Приметный из-за своего вороного коня и белых перьев на шляпе, он первым летел в многочисленные атаки, которые возобновлял всякий раз, как только представлялась хоть какая-нибудь возможность обновить продвижение неприятеля и прикрыть отступление своих сил. Являясь мишенью для каждого, он, казалось, был недоступен пулям. Суеверные фанатики, убежденные в том, что его охраняет сам сатана, уверяли, будто видели собственными глазами, как в разгар сражения, когда он носился взад и вперед в вихре жестокой схватки, от его кожаной куртки и от ботфортов отскакивали, словно градины от гранитной скалы, целые рои пуль. Многие из повстанцев заряжали в этот день мушкеты разрезанным на куски серебряным долларом, считая, что этого гонителя святой церкви, которого не берет свинец, можно убить только серебряной пулей.

— Бей его холодным оружием! — кричали в рядах повстанцев, когда он бросался в атаку. — Палить в него — только зря переводить порох. От этого столько же проку, как от стрельбы в сатану.

Но хотя подобные крики раздавались со всех сторон, появление Клеверхауза наполняло души повстанцев таким суеверным ужасом, что они расступались, заведя его, словно он был сверхъестественным существом, и лишь немногие отваживались скрестить с ним клинки. И все же он был вынужден подаваться назад и подвергаться всем тем испытаниям, которыми чреват этот вид боя. Солдаты, отход которых он обеспечивал, обнаружив, что численность переправившихся через болото повстанцев продолжает неуклонно расти, утратили стойкость, так что майору Аллану и лорду Эвенделу было все труднее заставлять их останавливаться и сохранять боевой порядок. Отход лейб-гвардейцев становился все торопливее, и это вносило еще большее замешательство в их ряды. Чем ближе подходили драгуны к вершине холма, откуда в недобрый час спустились в ложбину, тем больше возрастала среди них паника. Всякому не терпелось перелезть поскорее через гребень возвышенности

и укрыться, таким образом, от выстрелов преследующего противника, и никто не желал отступать последним и жертвовать собой ради других. Охваченные страхом, несколько драгун, пришпорив коней, покинули строй и бежали; остальные стали так нечетко и небрежно проделывать марши и необходимые перестроения, что офицеры все время дрожали, как бы и эти не последовали примеру беглецов.

Среди этой страшной картины, среди льющейся повсюду крови, топота коней, стонов раненых, среди все продолжающегося огня повстанцев, ставшего теперь непрерывным, среди громких кликов, раздававшихся всякий раз, когда меткая пуля сражала кого-нибудь из драгун, среди всех ужасов и сумятицы боя, не сомневаясь, что обезумевшие от страха солдаты могут в любую минуту бросить своих офицеров и удариться в бегство, Эвендел все же не преминул про себя отметить самообладание своего командира. Даже утром, за завтраком у леди Белленден, взор его не был более ясным и поведение — более выдержанным. Он подъехал к лорду Эвенделу, чтобы отдать ему кое-какие распоряжения и попросить нескольких человек для своего арьергарда.

— Еще пять минут этой бойни, — сказал он ему вполголоса, — и наши негодяи предоставят честь заканчивать эту битву вам, милорд, старому Аллану и мне самому нашими собственными руками. Я должен во что бы то ни стало рассеять стрелков неприятеля, причиняющих нам столько урона, или мы покроем себя позором. Не старайтесь помочь, если увидите, что мне приходится туго; станьте во главе ваших людей и, заклинаю вас господом богом, выбирайтесь отсюда, как сможете; и передайте его величеству королю и совету, что я умер, исполняя свой долг.

Проговорив это и приказав двум десяткам отважных драгун следовать неотступно за ним, он ринулся в такую отчаянную и неожиданную атаку, что смял передних бойцов пресвитерианского войска и отбросил их на некоторое расстояние. В горячке атаки Клевверхауз увидел Белфура Берли и, желая внести смятение в ряды неприятеля, обрушил на его голову удар

такой сокрушительной силы, что перерубил каску и свалил его с лошади. Берли грохнулся наземь; он был оглушен, но не ранен. Впоследствии немало толковали о том, каким образом человека такой поразительной силы, как Белфур, мог свалить удар столь хрупкого, судя по внешности, Клеверхауза; простой народ, разумеется, склонен был усматривать в этом вмешательство сверхъестественных сил, относя за их счет мощь, которую непреклонный дух иногда придает даже относительно слабой руке. Во время этой последней атаки Клеверхауз, однако, слишком глубоко врезался в гущу повстанцев, и они со всех сторон его окружили.

Лорд Эвендел заметил опасность, угрожавшую его командиру, — в этот момент его отряд сдерживал натиск врага, тогда как Аллан со своими людьми отходил вверх по склону. Пренебрегая приказанием Клеверхауза, согласно которому он не должен был оказывать ему помощь, он велел своим людям броситься вниз на выручку их полковника. Несколько человек последовало за ним, большинство в нерешительности осталось на месте, многие ускакали подальше. С теми, кто подчинился его приказу, Эвендел выручил Клеверхауза. Его помощь подоспела в самую решительную минуту: один из мятежных крестьян нанес косою страшные раны его коню и готовился повторить удар, когда лорд Эвендел зарубил его насмерть. Выбравшись из рукопашной схватки, они смогли наконец осмотреться и уяснить себе положение. Солдаты Аллана скрылись за гребнем возвышенности; даже авторитет этого офицера не смог удержать их от бегства. Отряд Эвендела также рассыпался и метался в полном смятении и беспорядке по склону холма.

— Что же нам делать, полковник? — спросил лорд Эвендел.

— Мы, кажется, последние, оставшиеся на поле сражения, — сказал Клеверхауз, — а если люди дрались, пока могли, то нет никакого позора искать спасения в бегстве. Если двадцати приходится биться с целой тысячей, то и самому Гектору было бы не зазорно сказать: «Пусть каждый думает о себе!» Спа-

сайтесь, ребята, и соберитесь вместе, как только сможете. Едем и мы, милорд; ради этого нужно скакать и нам.

Сказав это, он пришпорил своего раненого коня, и благородное животное, как бы понимая, что жизнь всадника зависит от усилий, какие оно приложит, стрелой понеслось вперед, словно не чувствовало ни какой боли и на нем совсем не сказалась потеря крови. Несколько офицеров и солдат в беспорядке последовало за ним. Отъезд Клеверхауза явился сигналом для всех оставших, все еще оказывавших кое-какое сопротивление наступающему противнику; и они также поспешно бежали, окончательно уступив поле битвы победившим повстанцам.

Глава XVII

Смотри, с поля битвы, сквозь гром и огонь,
Чей мчится безумный без всадника конь?

Кэмбел

Во время ожесточенной схватки, описанной нами в предыдущей главе, Мортон, Кадди, его мать и достопочтенный мистер Габриель Тимпан оставались на гребне возвышенности, близ того каменного надгробия, возле которого Клеверхауз держал перед боем военный совет, и это позволило им следить за ходом событий, происходивших внизу. Их охрана, состоявшая из капрала Инглиса и четырех солдат, как нетрудно себе представить, уделяла неизмеримо больше внимания капризам фортуны на поле сражения, чем поведению арестованных.

— Если эти ребята постоят за себя, — сказал Кадди, — нам, может, опять удастся избежать пенного галстука. Да только что-то не верится. Плохие они вояки, сударь.

— А здесь, Кадди, большого искусства не требуется, — ответил Мортон. — У них выгодная позиция, они сносно вооружены и больше, чем втрое, превосхо-

дят нападающих в численности. Если им и на этот раз не постоять за свою свободу, значит и они и их сторонники заслуживают того, чтобы утратить ее навсегда.

— Ах! — воскликнула Моз. — Зрелище это воистину великолепно! Дух мой подобен духу благословенного пророка Илии, он пылает во мне; внутренности мои — словно сусло, что бурлит и рвется наружу, еще немного, и я лопну, как сосуд, в который налито молодое вино. О, если бы господь обратил в этот день суда и освобождения взоры свои на избранный им народ! Но что печалит тебя, бесценный наш Габриель? Я спрашиваю, что печалит тебя, который во время оно был бы назареєм чище, чем снег, белее, чем молоко, краснее сапфира (старая Моз, видимо, не очень-то разбиралась в драгоценных камнях); я говорю, что печалит тебя, почему сделался ты чернее, чем уголь? Почему увяла твоя красота? Почему испарилась твоя любезность и ты стал сухим, как глиняный черепок? Сейчас самое время восстать и действовать, время воззвать во весь голос и беспощадно разить; время вознести молитвы свои за наших страдальцев, которые ратуют за правое дело, не жалея ни своей крови, ни крови врагов.

Это пламенное обращение Моз заключало в себе горький упрек мистеру Габриелю Тимпану, который, сущий Воанергес, что означает сын грома, на кафедре, вдали от врагов, и достаточно упорный, как мы видели, даже попав в их руки, утратил теперь от пальбы, криков и неистовых воплей, доносившихся из долины, способность членораздельной речи и был до того перепуган — впрочем, это могло бы случиться со всяким, окажись он в положении, когда нельзя ни броситься в бой, ни бежать, — что не только не мог воспользоваться благоприятным случаем и громить гонителей пресвитерианства, чего ожидала от него бесстрашная Моз, но и молиться об успешном завершении битвы. И все же он сохранял некоторое присугствие духа и не менее ревниво, чем прежде, заботился о поддержании своей славы нестигаемого и пламенного глашатая слова господня.

— Помолчи, женщина, — сказал он, — не нарушай моих размышлений и не отвлекай от борьбы, которую я веду с врагами в сердце моем. Однако, говоря по правде, выстрелы неприятеля учащаются! Шальная пуля, чего доброго, может залететь и сюда! Ага! Я укроюсь, пожалуй, за камнем, как за несокрушимой крепостною стеной.

— Он просто-напросто трус, — сказал Кадди, огнюдь не лишенный той храбрости, которая равнодушна к опасности, — он всего-навсего жалкий трус! Далеко ему до Рамблбери, господи боже! Тот бился и громил своими проклятиями, как крыматый дракон. Как жаль, что ему, бедняге, не удалось избежать петли! Он шел, говорят, на казнь, растевая псалмы, бодро и даже весело, как я бы, скажем, пошел к миске с похлебкой, когда бы проголодался, как сейчас, например. Эх, страшно взглянуть, что там творится, а все смотришь и глаз не оторвешь.

В самом деле, жадное любопытство Мортонa и Кадди и пламенный энтузиазм Моз заставляли их оставаться на месте, так как отсюда они могли лучше всего следить за ходом событий, между тем как почтенный Габриель Тимпан один укрывался в безопасном убежище. Хотя наши узники и видели с вершины холма все описанные нами превратности битвы, они не могли по-настоящему разобраться в положении дел. Что пресвитериане не поддаются, было очевидно по густому, тяжелому, освещаемому частыми вспылками дыму, который теперь застилал всю долину и накрыл борющихся своей серою тенью. С другой стороны, непрерывная стрельба с ближнего края низины свидетельствовала о том, что враг упорно стремится вперед, что бой протекает крайне ожесточенно, что можно ожидать любого исхода сражения, в котором необученным военному делу крестьянам приходится отбивать атаки прекрасно вооруженного регулярного войска под командою опытных офицеров.

Наконец из окутанной дымом лощины начали выскакивать кони без всадников; судя по сбруе, они принадлежали драгунам. Потом показались спешенные солдаты, покидавшие поле боя и торопившиеся

перевалить через гребень холма, чтобы поскорее уйти от опасности. Число этих беглецов все увеличивалось, и можно было предполагать, что судьба дня решена. Затем вынырнул из клубов дыма большой отряд лейб-гвардейцев, кое-как построившихся на склоне холма и с трудом удерживаемых на месте стараниями своих офицеров; потом появился так же поспешно отступавший отряд лорда Эвендела. Исход боя был очевиден; узники торжествовали: они радовались и победе пресвитериан и своему скорому освобождению.

— Эти уже зашабашили, — сказал Кадди, — и работать больше не станут!

— Они бегут! бегут! — воскликнула радостно Моз. — О, спесивые тираны! Они скачут, как никогда еще не скакали. О, лукавые египтяне... О, надменные ассирийцы, филистимляне, моавитяне, идумеи, измаильтяне! Господь направил на них остро отточенные мечи, чтобы стали они пропитанием для птиц небесных и тварей земных. Смотрите, какие тучи и вспышки огня преследуют их по пятам, смотрите, как предшествуют они избранным сынам ковенанта — точно столпы дыма и столпы пламени, что вели народ израильский из Египта! День сей — воистину день освобождения праведных, день гнева на гонителей и безбожников!

— Спаси нас господи! Матушка, — сказал Кадди, — придержали бы вы свой язык, да легли бы за камнем, как мистер Тимпан, золотой человек! Пули вигов не очень-то разбирают, в кого им попасть, и так же легко могут разmozжить голову распевавшей псалмы старухе, как и изрыгающему богохульства драгуну.

— Не бойся за меня, Кадди, — ответила старая Моз, обрадованная и возбужденная успехом повстанцев, — не бойся! Я поднимусь на могильник и, словно Дебора, вознесу песнь мою в поношение этих людей из Харошеф-Гоима, разбивших подковы коней своих, спесиво гарцуя перед людьми.

Восторженная старуха и впрямь проделала бы задуманное и, взобравшись на камень, стала бы, как она выражалась, хоругвью или стягом своего избран-

ного народа, если бы Кадди скорее с сыновней заботливостью, чем с почтительностью не принудил ее, хогя его руки и были связаны, остаться на месте.

— Ого, — сказал он, покончив с этим, — взгляните сюда, Милнвуд, смотрите, видали ли вы когда-нибудь, чтобы кто из смертных дрался, как этот сатана Клеверз? Смотрите, он трижды был в самой гуще и трижды выбирался из нее невредимым... Но и мы сами, сдается, скоро выберемся отсюда. Инглис со своими солдатами что-то частенько стали поглядывать через плечо, точно дорога назад им милее, чем та, что ведет вперед.

Кадди не ошибся. Когда главная масса бегущих поравнялась с местом, где они находились, капрал и его люди выстрелили, не целясь, по приближающимся повстанцам и, бросив всякое попечение об арестованных, присоединились к своим отступавшим товарищам. Мортон и старая Моз, которые не были связаны, не теряя времени развязали Кадди и проповедника, освободив их скрученные за спиной руки. Едва успели они это сделать, как почти у самой подошвы холма, на вершине которого было не раз уже упоминавшееся нами надгробие, показался арьергард отступающих, все еще сохранявших подобие строя. Во всем замечались та спешка и то смятение, которые всегда налицо при отходе, но они все же еще не потеряли облика воинской части. Впереди скакал Клеверхауз; его обнаженный палаш так же, как лицо и одежда, был окровавлен. Конь был покрыт корками запекшейся крови и засекался от слабости. Лорд Эвендел, мало чем отличавшийся своим видом от Клеверхауза, вел за собою последнюю группу драгун, увещевая их не разбредаться и сохранять присутствие духа. Среди них было несколько раненых, и один или двое свалились с коней, уже поднявшись на холм.

При этом зрелище Моз снова зажглась вдохновением. Стоя среди густого вереска, с непокрытою головою, с седыми, развевающимися на ветру космами, она довольно точно воспроизводила собою образ престарелой вакханки или фессалийской колдуньи, иступленно предающейся своим заклинаниям. Она

тотчас же узнала мчавшегося во главе отступающих Клеверхауза и воскликнула с едкой иронией:

— Остановись, остановись! Ведь ты всегда жаждал побывать на собраниях святых мучеников, ведь ты готов был обрыскать все, какие есть, болота Шотландии, чтобы отыскать такое собрание. Что же ты не задерживаешься, когда нашел его наконец? Не желаешь ли выслушать еще одно слово? Не желаешь ли дожидаться послеобеденной проповеди? Горе тебе! — продолжала она, внезапно меняя тон. — Да подсекутся сухожилия у той твари, на быстроту которой ты уповаешь! Смотри, смотри, тебе приходит конец, тебе, пролившему столько крови и тщасемуся теперь спасти свою собственную, тебе, наглый Рабсак, изрыгающий кощунства Семей, кровожадный Доик! Подъят обнаженный меч, и он вскоре настигнет тебя, как бы быстро ты ни скакал.

Клеверхаузу, как нетрудно предположить, было не до того, чтобы прислушиваться к ее гневным речам. Надеясь собрать беглецов вокруг своего боевого штандарта, он торопился перевалить через гребень возвышенности, заботясь только о том, чтобы вывести остатки полка за пределы досягаемости неприятельских выстрелов. Но когда последняя группа драгун поднялась на вершину холма, пуля поразила лошадь лорда Эвендела, и она тотчас же грохнулась наземь, увлекая и его за собой. Два верховых повстанца, опередившие своих сотоварищей в преследовании бегущих, понеслись к нему, чтобы его убить, так как в те времена никому не давали пощады. Устремился к нему, но чтобы спасти ему жизнь, и Мортон, побуждаемый как врожденным великодушием, так и желанием уплатить долг, которым лорд Эвендел обязал его утром того же дня и который в силу известных читателю обстоятельств заставил его так жестоко страдать. Пока он помогал раненому освободиться из-под убитой лошади и встать на ноги, подоспели и оба всадника, и один из них, закричав: «Смерть тирану в красной куртке!» — обрушил на знатного юношу свой палаш; Мортон, с трудом отпа-

рировавший удар, крикнул всаднику, оказавшемуся не кем иным, как Белфуром Берли:

— Пощадите этого человека, ради меня, ради, — добавил он, замечая, что Берли его не узнал, — ради Генри Мортонa, еще так недавно предоставившего вам кров.

— Генри Мортон? — откликнулся Берли, вытирая окровавленный лоб еще более окровавленной рукой, — разве не говорил я, что сын Сайлеса Мортонa покинет страну утеснения и явится к нам, что недолго ему оставаться еще в шатрах, раскинутых в стане Хама? Ты головня, извлеченная из пожараща... Но этот обутый в ботфорты апостол епископства, он умрет положенной ему смертью! Мы должны безжалостно их разить, мы должны истреблять их под корень от восхода и до заката. Мы посланы, чтобы убивать их, как амалекитян, уничтожать все, что принадлежит к их колену, не щадить ни мужчины, ни женщины, ни дитяти, ни сосунка, и потому не мешай мне, — прибавил он, снова замахиваясь на лорда Эвендела, — ибо дело это нужно делать как следует.

— Вы не должны его убивать, вы его не убьете, особенно теперь, когда он лишен возможности защищаться, — горячо произнес Мортон, заслоня собою лорда Эвендела и готовый принять удар, предназначавшийся офицеру. — Сегодня утром он спас мою жизнь, жизнь, которой грозила опасность только из-за того, что я укрыл вас в Милнвуде; пролить его кровь теперь, когда он не может сопротивляться, было бы не только жестокостью, ненавистной и богу и человеку, но вместе с тем и отвратительной неблагодарностью как по отношению к нему, так и ко мне.

Берли опустил руку.

— Ты все еще, — сказал он, — в содоме язычников, и я скорблю о твоей слепоте и слабости. Жесткое мясо не для младенцев; великое и тяжелое испытание, заставившее меня взяться за меч, не для тех, чьи сердца обитают в глиняных хижинах, чьи ноги увязли в жиже бранных привязанностей, кто облачается в покров праведника, хотя этот покров не что иное, как мерзкое рубище. Но направить душу

на путь веры и истины куда лучше, чем отослать злодея в Тофет, а потому я пощажу юношу, за которого ты заступаешься, полагая, что эта милость будет подтверждена военным советом господней армии, которую отец наш небесный благословил в этот день предвестием близкого освобождения. У тебя нет, как вижу, оружия; дожидайся моего возвращения. Я должен преследовать этих грешников, этих амалекитян; я должен разить их, пока они не будут окончательно стерты с лика земли, от Хавилы до Суры.

Проговорив это, он прищипил коня и снова пустился в погоню.

— Кадди, — сказал Мортон, — ради бога, достань лошадь, и как можно скорее. Я не могу доверять жизнь лорда Эвендела этим ожесточенным людям. Как ваши раны, милорд? Можете ли вы продолжать путь? — добавил он, обращаясь к пленнику, который, ошеломленный при падении, стал понемногу приходить в себя.

— Полагаю, что да, — ответил молодой лорд. — Но возможно ли? Ужели я обязан своею жизнью мистеру Мортону?

— Я помешал бы убийству пленного и из простой человечности, — ответил Мортон. — А что касается вашей чести, то, вступившись за вас, я к тому же уплатил священный долг моей благодарности.

В этот момент возвратился с лошадью Кадди.

— Ради господина бога, садитесь, садитесь в седло и летите как ястреб, милорд, — сказал добродушный парень. — Я не я, если они не перебьют всех до последнего — и пленных и раненых.

Лорд Эвендел, которому Кадди почтительно придерживал стремя, не без труда взобрался на лошадь.

— Отойди подальше, дружок; смотри, как бы эта предупредительность не стоила тебе жизни. Мистер Мортон, — продолжал он, обращаясь к Генри, — мы связаны теперь навсегда; я никогда не забуду вашего благородства. Прощайте!

Он повернул коня и поскакал в том направлении, где была наименее вероятна угроза погони.

Не успел лорд Эвендел умчаться, как небольшая группа повстанцев из числа тех, кто преследовал отступающего противника, окружила Кадди и Мортонa, угрожая им мстью за помощь, которую они оказали улизнувшему филистимлянину, как они называли знатного юношу.

— А что же нам оставалось, по-вашему, делать? — закричал Кадди. — Как могли бы мы задерживать человека, у которого два пистолета, да еще в придачу палаш? А почему вы сами не поторапливались, вместо того чтобы кидаться теперь на ни в чем не повинных людей?

Эти оправдания едва ли были бы признаны состоятельными, если бы мистер Тимпан, оправившийся от недавнего страха и пользовавшийся известностью и уважением среди гонимых пресвитериан, вместе со старою Моз, умевшей говорить их языком не хуже самого проповедника, горячо и страстно не вступились за них.

— Не трогайте их, не творите им зла! — воскликнул Тимпан своим лучшим басовым тембром. — Это сын знаменитого Сайлеса Мортонa, руками коего господь свершил в этой стране большие дела; это было в то время, когда начиналась борьба против епископства, когда потоком лилось слово божие, когда обновлялся дух ковенанта. Он был героем и бойцом в те благословенные дни, когда у нас были сила и власть, когда уличенные в злодеяниях грешники обращались к истинной вере, когда святых мучеников объединяло братство в бою и молитве, когда благоухали ароматы райских садов.

— А это сынок мой Кадди, — подхватила, в свою очередь, Моз. — Это сын отца своего, Джюддена Хедрига, славного и честного человека, и матери своей Моз Миддлмес, недостойной рабы господней, которая исповедует чистую веру, и борется за нее, и всею своей душой ваша. Разве не начертано в священном писании: «Не погубите колена племен Каафовых из среды Левитов» («Числа», глава четвертая, стих восемнадцатый). Ох, ребята, что же вы стоите безо

всякого дела и препираетесь с честным народом, когда нужно воспользоваться победой, которой благословило вас провидение?

Не успел удалиться этот отряд, как их тотчас же окружил новый, и пришлось повторять те же самые объяснения. Габриель Тимпан, страх которого рассеялся вместе с дымом от последнего выстрела, снова вступился за них, но заметив, насколько существенно его слово для обеспечения безопасности недавних его товарищей по заключению, осмелел до того, что стал приписывать своим заслугам немалую долю в одержанной над королевскими войсками победе. Ссылаясь на Мортон и на Кадди, он утверждал, что, пока не был ясен исход сражения, он, как Моисей на горе Иегова-Нисси, возносил молитвы о том, чтобы Израиль взял верх над амалекитянами; он говорил, кроме того, что Мортон и Кадди поддерживали его воздетые к небу руки, когда они в изнеможении опускались; они делали это, как Ор и Аарон, поддерживавшие руки пророка. Очень возможно, что Габриель Тимпан столь щедро делился заслугами со своими товарищами в беде для того, чтобы у них не было искушения разоблачить его привязанность к брэнной жизни и жалкую трусость, заставившие его забыть обо всем, кроме своей безопасности. Эти пламенные свидетельства в пользу только что освобожденных узников Клеверхауза быстро, со многими преувеличениями, распространились среди победоносного воинства. Толки на этот счет были чрезвычайно разнообразны; все они сходились, однако, на том, что молодой Мортон из Милнвуда, сын стойкого воина ковенанта Сайлеса Мортон, вместе с достопочтенным Габриелем Тимпаном и простой, но набожною старухой, относительно которой многие думают, что она столь же хорошо, как и сам проповедник, приводит на память и толкует тексты писания, будь то слова гнева или слова утешения, прибыли поддержать старинное правое дело, приведя с собой подкрепление из сотни вооруженных до зубов обитателей Среднего Уорда.

Глава XVIII

Стучал по кафедре горлан,
Как будто бил он в барабан.

«Гудибрас»

Между тем конница повстанцев, изчуренная непривычными для нее усилиями, прекратила преследование драгун и вернулась назад; собралась на отвоеванной земле и пехота, изнемогавшая от голода и усталости. Впрочем, успех так опьянял сердца, что казалось, будто он может заменить и пищу и отдых. И действительно, он превзошел даже самые смелые ожидания; не понеся больших потерь, они разбили наголову целый полк отборных солдат, во главе которых стоял первый военачальник Шотландии, одним своим именем долгое время внушавший им ужас. Эта неожиданная победа поразила и потрясла их души тем более, что взялись они за оружие, побуждаемые скорее отчаянием, чем надеждою. Да и объединились они тоже случайно и приготавились к бою наскоро, избрав из своей среды командиров, отличавшихся пламенным рвением к вере и личной отвагой, а не какими-либо другими качествами. Отсутствие надлежавшей организации и дисциплины повело к тому, что почти вся масса повстанцев превратилась в своего рода военный совет, горячо обсуждавший, что именно следует предпринять в развитие одержанного успеха, и не было такого дикого и несуразного предложения, которое не нашло бы сторонников и защитников. Некоторые советовали идти на Глазго, другие — на Гамильтон, третьи — на Эдинбург, четвертые — прямо на Лондон. Одни хотели отправить ко двору депутацию, чтобы разъяснить Карлу II его заблуждения и обратить его на путь истинный; сторонники более крутых мер предлагали возвести на престол нового короля или объявить Шотландию независимой республикой. Независимый парламент и независимый союз церковных общин — таковы были требования наиболее благоразумной и умеренной партии. Между тем среди солдат поднялся ропот; они требовали

хлеба и всего, в чем нуждались, и хотя все жаловались на лишения и на голод, никто не принимал мер, чтобы наладить подвоз продовольствия. Короче говоря, лагерь ковенантеров, несмотря на только что одержанную победу, готов был, казалось, рассыпаться, словно дом, построенный из песка, и причиной этого было отсутствие твердых принципов, которые объединяли бы и сплачивали восставших.

Берли, принимавший участие в преследовании противника и только теперь возвратившийся на поле сражения, застал войско повстанцев в состоянии полного разброда и замешательства. Обладая талантом организатора и не теряясь в самых трудных условиях, он предложил выделить сотню наименее истомленных людей для несения лагерной службы, составить временный комитет из числа тех, кто выполнял до этой поры обязанности военачальников, передав ему, впредь до избрания командиров, верховное руководство, и поручить Габриелю Тимпану отметить дарованный небом успех подобающей проповедью, обращенной ко всей повстанческой армии. Он особенно настаивал на последней из перечисленных мер, и не без веской причины, так как это был единственный способ отвлечь внимание массы повстанцев и доставить возможность ему и еще двум-трем военачальникам собраться на военный совет и беспрепятственно, не отвлекаясь противоречивыми мнениями и бессмысленными криками целого войска, заняться делами.

Габриель Тимпан превзошел ожидания Берли. Два битых часа проповедовал он без запинки; и, конечно, ничьи легкие и ничьи наставления, кроме как мистера Габриеля Тимпана, не могли бы в течение столь долгого времени приковывать внимание слушателей, и притом в таких критических обстоятельствах. Но он в совершенстве владел секретом грубого и незамысловатого красноречия, присущего многим проповедникам той эпохи; оно было бы с презрением отвергнуто аудиторией, обладающей хоть крупицею вкуса, но явилось хлебом насущным для слушателей Тимпана. Взятый им текст был из сорок девятой главы книги пророка Исайи: «И плененные сильным будут отняты,

и добыча тирана будет избавлена, потому что я буду состязаться с противниками твоими, и сыновей твоих я спасу».

«И притеснителей твоих накормлю собственною их плотию, и они будут упоены кровью своею, как молодым вином; и всякая плоть узнает, что я господь, спаситель твой и искупитель твой, сильный Иаковлев».

Речь, произнесенная Тимпаном на эту тему, была разделена на пятнадцать частей, причем каждой части сопутствовало семь практических приложений основного тезиса проповедника; два должны были служить целям утешения, два — устрашения, два изъясняли причины вероотступничества и гнева господнего, а последнее возвещало обещанное и чаемое освобождение. Первую часть своей речи он посвятил собственному освобождению и освобождению своих товарищей по несчастью; он воспользовался случаем, чтобы сказать несколько слов в похвалу молодого Милнвуда, от которого, как от защитника ковенанта, он ожидал великих деяний. Вторую часть он заполнил перечислением кар, которые неминуемо в близком будущем поразят тираническое правительство. То он впадал в обыденный и разговорный тон, то возвышал голос, и тогда речь его становилась бурной и стремительной; иные места ее были возвышенны, иные, напротив, опускались ниже уровня плоского шутовства; то с огромным воодушевлением отстаивал он право всякого свободного человека чтить господя бога в соответствии с велениями собственной совести, то возлагал вину за бедствия и муки народные на непростительную небрежность правителей, которые не только не провозгласили пресвитерианства общенациональным исповеданием, но отнеслись с преступной терпимостью к сектантам разного толка — папистам, прелатистам, эрастианам, присвоившим себе название пресвитериан, индипендентам, социнианам и квакерам, коих всех Тимпан предлагал изгнать из страны одним решительным актом парламента и тем самым полностью восстановить бывшее благолепие скинии. Потом он подробно остановился на учении об оборотительных действиях и о сопротивлении Карлу II,

отметив, что этот монарх, вместо того чтобы пестовать, как отец, шотландскую церковь, в действительности не пестовал никого, кроме прижитых им вне брака детей. Затем он распространился относительно образа жизни и развлечений этого веселого государя, и, надо признаться, кое-что и в самом деле заслуживало тех выражений, которыми сыпал наш не очень-то учтивый оратор, окрестивший его презренными именами Иеровоама, Омри, Ахава, Шаллума, Факея и всех прочих нечестивых царей, упоминаемых в книгах Паралипоменон. Свою речь мистер Тимпан заключил следующим текстом писания: «Ибо Тофет давно уже устроен; он приготовлен и для царя, глубокий и широк; в костре его много огня и дров; дуновение господа, как поток серы, зажжет его».

Едва Тимпан кончил проповедь и спустился с высокой скалы, служившей ему пастырской кафедрой, как на его месте появился новый оратор, резко отличавшийся от него своим обликом. Достопочтенный Габриель был человек преклонного возраста, плотный, с громовым голосом, квадратной головой и тупыми, невыразительными чертами лица, отчего и казалось, что плоть в нем берет верх над духом, а это едва ли было пристойно для глашатая слова божьего. Молодой человек, обратившийся теперь с увещаниями к этому столь необыкновенному сборищу, Эфраим Мак-Брайер был не старше двадцати лет; и все же весь его облик наглядно свидетельствовал, что, при своем чахоточном сложении, он был к тому же еще изнурен бдениями, постами, всяческими лишениями, связанными с пребыванием в тюрьме и тяготами скитальческой жизни. Несмотря на молодость, он уже дважды претерпел заключение продолжительностью в несколько месяцев; он много страдал, и это создало ему большой авторитет среди приверженцев его секты. Усталыми глазами окинул он толпу и поле сражения, и в его взгляде зажглось ликование; его бледное выразительное лицо покрылось болезненным, мгновенно вспыхнувшим и так же угасшим румянцем радости. Он сложил руки, поднял голову и, прежде чем обратиться к народу, видимо мысленно погру-

зился в благодарственную молитву. Вначале его слабый, нетвердый голос как будто не мог выразить волновавшие его мысли. Но напряженное молчание слушателей, жадность, с которою они ловили каждое его слово, подобная той, с какою изголодавшиеся иудеи собирали манну небесную, произвели, очевидно, соответствующее действие на самого проповедника. Речь его стала отчетливее, жесты живее и энергичнее; все говорило о том, что религиозный пыл одолел телесные недуги и слабость. Красноречие Мак-Брайера также не было лишено налета грубости, свойственной его секте, но, сглаженное природным вкусом, оно было свободно от наиболее нелепых и смешных недостатков его современников; стихи писания, из-за неуместного применения терявшие порою в их устах какой бы то ни было смысл, звучали у него красочно и величаво и производили такое же впечатление, какое в старинных соборах производят солнечные лучи, проникая сквозь стрельчатые окна с изображенными на них житиями святых и мучеников за веру.

В ярких красках обрисовал он бедственное положение церкви в последний период ее неурядиц. Он сравнил ее с Агарью, следящей среди безводной пустыни за угасанием жизни в ее возлюбленном чаде; с Иудой под пальмою, скорбящим о разорении храма, с Рахилью, оплакивающей свое бесплодие и отвергающей утешения. Но он достиг вершины сурового и величавого красноречия, когда непосредственно обратился к людям, еще не успевшим остыть после битвы. Он призывал их не забывать о великих делах, сотворенных ради них господом, и упорно идти вперед, не оставляя того пути, на который вывела их победа.

— Ваши одежды окрасились, но не от виноградного сока; ваши мечи обагрены кровью, — восклицал он, — но это не кровь коз и ягнят; пыль в пустыне, которую вы попираете, пропиталась туком и кровью, но это не кровь быков, ибо «жертва у господа в Воссоре и большое заклание в земле Едома». То не были первенцы от стад, не был мелкий скот для сожжения жертвы, эти тела, что лежат, словно удобрение на вспаханном поле у рачительного хозяина; не благово-

ние мирры, ладана или душистых трав, то, что доносится до ваших ноздрей; но эти залитые кровью тупола — трупы тех, кто держал лук и копье, кто был жестокосерд и безжалостен, чей голос рокотал, словно море, кто садился в седло не иначе, как обвесив себя оружием, словно отправлялся на бой; это трупы могучих воинов, что пришли сразиться с Иаковом в день освобождения его, и этот дым — дым тех огней, что пожрали их. И эти дикие холмы, что вас окружают, не скиния, изукрашенная кедровым деревом и серебром, и вы не священники, прислуживающие у алтаря с кадильницами и факелами; в ваших руках меч, и лук, и орудия смерти, и говорю вам, воистину, даже тогда, когда древний храм пребывал в изначальной славе своей, даже тогда не была принесена жертва, более угодная богу, чем та, которую вы принесли сегодня, предав закланию тирана и утеснителя, когда скалы были алтарем вашим, небеса — сводами святилища вашего, а ваши добрые, остро отточенные мечи — орудиями жертвоприношения. А посему не бросайте плуга на борозде, не сходите с тропы, на которую однажды вступили, будьте как славные витязи во времена оны, призванные господом ради прославления его имени и ради освобождения угнетаемого народа, не останавливайте своего бега, раз вы начали состязание, чтобы конец не стал хуже начала. Итак, водрузите над этой страной стяг, трубите в трубы с горных вершин; пусть пастух не лепится к стаду своему и сеятель — к вспаханной ниве; но будьте на страже, оттачивайте наконечники стрел, начищайте до блеска щиты, изберите себе начальников тысяч и начальников сотен, полусотен, десятков; пусть пешие будут как дыхание ветра; пусть всадники устремятся, точно потоки неиссякаемых вод, ибо переправы пред угнетателями разверзлись и бичи их сожжены, ибо лица их воинов обращены вспять; господь был за вас, и он сломал лук власть имеющего; пусть сердце каждого уподобится сердцу отважного Маккавея, пусть рука каждого будет рукою могучего силой Самсона, пусть меч каждого станет мечом Гедеона, поражавшего насмерть любого врага, ибо знамя реформации

плещется на горах в изначальной свежести, и врата адовы не одолеют его.

Блажен, кто обменяет в день сей дом свой на боевой шлем, кто продаст одежды свои, чтобы приобрести меч, кто разделит участь свою с участью детей ковенанта, и да будет так, пока не исполнится обещанное; и горе, горе тому, кто ради бранных житейских целей и личной корысти уклонится от великого дела, ибо проклятие будет на нем еще горше, чем на Мерозе, который не пришел к господу, чтобы помочь ему против могущественного врага. Итак, поднимайтесь и действуйте; кровь мучеников, что дымится на лобном месте, вопиет об отмщении; кости святых, что, белея, лежат на дорогах, требуют воздаяния; стоны невинных, что доносятся с заброшенных островов морских, из темниц, сокрытых в твердых тирана, исходят мольбой об освобождении; молитвы гонимых христиан, скрывающихся от меча утеснителей в пещерах и бесплодных пустынях, терзаемых голодом, мучимых холодом, лишенных огня, пищи, крова, одежды, ибо они предпочитают служить скорее богу, чем человеку, — все они с вами, все ходатайствуют за вас, бдят у врат царства, стучат, осаждают их, дабы явил господь вам милость свою. Само небо будет сражаться за вас, подобно тому, как звезды в беге своем сражались против Сисары. И кто жаждет заслужить бессмертную славу в мире сем и вечное блаженство в оном, что грядет, тот пусть вступает в службу господню и получит задаток из руки смиреннейшего его слуги, а именно благословение и ему, и дому его, и детям его, и потомкам его до девятого колена, и даже благословение, коим господь осенил Авраама и род его, навеки и навсегда. Аминь!

Красноречие проповедника вознаградило глухой гул одобрения, прокатившийся в рядах вооруженных слушателей по окончании его речи, которая так хорошо отвечала и тому, что они уже совершили, и тому, что еще предстояло им совершить. Слушая эту проповедь, возносившую их над всеми невзгодами и бедствиями этого мира и отождествлявшую дело, за которое они борются, с делом самого божества, раненый

забывал о том, что у него болят раны, слабый и голодный — о переносимых тяготах и лишениях. И когда проповедник спустился с возвышения, с которого говорил, вокруг него собралась большая толпа. Прикасаясь к нему руками, на которых еще не застыла кровь, люди клялись, что будут стойкими бойцами за дело господне. Изнуренный собственным энтузиазмом и вдохновением, которое он вложил в свою речь, Мак-Брайер мог отвечать лишь скупыми словами, произносимыми слабым голосом: «Да благословит вас господь, братья мои, — мы боремся за его дело. Поднимайтесь и действуйте, как подобает мужчинам; самое худшее, что может выпасть на нашу долю, — это быстрое и обгаренное кровью переселение в иной мир».

Белфур и другие вожди не теряли между тем времени, и, пока остальные предавались этим благочестивым занятиям, были разожжены лагерные костры, расставлены часовые и из припасов, собранных на близлежащих фермах и в окрестных деревнях, приготовлен обед. Удовлетворив, таким образом, самые насущные нужды, они подумали и о дальнейшем. Были разосланы небольшие отряды, чтобы оповестить народ об одержанной ими победе и добыть если не добром, то силою то, в чем они острее всего нуждались. В этом они преуспели гораздо больше, чем ожидали, так как в одной из деревень им удалось обнаружить небольшой склад продовольствия, фуража и снаряжения, заготовленных для королевских войск. Этот успех не только избавил их на первое время от забот о самом необходимом, но и настолько укрепил их надежды, что, несмотря на колебания некоторых, чей пыл уже успел поостыть, было принято единодушное решение не расходиться и с оружием в руках отстаивать свое правое дело до последнего вздоха.

Что бы ни думали мы о нелепости и тупом изуверстве многих разделяемых ими воззрений, нельзя не воздать должное самоотверженному мужеству нескольких сот крестьян, которые без вождей, денег, складов, без какого-либо определенного плана дей-

ствий и почти без оружия, поддерживаемые лишь рвением к своей вере и ненавистью к своим угнетателям, осмелились открыто начать войну против правительства, опирающегося на регулярную армию и силы трех королевств.

Глава XIX

И старец тоже может быть полезен.

«Генрих IV», ч. II

Нам следует снова перенестись в Тиллитудлем, где после ухода драгун утром этого полного стольких событий дня воцарились тишина и... беспокойство. Уверениям лорда Эвендела не удалось рассеять страхи Эдит. Она знала, что молодой лорд благороден и сдержит данное слово, но ей было ясно, что он подозревает в Мортоне удачливого соперника; а раз так, то могла ли она ожидать от него усилий, превышающих человеческую природу, могла ли надеяться, что он будет неотступно следить за Мортонем и оберегать его от опасностей, угрожающих ему, как арестованному по столь серьезному обвинению. Ее одолевали поэтому бесконечные страхи, терзавшие ей сердце, и она не воспринимала и даже почти не слышала многочисленных доводов, приводимых один за другим ей в утешение верною Дженни Деннисон, уподоблявшейся искусному военачальнику, который непрерывно атакует врага, последовательно бросая против него находящиеся в его распоряжении части.

Сначала Дженни высказывала уверенность, что с молодым Милнвудом ничего страшного не случится. ну, а если случится, говорила она, то пусть мисс Эдит черпает для себя утешение в том, что лорд Эвендел — лучшая и более подходящая для нее партия; кроме того, надо полагать, что произойдет бой, в котором названного лорда Эвендела могут убить, и тогда это дело устроится безо всяких хлопот; наконец, если виги одолеют гвардейцев, то Милнвуд и Кадди

возвратятся в замок и силою получат возлюбленных своего сердца.

— Ведь я позабыла сказать, — продолжала Дженни, прикладывая к глазам платок, — что бедный Кадди так же в руках филистимлян, как и молодой Милнвуд; его привезли сюда нынче утром, и мне пришлось наговорить Тому Хеллидею кучу любезностей и подольститься к нему, чтобы он подпустил меня поближе к этому горемыке, а Кадди был такой неблагодарный, как никогда прежде, — добавила она, сразу меняя тон и резко отнимая от лица платок, — так что я никогда больше и не подумаю портить себе глаза, сокрушаясь о нем. Молодых людей останется у нас более чем достаточно, даже если красные куртки перевешают добрую их половину.

Остальные обитатели замка также имели основания для неудовольствия и тревоги. Леди Маргарет полагала, что полковник Грэм, приказав расстрелять Мортон у дверей ее дома и отклонив ее просьбу об отмене этого приговора, тем самым отказал ей в уважении, подобающем ее титулу, и больше того — нарушил ее феодальные права.

— Полковнику, — говорила она, — надлежало бы помнить, дорогой брат, что баронству Тиллитудлем присвоены prerogatives тюрьмы, и поэтому, если молодого человека нужно было казнить обязательно у меня в поместье (что я считаю совершеннейшим неприличием, потому что это было бы сделано во владениях женщины, для которой такие трагедии невыносимы), то и в этом случае полагалось бы, согласно обычному праву, передать преступника моему управителю, который и учинил бы над ним суд и расправу.

— Военный закон, сестра, берет верх над всем остальным, — ответил майор Белленден. — Впрочем, нельзя не признать, что полковник Грэм был недостаточно внимателен к вам; не могу сказать, чтобы и я был чрезмерно польщен его поведением: он уступил просьбе молодого Эвендела (возможно, потому, что он лорд и имеет связи в Тайном совете), отказав такому старому слуге короля, как я. Но раз жизнь этого молодца спасена, я готов найти утешение в заключи-

тельных словах песенки, такой же старой, как и я сам. — И, сказав это, он принялся напевать сквозь зубы следующий куплет:

— Пускай настанут холода,
Засеребрится смоль волос,
Но бодрым, рыцарь, будь всегда,
Вино сильнее, чем мороз.

Я вынужден на сегодня навязаться вам в гости, сестра. Мне хочется знать, чем закончится столкновение в Лоудон-хилле; впрочем, его исход предreshen: трудно себе представить, чтобы мятежники могли устоять против такого полка кавалерии, как наши недавние гости. Увы! Было время, когда ничто, кроме болезни, не могло бы заставить меня сидеть в четырех стенах, дожидаясь новостей о стычке, происходящей на расстоянии каких-нибудь десяти миль от меня! Но, как поется в старинной песне:

Пройдут года и сталь клинка
Покроют слоем ржавой пыли...
Где тот, которого б года,
Летя вперед, не победили?

— Оставшись с нами, вы доставите нам огромное удовольствие, дорогой брат, — сказала леди Маргарет. — И хоть не очень-то вежливо оставлять вас одного, я все же воспользуюсь моим давним правом и пойду навести порядок в хозяйстве, несомненно пострадавшем от утреннего приема.

— О, я ненавижу церемонии; они для меня так же несносны, как спотыкливый конь, — ответил майор. — К тому же, если вы останетесь здесь со мной, ваши мысли все равно будут с холодным мясом и с остатками ваших паштетов. Где Эдит?

— Ей нездоровится; мне сообщили, что она у себя и прилегла отдохнуть, — ответила старая леди. — Как только она проснется, я дам ей капель.

— Вот тебе на! Она заболела из-за этих солдат, — заметил майор Белленден. — Она не привыкла к тому, чтобы одного из ее знакомых вели у нее на глазах на расстрел, а другой отправлялся в бой, откуда, быть

может, ему не суждено возвратиться. Но, если нам не миновать новой гражданской войны, она скоро прорывнется и к этому.

— Не дай боже, братец, — сказала леди Маргарет.

— Не дай боже, как вы говорите; а пока что я, пожалуй, сыграю с Гаррисоном в трик-трак.

— Он уехал, сэр, — сообщил Гьюдвил, — чтобы узнать, нет ли каких новостей о битве.

— А ну ее к черту! — сказал майор. — Это до того взволновало весь дом, точно в нашей стране никогда ничего похожего не бывало; но ведь было же, Джон, и такое место, как Килсайт, не так ли?

— Еще бы, а Типпермур, ваша честь, — отозвался Гьюдвил, — а Типпермур, где я был в последнем ряду отряда, которым начальствовал его милость, покойный мой господин.

— А Элфорд, Джон, — подхватил майор, — где я командовал конницей; а Иннерлохи, где я был адъютантом Великого маркиза, а Олд-Эрн, а Бриг-о-Ди?

— А Филипхоу, ваша честь?

— Уф, — сказал майор, — чем меньше мы будем толковать обо всем этом, тем лучше.

Однако, заговорив о походах Монтроза, они принялись сражаться с таким неослабным усердием, что долго торжествовали над страшным врагом, именуемым Время, с которым удалившиеся на покой ветераны, пребывая в своем затворничестве вдали от кипучей жизни, непрерывно ведут войну.

Не раз отмечали, что слухи о важных событиях разносятся с невероятною быстротой и что молва, в основных чертах соответствующая истинному положению дел и искажающая только кое-какие частности, обычно предшествует достоверным известиям, точно ее приносят по воздуху птицы небесные. Такие слухи предвосхищают действительность, напоминая собой «тени грядущих событий», занимающие воображение пророка с гор. Гаррисон по дороге услышал кое-что об исходе сражения и в большом волнении повернул коня назад, к Тиллитудлему; прибыв в замок, он прежде всего постарался найти майора и, застав старого воина в самом разгаре его обстоятельного повествова-

ния об осаде и штурме Данди, прервал его восклицанием:

— Дай боже, майор, чтобы нам с вами не пришлось увидеть осаду Тиллитудлема прежде, чем мы постареем на несколько дней.

— Что это значит, Гаррисон? Что за чертовщину вы мелете? — воскликнул изумленный майор.

— Да, да, сэр, поговаривают, и все упорнее, что Клеверза разбили наголову; некоторые передают, будто он даже убит, а солдаты его рассеяны, и мятежники поспешно идут сюда, угрожая смертью и разорением всякому, кто не примет их ковенанта.

— Никогда не поверю, — сказал майор, вставая со своего места, — никогда не поверю, чтоб лейб-гвардейцы отступали перед мятежниками; а впрочем, что там, — продолжал он, — если я собственными глазами не раз видел такие вещи. Пошлите Пайка и одного, а то и двух слуг на разведку, и пусть люди в замке, а также в деревне, кому можно довериться, вооружаются. Наш старый замок сможет малую толику продержаться, лишь бы хватило продовольствия и людей, и он к тому же запирает проход между горами и остальным краем. Как хорошо, что я здесь. Идите, Гаррисон, проверьте людей. Ну, а ты, Гьюдйл, подсчитай, как у тебя с провиантом, и подумай, что еще можно достать, и потом приготовься, если известия подтвердятся, прирезать столько быков, сколько туш ты в состоянии засолить. Что до колодца, то в нем всегда довольно воды; на стенах найдется несколько пушек, правда старинных, и если б нам удалось раздобыть пороха, мы смогли бы, пожалуй, за себя постоять.

— Несколько бочонков пороху у нас есть; утром солдаты оставили их на ферме, с тем чтобы забрать на обратном пути.

— В таком случае поторапливайся, — сказал майор, — вели перетащить их в замок; собери все, какие найдутся, пики, палаши, шпаги, пистолеты, ружья, все, что сможешь; не оставляй ничего, даже шила. Как хорошо, что я здесь! Мне нужно поговорить с сестрой.

Неожиданная и страшная новость потрясла леди Маргарет. Ей казалось, что внушительного отряда, который этим утром покинул замок, за глаза хватит, чтобы стереть в порошок всех неблагонадежных в Шотландии, даже если они соберутся вместе, и теперь она сразу подумала, насколько ничтожны их средства защиты против армии, оказавшейся достаточно сильной, чтобы нанести поражение самому Клеверхаузу с полком отборных солдат.

— Горе мне, горе! — повторяла она. — Как нам устоять против них? Наше сопротивление не поведет ни к чему, кроме разрушения замка и гибели бедной сиротки Эдит. Ибо, видит бог, о себе я совсем не думаю.

— Что вы, дорогая сестра! Не падайте духом! — воскликнул майор. — Ваш замок — твердыня, а мятежники не обучены и плохо вооружены; дом моего брата не станет логовом воров и мятежников, пока в нем старина Майлс Белленден. Моя рука, конечно, слабее, чем была некогда, но благодаря седым волосам я все же кое-что разумею в военном деле. А вот и Пайк с новостями. Что нового, Пайк? Еще одно Филиппхоу, не так ли?

— Так точно, сэр, — невозмутимо ответил Пайк, — полный разгром. Я еще утром подумал: не будет добра от их новомодных ружейных приемов.

— Кого ты видел? Кто тебе об этом сказал?

— О, полдюжины драгун, если не больше. Эти ребята мчались наперегонки, кто первым придет в Гамильтон. Все они будут в выигрыше, готов поручиться; а битву пусть выигрывает тот, кому это нравится.

— Продолжайте приготовления, Гаррисон, — приказал неутомимый старый солдат. — Собирайте оружие, режьте скот. Пошлите людей в местечко скупить продовольствие, какое только найдут. Мы не можем терять ни минуты. Не лучше ли было бы, дорогая сестра, отправиться вам и Эдит, пока не поздно, в Чарнвуд?

— Нет, брат, — ответила леди Маргарет, очень бледная, но внешне совершенно спокойная, — пока

старый замок будет держаться, я буду ожидать в нем своей участи. Дважды в жизни я бежала отсюда и всякий раз, возвратившись, не находила в нем самых отважных и лучших; так что теперь я остаюсь за его стенами и здесь окончу мой земной путь.

— В конце концов, может статься, что он и впрямь самое безопасное место для Эдит и для вас, — заметил майор. — Виги, конечно, взбунтуются до самого Глазго, и ехать вам туда или жить в Чарнвуде окажется небезопасным.

— Итак, быть по сему, — заявила леди Белленден, — и, дорогой брат, поскольку вы ближайший кровный родственник моего покойного мужа, я поручаю вам вместе с этим символом власти (тут она отдала ему знаменитый жезл с золотым набалдашником) охрану моего замка Тиллитудлем, верховное управление им и сенешальскую власть над ним и над всем, что входит в его владения, предоставляя вам полномочия умерщвлять, поражать и наносить урон тем, кто осмелится покуситься на вышеназванный замок, делая это с таким же правом, с каким могла бы действовать я сама. Я уверена, что вы будете защищать его не иначе, чем подобает защищать дом, удостоенный посещением его священнейшего величества...

— Полно, сестрица, — прервал старую леди майор, — полно, у нас нет времени вспоминать о короле и его завтраке.

И, поспешно оставив комнату, он с проворством молодого человека не старше двадцати пяти лет пошел проверять состояние гарнизона и принимать меры, необходимые для обороны старого замка.

Тиллитудлему была страшна только тяжелая артиллерия. Стены его были очень толстые, прорези окон — исключительно узкие, внутренний двор с единственно доступной неприятелю стороны был защищен сильными укреплениями с двумя башнями, а с трех других его окружала глубокая пропасть. Опаснее всего для гарнизона был голод или штурм с помощью лестниц. Что касается артиллерии, то на верхней площадке главной замковой башни находились кое-какие устаревшие крепостные орудия, носившие вышедшие

из употребления названия кулеврин, фальконетов, се-керов, полусекеров и фальконов. Майор приказал Джону Гьюдылу прочистить и зарядить эти пушки, установив их с таким расчетом, чтобы можно было держать под обстрелом дорогу на склоне противоположной возвышенности — ее не могли миновать мятежники, приближаясь к замку. Он приказал также срубить два-три больших дерева, которые помешали бы действиям артиллерии, если бы случилось пустить ее в дело. Из стволов этих деревьев и подручного материала он велел построить три баррикады, разместив их на проезде, который, отходя от большой дороги, поднимался петлями к замку; эти баррикады были воздвигнуты так, чтобы всякая последующая господствовала над предыдущей. Большие ворота, ведущие во внутренний двор, он забаррикадировал еще основательнее, оставив единственную калитку для сообщения с внешним миром. Больше всего его беспокоила малочисленность гарнизона; несмотря на все усилия управителя, удалось набрать только девять защитников, включая его самого и Гьюдыла: местному населению повстанцы внушали гораздо больше симпатии, чем правительство. Таким образом, вместе с майором Белленденом и его верным слугою Пайком гарнизон насчитывал одиннадцать человек, из которых добрую половину составляли старики. Численность гарнизона можно было бы довести до дюжины, если бы леди Маргарет изъявила согласие на возвращение Джибби в ряды вооруженных сил. Но Гьюдыл, осмелившийся с нею об этом заговорить, встретил с ее стороны решительный и гневный отпор: она все еще хорошо помнила о недавних подвигах этого злополучного всадника и заявила, что скорее готова потерять замок, чем допустить Джибби к участию в его обороне. Итак, располагая одиннадцатью людьми, включая в это число и себя, майор Белленден решил отстаивать Тиллитудлем до последней возможности.

К отражению неприятеля готовились не без шума и суеты; визгливо кричали женщины, ревел скот, лаяли собаки; мужчины, непрерывно раздражаясь проклятиями и бранью, сновали взад и вперед; грохотали

пушки, перекатываемые вдоль зубцов укреплений с места на место; во дворе не смолкал конский топот — то прибывали и снова отъезжали с важными поручениями гонцы, — короче говоря, здесь слышался шум военных приготовлений попеременно с женскими причитаниями и плачем.

Это столпотворение могло разбудить даже мертвого, и оно, понятно, не замедлило развеять хрупкое забытие, в которое погрузилась Эдит. Она послала Дженни узнать о причинах сумятицы, сотрясавшей замок до самого основания, но Дженни, попавшей в этот кипящий водоворот, нужно было о стольком порасспросить и столько всякой всячины выслушать, что она начисто забыла о тревоге и озабоченности, в которых оставила свою юную госпожу. Не имея голубя, чтобы направить его за нужными сведениями, раз ее гонец-ворон почему-то не возвратился, Эдит, покинув ковчег своей комнаты, сама отправилась за новостями и тотчас же окунулась в потоп суматохи, заливавший весь замок. В ответ на ее первый вопрос голосов шесть, перебивая друг друга, оповестили ее о том, что Клеверз и все его люди убиты, что десять тысяч вигов идут к Тиллитудлему, чтобы осадить замок, и что во главе их Джон Белфур Берли, молодой Милнвуд и Кадди Хедриг. Странное сочетание имен заставило ее усомниться в достоверности этого сообщения, хотя всеобщая суматоха в замке и говорила о какой-то грозящей ему опасности.

— Где леди Маргарет? — таков был второй вопрос мисс Эдит.

— В молельне, — ответили ей.

Это была крошечная клетушка рядом с часовней; здесь славная старая леди безвыходно проводила праздники, предназначенные епископальной церковью для выполнения религиозных обрядов, годовщины гибели ее супруга и сыновей и, наконец, часы, в которые ее туда призывали для более проникновенного и торжественного обращения к небу общегосударственные или домашние неурядицы.

— Где же майор Белленден? — спросила, тревожась все больше и больше, Эдит.

— На стене замка, сударыня, он устанавливает пушки.

Туда она и направилась; встретив по пути множество всяких помех и препятствий, Эдит в конце концов нашла старого джентльмена в родной ему военной стихии: он распоряжался, отчитывал, подбодрял, наставлял, короче говоря — выполнял многочисленные обязанности хорошего коменданта.

— Ради бога, в чем дело, дядя? — воскликнула юная леди.

— В чем дело, любовь моя? — отозвался майор, изучая с очками на носу позицию пушки. — В чем дело? А ну-ка, Джон Гьюдйл, подними казенную часть примерно на фут. В чем дело? Клеверза разбили наголову, голубка моя, и виги с большими силами идут прямо на нас, вот и все.

— Боже милостивый! — вскричала Эдит, бросая взгляд на дорогу, шедшую вверх по реке. — Да они уже здесь!

— Где? Где? — спросил старый воин. Взглянув в указанном Эдит направлении, он увидел большой кавалерийский отряд, двигавшийся в их сторону.

— К пушкам, ребята! — скомандовал он. — Мы заставим их раскошелиться и заплатить пошлину, когда они будут проходить по оврагу. Но погодите, погодите, это, вне сомнения, лейб-гвардейцы.

— Да нет же, нет, уверяю вас, дядя, — сказала Эдит, — посмотрите, как беспорядочно они едут, посмотрите, как плохо соблюдают равнение; это не могут быть те самые молодцы, которые были у нас утром.

— Ах, моя дорогая девочка, — ответил на это майор, — ты и представить себе не можешь, как меняются люди, потерпевшие поражение; но это как-никак лейб-гвардейцы, я вижу красные и голубые цвета и королевское знамя. Хорошо, что хоть оно уцелело.

Предположения майора окончательно подтвердились, когда всадники приблизились к замку и остановились перед ним на дороге; их командир, приказав сделать привал, чтобы дать отдохнуть коням, поспешно направился в замок.

— Это Клеверхауз, это, конечно, он, — сказал майор. — Рад, что он вышел из этой бойни живым; но он потерял своего знаменитого вороного коня. Джон Гьюдвил, извести о его прибытии леди Маргарет; прикажи накормить драгун, выдай овса для коней; а мы с тобою, Эдит, пойдем в прихожую встречать полковника Грэма. Нам предстоит, вероятно, услышать тяжелые вести.

Глава XX

И весел и невозмутим,
На север он спешил,
Как будто страшного врага
В бою он победил.

«Хардиант»

Полковник Грэм Клеверхауз, встретившись с леди Маргарет и ее домашними, собравшимися в одной из зал замка, был так же невозмутим и любезен, как утром. Он не забыл привести в относительный порядок одежду, смыл с лица и рук следы крови и выглядел так, как будто только что вернулся с утренней прогулки верхом.

— Я бесконечно огорчена, — сказала почтенная старая леди с мокрым от слез лицом, — я бесконечно огорчена...

— И я огорчен, милая леди Маргарет, — ответил Клеверхауз, — что это несчастье может повлечь за собою опасность для вашего дальнейшего пребывания в Тиллитудлеме, особенно принимая во внимание недавнее гостеприимство, оказанное вами королевским войскам и всем известную преданность вашу его величеству королю. И я заехал сюда главным образом для того, чтобы предложить мисс Белленден и вам сопровождать вас обеих (если вы не побрезгаете услугами жалкого беглеца) до Глазго, откуда я смогу безопасно доставить вас в Эдинбург или в Дамбартон, как вам будет угодно.

— Премного обязана вам, полковник, — ответила леди Маргарет, — но мой деверь, майор Белленден,

взялся отстаивать наш дом от мятежников; и, если будет на то воля божья, они не смогут изгнать Маргарет Белленден из ее собственного гнезда, пока есть отважный солдат, рвущийся, что он его защитит.

— А майор Белленден и в самом деле имеет такое намерение? — торопливо спросил Клеверхауз, и радостный огонек сверкнул в его темных глазах, когда он обернулся к майору. — Но зачем я спрашиваю об этом; судя по всей его жизни, иначе и быть не могло. Но все же, майор, чем вы располагаете?

— Всем, кроме людей и достаточного количества провианта; и того и другого у нас не хватает.

— Что до людей, — сказал Клеверхауз, — то я мог бы оставить вам дюжину или даже два десятка ребят, которые способны справиться с самим дьяволом. Было бы исключительно важно, если бы вы продержались хотя бы неделю; а в течение этого времени вы, конечно, получите помощь.

— Столько мы, безусловно, продержимся, — ответил майор. — Имея двадцать пять отважных бойцов, запас пороха и всего, что нужно, мы, разумеется, выстоим, даже если придется грызть от голода подошвы наших сапог; впрочем, я рассчитываю добыть провиант в деревнях.

— Позвольте мне обратиться к вам с просьбой, полковник, — сказала леди Маргарет, — мне хотелось бы, чтобы людьми, которых вы так любезно оставляете в помощь нашему гарнизону, командовал сержант Фрэнсис Стюарт; это может способствовать его производству, а я высоко ценю его за благородное происхождение.

— Сержант покончил с войной, сударыня, — сказал Грэм тем же спокойным тоном, — он больше не нуждается в производстве, которое может дать ему земной властелин.

— Извините меня, — сказал майор Белленден, беря Клеверхауза под руку и уводя в сторону, — но я тревожусь за моих добрых друзей; боюсь, что вы понесли другую и еще более существенную для вас утрату. Я вижу, что ваш штандарт — в руках незна-

когого мне офицера, а не вашего молодого племянника.

— Вы правы, майор Белленден, — твердо сказал Клеверхауз, — моего племянника нет в живых. Он умер, исполняя свой долг.

— Великий боже! — воскликнул майор. — Какое несчастье! Красивый, достойный, отважный юноша!

— Он действительно был таким, как вы говорите, — ответил Клеверхауз, — бедный Ричард был для меня как бы первенцем, зеницею моего ока, моим наследником; но он умер при исполнении долга, и я... я, майор Белленден (говоря это, он сильно сжал руку майора)... я остался жить, чтобы отомстить за него.

— Полковник Грэм, — взволнованно сказал старый воин, — я рад, что вы переносите свое горе с такою твердостью.

— Я не принадлежу к числу тех, кто думает лишь о себе, хотя свет, быть может, готов утверждать обратное; я думаю не только о себе, когда надеюсь или трашусь, когда радуюсь или скорблю. Я никогда не был суровым из личных склонностей, алчным для себя, честолюбивым ради себя. Служба моему государю и на благо нашей страны — вот что я неизменно имел в виду. Может быть, моя суровость переходила порою в жестокость, но я всегда был исполнен добрых намерений. И теперь я не стану уделять моим чувствам больше внимания, чем уделял чувствам других.

— Поражен вашей стойкостью перед лицом всех свалившихся на вас бедствий.

— Да, — сказал Клеверхауз, — да, мои недруги в Тайном совете постараются свалить вину за это несчастье на меня одного, но я презираю их обвинения. Они оклеветают меня перед моим государем — я могу отклонить их наветы. Враги общественного порядка и государственные преступники будут торжествовать по поводу моего бегства, но придет время, и я докажу, что они преждевременно торжествовали. Молодой человек, только что павший на поле сражения, стоял между одним моим не в меру сребролюбивым

родственником и наследством, которое останется после меня, — ведь вам известно, что мой брак бесплоден. Мир праху бедного юноши! Но стране все же легче потерять Ричарда Грэма, чем вашего друга лорда Эвендела, который, проявив редкостную отвагу, видимо, тоже погиб.

— Что за роковой день! — воскликнул майор. — Я слышал об этом, но потом пошли противоречивые толки. Говорят и о том, что горячность несчастного юноши привела к поражению в этом злосчастном бою.

— Нет, майор, это не так, — возразил Клеверхауз, — пусть позор, если тут есть что-либо позорное, падет на головы тех, кто остался в живых, и пусть на могилах павших не увядают их нисколько не потускневшие лавры; впрочем, я не могу положительно утверждать, что лорд Эвендел погиб, но все же опасаюсь, что он или убит, или попал в руки мятежников. В последний раз мы говорили с ним сейчас же после того, как он выбрался из жаркой схватки. Мы собирались тогда выйти из боя, он вел за собой арьергард, в котором насчитывалось человек двадцать — остальные к этому времени успели уже разбежаться.

— Но, очевидно, опять подтянулись, — заметил майор, смотря в окно на драгун, кормивших коней и подкреплявшихся у ручья.

— Вы правы, — ответил полковник, — мои разбойники не испытывали большого желания дезертировать или бежать дальше тех мест, куда их занесла первая паника. Между ними и здешними мужиками невелика дружба, и отношения, скажем прямо, весьма натянутые. Любая деревня, через которую им случается проходить, готова, надо думать, их растерзать, и эти негодяи, боясь заступов, кольев, вил и рогатин, предпочли собраться у своего знамени. Но поговорим о ваших планах, нуждах и средствах сообщения с вами. Говоря по правде, я не очень-то убежден, что смогу продержаться долгое время в Глазго, даже если мне удастся соединиться с полком лорда Росса: этот минутный и случайный успех фанатиков натворит черт знает что в западных графствах.

Они обсудили оборонительные мероприятия майора Беллендена и возможности поддержания связи, в случае если страна будет охвачена всеобщим восстанием, что было более чем вероятно. Клеверхауз повторил свое предложение проводить дам в безопасное место, но, взвесив все обстоятельства за и против, майор Белленден нашел, что в не меньшей безопасности они будут и в Тиллитудлеме. Закончив беседу с майором, полковник любезно простился с леди Маргарет и мисс Белленден; он заверил их, что, вынужденный в столь тревожное время покинуть их в Тиллитудлеме, он почитает первейшей своей задачей как можно скорее восстановить свою репутацию честного и верного рыцаря и что они могут рассчитывать увидеть его или услышать о нем в самом непродолжительном времени.

Леди Маргарет, одолеваемая сомнениями и страхами, не была в силах ответить на эту речь, столь близкую ей по мыслям и чувствам, и ограничилась пожеланием доброго пути и изъявлением благодарности за обещанную им помощь. Эдит томила желанием спросить о судьбе Генри Мортонa, но, не придумав предлога, должна была удовольствоваться надеждой, что дядя, возможно, осведомился о нем во время своего продолжительного разговора с полковником. В этом, однако, она обманулась, так как старый роялист был до того поглощен своими новыми заботами и обязанностями, что говорил с Клеверхаузом почти исключительно о военных предметах; он, вероятно, был бы столь же забывчив, если бы на чашу весов была положена судьба его сына, а не судьба сына его товарища.

Клеверхауз спустился с холма, на котором высился замок, чтобы немедленно двинуться дальше. Майор пошел вместе с ним; ему предстояло принять людей, оставляемых полковником в Тиллитудлеме.

— С вами останется Инглис, — сказал Клеверхауз, — я в таком положении, что не могу отпустить офицера; нас едва хватает на то, чтобы не давать разбежаться нашим солдатам. Впрочем, если появится кто-либо из офицеров моего полка, а несколь-

ких из них мы недосчитываемся, я даю вам право удержать его у себя — это будет для вас весьма кстати, так как мои ребята не очень-то склонны повиноваться кому-либо, кроме своих.

Построив драгун, Клеверхауз поименно вызвал шестнадцать солдат и передал их под команду капитала Инглиса, которого тут же произвел в сержанты.

— И смотрите, джентльмены, — сказал он, напутствуя их напоследок, — я оставляю вас, чтобы вы защищали дом леди; вы будете под началом ее брата, майора Беллендена, заслуженного и верного слуги короля. Будьте отважными, трезвыми, исправными в службе, беспрекословно повинуйтесь всем приказаниям, и каждый из вас получит щедрое вознаграждение, когда я приду на выручку гарнизона. В случае бунта, трусости, невыполнения обязанностей или малейшего оскорбления обитателей замка — палач и веревка! Понятно? Вы знаете, я хозяин своего слова как в хорошем, так и в плохом.

Он прикоснулся к шляпе, прощаясь с ними, и крепко пожал руку майору.

— До свиданья, — сказал он, — мой доблестный друг! Желаю успеха, и да наступят лучшие времена!

Всадники, которыми он командовал, стараниями майора Аллана были приведены в сносный вид. Правда, они лишились своего блеска, и позолота их изрядно поблекла, но, выступая, они стали все же гораздо больше походить на подразделение регулярных войск, чем когда возвратились в замок после понесенного поражения.

Майор Белленден, предоставленный отныне себе самому, разослал повсюду людей — добыть возможно больше съестных припасов, и особенно муки, и узнать о движении неприятеля. Все сведения, которые ему удалось собрать по второму вопросу, свидетельствовали о том, что мятежники предполагают заночевать на поле сражения. Но и они тоже разослали отряды и фуражиров собирать продовольствие, и в великом сомнении и тревоге оказались те, к кому были обращены

предписания от имени короля — отправить припасы в замок Тиллитудлем, и от имени независимой церкви — выслать продовольствие в лагерь благочестивых ревнителей истинной веры, поднявшихся за ковенант и стоящих у Драмклога, близ Лоудон-хилла. Те и другие угрожали послушникам огнем и мечом, так как не могли положиться на религиозное рвение или верно-подданническую преданность тех, к кому были обращены эти приказы, и рассчитывать, что они расстанутся со своим добром по собственной воле. Так что несчастный народ метался, не зная, как поступить, и, по правде сказать, нашлось немало таких, кто удовлетворил требования обеих сторон.

— В эти трудные времена самый мудрый из нас и тот наделает глупостей, — говорил, обращаясь к дочке, Нийл Блейн, благоразумный хозяин «Приюта». — Но я все-таки постараюсь не терять головы. Дженни, сколько муки у нас в кладовой?

— Четыре куля овсяной, два куля ячменной и два куля гороховой, — ответила Дженни.

— Так вот, медовая моя, — продолжал Нийл Блейн, тяжело вздыхая, — пусть Болди отвезет гороховую и ячменную муку в лагерь, он виг и пахал у нашей покойной хозяйки; лепешки из мешаной муки как нельзя лучше сгодятся для их болотного брюха. Пусть скажет, что это последняя унция в доме, а если он не захочет соврать (хотя едва ли, ведь это на пользу нашему дому), то пусть подождет, пока Дункан Глен, старый пьянчужка солдат, отвезет овсяную муку в Тиллитудлем и с моим нижайшим почтением передаст миледи и майору Беллендену, что я не оставил себе даже на миску похлебки. И если Дункан ловко обделает это дельце, я поднесу ему стаканчик такого виски, что у него изо рта пойдет голубой огонек.

— А что же мы будем есть сами, отец, — спросила Дженни, — если отошлем всю муку, какая только ни есть в кладовой и в ларе?

— Уж придется посидеть на пшеничной муке, — сказал Нийл, в тоне которого слышалась покорность печальной необходимости. — Это не такая уж плохая

еда, хотя она и не по вкусу настоящим шотландцам и не так идет на пользу желудку, как овсяная, да еще смолотая на ручной мельнице; а вот англичане, те живут главным образом ею; ведь эти пок-пуддинги ничего лучшего и не знают.

Пока миролюбивые и осторожные старались, подобно Нийлу Блейну, ладить с обоими станами, те, кто более горячо относился к общественным делам (или к интересам своей партии), стали братья за оружие. Роялистов в этих местах насчитывалось немного, но это были люди влиятельные, богатые, землевладельцы старинных родов, которые вместе со своими братьями, кузенами и родичами вплоть до девятого колена, а также слугами, представляли собою своего рода ополчение, способное защищать свои дома-крепости от небольших отрядов повстанцев, отказывать им в поставках и перехватывать продовольствие, направлявшееся в лагерь пресвитериан. Известие, что Тиллитудлем будет защищаться против мятежников, открыло этих добровольных защитников королевской власти и поддержало их решимость бороться с пресвитерианами, так как они смотрели на замок как на твердыню, где можно будет укрыться, если малая война, которую они готовы были начать, окажется для них непосильною.

Но города, деревни, фермы и хозяйства мелких крестьян послали к пресвитерианам сильное пополнение. Эти люди больше всего страдали от притеснений, чинимых правительством. Они были оскорблены, раздражены и доведены до отчаяния всякого рода насильями и жестокостями. Их взгляды и на цель этого страшного восстания и на средства достижения этой цели никоим образом не совпадали, но все же большинство видело в нем как бы двери, отверстые провидением, чтобы добиться давно уже отнятой у них свободы исповедания и сбросить с себя тиранию, давящую одновременно и тело и душу. Вот почему множество этих людей взялось за оружие и, выражаясь языком их времени и их партии, решилось связать свою собственную судьбу с судьбой победителей при Лоудон-хилле.

Глава XXI

Анания

Не по душе мне парень! Он язычник,
А говорит на языке библейском.

Скорбь

Жди часа вдохновенья, и правдивым
Он станет. А грозить ему напрасно.

«Алхимик»

Вернемся теперь к Генри Мортону, которого оставили на поле сражения. Он только что съел у костра свою порцию розданной ковенантерам пищи и размышлял, какого пути ему в дальнейшем держаться, как вдруг к нему подошли Берли и тот молодой проповедник, речь которого, вскоре после окончания боя, произвела на слушателей такое сильное впечатление.

— Генри Мортон, — сказал резко и отрывисто Белфур, — совет армии ковенанта, полагая, что сын Сайлеса Мортон не может быть ни равнодушным лаодикейцем, ни безразличным к делам веры Галлионом, назначил вас одним из военачальников своего войска с правом голоса в названном выше совете и со всеми правами и полномочиями, подобающими офицеру, который начальствует над христианскими воинами.

— Мистер Белфур, — не задумываясь, ответил Мортон, — я польщен этим знаком доверия; не удивительно, что естественное возмущение теми насилиями, которым подвергается моя родина, не говоря уж об испытанных лично мною, вызывает во мне желание обнажить шпагу за свободу и независимость совести. Но должен вам сказать наперед: прежде чем принять этот пост, я хочу знать, какие цели вы себе ставите.

— Неужели вы можете сомневаться в справедливости наших целей? — ответил на это Берли. — Ведь мы боремся за реформу церкви и государства, за восстановление поруганного святилища, за возвращение рассеянных по всему свету святых страстотерпцев и низложение мужа греха.

— Скажу вам со всей откровенностью, мистер Белфур, — отозвался Мортон, — что этот язык, кото-

рый, как я вижу, так сильно действует на других, для меня нисколько не убедителен. Надо, чтобы вы были об этом осведомлены заранее. (Тут молодой проповедник тяжело вздохнул.) Мои слова вам, сударь, не по душе, но это, может быть, оттого, что вы не выслушали меня до конца. Я уважаю писание не менее глубоко, чем вы или любой другой христианин. Я взираю на книги завета со смиренной надеждой извлечь из них правила поведения и закон, следуя которому я мог бы спасти мою душу. Но я хочу отыскать его, поняв общий смысл писания, дух, которым оно проникнуто, а не выхватывая оттуда отдельные места или прилагая цитаты из библии к обстоятельствам и событиям, нередко имеющим к ним весьма отдаленное отношение.

Молодой проповедник, казалось, был возмущен и потрясен до глубины души этим заявлением Мортон и собирався, видимо, ответить ему страстной отповедью.

— Помолчи, Эфраим! — сказал Берли. — Помни, что он еще младенец в пеленках. Слушай меня, Генри Мортон. Я буду говорить с тобой на мирском языке, пользоваться доводами бренного разума, который все еще продолжает оставаться твоим слепым и несовершенным руководителем. Ради чего готов ты обнажить меч? Не ради того ли, чтобы церковь и государство были преобразованы в соответствии со свободно выраженной волей независимого парламента, чтобы были изданы такие законы, которые раз и навсегда пресекли бы для исполнительной власти возможность проливать кровь, пытать и бросать в тюрьмы инакомыслящих, отнимать их имущество, надругаться над человеческой совестью по своему нечестивому произволу?

— Безусловно, — ответил Мортон, — я считаю эти насилия достаточным основанием для войны и буду бороться с ними, пока моя рука в состоянии держать шпагу.

— Послушайте... — вмешался Мак-Брайер, — вы подходите к этому делу с непостижимой бесстрастностью. Но моя совесть не позволяет мне прикраши-

вать и замазывать злодеяния, вопиющие о возмездии гнева господня...

— Успокойся, Эфраим! — прервал его Берли.

— Не успокоюсь, — упрямо заявил молодой человек. — Разве это не дело господне, на которое я им послан? Разве не кошунство, не эрастианское посягательство на его права, не присвоение его власти, не унижение его имени — ставить короля или парламент на его место, допускать, чтобы они как хозяева распоряжались домом его, чтобы они были как тот, кто прелюбодействует с женою его?

— Слова твои исполнены красноречия, — сказал Берли, уводя его в сторону, — но лишены мудрости. Собственными ушами слышал ты этим вечером в нашем совете, каковы разногласия среди тех немногих, кто остался в наших рядах. И ты хочешь поместить между ними завесу, которая окончательно разъединила бы их? Можно ли построить стену, связав ее негашеною известью? Ткнись в такую стену лисица, и стена тотчас рассыплется.

— Я знаю, — сказал в ответ проповедник, — я знаю: ты предан нашему делу, ты честен, ты исполнен рвения к господу и не остановишься перед пролитием крови, но эти мирские уловки, эта снисходительность ко греху и бессилию сами по себе есть отпадение, и я опасаясь, что небо не допустит нас свершить многое во славу его, если мы станем прибегать к бранным хитростям и к земному оружию. Священная цель должна быть достигнута священными средствами.

— Говорю тебе, — ответил на это Белфур, — в этом деле твое рвение чересчур непреклонно; мы не можем сейчас обойтись без помощи лаодикийцев и эрастиан; некоторое время нам придется сотрудничать с принявшими индульгенцию, придется терпеть их в составе совета, ибо сыны Саруйи еще слишком сильны для нас.

— А я говорю, что мне это не нравится, — сказал Мак-Брайер, — господь может принести избавление рукою немногих совершенно так же, как и рукою множества. Войско верующих, которое было разбито у Пентлендских холмов, понесло заслуженное возмездие

за признание мирских интересов этого тирана и угнетателя Карла Стюарта.

— Довольно об этом, — сказал Белфур, — тебе известно принятое советом мудрое и спасительное решение обнародовать манифест, который мог бы удовлетворить самую щепетильную совесть всех стонущих под игом наших нынешних угнетателей; возвратись в совет, если желаешь, и убеди их отказаться от этого манифеста; и составь новый, более резкий и решительный. Но оставь меня: не препятствуй мне завоевать этого юношу, о котором печется моя душа; одно имя его привлечет под наши знамена сотни бойцов.

— Действуй как знаешь, — сказал на это Мак-Брайер, — не хочу способствовать обольщению этого юноши и ввергать его в опасности брэнной жизни, не утвердив в нем те основания, которые обеспечили бы ему блаженство во веки веков.

Избавившись от беспокойного проповедника, более ловкий Белфур возвратился к Мортону и продолжил прерванную беседу.

Чтобы освободить себя от подробного изложения доводов, которыми он убеждал Мортонa присоединиться к повстанцам, мы воспользуемся удобным случаем и, вкратце охарактеризовав этого человека, объясним вместе с тем и причины, побуждавшие его с такою настойчивостью добиваться обращения Мортонa.

Джон Белфур Кинлох, или Берли, — мы встречаем его под обоими этими именами в хрониках и прокламациях того мрачного времени, — был состоятельным дворянином хорошего рода из графства Файф и смолodu служил в армии. В юности он отличался распушенностью и необузданностью нрава, но вскоре оставил разгул и принял строгие догмы кальвинистского исповедания. Привычку к излишествах и невоздержности ему удалось искоренить из своего страстного, мрачного и деятельного характера, к несчастью, с большею легкостью, чем мстительность и честолюбие, продолжавшие, несмотря на его истовость в делах веры, сохранять немалую власть над его душой. Смелый в замыслах, решительный и беспощадный в их исполнении, доходящий до крайностей наиболее непри-

миримого неконформизма, он жаждал возглавить движение пресвитериан.

Стремясь завоевать положение среди вигов, он усердно посещал их молитвенные собрания и не раз командовал ими, когда они брались за оружие и отбивались от высланных против них королевских войск. В конце концов из свирепого фанатизма, а также, как говорили, сводя личные счеты, он стал во главе людей, убивших примаса Шотландии, как основного виновника страданий пресвитериан. Беспощадные меры, принятые правительством с целью покарать это убийство и направленные не только против его исполнителей, но и против всех последователей той религии, которую исповедовали убийцы, наряду с давнишними и длительными преследованиями и отсутствием всякой надежды на избавление от тирании иным путем, чем силой оружия, явились причиной восстания, начавшегося, как мы видели, с поражения Клеверхауза в кровавой схватке у Лоудон-хилла.

Однако, несмотря на несомненные заслуги, принадлежавшие ему в одержанной победе, Берли занимал в армии пресвитериан отнюдь не то положение, на которое притязало его честолюбие. Происходило это отчасти из-за неодинакового отношения разных слоев повстанцев к убийству архиепископа Шарпа. Наиболее крайние, конечно, безоговорочно одобряли это убийство как акт справедливости, совершенный над гонителем церкви господней по непосредственному внушению самого божества; но большая часть пресвитериан смотрела на убийство архиепископа как на великое злодеяние, допуская, однако, что постигшая его кара была вполне заслуженной. Повстанцы расходились еще в одном важном вопросе, которого мы уже касались. Самые фанатичные из них осуждали священников и общины, которые согласились на тех или иных условиях исповедовать веру с разрешения государственной власти; они вменяли им это в вину, как малодушный отказ от исконных прав, присвоенных церкви. Это было, по их мнению, эрастианством чистой воды, подчинением церкви господней контролю со стороны светской власти, а потому принявшие индულ-

генцию были несколько не лучше прелатистов или папистов. Более умеренная партия соглашалась признавать права короля на престол и повиноваться в светских делах установленной власти, пока эта власть уважает свободу подданных и соблюдает законы королевства. Между тем учение самой непримиримой секты, называемой камеронцами по имени их вождя Ричарда Камерона, начисто отвергало права царствующего монарха и любого его преемника, если они не признают Священной лиги и ковенанта. Таким образом, в злосчастной партии пресвитериан были заложены семена разлада и неразрешимых противоречий. Белфур, несмотря на свой фанатизм и приверженность к крайним взглядам, понимал, что упорствовать в таких критических обстоятельствах, когда так необходимо единство, значит погубить общее дело. Вот почему он, как мы видели, не одобрял честного, прямолинейного и пылкого рвения Мак-Брайера и хотел во что бы то ни стало добиться поддержки умеренных пресвитериан, чтобы немедленно низложить правительство, рассчитывая, что в будущем он окажется в состоянии продиктовать им свою волю.

Это-то и побуждало Берли так настойчиво добиваться присоединения Генри Мортон к стану восставших. Среди пресвитериан все еще помнили и чтили его отца, и так как повстанцы насчитывали в своих рядах очень немного сколько-нибудь видных людей, принадлежность молодого человека к хорошей семье и его личные дарования обеспечивали ему возможность быть избранным одним из вождей восстания. При помощи Мортон как сына своего старого товарища по оружию Берли думал влить на умеренную часть армии и даже, может быть, настолько сблизиться с ними, чтобы стать главнокомандующим, в чем и заключалась конечная цель его честолюбия. Поэтому, не дожидаясь, пока кто-нибудь другой сделает это предложение, он стал превозносить в военном совете способности и моральные качества Мортон и легко добился его избрания на многотрудный пост одного из вождей этого лишенного единства и совершенно недисциплинированного войска,

Доводы, при помощи которых Белфур, избавившись от своего более прямодушного и несговорчивого товарища Эфраима Мак-Брайера, убеждал Мортонa принять это опасное назначение, были весьма искусны и убедительны. Он не пытался ни отрицать, ни скрывать, что его собственные взгляды на церковное управление не отличаются, в сущности, от взглядов только что покинувшего их проповедника. Но он утверждал, что в момент такой страшной опасности различия во взглядах не должны помешать тем, кто любит свою угнетенную родину, обнажить меч ради ее защиты. Многие вопросы, говорил он, составляющие предмет разногласий, в том числе и вопрос об индульгенции, возникли из обстоятельств, которые перестанут существовать, в случае если их попытка освободить родину завершится успехом, так как пресвитерианство, став господствующею религией, не будет нуждаться в подобных соглашениях с властью, и, вместе с отменой индульгенции, спор о ее законности разрешится сам по себе. Он упорно настаивал на необходимости использовать благоприятную обстановку, на том, что к ним, несомненно, присоединятся пресвитериане западных графств; он говорил, что великая вина и ответственность лягут на тех, кто, видя воочию бедствия родины и все возрастающий произвол властей, из страха пред ними или из безразличия, воздержится от деятельной помощи правому делу.

Мортон не нуждался во всех этих доводах; он готов был и без того присоединиться к любому восстанию, сулящему свободу его стране. Правда, он сомневался, поддержат ли повстанцев нужные для успеха силы и хватит ли у них благоразумия и терпимости, чтобы использовать этот успех, если его удастся достигнуть. В общем, под впечатлением пережитого в последние дни и думая о насилиях, которым всечасно подвергались его сограждане, а также учитывая опасное положение, в котором он оказался в результате всего происшедшего, Мортон пришел к выводу, что решительно все заставляет его присоединиться к отряду восставших пресвитериан.

Впрочем, выражая Берли признательность за избрание на пост вождя и члена военного совета повстанческой армии, он заявил о своем согласии не без некоторых весьма существенных оговорок.

— Я хочу помочь, — сказал он, — чем только смогу, освобождению моей родины, но только прошу вас понять меня до конца. Я самым решительным образом осуждаю тот акт, с которого, по-видимому, началось это восстание. Никакие доводы не смогли бы меня побудить присоединиться к повстанцам, если бы я знал наперед, что восставшие станут прибегать к таким средствам, как то, которое положило ему начало.

Кровь прилила к загорелому лицу Берли, на щеках его заиграл зловещий румянец.

— Вы разумеете, — сказал он тоном, который должен был скрыть, что слова Мортон задела его за живое, — вы разумеете смерть Джеймса Шарпа?

— Да, — ответил Мортон, — я разумею именно это.

— Итак, вы воображаете, — сказал Берли, — что всемогущий в пору великих страданий не пользуется любым средством, чтобы избавить свою церковь от угнетателей? Неужели вы думаете, что справедливость кары определяется не объемом преступлений виновного, не тем, что он заслужил возмездие, не тем общим и полезным воздействием, которое этот пример должен оказывать на прочих злодеев, но платьем судьи, высотой помоста, откуда он произносит свой приговор, или голосом судебного пристава? Разве казнь не может быть равно справедливой, приведена ли она в исполнение на эшафоте или в открытом поле? И если коронные судьи из трусости или в силу корыстного сговора со злонамеренными преступниками допускают не только их свободное передвижение по стране, но даже пребывание на высоких постах, где они обгагрят свои одежды кровью святых страдальцев, то неужели несколько бесстрашных людей, обнаживших мечи в защиту справедливого дела, не совершают в этом случае благого деяния?

— Не стану обсуждать этот поступок сам по себе, однако хочу, чтобы вы имели ясное представление о моих взглядах, — ответил на это Мортон. — Повторяю

еще раз: ваши доводы не удовлетворяют меня. Если всемогущий, пути коего неисповедимы, приводит проливавшего кровь к кровавому, воздаваемому ему по заслугам концу, то это еще не оправдывает тех, кто, не имея никаких полномочий, возлагает на себя обязанность быть орудием казни и притязает именоваться исполнителем божественного возмездия.

— А почему бы и нет, — воскликнул гордо и торжественно Берли. — Разве мы... разве каждый, кто борется во имя шотландской церкви, какую ей полагается быть в соответствии с ковенантом, не должен был в силу этого самого ковенанта уничтожить иуду, продавшего дело господне за пятьдесят тысяч мерков, получаемых им ежегодно? Если бы он встретился нам на обратном пути из Лондона и мы уже тогда поразили его острием наших мечей, мы бы лишь выполнили свой долг, как люди, верные своему делу и своим клятвам, запечатленным на небесах. Разве эта казнь сама по себе не является доказательством, что мы были уполномочены ее совершить? Разве господь не предал его в наши руки? Разве это не произошло в то самое время, когда мы подстерегали гораздо менее значительное орудие чинимых нам утеснений? Разве мы не молились, чтобы узнать, как поступить, разве не ощутили в сердцах, точно это было врезано в них алмазом: «Да, вы должны схватить его и умертвить»? Не тянулась ли эта трагедия, пока свершилось заклание жертвы, в течение получаса, не происходила ли она в открытом поле, почти на глазах у патрулей, разосланных их гарнизонами? Но помешал ли кто-нибудь нашему великому делу? Залаяла ли хотя бы одна собака, пока мы гнались за ним, пока хватали и умерщвляли его, пока разъезжались затем в разные стороны? Так кто же скажет, кто осмелится сказать после этого, что здесь не действовала рука более мощная, нежели наша?

— Вы заблуждаетесь, мистер Белфур, — возразил Мортон, — многим чудовищным злодеяниям сопутствовали такие же благоприятные обстоятельства, и многим убийцам удавалось благополучно скрыться.

Но я вам не судья. Я не забыл, что начало освобождению Шотландии было положено некогда насильственным актом, который не может быть оправдан ни одним человеком, — я имею в виду убийство Комина, свершенное рукою Роберта Брюса; поэтому, осуждая убийство архиепископа, как мне велит моя совесть, я готов все же предположить, что вы действовали из побуждений, оправдывающих вас в ваших глазах, хотя они не могут найти оправдания ни в моих глазах, ни в глазах всякого здравомыслящего человека. Говорю об этом только затем, чтобы вы поняли меня правильно. Я присоединяюсь к делу людей, открыто поднявшихся на войну, которая должна вестись в соответствии с правилами, принятыми у цивилизованных наций, но никоим образом не одобряю акта насилия, послужившего непосредственным поводом к ее началу.

Белфур прикусил губу и с трудом удержался от резкого ответа. Он обнаружил с досадою, что в принципиальных вопросах его молодой соратник обладает сноровкой мысли и твердостью духа, не оставлявших слишком много надежд на возможность оказывать на него влияние, на которое он рассчитывал. Все же, помолчав немного, он холодно произнес:

— Мое поведение — на виду у людей и у ангелов божьих. Деяние было сотворено не в темном углу; я стою здесь с оружием, чтобы держать за него ответ, и я не тревожусь о том, как и где я буду призван к нему — в совете ли, на поле брани, на эшафоте или в великий день страшного суда. Я не хочу обсуждать его с тем, кто все еще за завесою. Но если вы готовы по-братски разделить с нами нашу судьбу, идем вместе со мною в совет, который все еще заседает, обсуждая предстоящий поход и средства добиться победы.

Мортон встал и молча за ним последовал. Он ни в какой мере не обольщался насчет своего сотоварища и готов был скорее удовлетвориться сознанием справедливости всего дела в целом, чем способом действий и побуждениями многих из числа тех, кто присоединился к нему.

Глава XXII

Взгляни, как много греческих палаток
На той равнине. Столько же и мнений.

«Троил и Крессида»

В небольшой ложбине у подошвы возвышенности, на расстоянии приблизительно четверти мили от поля сражения, стояла хижина пастуха; эта жалкая лачуга, единственное жилище близ лагеря, была избрана вождями пресвитерианского войска для заседаний совета. Сюда и повел Берли Мортон, которого поразило, по мере того как они приближались к этому месту, какое-то невероятное смешение самых разнообразных звуков, доносившихся оттуда. Тишина и сосредоточенная серьезность, которые, казалось, должны были царить в собравшемся по такому важному поводу и в столь трудное время совете, уступили место дикому раздору и громким крикам, воспринятым новым соратником ковенантеров как дурное предзнаменование будущих мероприятий собравшихся. Подойдя к двери хижины, Мортон и Берли увидели, что она раскрыта настежь, но при этом совершенно забита крестьянами, которые, не состоя в совете, тем не менее не стеснялись вмешиваться в обсуждение животрепещущих и насущных для них вопросов. Требуя, угрожая и даже не останавливаясь перед применением физического воздействия, Берли, решительность которого дала ему перевес над этими разобщенными силами, заставил крестьян разойтись и, введя Мортон в хижину, затворил за собою дверь, чтобы оградить совет от назойливого любопытства толпы.

В более спокойный момент молодой человек был бы, вероятно, заинтересован той необыкновенной картиной, которая предстала пред ним.

Темную полуразвалившуюся хижину чуть освещал пылавший в очаге дрок; дым, для которого не было положенного ему законного выхода, стлался вокруг, образуя над головами членов совета такую же малопроницаемую, как их отвлеченное богословие, облачную завесу, сквозь которую, словно звезды в тумане,

смутно мерцало несколько мигавших свечей или, точнее, смоченных салом веток, предоставленных нищим владельцем хибарки; они были прикреплены к стенам комками размятой глины. При этом тусклом, прерывистом свете Мортон увидел множество лиц, озаренных духовной гордостью или омраченных неистовым фанатизмом. Были здесь и другие: их озабоченные, неуверенные, блуждающие взгляды свидетельствовали о том, что они, слишком поспешно ввязавшись в дело, для которого у них не было ни достаточной смелости, ни решимости, теперь раскаивались и думали только о том, как бы его покинуть, но стыдились сделать это открыто. Действительно, в собрании царили колебания и разногласия. Наиболее активными были те, кто вместе с Берли участвовал в убийстве архиепископа Шарпа; четверем или пяти из них удалось добраться до Лоудон-хилла, так же как и многим другим, отличавшимся столь же неутомимым и непреклонным рвением и дерзнувшим на те или иные противоправительственные деяния, о прощении которых не могло быть и речи.

С ними вместе прибыли сюда и их проповедники, презревшие индульгенцию, предложенную им государственной властью, и предпочитавшие собирать свою паству в пустынных местах под открытым небом, лишь бы не служить в храмах, возведенных человеческими руками, так как это могло бы дать правительству повод вмешиваться в суверенные дела церкви. Остальную часть членов совета составляли землевладельцы со скромным достатком и крепкие фермеры, которые взялись за оружие и примкнули к восставшим из-за невыносимых преследований и притеснений. С ними были и их священники; многие из этих представителей духовенства, приняв индульгенцию и воспользовавшись ее преимуществами, готовились оказать сопротивление тем из своих разделявших крайние взгляды собратьев, которые предлагали опубликовать декларацию с осуждением индульгенции и инструкции к ней, как документов, исполненных беззакония и греха. В первой редакции манифестов, в которых они хотели объяснить многочисленные причины, побудившие их

прибегнуть к оружию, этот трудный вопрос был старательно обойден молчанием, но он снова был поднят в отсутствие Белфура, который, вернувшись, к своей великой досаде увидел, что обе стороны яростно препираются по этому поводу, что Мак-Брайер, Тимпан и другие вероучители гонимых скитальцев с пеной у рта наседают на Питера Паундтекста, принявшего индульгенцию пастора в милнвудском приходе, а он, хотя и препоясал себя палашом, все же, прежде чем выйти за правое дело на поле сражения, мужественно отстаивает свои взгляды в военном совете. Этот спор, который вели главным образом Паундтекст и Тимпан, вместе с криками сторонников того и другого и был причиной шума, поразившего слух Мортонa, когда он с Берли подходил к хижине. Оба священнослужителя, обладая красноречием и могучими легкими, защищали свои убеждения с неистовой страстью и нетерпимостью и, быстро находя в памяти библейские тексты, нещадно побивали ими друг друга. Они придавали исключительную важность предмету их расхождений, и их прения сопровождались такими криками, как будто тут шла самая настоящая драка.

Берли, возмущенный возобновившейся распрей, проявлением которой была эта яростная словесная перепалка, остановил спорщиков. Указав на несвоевременность разногласий, польстив тщеславию обеих сторон и использовав авторитет, который ему доставили заслуги в победе этого дня, он в конце концов добился прекращения спора. Впрочем, хотя Тимпан и Паундтекст на время замолкли, они тем не менее продолжали упорно смотреть друг на друга, как псы, которые, схватившись, были разняты хозяевами и, забравшись под кресла своих владельцев, пристально следят за движениями врага, обнаруживая ворчанием, взъерошенной на спине шерстью, поднятыми торчком ушами и взглядами налитых кровью глаз, что ненависть их еще не угасла и что они лишь дожидаются удобного случая, чтобы снова вцепиться друг другу в горло.

Белфур воспользовался минутною передышкой, чтобы представить совету мистера Генри Мортонa

из поместья Милнвуд — одного из тех, кто не пожелал равнодушно взирать на злодеяния власть имущих и решил рискнуть своим достоянием и даже жизнью ради священного дела, во славу которого отец его, знаменитый Сайлес Мортон, совершил в свое время великие подвиги. Мортон был немедленно встречен дружеским рукопожатием своего давнего пастыря Паундтекста и приветственными возгласами тех из повстанцев, кто разделял умеренные воззрения. Остальные пробурчали что-то сквозь зубы о проклятом эрастIANстве и напомнили друг другу на ухо, что Сайлес Мортон, хотя и был когда-то стойким и достойным слугой ковенанта, все же оказался отступником в тот печальной памяти день, когда сторонники позорных резолюций 1650 года расчистили Карлу Стюарту путь к королевскому трону, предоставив нынешнему тирану возможность возвратиться в Шотландию и тем самым угнетать их церковь и родину. Правда, добавляли они, что в великий день зова господня они не станут отказываться от содружества с тем, кто так же, как они сами, готов возложить руку на плуг. Так Мортон был избран одним из вождей и членом совета, — если не при полном одобрении своих новых товарищей, то, во всяком случае, без формального или явного их протеста. По предложению Берли они распределили между собой уже собравшихся под их знамя людей, число которых непрерывно росло. При этом повстанцы из прихода и паствы Паундтекста попали, разумеется, под начало Мортонa; это было одинаково приятно и им и ему, так как они доверяли Мортону и вследствие его личных качеств и вследствие того, что он родился среди них.

Покончив с этим, они должны были решить, как воспользоваться только что одержанною победой. Когда кто-то из членов совета назвал Тиллитудлем как одну из наиболее сильных позиций, подлежащих немедленному захвату, у Мортонa защемило сердце. Замок, как мы уже не раз говорили, стоял на пути между плодородными и пустынными областями их края и должен был, по мнению тех, кто с достаточным основанием предлагал это мероприятие, стать оплотом

и местом сбора окрестной знати и других врагов ковенанта, если бы повстанцы обошли его стороной и оставили незахваченным. На занятии Тиллитудлема особенно настаивали Паундтекст и те из его сторонников, жилищам и семьям которых грозила бы, и в самом деле, большая опасность, если бы эта крепость осталась за роялистами.

— Полагаю, — сказал Паундтекст, подобно многим священнослужителям той эпохи расточавший, не колеблясь, советы по военным вопросам, в которых был круглым невеждою, — полагаю, что нам следует взять и сровнять с землею эту твердыню жены, именуемой Маргарет Белленден, даже если бы пришлось воздвигнуть ради этого грозные бастионы и насыпать целую гору; владельцы замка — отродье злобное и кровожадное, и рука их была тяжелой для чад ковенанта как прежде, так и в последнее время. Их крюк был продет в наши ноздри, их удила были между нашими челюстями.

— А каковы их средства защиты? Сколько у них людей? — спросил Берли. — Крепость действительно превосходна, но не думаю, чтобы две женщины могли быть страшны целому войску.

— Кроме них, — ответил ему Паундтекст, — там есть еще Гаррисон, управитель, и Джон Гьюдйл, главный дворецкий, который хвалится, что служил в солдатах с молодых лет и был под знаменем этого слуги Велиала, Джеймса Грэма Монтроза.

— Хм, — презрительно бросил Берли, — дворецкий!

— Там есть и этот старый язычник, Майлс Белленден из Чарнвуда, руки которого обогреты кровью святых страдалцев.

— Когда я направлялся сюда, — сказал один из членов совета, — мне говорили, что, прослышав о дарованной нам победе, они распорядились закрыть на все запоры ворота, созвали людей и добыли, где смогли, вооружение и припасы. Они всегда были надменной и злобной семьей.

— И все же, — заявил Берли, — я решительно против того, чтобы связывать себе руки осадой, которая может занять много времени. Мы должны устремиться

вперед и, используя наш успех, захватить Глазго; не думаю, чтобы разбитые нами войска, даже соединившись с полком лорда Росса, сочли для себя безопасным дожидаться нас в этом городе.

— Во всяком случае, — предложил Паундтекст, — мы можем, развернув знамя, подойти к замку, подать трубою сигнал и убедить их сложить оружие. Возможно, что они сами сдадутся, хотя, надо признаться, это очень строптивый народ. И мы предложим их женщинам выйти из этой твердыни — я имею в виду леди Маргарет Белленден, и ее внучку, и еще Дженни Денисон, девицу с глазами, полными соблазна, и других девушек, — и дадим им свободный пропуск, и с миром отправим их в город, хотя бы даже и в Эдинбург. Но Джона Гюдбила, Хью Гаррисона и Майлса Беллендена мы бросим в оковы, как в былое время делали они сами с нашими святыми страдальцами.

— Кто толкует о свободном пропуске и о мире? — раздался из толпы пронзительный, дребезжащий, надтреснутый голос.

— Помолчи, брат Аввакум, — сказал Мак-Брайер успокоительным тоном, обращаясь к тому, кто прокричал эти слова.

— Не стану молчать! — раздался снова тот же странный и неестественный голос. — Время ли говорить о мире, когда земля содрогается, и горы раскалываются, и реки превращаются в текущую кровь, когда обоюдоострый меч извлечен из ножен, чтобы упиться ею, словно водою, и пожирать плоть, как огонь пожирает сухое жнивье?

Произнеся эти слова, оратор успел пробраться вперед и выйти в середину круга, и перед Мортонем предстала фигура, вполне под стать такому голосу и таким речам. Жалкие лохмотья, бывшие некогда черной курткой и такого же цвета штанами, вместе с рванными лоскутьями пастушьего пледа составляли все его платье, которое кое-как прикрывало его наготу, но не могло согреть тело. Длинная белая как снег борода, спускавшаяся ему на грудь, сплеталась с клочковатыми, нечесаными седыми волосами, свисавшими косами и обрамлявшими его дикое, запоминающееся

лицо. Черты, изможденные голодом и лишениями, едва сохраняли подобие человеческих. Глаза — серые, дикие, блуждающие — неоспоримо свидетельствовали о возбужденном, необузданном воображении. Он держал в руке старый, проржавленный меч, покрытый запекшейся кровью; ею были забрызганы и его тощие длинные руки, пальцы которых заканчивались ногтями, похожими на орлиные когти.

— Во имя неба, кто это? — шепотом спросил Мортон у Паундтекста; он был удивлен, потрясен и даже испуган появлением этого страшного призрака, который был скорее похож на восставшего из могилы жреца людоедов или на друида, обогренного кровью человеческой жертвы, чем на смертного обитателя нашей земли.

— Это Аввакум Многогневный, — прошептал Паундтекст. — Наши враги долгое время держали его в заключении в разных замках и крепостях, и теперь рассудок его покинул, и боюсь, не вселились ли в него бесы. Несмотря на это наши истовые и неугомонные братья как один утверждают, что он говорит в наитии и что речи его для них высоко поучительны.

Здесь Паундтекста прервал сам Многогневный, закричавший таким пронзительным голосом, что задрожали стропила под крышей:

— Кто толкует о мире и о свободном пропуске? Кто говорит о пощаде кровожадному роду злодеев? А я говорю: хватайте младенцев и разбивайте им черепушки о камни; хватайте дочерей и жен дома сего и свергайте их со стен, на которые они уповали, и пусть псы жиреют от крови их, как некогда разжирели они от крови Иезавели, супруги Ахава, и пусть трупы их станут туком для земли их отцов.

— Правильно! — воскликнуло несколько злобных голосов позади него. — Мы окажем плохую услугу нашему великому делу, если станем нянчиться с врагами господними.

— Но ведь это предел гнусности, это дерзкое святотатство! — воскликнул Мортон, не сдержав своего возмущения. — Можно ли ждать, что господь дарует

благословение тому делу, творя которое вы прислушиваетесь к безумному и свирепому бреду?

— Помолчи, молодой человек, — крикнул Тимпан, — и прибереги свои суждения для того, что тебе по силам понять! Не тебе судить, в какие сосуды может вмещаться дух божий!

— Мы судим о древе по плодам его, — сказал Паундтекст, — и не можем поверить, чтобы бог внушал противоречащее законам его.

— Вы, брат мой, забываете, — заметил на это МакБрайер, — что наступили последние дни, когда умножаются знамения и чудеса.

Паундтекст вышел было вперед, чтобы ответить, но, прежде чем он смог произнести хотя бы единое слово, безумный проповедник разразился таким отчаянным воплем, что пресек всякую возможность соперничества:

— Кто толкует о знамениях и чудесах? Или я не Аввакум Многогневный, чье имя ныне Магор-Миссавив, ибо я стал ужасом для себя самого и для всех, кто окружает меня. Это я уже слышал. Когда я слышал? Не свершилось ли то в замке Бэсс, что висит над бескрайней пустынею моря? И слышалось это в завывании ветра, и ревели это в волнах, и вопило, и свистело, и мешалось с воплями, и визгом, и свистом птиц морских, когда они парили, и метались, и низвергались вниз, носясь над пучиною вод и ныряя в нее. И я это видел. Где же я видел? Не было ли то на взнесенных ввысь камнях Дамбартона, когда я устремлял взор на запад, на плодородную землю, или на север, на дикие горы и пустынные холмы; когда собирались тучи, и готовилась буря, и молнии небесные полыхали полотнищами, широкими, как знамена боевых ратей? Что же я видел? Мертвые тела и раненых коней, сумятицу битвы и одежды, обгаренные кровью. Что же я слышал? Голос, который воззвал: истребляйте, истребляйте, разите, истребляйте бестрепетною рукой! Пусть глаз ваш не ведает жалости. Истребляйте бестрепетною рукой и старого, и малого, и деву, и ребенка, и женщину, голова которой покрыта сединами; окскверните дом и наполните дворы его трупами!

— Мы принимаем повеление! — воскликнули многие из присутствовавших. — Шесть дней он не молвил ни слова, шесть дней не преломлял хлеба, и ныне дан ему голос; мы принимаем повеление. Как он сказал, так и будем творить.

Исполненный ужаса и отвращения ко всему, что он видел и слышал, Мортон поспешно протиснулся к выходу и покинул хижину. За ним последовал Берли, который не спускал с него глаз и заметил его волнение.

— Куда вы? — спросил он, беря Мортон под руку.

— Куда угодно — мне безразлично, куда, но здесь я оставаться дольше не стану.

— Скоро же ты устал, юноша! — сказал Берли. — Твоя рука не успела еще взяться за плуг, а ты готов уже оставить его? Так-то привержен ты делу отца!

— Ни одно дело, — негодуя, ответил Мортон, — ни одно дело при таком руководстве не может увенчаться успехом; одни одобряют кровавадный бред сумасшедшего, вождь других — старый педант, глава третьих... — Он остановился, и его спутник закончил обрванную им мысль:

— Гнусный убийца, хотел ты сказать, вроде Джона Белфура Берли? Я могу снести это ложное истолкование моих действий, не испытывая ни обиды, ни злобы против тебя. Ты не можешь понять, что в эти дни гнева и ярости не трезвым и не спокойно-рассудительным дано свершить суд и добиться освобождения. Если б ты видел парламентские армии тысяча шестьсот сорокового года, ряды которых были полны сектантов и всевозможных энтузиастов, еще более ревностных и неистовых, чем мюнстерские анабаптисты, вот тогда тебе было бы чему удивляться; и все же эти люди на поле сражения были непобедимы и руки их сотворили поразительные дела, доставившие свободу их родине.

— Но их действиями, — ответил на это Мортон, — мудро руководили, а их неудержимое религиозное рвение находило для себя выход в молитвах и проповедях, не внося разлада в управление армией и жестокости — в их поведение. Я часто слышал об этом от отца и должен сказать, что больше всего его удивляло

резкое противоречие между их религиозными догматами и мудрой умеренностью, с какою они вели военные действия и управляли страной. А в нашем совете, на мой взгляд, — сплошной хаос!

— Ты должен запастись терпением, Генри Мортон, — сказал Белфур, — ты не можешь покинуть дело твоей веры и твоей родины из-за какого-нибудь нелепого слова или сумасбродного поступка. Выслушай, что я скажу. Я только что убеждал наиболее благомыслящих из наших друзей, что совет слишком многословен и слишком громоздок, и нельзя ожидать, чтобы мадианитяне, при таком большом числе его членов, попались к нам в руки. Они прислушались к моему голосу, и наши собрания вскоре будут насчитывать лишь столько участников, сколько способно договориться друг с другом и действовать сообща; в таком совете ты сможешь свободно говорить как о наших военных делах, так и о помиловании тех, кто, по-твоему, должен быть пощажен. Удовлетворен ли ты этим?

— Разумеется, я был бы рад способствовать смягчению ужасов гражданской войны, — сказал Мортон, — и я не покину принятого мною поста до тех пор, пока не увижу, что творятся дела, несогласные с моей совестью. Но кровавые побоища после того, как враг запросил пощады, или расправы без следствия и суда никогда не встретят с моей стороны ни поддержки, ни одобрения, и вы можете быть уверены, что я буду противиться им словом и делом, твердо и решительно, будут ли в них повинны наши сторонники или наши враги.

Белфур нетерпеливо махнул рукой.

— Ты скоро убедишься воочию, — сказал он, — что упрямое и жестокосердое поколение, с которым нам приходится иметь дело, должно быть наказано скорпионами, прежде чем сердца их смирятся и они примут кару за свои беззакония. Это о них сказано в священном писании: «Я воздвигну меч против тебя, и меч сей отмстит за поругание завета моего». Что надлежит сделать, то должно быть сделано благоразумно и по здравом размышлении, подобно тому как это свершил благочестивый Джеймс Мелвин, приведший

в исполнение приговор над тираном и угнетателем кардиналом Битоном.

— Должен признаться, — ответил на это Мортон, — что я испытываю еще большее отвращение к заранее обдуманной и холодной жестокости, чем к тем зверствам, которые творятся под горячую руку, в религиозном экстазе или в пылу раздражения.

— Ты еще юноша, — сказал Белфур, — и где тебе знать, как легковесны на чаше весов несколько капель человеческой крови по сравнению с важностью и значением этого великого общенародного дела. Но не тревожься; ты сам будешь подавать голос и выносить приговоры, и кто знает — быть может у нас с тобою не будет особых причин пререкаться друг с другом.

Мортону пришлось удовольствоваться этими обещаниями. Посоветовав ему прилечь и отдохнуть, так как утром, вероятно, войско двинется дальше, Берли собрался уходить.

— А вы, — спросил Мортон, — разве вы не будете отдыхать?

— Нет, — сказал Берли, — мои глаза пока еще не имеют права смыкаться. Это дело нельзя делать небрежно. Я еще должен определить состав комитета вождей; рано утром я приглашу вас на его заседание.

Сказав это, он удалился.

Место, где оказался Мортон, было неплохо приспособлено для ночлега; это был укромный уголок под высокой скалой, хорошо защищенный с той стороны, с которой в этих местах чаще всего дует ветер. Довольно толстый слой мха, покрывавшего землю, представлял собою отличное ложе, особенно для человека, перенесшего столько физических и моральных страданий. Мортон завернулся в солдатский плащ, с которым не расставался со вчерашнего дня, растянулся на мху и предался грустным размышлениям о положении родины и о своих личных делах. Впрочем, эти размышления не слишком долго томили его, так как вскоре он погрузился в глубокий, здоровый сон.

Вся повстанческая армия, разбившись на группы, спала на земле. Каждая группа располагалась там, где было удобнее и где можно было укрыться

от холодного ветра. Не спали только несколько главных вождей, всю ночь напролет обсуждавшие вместе с Берли создавшееся положение, да часовые, которые, поддерживая в себе бодрость, распевали псалмы или слушали, как их поют наиболее искусные среди них.

Глава XXIII

Все получив — скорее на коней!

«Генрих IV», ч. I

С первым светом Генри проснулся и увидел стоявшего возле него верного Кадди с походною сумкой в руках.

— А я только что сложил ваши вещи, чтобы все было готово, когда ваша милость проснется, — сказал Кадди, — это моя обязанность; ведь вы были такой добрый, что взяли меня к себе в услужение.

— Я взял тебя в услужение, Кадди? — сказал Мортон. — Да ты еще не проснулся.

— Ну уж нет, сударь, — ответил Кадди, — разве я не говорил вам вчера, когда еще был привязан к коню, что если вы когда-нибудь выйдете на свободу, я буду вашим слугою? Разве вы сказали на это «нет»? А если это не договор, то что же это такое? Вы, правда, не дали мне задатка, но зато подарили еще в Милнвуде достаточно денег.

— Ладно, Кадди, если ты готов разделить со мною превратности моей злосчастной судьбы...

— А я уверен, что она будет у нас счастливою, — весело отвечал Кадди, — и наконец моя бедная старая матушка будет пристроена как полагается. Я начал постигать солдатское ремесло, и с того конца, с которого научиться ему проще всего.

— Значит, ты научился грабительству, не так ли? — сказал Мортон. — Откуда еще могла бы оказаться у тебя в руках эта сумка?

— Не знаю, грабительство ли это или как оно там называется, — ответил Кадди, — но только так выхо-

дит само собой, и это — доходное ремесло. Наши люди, прежде чем мы с вами освободились, до того обчистили убитых драгун, что они теперь как новорожденные младенцы. Но когда я увидел, что виги развесили уши, слушая Габриеля Тимпана и того молодого парня, то пустился в дальний поход ради себя самого и ради вас, ваша честь. Вот я и пошел себе потихоньку, прошел чуточку по трясине, да свернул потом вправо, где заметил следы многих коней, и я вправду пришел прямо на место, где здорово молодили, видать, друг дружку. Бедные ребята лежали одетые в свое платье, как они утром надели его, и никто до меня не наткнулся на эти залежи трупов. И кто же был среди оных (так сказала бы моя матушка), как не наш с вами старый знакомый, не сам сержант Босуэл!

— Что ты говоришь, Кадди! Стало быть, Босуэл убит?

— Убит, — ответил Кадди. — Глаза его были открыты и лоб нахмурен, а зубы крепко стиснуты, как клещи капкана, какие ставят на хорьков, когда пружина сожмется, — так что мне прямо страшно было смотреть на него; но я решил, что теперь наступил и его черед, и обшарил его карманы, как он частенько проделывал с честным народом, и вот вам ваши кровные денежки (или вашего дяди, только это одно и то же), что он заполучил в Милнвуде в тот несчастный день, который сделал нас с вами солдатами.

— Не будет греха, Кадди, — сказал Мортон, — если мы воспользуемся этими деньгами: ведь нам хорошо известно, как они попали к нему; но ты должен взять свою долю.

— Постойте, постойте! Тут есть еще колечко на черном шнурке, которое висело у него на груди. Наверно, это память о той, кого он любил, бедняга; даже у самых жестоких бывает любимая девушка; а вот и книжка с какими-то бумагами и еще две-три странных вещишки, которые я оставляю, пожалуй, себе.

— Честное слово, Кадди, ты совершил блестящий набег, особенно для начинающего, — сказал Мортон.

— Не правда ли! — воскликнул Кадди с торжествующим видом. — Ведь я вам говорил, что не такой уж я чурбан, если что плохо лежит. Кстати, я раздобыл еще пару добрых коней. Один хилый, никудышный парнишка, ткач из Стравена, бросивший свой станок и дом, чтобы сидеть да скулить на холодной горе, поймал двух драгунских коней, а девать их ему некуда. Вот он и взял с меня за них золотой; я бы мог, пожалуй, сторговаться и за ползолотого, да тут совсем неподходящее место, чтобы разменивать деньги. Вы увидите, что в кошельке Босуэла одной монеты недостает.

— Ты сделал превосходное и чрезвычайно полезное приобретение, Кадди; но у тебя в руках еще походная сумка?

— Походная сумка? — ответил Кадди. — Вчера она была лорда Эвендела, а сегодня сделалась вашей. Я нашел ее там, за кустами, — всякой собаке ее денег. Вы ведь знаете, как поется в старинной песне:

За вами, матушка, черед, —
Промолвил Том из Линна.

И раз я заговорил об этом, пойду уж навестить матушку, коли ваша честь чего не прикажет.

— Но, Кадди, послушай, — сказал Мортон, — я никак не могу взять эти вещи, не заплатив за них ни гроша.

— Да ну вас, сударь, — ответил Кадди, — берите, что уж там. А заплатите вы как-нибудь в другой раз, с меня хватит кое-каких вещичек, которые больше по мне. Что стал бы я делать с богатым обмундированием лорда Эвендела? Нет уж, с меня довольно и того, что было на Босуэле.

Не сумев убедить в такой же мере упрямого, как и бескорыстного Кадди, чтобы он взял себе хоть что-нибудь из этой военной добычи, — Мортон решил сбереечь и возвратить лорду Эвенделу, если он жив, принадлежавшие ему вещи, а пока, не раздумывая, воспользовался кое-чем из содержимого сумки, а именно, бельем и разную мелочью, которая могла пригодиться в походной жизни.

Потом он просмотрел бумаги в записной книжке Босуэла. Они были самого разнообразного содержания. Сперва Мортону попались на глаза: список подразделения, которым командовал Босуэл, с отметкою, кто отлучился в отпуск, счета трактирщиков, списки обложенных штрафом или подлежащих преследованию за какие-либо провинности перед властями, а также копия указа Тайного совета об аресте некоторых весьма видных и значительных лиц. В другом отделении этой записной книжки находились один или два патента на чины, в разное время полученные Босуэлом, и отзывы о его службе за границей, в которых давалась весьма высокая оценка его храбрости и военным талантам. Но самой примечательною бумагой была тщательно составленная родословная с ссылками на многочисленные документы, подтверждавшие ее подлинность; к этой родословной был приложен список обширных владений, конфискованных некогда у графов Босуэлов, и, кроме того, список, в котором подробно указывалось, кому из придворных и представителей знати (предкам нынешних владельцев этих земель) и что именно пожаловал король Иаков VI; под этим списком красными чернилами рукою покойного было написано: «*Haud Immetog*¹ Ф. С. Г. Б.»; последние четыре буквы, надо думать, обозначали: Фрэнсис Стюарт, граф Босуэл. Кроме этих бумаг, отчетливо рисовавших образ мыслей и чувства того, кто был их владельцем, были здесь и другие, показывавшие Босуэла совсем в ином свете, чем мы до сих пор представляли его читателю.

В потайном отделении книжки, до которого Мортон добрался не сразу, хранилось несколько писем, написанных очаровательным женским почерком. Даты, проставленные на них, свидетельствовали об их двадцатилетней давности; они не заключали в себе указания, к кому, собственно, обращены, и были подписаны инициалами. Не имея времени подробнее ознакомиться с ними, Мортон все же отметил нежное

¹ Не забывающий (лат.).

и трогательное чувство, которым они были проникнуты. Писавшая старалась рассеять ревность своего возлюбленного и мило пеняла на его вспыльчивый, подозрительный и необузданный нрав. Чернила выцвели от времени и, несмотря на заботливость, с которою Босуэл оберегал эти письма от порчи, в двух или трех местах бумага истерлась настолько, что ничего нельзя было разобрать.

«Не беда — эти слова были написаны на обертке одного из наиболее пострадавших писем, — я знаю их наизусть».

Вместе с письмами, в том же потайном отделении книжки, хранилась, кроме того, прядь волос, завернутая в листок со стихами, продиктованными, видимо, глубоким и сильным чувством, искупавшим в глазах Мортонa шероховатость стиха и вычурность выражений, уснащавшую их в соответствии со вкусами того времени:

Агнесы локон золотой,
Ты блещешь, как и ночью той,
Когда она, склонясь ко мне,
«Люблю», — шепнула в тишине,
Как жег тебя, о дивный дар,
Моей груди безмерный жар,
Где гнев и ненависть горят,
Где грех, открывший людям ад,
Мое дыханье — как вулкан,
А кровь — как бурный океан.
Но если этот страшный жар
Не сжег тебя, о чудный дар,
Насколько ж все влияние зла
Агнеса б усмирить могла,
И я б, ведом ее рукой,
Был чист пред небом и землей,
Когда б она осталась жить,
Осталась жить, меня любить,
Тогда бы мне отрадой был
Не только скачки дикой пыл,
Не страсть охотничья б была
Одна на свете мне мила, —

Добычу выследить, загнать,
Схватить, на части растерзать
И путь спокойно продолжать, —
Нет, усмирен святой рукой,
Пред небесами и землей
Я мог бы нынче чистым быть,
Когда бы ты осталась жить.

Прочтя эти строки, Мортон не мог не проникнуться сочувствием к участи этого странного и раздавленного судьбой человека, который, дойдя до последней ступени падения и даже позора, постоянно думал о высоком, предназначенном ему рождением положении и, погрязнув в разврате, втайне, с горьким раскаянием, вспоминал дни своей юности, когда он переживал чистую, хоть и несчастную страсть.

«Увы! — подумал Мортон. — Что мы такое, если наши лучшие и наиболее похвальные чувства могут быть до такой степени извращены и испакосены, если достойная уважения гордость может превратиться в высокомерное и дерзкое пренебрежение общественным мнением, если страдания несчастной любви живут в той же душе, которую избрали своей твердыней развращенность, мстительность, алчность. И всюду одно и то же; у одного широта взглядов переходит в холодное и бесчувственное безразличие, у другого религиозное рвение превращается в иступленный и дикий фанатизм. Наши решения, наши страсти подобны морским волнам, и без помощи того, кто вложил в нас жизнь, мы не можем сказать им: «Докатись до сих пор, но не дальше».

Предаваясь этим размышлениям, Мортон поднял глаза и увидел перед собой Белфура Берли.

— Ты уже проснулся? — сказал ему вождь ковенантеров. — Это хорошо; значит, ты горишь желанием вступить на уготованный тебе путь. Что у тебя за бумаги? — продолжал он.

Мортон коротко рассказал об успешном походе Кадди и передал ему записную книжку Босуэла со всем ее содержимым. Вождь камеронцев внимательно

просмотрел бумаги, имевшие отношение к военным или общественным делам; дойдя до стихов, он с презрением отбросил их прочь.

— Я был далек от мысли, — сказал он, — когда с божьего благословения трижды пронзил мечом это главное орудие жестокости и гонений, что столь отчаянный и опасный человек может предаваться столь пустому и вместе с тем богомерзкому занятию. Но я вижу, что сатана сочетает порою в излюбленных и избранных исполнителях воли своей самые разнообразные качества, и та же рука, которая подымлет дубину и смертоубийственное оружие на праведников в сей юдоли земной, бряцает на лютне или цитре и услаждает слух дочерей гибели на торжище суеты.

— Ваши представления о долге, — сказал Мортон, — несовместимы с любовью к изящным искусствам, которые, как принято думать, очищают и возвышают душу. Не так ли?

— Для меня, молодой человек, — отвечал Берли, — и для всех тех, кто думает так же, как я, все наслаждения этого мира, каким бы именем они ни прикрывались, есть суета, а власть и величие — не более как силки, расставленные для человека. Для нас на земле существует только одна задача — построение храма господня.

— Я не раз слышал, — заметил Мортон, — как отец утверждал, что многие, овладев властью во имя неба, были так ревнивы в пользовании ею и так не хотели с ней расставаться, что казалось, будто ими руководят побуждения мирского честолюбия; но об этом как-нибудь в другой раз. Удалось ли вам добиться назначения руководящего комитета?

— Да, — ответил Берли, — он будет состоять из шести членов, в числе коих и вы; я пришел, чтобы повести вас на заседание.

Мортон последовал за Берли на уединенную лужайку, где их уже ожидали остальные члены руководящего комитета. Обе партии, борьба которых вносила раздор в войско повстанцев, позаботились

послать в этот высший орган исполнительной власти по трое своих представителей. Со стороны камеронцев то были Берли, Мак-Брайер и Тимпан; со стороны умеренных — Паундтекст, Генри Мортон и еще один мелкий землевладелец, которого все звали лэрд Лонгкейл. Таким образом, в комитете обе партии уравнивали друг друга, хотя представители крайних взглядов, как обычно в таких случаях, действовали более энергично. Впрочем, на этот раз заседание протекало в более деловой обстановке, чем можно было предполагать, исходя из вчерашнего. Трезво оценив свои силы и положение, а также учитывая возможный рост численности их армии, они сочли нужным провести этот день на прежней позиции, чтобы дать отдых людям и чтобы успели подойти подкрепления. Они постановили наутро выступить к Тиллитудлему и потребовать сдачи этой твердыни язычества, как они выражались. Если владельцы замка не согласятся на их предложение, они решили взять его неожиданным приступом, а в случае неудачи оставить у его стен часть своего войска, с тем чтобы повести правильную осаду и голодом принудить его защитников к капитуляции. Между тем главные силы должны были двинуться дальше, чтобы выбить Клеверхауза и лорда Росса из Глазго. Таковы были решения руководящего комитета, и Мортону, едва начавшему жить деятельною жизнью, предстояло, по-видимому, в качестве первого дела на новом поприще осаждать замок, принадлежавший ближайшей родственнице владычицы его сердца и защищаемый ее дядей, майором Белленденом, которому он был столь многим обязан! Понимая всю затруднительность своего положения, он утешал себя тем, что власть в повстанческом войске позволит ему оказать обитателям Тиллитудлема помощь и покровительство, на что при других обстоятельствах они не могли бы рассчитывать. Он не терял, кроме того, надежды, что сможет добиться соглашения между ними и пресвитерианской армией и обеспечить им безопасный нейтралитет на время готовой разразиться войны.

Глава XXIV

С побоища рыцарь примчался верхом,
Обрызганный кровью, омытый дождем.

Финлей

Теперь мы должны вернуться к Тиллитудлему и его обитателям. На следующий день после битвы при Лоудон-хилле, когда первые солнечные лучи коснулись зубцов замковых стен и защитники, готовясь к осаде, возобновили свои работы, часовой, находившийся на платформе высокой башни, именуемой Башнею Стража, сообщил, что видит направляющегося к крепости всадника. Всадник приблизился; судя по его одежде, это был офицер лейб-гвардейцев; медленный шаг коня и поза всадника, склонившегося над лукой седла, явно указывали, что он болен или тяжело ранен. Тотчас была открыта калитка, и лорд Эвендел въехал во внутренний двор; он так ослабел от потери крови, что не мог самостоятельно слезть с коня. Когда, поддерживаемый слугою, он вошел в зал, обе женщины вскрикнули от удивления и испуга; бледный как смерть, забрызганный кровью, с испачканным грязью и изодранным платьем, с растрепанными, спутавшимися волосами, он был больше похож на призрак, чем на живого человека во плоти и крови. После первых возгласов и восклицаний дамы выразили ему свою радость по поводу того, что он спасся.

— Благодарение господу, — воскликнула леди Маргарет, — что вы с нами и что вам удалось ускользнуть от рук этих кровожадных убийц, перебивших столько верных слуг короля!

— Благодарение господу, — добавила Эдит, — что вы здесь и находитесь в безопасности. Мы страшись самого худшего. Но вы ранены, и я не уверена, что мы сможем оказать вам необходимую помощь.

— Это только сабельные удары, — сказал молодой лорд, опускаясь в кресло, — боль от них не бог весть какая, и я бы не чувствовал себя таким изнуренным, если бы не потерял столько крови. Но я ехал сюда не затем, чтобы добавлять свои немощи к

вашим трудностям и опасностям, но чтобы по мере сил помочь вам справиться с ними. Что могу я сделать для вас? Разрешите, — добавил он, обращаясь к леди Маргарет, — разрешите смотреть на себя как на вашего сына, сударыня, как на вашего брата, Эдит.

На последних словах он сделал ударение; он опасался, что мисс Белленден, увидев в нем навязчивого поклонника, может отказаться от предлагаемых им услуг. Она оценила его деликатность, но сейчас было не до того, чтобы разбираться во всех этих тонкостях.

— Мы готовимся защищаться, — сказала с большим достоинством старая леди, — мой деверь принял начальство над гарнизоном, и, с божьей помощью, мы окажем мятежникам заслуженный ими прием.

— С какой радостью, — воскликнул лорд Эвендел, — я принял бы участие в обороне замка! Но в теперешнем моем состоянии я буду скорее обузой — нет, хуже, чем просто обузой: если эти негодяи проведуют, что здесь находится офицер лейб-гвардейцев, они постараются во что бы то ни стало овладеть Тиллутудлемом. Если же они будут знать, что его защищают только свои, то, быть может, не станут пытаться взять его приступом и двинутся прямо на Глазго.

— Неужели вы так дурно думаете о нас, милорд, — сказала Эдит, отдаваясь порыву великодушия, которое так часто прорывается в женщине и так ее украшает; ее голос дрожал от волнения, лицо залила краска благородной горячности, подсказавшей ей эти слова, — неужели вы так дурно думаете о ваших друзьях, что допускаете мысль, будто подобные соображения могут побудить их отказать вам в убежище и защите, когда вы не в силах сами себя защитить и когда вся округа полна врагов? Да разве найдется в Шотландии хоть одна хижина, хозяин которой позволил бы своему дорогому другу покинуть ее в таких обстоятельствах? И неужели вы полагаете, что мы отпустим вас из нашего замка, который

считаем достаточно укрепленным, чтобы защитить нас самих?

— Пусть лорд Эвендел и не помышляет об этом, — вмешалась леди Маргарет, — я сама перевяжу его раны; ведь только на это и годна в военное время такая старуха, как я. Но покинуть Тиллитудлем, когда меч врага взнесен над вашею головою, милорд, когда он готов опуститься на вас, — да я бы не позволила этого и последнему из солдат, носившему когда-либо мундир королевских войск, и тем более не позволю того же лорду Эвенделу. Наш дом не таков, чтобы стерпеть подобный позор. Замок Тиллитудлем был слишком высоко вознесен посещением его священнойшего вели...

В этом месте ее речь была прервана появлением майора Беллендена.

— Мы захватили пленного, дядя, — сказала Эдит, — наш пленник ранен и хочет бежать от нас. Вы должны нам помочь удержать его силою.

— Лорд Эвендел! — воскликнул старый майор. — Это доставляет мне не меньшее удовольствие, чем доставило мое первое производство. Клеверхауз говорил, что вы или убиты, или, во всяком случае, пропали без вести.

— Я был бы убит, если бы не ваш друг, — взволнованно сказал лорд Эвендел, опустив глаза, словно не хотел видеть, какое впечатление произведут на мисс Белленден его слова. — Я потерял коня и был лишен возможности защищаться; один из мятежников уже поднял надо мною палаш, чтобы поразить меня насмерть, как вдруг молодой мистер Мортон, — это тот арестованный, в судьбе которого вы приняли вчера утром такое участие, — вступился за меня самым великодушным образом, спас от неминуемой гибели и дал возможность вырваться из гущи врагов.

Сказав это, он почувствовал мучительное любопытство, пересилившее первоначально принятое решение: он поднял глаза и посмотрел на Эдит; румянец покрыл ее щеки, глаза заблестели, и ему показалось, что он прочел на ее лице радость, — ведь ее возлюбленный в безопасности и на свободе, — и торже-

ство, — ведь он не уступил в этом соперничестве великодушия и благородства. Таковы в действительности и были охватившие ее чувства; но здесь было и восхищение искренностью лорда Эвендела, поспешившего отдать должное своему счастливому сопернику и признать, что он обязан ему жизнью, хотя, по всей вероятности, он предпочел бы, чтобы эту услугу оказал ему кто угодно, но только не Мортон.

Майор Белленден, который не заметил бы этих чувств, будь они выражены и более явно, удовольствовался тем, что сказал:

— Поскольку Генри Мортон среди этих разбойников пользуется влиянием, я счастлив, что он смог употребить его с такой благородною целью; но я надеюсь, что он отделается от них при первой возможности. У меня нет ни малейшего основания сомневаться в этом. Я знаю его убеждения и знаю, как он ненавидит их ханжество и лицемерие. Я тысячу раз слышал, как он смеялся над педантизмом этого старого подлеца Паундтекста, который, имея индульгенцию правительства в течение стольких лет, теперь, едва начались беспорядки, показал свое истинное лицо и отправился с тремя четвертями своей лопухой пасты на соединение с этой ордой изуверов. Но как же вам все-таки удалось избежать погони, милорд, выбравшись с поля сражения?

— Я мчался, спасая жизнь, словно трусливый рыцарь, — ответил с улыбкою лорд Эвендел. — Я выбрал дорогу, на которой, казалось, была наименьшая опасность столкнуться с врагами, и потом на несколько часов я нашел убежище — поручусь, что вы не угадаете, где.

— В замке Брэклен, наверно, — сказала леди Маргарет, — или в доме какого-нибудь другого верного королю джентльмена.

— Нет, сударыня. Я тщетно стучался в ворота многих дворянских усадеб, но под разными предложениями, а в действительности — опасаясь погони, меня не приняли ни в одной; я нашел убежище в хижине бедной вдовы, муж которой месяца три назад пал

в схватке с одним из наших отрядов, а оба сына в данное время в войске мятежников.

— Неужели! — воскликнула леди Маргарет. — Неужели эта фанатичная женщина оказалась способной на такое великодушие? Но она, видимо, не одобряет взглядов своих домашних.

— Напротив, сударыня, — продолжал молодой лорд, — эта вдова по своим убеждениям ярая пресвитерианка, но она поняла грозившую мне опасность, поняла, в каком отчаянном положении я нахожусь, и увидела во мне своего ближнего, постаравшись забыть о том, что я приверженец короля и солдат. Она перевязала мне раны, уложила в свою постель; она скрыла меня от отряда мятежников, искавших наших солдат, накормила, напоила и не выпустила из своего дома, пока не убедилась, что я смогу безопасно добраться до замка.

— Это был в высшей степени великодушный поступок, — заметила мисс Белленден, — и я уповаю, что вы в самом непродолжительном будущем сможете вознаградить ее благородство.

— Печальные обстоятельства минувшего дня, мисс Белленден, вынудили меня оставить за собой целый хвост обязательств такого же рода, — ответил молодой лорд. — Но когда я получу возможность выразить свою благодарность, то в доброй воле недостатка у меня, конечно, не будет.

Все снова принялись уговаривать лорда Эвендела не покидать замка; но доводы майора Беллендена оказались самыми убедительными:

— Ваше присутствие в замке будет чрезвычайно полезным, а, быть может, и совершенно необходимым, милорд, чтобы поддерживать с помощью вашего авторитета надлежащую дисциплину среди солдат, которых Клеверхауз оставил у нас в гарнизоне и которые не производят впечатления больших поклонников субординации; к тому же именно в этих целях полковник предоставил нам право задержать любого офицера его полка, если он будет проезжать мимо замка.

— Это, — сказал лорд Эвендел, — довод, против которого мне нечего возразить, так как он говорит в пользу того, что мое пребывание в замке, даже в таком беспомощном состоянии, как сейчас, может оказаться полезным.

— Что касается ваших ран, милорд, — заявил майор, — то лишь бы моя дорогая сестра, леди Белленден, согласилась вступить в сражение с лихорадкой, если она на вас нападет, а я со своей стороны ручаюсь, что мой старый боевой товарищ Геден Пайк перевяжет ваши телесные раны не хуже любого члена корпорации цирюльников-костоправов. У него было довольно практики во времена Монтроза, потому что у нас, как вы понимаете, было не так уж много дипломированных хирургов. Итак, решено: вы остаетесь с нами.

— Причины, побуждавшие меня уехать из замка, — сказал лорд Эвендел, бросая взгляд на Эдит, — представлялись мне достаточно вескими, но они полностью теряют свое значение после того, как вы меня убедили, что я смогу оказаться полезным. Разрешите спросить, майор, какие средства защиты вы подготовили и каковы ваши планы? Могу ли я также осмотреть вместе с вами оборонительные работы?

От внимательного взгляда Эдит не укрылось, однако, что лорд Эвендел и физически и нравственно бесконечно устал.

— Я полагаю, сэр, — сказала она, обращаясь к майору, — что раз лорд Эвендел соблаговолил стать офицером нашего гарнизона, вы прежде всего должны потребовать от него полного подчинения; прикажите ему отправиться в его комнату и отдохнуть, прежде чем он приступит к исполнению своих новых обязанностей.

— Эдит права, — поддержала ее старая леди, — вы сейчас же должны лечь в постель, милорд, и принять лекарство от лихорадки, я его приготовлю своими руками; тем временем моя фрейлина, миссис Марта Уэддел, состряпает для вас цыпленка помонастырски или какое-нибудь столь же легкое блюдо. От вина, по-моему, следует пока воздержаться. Джон

Гьюдбил, скажите домоправительнице, чтобы она привела в порядок комнату с балдахином. Лорд Эвендел должен немедленно лечь в постель. Пусть Пайк снимет повязки и исследует его раны.

— Все это, надо признаться, грустные приготовления, — сказал лорд Эвендел, поблагодарив леди Маргарет за заботы и готовясь покинуть зал, — но я вынужден беспрекословно подчиняться указаниям вашей милости; надеюсь, что ваше искусство вскоре восстановит мои силы, и я стану более боеспособным защитником замка, чем мог бы быть в данное время. Как можно скорее исцелите мое тело; ну, а что касается головы, то пока с вами майор Белленден, она вам не нужна. — С этими словами он вышел из зала.

— Превосходный молодой человек, и какой скромный, — заметил майор.

— И ни капли самоуверенности, — добавила леди Белленден, — которая нередко внушает юнцам, будто они знают лучше, чем люди с опытом за плечами, как нужно лечить их недуги.

— И такой благородный, такой красавчик собой, — ввернула Дженни Деннисон, вошедшая в зал к концу этого разговора и теперь оставшаяся наедине со своею юною госпожой, так как майор возвратился к своим военным заботам, а леди Маргарет отправилась готовить лекарства для лорда Эвендела.

В ответ на все эти восхваления Эдит только вздохнула; она молчала, но никто лучше ее не чувствовал и не знал, насколько они справедливы. Дженни между тем возобновила атаку:

— В конце концов совершенно правильно говорит леди Маргарет — нет ни одного вполне порядочного пресвитерианина; все они бесчестные, лживые люди. Кто мог бы подумать, что молодой Милнвуд и Кадди Хедриг заодно с этими мятежными негодяями?

— Зачем ты повторяешь этот нелепый вздор, Дженни? — раздраженно спросила ее юная госпожа.

— Я знаю, сударыня, что слушать про это вам неприятно, — смело ответила Дженни, — да и мне не очень-то приятно рассказывать. Но то же самое вы

можете узнать от кого угодно, потому что весь замок только и толкует об этом.

— О чем же толкует, Дженни? Ты хочешь меня с ума свести, что ли? — сказала нетерпеливо Эдит.

— Да о том, что Генри Милнвуд заодно с мятежниками и что он один из их главарей.

— Это ложь! — вскричала Эдит. — Это низкая клевета! И ты смеешь повторять этот вздор! Генри Мортон неспособен на такую измену своему королю и отечеству, неспособен на такую жестокость ко мне... ко всем невинным и беззащитным жертвам — я разумею тех, кто страдает от гражданской войны; повторяю тебе: он совершенно, никоим образом неспособен на это.

— Ах, дорогая моя, милая мисс Эдит, — продолжая упорствовать, ответила Дженни, — нужно знать молодых людей не в пример лучше, чем знаю их я или хотела бы знать, чтобы предсказать наперед, на что они способны и на что неспособны. Но там побывал солдат Том и еще один парень. На них были береты и серые пледы, они были с виду совсем как крестьяне и ходили туда для рекогно... рекогносцировки — так, кажется, назвал это Джон Гьюдьил; они побывали среди мятежников и сообщили, что видели молодого Милнвуда верхом на драгунской лошади, одной из тех, что были захвачены под Лоудон-хиллом, и он был вооружен палашом и еще пистолетами. И никто, как он, был запанибрата с самыми что ни есть главными из них; он учил людей и командовал ими; а по пятам за ним в расшитом галунами камзоле сержанта Босуэла ехал наш Кадди; и на нем была треугольная шляпа с пучком голубых лент — в знак того, что он бьется за старое дело священного ковенанта (Кадди всегда любил голубые ленты) — и рубашка с кружевными манжетами, словно на знатном лорде. Воображаю, каков он в этом наряде!

— Дженни, — сказала ее юная госпожа, — не может быть, чтобы рассказы этих людей были правдой; ведь дядя до сих пор ничего об этом не слышал.

— А это потому, — ответила горничная, — что Том Хеллидей прискакал к нам через каких-нибудь пять

минут после лорда Эвендела, и когда он узнал, что лорд у нас в замке, то поклялся (вот богохульник!), что будь он проклят, если станет рапортовать (таким словом он это назвал) о своих новостях майору Беллендену, раз в гарнизоне есть офицер его собственного полка. Вот он и решил ничего не рассказывать до завтрашнего утра, пока не проснется молодой лорд; про это он сказал только мне одной (тут Дженни опустила глаза), чтобы помучить меня известиями о Кадди.

— Так вот оно что! Ах ты, дурочка, — сказала Эдит, несколько ободряясь. — Ведь он все это выдумал, чтобы тебя подразнить.

— Нет, сударыня, это не так; Джон Гьюдйл повел в погреб другого драгуна (это уже немолодой человек с грубым лицом, я не знаю, как его звать) и налил ему кружку бренди, чтобы выведать у него новости, и он слово в слово повторил то же, что сообщил Том Хеллидей; после этого мистер Гьюдйл, можно сказать, взбесился и рассказал нам обо всем, и он утверждает, что весь мятеж произошел из-за глупой доброты леди Маргарет, и майора, и лорда Эвендела, которые вчера поутру хлопотали за молодого Милнвуда и Кадди пред полковником Клеверхаузом, и что если бы они были наказаны, то вся страна продолжала бы оставаться спокойной. Говоря по правде, я и сама держусь такого же мнения.

Последнее замечание Дженни добавила лишь в отместку своей госпоже, рассерженная ее упрямым, не поддающимся никаким убеждениям недоверием. Но она тотчас же испугалась, встревоженная тем впечатлением, которое произвели ее новости на юную леди; это впечатление было тем сильнее, что Эдит воспитывалась в строгих правилах англиканской церкви и разделяла все ее предрассудки. Ее лицо стало мертвенно бледным, дыхание — таким затрудненным, словно она была при смерти, ноги так ослабели, что не могли выдержать ее собственной тяжести, и, почти теряя сознание, она скорее упала, чем села на одно из расставленных в зале кресел. Дженни принялась брызгать ей в лицо холодной водой, жгла перья, рас-

шнуровала корсаж и употребила все средства, применяемые при нервных припадках, но ничего не доби-
лась.

— Господи, что я наделала! — воскликнула в отчаянии горничная. — Хоть бы мне отрезали мой проклятый язык! Кто б мог подумать, что она станет так убиваться, и еще из-за молодого человека? О мисс Эдит, милая мисс Эдит, не обращайтесь на это внимания, — может статься, все, о чем я наболтала, неправда, тилун мне на язык! Все говорят, что он не доведет меня до добра. А что, если войдет миледи? Или майор? И к тому же она сидит на том самом троне, на который не садился никто с того утра, как здесь был король! Ах, боже мой, что мне делать! Что теперь станется с нами со всеми!

Пока Дженни Деннисон причитала над своей го-
спожой и попутно не забывала себя самое, Эдит по-
степенно оправилась от припадка, вызванного столь
неожиданным и невероятным известием.

— Если б он был несчастлив, — сказала она, — я
никогда, ни при каких обстоятельствах не покинула
бы его; и я не сделала этого, хотя знала, что мое
вмешательство навлечет на меня неприятности и даже
опасность. Если б он умер, я бы горевала о нем, если
бы он был неверен, я могла бы его простить; но он
мятежник, восставший против своего короля, он из-
менник отечеству, он друг и товарищ разбойников и
самых обыкновенных убийц, он тот, кто беспощадно
истребляет все благородное и возвышенное, он завзя-
тый, сознательно богохульствующий враг всего, что
ни есть святого! Нет, я вырву его из моего сердца,
даже если в этом усилии мне придется истечь соб-
ственной кровью.

Она вытерла глаза и поспешно встала с большого
кресла (или трона, как обычно называла его леди
Маргарет). Перепуганная служанка бросилась взби-
вать лежавшую на кресле подушку, чтобы не было
видно, что кто-то сидел на этом священном месте,
хотя, наверно, сам король Карл, учитывая красоту
и молодость, а также горести той, кто невольно по-
сягнул на его непререкаемые права, не нашел бы

во всем случившемся ни малейшего оскорбления своей августейшей особы. Покончив с этим, Дженни потоприлась предложить свою руку Эдит, ходившей взад и вперед по залу в глубоком раздумье.

— Обопритесь на мою руку, сударыня, уж лучше обопритесь на мою руку; всякая печаль в конце концов забывается и, конечно...

— Нет, Дженни, — ответила твердо Эдит, — ты видела мою слабость, ты увидишь теперь мою силу.

— Но вы опирались уже как-то на мою руку, мисс Эдит, помните, в то утро, когда вы были так опечалены.

— Недостойное и заблуждающееся чувство может нуждаться в поддержке, Дженни, но сознание долга находит поддержку в себе самом. Впрочем, я не стану поступать торопливо и опрометчиво. Я постараюсь взвесить причины его поведения... и тогда... и потом я вырву его из моего сердца навеки, — таков был твердый и решительный ответ молодой госпожи.

Ошеломленная словами Эдит, не способная ни понять ее побуждения, ни оценить по достоинству ее мужественную решимость, Дженни проворчала сквозь зубы:

— Господи боже, пусть только пройдет первый порыв, и мисс Эдит отнесется ко всему так же легко, как я, и, пожалуй, легче моего, хотя, могу поручиться, я и вполтину не любила так моего Кадди, как она своего молодого Милнвуда. А кроме того, совсем не так уж плохо иметь друзей и с той и с другой стороны: ведь если вигам удастся захватить замок — а мне кажется, это может случиться, потому что у нас мало еды, а драгуны пожирают все, что ни попадется им под руку, — то Милнвуд и Кадди окажутся победителями, и их дружба будет дороже золота. Я раздумывала над этим сегодня утром, еще прежде, чем услышала все наши новости.

Успокаивая себя таким образом, служанка вернулась к своим обычным обязанностям, а ее госпожа, оставшаяся в одиночестве, принялась изыскивать способ, как бы вырвать из сердца свое прежнее чувство к Мортону.

Глава XXV

За мной, на штурм, друзья, за мной
на штурм!

«Генрих V»

К вечеру того же дня обитатели замка на основании собранных данных убедились, что наутро все войско мятежников выступит по направлению к Тиллитулдему. Раны лорда Эвендела, которыми занялся Пайк, оказались, в общем, в неплохом состоянии. Их было много, но ни одна не внушала больших опасений; потеря крови, а может быть, и хваленые средства леди Маргарет предупредили возникновение лихорадки, так что раненый, несмотря на боль и сильную слабость, утверждал, что может ходить, опираясь на палку. При сложившихся обстоятельствах он не желал оставаться у себя в комнате, полагая, что своим присутствием сможет поднять дух драгун, и рассчитывая внести кое-какие улучшения в план обороны, так как майор Белленден составил его, возможно, в соответствии с устаревшими положениями военного искусства. Лорд Эвендел, служивший еще почти мальчиком во Франции и в Нидерландах, действительно был хорошо осведомлен в фортификации и мог быть полезен своими советами. Впрочем, сделанное менять почти не пришлось, и если бы не скудость запасов, то не было бы никаких оснований опасаться за судьбу крепости, особенно при отсутствии военного опыта в рядах тех, кто угрожал ей осадой.

С первым светом майор Белленден и лорд Эвендел поднялись на крепостную стену. Они снова и снова проверяли свою боевую готовность, с тревогой и нетерпением ожидая появления неприятеля. Нужно сказать, что теперь лазутчики регулярно снабжали их сведениями. Но майор с недоверием отнесся к известию о том, что молодой Мортон взялся за оружие и выступил против правительства.

— Я знаю его лучше, чем кто-либо, — вот единственное замечание, которым он удостоил толки об этом. — Наши ребята не отважились подойти ближе;

их обмануло мнимое сходство или они подцепили нелепую басню.

— Я не согласен с вами, майор, — ответил на это Эвендел, — я полагаю, что вы все же увидите этого молодого человека во главе войска мятежников, и, хотя я буду глубоко огорчен, это меня несколько не удивит.

— Вы ничуть не лучше полковника Клеверхауза, — сказал майор, — позавчера утром он мне с пеной у рта доказывал, что этот молодой человек, самый одаренный, самый благородный и самый великодушный мальчик, каких мне когда-либо доводилось встречать, ждет только случая, чтобы стать во главе мятежников.

— Вспомните о насилиях, которые он только что испытал на самом себе, а также о тяготеющем над ним обвинении, — сказал лорд Эвендел. — Что еще ему оставалось? Ну, а я... право, не знаю, чего он больше заслуживает, порицания или жалости.

— Порицания, сударь? Жалости? — повторил, словно эхо, майор, пораженный такой снисходительностью. — Он заслуживает веревки, вот чего он заслуживает, и если б он был даже моим собственным сыном, я с удовольствием смотрел бы, как его вешают. Вот уж действительно, порицания! Но вы не можете думать того, что изволите говорить.

— Честное слово, майор Белленден, с некоторого времени я склонен думать, что наши политики и прелаты довели страну до крайнего раздражения, что всяческими насилиями они оттолкнули от правительства не только простой народ, но и тех, кто, принадлежа к высшим слоям, свободен от сословных предрассудков и кого придворные интересы не привязывают к их знамени.

— Я не политик, — ответил майор, — и не разбираюсь во всех этих тонкостях. Шпага моя принадлежит королю, и когда он приказывает, я обнажаю ее ради него.

— Надеюсь, — сказал молодой лорд, — вы понимаете, что я делаю то же самое, хотя от всего сердца желал бы, чтобы нашим неприятелем были иноземцы. Впрочем, сейчас не время спорить об этом, так как

вот они, наши враги, и мы должны защищаться всеми доступными средствами.

В то время как лорд Эвендел произносил эти слова, на дороге, которая, пересекая вершину холма, спускалась против замка в долину, показался передовой отряд ковенантеров. Остановившись на гребне возвышенности, повстанцы не решились двигаться дальше, видимо опасаясь подставить свои колонны под огонь крепостной артиллерии. Их силы, сначала казавшиеся незначительными, прибывали, ряды сжимались и становились гуще, так что, судя по авангарду, вышедшему на вершину холма, их войско было весьма многочисленным. Обе стороны настороженно выжидали. И пока волнующиеся ряды повстанцев толклись на месте, как бы испытывая давление сзади или не зная, куда направиться дальше, их оружие, живописное в своем разнообразии, блестело в лучах солнца, которые отражались от целого леса пик, мушкетов, алебард и боевых топоров. Так продолжалось минуту-другую, пока трое или четверо всадников, очевидно — вожди, не выехали вперед и не собрались у высокого пригорка, оказавшись таким образом чуть ближе, чем главные силы, к старому замку. Джон Гьюдыл, еще не забывший своего искусства артиллериста, навел пушку на эту отделившуюся от войска мятежников группу.

— Я готов спустить сокола (маленькая пушка, у которой он находился, называлась фальконом, что значит «сокол»), я готов спустить сокола, как только ваша милость подаст команду; клянусь честью, он хорошенько растреплет им перья.

Майор вопросительно взглянул на лорда Эвендела.

— Погодите минутку, — сказал молодой лорд, — они посылают к нам своего представителя.

И действительно, один из всадников спешил к пике, подвязав к пике лоскут белой ткани, направился к замку. Майор и лорд Эвендел, сойдя со стены, пошли ему навстречу к первой баррикаде, так как считали, что было бы неразумным впускать вражеского парламентера за линию тех укреплений, которые они готовились защищать. Как только посланец мятежников тронулся в путь, остальные всадники, как бы догады-

ваясь о приготовлениях Джона Гьюдыла, покинули пригорок, на котором только что совещались, и возвратились в ряды главных сил.

Парламентер ковенантеров, судя по выражению лица и манерам, был преисполнен той внутренней гордости, которая отличала приверженцев его секты. Лицо его застыло в пренебрежительной мине, полужакрытые глаза не хотели, казалось, унизиться до лицемерия земной скверны; он торжественно шествовал, и при каждом шаге носки его сапог выворачивались наружу, как бы выказывая презрение к той земле, которую они попирали. Лорд Эвендел не мог подавить улыбку при виде этой необыкновенной фигуры.

— Видели ли вы хоть когда-нибудь такую нелепую марионетку? — спросил он майора Беллендена. — Можно подумать, что он передвигается на пружинах. Как вы думаете, умеет ли он говорить?

— О да, — ответил майор, — это, кажется, один из моих давних знакомцев. Он пуританин чистой воды, выросший на фарисейских дрожжах. Погодите, он откашливается, видимо прочищая горло. Уж не собирается ли он обратиться к нашему замку с проповедью, вместо обычного сигнала трубой?

Предположение старого воина, который в свое время имел достаточно случаев познакомиться с манерами этих сектантов, было недалеко от истины; только вместо прозаического вступления лэрд Лонгкейла — ибо это был не кто иной, как он сам собственною персоной — затянул голосом Стентора стих из двадцать третьего псалма:

— Врата, вы вверх вздымитесь, вы, двери,
Издrevле утвержденные навеки,
Раскройтесь!

— Я же вам говорил, — сказал майор лорду Эвенделу, становясь перед баррикадою и спрашивая парламентаря, чего ради он, точно овца на ветру, поднимает у ворот замка это скорбное блеяние.

— Я сюда прибыл, — ответил парламентер высоким и резким голосом, обходясь без обычных приветствий или учтивостей, — я сюда прибыл от имени бла-

гочестивой армии Торжественной лиги и ковенанта, чтобы вступить в переговоры с двумя нечестивцами: Уильямом Максвеллом, именуемым лордом Эвенделом, и Майлсом Белленденом из Чарнвуда.

— А что именно вы намерены сообщить Майлсу Беллендену и лорду Эвенделу? — спросил парламентар майор.

— Вы, что ли, и являетесь этими лицами? — сказал лэрд Лонгкейл тем же резким, высокомерным, вызывающим тоном.

— Они самые, за неимением лучших, — ответил майор.

— В таком случае вот официальное требование капитуляции, — заявил посланец мятежников, вручая бумагу лорду Эвенделу, — а вот частное письмо Майлсу Беллендену от некоего благочестивого юноши, удостоившегося стать начальником одной из частей нашего войска. Прочитайте скорее и то и другое, и пусть господь окажет вам милость и вразумит извлечь пользу из их содержания, в чем, впрочем, я весьма сомневаюсь.

Предложение капитулировать гласило:

Мы, избранные и утвержденные вожди землевладельцев, священников и прочих, отстаивающих в настоящее время оружием свободу и истинное исповедание веры, увещеваем Уильяма, лорда Эвендела, и Майлса Беллендена из Чарнвуда, и всех других, находящихся в настоящее время при оружии и составляющих гарнизон замка Тиллитудлем, сдать названный замок и обещаем им пощаду и свободный пропуск из крепости со всеми пожитками и имуществом. В случае непринятия этих условий защитникам грозит истребление огнем и мечом согласно с законом войны, применяемым по отношению к тем, кто отказывается капитулировать. Да защитит господь свое правое дело!

Этот документ был подписан Джоном Белфуром Берли, главнокомандующим армии ковенанта, от своего личного имени и по уполномочию остальных вождей.

Письмо майору Беллендену было от Генри Мортонa. Он писал следующее:

Боюсь, мой уважаемый друг, что сделанный мною шаг, кроме многих других печальных последствий, вызовет ваше безоговорочное и суровое осуждение. Но я принял свое решение честно и искренне и с полного одобрения моей совести. Я не могу дольше терпеть, чтобы мои права и права моих ближних попирались самым бесстыдным образом, чтобы на каждом шагу нарушали нашу свободу, чтобы нашу кровь проливали рекой безо всякого законного основания и судебного разбирательства. Само провидение через насилия угнетателей указало путь к нашему освобождению от этой невыносимой тирании, и я не могу считать достойным имени и прав свободного человека того, кто, думая так же, как я, не отдаст своего оружия в защиту нашей страны. Пусть господь бог, знающий мое сердце, будет моим свидетелем; я не разделяю диких страстей угнетенных и исстрадавшихся мучеников, совместно с которыми я теперь действую. Я убежденно и горячо жажду, чтобы это противоестественное побоище было возможно скорее пресечено благодаря совместным усилиям порядочных, благоразумных и обладающих чувством меры людей, независимо от их принадлежности к той или иной партии, и наступил мир, который, не ущемляя законных, оговоренных конституцией прав короля, мог бы обеспечить действие справедливых законов вместо царящего ныне произвола военных властей, предоставил каждому право общаться с богом в согласии с собственной совестью и угасил наконец фанатический энтузиазм этих людей посредством разумного и мягкого управления, вместо того чтобы доводить их до неистовства преследованиями и нетерпимостью.

Вы можете представить себе, как мне тягостно, держась таких взглядов, подходить с оружием к дому вашей достопочтенной родственницы, который вы, очевидно, намерены защищать. Разрешите мне попытаться вас убедить, что ваши усилия этого рода поведут лишь к напрасному кровопролитию; если наш

приступ окажется безуспешным, у нас хватит сил, чтобы обложить замок осадой и голодом вынудить его к сдаче; нам хорошо известно, что ваши продовольственные запасы невелики и вы не в состоянии выдержать длительную осаду. Мое сердце сжимается при мысли о том, сколько в этом случае вам предстоит выстрадать и на кого главным образом обрушатся эти страдания.

Не думайте, мой уважаемый друг, что я предлагаю условия, способные бросить пятно на вашу почтенную и безупречную репутацию, которой вы так заслуженно и так давно пользуетесь. Если солдаты правительственной армии, которым я берусь обеспечить свободный пропуск, будут удалены из вашего замка, от вас, поверьте, не потребуются ничего больше, кроме честного слова соблюдать нейтралитет в течение этой злосчастной войны. Кроме того, я приму необходимые меры, чтобы собственность леди Маргарет, равно как и ваша, была неприкосновенна. Обещаю вам, что в этом случае мы не введем в замок своего гарнизона. Я мог бы высказать многое в пользу этого предложения, но боюсь, что мои доводы, исходя из враждебного лагеря и от того, кто кажется вам гнусным преступником, потеряют всю свою силу. Закончу поэтому уверениями, что, каковы бы ни были отныне ваши чувства ко мне, моя благодарность и признательность за все, что вы для меня сделали, сохранятся навеки, и я буду счастливейшим человеком в мире, когда смогу представить вам доказательства этого средствами более убедительными, чем пустые слова. Следуя первому побуждению, вы, быть может, и отвергнете мои предложения, но пусть это не помешает вам вернуться к ним снова, если события сделают их более приемлемыми для вас, ибо, где бы и когда бы мне ни довелось оказать вам услугу, она неизменно доставит величайшее удовлетворение

Генри Мортону.

Прочитав это письмо с нескрываемым негодованием, майор передал его лорду Эвенделу.

— Я никогда не поверил бы этому, — сказал он, — если бы даже полчеловечества клятвенно подтвердило истинность данного сообщения! О, неблагодарный, гнусный предатель! Уравновешенный, хладнокровный предатель, в котором нет и следа фанатизма, согревающего печенку такого свихнувшегося глупца, как, например, наш приятель-парламентер. Впрочем, я должен был помнить, что Мортон — пресвитерианин; я обязан был знать, что воспитал волка, сатанинская природа которого рано или поздно, а все-таки скажется, волка, который при первой возможности меня загрызет. Явись сам святой Павел на землю и исповедуй он это пресвитерианство — через три месяца и ему не миновать стать мятежником. Это у них в крови.

— Итак, — сказал лорд Эвендел, — разумеется, я не советую вам принять их условия, но если наши запасы иссякнут и не прибудет помощь из Эдинбурга или из Глазго, я думаю, нам все же придется воспользоваться этой возможностью, чтобы переправить в безопасное место хотя бы женщин.

— Они скорее перенесут любые лишения, чем примут покровительство этого сладкогласного лицемера, — ответил гневно майор, — в противном случае я перестану считать их своими близкими и родными. Но пора отпустить достопочтенного парламентаря. Послушайте, приятель, как вас там, — продолжал он, обернувшись к лэрду Лонгкейлу, — передайте вашим вождям и всему тому сброду, который они привели с собой, что если они не слишком убеждены в исключительной крепости своих черепов, то я посоветовал бы им не тыкаться в эти старые стены. И еще вот что: пусть больше не присылают парламентарей, так как мы не замедлим повесить такого посла в воздаяние за злодейское убийство корнета Ричарда Грэма.

Вysłушав этот ответ, парламентарь возвратился к своим. Не успел он добраться до главных сил своего войска, как в толпе послышались крики и перед рядами повстанцев появился большой красный флаг, края которого были обшиты голубой каймой. И едва затрепетало на утреннем ветре широкое полотнище этого

символа враждебности и войны, как тотчас же над стенами замка взвилось старинное родовое знамя леди Маргарет и рядом с ним — королевский штандарт; в то же мгновение грянул артиллерийский залп, направленный против передних рядов повстанцев, причинивший им некоторый урон. Их вожди поспешно укрыли людей за гребнем холма.

— Полагаю, — сказал Джон Гьюдйл, заряжая свои орудия, — что для них клюв моего сокола, пожалуй, чуточку жестковат, и выходит, что мой сокол посвистывает не зря.

Впрочем, пока он это произносил, на гребне холма снова показались плотные ряды повстанцев. Они произвели общий залп по защитникам, стоявшим на укреплениях. Прикрываясь дымом от выстрелов, колонна отборных бойцов храбро устремилась вниз по дороге и, стойко выдержав убийственный огонь гарнизона, прорвалась вперед и докатилась до первой из баррикад, преграждавших проезд от большой дороги к воротам замка. Их вел сам Белфур, храбрость которого не уступала его фанатизму. Сломив сопротивление оборонявшихся, они ворвались на баррикаду и, перебив часть защитников, вынудили остальных отойти на следующий рубеж. Но меры, принятые майором, помешали им закрепить этот успех. Едва ковенантеры появились на баррикаде, как со стен замка и с укреплений, расположенных позади и господствовавших над нею, был открыт сплошной, наносивший большие потери, ружейный огонь. Не имея возможности укрыться от выстрелов или подавить ответным огнем противника, стрелявшего из-за баррикад и крепостных стен, ковенантеры отступили, снеся предварительно палисад, чтобы защитники не могли воспользоваться отвоеванной баррикадой.

Белфур ушел последним. Некоторое время он оставался на баррикаде почти один, осыпаемый градом вражеских пуль, многие из которых были направлены прямо в него, и работая топором, как простой сапер. Отступление находившегося под его начальством отряда не обошлось без тяжелых потерь и послужило

повстанцам суровым уроком, наглядно показавшим позиционные преимущества гарнизона.

Во время второго приступа ковенантеры действовали с большей осторожностью. Сильный отряд стрелков под командою Мортонa (многие из них вместе с ним недавно состязались в стрельбе по «попке») направился в лес. Скрываясь от неприятеля и избегая открытой дороги, пробираясь среди кустов и деревьев, карабкаясь по скалам, поднимавшимся с обеих сторон над дорожкой, стрелки пытались занять огневую позицию, откуда, не очень доступные вражеским выстрелам, они могли бы беспокоить с фланга защитников второй баррикады, тогда как с фронта ей угрожал новой атакой Берли. Осаждаемые поняли опасность этого обходного маневра и старались не позволить стрелкам приблизиться, открывая по ним огонь всякий раз, как они показывались в промежутках между деревьями. Атакующие, со своей стороны, продвигались к укреплениям спокойно, без суеты, но вместе с тем отважно и осмотрительно. Это в значительной мере являлось следствием смелого и разумного руководства со стороны их молодого начальника, который обнаружил много искусства, умело используя местность, чтобы защитить своих людей от вражеского огня, и, не меньше доблести, храбро наседая на неприятеля.

Он все время напоминал своим, чтобы они стреляли по возможности только по красным курткам и щадили остальных защитников замка. Особенно настойчиво увещевал он беречь жизнь майора, который, руководя боем, не раз показывался из-за укрытия и, вероятно, был бы убит, не проявляя неприятель такого великодушия. Теперь уже в любом месте скалистого холма, на котором высился замок, можно было видеть вспышки отдельных ружейных выстрелов. Стрелки настойчиво продолжали продвигаться вперед — от куста к кусту, от скалы к скале, от дерева к дереву. Преодолевая крутизну подъема, они цеплялись за ветви и обнаженные корни; им приходилось бороться с препятствиями, созданными природою, и одновременно с огнем неприятеля. Некоторым

из них удалось подняться так высоко, что они оказались выше защитников баррикады, бывших пред ними как на ладони, и оттуда стреляли по ним. Берли, воспользовавшись замешательством на баррикаде, устремился вперед, чтобы атаковать ее с фронта. Его атака была такой же яростной и отчаянной, как предыдущая, но встретила менее стойкое сопротивление, так как защитники были встревожены успехом стрелков, обошедших их с фланга. Стремясь во что бы то ни стало использовать выгоду своего положения, он с боевым топором в руке выбил отсюда солдат, овладел укреплением и, преследуя отступающих, ворвался вместе с ними на третью и последнюю баррикаду.

— Бей их, бей, истребляй врагов господина и его избранного народа! Никого не щадить! Замок в наших руках! — кричал он, воодушевляя своих бойцов; наиболее бесстрашные последовали за ним, тогда как все остальные при помощи топоров, лопат и других инструментов валили деревья и отрывали траншеи, торопясь построить прикрытие впереди второй баррикады, которое позволило бы им удержаться за собой хотя бы ее, если не удастся захватить замок приступом.

Лорд Эвендел не мог дольше сдерживать свое нетерпение. С несколькими солдатами, составлявшими резерв и находившимися во внутреннем дворе замка, он бросился вперед, навстречу штурмующим, и, хотя его рука висела на перевязи, увлек за собою людей, побуждая их словами и жестами оказать помощь товарищам. Борьба достигла теперь крайнего ожесточения. Узкая дорога была забита повстанцами, рвавшимися вперед, чтобы поддержать своих, бившихся впереди во главе с Берли. Солдаты, воодушевляемые голосом и присутствием лорда Эвендела, дрались с неукротимой яростью. Их малочисленность несколько возмещалась большей опытностью, а также тем обстоятельством, что они находились выше противника, которого, отчаянно защищаясь, они встретили пиками, алебардами, ударами ружейных прикладов и палашей. Те, что оставались на стенах замка, старались помочь товарищам, открывая огонь

по противнику всякий раз, когда они могли сделать это, не рискуя задеть своих. Те из стрелков, которые отличались особою меткостью, рассыпавшись на холме, вели прицельный огонь по защитникам, едва кто-нибудь из них показывался в просвете между зубцами стен. Замок был окутан густыми клубами дыма, скалы оглашались криками сражающихся. В этот решительный момент боя одно необыкновенное и столь же забавное происшествие едва не отдало Тиллитудлем в руки штурмующих.

Кадди Хедриг, наступавший вместе с отрядом Мортонa, был отлично знаком с каждой скалой и каждым кустом в окрестностях замка, так как не раз вместе с Дженни Деннисон собирал тут орехи. Благодаря знанию местности он опередил многих своих товарищей, подвергаясь меньшей опасности, чем они, и оказался с тремя или четырьмя последовавшими за ним стрелками значительно ближе к замку, чем все остальные. Кадди был достаточно храбрый парень, однако никоим образом не принадлежал к числу тех, кто любит опасность ради опасности или ради сопровождающей ее славы. Поэтому, продвигаясь вперед, он, как говорится, не лез на рожон, то есть не подставлял себя огню неприятеля. Напротив, он постарался отойти подальше от боевых действий и, скосив линию подъема несколько влево, двигался в этом направлении до тех пор, пока не вышел к заднему фасаду замка, где царили тишина и спокойствие, так как повстанцы штурмовали укрепления с фронта. Рассчитывая на крутизну пропасти, разверзавшейся возле стен, защитники не обратили на эту сторону никакого внимания. Но здесь было все же одно известное Кадди окно, принадлежавшее известной кладовой и находившееся на уровне известного тисового дерева, выросшего в глубокой расщелине скалы. Это была та самая лазейка, через которую Дженни Деннисон выпустила из замка Гусенка Джибби, когда он был послан в Чарнвуд с письмом от Эдит к майору Беллендену. В былое время этим путем, вероятно, пользовались и для всяких других тайных дел. Опираясь на карабин и поглядывая на

окно, Кадди обернулся к одному из своих товарищей и сказал:

— Это место я хорошо знаю; не раз помогал я Дженни Деннисон спускаться через это окошко, а то и сам, бывало, лазал сюда вечером, чтобы чуточку побаловаться, когда кончу пахать.

— А что мешает нам забраться туда и сейчас? — спросил Кадди его собеседник, смысленный и предпримчивый парень.

— Ничего не мешает, когда бы все заключалось лишь в этом, — ответил Кадди. — Ну, а потом что бы мы стали делать?

— Захватили бы замок, вот что; нас пятеро или шестеро, а тут никого — все солдаты на укреплениях у ворот.

— Раз так, то давайте, — сказал Кадди, — но только чур, чтобы ни одним пальцем не трогать ни леди Маргарет, ни мисс Эдит, ни старого майора, ни, боже упаси, Дженни Деннисон, ни одной души, кроме солдат, а тех — хотите казните, хотите милуйте, меня это не касается.

— Ладно, — ответил стрелок, — нам бы только туда попасть, а уж там мы столкнемся.

Осторожно, словно он ступал по чему-то хрупкому, Кадди без особой охоты начал подниматься по знакомой тропинке; он немного побаивался, не зная, как его встретят, а кроме того, его мучила совесть, утверждавшая, что он собирается недостойным образом отплатить за все милости и покровительство, которые когда-то ему оказывала владелица Тиллитудлема. Тем не менее он влез на дерево, а за ним один за другим и его товарищи. Небольшое окно было когда-то забрано железной решеткой, но ее уже давно разрушило время или вынули слуги, чтобы иметь удобное сообщение с внешним миром. Поэтому проникнуть в окно было бы делом несложным, если бы в этот момент в кладовой никого не было. Это-то и хотел выяснить осторожный Кадди, прежде чем сделать последний и рискованный шаг. Пока товарищи подгоняли и бранили его, а сам он медлил, вытягивая шею, чтобы заглянуть внутрь, голова его попалась

на глаза Дженни Деннисон, забравшейся в кладовую, как в наиболее безопасное место, и дожидавшейся в этом убежище исхода борьбы. Увидев эту ужасную голову и испустив пронзительный крик, она бросилась в смежную с кладовой кухню и, вне себя от страха, схватила горшок с капустной похлебкой, который до начала боя собственными руками подвесила над огнем, пообещав Тому Хеллидею приготовить для него завтрак. Вооружившись этим горшком, Дженни возвратилась к окну кладовой и, возопив: «Режут, режут! Караул! Помогите! Замок взят! Берегитесь! Вот тебе, получай!» — с диким воплем опрокинула на бедного Кадди содержимое своего кипящего горшка. И хотя в другое время и при других обстоятельствах блюдо, приготовленное руками Дженни, несомненно было бы для него лакомым яством, на этот раз оно могло бы навеки отбить у него охоту к солдатской службе, что и случилось бы, если бы в тот момент, когда Дженни плеснула в него похлебкою, он смотрел вверх. К счастью, наш вояка, услышав вопли перепуганной Дженни, не помышлял ни о чем другом, кроме поспешного отступления, и, препираясь с товарищами, мешавшими ему в этом, опустил глаза; к тому же стальная каска и куртка из буйволовой кожи, в прошлом принадлежавшие Босуэлу и оказавшиеся доспехами поразительной прочности, защитили его от большей части кипящей похлебки. Впрочем, на его долю пришлось все же достаточно; от боли и испуга он стремительно спрыгнул с дерева, опрокинув своих товарищей с явной опасностью для их рук и ног, и, не слушая доводов, уговоров и приказаний, во весь дух пустился по наиболее безопасной дороге к главным силам повстанческой армии, и ни угрозы, ни убеждения не могли заставить его повторить атаку.

Что касается Дженни, то, облив голову одного из своих воздыхателей яством, только что приготовленным ее пухлыми ручками для желудка другого, она не почилла на лаврах, а продолжала трубить сигналы тревоги, носясь по замку и перечисляя истошным голосом все те преступления, которые законники зовут уголов-

ными, а именно: убийство, поджог, похищение и грабеж. Эти ужасные крики вызвали такую тревогу и такое смятение внутри замка, что майор Белленден и лорд Эвендел, опасаясь нападения с незащищенного тыла, сочли за лучшее отвести сражавшихся у ворот и, оставив в руках повстанцев внешние укрепления, сосредоточили силы защитников в самом замке. Солдаты отступили в полном порядке, не тревожимые повстанцами, так как паника, поднятая Кадди и его товарищами, вызвала среди осаждающих почти такой же переполох, как крики Дженни у осажденных.

Ни те, ни другие до конца дня не делали больше попыток возобновить бой. Потери повстанцев были очень значительны. Исходя из тех трудностей, с которыми они столкнулись при овладении внешними, находившимися за пределами замка, позициями, они поняли, что захват его приступом — дело почти безнадежное. С другой стороны, положение осажденных было достаточно тяжелым и не предвещало ничего хорошего. В бою они потеряли двух или трех убитыми и нескольких человек ранеными, и хотя их потери были в количественном отношении значительно меньше, чем у врага, оставившего на месте два десятка убитых, все же, принимая во внимание малочисленность гарнизона, эта убыль была для них очень чувствительной; вместе с тем отчаянные атаки мятежников со всей очевидностью показали, что их вожди решили во что бы то ни стало овладеть крепостью и что боевой пыл их подчиненных отвечает этим намерениям. Впрочем, наиболее страшным врагом гарнизона был угрожавший ему в скором времени голод, неизбежный и неотвратимый, если повстанцы поведут правильную осаду. Распоряжения майора о доставке продовольствия были выполнены весьма нерадиво; к тому же драгуны, несмотря на предупреждения и запреты, истребляли провиант без зазрения совести. Поэтому майор с тяжелым сердцем приказал тщательно охранять окно, едва не открывшее мятежникам доступа в замок, и другие места, которые могли быть использованы противником для диверсии.

Глава XXVI

Король созвал
Цвет войска всей земли, ему подвластной.

«Генрих IV», ч. II

Вечером того дня, когда происходили описанные в предыдущей главе события, вожди пресвитерианского войска собрались на серьезное совещание. Они не могли не заметить, что их подчиненные несколько приуныли в связи с довольно значительными потерями, вырвавшими из их рядов, как всегда в таких случаях, наиболее решительных и отважных. Можно было опасаться, что, если они растратят свои силы и пыл на захват такой в конце концов незначительной крепости, как Тиллитудлем, их войско постепенно растает и они упустят все преимущества, которыми располагают благодаря неподготовленности правительства. Эти соображения склонили их принять план, согласно которому основные силы должны были выступить по направлению к Глазго, чтобы вытеснить из этого города солдат королевской армии. Совет поручил осуществление этого замысла Мортону и некоторым другим и назначил Берли командиром отряда из пятисот отборных бойцов, которым предстояло остаться под стенами замка, чтобы обложить его правильною осадой. Мортон был крайне недоволен своим назначением.

— Я имею веские причины личного свойства, — заявил он в совете, — быть поблизости от Тиллитудлема.

К этому он добавил, что, если бы руководство осадой было возложено на него, то он, несомненно, сумел бы добиться разумного соглашения, которое, не являясь слишком суровым для осажденных, вместе с тем полностью отвечало бы цели, поставленной осаждающими.

Берли сразу догадался, почему его молодой сотоварищ не хочет идти с главными силами. Изучая людей, с которыми имел дело, он воспользовался простой Кадди и восторженной болтливостью старой Моз,

чтобы выведать у них немаловажные сведения об отношениях между Мортонем и владельцами Тиллитудлема. Поэтому, когда Паундтекст встал, чтобы вкратце, как он заявил, высказаться по важному делу, Берли, предвидя, что это высказывание «вкратце» займет не менее часа, отвел Мортон в сторону, чтобы их не слышали остальные члены совета, и сказал ему следующее:

— Генри Мортон, ты поступаешь несправедливо; ведь ты жертвуешь нашим священным делом ради дружбы с необрезанным филистимлянином и ради влечения к моавитянке.

— Я не понимаю, что это значит, мистер Белфур, и не одобряю ваших намеков, — возмущенно ответил Мортон. — Мне непонятны к тому же причины, побуждающие вас так зло нападать на меня или пользоваться столь резкими выражениями.

— Признайся, однако, что это — правда, — продолжал Белфур, — согласишься, что в этом дьявольском замке находятся те, пещься о которых, словно мать о своих малых чадах, ты считаешь для себя более важным, чем поднять знамя шотландской церкви над выями злейших врагов ее.

— Если вы думаете, что я охотно покончил бы с этой войной, не добиваясь кровавой победы, и что я стремлюсь к этому гораздо больше, нежели к личной славе и власти, вы совершенно правы, — ответил Мортон.

— И не совсем неправ, — проговорил Берли, — полагая, что ты столь же миролюбиво настроен и по отношению к твоим друзьям в Тиллитудлеме?

— Разумеется, — отвечал Мортон, — я слишком многим обязан майору Беллендену, чтобы не оказать ему помощи в той мере, в какой это не затрагивает интересов великого дела, которому я себя отдал. Я никогда не скрывал своего уважения к этому человеку.

— Я об этом осведомлен, — заметил Берли. — Впрочем, если бы ты и тайл свои мысли, я все равно разгадал бы их. А теперь послушай, что я скажу. Этот

Майлс Белленден располагает всем необходимым по крайней мере на месяц.

— Это неверно; мы знаем, что его запасов едва ли хватит всего на неделю.

— Но у меня есть бесспорные доказательства, — возразил Берли, — что этот хитрый седовласый язычник умышленно распространял в гарнизоне разговоры такого рода, чтобы предупредить ропот солдат в связи с уменьшением их дневного пайка, и для того, чтобы задержать наше войско под стенами замка, пока не будет отточен меч, которым они собираются поразить нас насмерть.

— Почему же вы не сообщили об этом в военном совете? — спросил Мортон.

— А зачем? — сказал Белфур. — К чему открывать эту истину Тимпану, Мак-Брайеру, Паундтексту или Лонгкейлу? Тебе отлично известно, что все, о чем бы они ни узнали, на первом же собрании наших людей устами проповедников разглашается среди войска. А наши люди и без того приуныли, считая, что им придется просидеть у замка неделю. Что бы они сказали, если бы им велели готовиться к месячной осаде?

— Но почему вы скрывали это обстоятельство и от меня? И почему теперь о нем говорите? И, кроме того, каковы те доказательства, которыми вы якобы располагаете? — спросил Мортон.

— Доказательств более чем достаточно, — ответил Берли. Он вынул целую пачку требований, направленных майором Белленденом к разным лицам, с расписками на обороте, подтверждавшими получение от них известного количества скота, зерна, муки и т. д. Совокупность полученного майором продовольствия заставляла предполагать, что гарнизон хорошо обеспечен и что в ближайшем будущем ему не угрожают лишения. Берли утаил, впрочем, от Мортоня одну чрезвычайно существенную подробность, о которой сам, однако, был отлично осведомлен, а именно, что большая часть перечисленных в расписках съестных припасов не была доставлена в замок из-за жадности посланных для их сбора драгун, охотно распродавав-

ших каждому, кто пожелает, то, что им удалось отобрать у другого, бесстыдно злоупотребляя требованиями майора, — совсем как сэр Джон Фальстаф, торговавший рекрутами короля.

— А теперь, — продолжал Белфур, заметив, что произвел нужное впечатление, — мне остается сказать, что упомянутое тобой обстоятельство я скрывал от тебя не дольше, чем от себя самого, так как эти бумаги попали ко мне только нынешним утром. Сообщая тебе об этом, чтобы ты с ликованием в сердце выступил в путь и охотно делал то великое дело, которое ждет тебя в Глазго, зная, что твоим друзьям в стане язычников не угрожает ничего страшного, раз в крепости есть продовольствие, а моих сил хватит только на то, чтобы препятствовать вылазкам, но не больше.

— Но почему, — продолжал Мортон, никак не желавший сдаться на убеждения Белфура, — почему вы не хотите оставить меня с меньшим отрядом и отправиться с главными силами в Глазго? Ведь это несравненно более почетное назначение.

— Именно поэтому, молодой человек, — ответил Берли, — я и хлопотал, чтобы его получил сын Сайлеса Мортон. Я старею; для этой седой головы довольно того почета, который можно снискать среди опасностей. Я говорю не о пустой тщете, которую люди зовут земной славой, я говорю о почете, окружающем тех, кто старательно делает свое дело. Но твое жизненное поприще только начинается. Ты обязан оправдать высокое доверие, которое тебе оказали после моего поручительства в том, что ты, безусловно, его заслужишь. Под Лоудон-хиллом ты был узником Клеверхауза; во время последнего приступа на твою долю выпало сражаться из-за укрытия, тогда как я вел лобовую атаку, и моя задача была много опаснее, чем твоя. И если ты останешься под этими стенами, когда в любом другом месте нужно действовать со всею решительностью, люди, поверь мне, начнут говорить, что сын Сайлеса Мортон сошел со стези своего доблестного отца.

На последние слова Берли Мортону как солдату и дворянину нечего было ответить, и он поспешно согласился принять предложенное ему назначение. Впрочем, он не мог отделаться от недоверия, которое невольно испытывал к человеку, снабдившему его этими сведениями.

— Мистер Белфур, — сказал он, — между нами должна быть полная ясность. Вы сочли нужным обратиться самое пристальное внимание на мои личные дела и привязанности; убедительно прошу вас поверить, что в них мне свойственно такое же постоянство, как и в моих политических убеждениях. Возможно, что в мое отсутствие в вашей власти будет внести успокоение в мою душу или, напротив, оскорбить мои лучшие чувства. Имейте в виду, что, как бы это ни отразилось на нашем деле, моя вечная благодарность или упорная ненависть будут ответом на ваш образ действий. Несмотря на мою молодость и неопытность, я, несомненно, смогу отыскать друзей, которые мне обеспечат возможность выразить вам мои чувства и в том и в другом случае.

— Если в это заявление вы вкладываете угрозу, — холодно и надменно ответил Берли, — то было бы лучше, если бы вы обошлись без него. Я умею ценить расположение друзей и презираю до глубины души угрозы врагов. Но я не хочу ссориться с вами. Что бы здесь ни случилось в ваше отсутствие, я буду руководствоваться вашими пожеланиями, насколько позволит мне долг, которому я обязан подчиняться прежде всего.

Мортон вынужден был удовольствоваться этим уклончивым обещанием.

«Если нас разобьют, — думал он, — то это спасет защитников крепости прежде, чем они будут вынуждены капитулировать; если победим мы, то, судя по численности сторонников умеренной партии, в вопросе о том, как воспользоваться плодами победы, со мною будут считаться не меньше, чем с Белфуром Берли».

И он пошел за Белфуром в военный совет, где Тимпан заканчивал свою речь, разъясняя практиче-

ское применение всего сказанного им раньше. Когда он наконец сел, Мортон заявил о своем согласии идти с главными силами, чтобы выбить правительственные войска из Глазго. Были произведены и другие назначения на командные должности; затем последовали пылкие увещания со стороны присутствовавших на заседании проповедников, обращенные к вновь назначенным. На следующее утро, едва начало рассветать, войско повстанцев покинуло лагерь и выступило по направлению к Глазго.

Мы отнюдь не намерены входить в подробности и останавливаться на всех событиях, описание которых можно найти в любой истории того времени. Достаточно сообщить, что Клеверхауз и лорд Росс, узнав о наступлении превосходящих сил неприятеля, окопались или, лучше сказать, забаррикадировались в центре города, в районе ратуши и старой тюрьмы, предпочитая принять на себя удар атакующих, чем покинуть столицу западной части Шотландии. Пресвитериане, наступая на Глазго, разделились на две колонны: одна из них проникла в город на линии Коллегия — кафедральный собор, тогда как другая вошла в него через Гэллоугейт, то есть тем путем, каким сюда попадают прибывающие с юго-востока. Обе колонны находились под командой решительных и отважных людей. Но выгодная позиция и боевая опытность неприятеля оказались непреодолимыми для их беззаветно храбрых, но необученных и недисциплинированных бойцов.

Росс и Клеверхауз в соответствии с тщательно обдуманном планом разместили своих солдат в домах, на перекрестках или у входа в проулки, как их здесь называют, а кроме того — за высокими брустверами на баррикадах, которыми были перегорожены многие улицы.

Ряды атакующих редели от огня невидимого противника, которому они не могли надлежащим образом отвечать. Тщетно Мортон и другие вожди, показывая пример исключительной храбрости, пытались вызвать врага на открытую схватку; их подчиненные дрогнули и начали разбегаться в разные стороны.

И хотя Генри Мортон стходил одним из последних, командуя арьергардом, поддерживая порядок среди отступающих и предупреждая попытки неприятеля воспользоваться преимуществами, связанными с успешным отражением ими атаки повстанцев, все же он с болью в сердце слышал, как его же бойцы говорили: «А все из-за чрезмерного доверия к этим мальчишкам-раскольникам; если бы честный и преданный нашему делу Берли повел нас в атаку, как тогда в Тиллитуд-леме, дело обернулось бы совсем по-другому».

Слушая эти толки, исходившие к тому же от тех, кто первым проявил признаки малодушия, Мортон проникся величайшим негодованием. Несправедливые обвинения удвоили его пыл; он понял, что, включившись в эту борьбу не на жизнь, а на смерть, он должен или победить, или погибнуть на поле брани.

«Отступление для меня невозможно, — сказал он себе, — пусть все признают — даже майор Белленден, даже Эдит, — что мятежник Мортон по крайней мере не посрамил славы своего отца».

Неудачный приступ внес такое расстройство в ряды повстанцев и настолько расшатал дисциплину, что их начальники сочли нужным отвести войско на несколько миль от города, с тем чтобы выиграть время и привести свои части, насколько удастся, в порядок. Между тем продолжало прибывать пополнение; сознание, что жребий брошен и отступление невозможно, а также победа под Лоудон-хиллом определяли их настроение в большей степени, чем неудача под Глазго. Многие из вновь прибывших присоединились к отряду Мортонa. Впрочем, он с горечью видел, что неприязнь к нему наиболее непримиримых среди ковенантеров неуклонно и быстро растет. Благоразумие не по летам, которое он проявлял, наводя дисциплину и порядок среди своих подчиненных, они объясняли чрезмерным упованием на земное оружие, а его явная терпимость к религиозным взглядам и обрядам, отличавшимся от его собственных, доставила ему совершенно несправедливо прозвище Галлиона, который, как известно, проявлял полнейшее безразличие ко всему этому. Но самым худшим было то, что масса

повстанцев, всегда готовая превозносить тех, кто проповедует крайние политические или религиозные взгляды, и, напротив, недовольная теми, кто старается надеть на нее ярмо дисциплины, открыто предпочитала более ревностных к вере вождей, в чьих отрядах энтузиазм в борьбе за правое дело заменял отсутствующий порядок и воинскую субординацию, и всячески уклонялась от стеснений, которыми Мортон пытался ограничить ее своеволие. Словом, неся на себе основное бремя командования (так как другие вожди охотно уступали ему все хлопотливое и чреватое неприятностями), он не располагал должным авторитетом, который один только и мог бы обеспечить действенность проводимых им мер.¹

И все же, несмотря на эти препятствия, за какие-нибудь несколько дней, путем невероятных усилий, он сумел внести в армию хоть какую-то дисциплину и потому считал, что может решиться на повторный штурм Глазго с твердою надеждою на успех.

Конечно, одной из причин, побуждавших его к столь лихорадочной деятельности, было желание померяться силами с полковником Клеверхаузом, из-за которого ему пришлось столько перенести. Клеверхауз, однако, не дал осуществиться его надеждам;

¹ Эти ссоры и споры, которые дробили и без того небольшое войско повстанцев, происходили главным образом из разногласий по вопросу о том, следует ли считаться с интересами короля и признавать королевскую власть или нет, а также, должны ли те, кто взялся за оружие, удовлетворяться свободным исповеданием своей веры или настаивать на восстановлении совета старейшин в качестве верховной церковной власти, стоящей над всеми другими религиозными толками. Несколько мелких землевладельцев, примкнувших к восстанию вместе с наиболее благоразумными из духовенства, считали необходимым ограничить свои требования и добиваться возможного. Однако тех, кто ставил себе эти умеренные и разумные цели, наиболее ревностные фанатики окрестили эрастианскою партией, то есть людьми, которые с готовностью подчинили бы церковь светским властям; на этом основании они называли их также «западнее в Массифе и сетью, раскинутой на Фаворе». См.: «Life of sir Robert Hamilton» («Жизнь сэра Роберта Гамильтона») в «Scottish Worthies» («Пастыри шотландской церкви»), а также его рассказ о битве у Боуэл-бриджа. (Прим. автора.)

отбив первый приступ и отбросив противника, он удовлетворил свое самолюбие и решил, что не станет дожидаться со своей горстью солдат второй атаки мятежников, которая будет предпринята более многочисленными и более дисциплинированными силами. Он покинул город и направился во главе правительственных войск в Эдинбург. Повстанцы следом за ним, не встретив сопротивления, вошли в Глазго, и Мортон не смог лично встретиться с Клеверхаузом, чего так страстно желал. И хотя ему не удалось смыть то бесчестие, которое выпало на долю находившегося под его начальством отряда, все же уход Клеверхауза и овладение Глазго подняли дух мятежников, и их численность значительно возросла. Нужно было назначить новых офицеров, сформировать новые полки и эскадроны, ознакомить их с основами военного дела. Все это с общего согласия было поручено Генри Мортону. Он охотно принял на себя эти обязанности, тем более что отец познакомил его с теорией военного искусства; к тому же он был глубоко убежден, что, если бы он не взялся за этот неблагодарный, но совершенно необходимый труд, никто другой никогда бы не взял его на себя.

Между тем судьба как будто благоприятствовала восставшим, и их успехи превосходили самые смелые упования. Тайный совет Шотландии, ошеломленный размерами сопротивления, порожденного его произволом, совершенно оцепенел от страха и был не способен предпринять решительные шаги, чтобы успокоить им самим вызванные волнения. К тому же численность войск, находившихся в то время в Шотландии, была крайне невелика; все они были стянуты к Эдинбургу, и на эту армию возлагалась задача оборонять столицу. Во многих графствах феодальному ополчению королевских вассалов было приказано выступить в поход и заплатить королю военную службу за предоставленные им земли. Однако начинающаяся война не пользовалась популярностью среди джентри, и даже те, кто был не прочь взять в руки оружие, уклонялись от этого по настоянию жен, матерей и сестер,

старавшихся удержать их от участия в боевых действиях.

Неспособность шотландских властей защитить себя собственными силами и тем более подавить восстание, вначале представлявшееся незначительным, породила при английском дворе сомнения, с одной стороны, в талантах правителей этой страны и с другой — в благоразумии тех чрезмерно суровых мер, которые они применяли по отношению к пресвитерианам. Поэтому было решено назначить главнокомандующим действующей в Шотландии армии несчастного герцога Монмута, который, получив за женою значительные поместья в южной части этого королевства и располагая здесь обширными связями, был кровно заинтересован в шотландских делах. Военные способности, проявленные им при различных обстоятельствах за время службы на континенте, были сочтены более чем достаточными для подавления мятежников вооруженной рукой; вместе с тем ожидали, что его мягкий характер и благожелательное отношение к пресвитерианам могут успокоительно подействовать на умы и склонят их к примирению с государственной властью. В силу этих соображений герцог был снабжен широкими полномочиями и выступил из Лондона во главе крупного вспомогательного отряда, чтобы принять на себя главное командование всеми находящимися в Шотландии вооруженными силами и привести в порядок ее расстроенные дела.

Глава XXVII

Путь держу я в Босуэл-хилл,
Чтобы там победить или пасть.

Старинная баллада

Теперь в военных действиях наступило затишье. Преградив мятежникам путь к столице, правительство вынуждено было, по-видимому, этим довольствоваться, тогда как повстанцы усиленно занимались наращиванием и укреплением своих сил. Для этой цели они создали своего рода лагерь, расположив его в парке

герцогской резиденции в Гамильтоне. Этот лагерь, ставший сборным пунктом для стекавшихся пополнений, был защищен от внезапной атаки Клайдом, глубокой и быстрой рекой, через которую можно было переправиться только по длинному и узкому мосту, находившемуся близ замка и деревни, носивших название Босуэл.

Тут, уйдя с головою в работу, Мортон провел около двух недель после взятия Глазго. За это время он успел получить несколько записок от Берли, в которых содержалось, однако, лишь краткое сообщение, что Тиллитудлем все еще держится. Мучимый неопределенностью и стремясь узнать подробнее об этом столь важном для него деле, он наконец объявил своим сотоварищам — членам совета — о желании или, вернее, намерении — ибо он не видел, почему бы ему не воспользоваться той вольностью, которую позволял себе всякий в этой беспорядочной армии — съездить в Милнвуд для устройства кое-каких весьма существенных личных дел. Заявление Мортон было встречено неодобрительно, так как военный совет, высоко ценя его деятельность и сознавая, что заменить его некем, не желал отпускать его. Впрочем, члены совета, не считая возможным связывать его правилами, более суровыми, нежели те, которыми были связаны они сами, предоставили ему, скрепя сердце, однако без возражений, кратковременный отпуск. Воспользовался удобным случаем побывать у себя в усадьбе, расположенной недалеко от Милнвуда, и достопочтенный мистер Паундтекст, удостоивший Мортон своим обществом на время этой поездки. Поскольку окрестные жители, в общем, сочувствовали делу повстанцев и вся округа, за исключением разбросанных кое-где старых гнезд, в которых засели бароны — приверженцы короля, находилась под наблюдением их отрядов, они взяли с собою только одного Кадди.

Лишь на закате добрались они до Милнвуда, где Паундтекст, распрощавшись с попутчиками, направился в одиночестве к своему дому, находившемуся в полумиле от Тиллитудлема. Какое смятение чувств

должен был испытать Мортон, оставшись наедине сам с собою, когда снова увидел леса, холмы и поля, такие знакомые, такие близкие его сердцу! Его характер, образ жизни, мысли, занятия — все изменилось, все стало неузнаваемым за какие-нибудь две с лишним недели; и двадцать дней произвели в нем работу, на которую обычно уходят долгие годы. Кроткий, романтичный, мягкосердечный юноша, воспитанный в строгости, терпеливо сносивший деспотизм скаредного и властолюбивого дяди, внезапно, из протеста перед насилием, подстегиваемый оскорбленным чувством, превратился в вождя вооруженных людей, отдался служению обществу, приобрел друзей, которых воодушевлял на борьбу, и врагов, с которыми дрался, и неразрывно связал свою собственную судьбу с судьбою национального восстания и революции. За этот короткий срок он пережил переход от романтических грез юношеской поры к трудам и заботам деятельного мужчины. Все, что когда-то его увлекало, выветрилось из его памяти — все, кроме нежной привязанности к Эдит. Но даже любовь, которую он лелеял, и та, казалось, стала более мужественной и более бескорыстной, так как теперь она сочеталась и вступала в противоречие с новыми для него обязанностями и чувствами. Размышляя об особенностях происшедшей с ним перемены, о причинах, ее породивших, и о последствиях, к которым может повести его нынешняя деятельность, он содрогнулся от вполне понятной тревоги, но тотчас же поборол ее благородной и мужественной уверенностью в своей правоте.

«Если мне суждено погибнуть, — сказал он себе, — то я погибну совсем молодым. Те, чье одобрение мне дороже всего, не поняли моих побуждений, осудили мои поступки. Но я взялся за меч из любви к свободе, и я не умру презренною смертью или неотомщенным. Они могут выставить на позор мой труп, они могут надругаться над ним, но придет день, когда позорный приговор обратится на тех, кто ныне его произносит. И пусть небо, чьим именем так часто злоупотребляют в этой безумной войне, засвидетельствует чистоту побуждений, которыми я руководствовался».

Приехав в Миллвуд, Генри спешил к дому, постучал в дверь; на этот раз его стук отнюдь не говорил о робости юноши, вернувшегося домой позже должного времени; нет, он стучал уверенно, как мужчина, не сомневающийся в своих правах и отвечающий за свои действия, — он стучал смело, решительно, независимо. Дверь осторожно приотворилась, и показалась миссис Элисон Уилсон, тотчас отпрянувшая назад при виде стального шлема и трепещущего плюмажа ее воинственного гостя.

— Где дядя, Элисон? — спросил Мортон, улыбаясь ее испугу.

— Господи боже, никак мистер Гарри! Вы ли это? — заторопилась старая домоправительница. — Сказать по правде, мое сердце заколотилось как бешеное, и я думала, что оно выпрыгнет, и все из-за вас. Но только как же так, мистер Гарри, это все же не вы; вы теперь как-то мужественнее и выше, чем прежде.

— И все-таки это я, — сказал Генри, вздыхая и улыбаясь одновременно. — Это одежда, наверно, делает меня выше, а эти времена, Эли, и мальчиков превращают в мужчин.

— Да, времена тяжелые, — отозвалась старая женщина. — И почему на вас свалилась эта напасть! Но тут ничем не поможешь! С вами не очень-то хорошо обращались, и я не раз говаривала вашему дяде: наступи на червяка, и тот начнет извиваться.

— Вы всегда были моею заступницей, Эли, — сказал Мортон, и домоправительница отнеслась совершенно спокойно к этому фамильярному обращению, — вы никому, кроме себя самой, не позволяли меня бранить, я в этом уверен. Но где же дядя?

— В Эдинбурге, — ответила Элисон. — Почтенный джентльмен предпочел уехать да посиживать у камелька, пока в нем теплится огонек. Беспокойный он человек и всегда чего-то боится, — да вы знаете не хуже моего, каков наш хозяин.

— Он, надеюсь, здоров? — спросил Мортон.

— Нельзя пожаловаться, — ответила домоправительница, да и с добром пока что благополучно; уж мы изворачивались, как только могли, и хотя солдаты

из Тиллитудлема отобрали у нас корову — ту самую, красную, и еще старую Хекки (вы помните, конечно, обеих), но зато и продали нам задешево четырех — тех, что гнали в тиллитудлемский замок.

— Продали? — переспросил Мортон. — Как это продали?

— А так, что их послали собирать продовольствие для гарнизона, — ответила домоправительница, — вот они и взялись за старое дело, разъезжая по всей округе да меняя и продавая, что успели собрать, совсем как гуртовщики в западных округах. Я уверена, что майору Беллендену досталась самая малость, хотя они всюду забирали от его имени.

— В таком случае, — торопливо проговорил Мортон, — гарнизон, вероятно, терпит лишения?

— Конечно, терпит, — ответила Эли, — в этом можно не сомневаться.

Неожиданная мысль озарила Мортон: «Берли сознательно меня обманул; его религия так же допускает коварство, как оправдывает жестокость».

— Я не могу оставаться, миссис Уилсон, я должен немедленно ехать.

— Как же так? А перекусить? Погодите немножко, — захлопотала встревоженная домоправительница, — я мигом что-нибудь соберу, как делала это для вас в лучшие дни.

— Не могу, Элисон, — сказал Мортон. — Кадди, готовь коней.

— А я им только что засыпал зерна, — ответил преданный ординарец.

— Кадди! — воскликнула Эли. — Да что вы тащите за собой этого злосчастного парня? Это он со своей полоумной мамашей принесли несчастье нашему дому.

— Потише, потише, — заметил Кадди. — А вам пора бы позабыть да простить, миссис Элисон. Матушка моя в Глазго, у моей тетушки, ее старшей сестры, и никогда больше не станет вам докучать; а я теперь слуга самого начальника и забочусь о нем лучше, чем делали это вы сами; видали ли вы его когда-нибудь в таком красивом наряде?

— Что правда, то правда, — сказала домохозяйница, разглядывая с видимым удовольствием своего молодого хозяина и находя, что его новый костюм ему очень к лицу, — у вас, пока вы жили в Милнвуде, не было этого расшитого галстука. Я его никогда не видала.

— Еще бы, миссис, — заявил Кадди, — когда я добыл его собственной рукой: он из вещей лорда Эвендела.

— Лорда Эвендела, — повторила старуха, — это его, кажется, виги собираются завтра утром повесить.

— Виги собираются повесить лорда Эвендела? — переспросил пораженный Мортон.

— Да, собираются, — подтвердила домохозяйница. — В ночь на вчера он сделал вылазку, или салиду, как это зовется на их языке (мою мать звали Салли; не возьму в толк, к чему давать христианские имена таким нехристианским делам). И, когда он вышел из Тиллитудлема, чтобы раздобыть немного еды, его людей прогнали назад, а самого захватили, и начальник вигов Белфур поставил для него виселицу и поклялся (или торжественно объявил, потому что они не хотят произносить клятву), что, если гарнизон замка не сдастся к завтрашнему рассвету, они вздернут молодого лорда, беднягу, на такую же высоту, на какой некогда был повешен Аман. Да, тяжелые теперь времена! Но тут ничего не поделаешь; а потому садитесь-ка да покушайте хлеба с сыром, пока не будет готово что-нибудь лучшее. Я бы вам и вовсе не рассказывала про это, если бы знала, что отобью охоту к обеду, медовый вы мой.

— Сейчас же седлать коней, Кадди, все равно сыты они или нет. Нам нельзя отдыхать, пока мы не доберемся до замка.

И, несмотря на уговоры Эли, они тотчас тронулись в путь.

Мортон решил заехать к мистеру Паундтексту и убедить его отправиться вместе с ним в лагерь Берли. Почтенный священник в соответствии со своими миролюбивыми склонностями успел уже устроиться по домашнему. Он сидел за столом, углубившись в ста-

ринный богословский трактат; во рту у него была трубка, а перед ним — кружка эля, чтобы лучше переваривать содержание книги. С большой неохотой оторвался он от милых его сердцу утех (которые он называл своими занятиями), чтобы снова пуститься в дорогу на тряской лошадке. Все же, узнав в чем дело и тяжело вздохнув, он распрощался с надеждой провести вечер в своем тихом маленьком кабинете. Он полностью согласился с Мортонем, что если Берли, казнив лорда Эвендела, хочет углубить разрыв между пресвитерианами и правительством и сделать соглашение между ними окончательно невозможным, то умеренная партия никоим образом не может допустить это злодейство. Мы воздадим ему только должное, если добавим, что он, как и большинство его единоверцев, был противником ненужного кровопролития. К тому же он с полным сочувствием отнесся к мысли Мортонна, что лорд Эвендел может стать посредником в переговорах о мире на умеренных и почетных условиях. Договорившись обо всем этом, они поторопились выехать в лагерь и около одиннадцати часов вечера прибыли в небольшую деревушку близ Тиллитудлема, которую Берли избрал местопребыванием своей штаб-квартиры.

Их окликнул часовой, меланхолично расхаживавший взад и вперед перед въездом в деревню; спросив их имена и занимаемые в повстанческой войске должности, он молча пропустил их в деревню. Перед одним из домов они заметили еще одного часового; они предположили, что именно здесь заключен лорд Эвендел, так как напротив была воздвигнута виселица такой высоты, чтобы ее можно было видеть со стен Тиллитудлема; это подтверждало печальные новости миссис Уилсон.¹ Мортон пожелал немедленно встретиться

¹ Камеронцы подвергались жестоким преследованиям, но это не научило их сострадательности. Как сообщает капитан Крайг, они воздвигли в своем лагере огромную виселицу с несколькими крючками и сложили возле нее целую бухту новых канатов, чтобы вешать захваченных в плен роялистов. Гилл в своей «*Belium Bothuellianum*» («Босуэлльская битва») дает подробное описание этого сооружения. (Прим. автора.)

с Берли, и их проводили к нему на квартиру. Они за-
стали его за чтением библии; рядом с ним лежало его
оружие, которое он всегда держал наготове. Заметив
входивших, он вздрогнул и вскочил на ноги.

— Что привело вас сюда? — спросил торопливо
Берли. — Или дурные вести из армии?

— Нет, — ответил Мортон, — но, сколько мы зна-
ем, здесь готовятся кое-какие события, от которых в
очень большой мере зависит благополучие армии; вы
захватили в плен лорда Эвендела?

— Господь, — сказал Берли, — отдал его в наши
руки.

— И вы хотите воспользоваться успехом, даро-
ванным вам небесами, чтобы, подвергнув пленника
незаслуженной казни, очернить наше дело перед всем
миром?

— Если Тиллитудлем на рассвете не сдастся, —
ответил Берли, — лорд Эвендел умрет той самую
смертью, которой его начальник и покровитель предал
столько божьих страдальцев. И пусть со мной слу-
чится то же и даже худшее, если я не выполню этого.

— Мы взяли за оружие, — ответил Мортон, —
чтобы положить конец этим жестокостям, а не для
того, чтобы подражать нашим гонителям и карать
невинных людей за преступления тех, кто в них пови-
нен. Какими законами сможете вы оправдать это
зверство?

— Если ты в этом несведущ, — ответил Берли, —
то твой товарищ и спутник хорошо знает закон, пре-
давший жителей Иерихона мечу Иисуса, сына Нави-
нова.

— Однако, — ответил священник, — мы живем, ру-
ководствуясь высшим законом, и этот закон велит
добром воздавать за зло и молиться за тех, кто при-
тесняет и преследует нас.

— Значит ли это, что ты объединяешь свои се-
дины с его зеленою юностью, чтобы перечить мне в
этом?

— Мы двое из тех, — возразил Паундтекст, — ко-
торым вместе с тобой вручена власть над этою ра-
тью, и мы не допустим, чтобы хоть один волос упал

с головы пленного. Кто знает, не назначено ли ему господом способствовать прекращению этих злосчастных раздоров в нашем Израиле.

— Я это предвидел, — ответил Берли, — еще тогда, когда такого, как ты, избрали в совет старейшин.

— Такого, как я? — повторил Паундтекст. — Кто же я, что вы позволяете себе отзывать обо мне с подобным презрением? Не охранял ли я от волков на протяжении тридцати лет доверенных мне овец? И даже тогда, когда ты, Джон Белфур, сражался на стороне необрезанных и сам был филистимлянином с надменным челом и залитыми кровью руками! Кто же я, по-твоему, говори!

— Раз ты этого хочешь, я тебе скажу, кто ты, — ответил на это Берли. — Ты один из тех, кто хотел бы пожинать там, где не сеял, и принимать участие в разделе добычи, хотя бились и победили другие; ты один из тех, кто последовал за словом божьим ради рыб и хлебов, один из тех, кто любит дом свой больше, чем церковь господню, кто готов скорее брать мзду из рук прелатов или язычников, чем разделить судьбу с теми благородными душами, которые отреклись от всего ради священного ковенанта.

— И я также тебе скажу, Джон Белфур, — воскликнул в порыве справедливого негодования Паундтекст, — я также скажу, кто ты. Ты один из тех, чьи кровожадность и бессердечие ложатся пятном на церковь этого несчастного королевства; злодейства и насилия могут отвратить от нас провидение и сделать безуспешными наши возвышенные усилия вернуть себе религиозную и гражданскую свободу.

— Господа, — сказал Мортон, — прекратите эту злобную и ненужную перебранку; мистер Белфур, сообразовалите ответить, будете ли вы возражать против освобождения лорда Эвендела, которое при настоящем положении дел представляется нам желательной и полезной мерой?

— Здесь два ваших голоса против моего одного, — ответил на это Берли, — но вы не откажетесь подождать, пока совет в полном составе разберет это дело?

— Мы бы этому не противились, — сказал Мортон, — если бы могли положиться на тех, на кого оставляем пленника. Вам отлично известно, — продолжал он, угрюмо взглянув на Берли, — что однажды вы уже меня обманули.

— Вот как! — презрительно бросил Берли. — Ты легкомысленный и вздорный мальчишка; ты готов отдать за черные брови глупой девчонки и свою веру, и свою честь, и дело господ бога, и благо отчизны!

— Мистер Белфур, — сказал Мортон, положив руку на эфес шпаги, — за подобные речи полагается отвечать.

— И я готов это сделать, юноша, где и когда ты на это отважишься, — ответил Берли, — слово мое в том порукою.

Тут наступила очередь Паундтекста напомнить, что ссориться в такое время — безумие, и он добился, правда не без труда, подобия примирения между ними.

— Что касается пленного, — сказал Берли, — поступайте с ним как вам угодно. Я умываю руки и снимаю с себя ответственность за последствия. Он мой пленник, он захвачен моим мечом и копьем в то время, когда вы, мистер Мортон, занимались парадами и муштрою, а вы, мистер Паундтекст, искажали писание в духе эрастианства. И все-таки берите его на свое попечение и делайте с ним что хотите. Дингуолл! — крикнул он, вызывая одного из повстанцев, бывшего при нем чем-то вроде адъютанта и спавшего в комнате рядом. — Пусть охрана, приставленная к этому негодяю Эвенделу, сдаст свой пост часовым, которых мистер Мортон назначит на смену. Пленный, — продолжал он, снова обращаясь к Паундтексту и Мортону, — в вашем распоряжении, господа. Но прошу помнить, что за ваши дела вам рано или поздно придется ответить.

Произнеся эти слова, он твердыми, большими шагами вышел в соседнюю комнату, сочтя излишним пожелать своим посетителям доброй ночи. Мортон и Паундтекст, посоветовавшись, решили ради безопасности пленного приставить к нему дополнительную охрану из людей их прихода. Случилось, что в дере-

вушке был размещен в это время отряд, набранный из прихожан Паундтекста и временно отданный под начальство Берли (их оставили поближе к домам в награду за храбрость, проявленную при штурме старого замка). Живые, предприимчивые молодые ребята, они получили от товарищей прозвище милнвудских стрелков. По указанию Мортон четверо из них охотно приняли на себя обязанности часовых; он оставил вместе с ними и Кадди, на верность которого мог положиться, приказав немедленно его известить, если случится что-нибудь неожиданное.

Покончив с этим, Мортон и его спутник отправились ночевать в предоставленные им жалкие комнатухи, но в этой переполненной и нищей деревне нужно было радоваться и такому ночлегу. Прежде чем разойтись, они набросали памятную записку, в которой изложили жалобы умеренных пресвитериан; в заключение они требовали свободы исповедания их религии и чтобы им было позволено беспрепятственно посещать богослужения, отправляемые духовными лицами из числа их самих. Их петиция настаивала на созыве всеобщего парламента для устройства церковных и государственных дел и для подтверждения бесстыдно попиравшихся до этого времени прав гражданина, а также на амнистии для всех тех, кто с оружием в руках отстаивал или отстаивает эти права. Мортон рассчитывал, что эти условия, свободные от фанатизма и нетерпимости и содержащие в себе только то, к чему стремились наиболее умеренные среди повстанцев, могут встретить сторонников даже в среде роялистов, поскольку дело идет исключительно об обычных и давних правах свободных граждан Шотландии.

Мортон тем более надеялся на успех, что герцог Монмут, которому Карл поручил подавить восстание, был, как говорили, человек мягкий, спокойный и снисходительный; говорили также, что он благожелательно относится к пресвитерианам и обладает широкими полномочиями принимать меры для умиротворения Шотландии. Мортон считал, что можно будет добиться его благосклонности только в том случае,

если будет найдено подходящее и уважаемое лицо, которое сможет положить начало переговорам; и он полагал, что таким лицом может быть лорд Эвендел. Поэтому он решил посетить пленного завтра с утра и выяснить, возьмет ли он на себя роль посредника.

Однако, одно происшествие заставило его поспешить.

Глава XXVIII

«Отдайте ваш замо́к, — сказал он, — миледи,
Отдайте ваш замок мне».

«Эдом из Гордона»

Мортон еще раз просмотрел и набело переписал составленную им и Паундтекстом бумагу с подробным изложением причин недовольства умеренных пресвитериан и условий, на которых бо́льшая часть повстанцев согласится сложить оружие. Он уже собрался ложиться, как в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Мортон, и круглая голова Кадди Хедрига просунулась в комнату. — Войди, — повторил Мортон, — в чем дело, Кадди? Или что-нибудь приключилось?

— Нет, сэ́р, тут хотят с вами поговорить.

— Кто это, Кадди? — спросил Мортон.

— Это старая ваша знакомая, — сказал Кадди и, открыв дверь, не то ввел, не то втащил женщину, лицо которой было закрыто пледом.

— Входи, входи, не робей перед старым знакомым, Дженни, — говорил Кадди, стаскивая с ее головы покрывало и открывая взору своего хозяина хорошо знакомое ему личико Дженни Деннисон. — Скажи его милости, Дженни, — он у нас славный парень! — скажи ему, сударыня, что ты хотела передать лорду Эвенделу.

— А что я хотела передать его милости мистеру Генри, — сказала Дженни, — когда как-то посетила его в заключении, дурень ты этакий. Ты думаешь, что люди не хотят видеть своих друзей, когда они попали в беду? Эх ты, верный рыцарь похлебки!

Дженни отвечала Кадди с обычною бойкостью, но все же голос ее прерывался, щеки ввалились и побледнели, на глазах были слезы, руки дрожали, движения были робкими и неуверенными, и все в ней говорило о недавних страданиях и лишениях и о том, что она находится в сильном, почти истерическом возбуждении.

— В чем дело, Дженни? — мягко и ласково спросил Мортон. — Вы ведь знаете, сколь многим я вам обязан, и я сделаю для вас все, что смогу.

— Премного вам благодарна, Милнвуд, — ответила Дженни, — вы всегда были добрым молодым человеком, хотя говорят, что теперь вы изменились к худшему.

— Что же говорят обо мне? — спросил ее Мортон.

— Одни говорят, что вы вместе с вигами хотите спихнуть короля Карла с трона, чтобы ни он, ни его потомки не сели бы на него снова; а Джон Гьюдйл болтает, что вы хотите отдать органы, которые в церкви, волынщикам, и еще будто намерены сжечь рукой палача наш молитвенник в отместку за то, что король, возвратившись, сжег ковенант.

— Мои друзья в Тиллитудлеме судят обо мне слишком поспешно и слишком враждебно, — ответил Мортон. — А между тем, Дженни, я хочу лишь свободно исповедовать мою веру, не оскорбляя ничьей; что касается семейства Белленден, то я жажду благоприятного случая, чтобы доказать, что я так же дружески расположен к нему, как прежде.

— Да благословит вас бог за ваше доброе сердце и за эти слова, — сказала Дженни, заливаясь слезами, — они еще никогда так не нуждались в вашей привязанности и дружбе... Они умирают с голоду: у нас нечего есть.

— Боже милостивый! — воскликнул Мортон. — Я слышал, что вам приходится трудно, но мне и в голову не приходило, что вы голодаете. Возможно ли это? Неужели обе леди, а также майор...

— Они так же страдают, как самый последний из нас, — ответила Дженни, — ведь они делятся

последнею крошкой хлеба и едят вместе совсеми, кто в замке; честное слово, мои бедные глаза видят раз-раз по крайней мере пятьдесят пятен разного цвета, и все это от слабости, а голова идет кругом, так что я не могу устоять на ногах.

Впалые щеки бедной Дженни и заострившиеся черты ее личика свидетельствовали о том, что она говорила сущую правду. Мортон был потрясен.

— Садитесь же, ради бога! — сказал он, усаживая ее насильно на единственный стул, имевшийся в помещении. Не находя себе места, в нетерпении и отчаянии он принялся ходить взад и вперед по комнате. — Но я ничего не знал! — воскликнул он прерывающимся от волнения голосом, — я и не мог об этом узнать. О хладнокровный, жестокосердый фанатик! Коварный негодяй! Кадди, давай скорее поешь и вина — все, что найдешь!

— С нее довольно и виски, — пробурчал Кадди. — Разве кто-нибудь мог подумать, что у них так плохо с едою, когда вот эта девчонка выплеснула на меня столько славной горячей похлебки с капустой.

Как ни была истощена и измучена Дженни, все же, вспомнив о своем героическом подвиге при штурме повстанцами замка, она залилась смехом, тотчас же перешедшим в судорожные всхлипывания.

Встревоженный ее состоянием, с ужасом думая о лишениях, какие переживали обитатели замка, Мортон в более решительной форме повторил свои приказания Кадди и, когда тот ушел, принялся успокаивать гостью.

— Вы здесь, наверно, по настоянию мисс Эдит, с целью повидать лорда Эвендела? Скажите, чего она хочет: ее желание — закон для меня.

Дженни заколебалась, но через мгновение, немного оправившись, проговорила:

— Ваша милость — старый друг нашей семьи, и мне сдается, я могу довериться вам и сказать правду.

— Будьте уверены, Дженни, — ответил Мортон, заметив ее нерешительность, — чем искреннее вы будете, тем лучше послужите своей госпоже.

— Раз так, то вы должны знать, что мы умираем с голоду, как я говорила, и что это длится уже много дней сряду; майор клянется, что со дня на день ждет помощи и не сдаст замка врагу, пока мы не съедим его старых ботфортов, а у них подошвы, как вы, наверное, помните, страшно толстые, не говоря уж о том, что они сшиты из грубой кожи. Драгуны, напротив, считают, что им все же придется сдаться; они не могут переносить голода, потому что, размещаясь на вольных квартирах, привыкли к обжорству. И с той поры как лорда Эвендела взяли в плен, на них нет никакой управы, и Инглис говорит, что сдаст замок вигам вместе с майором и обеими леди в придачу, если только мятежники пообещают солдатам отпустить их на волю.

— Негодяи! — воскликнул Мортон. — Но почему они не хотят договориться об общих условиях капитуляции?

— Они боятся, что тогда им не будет пощады; ведь они наделали много зла в нашей округе; и потом Берли уже повесил одного или двух из них — вот они и хотят вытащить из петли свои шеи за счет порядочных и благородных людей.

— И вас послали, — продолжал Мортон, — чтобы сообщить лорду Эвенделу грустные новости о готовящемся в Тиллитудле бунте?

— Вот именно, — ответила Дженни. — Том Хеллидей пожалел меня, и рассказал обо всем, и вывел из замка, чтобы я сообщила эти новости лорду Эвенделу, если только мне удастся проникнуть к нему.

— Но разве, пребывая в плену, он мог бы чем-нибудь помочь вашей беде?

— Увы, это верно, — подтвердила со вздохом Дженни, — но, может, ему удалось бы договориться о сносных условиях, или, может, он бы что-нибудь нам посоветовал, или, может, послал бы со мной приказание драгунам вести себя лучше, или...

— Или, может быть, — закончил за нее Мортон, — вы должны были попытаться устроить ему побег?

— А если и так, — ответила горячо Дженни, — разве мне впервой помогать попавшему под замок?

— Верно, Дженни, — сказал Мортон, — и я проявил бы черную неблагодарность, если бы позволил себе об этом забыть. Но вот и Кадди с закуской; я иду к лорду Эвенделу и передам ему все, что вы сообщили, а вы между тем подкрепитесь и выпейте немного вина.

— Вам не мешало бы знать, — сказал Кадди своему господину, — что эта Дженни... эта мисс Деннисон подольщалась к Тому Ренду, что служит у мельника. Она хотела пробраться к лорду Эвенделу, да так, чтобы никто про это не знал. Ей, разбойнице, и в голову не приходило, что тут же, рядышком с нею, был не кто иной, как я сам.

— А как ты перепугал меня, Кадди, когда подобрался сзади да хваты! — сказала Дженни, отталкивая его слабой рукой. — Ах, если б ты не был таким старым знакомым, я бы показала тебе, наглец ты этакий...

Кадди, смягчившись, расплылся в улыбке и поглядывал с нежностью на лукавую госпожу своего сердца.

Мортон между тем, завернувшись в плащ и сунув под мышку палаш, направился к месту заключения пленного. Подойдя к дому, где тот помещался, он спросил часового, не случилось ли чего-нибудь достойного упоминания.

— Ничего особенного, — выслушал он в ответ. — Вот разве девчонка, которую задержал Кадди, да еще гонцы, посланные мистером Белфуром: один — к Эфраиму Мак-Брайеру, другой — к Габриелю Тимпану. (Оба они в то время гремели с церковной кафедры, проповедуя в городках, расположенных между лагерем Берли и штаб-квартирой повстанческой армии в Гамильтоне.)

— С тем, конечно, — сказал Мортон, изображая полнейшее равнодушие, — чтобы вызвать их в лагерь.

— Верно так, — сказал часовой, успевший покалечить с гонцами перед их выездом.

«Он вызвал их, чтобы обеспечить себе большинство в военном совете, — подумал про себя Мортон. — Он хочет добиться с их помощью одобрения

любого злодейства, которое замыслил или замыслит; он намерен подавить силою всякое сопротивление его произволу. Нужно торопиться, иначе я упущу случай».

Войдя в помещение, служившее тюрьмой для лорда Эвендела, — это была отвратительная каморка на чердаке жалкой лачуги, — он увидел его в оковах, сидящим на старом, изодранном тюфяке. Пленный не то дремал, не то был погружен в глубокие думы. Услышав шаги, он повернулся к Мортону и поднялся со своего места. Из-за потери крови, бессонных ночей и длительного недоедания наружность его изменилась настолько, что никто не мог бы узнать в нем того решительного и смелого воина, который так мужественно сражался при Лоудон-хилле. Он был, видимо, удивлен неожиданным появлением Мортон.

— Мне горестно видеть вас в таком положении, — сказал Генри.

— Я слышал, что вы страстный любитель поэзии, — ответил молодой лорд, — а раз так, мистер Мортон, то вы помните, наверно, эти стихи:

Не стены и не низкий свод
Темницу создают.
Спокойный, вольный ум найдет
И здесь благой приют.

Но будь мое заключение и менее сносным, я склонен думать, что завтра меня все равно ожидает полное освобождение.

— Вы имеете в виду смерть? — спросил Мортон.

— Конечно, — ответил Эвендел, — других видов на будущее у меня нет; ваш товарищ, Берли, уже запятнал себя кровью тех, кто вследствие своей незначительности и безвестного происхождения мог, казалось бы, рассчитывать на пощаду. Я не могу похвалиться таким щитом от его мести и понимаю, что по отношению ко мне он будет беспредельно жесток.

— Но стоит майору Беллендену капитулировать, — сказал Мортон, — и вы будете спасены.

— Никогда! Этому не бывать, пока на укреплениях останется хоть один человек и у этого человека — хоть корка хлеба! Мне известно его решение, и я был

бы глубоко огорчен, если бы ради меня он от него отступился.

Мортон не замедлил сообщить пленнику о готовящемся бунте солдат и об их решении сдаться, выдав неприятелю обеих леди и майора Беллендена. Это известие поразило лорда Эвендела; сначала он, по-видимому, отнесся к нему с недоверием, которое тотчас сменилось глубокой печалью.

— Что же можно тут сделать? — сказал он. — Как предупредить это несчастье?

— Выслушайте меня, милорд, — ответил Мортон. — Вы не откажетесь, полагаю, направиться к нашему самодержцу, его величеству королю, с ветвью мира от имени тех его обездоленных подданных, которые взяли за оружие не по доброй воле, а в силу необходимости.

— Вы правы, я готов взяться за это, — сказал лорд Эвендел, — но, признаюсь, мне неясно, какое отношение это может иметь к нашему делу.

— Разрешите, милорд, — продолжал Мортон. — Вам будет возвращена под ваше честное слово свобода; кроме того, вы сможете возвратиться в замок и получите беспрепятственный пропуск для обеих леди, майора и всех, кто пожелает выехать с вами. Разумеется, при условии немедленной капитуляции. Сделав это, вы только подчинитесь необходимости, так как при взбунтовавшемся гарнизоне, без продовольствия Тиллитудлем не продержится и одного дня. Если кто-нибудь не пожелает выполнить приказание и покинуть крепость, пусть того постигнет его собственная судьба. Вы и ваши спутники, повторяю, получите беспрепятственный пропуск в Эдинбург или туда, где в данное время находится герцог Монмут. Мы надеемся, что в обмен на возвращенную вам свободу вы подадите на рассмотрение его милости, как наместника и главнокомандующего в Шотландии, эту покорнейшую петицию и представление, где излагаются основные причины восстания, с устранением которых, готов поручиться своей головой, большая часть повстанцев сложит оружие.

Лорд Эвендел внимательно прочитал переданный ему Мортонем документ.

— Мистер Мортон, — сказал он, ознакомившись с ним, — мое скромное суждение таково, что против предлагаемых здесь мероприятий возразить нечего; больше того — я имею основание думать, что они могут даже встретить сочувствие герцога Монмута; но, говоря откровенно, я никоим образом не надеюсь на удовлетворение этих требований, пока ваши люди не сложат оружия.

— Поступив так, — ответил Мортон, — мы формально расписались бы в том, что не имели права за него браться, и потому я никогда не смогу согласиться на такое условие.

— И в самом деле, едва ли можно ожидать от вас данного шага, — сказал лорд Эвендел, — а раз так, то я убежден, что переговоры окажутся безуспешными. Впрочем, высказав вам со всей откровенностью мое мнение, я все же выражаю готовность сделать все от меня зависящее, чтобы способствовать примирению.

— Это все, чего мы желаем и ждем от вас, — сказал Мортон. — Что касается исхода переговоров, то он от господ бога, ибо «сердце цареве в руке божией». Итак, вы принимаете предложение о беспрепятственном пропуске?

— Разумеется, — ответил Эвендел, — и, если я не говорю сейчас о благодарности за вторичное спасение моей жизни, это вовсе не значит, что я не ощущаю ее всею душой.

— А как же гарнизон Тиллитудлема? — спросил Мортон.

— Будет выведен в соответствии с вашими требованиями, — ответил Эвендел. — Я уверен, что майору не справиться с бунтом драгун, и я содрогаюсь при мысли о последствиях, к которым повела бы выдача обеих леди и почтенного старого джентльмена этому кровожадному негодяю Берли.

— В таком случае вы свободны, — сказал Мортон. — Приготовьтесь к отъезду. Несколько человек, которым я вполне доверяю, проводят вас за наши аванпосты.

Оставив лорда Эвендела, который был поражен и обрадован этим неожиданным спасением, Мортон поспешно отобрал несколько человек из отряда милнудских стрелков. Все они были верхами и вооружены до зубов, каждый вел в поводу запасного коня. Дженни, успевшая помириться с Кадди за ужином, ехала по левую руку от этого доблестного кавалериста. Вскоре у того дома, где содержался в заключении лорд Эвендел, раздался конский топот. Двое неизвестных ему людей, войдя в помещение, сняли с него оковы и, проводив вниз по лестнице, помогли сесть на коня. Он оказался посередине небольшого отряда, пустившегося крупной рысью по направлению к Тиллитуудлему.

Когда они добрались до этой древней твердыни, сияние луны сменилось рассветом, и на массивной, вздымавшейся темной громадой замковой башне заиграли первые бледные лучи солнца. Отряд остановился, не решаясь приблизиться к стенам крепости из опасения, как бы ее защитники не открыли огня. К воротам направился один лорд Эвендел, за которым в некотором отдалении следовала Дженни Денисон. Подъехав к воротам, они услышали во внутреннем дворе шум, резко нарушивший величавую безмятежность летнего утра. Слышались крики и брань, потом раздалось пистолетные выстрелы — было очевидно, что бунт уже успел разразиться. У ворот на часах стоял Хеллидей. Услышав голос лорда Эвендела, он встретил своего офицера радостным восклицанием и сразу же пропустил его в замок. Появление лорда Эвендела поразило взбунтовавшихся солдат как гром среди ясного неба. Чтобы привести в исполнение свой план и захватить крепость, они хотели разоружить и обезвредить майора Беллендена, Гаррисона и всех, кто пытался оказать им сопротивление.

С прибытием лорда Эвендела все изменилось. Он схватил за шиворот Инглиса и, приказав двум драгунам арестовать и связать его, как предателя, объявил остальным, что только беспрекословное повиновение избавит их от сурового наказания. После этого он велел людям построиться. Они тотчас же выпол-

нили его приказание. Он распорядился положить на землю оружие. Какое-то мгновение они колебались, но привычка к дисциплине вместе с уверенностью, что их офицер, действуя с такой смелостью и решительностью, должен располагать оставшейся за воротами вооруженною силой, заставили их подчиниться.

— Уберите оружие, — сказал лорд Эвендел, обращаясь к сбежавшимся слугам, — они его не получают, пока не научатся пользоваться им, как подобает, употребляя на дело, ради которого оно им было доверено. А теперь, — продолжал он, повернувшись к бунтовщикам, — марш из замка! И поторапливайтесь! Противник, заключив перемирие на три часа, согласился предоставить их вам, чтобы вы немедленно убрались отсюда. Отправляйтесь по дороге на Эдинбург и ждите меня у Мурской гостиницы. Считаю излишним предупреждать, чтобы по пути следования вы не позволяли себе никаких насилий над местными жителями; да вы и так в вашем теперешнем положении не станете навлекать на себя общую ненависть. Докажите своею покорностью, что намерены искупить преступление, совершенное нынешним утром.

Обезоруженные солдаты молча удалились с глаз своего офицера и, покинув замок, двинулись по направлению к месту встречи; они торопились уйти подальше от Тиллитудлема, так как боялись столкнуться с повстанцами, которые, видя их беззащитность, охотно отомстили бы им за былые насилия и бесчинства. Инглис, которого Эвендел решил наказать со всей строгостью, остался под стражею в замке. Хеллидей своим поведением заслужил похвалу начальства, и ему были обещаны нашивки капрала. Поспешно сделав эти распоряжения, лорд Эвендел подошел к майору, которому казалось, что все это он видит во сне.

— Дорогой майор, нам придется сдать крепость.

— Выходит, что этого все-таки не избежать? — спросил майор. — А я-то надеялся, что вы привели с собой подкрепление и доставили продовольствие.

— Ни одного человека, ни фунта провианту, — ответил молодой лорд.

— И все же я счастлив, что вижу вас целым и невредимым, — сказал добрый старик. — Нам вчера сообщили, что эти разбойники-псалмопевцы посягают на вашу жизнь, и я каких-нибудь десять минут назад построил мерзавцев драгун, чтобы ударить на штаб-квартиру Белфура Берли и вырвать вас из этого ада, но этот пес Инглис, вместо того чтобы выполнить приказание, учинил самый что ни на есть настоящий бунт. Но что же нам следует делать?

— Я не располагаю выбором, — сказал лорд Эвендел, — я пленник, отпущенный под честное слово и направляемый в Эдинбург. Вы и обе леди должны, по-моему, ехать туда же. Благодаря дружескому участию и заботам нашего друга я имею беспрепятственный пропуск и лошадей для вас и всех, кто отправится вместе с вами; но, бога ради, не мешкайте; вы не можете удерживать замок, имея в своем подчинении всего семь или восемь защитников, и, к тому же, совершенно без продовольствия. Вы сделали более чем достаточно, чтобы поддержать вашу честь и дать время правительству стянуть отовсюду войска. Держаться дольше и излишне и невозможно. В Эдинбург прибыли англичане, и они в ближайшие дни выступят к Гамильтону. Мятежникам недолго владеть Тиллиудлемом.

— Раз вы так думаете, — сказал старый воин, тяжело вздохнув, — я знаю, вы не станете советовать бесчестные вещи; мне только и остается, что подчиниться необходимости, — бунт этих негодяев действительно сделал невозможной дальнейшую защиту крепостных стен. Гьюдйл, пусть служанки известят обеих леди обо всем происшедшем, и чтобы все было готово к незамедлительному отъезду! Но если б, оставаясь за этими древними стенами и превратившись от голода в мумию, старый Майлс Белленден мог быть полезен своему королю, он не ушел бы отсюда, пока в нем теплится хоть искорка жизни.

Дамы, взволнованные вестями о бунте, охотно согласились с решением майора. Леди Маргарет не смогла, впрочем, удержаться от стенаний и вздохов, имевших, как всегда, отношение к пресловутому зав-

траку, которым его священнейшее величество король Карл почтил ее старый замок, оставляемый теперь на поток и разграбление шайке мятежников. Приготовившись к отъезду прежде, чем стало настолько светло, чтобы можно было явственно различать окружающие предметы, обе леди, майор, Гаррисон, Гьюдйл и остальные слуги сели на лошадей, найденных по соседству или приведенных Эвенделом, и под охраню четырех повстанцев направились прямо на север. Остальные мятежники из числа тех, кто сопровождал лорда Эвендела в Тиллитудлем, вступили во владение покинутым замком, получив приказание тщательно оберегать его от грабежей и бесчинств. И когда взошло солнце, над главной замковой башней зареяло алое, с голубою каймой, знамя шотландского ковенанта.

Глава XXXIX

И для меня игла в ее руке
Страшнее ста кинжалов.

Марло

Выехав из Тиллитудлема и миновав аванпосты повстанцев, всадники ненадолго остановились в небольшом городке Босуэл, где их ожидал приготовленный по приказанию Мортонa завтрак; это было в самом деле крайне необходимо для людей, изнуренных длительным недоеданием. После краткого отдыха, путешественники двинулись дальше по направлению к Эдинбургу. Уже совсем рассвело; над горизонтом растекались лучи восходящего солнца. Было бы естественно предположить, что лорд Эвендел неотлучно находился при мисс Эдит. Однако, обменявшись приветствиями с юною леди и позаботившись об ее удобствах в пути, он занял место рядом с майором во главе небольшого отряда, передав попечение о прелестной его племяннице одному из повстанцев, фигура и черты которого были скрыты черным военным плащом и надвинутой на лоб широкополою шляпой

со спадавшими на лицо перьями. Так они ехали бок о бок в полном молчании мили две, пока незнакомец не обратился наконец к мисс Белленден глухим и дрожащим голосом.

— Мисс Белленден, — сказал он, — не может не иметь друзей всюду, где ее знают, и даже среди тех, чье поведение ныне ею решительно осуждается. Могут ли они каким-нибудь способом доказать, что по-прежнему уважают ее и скорбят о перенесенных ею страданиях?

— Пусть научатся ради самих себя уважать законы и щадить невинную кровь, — ответила мисс Белленден. — Пусть возвратятся к исполнению своего долга пред королем, и я готова простить им все, что выстрадала, и еще в десять раз больше.

— Вы, следовательно, не допускаете, — спросил ее собеседник, — что в наших рядах находятся люди, которые, желая блага отчизне, убеждены в том, что выполняют свой патриотический долг?

— Было бы неосторожно, — отозвалась мисс Белленден, — находясь в вашей власти, отвечать на этот вопрос.

— Но только не в этом случае, даю вам слово солдата, — горячо проговорил всадник.

— Меня с детства научили быть откровенной, — сказала Эдит, — и если необходимо ответить на ваш вопрос, я позволю себе высказать все, что чувствую. Один бог может судить о сердце и побуждениях человека; что до людей, то они вынуждены оценивать его по поступкам. Измена, убийства в бою или при помощи виселицы и насилия, чинимые над мирной семьей, как, например, наша, взявшейся за оружие только для защиты установленного правительства и принадлежащего ей имущества, — все эти действия чернят всякого, кто имеет к ним хоть какое-нибудь отношение, какими бы высокими словами они ни были позолочены.

— Вина за междоусобную войну, — возразил всадник, — за бедствия, которые она приносит с собой, на совести тех, кто вызвал ее угнетением и беззакониями, а не тех, кто оказался в необходимости воспользо-

ваться оружием, чтобы отстаивать естественные права свободных людей.

— Вы выдвигаете довод, который, в свою очередь, нуждается в доказательстве, — ответила юная леди. — Каждая из сторон готова настаивать на своей правоте, и поэтому виноватой нужно считать ту из них, которая первая схватилась за меч, — и при любой драке закон видит преступника в том, кто первый прибегнул к насилию.

— Увы! — сказал всадник. — Если бы наше оправдание зависело только от этого, как легко было бы доказать, что мы проявили терпение, которое поистине превосходит возможности человеческие, и перешли к открытой борьбе лишь вынужденные неслыханным произволом. Но я замечаю, — продолжал он, тяжело вздохнув, — что тщетно защищать перед мисс Белленден то дело, которое она заранее осудила, быть может, столько же из неприязни к его участникам, сколько и к их убеждениям.

— Извините, — сказала Эдит, — я свободно высказалась о принципах, которыми руководствуются мятежники; что касается их самих, то мне нечего сказать по этому поводу, потому что я их не знаю... за одним-единственным исключением.

— И это исключение, — спросил всадник, — оказало влияние на ваше мнение обо всех?

— Совсем нет, — ответила Эдит, — тот, кого я имею в виду... он... по крайней мере я считала его таким... он намного выше других; он был, или казался, человеком с рано развившимися талантами, возвышенных взглядов, высокой честности и верного сердца. Могу ли я сочувствовать мятежу, превратившему его, который мог бы стать украшением, гордостью и оплотом своей страны, в сотоварищи мрачных и невежественных фанатиков, опасных лицемеров, в вождя неразумных и темных людей, в соратника разбойников и убийц с большой дороги? Если вы встретите его в вашем лагере, скажите ему, что Эдит Белленден пролила куда больше слез из-за его падения, из-за того, что он утратил такие возможности и покрыл бесчестьем свое имя, чем из-за несчастий, свалившихся

на ее близких; что ей легче было переносить голод, от которого ввалились ее щеки и потускнели глаза, чем сердечную муку, сопутствовавшую каждой ее мысли о том, кто был виновником всех этих бедствий.

Произнося эти слова, она повернулась лицом к своему собеседнику; ее бледные щеки, хоть их и оживлял, пока она говорила, еле заметный румянец, свидетельствовали о пережитых ею страданиях. Всадник не остался безучастным к этому призыву с ее стороны; он схватился за голову, как будто его мозг пронизала внезапная боль, и, проведя рукой по лицу, нагнул еще ниже на лоб свою широкополую шляпу. Ни это движение, ни чувства, которые его вызвали, не остались незамеченными Эдит, и ее сердце в ответ на это затрепетало.

— И если тот, — сказала она, — о ком я говорю, будет серьезно огорчен суровым суждением его... его... прежнего друга, скажите ему, что искреннее раскаяние есть первый шаг к искуплению; что, хотя он пал с такой высоты, подняться на которую будет ему нелегко, хотя он повинен во многих дурных делах, творившихся под прикрытием его имени, — все же он и теперь еще может частично искупить зло, лежащее на его совести.

— Но как? — спросил всадник тем же глухим и прерывистым голосом.

— Стараясь установить мир для блага своих обездоленных соотечественников, побуждая заблудших мятежников сложить оружие и разойтись. Спасая их кровь, он может искупить уже пролитую; кто потрудится для этой возвышенной цели, тот заслужит благодарность нашего поколения и добрую память потомства.

— Полагаю, — твердым голосом произнес ее спутник, — мисс Белленден не хочет, чтобы этим миром интересы народа были принесены в жертву интересам короны.

— Я еще слишком молода, — отвечала Эдит, — и не могу говорить об этом с полным знанием дела. Но раз я заговорила на эту тему, то охотно добавлю, что желала бы мира, который удовлетворил бы все

партии и оградил подданных короля от военных поборов: они мне ненавистны не меньше, чем ваши меры борьбы с этим бедствием.

— Мисс Белленден, — сказал Генри Мортон, открывая лицо и говоря своим обычным голосом, — тот, кто утратил ваше драгоценное для него уважение, достаточно смел, чтобы защищать правоту своего дела в качестве обвиняемого. Понимая, что он не вправе рассчитывать на дружеское сочувствие, он промолчал бы в ответ на ваше суровое осуждение, но он может сослаться на лорда Эвендела, который, без сомнения, засвидетельствует, что все помыслы и усилия этого человека, особенно в настоящее время, направлены на заключение мира, и притом на таких условиях, которых не осудят даже наиболее рьяные противники короля.

Он с достоинством поклонился Эдит, которая, судя по ее речам во время этой беседы, хотя и знала, с кем разговаривает, все же, видимо, не ждала, что ее собеседник станет защищаться с такою горячностью. Смутившись, она молча ответила на его поклон. Мортон ускочил и подъехал к находившимся в голове отряда.

— Генри Мортон! — воскликнул майор Белленден, пораженный его внезапным появлением.

— Он самый, — ответил Мортон, — и он глубоко удручен суровым приговором майора Беллендена и его близких. Прошу вас, милорд, — продолжал он, обращаясь с поклоном к лорду Эвенделу, — прошу вас взять на себя труд рассказать моим друзьям о моих действиях и удостоверить чистоту моих помыслов. Прощайте, майор Белленден! Желаю вам и всем вашим всяческого благополучия. Быть может, мы еще встретимся в лучшие времена.

— Поверьте мне, — сказал лорд Эвендел, — я оправдаю ваше доверие, я постараюсь отплатить за те неоценимые услуги, которые вы мне оказали, и сделаю все от меня зависящее, чтобы вы предстали в истинном свете и перед майором Белленденом и перед всеми, чьим мнением вы дорожите.

— Зная ваше великодушие, я ничего иного не ожидал, — отозвался Мортон.

Он кликнул своих подчиненных и поскакал полем по направлению к Гамильтону; перья их развеивались и стальные шлемы поблескивали в лучах восходящего солнца. Задержался лишь один Кадди, чтобы нежно проститься с Дженни Деннисон, которая за время короткого утреннего путешествия восстановила свою власть над его чувствительным сердцем. Одинокое дерево не столько скрыло, сколько прикрыло в своей тени их tête-à-tête,¹ когда они попрдержали коней, чтобы сказать друг другу «прощай».

— Прощай, Дженни, — сказал Кадди, с шумом выдыхая воздух из своих легких, что должно было, видимо, означать вздох, но больше напоминало горестный стон. — Ты ведь вспомнишь иногда про бедного Кадди, который по-честному любит тебя, Дженни; ты ведь будешь иногда о нем вспоминать?

— Конечно... когда на столе будет похлебка, — ответила злопамятная девица, не удержавшись от острого словца и от сопровождавшей его ехидной улыбки.

Кадди, однако, не остался в долгу: он вознаградил себя по обычаю деревенских поклонников — что не явилось, надо полагать, неожиданностью для Дженни, — обхватив возлюбленную своего сердца за шею и от души поцеловав ее в обе щеки и в губы. Простившись таким образом, он повернул коня и пустился догонять своего господина.

«Ну и черт этот парень, — подумала Дженни, вытирая губы и поправляя прическу. — А ведь он куда смелее, чем этот Том Хеллидей».

— Сейчас, миледи, сейчас! Боже милостивый, хоть бы старая леди ничего не заметила!

— Дженни, — сказала леди Маргарет, когда девушка подъехала ближе, — молодой человек, который командовал сопровождавшими нас мятежниками, не тот ли самый, что был Капитаном Попки и после этого узником в Тиллитудлеме, когда нас посетил Клеверхауз?

Дженни, довольная, что этот вопрос не имеет отношения к ее личным делам, взглянула на свою

¹ Свидание наедине (франц.).

юную госпожу, чтобы по возможности выяснить, нужно ли говорить правду или лучше о ней умолчать. Не уловив в ее взгляде никакого определенного указания, она последовала своему инстинкту доверенной камеристки и солгала.

— Не думаю, миледи, чтобы это был он, — сказала она так же уверенно, как прочитала бы свой катехизис, — тот был маленький и чернявый собою.

— Ты ослепла, наверное, Дженни, — вмешался майор, — Генри Мортон красив и высок, и этот молодой человек не кто иной, как он самый.

— У меня достаточно других дел, — сказала Дженни, вскидывая головку, — чтобы не рассматривать, какой он там из себя, хотя бы он был тонок как свечка ценою в грош.

— Великое счастье, — сказала леди Маргарет, — что нам удалось вырваться из рук этого кровожадного и готового на все изувера.

— Вы, сударыня, заблуждаетесь, — сказал лорд Эвендел, — никто не вправе называть этим словом мистера Мортон, а тем более — мы. Тем, что я жив и что вы в настоящее время не томитесь в плену у фанатичного убийцы, мы обязаны только деятельному человеколюбию и быстрому вмешательству этого молодого джентльмена.

И он подробно рассказал о событиях, с которыми читатель уже знаком, остановившись в особенности на добродетелях Мортон и несколько раз подчеркнув, словно это был его брат, а не соперник, с какою опасностью для себя он оказал ему эту совершенно исключительную услугу.

— Я проявил бы черную неблагодарность, — сказал он в заключение, — если бы позволил себе умолчать о достоинствах человека, которому я обязан двукратным спасением моей жизни.

— Я охотно думал бы о Генри Мортоне только хорошее, — заявил майор, — но признавая, что он вел себя в высшей степени благородно и по отношению к вам и по отношению ко всем нам, я все же не могу примириться с той снисходительностью, с какой ваша честь относится к его поведению в настоящее время.

— Нужно учитывать, — сказал лорд Эвендел, — что к такому образу действий его отчасти принудили обстоятельства, и я должен добавить, что его взгляды, хотя и не совпадают с моими, тем не менее не могут не внушать уважения. Клеверхауз, которому нельзя отказать в умении сразу распознавать людей, дал вполне правильную оценку и ему и его необыкновенным качествам: правда, его слова были пристрастны и чрезмерно суровы, но это объясняется его личными взглядами и побуждениями.

— Вы исключительно быстро распознали его достоинства, — ответил майор. — Он, можно сказать, вырос у меня на глазах, и до этих событий я мог бы сказать много хорошего о его нравственных качествах и добром характере; но что касается его необыкновенных талантов...

— Они были, видимо, неизвестны и ему самому, — ответил благородный молодой лорд, — пока обстоятельства не заставили их раскрыться, и если мне удалось их обнаружить, то произошло это лишь потому, что мы с ним говорили о вещах, в высшей степени важных и злободневных. Он теперь старается прекратить восстание, и условия мира, которые он предлагает, настолько умеренны, что я от всего сердца готов их поддерживать.

— И вы надеетесь, — спросила леди Маргарет, — на успешное выполнение этого плана?

— Я мог бы на это надеяться, будь все виги столь же умеренны в своих требованиях, как Мортон, а все приверженцы короля — столь же беспристрастны, как наш майор. Но фанатизм и раздражение с обеих сторон таковы, что едва ли что-нибудь, кроме меча, завершит эту братоубийственную войну.

Нетрудно представить себе, с каким вниманием Эдит прислушивалась к этой беседе. Она сожалела, что так опрометчиво и резко говорила со своим старым другом, но вместе с тем чувствовала гордость и удовлетворение при мысли о том, что даже в глазах своего великодушного соперника он был таким, каким прежде казался ее влюбленному взору.

«Гражданские распри и семейные предубеждения, — сказала она себе, — может быть, и заставят меня вырвать воспоминание о нем из моего сердца; но немалое утешение быть уверенной в том, что он достоин места, которое так долго занимал у меня в душе».

Пока Эдит раскаивалась в своем несправедливом гневе, ее возлюбленный успел прибыть в лагерь повстанцев близ Гамильтона; здесь все было в полном смятении. Были получены достоверные сведения, что королевская армия, пополненная прибывшими из Англии лейб-гвардейцами, готова к походу. Молва преувеличивала численность неприятеля, его дисциплину и вооружение. Распространялись всевозможные слухи, приводившие пресвитериан в уныние и отнимавшие у них волю к сопротивлению. Какой снисходительности они могли ждать от Монмута, можно было предвидеть заранее, судя по тем людям, которые его окружали и имели на него большое влияние. Его заместителем был прославленный генерал Томас Дэлзэл, постигший военное ремесло в еще дикой в те времена России, страшный своею жестокостью и полный пренебрежения к человеческой жизни и человеческим страданиям, но внушавший уважение своей непоколебимою преданностью короне и беззаветною храбростью. Этот человек был вторым после Монмута в армии; конница находилась под командою Клеверхауза, жаждавшего отомстить за гибель племянника и поражение под Драмклогом. Говорили также о грозном артиллерийском парке и о несметной кавалерии, с которыми королевская армия выступила в поход.

Большие отряды, набранные из горцев, не имевших ничего общего ни в языке, ни в религии, ни в обычаях с мятежными пресвитерианами, были вызваны на подмогу королевским войскам и явились под начальством своих вождей; эти аморреи или филистимляне, как их называли повстанцы, слетелись словно орлы к месту сечи. Всякий, кто мог сесть на коня или идти вместе с пехотой, был призван правительством на королевскую службу; это было сделано с явною целью конфисковать земли или взыскать денежный штраф у тех ослушников, которые не всту-

пали в королевскую армию из политических и религиозных убеждений и не присоединялись к повстанцам из благоразумной осторожности. Словом, все эти слухи укрепляли в повстанцах уверенность, что королевская месть так долго откладывалась лишь для того, чтобы вернее обрушиться на их головы.

Мортон стремился ободрить бойцов, говоря, что слухи сильно преувеличены, а их собственная позиция почти неприступна, так как перед их фронтом — река, через которую можно переправиться лишь по длинному и узкому мосту. Он напоминал им о победе, одержанной над Клеверхаузом, когда их войско было немногочисленным, хуже организованным и менее подготовленным к боевым действиям, чем теперь; он разъяснял, что поле сражения, благодаря неровностям и разбросанным на нем зарослям кустарника, доставляет достаточно укрытий от огня артиллерии и при упорной обороне неудобно для действий конницы и что в конце концов их безопасность зависит от их же мужества и решимости.

Но, стремясь сохранить боевой дух армии в целом, он вместе с тем воспользовался этими тревожными слухами, чтобы убедить командиров в необходимости начать переговоры с правительством, предложив ему умеренные условия мира; это следует сделать, говорил он, пока они еще представляют собою грозную силу, пока противник видит перед собой многочисленную, руководимую общим командованием армию. Он предсказывал, что при унынии, овладевшем их подчиненными, едва ли можно ожидать успешного исхода сражения с хорошо оснащенными регулярными войсками герцога Монмута; если же они потерпят поражение и будут рассеяны, восстание, которое они начали, не только не освободит их отчизну но, напротив, будет использовано для того, чтобы оправдать еще большее ее угнетение.

Под давлением этих доводов, понимая, что одинаково опасно как оставаться всем вместе, так и распустить армию, большинство вождей охотно признало, что если бы были приняты условия мира, предложенные герцогу Монмуту через лорда Эвендела,

то цель, ради которой они взялись за оружие, была бы в значительной мере достигнута. Придя к этому выводу, они согласились подтвердить составленные Мортонем и Паундтекстом петицию и памятную записку. Между тем несколько вождей и те люди, чье влияние на массы было гораздо большим, чем влияние многих других, занимавших видные должности, рассматривали всякое предложение о заключении мирного договора, если оно не покоилось на принципах Торжественной лиги и ковенанта 1640 года, как не подлежащее обсуждению, нечестивое и богопротивное. Они настойчиво распространяли свои взгляды среди массы рядовых ковенантеров, которые не умели предвидеть и которым нечего было терять, и успели убедить многих, что робкие советчики, рекомендуя мир на условиях, обходивших молчанием вопрос о низложении королевской династии и о провозглашении независимости церкви от государства, были трусливыми пахарями, готовыми бросить плуг, и презренными отступниками, выскивающими подходящий предлог, чтобы покинуть своих соратников. Эти резко противоположные мнения обсуждались в каждой палатке повстанческой армии, или, вернее, в каждой хижине и лачуге, заменявших собою отсутствующие палатки. Резкость выражений, к которым прибегали обе стороны, приводила нередко к ссорам и потасовкам, и разногласия, раздиравшие армию гонимых страдалцев, не оставляли сомнений в ее грядущей судьбе.

Глава XXX

Проклятье этих споров и раздоров
Еще тревожит ваш совет.

«Спасенная Венеция»

На долю Мортонна, хорошо понимавшего гибельность этих раздоров, выпало немало хлопот; всеми доступными ему средствами пытался он сдержать разбушевавшиеся страсти обеих партий. За этим за-

нятием его и застал явившийся на третий день после его возвращения в Гамильтон достопочтенный мистер Паундтекст, заявивший, что он бежал от Джона Белфура Берли, который мечет громы и молнии из-за его участия в освобождении лорда Эвендела. Придя немного в себя после быстрой езды и несколько успокоившись, этот достойный священник принялся подробно рассказывать обо всем происшедшем в лагере под Тиллитудлемом в то памятное утро, когда Мортон его покинул.

Мортон так искусно скрыл свою ночную поездку, и люди, которые были посвящены в его тайну, оказались настолько верными, что Берли до самого утра не знал о случившемся. Проснувшись, он первым делом спросил, приехали ли Тимпан и Мак-Брайер, за которыми еще в полночь он выслал гонцов. Ему ответили, что Мак-Брайер прибыл, а Тимпан, хоть и тяжел на подъем, с минуты на минуту должен прибыть. Тогда он послал за Мртоном, вызывая его на заседание, которое предполагал провести немедленно. Посланный возвратился с известием, что Мортон уехал. Он велел сходить за Паундтекстом. Однако, полагая, как сказал Мортону сам Паундтекст, что лучше не иметь дела с такими бешеными противниками, почтенный священник, хотя и провел весь день в седле, той же ночью отбыл к себе в усадьбу, где царили тишина и покой, чтобы не возобновлять поутру спора с Берли, свирепость которого, при отсутствии поддержки со стороны Мортонa, нагоняла на него страх. После этого Берли приказал привести к нему лорда Эвендела, и какова же была его ярость, когда ему сообщили, что того еще ночью увез отряд милнвудских стрелков, находившийся под командой самого Мортонa.

— Негодай, — воскликнул Берли, изливая свой гнев Мак-Брайеру, — низкий, трусливый предатель! Выслуживаясь перед правительством, он выпустил на свободу пленного, захваченного моими руками. Угрожая казнью этого пленного, мы наверняка завладели бы сильною крепостью, доставившей нам столько хлопот.

— Но разве она не в наших руках? — спросил Мак-Брайер, смотря по направлению к замку. — И разве не развеивается над ее стенами знамя священного ковенанта?

— Это уловка, это всего-навсего военная хитрость, — ответил Берли, — чтобы досадить нам и поиздеваться над нами, чтобы вселить в наши души неверие и поколебать боевой дух наших воинов.

Но в этот момент прибыл один из людей Мортонa с сообщением, что гарнизон вышел из крепости и что она занята отрядом повстанцев. Это известие не только не успокоило Берли но, напротив, усилило его бешенство.

— Я стоял на страже, — говорил он, — я сражался, я ломал себе голову, я старался подорвать силы защитников крепости, я отказался от более важного и почетного назначения, я запер их в западне, я отвел от них воду и отнял у них хлеб насущный, и когда их мужи уже были готовы предать себя в мои руки, чтобы сыны их стали рабами, а дочери — посмешищем всего нашего стана, приходит этот юнец, у которого еще не отросла борода, и срезает своим серпом мою жатву, и отнимает добычу, уже затравленную ловцом! Но разве работник не вправе получить свою плату, разве город вместе с пленными не достается тому, кто его захватил?

— Нет, — сказал Мак-Брайер, пораженный неистовством Берли. — Не горячись из-за неугодного богу. Небо знает, какое выбрать орудие; кто ведает, может быть, этот юноша...

— Замолчи! Замолчи! — воскликнул Берли. — Не отрекайся от своего прежнего и более мудрого мнения. Кто, как не ты, предостерегал меня от этого гроба повапленного, от этого куска меди, который я считал чистым золотом? Горе тем — даже если они в числе избранных, — кто пренебрегает советами столь праведных пастырей, как ты, Эфраим Мак-Брайер. Наши земные привязанности — вот что ввергает нас в заблуждения; отец этого неблагодарного сосунка был моим давним другом. Нам подобает быть столь же ревностными, как ты, Эфраим Мак-Брайер, лишь

тогда нам удастся сбросить с себя бремя и цепи человеческих слабостей.

Этот комплимент задел в душе проповедника самую чувствительную струну, и Берли рассчитывал, что он без труда добьется поддержки Мак-Брайера в осуществлении своих замыслов, тем более что их мнения о церковном устройстве вполне совпали.

— Немедленно едем в замок, — сказал он Мак-Брайеру, — в этой крепости должны найтись кое-какие старые документы, которые, если должным образом их использовать (а я знаю, как это сделать), доставят нам сотню всадников во главе с отважным вождем.

— Но разве подобает сынам ковенанта добиваться таким путем помощи? — спросил проповедник. — Среди нас и без того слишком много алкающих скорее земли, злата и серебра, чем слова господня; не через них свершится наше освобождение.

— Ты заблуждаешься, — возразил Берли. — Нам приходится распахивать тяжелую почву, и пусть эти корыстные люди будут орудиями в наших руках. Во всяком случае, эта моавитянка лишится своего имущества, и ни язычник Эвендел, ни эрастианин Мортон не овладеют замком и землями, хоть и домогаются женитьбы на ее внучке.

Сказав это, он отправился в Тиллитудлем, где забрал для нужд армии серебро и ценные вещи и перерыл архив и другие места хранения семейных бумаг, отнесясь с полнейшим пренебрежением к словам тех, кто пытался ему напомнить, что по условиям капитуляции обитателям замка гарантирована неприкосновенность их собственности.

Берли и Мак-Брайер, обосновавшись в завоеванной крепости, в тот же день встретились с Габриелем Тимпаном, а также с лэрдом Лонгкейлом — последнего этот неугомонный священнослужитель успел соблазнить, по выражению Паундтекста, и отвлечь от света истинной веры, в которой он был воспитан. Собравшись вместе, они послали названному

Паундтексту приглашение или, вернее, приказ явиться в Тиллитудлем на заседание. Памятуя, однако, о дверях с железной решеткой и о башне с темницей, Паундтекст решил избежать встречи со своими разгневанными товарищами. В силу этих соображений он удалился, или, точнее, бежал в Гамильтон, принеся с собой весть, что Берли, Мак-Брайер и Тимпан также намерены направиться в этот город и что они сделают это тотчас, как только соберут достаточно сильный отряд камеронцев, опираясь на который смогут держать в страхе всю армию.

— Вы понимаете, — закончил Паундтекст, тяжело вздохнув, — что теперь в военном совете они будут располагать большинством голосов, так как Лонгкейл, хоть он всегда почитался одним из наиболее честных и разумных приверженцев умеренной партии, нельзя назвать ни рыбой, ни мясом, ни даже хорошей копченой селедкой: кто сильнее, с тем и Лонгкейл.

Этими словами почтенный Паундтекст закончил свой невеселый рассказ. Он много и тяжело вздыхал, потому что ясно сознавал опасность, угрожавшую ему как со стороны неразумных недругов в своем стане, так и со стороны общих им всех врагов. Мортон убеждал его запастись терпением и успокоиться, сообщил о своих надеждах на успех переговоров о мире и об амнистии, которые ведутся через лорда Эвендела, и пообещал, что он снова сможет вернуться к своему Кальвину в пергаментном переплете, к своей вечерней трубке и вдохновляющей кружке эля, если только окажет поддержку и содействие в том, что предпринимает он, Мортон, для скорейшего прекращения этой войны. Утешив и успокоив Паундтекста, он добился от него героического решения дожидаться прибытия камеронцев, чтобы дать им генеральное сражение в военном совете.

Берли и его единомышленникам удалось собрать сильный отряд, состоявший сплошь из этих сектантов и насчитывавший в своих рядах до ста всадников и около полутора тысяч пеших. Это были хмурые и суровые с виду, недоверчивые, угрюмые, высоко-

мерные и самоуверенные люди, убежденные в том, что лоно спасения открыто только для них, тогда как все прочие, как бы ничтожны ни были между ними различия в исповедании, в действительности немногим лучше еретиков или язычников. Эти люди были в лагерь пресвитериан скорее как сомнительные и подозрительные союзники или, может быть, даже враги, чем как воины, искренне отдавшие себя общему делу и готовые подвергнуться тем же опасностям, что и их более умеренные по взглядам соратники. Берли не посетил ни Мортон, ни Паундтекста и не согласовал с ними ни одного из важнейших вопросов; он только послал им официальное приглашение явиться вечером в военный совет.

Когда Мортон и Паундтекст прибыли на заседание, все остальные были уже в сборе. Они сухо приветствовали вошедших, и по всему было видно, что создавшие этот совет отнюдь не намерены проводить его в дружественной обстановке. Первый вопрос им задал Эфраим Мак-Брайер; увлекаемый своим пылким рвением, он всегда и во всем неизменно опережал остальных. Он желал знать, чьею властью нечестивец, именуемый лордом Эвенделом, был избавлен от смертной казни, к которой был справедливо приговорен.

— Моей властью, а также властью мистера Мортон, — отвечал Паундтекст, который прежде всего хотел покрасоваться своим бесстрашием перед единомышленником, уверенный, что тот окажет ему поддержку, а кроме того, предпочитал скрестить оружие в богословском диспуте, где мог никого не бояться, с лицом той же профессии, что и его собственная, чем вступать в споры с мрачным убийцею Белфуром.

— А кто, брат мой, — спросил Тимпан, — кто уполномочил вас принимать решения в таком важном деле?

— Самый характер осуществляемой нами деятельности, — ответил Паундтекст, — дает нам власть вязать и развязывать. Если лорд Эвендел был справедливо осужден на смерть голосом одного из нас, то можно не сомневаться в законности отмены этого

приговора, раз за нее высказались два члена совета.

— Рассказывайте! — воскликнул Берли. — Нам известны побуждения, которыми вы руководствовались. Вы хотели послать через этого шелковичного червя, через эту расфранченную куклу, это ничтожество в золотом шитье, которое именуется лордом, ваши условия мира; вы хотели, чтобы он их вручил тирану.

— Да, это так, — сказал Мортон, заметив, что Паундтекст начинает сдавать, не выдерживая грозного взгляда Берли, — да, это так; ну так что же? Или нам следует ввергнуть народ в войну, которой не будет конца, чтобы пытаться осуществить дикие, преступные и неосуществимые планы?

— Послушайте его, — сказал Берли, — он богохульствует.

— Неверно, — возразил Мортон, — богохульствуют те, кто уповает на чудеса и не хочет использовать средства, которыми провидение благословило людей. Повторяю: наша цель — заключение мира на приемлемых для всех и почетных условиях, обеспечивающих свободу для наших верований и неприкосновенность для нас. Мы не допустим, чтобы кто-либо навязывал нам свои убеждения.

На этот раз спор, вероятно, принял бы еще более ожесточенный характер, чем когда-либо прежде, если бы он не был внезапно прерван известием о том, что герцог Монмут выступил из Эдинбурга в западном направлении и прошел уже больше половины пути. Эти новости заставили на мгновение смолкнуть спорящих. Совет постановил назначить на завтра день покаяния во искупление грехов их несчастной страны; почтенному мистеру Паундтексту было предложено выступить перед армией утром, а Габриелю Тимпану — после полудня; ни тот, ни другой не должны были затрагивать разногласий в религиозных воззрениях; им предписывалось воодушевить воинов стоять не на живот, а на смерть, сражаясь, как подобает братьям, за правое дело. После того как совет принял это спасительное в данных условиях постановление, представители умеренной партии

рискнули внести еще одно предложение, надеясь на то, что оно встретит поддержку Лонгкейла, который, услышав вести о продвижении королевских войск, стал белый как полотно и, видимо, снова склонялся к умеренности. Обосновывая это предложение, они указали на то, что король доверил командование войсками не их угнетателям, а вельможе, известному мягкостью своего характера и благожелательным отношением к делу пресвитериан, вследствие чего можно предполагать, что правительство намерено действовать с меньшей суровостью, нежели та, которую они на себе испытали. Ввиду этого было бы не только разумным, но и существенно необходимым выяснить непосредственно у самого герцога, нет ли у него каких-нибудь секретных инструкций в их пользу, а это можно сделать только в том случае, если для переговоров с герцогом будет послан специальный уполномоченный.

— Но кто же возьмет на себя эту задачу? — спросил Берли, не решаясь открыто выступить против столь благоразумного предложения. — Кто отважится отправиться во вражеский стан, зная заранее, что в отместку за смерть своего молодого племянника Джон Грэм Клеверхауз поклялся повесить всякого, кто прибудет к ним в лагерь?

— Пусть это не будет препятствием, — сказал Мортон, — я готов рискнуть и взять на себя это дело.

— Пусть едет, — шепнул Белфур Мак-Брайеру, — по крайней мере мы избавимся от него на наших советах.

Проект Мортон и Паундтекста не встретил, таким образом, противодействия тех, кто мог особенно яростно на него ополчиться. Было решено, что Генри Мортон отправится в лагерь герцога Монмута с целью выяснения тех условий, на которых повстанцы могут начать переговоры о мире. Как только стало известно о возложенном на Мортон поручении, к нему началось паломничество приверженцев умеренной партии, которые настойчиво просили его придерживаться условий, переданных через лорда Эвендела. Надо сказать, что приближение королевской армии

посеяло всеобщий страх и смятение. Бахвальство камеронцев, не имевшее никаких оснований, кроме их упрямого фанатизма, конечно никого не могло успокоить. Сопровождаемый этими наставлениями и своим верным Кадди, Мортон пустился в путь к лагерю герцога Монмута, навстречу опасностям, грозящим парламентару в разгар гражданских раздоров.

Проехав каких-нибудь шесть-семь миль, Мортон обнаружил, что еще немного, и он наскочит на передовые части противника; и действительно, поднявшись на возвышенность, он увидел, что все дороги забиты солдатами, идущими в образцовом порядке по направлению к Босуэл-муру — обширному выгону, где они предполагали заночевать, на расстоянии около двух миль от Клайда, на противоположном берегу которого стояли повстанцы. Увидев разъезд вражеской кавалерии, Мортон пустился навстречу всадникам и объявил, что он парламентар от повстанцев и просит проводить его к герцогу Монмуту. Сержант, возглавлявший отряд, поспешил сообщить о прибытии парламентаря своему командиру, тот послал донесение по команде, и к месту, где находился Мортон, поспешно выехали два офицера.

— Вы зря теряете время, любезный, и, кроме того, рискуете жизнью, — сказал один из них, обращаясь к Мортону, — герцог Монмут не станет выслушивать условия от изменников, выступивших с оружием против законных властей; к тому же учиненные вами зверства вопиют о возмездии. Лучше поворачивайте коня и поберегите его сегодня, чтобы он смог послушать вам как следует завтра.

— Но я не могу поверить, — сказал Мортон, — чтобы герцог Монмут, даже если он рассматривает нас как преступников, обрек на смерть такое множество своих ближних, не выслушав их жалоб и требований. Лично я за себя не боюсь. Я знаю, что не поощряли и не допускали никаких жестокостей, и боязнь ответить за злодеяния других не может мне помешать исполнить мой долг.

Офицеры переглянулись.

— Я думаю, — сказал офицер, который был помоще, — уж не тот ли это молодой человек, о котором говорил лорд Эвендел.

— А лорд Эвендел здесь? — спросил Мортон.

— Нет, — сказал офицер, — мы оставили его в Эдинбурге; он еще не поправился и не смог поэтому выступить с нами в поход. Вас зовут, если не ошибаюсь, Генри Мортон?

— Совершенно верно.

— Мы не станем препятствовать вашему свиданию с герцогом, сударь, — сказал офицер гораздо вежливее, чем прежде, — но вы должны быть готовы к тому, что это решительно ничего не изменит; его светлость благожелательно настроен по отношению к вашим, но те, кто разделяет с ним власть, едва ли согласятся на какие-нибудь поблажки.

— Я буду глубоко огорчен, если ваши слова оправдаются, — отозвался Мортон, — однако мой долг велит настаивать на свидании с его светлостью.

— Лэмли, — сказал старший из офицеров, — сообщите герцогу о прибытии мистера Мортонa и напомните его светлости, что это тот джентльмен, о котором так уважительно говорил лорд Эвендел.

Офицер возвратился с ответом, что генерал не располагает возможностью встретиться с Мртоном вечером, но примет его завтра утром. Его поместили на ночь в ближайшей хижине, снабдили всем необходимым и были с ним чрезвычайно предупредительны и любезны. Рано утром за ним явился уже знакомый ему офицер, чтобы проводить на аудиенцию к герцогу.

Армия уже снялась с бивака и в этот момент выстраивалась колоннами для похода или, может быть, для атаки противника. Герцог находился в центре боевого порядка, примерно в миле от того места, где Мортон провел минувшую ночь. По пути к генералу он имел возможность прикинуть в уме численность и мощь этой армии, собранной для подавления неожиданно разразившегося и плохо организованного восстания. Тут было три-четыре полка англичан, составлявших цвет армии Карла II, были шотландские

лейб-гвардейцы, жаждавшие отомстить за свое недавнее поражение, и другие полки регулярной шотландской армии, и многочисленные кавалерийские части, набранные из землевладельцев, добровольно вступивших в армию, и из вассалов короны, обязанных королю военной службой. Мортон, кроме того, заметил и несколько сильных отрядов горцев, спустившихся со своих гор из районов близ границ Нижней Шотландии и, как мы уже говорили, в такой же мере ненавидевших западных вигов, в какой последние их ненавидели и презирали. Они выступили под предводительством своих вождей и составляли отдельное подразделение этого грозного войска. Большой парк полевой артиллерии сопровождал королевскую армию. Все вместе имело настолько внушительный вид, что, казалось, одно лишь чудо может спасти плохо вооруженное, случайное и недисциплинированное войско повстанцев от страшного и окончательного разгрома. Офицер, сопровождавший Мортон, старался по его взглядам выяснить, какое впечатление произвело на него это великолепное и страшное зрелище боевой мощи. Но, храня верность делу, которому себя посвятил, Мортон умело скрывал охватившее его беспокойство и смотрел вокруг себя с таким безразличным видом, словно во всем этом для него не было ничего неожиданного.

— Смотрите, какое угощение для вас приготовлено, — сказал офицер.

— Если бы у меня пропал аппетит, — ответил на это Мортон, — я не был бы сейчас вместе с вами. Но ради обеих сторон я предпочел бы, чтобы меня угостили более мирной закуской.

Беседуя таким образом, они подъехали к главнокомандующему, который стоял, окруженный большим числом офицеров, на вершине небольшого холма, откуда открывался вид на окрестности. Можно было различить извивавшийся лентой величественный Клайд и даже лагерь повстанцев на другом берегу реки. Офицеры королевской армии, очевидно, знакомились с местностью, чтобы выбрать наиболее удобное направление для атаки. Капитан Лэмли,

сопровождавший Мортонa, подошел к герцогу и шепнул ему на ухо о прибытии парламентаря. Герцог подал знак окружающим офицерам отойти в сторону, оставив при себе только двух генералов, своих ближайших помощников. Пока они совещались, Мортон успел разглядеть тех, с кем ему предстояло вступить в переговоры.

Всякий, взглянув на герцога Монмута, не мог не почувствовать его обаяния, о чем великий жрец всех девяти дев Парнаса вспоминал впоследствии в следующих стихах:

Что б он ни делал — простота во всем.
«Быть милым» от природы было в нем,
Движения изящны и просты,
И лик его был райской красоты.

И все же проницательный наблюдатель не мог не заметить, что на красивом и мужественном лице Монмута порой появлялось выражение задумчивости и неуверенности, отражая, видимо, колебания и сомнения, одолевавшие его всякий раз, когда было необходимо принять ответственное решение.

Позади герцога стоял Клеверхауз, с которым мы уже успели познакомить читателя, и еще один генерал с крайне примечательной и своеобразной наружностью. Он был одет в платье старинного образца, какое носили во времена Карла I. Это был костюм причудливого покроя, сшитый из замши и украшенный позументом и богатым шитьем. Ботфорты и шпоры этого генерала были так же старомодны. Он носил нагрудник, поверх которого свисала борода почтенной длины: он отращивал ее в знак скорби и траура по Карлу I, и ее не касалась бритва цирюльника с того дня, как голова несчастного государя скатилась на эшафоте. Он стоял с непокрытой головой и был совершенно лыс. Его высокий морщинистый лоб, серые проницательные глаза и крупные, словно высеченные, черты свидетельствовали о преклонных годах, не сломивших, однако, здоровья, и суровой решительности, недоступной чувству сострадания. Таков был внешний облик — правда, едва

намеченный нами — знаменитого генерала Томаса Дэлзэла, которого виги боялись и ненавидели еще больше, чем Клеверхауза: генерал был беспощаден к ним из-за того, что ненавидел их лютой ненавистью, а может быть, и из врожденной суровости, тогда как Клеверхауз руководствовался политическими соображениями, считая крутые меры лучшим средством для обуздания пресвитериан или даже для полного искоренения этой секты.

Мортон понял, что присутствие на аудиенции этих двух генералов — одного из них он знал лично, другого понаслышке — предрешало судьбу его дела. Тем не менее, несмотря на свою молодость и неопытность и неблагоприятный прием, который, судя по всему, встретили его предложения, он смело по данному ему знаку приблизился к Монмуту, решив про себя, что интересы его страны и тех, кто взялся ради них за оружие, не должны страдать от того, что были доверены ему, а не кому-либо более сведущему в этих делах. Монмут принял его с изысканною любезностью, не покидавшей его никогда и нигде. Дэлзэл бросил на него нетерпеливый, суровый и мрачный взгляд; Клеверхауз саркастическою улыбкой и легким кивком головы, видимо, хотел подчеркнуть, что считает его старым знакомым.

— Вы прибыли, сударь, от лица этих несчастных людей, собравшихся ныне вооруженной толпой, — сказал герцог Монмут, — и вас зовут, насколько мне известно, Мортон. Не угодно ли вам сообщить, в чем состоит данное вам поручение.

— Об этом говорится в бумаге, милорд, — ответил Мортон, — именуемой памятною запискою и петицией, которую лорд Эвендел должен был вручить вашей светлости.

— Что он и сделал, — подтвердил герцог. — И, как я понял из слов лорда Эвендела, в этих достойных сожаления обстоятельствах мистер Мортон обнаружил много благоразумия и благородства, за что и приношу ему мою благодарность.

От Мортонна не укрылось, что в этот момент Дэлзэл негодуяюще покачал головой и что-то шепнул

на ухо Клеверхаузу, который в ответ усмехнулся и едва заметно повел бровями. Герцог вынул из кармана петицию. Он был мягок по природе и понимал, что ее авторы требовали только того, на что имеют бесспорное право. С другой стороны, он должен был содействовать упрочению власти короля и считаться с более непримиримыми взглядами лиц, приставленных к нему не только для помощи, но и для контроля за ним. Явно колеблясь между этими побуждениями, он произнес:

— В этой бумаге содержатся предложения, мистер Мортон, по существу которых я в настоящее время не имею возможности высказаться. Некоторые из них представляются мне разумными и справедливыми, и хотя на этот счет я не располагаю инструкциями его величества, все же заверяю вас, мистер Мортон, и моя честь в том порукой, что готов выступить перед ним вашим ходатаем и сделать все от меня зависящее, чтобы добиться удовлетворения ваших требований. Но вам нужно понять, что я могу вступить в переговоры только с просителями, а не с мятежниками. Итак, вы можете рассчитывать на мою благожелательность и на мою помощь лишь при условии, что ваши сотоварищи сложат оружие и отправятся по домам.

— Сделать это, милорд, — бесстрашно ответил Мортон, — значило бы признать, что мы и в самом деле мятежники, как нас именуют наши враги. А между тем мы обнажили меч, чтобы возвратить себе наши исконные, незаконно отнятые у нас права. Умеренность и здравомыслие вашей светлости позволили вам понять справедливость предъявленных нами требований, но если бы им не вторила боевая труба, к ним никто не стал бы прислушиваться. Вот почему мы не можем и не смеем сложить оружие, даже если бы ваша светлость обещали нам безнаказанность, пока к этому обещанию не будет добавлена положительная гарантия, что злоупотреблениям и насилиям, на которые мы указываем в нашей петиции, будет положен конец.

— Мистер Мортон, — заметил герцог, — вы молодцы, но у вас достаточно опыта, чтобы знать, что порой даже разумные просьбы становятся опасными и неразумными из-за формы, в какой они изложены или предъявлены.

— Мы можем ответить, милорд, что прибегли к этой весьма неприятной форме лишь после того, как тщетно испробовали другие.

— Мистер Мортон, — сказал герцог, — я вынужден сократить нашу беседу. Мы готовы начать атаку; но я отложу ее ровно на час, пока вы не сообщите моего ответа мятежникам. Если им будет угодно разойтись, сложить оружие и прислать ко мне мирную делегацию, я сочту делом чести сделать все от меня зависящее, чтобы удовлетворить их претензии; если нет, пусть берегутся и ожидают последствий. Я полагаю, господа, — добавил он, оборачиваясь к своим помощникам, — что это самое большее, что позволяют полученные мною инструкции и на что я могу пойти в интересах этих введенных в заблуждение лиц.

— Клянусь честью, — неожиданно заявил Дэлзэл, — мое слабое разумение не позволило бы пойти и на это, учитывая мою ответственность пред королем и собственной совестью. Впрочем, вашей светлости, без сомнения, лучше известны намерения его величества короля, нежели нам, вынужденным руководствоваться лишь буквою наших инструкций.

Кровь прилила к лицу Монмута.

— Вы слышите, — сказал он, обращаясь к Мортону, — генерал Дэлзэл порицает меня за предоставление вам отсрочки.

— Отношение генерала Дэлзэла нас несколько не удивляет, ведь ничего иного мы от него и не ждали; отношение вашей светлости также соответствует тем надеждам, с которыми я сюда направлялся. Мне остается только добавить, что даже в случае беспрекословного подчинения, на чем вам угодно настаивать, остается чрезвычайно сомнительным, поможет ли нам ваше ходатайство, если короля окружают такие советники. Я передам нашим вождям ответ

вашей светлости на нашу петицию, и, раз мы не можем добиться мира, нам придется вести войну.

— Прощайте, сударь, — сказал герцог. — Итак, я откладываю атаку на один час, только на час. Если вы пришлете ответ в течение этого срока, меня можно будет найти на этом же месте, и я буду искренне рад, если он избавит нас от напрасного кровопролития.

В этот момент Дэлзэл и Клеверхауз снова обменялись многозначительною улыбкой. Герцог ее заметил и повторил свои слова со спокойным достоинством:

— Да, господа, я сказал, что надеюсь на разумный ответ, который избавил бы нас от напрасного кровопролития. Полагаю, что в моем пожелании не заключается ничего, заслуживающего вашей насмешки или вашего порицания.

На это замечание герцога Дэлзэл ответил суровым взглядом, но промолчал. Клеверхауз, скривив губы в ироническую улыбку, учтиво сказал, что не ему судить, справедливы ли мнения его светлости.

Герцог движением руки отпустил Мортонa. С прежним эскортом, мимо готовой к наступлению армии, направился он в лагерь нонконформистов. Поравнявшись с блестящими кавалеристами, в которых узнал лейб-гвардейцев, он увидел Клеверхауза, успевшего занять свое место перед полком. Заметив Мортонa, он подъехал к нему и с подчеркнутой вежливостью сказал:

— Сколько мне помнится, я встречаю мистера Мортонa из Милнвуда уже не впервые?

— Если мое присутствие здесь причиняет неудобство вам или еще кое-кому, — сказал, усмехнувшись, Мортон, — то уж, во всяком случае, не по вине полковника Грэма.

— Разрешите по крайней мере заметить, — проговорил Клеверхауз, — что нынешний образ действий мистера Мортонa полностью подтверждает мнение, которое я составил о нем, и что мои действия в нашу прошлую встречу были не чем иным, как выполнением моего долга.

— Согласовать свои действия с долгом, а долг — с совестью — ваше дело, полковник Грэм, а отнюдь не мое, — ответил Мортон, оскорбленный замечанием Клеверхауза, который в учтивой форме домогался признания справедливости приговора, едва не приведенного в исполнение.

— Погодите минутку, — сказал Клеверхауз. — Эвендел утверждает, что я виноват перед вами и должен загладить свою вину. Полагаю, что я всегда буду делать различие между великодушным, благородным, образованным человеком, который, и заблуждаясь, действует, руководствуясь высокими побуждениями, и тупыми, фанатичными изуверами с кровавыми убийцами во главе. Поэтому, если они не побросают оружие и не разбредутся после вашего прибытия в лагерь, прошу вас, возвращайтесь сюда и сдавайтесь — ведь они, уверяю вас, не продержатся и получаса. Если вы решитесь на этот шаг, разыщите меня. Монмут, как это ни странно, не сможет вас защитить, Дэлзэл — не захочет, один я и смогу и захочу. Я обещал это Эвенделу, если вы доставите мне такую возможность.

— Я был бы очень признателен лорду Эвенделу, — холодно произнес Мортон, — если бы его план не основывался на мысли, что меня можно убедить покинуть людей, с которыми я связан совместной борьбой. Что касается вас, полковник, то вы премного меня обяжете удовлетворением совершенно иного рода; по истечении часа вы, быть может, найдете меня на западной половине Босуэл-бриджа со шпагой в руке.

— Буду счастлив встретиться с вами в указанном месте, — сказал Клеверхауз, — но, быть может, вы все-таки подумаете о моем предложении.

Они распрощались и разъехались в разные стороны.

— Славный он парень, Лэмли, — сказал Клеверхауз, обращаясь к находившемуся рядом с ним офицеру. — Впрочем, погибший он человек, и пусть кровь его будет на нем.

Произнеся эти слова, он занялся приготовлениями к предстоящему бою.

Глава XXXI

Но чу, не тот уже в лагере шум,
Прощай, и мир и покой.

Бернс

Явился ополченцев полк,
В цвет голубой одет,
И Лондон дал пятьсот солдат,
Одетых в красный цвет.

Строфы Босцэла

Покинув аванпосты регулярной армии, где царил образцовый порядок, и достигнув расположения войска пресвитериан, Мортон не мог не почувствовать разительного отличия в дисциплине и с тревогой подумал о будущем. Разногласия, волновавшие военный совет, теперь захватили всех, вплоть до последнего рядового. Дозоры и патрули повстанцев охотнее занимались жаркими спорами об истинных причинах гнева господня и определением того, что есть эрастиянская ересь, чем разведкой и наблюдением за врагом, хотя уже доносились барабанная дробь и звуки труб королевской армии.

Правда, на длинном и узком Босуэл-бридже, которого противник не мог миновать, повстанцами была выставлена охрана; но и здесь, как в любом другом месте их лагеря, люди были разобщены взаимной враждой и пали духом в ожидании грозного неприятеля, — понимая, что их поставили на самый опасный участок, они уже стали подумывать, не уйти ли им в расположение главных сил. Это было бы окончательной гибелью, так как от сохранения за собой этой переправы или от ее потери зависела судьба предстоящего боя. За мостом начиналось открытое ровное поле с разбросанными на нем небольшими зарослями кустарника; на таком поле сражения недисциплинированные отряды повстанцев, без пушек и с очень слабой кавалерией, не могли бы сдерживать натиск регулярных частей.

Внимательно осмотрев подступы к переправе, Мортон пришел к выводу, что если занять два-три дома

и рошу на левом берегу Клайда, а также окаймляющие его берега и заросли ольшаника и орешника и забаррикадировать проезд и ворота, высившиеся по обыкновению над центральной аркой Босуэлбриджа, то его легко можно будет оборонять даже от превосходящих сил неприятеля. Он отдал соответствующие распоряжения и приказал свалить на мосту, по ту сторону ворот, парапеты, чтобы они не могли служить укрытием для противника, когда он предпримет попытку прорваться. Он заклинал оставленный на этом важнейшем участке отряд быть на чеку и зорко охранять мост и пообещал тотчас же прислать сильное подкрепление. Он заставил их выслать на тот берег разведчиков, с тем чтобы они следили за продвижением неприятеля и возвратились назад, как только покажется его авангард. Наконец, он их обязал регулярно извещать главные силы обо всем, что будет ими замечено. Солдаты в минуту опасности быстро оценивают по достоинству своих офицеров. Благоразумие и энергичность Мортон завоевали ему доверие этих людей, и они, ободрившись и успокоившись, принялись укреплять по его указанию занятую ими позицию и, когда он снова тронулся в путь, проводили его троекратным приветственным криком.

Теперь Мортон поскакал во весь опор по направлению к главным силам повстанцев. Прибыв в лагерь, он был поражен и потрясен представшей перед ним картиной полного смятения и раздора, и притом тогда, когда так существенны были строгий порядок и единение. Вместо того чтобы построиться боевой линией и повиноваться распоряжениям своих офицеров, повстанцы толпились беспорядочной массой, кипевшей и рокотавшей, словно волны морские; тысячи глоток кричали или, вернее, вопили все вместе, и не нашлось уха, чтобы их выслушать. Возмущенный этим безобразным зрелищем, Мортон решил пробиться сквозь давку и толчею и выяснить, а если возможно, и устранить причину столь неуместного беспорядка. Пока он поглощен этим занятием, мы познакоим читателя с тем, что Мортон узнал лишь позднее,

Повстанцы собрались для проведения дня покаяния; так же как пуритане в предыдущей гражданской войне, они считали это наилучшим способом разрешения всех трудностей и разногласий. Обычно для этого назначали любой будний день, но на этот раз пришлось остановиться на воскресенье, так как времени было в обрез, а враг находился рядом. В центре лагеря была установлена временная кафедра или, вернее, палатка; согласно утвержденному распорядку, она должна была быть предоставлена сначала достопочтенному Питеру Паундтексту, как старейшему из наличных в войске повстанцев священников. Но пока этот почтенный служитель церкви медленными и размеренными шагами приближался к приготовленной для него трибуне, его опередил неожиданно появившийся Аввакум Многогневный, тот одержимый безумием проповедник, внешность которого так поразила Мортонa, когда он увидел его на заседании военного совета после победы при Лоудон-хилле. Неизвестно, действовал ли он под влиянием или по наущению камеронцев, либо его подтолкнули использовать случай и обратиться с увещаниями к столь многочисленному сборищу собственное расстроенное воображение и соблазн взойти на бывшую перед ним свободную кафедру. Известно лишь то, что он ухватился за представившуюся возможность, вскочил на кафедру, посмотрел вокруг себя диким, блуждающим взором и, не обращая внимания на ропот многих присутствующих, открыл библию и прочитал в качестве исходного текста для своей проповеди следующий стих из тринадцатой главы Второзакония: «...появились в нем сыны Велиала из среды тебя и соблазнили жителей города их, говоря: «пойдем и будем служить богам иным, которых вы не знали», вслед за чем углубился в изложение своей темы.

Речь Многогневногo была в такой же мере дикой и несообразной, в какой его вторжение на трибуну — неожиданным и несвоевременным; но она была в самую точку, так как бредила самые болезненные вопросы, обсуждение которых, с общего согласия, предполагалось отложить до более благоприятной поры. Он не

упустил решительно ничего, что имело хотя бы малейшее отношение к обуревавшим их распрям. Обвинив умеренных в том, что они попали в ересь, что пресмыкаются перед властью насильников, что ищут мира с врагами господними, он затем назвал имя Мортон и обрушился на него, утверждая, что он один из тех сынов Велиала, которые, как сказано в приведенном им тексте, вышли из среды их, чтобы соблазнить жителей града сего и предаться ложным богам. Мортону и всем тем, кто идет вслед за ним или одобряет его образ действий, Многогневный возвестил ярость и мщение; он увещевал всех, кто хочет остаться чистым и незапятнанным, немедленно покинуть ряды нечестивых.

— Не страшитесь, — говорил он, — ни конского ржания, ни блеска доспехов. Не ищите помощи у египтян, не ищите ее у врага, будь он так же неисчислимым, как акриды, и так же свиреп, как драконы. Упования их — не наши упования, столпы их — не наши столпы; может ли быть иначе, если тысяча победит от одного, а двое обратят в бегство десять тысяч врагов! Я видел этуо ночью видение и слышал голос, сказавший: «Аввакум, возьми лопату и отдели зерно от мякины, дабы не пожрало обоих пламя негодования и не спалила молния ярости». И я говорю вам: возьмите этого Генри Мортон, этого мерзостного Ахана, принесшего с собой то, что проклято господом, и побратавшегося с врагами в их стане, возьмите его, и побейте камнями, и сожгите в огне, дабы отвратить гнев господень от чад ковенанта. Он не облечен в одежды вавилонские, но продал одежды праведника жене Вавилона; он не взял двухсот сиклей чистого серебра, но предал истину, которая драгоценнее серебряных сиклей или золота в слитках.

Эти яростные нападки, столь внезапно обрушившиеся на одного из наиболее деятельных вождей пресвитерианского войска, вызвали среди слушателей целую бурю. Некоторые потребовали немедленно переизбрать офицеров и не допускать на командные должности никого, прикоснувшегося, по их выражению, к тому, что проклято господом, или склонного

мириться с ересями и язвами времени. Настаивая на своем требовании, камеронцы громко кричали, что кто не с ними, тот против них, что теперь не время отказываться от важнейших пунктов священного ковенанта шотландской церкви, если они ждут божьего благословения своему оружию и своему делу, и что в их глазах умеренный пресвитерианин немногим лучше, чем прелатист, антиковенантер или безбожник.

Подвергшиеся нападению с негодованием отвергали обвинения в преступной снисходительности и в отпадении от истинной веры и, в свою очередь, обвиняли обвинителей в вероломстве, а также в безумном и нелепом стремлении во что бы то ни стало посеять в рядах войска несогласия и раздоры, тогда как даже самому беспечному среди них ясно, что, лишь объединив свои силы, они смогут — и то только-только — устоять перед врагом. Паундтекст и еще двое или трое из его прихожан пытались было сдержать разыгравшиеся страсти и обращали к своим противникам слова патриарха: «Да не будет вражды между мной и тобой, и твоими пастырями и моими пастырями, ибо мы братья». Но никто не слушал этих миролюбивых призывов. Тщетно сам Берли, поняв, что этот раздор угрожает неминуемой гибелью, возвысил строгий и мощный голос, требуя молчания и подчинения дисциплине. Дух неповиновения захватывал все большее число собравшихся пресвитериан; речь Аввакума Многогневного, казалось, заразила безумием его слушателей. Наиболее благоразумная и робкая часть собравшихся покинула поле, считая, что все потеряно и дальнейшая борьба безнадежна. Другие обращали смиренные, согласно их весьма неточному выражению, мольбы к вновь избранным офицерам и, неистово вопя и беснуясь, бессмысленно и беспорядочно, как и все на этом злосчастном собрании, отрешали от должности прежних. В этот момент прибыл Мортон, найдя армию в полном смятении, готовой вот-вот распасться. Его появление вызвало громкие приветственные клики одних и проклятия и угрозы других.

— Что означает этот пагубный беспорядок, да еще в такой опасный момент? — воскликнул он, обращаясь к Берли, который, устав от бесплодных усилий восстановить порядок и дисциплину, стоял, опираясь на свой палаш и взирая с мрачным отчаянием на окружающее.

— Это значит, — ответил он, — что господь отдал нас в руки наших врагов.

— Нет! — воскликнул Мортон (его громкий голос и жесты заставили многих прислушаться к тому, что он говорил). — Неверно, что господь покидает нас, — мы сами покидаем его, мы покрываем себя позором, унижая и предавая дело свободы и нашей религии. Слушайте меня, — продолжал он, избегая на кафедру, которую в полном изнеможении принужден был оставить Аввакум Многогневный. — Я привез от врага предложение немедленно начать мирные переговоры. Однако он требует, чтобы вы сначала сложили оружие. Могу вас заверить, мы в состоянии оказать ему достойное сопротивление, но только в том случае, если вы будете вести себя, как подобает мужчинам. Решайте же наконец: война или мир? Время, предоставленное нам для решения, уже на исходе. Пусть в будущем не станут о нас говорить, что шесть тысяч вооруженных шотландцев не были ни достаточно храбрыми, чтобы выйти на поле брани и стоять стеною, ни достаточно благоразумными, чтобы заключить с врагом мир, ни даже мудрыми мудростью трусов, чтобы своевременно отступить. Чего стоят споры о мелочах в церковном устройстве и управлении, когда зданию грозит разрушение? Вспомните, братья мои, что последнее и самое страшное бедствие, какое наслал господь на некогда избранный им народ, последнее и самое страшное наказание за его слепоту и бесчувственность — это те кровавые распри, которые раздирали на части город его даже тогда, когда враг уже ломился в ворота.

Некоторые из стоявших вокруг ответили на речь Мортонa одобрительными криками, другие — улюлюканьем, свистом и восклицаниями: «По палаткам, Израиль!»

Заметив, что колонны противника показались уже на правом берегу Клайда и направляются к мосту, Мортон, указывая рукой на врага, изо всех сил прокричал:

— Прекратите ваш бессмысленный рев, взгляните туда, вон противник! Удержим ли мы в своих руках мост или нет, от этого зависит и наша жизнь и надежда на отвоевание наших законов и наших свобод. Я докажу, что найдется такой шотландец, который сумеет умереть, защищая их. Кто любит отчизну, за мной!

Толпа повернулась в ту сторону, куда он указывал. При виде блестящих рядов английской гвардейской пехоты, сопровождаемой бесчисленными эскадронами конницы, при виде канониров, устанавливающих пушки против моста, при виде закутанных в пледы горцев, искавших брод, и длинной вереницы остальных войск, предназначенных для поддержки атаки, повстанцы примолкли, пораженные этим зрелищем, словно оно являлось для них полною неожиданностью, которую они не могли предвидеть. Люди растерянно устремляли глаза друг на друга, на своих командиров, и их взгляды были как у больного, очнувшегося после припадка безумия. Впрочем, когда Мортон, прыгнув с трибуны, решительными шагами направился к мосту, за ним последовало около сотни юношей, большею частью тех, кто находился под его непосредственною командой.

Берли повернулся к Мак-Брайеру.

— Эфраим, — сказал он, — через бrenную мудрость этого нетвердого в своей вере юноши провидение указывает нам спасительный путь. Пусть тот, кому дорог свет истины, следует за Белфуром Берли!

— Остановись! — воскликнул Мак-Брайер. — Разве Генри Мортон или подобный ему достоин указывать нам, когда выходить и когда входить? Остановись, оставайся с нами! Я боюсь измены, я боюсь, что этот ни во что не верующий Ахан предал нас врагу. Ты не смеешь идти вместе с ним. Ты один — наши колесницы и наши всадники.

— Не удерживай меня, — отвечал Берли. — Он прав: если враг овладеет мостом, надеяться не на что. Неужели чада колена этого могут быть названы более мудрыми и более храбрыми, чем чада святилища? Стройтесь в ряды под командованием ваших вождей, позаботьтесь, чтобы у нас не было недостатка в людях и порохе, и будь проклят тот, кто отвернется от страды сего великого дня.

Сказав это, он быстро пошел по направлению к мосту; за ним последовало около двухсот наиболее храбрых и ревностных приверженцев его партии. После ухода Мортон и Берли в лагере воцарилась мертвая и зловещая тишина. Командиры воспользовались наступившим успокоением и принялись наводить хоть некоторый порядок среди своих подчиненных, увещая тех, кто был не прочь лечь ничком на землю, чтобы укрыться от ожидаемого обстрела. Повстанцы перестали оказывать своим начальникам сопротивление или вступать в препирательства с ними, но страх, заставивший их забыть свои распри, вытравил из них и мужество. Они покорно, словно стадо овец, позволяли строить себя в ряды, но утратили решимость и волю к действию; они испытывали щемящую тоску в сердце, порожденную внезапным приближением грозной опасности, о которой никто не думал, пока она была далеко. Впрочем, их построили более или менее правильной боевой линией, и теперь, когда они снова стали похожи на армию, их вождям оставалось только надеяться, что какое-нибудь счастливое обстоятельство поднимет их дух и восстановит былую отвагу.

Тимпан, Паундтекст, Мак-Брайер и прочие проповедники обходили ряды и уговаривали бойцов заткнуть псалом. Однако суеверные среди них отметили как дурное предзнаменование, что их песнь восхваления и торжества превратилась в ропот смятения и больше походила на покаянные строфы осужденных на смерть, поющих на эшафоте пред казнью, чем на смелый и гордый гимн, разносившийся над Лоудон-хиллом и звучавший словно предвестие грядущей победы. К печальному пению вскоре добавился бурный

аккомпанемент: королевские солдаты кричали, горны вопили, со стороны врага начали греметь пушки, с обеих сторон слышалась ружейная трескотня, и Босуэл-бридж вместе с прилегающими участками берега окутала густая завеса дыма.

Глава XXXII

Как струи частого дождя,
Как туча острых стрел,
Шотландцы падают кругом
Рядами мертвых тел.

Старинная баллада

Неприятель начал яростную атаку на мост несколько раньше, чем Мортон и Берли присоединились к оборонявшим его повстанцам. Два полка гвардейской пехоты, слившись в плотную колонну, устремились к реке; одна ее часть, рассыпавшись по правому берегу, открыла огонь по защитникам, тогда как другая хлынула на мост, с тем чтобы вытеснить их оттуда и овладеть переправой. Повстанцы храбро и стойко выдержали атаку; в то время как некоторые из них отвечали на огонь из-за реки, другие обстреливали противоположный конец моста и подступы, по которым солдаты пытались к нему приблизиться. Последние несли немалый урон, но все-таки продвигались вперед, и голова их колонны была уже на мосту, когда прибытие Мортонa изменило положение дел; его стрелки, ведя меткий и регулярный огонь, заставили наступавших отойти от моста с большими потерями. Королевские войска снова пошли на приступ и снова, с еще большими потерями, были отбиты; в этот момент подоспел Берли со своими людьми. С обеих сторон велась ожесточенная стрельба, а исход боя все еще оставался неясным.

На возвышенности крутого правого берега можно было различить Монмута на великолепном белом коне; он направлял, ободрял и воодушевлял солдат. По его приказанию пушки, обстреливавшие до этого

времени главные силы пресвитериан, были повернуты против защитников моста. Но эти громоздкие и неповоротливые орудия, стрелявшие в те времена гораздо медленнее, чем теперь, не нанесли ожидаемого урона противнику и даже не устроили его. Повстанцы, прячась в рощицах на берегу или в уже упоминавшихся нами домах, стреляли из-за укрытия, тогда как роялисты благодаря мерам предосторожности, принятым Мортонем, были открыты вражеским выстрелам. Нападавшие так долго топтались на месте и встретили настолько упорное сопротивление, что их генералы начали сомневаться в конечном успехе. В этот момент Монмут соскочил с коня и, собрав гвардейцев, повел их снова в отчаянную атаку. За ним тотчас последовал Дэлзэл, который стал во главе отряда ленокских горцев, бросившихся вперед с устрашающим криком «Лох-слой».¹ У защитников моста стал ощущаться недостаток в пулях и порохе. Тщетно посылали они гонца за гонцом к главным силам пресвитерианской армии, стоявшим в бездействии в тылу на открытом поле, сначала требуя, потом умоляя о высылке подкреплений и столь необходимых им боевых припасов. Страх, оцепенение и разброд достигли здесь такого предела, что, в то время как передовая позиция, от которой зависело их собственное спасение, действительно нуждалась в немедленной помощи, не нашлось никого, кто был бы способен распорядиться или хотя бы повиноваться приказу.

По мере того как ослабевал огонь защитников моста, усиливался огонь нападавших, наносивший большие потери повстанцам.

Воодушевляемые примером и увещанием своих генералов, солдаты овладели частью моста и начали разбирать устроенную у ворот баррикаду. Ворота были разбиты; бревна, стволы деревьев и другие подручные материалы, пошедшие на ее постройку, раста-

¹ Это был девиз или боевой клич клана Мак-Фарленов. Так называлось озеро близ горловины Лох-Ломонда, в самом центре их давних владений на берегу этого чудесного внутреннего моря. (Прим. автора.)

щены и сброшены в реку. Это было сделано, впрочем, не без противодействия пресвитериан. Мортон и Берли бились впереди своих воинов, призывая их встретить пиками и алебардами штыки гвардейцев и палаши горцев. Но те, что шли за вожжами, начали пугаться этого неравного боя; они уходили по одному или по двое, по трое в распоряжение главных сил. Напором вражеской колонны, пробивавшей себе путь оружием, оставшиеся были вытеснены с моста. Теперь, когда освободился проход, противник сплошной массой устремился в него. Однако мост был узким и длинным, что затрудняло переправу большого количества войск и делало ее опасной. Тем, кто первыми прошли по мосту, оставалось еще овладеть домами, из окон которых ковенантеры продолжали вести огонь. В этот критический момент Берли и Мортон оказались рядом.

— Еще есть время, — сказал первый, — бросить на них, прежде чем они успеют построиться, кавалерию; с божьей помощью мы могли бы отбить у них мост; итак, торопись привести сюда конницу, а я тем временем поддерживаю со своими уставшими, но стойкими людьми.

Мортон понял значение этого плана и, вскочив на коня, которого Кадди держал наготове в кустарнике, помчался к кавалерийскому отряду, состоявшему сплошь из одних камеронцев. Он не успел еще объяснить, с какою целью к ним прибыл, как его встретили восклицаниями.

— Он спасается бегством! — кричали повстанцы. — Трусливый предатель бежит, как олень от охотников, он покинул посреди сечи нашего храброго Берли, он оставил его в неравном бою!

— Я не бегу, — сказал Мортон. — Вы же видите, что я не бегу. Я прибыл за вами, чтобы повести вас в атаку. Вперед, смелее, и мы еще сумеем отбить мост.

— Не трогайтесь с места, не трогайтесь! — раздавались громкие крики в рядах. — Он предал нас врагу!

Пока Мортон настаивал, увещевал и тщетно приказывал последовать за собой, благоприятный момент был упущен. И после того, как въезд на мост и все

его оборонительные сооружения были захвачены противником, Берли и его люди начали отходить по направлению к главным силам; их поспешное отступление не могло, разумеется, вселить в остальных веру в свои силы, чего им очень не доставало.

Между тем королевские войска беспрепятственно переправлялись по мосту и строились в боевую линию перед ним. Клеверхауз, следивший за ходом боя с противоположного берега, словно ястреб, замерший на скале и выжидающий, когда можно будет ринуться на добычу, выбрав подходящий момент, во главе своей кавалерии перешел на рысях через мост; проведя эскадроны частью через интервалы в боевом порядке пехоты, частью обогнув ее с обеих сторон, он построил их на обширном и ровном поле и тотчас же понесся с основной массой всадников на ковенантеров, атакуя их с фронта, тогда как два других конных отряда угрожали их флангам. Благочестивая армия пресвитериан пребывала в таком состоянии, что одна лишь угроза атаки должна была неизбежно породить панику. Они окончательно пали духом и лишились остатков мужества; они не могли устоять перед конной атакой и всеми сопутствующими ей ужасами, поражающими одновременно и зрение и слух: несущимися во весь опор лошадьми, сотрясающейся под их копытами землей, сверканием обнаженных клинков, развевающимися от встречного ветра плюмажами и дикими воплями всадников. Передние ряды повстанцев открыли беспорядочный и редкий огонь, но задние, не дожидаясь, пока на них налетит конница, покинули строй и бросились спасаться бегством. Меньше чем через пять минут их настигли кавалеристы, коловшие и рубившие беглецов, не давая пощады. Покрывая шум битвы, гремел голос Клеверхауза, кричавшего своим лейб-гвардейцам: «Бейте их, бейте! Никакой пощады, помните о Ричарде Грэме!» Драгуны — многие из них принимали участие в неудачной битве при Лоудонхилле — не нуждались в призывах к отмщению, тем более что они могли упиваться им почти безо всякой опасности для себя. Их палаши вдоволь напились крови не оказывавших сопротивления беглецов.

В ответ на мольбы о пощаде раздавались лишь крики, которыми преследовавшие сопровождали наносимые ими удары. Поле боя представляло собою страшную картину резни, бегства и преследования.

Около тысячи двухсот повстанцев, стоявших отдельно от главных сил, несколько в стороне от них, и не подвергшихся поэтому кавалерийской атаке, бросали оружие и сдались на милость победителя при приближении герцога Монмута во главе больших сил пехоты. Этот великодушный вельможа даровал им пощаду, о которой они молили. Носясь на своем быстром, как вихрь, коне по всему полю битвы, он уговаривал солдат прекратить резню с такой же настойчивостью, с какою недавно увещевал их идти в бой, чтобы добиться победы. Выполняя это гуманное дело, он столкнулся с генералом Дэлзэлом, призывавшим свирепых горцев и волонтеров королевского ополчения показать свою преданность королю и отчизне, заливая пламя мятежа кровью мятежников.

— Вложите шпагу в ножны, я требую этого, генерал! — воскликнул герцог. — Велите трубить отбой. Довольно кровопролития, пощадите введенных в заблуждение подданных короля!

— Повинуюсь вашей светлости, — сказал старый вояка, вытирая свою окровавленную шпагу и вкладывая ее в ножны, — но вместе с тем считаю нужным предупредить, что сделано далеко не все, чтобы устроить этих бесноватых мятежников. Известно ли вашей светлости, что Бэзил Олифант собрал сельских дворян и состоятельных фермеров с запада и собирается идти на соединение с ними?

— Бэзил Олифант? — переспросил герцог. — Кто он и что собой представляет?

— Ближайший наследник по мужской линии последнего графа Торвуда. Он недоволен правительством потому, что оно отвергло его притязания на имущество, оставленное покойным графом, вопреки порядку наследования, леди Маргарет Белленден. Я думаю, что он надеется получить от мятежников ускользнувшее из его рук наследство.

— Каковы бы ни были его побуждения, — ответил Монмут, — ему придется распустить свою банду, так как армия повстанцев разбита наголову и больше собраться не сможет. Итак, кончайте преследование.

— Это дело вашей светлости — приказывать и отвечать за свои приказания, — ответил Дэлзэл, отдавая против воли распоряжение прекратить преследование мятежников.

Однако горячий и мстительный Клеверхауз был уже далеко и не слышал сигнала отбоя; он продолжал во главе своих лейб-гвардейцев безостановочное и кровавое преследование повстанцев, разгоняя и рубя всех, кого только ему и его солдатам удавалось настигнуть.

Волна беглецов увлекла с поля боя и Берли и Мортон. Они попытались оборонять улицы Гамильтона, но пока они силились остановить бегущих и заставить их сражаться, кто-то прострелил Берли правую руку.

— Отсохни рука у того негодяя, кто произвел этот выстрел! — воскликнул Берли, когда палаш, которым он размахивал над своей головой, беспомощно повис у него сбоку. — Я не могу больше сражаться.¹

Затем, повернув коня, он выбрался из этой сумятицы. Мортон, убедившись, что если он не откажется от своих тщетных попыток остановить беглецов, его неминуемо ждет или смерть или плен, последовав за преданным Кадди, пробился сквозь толпу и, так как он был на хорошем коне, перескочил через несколько изгородей и оказался в открытом поле.

Достигнув первой возвышенности, они остановили коней и, оглянувшись, увидели, что вся окрестность полна спасающихся от погони мятежников и преследующих их лейб-гвардейцев; дикие вопли и улюлюканье этих последних, когда они расстреливали пленных, смешивались с криками и столами жертв.

— Им уже не поднять головы, — сказал Мортон.

— У них сняли голову, совсем так, как я откусываю головку у лука, — подхватил Кадди. — О господи!

¹ Этот эпизод и восклицание Берли заимствованы из хроник, (Прим. автора.)

Взгляните, как сверкают палаши. Да, война — страшная вещь. И придется же потрудиться тому, кто захочет заманить меня опять на такую работу. Но, бога ради, давайте нажмем!

Мортон счел необходимым последовать совету своего верного оруженосца. Они припустили коней и поехали, не меняя аллюра, в сторону гористой и дикой местности, где, как они думали, собрались беглецы, чтобы либо вместе защищать свою жизнь, либо добиваться сносных условий капитуляции.

Глава XXXIII

От неба

Им нужно сердце льва, дыханье тигра
И лютость их в придачу.

Флетчер

Наступил вечер. Уже больше двух часов ехали Мортон и Кадди и не встретили никого из своих несчастных товарищей. Они выехали на заболоченную пустынную местность и приближались к большой, уединенно расположенной ферме, стоявшей в том месте, где начиналась дикая, глухая долина; другого жилья поблизости не было.

— Наши кони, — сказал Мортон, — больше не выдержат, им нужен отдых и корм. Попробуем устроить их здесь.

Говоря это, он направился к дому. Все свидетельствовало о том, что в нем были люди: из трубы валил густой дым, у дверей виднелись недавно отпечатавшиеся следы подков. В доме слышались голоса. Но все окна нижнего этажа были закрыты ставнями, и когда наши путники постучались в дверь, им никто не ответил. После тщетных просьб впустить их внутрь они направились в конюшню или, точнее, сарай с намерением, поставив там лошадей, снова попытаться проникнуть в дом. В сарае они нашли десять — двенадцать лошадей. Истомленный вид, рваная сбруя и изрядно потрепанные седла военного образца — все

это свидетельствовало о том, что владельцы их — такие же спасшиеся бегством повстанцы, как и вновь прибывшие.

— Эта встреча к добру, — сказал Кадди, — у них куча мяса, дело ясное, потому что вот свежая шкура, что была на быке тому с полчаса — она еще теплая.

Ободренные всем этим, они вернулись к дому и, объявив, что они такие же ковенантеры, как и те, кто заперся изнутри, стали требовать, чтобы им отворили дверь.

— Кто бы вы ни были, — слышался наконец из окна после упорного молчания чей-то грубый, брюзгливый голос, — не мешайте тем, кто скорбит об опустошении и пленении их отчизны, кто занят исследованием причин гнева господня и вероотступничества, дабы убрать с пути нашего камни преткновения, о которые мы споткнулись.

— Это дикие виги с запада, — прошептал на ухо Мортону Кадди, — узнаю их язык. Дьявол меня возьми, если я хочу встретиться с ними.

Однако Мортон продолжал настойчиво требовать, чтобы им отворили, и, так как его уговоры не действовали, он открыл одно из окон и, толкнув легко поддавшиеся створки ставен, перешагнул через него в просторную кухню, откуда раздавался услышанный ими голос.

За ним последовал Кадди, пробурчавший сквозь зубы, когда просовывал в окно голову, что здесь по крайней мере нет, кажется, на огне горячей похлебки. Господин и слуга оказались в обществе десятка вооруженных людей, сидевших возле огня, на котором готовился ужин, и погруженных, видимо, в благочестивые размышления.

Среди угрюмых и мрачных лиц, освещенных бликами пламени, Мортон без труда узнал некоторых из тех самых фанатиков, которые неизменно противодействовали всем сколько-нибудь умеренным мероприятиям, и вместе с ними их знаменитого пастыря, неистового Эфраима Мак-Брайера, и сумасшедшего Аввакума Многогневного. Камеронцы не двинулись с места и ни словом, ни жестом не приветствовали

своих товарищей по несчастью; они внимательно слушали тихое и мерное бормотание Мак-Брайера, молившегося о том, чтобы господь всемогущий отвел свою руку от избранного народа и не погубил его в день гнева своего. Они знали о присутствии среди них насильно вломившихся посторонних, об этом можно было судить по угрюмым и негодующим взглядам, которые они иногда исподлобья на них бросали.

Поняв, в какую недружественную компанию он опрометчиво вторгся, Мортон начал подумывать об отступлении, но, оглянувшись, не без тревоги заметил, что у окна, через которое он проник в эту комнату, стоят два дюжих, вооруженных до зубов камеронца. Один из этих не предвещавших ничего доброго часовых шепнул на ухо Кадди:

— Сын этой бесценной женщины, этой благословенной Моз Хедриг, не соединяй дольше судьбы своей с судьбою этого исчадия гибели и предательства, иди своею дорогой и поторапливайся, ибо ангел мщения уже за твоею спиной.

При этом он показал на окно, через которое Кадди, не раздумывая, и выпрыгнул, так как полученное им дружеское предупреждение ясно указывало на угрожающую опасность.

«Уж эти мне окна! Не везет мне с ними, и все! — была его первая мысль; второй была мысль о вероятной участи его господина: — Они прикончат его, эти злодеи, и еще будут думать, что сделали доброе дело! Поскачу-ка я назад, в Гамильтон, да погляжу, нет ли кого из наших, чтобы выручить его в трудный час».

Мысленно произнеся эти слова, Кадди поторопился в конюшню и, выбрав лучшую лошадь вместо своего загнанного коня, помчался в задуманном направлении.

Топот его лошади на короткое время нарушил благочестивую сосредоточенность камеронцев. Едва он замер вдали, как Мак-Брайер кончил молиться. Камеронцы, слушавшие его со склоненными головами и опустив глаза, теперь подняли их и устремили на Мортон хмурые взгляды,

— Вы как-то странно смотрите на меня, господа, — сказал он, обращаясь к присутствующим. — Решительно не понимаю, чем это вызвано.

— Стыдись! Стыдись! — вскричал Многогневный, вскакивая со своего места. — Слово, которое ты отринул, станет скалою, что раздавит тебя. Копье, которое ты жаждал сломать, пронзит твое тело. Мы молились, мы взывали к господу, мы просили его указать нам жертву, чтобы искупить грехи нашей паствы, и вдруг тот, в ком и начало и корень зла, предан господом в наши руки. Как тать, проник он в окно; он — баран, пойманный в чаше, чья кровь станет жертвенным возлиянием, чтобы отвратить кару от церкви, и самое место это будет впредь называться Иегова-Ире, ибо господь предусмотрел здесь заклание. Восстаньте же, вяжите бечевой жертву, ведите ее к рогам жертвенника!

Камеронцы поднялись; Мортон горько пожалел о своей торопливости, приведшей его в их общество. При нем была только шпага, его пистолеты остались в карманах седла, и так как виги располагали огнестрельным оружием, вооруженное сопротивление едва ли могло его спасти. Но вмешательство Мак-Брайера отсрочило его смерть.

— Погодите; не торопитесь, братья мои, не обрушивайте слишком поспешно мечи, дабы кровь невинного не раздавила нас своей тяжестью. Итак, — сказал он, обращаясь к Мортону, — мы сначала поговорим с тобой, мы установим твою виновность и лишь потом отомстим за дело, которому ты изменил. Разве на всех собраниях нашего войска, — продолжал он, — ты не боролся, твердый, как кремль, с истинною?

— Боролся, боролся, — раздались глухие голоса вигов.

— Он всегда настаивал на мире с язычниками, — сказал один.

— И стоял горою за черное и страшное зло индугенции, — добавил второй.

— И собирался предать наше войско в руки Монмута! — крикнул третий. — И он первый оставил

честного и мужественного Берли, когда тот грудью отстаивал мост. Я видел его на равнине верхом на коне, которого он искровянил шпорами, гораздо раньше, чем прекратилась перестрелка у моста.

— Господа, — сказал Мортон, — если вы хотите одолеть меня криками и отнять мою жизнь, не дайте мне ответить, то это, по всей вероятности, в вашей власти. Но, свершив это убийство, вы согрешите и пред богом и пред людьми.

— Говорю вам, выслушайте этого юношу, — сказал Мак-Брайер. — Небо свидетель, что мы скорбели о нем душою, жаждали, чтобы он увидел свет истины, чтобы отдал свои дарования на защиту ее. Но он ослеплен своими суетными и бренными знаниями и презрел свет, сиявший пред ним.

Крики стихли, и Мортон воспользовался наступившею тишиной, чтобы напомнить о своей верности общему делу, которую он доказал во время переговоров с Монмутом, а также о своем деятельном участии в последовавшей затем битве.

— Я не могу, господа, — сказал он, — во всем и до конца идти с вами, не останавливаясь ни перед чем, как вам того бы хотелось: я не могу предписывать тем, кто разделяет мои религиозные убеждения, применять средства, подавляющие верования других, но никто больше меня не стремится к утверждению нашей законной свободы. Должен добавить, что, если бы в военном совете и другие держались того же мнения или пожелали сразаться в бою бок о бок со мною, мы не бежали бы от неприятеля и не занимались сейчас препирательствами, а вложили бы нынешним вечером в ножны наши мечи или размахивали бы ими, торжественно празднуя решительную победу.

— Он произнес это слово, — отозвался один из присутствующих, — он признался в суетном себялюбии, он признался в эрастианстве. Так пусть же он умрет заслуженной смертью.

— Помолчите еще немного, — сказал Мак-Брайер, — ибо я хочу продлить испытание. Разве не с твоей помощью этот язычник Эвендел дважды

ускользнул от плена и смерти? Не ты ли спас Майлса Беллендена и его разбойничий гарнизон от карающего меча?

— Я горд подтвердить, что в обоих случаях ваши слова справедливы.

— Вот! Вы видите, — продолжал Мак-Брайер, — снова уста его произнесли слово. И не совершал ли ты этих дел ради мадианитянки, ради отродья епископальной церкви, приманки, которою сатана завлекает в свою западню? Не свершил ли ты всего этого в угоду Эдит Белленден?

— Не вам, — смело ответил Мортон, — судить о моих чувствах к этой молодой леди, но все, что я сделал, я сделал бы и в том случае, если бы ее и вовсе не существовало на свете.

— Ты дерзко восстаешь против истины, — сказал какой-то мрачный камеронец. — Не хотел ли ты, выпустив из замка старую женщину, эту Маргарет Белленден, и ее внучку, помешать мудрому и благочестивому плану Джона Белфура Берли, который задумал привлечь на нашу сторону Бэзила Олифанта, соглашавшегося сражаться за нас, если мы отдадим ему мирские владения этой женщины?

— Я ничего не слышал об этом замысле, — ответил Мортон, — и уже поэтому не мог помешать ему. И кроме того, неужели ваша религия позволяет вам прибегать к таким недостойным и безнравственным приемам вербовки сторонников?

— Остановись, — несколько смутившись, сказал Мак-Брайер, — не тебе учить тех, кто ревностно исповедует веру, не тебе судить об обязанностях, возлагаемых на нас служением ковенанту. Итак, ты сам признался в своих прегрешениях и в прискорбном отпадении от нашего дела. Содеянного тобой достаточно, чтобы погубить войско, будь оно столь же неисчислимо, как песчинки на морском берегу. Мы считаем, что не вправе отпустить тебя целым и невредимым, раз ты отдан в наши руки самим провидением, и притом в то самое время, когда мы молились словами праведного Иисуса Навина: «Что делать нам, когда народ Израиля обращается в бегство

перед врагом?» И вот появляешься ты, отданный нам как бы промыслом божьим, чтобы на тебя была обрушена казнь, какая подобает всякому, кто сотворит злое Израилю. Итак, запомни мои слова. Сегодня воскресенье, и мы не обагрим рук в этот день пролитием твоей крови, но когда пробьет двенадцатый час, знай, что время твоего пребывания на земле истекло. Поэтому используй оставшиеся мгновения, ибо они быстротечны. Братья, возьмите пленника и обезоружьте его.

Это приказание было так неожиданно отдано и так быстро исполнено стоявшими сзади и вокруг Мортонa, что, прежде чем он смог оказать какое-либо сопротивление, его схватили, обезоружили и связали руки подпругой. После того, как с этим было покончено, воцарилось зловещее, ничем не нарушаемое молчание.

Камеронцы расположились вокруг большого дубового стола, посадив с собой связанного и беспомощного Мортонa таким образом, чтобы он мог видеть стенные часы, которым предстояло отзвонить по нем погребальным звоном. Судившие его принялись за еду, предложив поесть и назначенной к закланию жертве, но, как легко поверить, у нее не было аппетита. Поужинав, они снова предались своим благоговейным молитвам. Мак-Брайер, чей безудержный фанатизм не был свободен, быть может, от сомнения и раскаяния, принялся молить божество подтвердить каким-либо знаком, что приготовленная для него кровавая жертва не будет отвергнута. Присутствующие замерли в ожидании: они напряженно всматривались и вслушивались, надеясь на какое-нибудь знамение, которое могло бы быть истолковано как одобрение свыше их образа действий; время от времени, следя за приближением стрелки к роковому мгновению, они бросали мрачные взгляды на циферблат. Глаза Мортонa нередко обращались туда же; он с беспощадной ясностью думал о том, что ничто не может продлить ему жизнь после того, как стрелка преодолет ничтожное расстояние, которое ей еще оставалось пройти по кругу до его смертного часа. Вера в свою рели-

гию вместе с непоколебимым понятием чести и сознанием своей невинности позволили ему провести этот страшный отрезок времени с большим спокойствием, чем если бы ему заранее было возвещено, что он окажется в таком положении. Нечто похожее он уже испытал, находясь во власти Клеверхауза, но тогда его поддерживало страстное и воодушевляющее чувство своей правоты. Тогда он знал, что многие из присутствующих скорбят о его участи, а иные даже восхищены его поведением. Но теперь он был среди тусклоглазых и жестоких изуверов, чьи хмурые лица вскоре склонятся не только что с безразличием, а с ликованием над его бездыханным телом; теперь у него не было друга, чтобы сказать ему доброе слово или взглянуть на него с сочувствием и ободрить; теперь, подстерегая мгновение, когда покажется из ножен предназначенный его умертвить палаш, обнажаемый с мучительною медлительностью — на какой-нибудь волосок за целую вечность, — чтобы он испил каплю за каплей всю горечь неотвратимой смерти, — теперь, естественно, он не мог сохранять такую же твердость духа, какая прежде не покидала его в моменты опасности. Когда он смотрел на тех, кому предстояло стать его палачами, ему начинало казаться, будто их облик и их черты непрерывно меняются, как это бывает с обликом и чертами призраков в бреду горячечного больного: сами они становились выше и шире, а их лица — расплывчатыми. И так как его возбужденное воображение окрашивало по-своему явления реальной действительности, то ему представлялось, что он окружен скорее сонмом демонов, чем живыми людьми; самые стены, казалось, сочились кровью, и легкое тиканье часов сверлило его мозг с такой громкой и мучительной четкостью, как если бы каждый звук был уколом иглы, вонзавшейся в его обнаженный слуховой нерв.

Он с ужасом почувствовал, что, стоя у грани, отделяющей здешний мир от мира грядущего, он утрачивает ясность рассудка. С большим усилием он попытался взять себя в руки и отдался выполнению своих благочестивых обязанностей, но, не совладав

с собой во время этой неравной борьбы со своим естеством и не сумев передать свои мысли подобающими случаю выражениями, он инстинктивно обратился к молитве о спасении души и о стойкости духа, принятой в англиканском богослужении. Мак-Брайер, члены семьи которого также принадлежали к англиканскому исповеданию, тотчас узнал слова, вполголоса произносимые несчастным пленником.

— Недоставало лишь этого, — сказал он, и его бледные щеки залила краска гнева, — чтобы вырвать с корнем из моего сердца плотское отвращение к пролитию его крови. Он прелатист чистой воды, он только скрывался под маской эрастианства, и все, что говорили о нем, не может не быть сущою правдой! Да падет кровь его на главу его, гнусный обманщик! Да отправляется он в Тофет с собранной в кучу жалкой стряпней, которую он называет молитвенником.

— И я также воздвигну против него песнь мою! — вскричал сумасшедший. — Как тень солнечная прошла десять ступеней назад по ступеням Ахазовым, дабы было знамение блаженному Езекии, что господь даровал ему выздоровление от недуга, так да пройдет она десять ступеней вперед, чтобы злобный был отсечен от народа, чтобы ковенант воссиял в непорочной своей чистоте.

Он вскочил на стул с проворством безумца и, горя желанием приблизить роковое мгновение, собрался было передвинуть стрелку часов; часть камеронцев схватилась за палаши, чтобы немедленно казнить узника, но в этот момент кто-то остановил Многогневного.

— Погоди, — сказал он, — я слышу шум в отдалении.

— Это журчит ручей на камнях, — сказал один.

— Это шелестит ветер в папоротнике, — сказал другой.

«Это несутся вскачь кони, — сказал сам себе Мортон; положение, в котором он находился, придавало необычайную остроту его слуху. — Дай бог, чтобы то были мои избавители».

Шум быстро приближался и становился все отчетливее.

— Это кони! — крикнул Мак-Брайер. — Посмотрите, узнайте, кто там!

— Враги! — прокричал тот, кто по его приказанию выглянул в окно.

Вокруг дома послышался частый топот, и раздались громкие голоса. Одни камеронцы вскочили с намерением защищаться, другие — бежать. Одновременно были выбиты двери и окна, и в комнате замелькали красные куртки солдат.

— Бей кровавых мятежников! Помни о корнете Грэме! — кричали со всех сторон.

Кто-то погасил свечи, но слабое мерцание очага позволяло противникам различать друг друга. Прогремело несколько пистолетных выстрелов. Виг, сидевший бок о бок с Муртоном, был поражен пулею в то мгновение, когда поднимался со своего места; падая, он всей своей тяжестью навалился на Муртона, увлек его за собой на пол и, умирая, прикрыл его своим телом. Это обстоятельство, вероятно, спасло Муртону жизнь во время последовавшей затем рукопашной схватки, в которой стреляли и рубились в течение добрых пяти минут.

— Цел ли пленник? — раздался хорошо знакомый Муртону голос полковника Клеверхауза. — Поищите его и добейте того мятежного пса, что стонет вон там!

Оба приказания были тотчас исполнены, и Муртон, с которого сволокли мертвое тело, был поднят на ноги и попал в объятия верного Кадди, залившегося слезами радости оттого, что кровь, покрывавшая платье его господина, была не его кровью. Пока Кадди развязывал ремни, которыми были стянуты руки Муртона, он успел объяснить ему на ухо тайну столь своевременного прибытия лейб-гвардейцев.

— Пустившись искать кого-нибудь из наших людей, чтобы помочь вам выбраться из лап этих проклятых вигов, я наткнулся на отряд Клеверхауза. Вот я и оказался, как говорится, между чертом и морскою пучиной; тут-то я и решил повести его за собой: ведь, рубя народ целый день, он к ночи, верно,

устал, а там придет новый день, да и лорд Эвендел не может не прийти вам на выручку, и еще Монмут, как сказали драгуны, дает пощаду всякому, кто о ней просит. Так что будьте спокойны: готов поручиться, теперь у нас дело пойдет на лад.

Глава XXXIV

Бей, барабанщик, громче бей,
Пусть слышит целый свет,
Что славы час один ценней
Безвестных долгих лет.

Аноним

По окончании этой отчаянной схватки Клеверхауз приказал солдатам вынести трупы, задать корм коням, подкрепиться самим и приготовиться к выступлению на рассвете — ночь они проведут на ферме. Отдав эти распоряжения, он повернулся к Мортону и учтиво, почти ласково, проговорил:

— Если бы вы удостоили хоть некоторого внимания мой вчерашний совет, мистер Мортон, то избежали бы опасности с обеих сторон. Впрочем, я уважаю побуждения, которыми вы руководствовались. Вы военнопленный и находитесь в распоряжении короля и Тайного совета, но все же я предоставлю вам относительную свободу: я удовлетворюсь вашим словом, что вы не сделаете попытки бежать.

Мортон пообещал все, что от него требовалось; Клеверхауз вежливо поклонился, огляделся по сторонам и крикнул сержанта.

— Сколько пленных, Хеллидей, и сколько убитых?

— Трое убитых в доме, сэр, двое зарублено во дворе и один в саду — итого шесть; пленных четверо.

— С оружием или безоружных? — спросил Клеверхауз.

— Трое вооруженных до зубов, — ответил Хеллидей, — один без оружия — надо полагать, проповедник,

— Вот как, стало быть, трубоч лопухой шайки, — сказал Клеверхауз, равнодушно взглянув на пленных. — С этим мы поговорим завтра. Остальных увести во двор, построить солдат в две шеренги и расстрелять. И еще вот что: не забудь занести в полковой дневник, что такого-то числа трое взятых с оружием расстреляны там-то. Как же называется это место?.. Драмскиннел, так, кажется. За проповедником присматривать до утра; раз он был взят без оружия, его придется подвергнуть небольшому допросу. Или отправим-ка его лучше в Тайный совет, пусть они возьмут на себя хотя бы малую толику этой отвратительной черной работы. С мистером Мортонем обращаться учтиво, и смотри мне, чтобы люди как следует позаботились о конях. Передай моему вестовому: пусть промоет укусом плечо Дикарю — седло натерло ему небольшую ссадину.

Все эти столь различные приказания — о жизни и смерти, об охране пленных, о том, чтобы промыть плечо у коня, — были отданы одним и тем же бесстрастным и ровным голосом, причем ни одна интонация не указывала, какое из этих распоряжений сам говорящий рассматривает как наиболее важное.

Камеронцам, еще так недавно жаждавшим совершить казнь над своим пленником, теперь самим предстояло подвергнуться ей. Казалось, они были готовы к немедленной смерти; во всяком случае, ни один из них не обнаружил ни малейших признаков страха, когда им было приказано выйти из комнаты, чтобы тотчас же умереть. В эту роковую минуту их поддерживало присущее им суровое воодушевление, и они молча, не дрогнув, вышли из помещения. Лишь один из них, переступая порог, посмотрел Клеверхаузу прямо в глаза и произнес глухим, твердым голосом: «Злодеяние отмстится насильнику», на что Грэм ответил презрительною усмешкой.

Едва пленные покинули комнату, как Клеверхауз сел за наскоро приготовленный для него ужин и, пригласив Мортоня последовать его примеру, заметил, что для них обоих день выдался достаточно хлопотный. Мортон отказался от пищи; внезапная перемена

обстоятельств, переход от края могилы к надеждам на жизнь потрясли его до такой степени, что он чувствовал себя совершенно разбитым. Однако он испытывал жгучую жажду и признался, что ему хочется пить.

— От всей души окажу вам эту услугу, — сказал Клеверхауз. — Вот полный мех эля; он должен быть недурен, если только его умеют варить в этих местах, так как виги никогда не дадут на этот счет маху. За ваше здоровье, мистер Мортон, — продолжал он, на полную элем два рога — один для себя, другой протягивая своему пленнику.

Мортон поднес рог ко рту и собрался уже выпить его, как вдруг под окном грянул залп, за которым последовали, постепенно замирая, глубокие и глухие стоны, возвестившие о судьбе камеронцев, только что покинувших комнату. Мортон вздрогнул и поставил на стол нетронутый рог.

— Вы еще новичок в этих делах, мистер Мортон, — сказал Клеверхауз, осушив совершенно спокойно свой рог, — впрочем, от этого вы в моих глазах ничего не теряете. Вы еще молодой солдат, но привычка, долг и необходимость примиряют человека со всем.

— Убежден, — сказал Мортон, — что ничто никогда не сможет примирить меня с подобными сценами.

— Вы, пожалуй, мне не поверите, — ответил на это замечание Мортон Клеверхауз, — что в начале моего военного поприща я испытывал такой ужас перед пролитием крови, как, вероятно, никто: мне казалось, что она сочится из моего сердца; а теперь послушайте этих вигов, и они расскажут вам, что ежедневно перед завтраком я выпиваю целый стакан еще теплой человеческой крови.¹ Но, в сущности говоря, мистер Мортон, к чему столько думать о смерти,

¹ Автор не осведомлен, говорили ли это о Клеверхаузе. Но о сэре Роберте Грисоне из Лэгга, столь же беспощадном преследователе пресвитериан, рассказывали, будто вино в его кубке на глазах у всех превратилось в запекущуюся кровь. (Прим. автора.)

своей, окружающих или кого бы то ни было? Люди умирают ежедневно и ежеминутно, и колокол, отбивая час, возвещает смерть то одному, то другому. К чему колебаться, укорачивая жизнь других, или хлопотать о продлении собственной? Все в этом мире не более как лотерея; вам предстояло умереть в полуночный час: он пробил — вы живы и невредимы, и жребий на этот раз пал на тех, которые собирались покончить с вами. Не предсмертным мукам должны мы отдавать наши помыслы, не надо бояться развязки, которая неизбежна и может произойти в любое мгновение; единственное достойное наших дум — это память, оставляемая за собою солдатом: она подобна пучку лучей, еще долго освещающих небо после того, как солнце скрылось за горизонтом, — вот все, о чем следует нам заботиться, вот то, что отличает смерть храброго от смерти подлого труса. Когда я размышляю о смерти, мистер Мортон, — поскольку этот предмет вообще достоин размышлений, — то мечтаю только о том, чтобы умереть на поле сражения, одержав в жарком бою трудную победу, чтобы, испуская последний вздох, слышать победные клики, — вот что было бы достойною смертью, и больше того — ради такой смерти только и стоило жить.

Пока Грэм развивал эти мысли и глаза его горели воинственным огнем, составлявшим характерную особенность его душевного склада, перед ним внезапно, точно из-под пола, выросла окровавленная фигура, и Мортон узнал в ней дикие и страшные черты уже много раз упоминавшегося нами безумца. Его лицо там, где оно не покрылось дорожками запекшейся крови, было бледно, как лицо призрака, ибо рука смерти уже простерлась над ним. Уставившись на Клеверхауза взглядом, в котором все еще вспыхивал огонек безумия, готовый вот-вот навеки угаснуть, он воскликнул с присущим ему диким порывом:

— Ужели ты веришь в твой лук и твое копьё, в твоего коня и в твое знамя? И ужели господь не воздаст тебе за невинную кровь? Ужели ты станешь хвалиться своею мудростью и своею отвагою и могуществом? И господь не осудит тебя? Цари, ради

которых ты продал душу свою духу погибели, будут сброшены со своих тронов и изгнаны из страны, и имена их изникнут в забвении, насмешках, проклятиях и ненависти. А ты, который делил с ними чашу бешенства и, испив из нее, стал безумным, — знай, что желания твоего сердца повлекут тебя к гибели и упования гордыни твоей уничтожат тебя. Вызываю тебя пред суд божий, Джон Грэм, к ответу за эту невинную кровь и еще за океаны ее, пролитые тобой прежде.

Произнося эти слова зычным голосом, он сначала провел по окровавленному лицу рукой, а потом поднял ее вверх и держал в таком положении, пока говорил. Затем, видимо, ослабев, он тихо добавил:

— Сколь долго, о господи, святой и истинный, ты будешь терпеть, чтобы кровь святых мучеников твоих вопияла к тебе об отмщении.

Пробормотав последнее слово, он повалился навзничь и, прежде чем его голова успела коснуться пола, был уже мертв.

Мортон был глубоко потрясен этой жуткой сценой и в особенности пророчеством умирающего, которое поразительным образом совпадало с только что выраженным самим Клеверхаузом желанием; впоследствии он нередко думал о словах проповедника, оказавшихся вещими. Два драгуна, свидетели происшедшего, несмотря на то, что видали всякие виды и успели привыкнуть к подобным сценам, были немало смущены внезапным появлением этого призрака, развязкою и словами, которые ей предшествовали. Один Клеверхауз, казалось, оставался невозмутимо спокойным. В первый момент, когда Многогневный появился пред ним, он схватился было за пистолет, но, увидев, в каком положении этот несчастный, тотчас опустил руку и с полным бесстрашием слушал его предсмертные выкрики.

Когда он упал наземь, Клеверхауз невозмутимым тоном спросил:

— Как он попал сюда? Отвечай же, болван, — добавил он, обращаясь к тому из драгун, который был ближе, — и не заставляй меня считать тебя жалким трусом, испугавшимся полумертвого человека.

Драгун перекрестился и ответил дрожащим голосом, что, вынося трупы, они не заметили этого мертвеца, потому что он упал там, где во время схватки свалились плащи и прикрыли его собою.

— Вынеси его вон, ротозей, да смотри, чтобы он тебя, чего доброго, не укусил, в опровержение старой пословицы. Новое дело, мистер Мортон, не правда ли: мертвецы встают из мертвых и даже сталкивают нас со стульев. Придется потребовать от моих негодяев, чтобы они острее оттачивали клинки, прежде они не допускали такой небрежной работы. Но у нас был сегодня нелегкий день, они устали от своего кровавого дела и их клинки затупились; думаю, мистер Мортон, что и вам не помешали бы несколько часов отдыха?

Сказав это, он зевнул и, взяв в руки свечу, услужливо поставленную пред ним солдатом, вежливо попрощался с Мртоном и направился в приготовленную ему для ночлега комнату.

Мортону также предоставили на ночь отдельное помещение. Оставшись один, он прежде всего вознес благодарность небу, избавившему его от опасности, и притом при посредстве тех, кто еще так недавно казался ему наиболее страшным и беспощадным врагом. Он также истово помолился, прося господ наставлять его и руководить им, ибо времена наступили такие, когда отовсюду грозят опасности и когда так легко впасть в заблуждение. Успокоив свою душу в молитве к всевышнему, он отдался сну, в котором очень нуждался.

Глава XXXV

Юристы сошлись, обвиненье готово
И суд на местах, — ужасающий вид.

«Опера нищих»

После волнений и потрясений минувшего дня Мортон спал до того крепко, что с трудом вспомнил, где он находится, когда его разбудили топот коней,

грубые голоса солдат и резкие звуки труб, играющих зорю. Сейчас же вслед за этим пришел сержант, который очень вежливо сообщил, что генерал (Клеверхауз недавно получил этот чин) почтет для себя удовольствием иметь его своим спутником. В известных обстоятельствах учтливое приглашение есть приказ, и Мортон понял слова сержанта именно в таком смысле. Он поторопился одеться и вышел во двор, найдя своего коня под седлом и верного Кадди у стремени. У него и у Кадди были отобраны пистолеты, но в остальном они ничем не походили на пленных. Мортону к тому же было разрешено остаться при шпаге, ношение которой в те времена служило отличительным признаком дворянского звания. Клеверхауз с видимым удовольствием ехал бок о бок с Мртоном, беседуя с ним и ставя его в тупик всякий раз, когда тот начинал уже думать, что понастоящему понял его характер. Изящество и учтивость его манер, возвышенные и рыцарские представления о служении воина, способность проникать в самую душу людей — все это восхищало и изумляло всякого, кому приходилось с ним сталкиваться; с другой стороны, холодно-безразличное отношение к произволу и жестокости военных властей казалось несовместимым с его качествами общительного и даже любезного светского человека. Мортон не мог удержаться, чтобы не сопоставить его про себя с Белфуром Берли, и эта мысль так его захватила, что он позволил себе высказать ее вслух, когда они оказались наедине, несколько впереди остального отряда.

— Вы правы, — сказал Клеверхауз, усмехаясь, — вы совершенно правы — мы оба фанатики; но между фанатизмом в вопросах чести и фанатизмом в мрачных и темных суевериях существует различие.

— Но ведь вы оба проливаете кровь, не зная ни пощады, ни угрызений совести, — сказал Мортон, не сумев подавить свой порыв.

— Конечно, — ответил Клеверхауз так же спокойно, — все дело в том, какую кровь каждый из нас проливает. Существует различие, смею думать, между кровью просвещенных и почтенных прелатов, обра-

зованных людей, храбрых солдат и благородных дворян, с одной стороны, и красной жижицей, застоявшейся в жилах этих распевающих псалмы заводных кукол, сумасшедших демагогов и тупых мужиков. Короче говоря, вовсе не все равно, прольете ли вы бутылку благородного, выдержанного вина или выплеснете кружку отвратительного, мутного эля.

— Ваше разграничение слишком тонко для моего понимания, — ответил Мортон. — Всякая искорка жизни — от бога: и та, что теплится в мужике, и та, что теплится в государе; и кто расточительно и бессмысленно уничтожает созданное руками господними, тот должен, во всяком случае, отвечать за свои действия. Например, почему генерал Грэм относится ко мне в данное время более снисходительно, чем тогда, когда мы встретились с ним впервые?

— И в связи с этим, хотите сказать, вы избежали расстрела? — ответил Клеверхауз. — Извольте, отвечаю вам с полною откровенностью. В прошлый раз я знал только одно, а именно, что имею дело с сыном круглоголового бунтовщика и племянником скаредного мелкого землевладельца-пресвитерианина. Теперь я знаю вас значительно лучше: в вас есть кое-что из тех качеств, которые я уважаю и в друге и в недруге. Со времени нашей встречи у леди Маргарет в замке я узнал о вас много нового, и вы, надо полагать, убедились, что мои осведомители были благожелательны к вам.

— И все же... — сказал Мортон.

— И все же, — прервал его Клеверхауз, угадывая ход его мыслей, — вы хотите сказать, что и теперь вы совершенно такой же, как тогда, когда я впервые вас видел? Это верно; но откуда мне было вас знать? Хотя, строго говоря, даже мое нежелание отложить вашу казнь показывает, насколько высоко я уже тогда оценивал ваши способности.

— Неужели вы надеетесь, генерал, — отозвался Мортон, — на мою признательность за подобные знаки вашего высокого уважения?

— Ну, ну, вы придира, — ответил, смеясь, Клеверхауз. — Я хотел сказать, что считал вас совер-

шенно иным, чем вы оказались в действительности. Читали ли вы когда-нибудь Фруассара?

— Нет, — ответил Мортон.

— Я, пожалуй, не прочь, — сказал Клеверхауз, — упрятать вас месяцев на шесть в тюрьму, чтобы доставить вам удовольствие познакомиться с этим писателем. Его проза заражает меня бóльшим пылом, чем любое поэтическое произведение. Благородный каноник! С какой подлинно рыцарской сдержанностью выражает он в прекрасных словах скорбь о храбром и знатном воине, гибель которого не могла не печалить, так он был предан своему королю, благочестив в чистоте своего сердца, отважен в борьбе с врагами и верен своей возлюбленной! И он оплакивает гибель такого перла, такого рыцаря среди рыцарей, независимо от того, принадлежал ли он к тому же стану, что сам Фруассар, или находился среди врагов! И вместе с тем этот любознательный и высокородный хронист совершенно равнодушно повествует о том, что там-то и там-то стерто с лица земли несколько сот подлого мужичья, созданного, чтобы весь свой век пахать эту землю; он относится к этому столь же бесстрастно или, быть может, еще бесстрастнее, чем Джон Грэм Клеверхауз.

— Кстати, в вашей власти, генерал, один пахарь, — сказал Мортон, — и за него, несмотря на все ваше презрение к его роду занятий, который, по мнению некоторых философов, не менее полезен для человечества, чем профессия воина, я смиренно пред вами ходатайствую.

— Вы имеете в виду, — сказал Клеверхауз, заглядывая в памятную книжку, — некоего Хетрика, Хеддерика или, погодите, Хедрига. Да, да... Кутберт, или Кадди, Хедриг, вот он где у меня. О, не беспокойтесь за него, только пусть он ведет себя как полагается. Леди из Тиллитудлема недавно уже просила о нем. Их служанка, кажется, выходит за него замуж. Он отделается совсем легко, если только его упрямство не помешает ему.

— Он, по-видимому, не притязает на мученический венец, — сказал Мортон.

— Тем лучше для него, — заметил Клеверхауз, — но, помимо того, если бы даже этому парню пришлось отвечать за более серьезные преступления, я все же не оставил бы его своею заботой, принимая во внимание безумную храбрость, с какою он бросился вчера вечером в наши ряды, моля прийти вам на помощь. А мое правило не покидать человека, проникшего ко мне безотчетным доверием. Но, говоря по правде, он уже давно у нас на заметке. Хеллидей, подай-ка нашу черную книгу.

Сержант передал своему командиру этот печальной памяти список, в котором в алфавитном порядке были перечислены неблагонадежные лица. Листая черную книгу, Клеверхауз называл попадавшиеся ему имена.

— Гамблгампшен, священник, пятидесяти лет отроду, принял индульгенцию, замкнутый, скрытный и так далее. Так, так... Ага, вот он здесь... Хартеркэт, объявлен вне закона, проповедник, ревностный камеронец, устраивает сборища среди Кэмпсийских холмов... А, вот наконец и он! Хедриг Кутберт; его мать — пуританка чистой воды, сам он — простой и бесхитростный парень, отважный и деятельный, но не слишком тороватый на выдумку, руки лучше, чем голова, может быть обращен на путь истинный, но из-за своей привязанности к... (Здесь Клеверхауз посмотрел на Мортон, захлопнул книгу и переменял тон.) Верный и преданный парень — эти слова для меня значат многое. Можете о нем не заботиться, с ним все обойдется благополучно.

— И с такою душой, как ваша, — сказал Мортон, — вам не претит прибегать к средствам мелочной слежки за неизвестными вам людьми?

— Уж не думаете ли вы, что мы сами занимаемся этим? — высокомерно спросил Клеверхауз. — Это священники ради собственных целей собирают для себя материалы, чтобы управлять своей паствой, они отлично знают всякую паршивую овцу в своем стаде. А знаете ли вы, что я уже целых три года располагаю вашей характеристикой?

— В самом деле? — спросил Мортон. — Не решите ли ознакомиться с нею?

— Охотно, — сказал Клеверхауз, — теперь это не имеет значения, ведь вы не сможете отомстить священнику, поскольку вам, вероятно, придется покинуть на некоторое время Шотландию.

Это было произнесено тоном полного безразличия. Услышав слова, возвещавшие ему изгнание, Мортон невольно содрогнулся в душе, но, прежде чем он успел собраться с мыслями, Клеверхауз начал читать: «Генри Мортон, сын Сайлеса Мортона, полковника кавалерии шотландского парламента, племянник и прямой наследник Мортона из Милнвуда; образование получил поверхностное, но умен и решителен не по летам; отличается во всех телесных упражнениях; относится с безразличием к формам религии, однако склоняется, очевидно, к пресвитерианству; разделяет далеко идущие и опасные взгляды на свободу мысли и слова, представляя собой нечто среднее между свободомыслящим и фанатиком. Вызывает восхищение и пользуется влиянием среди сверстников; скромный, тихий, сдержанный, но в душе исключительно смел и непреклонен. Он... Здесь следуют три красных креста, мистер Мортон, что значит: трижды опасен. Теперь вы видите, насколько важной персоною вас считают... Но что нужно от меня этому парню?

В этот момент к ним приблизился всадник и вручил Клеверхаузу письмо. Пробежав его быстро глазами, он презрительно усмехнулся и велел гонцу передать своему господину, что пленные должны быть отправлены в Эдинбург и что другого ответа не будет. Когда всадник отъехал, Клеверхауз, скривив губы, сказал, обращаясь к Мортону:

— Вот еще один из ваших союзников, что покинули вас, или, было бы правильнее сказать, союзников вашего приятеля Берли. Послушайте, каков молодец: «Дорогой сэр (право не знаю, когда мы настолько с ним сдружились), не соблаговолит ли ваше превосходительство принять мои скромные поздравления... — да, скажу вам, — по случаю победы,

осенившей знамена армии его величества короля. Учтите, что мои люди готовы преследовать и перехватывать беглецов и уже взяли некоторое количество пленных», и так далее. Подписано: Бэзил Олифант... Ведь вам знакомо имя этого человека, не так ли?

— Это какой-то родственник леди Маргарет Белленден, сколько я знаю, — ответил Мортон.

— Да, — сказал Грэм, — и наследник по мужской линии из рода ее отца, хотя он им, как говорится, десятая вода на киселе; и, кроме того, воздыхатель прекрасной Эдит, хотя и отвергнутый, как личность малодостойная. Но самое главное — он преданный и восторженный поклонник поместья Тиллитудлем и всего, что к нему относится.

— Он избрал плохой способ сблизиться с семьей Белленден, вступив в сношения с нашей злосчастной партией, — сказал Мортон, подавляя готовый вырваться вздох.

— О, этот бесценный Бэзил, мистер Мортон, — сума переметная, кто-кто, а он, поверьте мне, вывернется, — сказал Клеверхауз. — Он разошелся с правительством, потому что не ему присудили владения покойного графа Торвуда, которые его милость из своего собственного имущества отказал своей собственной дочери; он был недоволен леди Маргарет, потому что она не обнаружила ни малейшего желания отдать за него свою внучку; он разошелся во взглядах с прелестной Эдит, потому что ей не нравилась его долговязая, смешная фигура. Зато он вступил в тесную дружбу с Белфуром Берли и собрал целый отряд, чтобы оказать ему помощь, в надежде, что этой помощи не понадобится, то есть, что вы нас вдребезги расколотите. А теперь этот подлец делает вид, будто он только и помышлял, что о службе королю Карлу, и я убежден, что Тайный совет примет его объяснения за чистую монету, так как он найдет способ приобрести в нем друзей. Кончится тем, что несколько сот этих несчастных бездомных фанатиков будет расстреляно или повешено, а этот пронырливый негодяй останется невредимым, укрывшись плащом,

сшитым якобы из его нерушимой верности и богато отделанным лисьим мехом бесстыдного лицемерия.

Так беседуя, они коротали время. Клеверхауз говорил вполне искренне и обращался с Мортоном не как с пленником, но скорее как с другом и приятным попутчиком. Мортон по-прежнему ничего не знал об ожидающей его участи, но общество этого незаурядного человека, поражавшего его игрою своего живого и проницательного ума и глубоким знанием души человеческой, настолько скрасило проведенные с ним часы, что, лишь попав в плен, избавивший его от двусмысленного и опасного положения среди повстанцев и спасший от последствий их подозрительности и ненависти, он впервые с тех пор, как принял участие в общественной жизни, почувствовал себя свободным от тяжелого бремени, которое постоянно его угнетало. По отношению к своей дальнейшей судьбе он уподобился теперь тому всаднику, который бросил поводья на шею коня и, отдавшись, таким образом, на волю обстоятельств, освободился по крайней мере от необходимости пытаться их направлять. Таковы были настроения Мортонa во время этой вынужденной поездки.

Между тем численность их отряда непрерывно росла, так как к ним со всех сторон подходили отдельные кавалерийские группы. Почти каждая из них вела с собою несчастных, попавших в их руки. Наконец они подошли к Эдинбургу.

— Наш Тайный совет, — сказал Клеверхауз, — очевидно, чтобы подчеркнуть свой недавний страх шумными торжествами, постановил устроить нечто вроде триумфального въезда с участием нас, победителей, и наших пленных. Не будучи охотником до подобных зрелищ, я предпочитаю уклониться от своей роли и одновременно освободить вас от вашей.

Сказав это, он передал команду над полком Аллану (теперь подполковнику) и, повернув коня в переулок, въехал в город вместе с Мортоном и двумя тремя слугами. Прибыв к себе — он обычно жил в Кэнонгейте, — Клеверхауз проводил своего пленника

в небольшую комнату, напомнив ему, что в соответствии с данным словом он обязан находиться здесь неотлучно.

Проведя приблизительно четверть часа в размышлениях о превратностях последнего периода своей жизни, Мортон услышал доносившийся снизу, с улицы, оглушительный шум и подошел к окну. Звуки труб, грохот барабанов и литавр вместе с криками и воем толпы возвестили ему, что королевская кавалерия торжественно входит в город, как об этом говорил Клеверхауз. Городские власти в сопровождении стражи с алебардами встретили победителей своим «добро пожаловать» у ворот и теперь двигались во главе общего шествия. Следом за ними пронесли две головы, надетые на длинные пики; перед каждой из этих забрызганных кровью голов несли руки изрубленных на куски страдалцев; те, кто их нес, издевательства ради, то и дело сближали их между собой в жесте мольбы или молитвы. Это были окровавленные останки двух проповедников, павших в битве у Босуэл-бриджа. Далее проследовала телега с помощником палача вместо возницы; на ней находились Мак-Брайер и еще двое пленных, очевидно также священники. Они ехали с непокрытыми головами и были закованы в тяжелые кандалы, но смотрели на окружающих скорее с выражением торжества, чем страха или уныния. Казалось, будто они совершенно бесчувственны и к судьбе павших товарищей, о которых наглядно говорили кровавые трофеи у них пред глазами, и к предстоящей им казни, предвещаемой всем, что они видели.

За этими пленными, выставленными на позор и осмеяние зрителей, показался кавалерийский отряд; солдаты размахивали клинками и наполнили просторную улицу возгласами и криками, подхваченными воплями и воем беснующейся толпы, которая в любом крупном городе рада орать и неистовствовать на подобных сборищах. В хвосте, за солдатами, двигалась основная масса пленных, впереди которой находились некоторые из их вождей, подвергавшиеся всевозможным оскорблениям и издеватель-

ствам. Иные были привязаны к седлу задом наперед и ехали лицом к хвосту лошади, другие — прикованы к длинным железным брусам, которые им самим надо было держать в руках, подобно испанским галерникам, направляющимся в тот порт, где им предстоит взойти на корабль.¹ Головы погибших вождей несли с улюлюканьем впереди тех, кто остался в живых, — иные на пиках и алебардах, иные в мешках, на которых были намалеваны имена павших. Такова была головная часть этого жуткого шествия пленных, обреченных, по-видимому, на смерть, хотя на них и не было сан-бенито, как на еретиках, осужденных святой инквизицией на аутодафе.

За ними шла безвестная толпа пленных повстанцев в несколько сот человек: некоторые, несмотря на постигшие их несчастья, сохраняли веру в то дело, за которое пострадали, и были готовы, казалось, доказать это на эшафоте, другие были мертвенно бледны, унылы, растеряны и, видимо, задавались вопросом, разумно ли было отдавать себя делу, от которого отшатнулось само провидение; они поглядывали по сторонам, высматривая, куда бы можно было бежать и спастись от роковых последствий своей опрометчивости. Попадались среди них и такие, которые, очевидно, не были в состоянии ни составить себе мнения об этом предмете, ни испытывать надежду, уверенность или страх; истомленные жаждой и усталостью, они брели, словно быки, подгоняемые погонщиками, равнодушные ко всему, кроме того, что их мучило в данный момент, не отдавая себе отчета, гонят ли их на бойню или на пастбище. Этих несчастных с обеих сторон охраняли цепи солдат. Шествие замыкалось главными силами кавалерии. Звуки военной музыки,

¹ Дэвид Хэкстон из Рэтилета, раненный и взятый в плен в схватке при Эрс-моссе, в которой пал знаменитый Камерон, при въезде в Эдинбург, «по приказу Тайного совета, был встречен городскими властями у Речных ворот и посажен на непокрытый круп лошади лицом к хвосту. Трех других пленных вели прикованными к одному железному брусу. Так они шли по улице, причем голову мистера Камерона несли впереди них на алебарде». (Прим. автора.)

отражаясь от высоких домов по обеим сторонам улицы, смешивались с победными песнями, ликующими возгласами солдат и дикими воплями городской черни.

Глядя на это ужасное зрелище, узнавая в окровавленных головах, а также в страшных и измученных лицах живых страдалцев черты, которые он часто видел во время этого кратковременного восстания, Мортон почувствовал, как у него болезненно сжалось сердце. Потрясенный и подавленный, опустился он в кресло; из этого состояния его вывел голос верного Кадди.

— Спаси нас господи, сэ, — бормотал невнятно бедняга; его зубы щелкали, как щипцы для орехов, волосы поднялись дыбом, как щетина кабана, лицо было мертвенно бледно, — спаси нас господи, сэ! Нам велено немедленно предстать пред советом! О господи! Зачем им такой бедняга, как я? Их там столько — знатных и важных лордов! И тут еще матушка притащилась из Глазго, чтобы посмотреть, как я буду ратовать, — так она это зовет, — за истинную веру, то есть как я стану признаваться во всем и буду за это повешен. Но черта с два, не сделать им из меня дурака, коль я могу придумать кое-что получше! А вот и сам Клеверхауз! Господи, спаси нас и помилуй, говорю я еще раз!

— Вам нужно немедленно ехать в совет, мистер Мортон, — сказал Клеверхауз, вошедший в комнату в тот момент, когда Кадди кончал говорить. — Ваш слуга также должен отправиться с вами. Вы можете не тревожиться о своей личной судьбе. Впрочем, предупреждаю: вам придется увидеть нечто весьма неприятное, такое, от чего я бы вас охотно избавил. Моя карета готова. Едем?

Нетрудно себе представить, что Мортон не осмелился отказаться от этого предложения, как бы мало удовольствия оно ни сулило.

— Могу вам сообщить, — продолжал Клеверхауз, когда они спускались по лестнице, — что вы отделаетесь, в общем, легко, и ваш слуга тоже, лишь бы он сумел придержать язык за зубами.

Услышав эти слова, Кадди пришел в восторг.

— Ну нет! За меня можно не беспокоиться, — сказал он, — разве что матушка вмешается в это дело.

В этот момент в плечо бедного Кадди вцепилась старая Моз, которой удалось пробраться в прихожую.

— Ах, дорогой мой, медовый мой! — воскликнула она, вешаясь Кадди на шею. — Я радостна и горда, полна скорби и смиренна, и все в одно время, ибо я вижу сына моего, идущего горделиво ратовать перед советом устами своими за истину, как он ратовал за нее с оружием в руках на поле сражения.

— Тише, матушка, тише! — нетерпеливо закричал Кадди. — До чего же вы сумасшедшая женщина! Время ли говорить о таких вещах? Повторяю, не стану я ратовать ни за что. Я уже разговаривал с мистром Паундтекстом и приму декларацию, или как они там ее называют, и если мы это сделаем, то только останемся в выигрыше — он отвечает за себя и за своих прихожан, и это — священник по мне. И ничего не хочу я слышать о ваших проповедях, которые кончаются псалмом на Сенном рынке.

— О Кадди, мальчик мой, что станет со мною, если они сгубят тебя! — воскликнула старая Моз, не зная, о чем следует заботиться больше: о спасении души своего сына или о спасении его тела. — Но только помни, дитяtko мое ненаглядное, что ты сражался за веру, и не допусти, чтобы страх утратить здешнюю жизнь заставил тебя отречься от твоей благородливой борьбы.

— Та, та, та, матушка, — отвечал Кадди, — сражался я более чем достаточно, с меня довольно, и, говоря по правде, я устал от этого дела. Навидался я всякого оружия и всяких доспехов: и мушкетов, и пистолетов, и курток из буйволовой кожи, и разного снаряжения, и ничего я так не хочу, как снова взяться за плуг. Не знаю, что могло бы заставить человека сражаться (то есть, если он не рассердится), разве что страх, что тебя вздернут или убьют, если ты повернешься спиной.

— Но дорогой мой Кадди, — продолжала настаивать Моз, — а твои брачные одежды? Ах, медовый мой, не оскверни своих брачных одежд!

— Послушайте, матушка, разве вам невдомек, что меня дожидаются? За меня не тревожьтесь — я знаю получше вашего, что надобно делать, потому что вы несете что-то о браке, а дело идет о том, чтобы не попасть в петлю.

Сказав это, он вырвался из материнских объятий и попросил солдат, которые были к нему приставлены, доставить его возможно скорее в совет. Клеверхауз и Мортон и без того уже его ожидали.

Глава XXXVI

Мой край родной, прощай!

Лорд Байрон

Тайный совет Шотландии, со времени объединения королевств практически ставший верховным судилищем этой страны, являясь вместе с тем и высшим органом исполнительной власти, собрался в старинном готическом зале, примыкающем к зданию парламента в Эдинбурге. Когда генерал Грэм вошел в этот зал и занял свое место за столом среди членов совета, все было готово к открытию заседания.

— Сегодня вы доставили нам, генерал, немало дичи, — сказал председательствовавший в совете важный сановник. — Здесь и трус, чтобы признаться во всем, здесь и задорный боевой петушок, который будет отчаянно защищаться, а как, генерал, прикажете называть третьего?

— Отбрасывая иносказания, я попросил бы вашу светлость назвать его человеком, в котором я лично принимаю участие.

— И вдобавок — вигом? — заметил сановник, высовывая кончик языка, слишком большого, чтобы помещаться во рту, и скривив свое грубое, отталкивающее лицо в усмешке, которая как нельзя больше к нему подходила.

— Если ваша светлость на этом настаивает, то и вигом, каковым ваша светлость также изволили быть в тысяча шестьсот сорок первом году, — сказал Клеверхауз с обычной для него невозмутимой учтивостью.

— Ага, герцог, попались! — пошутил один из членов совета.

— Да, да... — ответил герцог смеясь. — Впрочем, после Драмклога с нашим генералом нельзя разговаривать. Ну что же, начнем, пожалуй. Введите арестованных, а вы, господин секретарь, огласите протокол.

Секретарь прочитал документ, в котором говорилось, что генерал Грэм Клеверхауз и лорд Эвендел берут на себя поручительство в том, что Генри Мортон-младший из Милнвуда уедет за границу и будет оставаться в чужих краях до тех пор, пока не последует изъявление воли его величества, принимая во внимание, что вышепоименованный Генри Мортон принимал участие в последнем восстании. В случае нарушения названным Генри Мртоном вышеозначенного условия его поручители уплачивают по десяти тысяч мерков, а сам виновный подлежит смертной казни.

— Принимаете ли вы на этих условиях королевскую милость, мистер Мортон? — спросил герцог Лодердейл, председательствовавший в совете.

— Мне ничего иного не остается, милорд, — ответил Мортон.

— В таком случае потрудитесь подписать протокол.

Мортон молча подписал протокол, хорошо понимая, что с ним поступили исключительно мягко, если учесть обстоятельства его дела.

Мак-Брайер, которого в этот самый момент внесли привязанным к стулу, так как от слабости он не мог стоять на ногах, увидев, что Мортон ставит свою подпись под какой-то бумагой, решил, что это акт отречения.

— Он довершил свою измену нашему делу, он признал бренную власть земного тирана! — восклик-

нул он, тяжело вздыхая. — Закатившаяся звезда! Закатившаяся звезда!

— Помолчите, сударь, — сказал герцог, — и берегите дыхание, чтобы дуть на собственную похлебку; вы ее найдете чертовски горячей, обещаю вам. Позвать сюда того парня, в котором есть, как кажется, крупица здравого смысла. Перескочит канаву одна овца — за ней пойдут и другие.

Ввели Кадди; он не был связан, но его сопровождали два стражника с алебардами. Кадди подвели к столу, рядом с которым сидел Эфраим Мак-Брайер. В умоляющем взгляде бедного парня, устремленном на сидящих за судейским столом, можно было прочитывать ужас, внушаемый ему могущественными людьми, пред которыми он предстал, сострадание к товарищам по несчастью и страх перед грозившим ему наказанием. Неуклюже, по-деревенски, он отвесил множество подобострастных поклонов и замер в ожидании грозившей обрушиться на него бури.

— Находились ли вы на поле сражения у Босуэлбриджа? — последовал первый вопрос, прогремевший в его ушах.

Кадди собрался было отвечать отрицательно, но, подумав немного, сообразил, что если он будет изображен во лжи, то это обойдется ему, пожалуй, недешево; поэтому он с чисто каледонской уклончивостью ответил:

— Не могу сказать точно, может и был.

— Отвечай прямо, мошенник, был или не был? Ты же знаешь, что был.

— Не мне возражать вашей светлости, — ответил на это Кадди.

— Я спрашиваю еще раз, были ли вы у Босуэлбриджа? Да или нет? — сказал герцог, теряя терпение.

— Дорогой сэр, — продолжал упорствовать Кадди, — разве удержишь в памяти, где ты побывал за свою жизнь?

— Говори, негодяй! — вскричал генерал Дэлзэл. — Или я вышибу тебе зубы эфесом вот этой шпаги!

Неужели ты думаешь, что мы будем топтаться на одном месте, хитрить и возиться с тобой полный день, как борзые, выслеживающие зайца? ¹

— Когда так, — сказал Кадди, — раз вам хочется этого, пишите: я не отрицаю, что побывал в этом месте.

— Итак, — сказал герцог, — как вы считаете, является ли участие в этой битве государственным преступлением?

— Как же мне высказать свое мнение, сударь, — ответил осмотрительный пленник, — если дело идет о том, быть ли мне вздернутым или нет? Но не думаю, чтобы это было хоть чуточку лучше.

— Лучше, чем что?

— Чем преступление, как изволит называть ваша светлость, — ответил Кадди.

— Вот это называется говорить дело, — заявил его светлость. — Были бы вы довольны, если бы король даровал вам милость и прощение за ваше участие в мятеже при условии, что отныне вы станете посещать церковь и молиться за короля?

— С удовольствием, сэр, — ответил не слишком твердый в своих убеждениях Кадди, — и готов выпить в придачу за его здоровье, если эль будет хороший.

— Каков! — заметил герцог. — Вот это малый сговорчивый. Что же довело тебя до этой беды, приятель?

— Дурной пример, сэр, — отвечал Кадди, — и еще виновата, с позволения вашей светлости, моя старая, выжившая из ума матушка.

— Ну, бог с тобою, приятель, — ответил на это герцог, — остерегайся в будущем дурного совета. Мне

¹ Передают, что генерал во время допроса ударил одного из пленных вигов эфесом своей шпаги, и притом так сильно, что у того хлынула из носу кровь. Этот бесчеловечный поступок был вызван якобы словами пленника, бросившего в лицо этому надменному старому воину, что он зверь из Московии, привыкший жарить живьем людей. Дэлзэл долгое время находился на русской службе, которая в то время отнюдь не была школой гуманности. (Прим. автора.)

сдается, что ты не таков, чтобы изменить по собственному почину. Записать в протокол, что он освобождается от наказания. Поднесите поближе этого негодяя на стуле.

Мак-Брайера перенесли на то место, где обычно ставили подсудимых для допроса.

— Находились ли вы на поле сражения у Босуэлбриджа? — последовал тот же вопрос, что был задан и Кадди.

— Находился, — ответил пленник смелым и решительным тоном.

— Вы были вооружены?

— Нет, не был, я присутствовал в качестве проповедника слова божия, чтобы ободрять тех, кто обнажил меч в защиту дела господня.

— Иными словами, чтобы помогать мятежникам и их подстрекать? — спросил герцог.

— Ты сказал истинно, — ответил на это пленник.

— Хорошо, — продолжал допрашивающий. — Нам желательно знать, видели ли вы среди мятежников Джона Белфура Берли? Вы его, надо полагать, знаете?

— Возношу свою благодарность господу, что знаю его, — ответил Мак-Брайер, — он ревностный и истинно верующий христианин.

— А где и когда вы видели в последний раз эту благочестивую личность? — последовал новый вопрос.

— Я здесь, чтобы отвечать за себя, — заявил с тем же бесстрашием Эфраим Мак-Брайер, — а не затем, чтобы предавать в ваши руки других.

— Мы найдем способ развязать вам язык, — пригрозил Дэлзэл.

— Если вы найдете способ заставить его вообразить, что он на их молитвенном сборище, его язык развяжется и без нас, — заметил Дэлзэлу Лодердейл. — Послушайте, юноша, отвечайте добром: вы слишком молоды, чтобы взваливать на себя такое тяжелое бремя.

— Я презираю ваши угрозы, — бросил в ответ Мак-Брайер. — Это не первое мое заточение, и не впервые

я принимаю страдания; и как бы молод я ни был, я прожил достаточно долго, чтобы знать, как надлежит умереть, когда меня призовет господь.

— Допустим, что так; но если вы будете и дальше упрямиться, вам придется подвергнуться кое-каким неприятностям, и вас ожидает нелегкая смерть, — сказал Лодердейл и позвонил в маленький колокольчик, стоявший перед ним на столе.

По этому знаку раздвинулся малиновый занавес, закрывавший нишу, или, вернее, одно из тех углублений в стене, которыми изобилует готическая архитектура, и перед глазами присутствующих предстал палач — высокий, страшный, уродливый человек. Он стоял за дубовым столом, на котором лежали тиски для сдавливания пальцев и железный футляр, носивший название шотландского сапога, — приспособление, применявшееся в те жестокие времена для пытки допрашиваемых. Мортон, не ожидавший увидеть такое жуткое зрелище, содрогнулся от ужаса. Нервы Мак-Брайера оказались более крепкими. Он спокойно взглянул на это страшное орудие пытки, и если сама природа заставила его кровь отхлынуть на секунду от щек, усилие воли принудило ее с еще большей энергией снова прилить к лицу.

— Известно ли вам, кто это? — спросил Лодердейл тихим, глухим голосом, перешедшим под конец фразы в шепот.

— Полагаю, — ответил Мак-Брайер, — что это гнусный исполнитель ваших кровожадных приговоров над страдальцами божьими. Я одинаково презираю и вас и его, и я благодарю господа, что мне так же мало страшны мучения, которые этот человек может мне причинить, как приговор, который вы можете мне вынести. Кровь и плоть мои могут содрогаться под тяжестью мук, на которые в вашей власти меня обречь, мое хрупкое естество может проливать слезы и испускать крики, но душа моя прочно утверждена на скале вечности.

— Выполняй свое дело, — приказал палачу герцог.

Палач подошел; он спросил хриплым, отвратительным голосом, какую ногу преступника он должен зажать первую.

— Пусть сам выбирает, — ответил герцог, — я готов пойти ему навстречу во всем, в чем есть хоть крупица благоразумия.

— Поскольку решение предоставляется мне, — заявил узник, вытягивая вперед правую ногу, — берите лучшую: я охотно жертвую ею делу, за которое принимаю страдания.¹

Палач вместе с помощниками заключил ногу пленника в тесный железный сапог, вставил между коленом и краем сапога клин из того же металла и с молотом в руках замер в ожидании приказаний. Хорошо одетый человек, по профессии врач, подошел с противоположной стороны к стулу, к которому был привязан Мак-Брайер, взял его руку в свою, нащупал пульс и приготовился наблюдать за тем, чтобы пытка протекала в соответствии с физическими возможностями его пациента. По окончании этих приготовлений председатель совета тем же мрачным и глухим голосом повторил свой вопрос:

— Где и когда вы в последний раз видели Джона Белфура Берли?

Вместо ответа узник, возведя к небу глаза и как бы моля его о ниспослании ему силы, прошептал несколько слов; последние из них были ясно слышны:

— ...Ты сказал, что в день власти твоей народ твой пребудет в готовности.

Герцог Лодердейл обвел взглядом членов совета, как бы спрашивая их мнение; прочитав в их глазах согласие, он кивнул палачу, молот которого тотчас же опустился на клин; загнанный между коленом и краем сапога, он причинил страшную боль, как это можно было судить по лицу пытаемого, ставшему сразу багровым. Палач снова поднял свой молот и приготовился ко второму удару.

¹ Так ответил Джеймс Митчел, подвергнутый пытке шотландским сапогом за покушение на жизнь архиепископа Шарпа. (Прим. автора.)

— Может быть, вы теперь скажете, — повторил герцог Лодердейл, — где и когда вы в последний раз видели Белфура Берли?

— Вы уже слышали мой ответ, — решительно и твердо сказал несчастный страдалец, и сейчас же молот опустился во второй раз. За вторым ударом последовал третий, потом четвертый. При пятом ударе, когда палач вставил клин больших размеров, Мак-Брайер испустил душераздирающий крик.

Мортон, в котором кипела кровь при виде этих нечеловеческих истязаний, не мог дольше сдерживаться; он вскочил, чтобы броситься вперед и помешать палачу, забыв о том, что он безоружен и что в его положении требуется особая осторожность. Клеверхауз, заметив его волнение, схватил его за плечо и силою удержал на месте. Удерживая его одною рукой и прикрывая его рот другою, он шепнул ему на ухо:

— Вспомните, ради бога, где вы находитесь!

Это движение Мортонa, к счастью для него, осталось незамеченным, так как внимание членов совета было полностью поглощено разыгравшейся перед ними жуткою сценой.

— Все, — сказал врач, — он потерял сознание: человеческая природа не в состоянии вынести большего.

— Освободите ногу, — приказал герцог и, повернувшись к Дэлзэлу, добавил: — На нем оправдается, пожалуй, старая поговорка — ведь сегодня он едва ли мог бы поехать верхом, хотя и обут в сапоги. Однако пора с ним кончать, не так ли?

— Ну что ж! Велите огласить приговор, и с ним будет покончено. И без того у нас довольно грязной работы.

Чтобы привести узника в чувство, были поспешно применены всевозможные эссенции и настойки, и когда первые слабые вздохи несчастного возвестили, что к нему возвратилось сознание, герцог произнес над ним приговор, как над предателем, уличенным в открытом восстании против властей. Приговоренного должно было отнести из зала суда к месту казни и повесить за шею, а после умерщвления отрубить у него голову и руки и передать их на благо-

усмотрение совета.¹ Все движимое и недвижимое имущество и одежду конфисковать и зачислить в доход короля.

— Пристав, — приказал герцог, — повторите приговор обвиняемому.

Должность пристава в те времена, как, впрочем, и много позже, исполнялась *in commendam*² палачом. В его обязанности входило повторить несчастному осужденному приговор, оглашенный до этого судьей; этот приговор, прочитанный гнусною личностью, которой предстояло терзать свою жертву в соответствии с содержавшимися в нем указаниями, звучал в ее устах особенно жутко и выразительно. Мак-Брайер едва ли понял содержание слов, сказанных лордом-председателем совета, — его сознание только-только начинало возвращаться к нему. Но теперь он был в состоянии внимательно вслушиваться в текст приговора и отзываться на то, что бормотал над ним хриплый и отвратительный голос того негодяя, которому надлежало привести его в исполнение. После страшных заключительных слов: «И я произношу это как приговор», он смело сказал:

— Благодарю, милорды, за дарование мне единственной милости, которой я чаял и которую мог бы от вас принять; благодарю вас за то, что вы предназначили моему разбитому, искалеченному и истерзанному сегодня вашей жестокостью телу такой быстрый конец. Для меня было бы в конце концов почти безразлично: умереть ли на виселице или в тюрьме. Но если бы смерть, пришедшая следом за тем, что я испытал сегодня в вашем присутствии, настигла меня во мраке моей темницы, многие не смогли бы

¹ Благоусмотрение совета, который решал, что делать с останками казненных по его приговору, было столь же варварским, как и все остальные его действия. Так, например, публично выставлялись надетые на пики головы проповедников, причем под головами подвязывались обрубленные руки, сложенные в жесте молитвы. Когда была выставлена в таком виде голова знаменитого Ричарда Камерона, кто-то из присутствовавших в толпе сказал, что он жил, молясь и проповедуя, и умер, молясь и сражаясь. (*Прим. автора.*)

² По совместительству (*лат.*).

увидеть, какие страдания способен переносить христианин ради правого дела. Итак, я прощаю вас и за то, что вы приказали надо мной сотворить, и за то, что я претерпел. В самом деле, почему бы мне вам не простить, милорды? Из царства хрупкой плоти и бренного праха вы посылаете меня в мир, где все неизмеримо лучше, чем в здешнем, туда, где я буду пребывать вкупе с ангелами и душами праведников; вы посылаете меня из тьмы на ослепительный свет, из обители смертных — в обитель бессмертия, короче говоря, с земли на небо! Если благодарность и прощение умирающего могут послужить вам ко благу, примите их от меня, и пусть последние мгновения вашей жизни будут столь же счастливыми, как мои!

После того, как он произнес эти слова, его вынесли, по приказанию герцога, те же стражники, которыми он был принесен в зал; лицо его излучало радость и торжество. Через полчаса он был казнен; он умер с той же восторженной твердостью, с какою прожил свою короткую жизнь.

Заседание совета закрылось, и Мортон снова оказался в карете наедине с генералом Грэмом.

— Какая твердость, какое мужество! — сказал Мортон, восхищенный поведением на суде Мак-Брайера. — И как жаль, что такое самопожертвование и такой героизм сочетаются в нем с изуверством, свойственным его секте.

— Вы имеете в виду, — спросил Клеверхауз, — его готовность осудить вас на смерть? Чтобы сделать это со спокойною совестью, ему достаточно было бы вспомнить какой-нибудь текст из писания, например: «И Финеас встал и свершил приговор», или что-нибудь в этом роде. Но как вы думаете, куда мы теперь направляемся?

— Мне кажется, что мы по дороге к Лису, — ответил Мортон. — Можно ли мне до отъезда повидаться с друзьями?

— Вашему дядюшке, — сказал Клеверхауз, — была предоставлена возможность встретиться с вами, но он отказался. Достопочтенный джентльмен пребывает в трепете — и не без основания, — как бы ваше

преступление не отразилось на его землях и прочем имуществе. Тем не менее он посылает вам свое благословение и немного денег. Лорд Эвендел все еще тяжело болен. Майор Белленден находится в Тиллиудлеме, он приводит в порядок дела. Эти негодяи произвели страшное опустошение в семейном архиве леди Белленден, к тому же они осквернили и разбили то кресло, которое леди Маргарет зовет троном его священнейшего величества. Быть может, есть еще кто-нибудь, кого бы вы пожелали увидеть?

— Нет, — тяжело вздыхая, ответил Мортон, — нет, это было бы бесполезно. Однако как ни несложны мои сборы к отъезду, без них все же не обойтись.

— Все, что может понадобиться вам в путешествии и на чужбине, уже приготовлено, — сказал генерал. — Лорд Эвендел подумал об этом заранее. Вот пакет, который он просил отдать в ваши руки. В нем вы найдете рекомендательные письма ко двору штатгальтера, принца Оранского; к ним я добавил несколько писем и от себя. Вы знаете, свои первые походы я проделал у него под началом и впервые понюхал пороху в битве при Сенефе.¹ Тут же вы обнаружите векселя на голландских банкиров, по которым получите деньги на текущие нужды; в дальнейшем, деньги будут переводиться по мере надобности.

Ошеломленный и взволнованный тем, что услышал, Мортон взял протянутый ему Клеверхаузом пакет. Его глубоко поразила и огорчила поспешность, с какою осуществлялся указ о его изгнании.

— А как мой слуга? — спросил он.

— О нем позаботятся: его снова устроят, если удастся, на службу к леди Маргарет Белленден. Думаю, что теперь он не станет отлынивать от смотров феодального ополчения и больше не пойдет к вигам. Но вот мы и на набережной, тут вы найдете ожидающую вас шлюпку.

Все обстояло в точности так, как сказал Клеверхауз. У набережной капитана Мортонна ждала

¹ Август 1674 года. Клеверхауз отличился в этом деле и был произведен за него в капитаны. (Прим. автора.)

шлюпка, нагруженная сундуками и другою поклажей, подобающей путешественникам в его ранге. Клеверхауз пожелал ему на прощание всякого благополучия и счастливого возвращения в Шотландию, когда наступят более спокойные времена.

— Я никогда не забуду, — сказал он, — вашего благородного поведения по отношению к моему другу Эвенделу, и притом в таких обстоятельствах, в каких многие постарались бы устранить его со своего пути.

Еще одно дружеское рукопожатие, и они расстались. Когда Мортон, направляясь к шлюпке, сходил по спуску на пристань, кто-то незаметно сунул ему в руку много раз сложенную, крошечную записку. Он оглянулся. Человек, вручивший ему послание, старательно кутался в плащ; он приложил палец к губам и тотчас исчез в толпе. Это происшествие возбудило в Мортоне любопытство. Взойдя на борт судна, готового отплыть в Роттердам, и застав своих спутников за устройством собственных дел, он воспользовался представившейся возможностью и прочитал эту, так таинственно переданную ему записку. В ней заключалось следующее:

Мужество, проявленное тобой в роковой день, когда Израиль бежал от врага, до некоторой степени примирило меня с твоим злосчастным влечением к эрастианству. Теперь не время Эфраиму бороться с Израилем. Я знаю, сердце твое принадлежит дочери из стана врагов. Но выкинь из него эту блажь. Где бы я ни находился: в изгнании, на чужбине или на родине, таясь от врагов или даже в объятиях самой смерти, рука моя будет всегда тяготеть над этой забрызганной нашею кровью, злонамеренною, языческою семьей, и провидение даровало мне средство, чтобы отмерить им их собственной мерой, доведя их до разорения и нищеты. Сопротивление, оказанное нам их твердынею, было главной причиной нашего разгрома у Босуэл-бриджа, и я поклялся собственной душой отомстить им за это. И так, не думай о ней, а сойдишь с нашими изгнанными с родины

братьями, сердца которых все еще тянутся к нашей несчастной стране, горя желанием принести ей помощь и спасение от гибели. В Голландии ты найдешь некоторое число честных шотландцев, стремящихся всеми помыслами своими к нашему освобождению. Присоединись к ним, как подобает сыну мужественного и славного Сайлеса Мортон; ты встретишь у них радушный прием и в память твоего отца и в уважение к твоим личным заслугам. Если ты и впредь будешь сочтен достойным трудиться на вертограде, то сможешь в любое время узнать, что я делаю и где нахожусь, спросив Квентина Мак-Кейла Айронгрея в доме благочестивейшей женщины Бесси Мак-Люр, недалеко от трактира, именуемого «Приют», где Нийл Блейн угощает своих посетителей. Вот и все, что хотел сказать тебе тот, кто уповает услышать, что ты в среде наших братьев, и сражаешься с кровавою тиранией, и не склоняешься перед грехом. А пока исполнись терпения. Пусть меч твой будет всегда у бедра, пусть светильник твой неугасимо горит, как у того, кто бодрствует в ночи, ибо тот, кто будет судить гору Исава и превратит лжеверующих в солону, а неверных в жнивье, тот грядет в четвертую стражу в одеждах, забрызганных кровью, и дом Иакова будет отдан на разграбление, а дом Иосифа предан огню. Я тот, кто написал эти строки, кто наложил среди пустынного поля руку на власть имущего.

Странное письмо было подписано тремя буквами: Д.Б.Б.; впрочем, эти инициалы были совершенно излишни, так как Мортон и без того понимал, что это послание могло исходить только от Берли. Оно еще больше укрепило в нем уважение к неукротимому духу этого человека, который с искусством, равным его мужеству и упорству, принимался восстанавливать только что разорванную в клочья сеть заговора. Но Мортон не хотел начинать опасную переписку или возобновлять связь, оказавшуюся для него роковой. Он считал, что угрозы, расточаемые Берли в адрес семьи Белленден, вызваны раздражением из-за успешной обороны Тиллитудлема: и в самом

деле, думал он, какое влияние на судьбу этой семьи, когда ее партия торжествует победу, может оказать их потерпевший поражение и скрывающийся противник.

Впрочем, на мгновение в Мортоне все же зародилось сомнение, не известить ли майора или лорда Эвендела о содержащихся в письме Берли угрозах. Поразмыслив, однако, он решил, что, делая это, должен был бы назвать своего тайного корреспондента, так как предупредить об угрозах, не предоставив одновременно средства к их отращению, то есть не назвав по имени Берли, было бы почти бесполезно; назвать же Берли по имени, думал Мортон, было бы предательством по отношению к человеку, выказывавшему ему столько доверия, и притом ради пресечения зла, по всей видимости, лишь воображаемого. По здравом размышлении он разорвал письмо, записав предварительно имя и местопребывание той, у кого можно было получить сведения об его авторе. Обрывки письма он выбросил в море.

Пока Мортон был занят этими мыслями, судно снялось с якоря, и его белые паруса наполнил попутный северо-западный ветер. Наклонившись на один борт, оно стремительно понеслось по волнам, оставляя за собой длинный бурлящий след. Город и гавань, из которого оно вышло в плавание, скрылись в отдалении, холмы, их окружавшие, растаяли в конце концов в голубом небе, и Мортон на долгие годы разлучился с родной землей.

Глава XXXVII

А с кем время идет галопом?

«Как вам будет угодно»

Какое счастье, что романисты, в отличие от драматургов, не связаны единством времени и места и могут по своему усмотрению ссылать своих персонажей из Афин в Фивы, а если заблагорассудится, то и возвращать их назад. Время, пользуясь сравне-

нием Розалинды, до сих пор размеренно шествовало вместе с нашим героем — ведь с момента появления Мортонa в качестве одного из участников стрелкового состязания и до его отъезда в Голландию миновало не больше двух месяцев. Далее наш рассказ обрывается, и в нем — многолетний пробел; теперь мы снова считаем возможным вернуться к нити прерванного повествования, и выходит, что упомянутый промежуток Время покрыло галопом. Итак, желая использовать привилегии моей касты, я прошу читателя подарить вниманием продолжение повествования, возобновляющегося с новой эры нашей истории, то есть с года революции.

Шотландия начала уже оправляться от потрясений, пережитых ею при смене династии, и благодаря разумной терпимости короля Вильгельма благополучно избегла ужасов затяжной гражданской войны. Начало оживать земледелие, и люди, чьи души были приведены в смятение бурными политическими событиями и коренными переменами в управлении церковью и государством, начали приходить в себя и думать о своих привычных делах вместо того, чтобы предаваться политическим спорам. Только горцы продолжали сопротивляться вновь установленному порядку и с оружием в руках собрались в довольно большом количестве под начальством виконта Данди, известного нашим читателям под именем Грэма Клеверхауза. Но так как среди горцев постоянно происходят волнения, то считали, что эти беспорядки не могут существенно нарушить общего спокойствия государства, пока они не выходят за пределы горных районов. В Нижней Шотландии якобиты, ставшие теперь опальной партией, перестали надеяться на непосредственный успех открытого сопротивления и были принуждены, в свою очередь, устраивать тайные сборища и создавать союзы самообороны. Правительство называло это государственною изменой, тогда как якобиты повсюду кричали, что их преследуют.

Победоносные виги, восстановив в качестве национальной религии пресвитерианство и возвратив

общим собраниям церкви прежнее их значение, были тем не менее далеки от тех крайностей, которых требовали камеронцы и наиболее непримиримые из нонконформистов в царствования Карла и Иакова. Они решительно не хотели восстановления Торжественной лиги и ковенанта, и те, кто рассчитывал найти в короле Вильгельме ревностного приверженца ковенантеров, были горько разочарованы, когда, со свойственной его родине флегмой, он заявил о своем намерении относиться с терпимостью к любому исповеданию, совместимому с безопасностью государства. Торжественно провозглашенная правительством веротерпимость вызывала негодование среди представителей крайней партии, осуждавшей ее, как нечто прямо противоречащее писанию. Для подкрепления своих узколобых взглядов они приводили многочисленные цитаты, как нетрудно себе представить, вырванные из контекста и взятые, по большей части, из тех предписаний Моисеевых иудеям, которые были направлены на искоренение в обетованной земле язычества. Кроме того, они открыто протестовали против влияния, которое приобрели светские лица на дела церкви благодаря праву осуществлять патронаж, и утверждали что это — посягательство на ее целомудрие. Они критиковали и осуждали, как чисто эрастические, многие мероприятия, с помощью которых правительство пыталось вмешаться в управление церковью, и решительно отказывались присягнуть королю Вильгельму и королеве Марии, пока те, в свою очередь, не присягнут Священной лиге и ковенанту, этой великой хартии пресвитерианства, как они его называли.

Таким образом, эта партия по-прежнему роптала и была недовольна; она постоянно твердила об отступничестве властей и о причинах гнева господня, и если бы эти ее выступления подвергались таким же преследованиям, как в два предыдущих царствования, дело кончилось бы, несомненно, открытым восстанием. Но так как ропщущим была предоставлена возможность беспрепятственно собираться, так как они могли громить, сколько им было угодно, соци-

ниан, эрастиан, попустителей и всех отступников от истинной веры, их пыл, не подогреваемый гонениями, постепенно охладевал, число их приверженцев уменьшалось, и они в конце концов превратились в кучку вдумчивых, требовательных к себе и вполне безобидных энтузиастов, неплохим представителем которых был наш старый знакомый Кладбищенский Старик, чьи рассказы послужили основой для моего романа. Впрочем, в годы, непосредственно следовавшие за революцией, камеронцы были еще многочисленной, приверженной крайним политическим убеждениям сектой; правительство благоразумно ее терпело, но вместе с тем старалось ослабить ее влияние. Эти люди были, таким образом, единственной сильной оппозиционной партией в государстве. Вот почему приверженцы епископства и якобиты, несмотря на существовавшую между ними и камеронцами давнюю ненависть и национальную рознь, неоднократно вступали с ними в связь, интриговали и пытались воспользоваться их недовольством, чтобы добиться от них помощи в борьбе за возвращение Стюартов. Поддерживали правительство главным образом народные массы Нижней Шотландии; в своем большинстве они склонялись к умеренному пресвитерианству, разделяя взгляды той партии, которую во времена преследований камеронцы клеймили за принятие индульгенции и исповедание религии на основе акта, изданного Карлом II. Таково было в Шотландии положение партий в первые годы после революции.

В один восхитительный летний вечер какой-то всадник на отличном коне, похожий на военного в большом чине, медленно съезжал вниз извилистой тропой, в конце которой открывался вид на романтические руины замка Босуэл и реку Клайд, красиво извивающуюся среди скал и лесов и омывающую своими водами башни, некогда возведенные Эме де Валансом. Невдалеке виднелся Босуэл-бридж. Расстилавшееся на противоположном берегу обширное поле, где когда-то произошла страшная битва, завершившаяся

поражением повстанцев, теперь было столь же спокойно и безмятежно, как поверхность озера в безветренный летний день. Кусты и деревья, росшие кругом в романтическом беспорядке, едва трепетали под дуновением вечернего ветерка. Даже рокот реки, и он, казалось, сделался глуше, чтобы не нарушать тишины окружающего.

Тропа, по которой спускался всадник, проходила то в тени раскидистых могучих деревьев, то вдоль изгородей и превосходных фруктовых садов, где созревал богатый летний урожай.

Ближайшим строением, привлечшим к себе взоры путника, была довольно большая ферма или, возможно, усадьба мелкого землевладельца, расположенная на солнечной стороне склона, засаженного яблонями и грушами. В конце тропинки, ведущей к этой скромной усадьбе, стоял небольшой домик, который, судя по расположению, должен был быть сторожкой привратника, хотя все прочее говорило, что это не так. Хижина казалась уютной и удобной и была построена основательнее, чем принято строить в Шотландии. К ней примыкал небольшой сад, где росло несколько ягодных кустов и плодовых деревьев, между которыми был разбит огород. Рядом, на выгоне, паслись корова и шесть овец. У дверей, чванясь и важничая, созывая свое многочисленное семейство, кукарекал петух. Аккуратно сложенные валежник и торф свидетельствовали о том, что жилище хорошо обеспечено на зиму топливом. Легкий голубой дымок, поднимавшийся из трубы над соломенной крышей, медленно расплывался среди зеленых деревьев, — он говорил о том, что на очаге готовится ужин. Чтобы дополнить эту мирную картину сельского благополучия и покоя, добавим, что девочка лет пяти несла кувшин с водой из чудесного, прозрачного как кристалл, ключа, журчавшего у подножия старого, иссохшего дуба, не далее как в двадцати ярдах от дома.

Всадник остановил коня и спросил у маленькой нимфы дорогу на Фери-ноу. Девочка, с трудом поняв, что ей говорят, поставила кувшин на землю, откинула со лба пряди прелестных льняных волос, широко

открыла круглые голубые глаза и с удивленным видом произнесла: «Что вам угодно?» — неизменный ответ крестьян — если только это можно назвать ответом — на любой заданный им вопрос.

— Я хотел бы знать, где дорога на Фери-ноу.

— Мамочка, мамочка! — закричала маленькая крестьянка и бросилась бегом к дверям дома. — Мамочка, выйди и поговори с джентльменом!

На пороге появилась мать девочки — миловидная молодая деревенская женщина; в ее лице можно было уловить природное лукавство и бойкость, к которым замужество добавило выражение достоинства и домовитости, характерные для большинства замужних крестьянок в Шотландии. На одной руке она держала грудного младенца, другой опраправляла передник, за который цеплялся двухлетний бутуз. Старшая девочка — та, которую встретил на тропинке наш путешественник, — сейчас же спряталась за спину матери и теперь то и дело высовывала головку, поглядывая на незнакомца.

— Что вам угодно, сударь? — сказала женщина тоном почтительной вежливости, не совсем обычной для людей ее круга, но вместе с тем без малейшего оттенка угодливости.

Путешественник пристально взглянул на нее и ответил:

— Я разыскиваю место под названием Фери-ноу и человека по имени Кутберт Хедриг. Может быть, вы укажете, как мне его найти?

— Это мой муж, сударь, — сказала женщина с приветливой улыбкой. — Не сойдете ли вы с коня и не войдете ли в нашу скромную хижину? Кадди, Кадди (на пороге появился белоголовый мальчуган лет четырех). Сбегай, мой милый, да скажи отцу, что его дожидается один джентльмен. Или, погоди! Джени, ты посмышленнее, сбегай, пожалуй, ты; он внизу, в четырехакровом парке. Не сойдете ли с коня, сударь; придется чуточку обождать. И не хотите ли хлеба с сыром или выпить глоточек эля, пока придет наш хозяин? Эль у меня хороший, хоть мне самой и не годится его хвалить. Но работа пахаря не из легких,

и им нужно чего-нибудь покрепче для бодрости, вот я и кладу в котел добрую горсточку солода.

Пока незнакомец отказывался от любезно предложенного ему угощения, появился собственною персоною наш старый знакомый — Кадди. В его лице по-прежнему сочетались бросающаяся в глаза простоватость с озарявшими ее время от времени искорками сметливости, что свидетельствовало о присущем ему лукавстве, столь частом между деревенскими увальнями. Взглянув на всадника, как на человека совершенно ему незнакомого, он, подобно жене и дочери, начал разговор с неизменного: «Что вам угодно, сударь?»

— Я хочу узнать кое-что об этих местах, — отвечал путешественник, — и мне сказали, что вы можете снабдить меня нужными сведениями.

— Конечно, сударь, — сказал Кадди после некоторого раздумья, — но я хотел бы знать наперед, о чем вы будете спрашивать. В свое время мне пришлось отвечать на столько вопросов и таких каверзных, что, когда бы вы только знали, то не стали бы удивляться моей подозрительности в этих делах. Магушка заставляла меня учить катехизис, и это было большое мучение; потом я постарался выучить кое-что в угоду моей старой хозяйке о моих восприимниках и восприимницах, но все перепутал и не угодил ни той, ни другой; а когда я стал взрослым, тут уж пошли другие вопросы, которые пришлось мне по душе еще меньше, чем действительное призвание христианина; и только сказав из катехизиса «обещаю и клянусь», я наконец отделался от этих вопросов. Теперь вы видите, сударь, почему я сначала хочу слышать вопросы, а потом уже на них отвечать.

— Меня вам нечего бояться, приятель; я хочу спросить только о положении в ваших краях.

— В наших краях? — подхватил Кадди. — О, все было бы хорошо, если б не этот упрямый сатана Клеверз (теперь они его называют Данди); он все еще, как говорят, бродит в горах со всякими там Доналдами, Дунканами и Дугалдами, которые испокон веков разгуливают без штанов, собираясь сообщая с ними

повернуть все на старое, когда мы только что стали устраивать наши дела, словно как умные люди. Но ничего, Мак-Кей даст им, как полагается, тут нечего и сомневаться, готов поручиться.

— Почему вы так в этом уверены, друг мой? — спросил всадник.

— Я слышал собственными ушами, — отвечал Кадди, — как это было предсказано Клеверзу одним человеком, который три часа был мертвецом, а потом возвратился на землю, чтобы выложить ему на чистоту, что он о нем думает. Это было в том месте, что называют Драмсиннелом.

— В самом деле? — сказал незнакомец. — Но мне как-то не верится...

— Вы могли бы спросить мою матушку, была бы она в живых, — ответил на это Кадди, — она-то мне все и растолковала, ведь я думал, что этот человек был всего-навсего ранен. Во всяком случае, он говорил и об изгнании Стюартов, называя их всех по именам, и об отмщении, готовящемся Клеверзу и его драгунам. Звали его Аввакум Многогневный. Он был немного рехнувшись, но замечательный проповедник.

— Вы живете как будто в богатой и спокойной местности, — сказал незнакомец.

— Да, жаловаться нам, сударь, нечего, когда урожай подходящий, — произнес Кадди. — Но на том мосту кровь когда-то текла такими потоками, как вода под ним не течет и, если бы вам пришлось это увидеть, вы не подумали бы, что это такое уж приятное зрелище.

— Вы говорите о битве, которая произошла несколько лет назад? Я был в то утро у Монмута, дорогой друг, и частично видел происходящее, — сказал незнакомец.

— В таком случае вам довелось повидать жаркое дело, — заметил Кадди. — Оно навеки избавило меня от желания воевать. Я так и подумал, что вы военный, судя по вашему красному, расшитому галуном кафтану и шляпе с полями.

— А на какой стороне были вы сами, друг мой? — продолжал любознательный незнакомец.

— Ага, молодой человек! — отозвался Кадди с лукавым взглядом — таковым, во всяком случае, этот взгляд казался ему самому. — Что же мне отвечать на этот вопрос, когда я не знаю, кто его задает.

— Одобряю ваше благоразумие, но только оно излишне: я знаю, что вы принимали участие в этом деле как слуга Генри Мортон.

— Верно! — воскликнул изумленный Кадди. — Но как вы про это дознались? Мне, конечно, нечего беспокоиться, потому что солнышко светит теперь в нашу сторону. Хотел бы я, чтобы мой господин был жив и увидел, как все обернулось.

— А что с ним случилось? — спросил незнакомец.

— Он погиб на судне, когда плыл в эту Голландию, — сгинул, как его и не было; все на судне погибши, и мой бедный господин вместе с ними. Ни о ком из них с той поры не было ни слуху ни духу. (Тут Кадди громко вздохнул.)

— Вы были к нему привязаны, не так ли? — продолжал незнакомец.

— А как же иначе? Его лицо привлекало, как говорится, что скрипка; ведь кто бы на него ни взглянул, тому он сразу по душе приходился. А какой храбрый солдат! Если б вы видели его на мосту, как он носился взад и вперед, словно летучий дракон, заставляя наших людей сражаться, хотя им этого не слишком хотелось. Там только и были, что он да этот виг по имени Берли; когда бы два человека могли выиграть битву, нам бы потом не пришлось платить за этот день своей шкурой.

— Вы упомянули о Берли. Не слышали, жив ли он?

— Не очень-то много я о нем знаю. Болтают, что он побывал за границей и что с ним наши страдальцы не пожелали встречаться, потому что он убийца архиепископа. Вот он вернулся домой еще упрямее прежнего и, как говорят, порвал со многими пресвитерианами. И даже теперь, когда к нам в последний раз прибыл принц Оранский, Берли не смог добиться ни покровительства, ни должности, потому что с ним никто не захотел иметь дело из-за его чертова нрава,

и с той поры о нем ничего не слышать. Правда, поговаривают, будто досада и злость сделали его совсем сумасшедшим.

— А скажите... — запинаясь, произнес незнакомец, — знаете ли вы что-нибудь о лорде Эвенделе?

— Знаю ли я что-нибудь о лорде Эвенделе? Знаю ли я? Разве моя молодая леди не живет вон в том доме на горке? И не значит ли это, что она почти что вышла за него замуж?

— Значит, они не женаты? — торопливо спросил всадник.

— Нет, они, что называется, лишь обручились; я и моя жена были у них свидетелями — тому уже несколько месяцев. Он за нею долгонько ухаживал, да кроме Дженни и меня самого мало кто знает причину этого. Но почему вам не спешиться? Что мне заирать на вас голову! И потом на западе, над Глазго, собираются тучи, а сведущие люди считают, что это к дождю.

Действительно, густая черная туча почти закрыла собой заходящее солнце; упало несколько крупных капель дождя, и в отдалении послышались глухие раскаты грома.

«Что за чертов человек! — подумал про себя Кадди. — Уж сходил бы с коня или ехал своею дорогой, чтобы остановиться на ночлег в Гамильтоне, пока не полило как из ведра».

Но всадник после своего вопроса продолжал неподвижно сидеть на коне, точно человек, измученный каким-то чрезмерным усилием. Наконец он очнулся и, видимо, сделав над собой еще одно внезапное и мучительное усилие, обратился к Кадди с вопросом, жива ли старая леди.

— Да, жива, — отвечал Кадди, — но очень уж она ослабела. Их дела теперь не те: все как есть изменилось, когда наступили тяжелые времена. Им пришлось много чего вынести и вначале и под конец, они потеряли свой старый замок, и баронство, и землю при ферме, где я когда-то пахал, и основные земли поместья, и мой огород, который мне так хотелось

заполучить снова, — и все это, можно сказать, из-за сущего пустяка, из-за каких-то кусков старой овечьей кожи, пропавших в суете при занятии Тиллитуд-лема.

— Я что-то об этом слышал, — глухо проговорил незнакомец куда-то в сторону. — Я принимаю участие в этой семье и охотно помог бы им. Можете ли вы приютить меня на ночь, приятель?

— Ничего, кроме угла, у нас не найдется, — сказал Кадди, — но попытаемся: все лучше, чем ехать под дождем во время грозы, ведь, если позволите сказать откровенно, вид у вас не очень здоровый.

— У меня бывают головокращения, — ответил незнакомец, — но это скоро проходит.

— Думаю, что мы сможем угостить вас неплохим ужином, — сказал Кадди, — и позаботимся о постели для вас. Нехорошо было бы не поделиться тем, что мы сами имеем, но вот с постелями плоховато, потому что у Дженни столько ребят (да благословит господь и их и ее!), что мне, говоря по правде, придется попросить лорда Эвендела — пусть даст нам еще кусочек земли и пристроит что-нибудь к нашему домику.

— О, я неприхотлив, — сказал незнакомец, входя в дом.

— Можете не беспокоиться за вашу лошадку, — заявил Кадди, — с ней все будет в полном порядке. Кому-кому, а мне хорошо известно, как нужно кормить лошадей. А у вас конь хоть куда.

Кадди повел коня в хлев и велел жене позаботиться об устройстве ночлега для незнакомца. Офицер вошел в горницу и сел подальше от очага, повернувшись спиною к небольшому окошку с решеткой. Дженни, или миссис Хедриг, если угодно читателю, предложила ему снять с себя плащ, португую со шляпой и широкополую шляпу, но он отклонил ее предложение, сославшись на то, что его немного знобит. И, чтобы убить время, пока Кадди вернется, он затеял болтовню с ребяташками, старательно избегая любопытных взглядов хозяйки.

Глава XXXVIII

О, сколько слез прольешь из глаз.
Пока придет твой смертный час!
Оплачешь дружбу юных лет,
Любовь, которой больше нет.

Логан

Кадди скоро вернулся и весело объявил незнакомцу, что его лошадка на славу поужинала и что хозяйка постелет для него в барском доме: там ему будет спокойнее и спать удобнее, чем у них.

— А кто-нибудь из Белленденов сейчас здесь? — спросил незнакомец глухим, прерывистым голосом.

— Нет, сударь, они уехали вместе со слугами, — теперь у них только двое слуг; все ключи у моей хозяйки, и она вместо ключницы, хотя и не получает жалованья. Она родилась и выросла в этой семье, и ей во всем доверие и полная воля. Если бы они были тут, мы не решились бы сделать это без их позволения, но их нет, и они будут довольны, что мы услужили проезжему джентльмену. Мисс Белленден готова помогать всему свету, будь у нее средства к этому, а ее бабка, леди Маргарет, очень уважает дворян, да и бедному люду нет от нее обиды. Что же ты, женка, не торопишься с ужином?

— Ничего, дружок, — ответила Дженни, — ты получишь его в свое время, уж я-то знаю, ты любишь, чтобы похлебка была прямо с огня.

Кадди сначала немного смутился, но потом от души рассмеялся и посмотрел на жену лукавым взглядом. Между супругами начался несущественный для нас разговор, в котором незнакомец не принял участия. Наконец он их внезапно прервал, спросив:

— Не можете ли вы мне сказать, когда состоится свадьба лорда Эвендела?

— Наверно очень скоро, — проговорила Дженни, не давая мужу возможности ответить, — она бы уже состоялась, да ее отложили из-за смерти старого майора Беллендена.

— Превосходный был человек, — сказал незнакомец, — еще в Эдинбурге я слышал о его смерти. Что же, он долго болел?

— Он захворал, можно сказать, с той поры, как жену его брата и ее внучку, а его племянницу, выгнали из их собственного дома. И ему пришлось скрепя сердце признать денег и начать суд, но это случилось в самом конце царствования короля Джеймса, и Бэзил Олифант, который тягался за их имение, превратился в паписта, чтобы понравиться нашим тогдашним правителям, и тут ему уж ни в чем не стало отказу! Так вот, в конце концов закон обратился против обеих леди, хотя они много лет отстаивали свои права; майор после этого больше не поправлялся. А потом прогнали Стюартов, и, хотя ему не за что было их обожать, он все же не смог перенести этого, и это совсем разбило его старое сердце. А потом в Чарнвуд нагрянули кредиторы и обчистили его так, что там ничего не осталось, — майор никогда не был богат: ведь он не мог видеть, чтобы кто-нибудь был в нужде.

— Действительно, он был замечательным человеком, — с грустью сказал незнакомец, — так мне говорили о нем. Значит, обе леди остались и без имущества и без покровителя?

— Нет! Они никогда не будут нуждаться ни в том, ни в другом, пока жив лорд Эвендел, — ответила Дженни, — вот кто показал себя истинным другом, когда они оказались в несчастье. Ведь даже дом, где они живут, — его дом, и ни один мужчина со времен патриарха Иакова, как говаривала моя свекровь, не выслуживал себе жены так долго и так упорно, как этот славный Эвендел.

— Но почему же? — спросил незнакомец, голос которого дрожал от волнения. — Почему же та, которую он так горячо любит, до сих пор не удостоила его этой награды?

— Сначала надо было покончить с тяжбой, — с готовностью ответила Дженни, — а потом были разные семейные обстоятельства.

— Но, — вмешался в разговор Кадди, — ведь была же еще причина, молодая леди...

— Попридержи-ка язык да расправляйся со своей похлебкой, — сказала его супруга. — Я вижу, что джентльмену не по себе: он и не притронулся к нашему нехитрому ужину; я мигом нарежу ему цыпленка.

— Не надо, — сказал незнакомец, — я попросил бы вас только о стакане воды и хотел бы остаться один.

— Тогда сделайте одолжение, идите следом за мной, я провожу вас в господский дом, — сказала Дженни, зажигая фонарь.

Кадди также предложил свою помощь, но Дженни напомнила, что «если оставить ребят одних, они, конечно, передерутся и толкнут, чего доброго, друг друга в огонь», и он остался сторожить дом.

Его жена между тем повела незнакомца по узкой, выходящей по склону холма тропинке, которая, миновав заросли шиповника и жимолости, привела их к калитке небольшого сада. Дженни откинула щеколду, и, пройдя разбитым на старинный лад цветником — с дорожками, окаймленными подстриженным тисом, и с чинными клумбами, — они подошли к застекленной двери, которую Дженни открыла ключом, открываящим все замки. Она зажгла свечу и, поставив ее на рабочий столик, извинилась перед незнакомцем, что должна уйти на несколько минут, чтобы приготовить для него комнату. Эти приготовления отняли у нее меньше пяти минут; вернувшись, она испугалась, увидев, что незнакомец сидит, наклонившись вперед и опустив на стол голову. Сначала ей показалось, что с ним обморок, но, приблизившись, она поняла по его приглушенным всхлипываниям, что его охватил приступ отчаяния. Она неслышно отступила назад и подождала, пока он не поднял голову; лишь после этого она показалась ему на глаза и, не подавая виду, что замечает его волнение, сообщила, что постель для него приготовлена. Незнакомец посмотрел на нее непонимающим взглядом, как бы силясь постигнуть смысл того, что она сказала. Она повторила свои слова, и тогда, кивнув в знак того, что понял ее, он

прошел в комнату, на дверь которой она ему указала. Это была небольшая спальня — в ней останавливался, как сообщила Дженни, лорд Эвендел, когда приезжал в Фери-ноу, — смежная с крошечным кабинетом в китайском стиле и гостиной, отделявшейся от спальни только деревянной перегородкой. Дженни, пожелав незнакомцу доброго здоровья и доброй ночи, быстро поспешила домой.

— О Кадди! — вскричала она, входя в хижину. — Боюсь, что мы погибли!

— В чем дело? Что с тобой? — отозвался невозмутимый Кадди, принадлежавший к числу тех, кого нелегко взволновать.

— Как ты думаешь, кто этот джентльмен? И зачем только ты его зазвал! — воскликнула Дженни.

— А на кой черт мне знать, кто он такой? Теперь нет больше закона, чтобы не давать убежища и не общаться, — сказал Кадди, — и поэтому виг ли он или тори, какое нам до этого дело?

— Да он расстроит свадьбу лорда Эвендела, если только не случится что-нибудь и того хуже! — сказала Дженни. — Ведь он — первая любовь мисс Эдит, ведь это твой старый хозяин, Кадди.

— Черт побери, жена! — воскликнул Кадди, вскакивая со своего места. — Что же, по-твоему, я слепой, что ли? Да я среди сотни узнаю мистера Гарри Мортон!

— Кадди, дружок, — ответила Дженни, — хоть ты не слепой, да не так приметлив, как я.

— Может быть. Но чего ради ты сейчас тычешь мне этим в глаза? И чем, по-твоему, этот человек похож на нашего мистера Гарри?

— Хорошо, я тебе скажу, — ответила Дженни. — Мне показалось, что он прячет от нас лицо и говорит не своим голосом. Вот я и решила испытать его разговорами о старине, и, когда я сказала тебе о горячей похлебке, он, правда, не рассмеялся — он теперь для этого слишком важный, — но так лукаво взглянул на тебя, что мне стало ясно: он понимает, в чем дело. И все его огорчения — из-за замужества мисс Эдит, и я никогда в жизни не видала мужчины, который бы

так любил — я могла бы сказать: мужчины и женщины. Помню, как плохо стало мисс Эдит, когда она услышала, что он и ты (безобразник ты этакий!) идете с мятежниками на Тиллитудлем. Что же нам теперь делать?

— Что же мне делать! — сказал Кадди, торопливо натягивая одежду, от которой уже успел частично освободиться. — Пойти, что ли, сейчас же повидать моего господина?

— Ну нет, Кадди, ты никуда не пойдешь, — спокойно и решительно заявила Дженни.

— То есть как это так? Что за черт сидит в этой женщине, — сказал Кадди. — Неужто ты думаешь, что я тебе муж вроде Джона Томсона и что мною до самой смерти будут помыкать бабы?

— А каким же мужем тебе хочется быть? И кому же еще тобою командовать, муженек, как не мне? — ответила Дженни. — погоди, я растолкую тебе все по порядку. Никто, кроме нас с тобою, не знает, что молодой Милнвуд жив, — и так как он упорно скрывается ото всех, я думаю, что он приехал сюда, чтобы тотчас уехать обратно, если мисс Эдит вышла замуж или собирается замуж; тогда он не станет больше их беспокоить. Но если мисс Эдит узнает, что он жив, то, стоя даже с лордом Эвенделом под венцом, она ответит священнику «нет», когда нужно будет ответить «да».

— Ну и что же, — проговорил Кадди, — какое мне до этого дело? Если мисс Эдит ее прежний жених нравится больше, чем нынешний, почему она не может переменить решение, как это порою проделывают другие? Ты знаешь, Дженни, Хеллидей и сейчас продолжает твердить, что ты когда-то обещала ему выйти за него замуж.

— Хеллидей — лгун, а ты, Кадди, просто дурень, что слушаешь его враки. А что до молодой леди, то не дай бог сделать ей такой выбор! Можешь не сомневаться, что все золото мистера Мортонна — в галунах на его кафтане. Как бы смог он содержать леди Маргарет и еще молодую леди?

— А разве не существует Милнвуда? — возразил Кадди. — Правда, старик отказал доход с него

домоправительнице до конца ее дней, потому что не знал ничего про племянника, но стоит только поговорить со старой Уилсон как следует, и они могли бы отлично прожить с леди Маргарет.

— Как бы не так, дружок, — ответила Дженни, — ты их совсем не знаешь, раз думаешь, что такие знатные леди станут жить одним домом с Эли Уилсон, когда они из гордости не принимают помощи даже от самого лорда Эвендела. Нет, нет, если она выберет Мортон, им придется жить походною жизнью.

— Ну, это, конечно, не для старой леди, — заметил Кадди, — ей и одного дня не протянуть в дорожном фургоне.

— И тогда между ними пойдут споры о вигах и тори, — продолжала хитрая Дженни.

— Тут и говорить нечего, — согласился Кадди, — старая леди в некоторых вещах ужасно упрямая.

— А потом, Кадди, — продолжала его супруга, которая предусмотрительно приберегала под конец свой наиболее сильный довод, — если расстроится эта свадьба с лордом Эвенделом, не видать нам ни отдельного дома, ни огорода, ни выгона для коровы. И тогда и мне, и тебе, и нашим славным ребятам только и останется, что пойти по миру.

Тут Дженни принялась всхлипывать. Кадди не находил себе места, не зная, на что решиться. Наконец он сказал:

— Ладно, жена, не можешь ли ты спокойно, без этого плача, сказать, что же нам в таком случае делать?

— То-то и оно, что ничего, — ответила Дженни. — Делай вид, будто про этого джентльмена тебе ничего не известно, и никогда никому, умоляю тебя, ни словом не обмолвись о том, что он побывал у нас или в господском доме — там, наверху. Знай я, кто он, уступила бы я ему нашу собственную постель, а мы с тобой спали бы в хлеву, пока он не уедет. Но теперь ничего не поделаешь. Нужно пораскинуть умом, как бы завтра утром выпроводить его отсюда, да половчее. Надеюсь, что больше ему не захочется сюда возвращаться.

— Бедный мой хозяин! — воскликнул горестно Кадди. — Значит, мне и поговорить с ним нельзя?

— Ни за что, — ответила Дженни, — ты не обязан его узнавать, и я бы не сказала тебе, кто он такой, если бы не боялась, что при утреннем свете ты его, может быть, и узнаешь.

— Ну, раз так, — сказал Кадди, тяжело вздыхая, — раз так, я лучше пораньше уйду на пахоту; если мне с ним нельзя и поговорить, так лучше уж не быть дома.

— Правильно, дорогой! — ответила Дженни. — Нет никого умнее тебя, если ты чуточку посоветуешься со мной; только никогда не делай ничего важного по своему разумению.

— Кажется, и впрямь так, — пробормотал Кадди. — У меня всегда была какая-нибудь старуха, или хозяйка, или еще какая другая женщина, которые заставляли меня делать по-своему, а не по-моему, — продолжал он, раздеваясь и укладываясь в постель. — Сначала то была матушка, потом леди Маргарет, не позволявшая мне иметь в голове свои мысли, и они ссорились между собою, и толкали меня сразу на две дороги, и каждая тянула к себе, точно Панч и дьявол, что дерутся за булочника на ярмарке; а теперь я женат, — продолжал он бормотать, заворачиваясь в одеяло, — и моя жена, сдается, совсем уж ведет меня за собой на поводу.

— А разве я не лучше тебя веду, чем все остальные? — сказала Дженни, которая, заняв место рядом с супругом и погасив свечу, закончила на этом беседу.

Оставив эту чету в объятиях сна, сообщим читателю, что на следующий день рано утром к Фери-ноу в сопровождении слуг подъехали две амазонки, в которых Дженни, к величайшему своему ужасу, тотчас узнала мисс Белленден и леди Эмили Гамильтон, сестру лорда Эвендела.

— Не сбегать ли мне наверх, чтобы немного прибраться? — сказала Дженни, испуганная этим неожиданным приездом обеих молодых леди.

— Дайте нам ключ от входной двери, и больше ничего нам не нужно: Гьюдйл откроет окна в малой гостиной.

— Малая гостиная на запоре, а замок как на грех испортился, — ответила Дженни, сообразив, что эта комната находится рядом со спальней, в которой она поместила вчерашнего гостя.

— Тогда он откроет окна в красной гостиной, — сказала мисс Белленден и направила лошадь к дому, однако не той дорогой, которой Дженни провела Мортонa.

«Все пропало, — подумала Дженни, — если мне не удастся выпустить его с черного хода».

И она стала подниматься по склону холма, волнуясь и ломая голову, как бы выпутаться из неприятного положения.

«Уж лучше было сразу сказать, что я пустила туда на ночлег приезжего путешественника, — продолжала она размышлять по дороге. — Но тогда они позвали бы его к завтраку. Господи, спаси и помилуй нас! Что же мне делать? А вон и Гьюдыл разгуливает в саду! — воскликнула она про себя, приближаясь к калитке. — И я не посмею войти с черного хода, пока он отсюда не уберется. О господи! Что теперь с нами станется!»

Не зная, что предпринять, она подошла к бывшему дворецкому Тиллитудлема, надеясь как-нибудь выпроводить его из сада. Но Джона Гьюдыла не исправили ни понижение в должности, ни прошедшие годы. Как многие нудные люди, он каким-то чутьем угадывал, что особенно раздражало его собеседников. Так и на этот раз: все усилия Дженни удалить его под каким-либо предлогом из сада повели только к тому, что он пустил в нем корни не менее прочно, чем любой из кустов. К несчастью, живя в Ферри-ноу, Гьюдыл сделался любителем цветоводства, и, предоставив остальные заботы слуге леди Эмили, он, едва приехав, отдал свое внимание прежде всего цветам, которые уже давно взял на свое особое попечение, и теперь тщательно их подвязывал, окапывал и поливал, распространяясь без умолку о достоинствах каждого перед бедною Дженни, стоявшей возле него трепеща и чуть не плача от страха, досады и нетерпения.

В это злополучное утро судьба, казалось, решила взять верх над Дженни. Попав в дом, обе леди сейчас же заметили, что дверь малой гостиной, комнаты, куда Дженни не хотела их впускать потому, что она была смежною с той, где ночевал Мортон, не только не заперта, но распахнута настежь. Мисс Белленден была слишком погружена в свои невеселые думы, чтобы обратить на это внимание. Велев слуге растворить ставни, она вместе со своею подругой вошла в эту комнату.

— Его все еще нет, — сказала она. — Что это значит? Почему ваш брат так настойчиво добивался, чтобы мы встретились именно здесь? Почему он не приехал в замок Диннан, как предполагал раньше? Сознаюсь, дорогая Эмили, что, несмотря на нашу помолвку и ваше присутствие, я не уверена, что вела себя правильно, уступив его настоянию.

— Эвендел никогда не руководствуется капризом, — отвечала его сестра. — Я уверена, что он привезет веские объяснения своих действий; ну, а если он не сделает этого, тогда... тогда я вам помогу его отчитать.

— Больше всего я опасаясь, — продолжала Эдит, — что он дал вовлечь себя в какой-нибудь разговор, которых так много в наше смутное и несчастное время. Я знаю, что душой он с этим ужасным Клеверхаузом и его войском; думаю, что уже давно он был бы у них, если бы не кончина моего дяди, доставившая ему из-за нас столько хлопот. Как странно, что, обладая таким тонким умом и так глубоко понимая ошибки свергнутой с престола династии, он готов пожертвовать всем ради ее возвращения.

— Что мне на это сказать? — ответила леди Эмили. — Для Эвендела это дело чести. Наш род всегда был верен короне; сам Эвендел долгое время служил в рядах гвардии; виконт Данди в течение многих лет был его командиром и другом; многие наши родственники поглядывают на Эвендела с явным неодобрением, объясняя его бездеятельность недостатком отваги. Вы должны знать, дорогая Эдит, что семейные связи и давно сложившиеся склонности значат иногда

больше, чем отвлеченные рассуждения. Думаю, впрочем, что Эвендел не станет вмешиваться в эти дела, хотя, говоря по правде, одна вы можете удержать его от этого шага.

— Но разве в моей власти помешать ему в этом? — заметила мисс Белленден.

— Вы можете доставить ему оправдание: пусть люди, вспоминая слова евангелия, говорят: «Он взял жену и поэтому не мог прибыть к войску».

— Я дала ему слово, — едва слышно сказала Эдит, — но, надеюсь, он не будет меня торопить.

— Нет, — ответила леди Эмили. — Но пусть Эвендел хлопочет сам за себя. А вот и его шаги.

— Останьтесь, ради бога, останьтесь, — сказала Эдит, стараясь удержать леди Эмили.

— Нет, нет, — говорила леди Эмили, выходя из гостиной. — Третий в таких случаях играет глупую роль. Когда подадут завтрак, пошлите за мною: я буду под ивами у реки.

В дверях она столкнулась с лордом Эвенделом.

— Здравствуйте, братец, и прощайте до завтрака, — сказала веселая молодая леди, — надеюсь, вы объясните леди Белленден, что именно принудило вас обеспокоить ее так рано.

И, не дождавшись ответа, она вышла, оставив их с глазу на глаз.

— А теперь, милорд, — сказала Эдит, — я хотела бы знать, чем вызвано ваше настойчивое желание встретиться здесь, и притом так рано.

Она хотела добавить, что ей не следовало соглашаться на эту встречу, но, взглянув на своего собеседника и увидев его необычное, взволнованное лицо, воскликнула:

— Боже мой, что случилось?

— Верноподданные его величества одержали крупную и решительную победу у Блэр-Этола... Но увы! Мой храбрый друг, лорд Данди...

— Пал в этом бою? — сказала Эдит, угадывая конец его фразы.

— Верно, совершенно верно: пал, одержав победу, и нет никого, кто был бы равен ему талантами и влия-

тельностью и мог бы заменить его на службе короля Иакова. Теперь, Эдит, не время мешкать в исполнении моего долга. Я отдал приказание своим подчиненным приготовиться к выступлению и сегодня вечером должен буду с вами расстаться.

— И не помышляйте об этом, милорд, — сказала Эдит, — ваша жизнь нужна вашим друзьям, не рискуйте ею в таком сомнительном предприятии. Что можете сделать вы один с несколькими слугами и арендаторами, которые, может быть, пойдут с вами, против почти всей Шотландии, за исключением горных кланов?

— Выслушайте меня, Эдит, — возразил лорд Эвендел. — Я не так опрометчив, как вы склонны, возможно, считать, и я больше не располагаю собой. Лейб-гвардейцы, с которыми я так долго служил, несмотря на реорганизацию, проведенную принцем Оранским, и новый офицерский состав, по-прежнему верны своему законному государю (тут он перешел на шепот, точно боялся, что его могут услышать стены), и два кавалерийских полка поклялись бросить службу у узурпатора, когда узнают, что я вдел ногу в стремя, и сражаться вместе со мной. Они ждали, когда Данди спустится с гор; но его нет в живых, и кто же из его преемников решится на этот шаг, пока не будет уверен в поддержке со стороны регулярной армии? Боевой пыл солдат между тем может угаснуть. Я должен заставить их выступить, пока они возбуждены победой, одержанной бывшим их командиром, и хотят отомстить за его безвременную смерть.

— И, рассчитывая на этих солдат, которых вы так хорошо знаете, — сказала Эдит, — вы хотите принять участие в этом отчаянном деле?

— Да, — отвечал лорд Эвендел, — это мой долг. Моя честь и моя верность короне обязывают меня.

— И все ради того государя, — продолжала Эдит, — чьи действия, пока он сидел на престоле, лорд Эвендел решительно осуждал?

— Совершенно верно, — ответил последний, — когда власть находилась в его руках, я как свободный гражданин восставал против его нововведений

в управлении церковью и государством; теперь, когда его лишили законных прав, я считаю себя обязанным как верноподданный оказать ему помощь. Пусть придворные и льстецы лебезят перед властью имущими и покидают тех, кого постигли несчастья. Я не стану делать ни то, ни другое.

— Но если вы решились на этот шаг, который, по моему слабому разумению, нельзя назвать иначе, как опрометчивым, зачем вам понадобилось назначить эту встречу в такое необычное время?

— Неужели вам кажется странным, — сказал лорд Эвендел, — что, отправляясь в бой, я хотел попрощаться с моей нареченной невестой? Спрашивать у меня о причинах столь естественной просьбы — значит не доверять моим чувствам и вместе с тем слишком явно выказывать холодность своих собственных.

— Но почему вы хотели встретиться именно здесь, милорд, — спросила Эдит, — и почему в такой тайне?

— Потому, — ответил Эвендел, вкладывая в ее руку письмо, — потому, что у меня есть еще одна просьба, с которой я не посмею к вам обратиться даже после того, как вы ознакомитесь с этим посланием.

Эдит, спеша и волнуясь, пробежала письмо от бабушки.

Мое дорогое дитя, — писала леди Маргарет (мы сохраняем здесь ее стиль), — никогда еще я не досадовала в большей мере на ревматизм, который не позволяет мне сесть на лошадь, чем теперь, когда я пишу тебе эти строки и когда так хотела бы находиться в том месте, где вскоре будет это письмо, то есть в Фери-ноу, с единственной дочерью моего бедного, незабвенного Уилли. Но, видно, сам бог не желает, чтобы я была теперь с нею, и я заключаю об этом как по болям, которые в настоящее время переношу, так и потому, что они не поддаются ни припаркам из ромашки, ни отвару из дикой горчицы, чем я часто помогала другим. Поэтому я должна известить тебя письменно, вместо разговора с глазу на

глаз, что молодой лорд Эвендел, выступая в поход по зову чести и долга, обратился ко мне с настоятельной просьбой, чтобы, во исполнение давнего договора, тебя и его, прежде чем он отправится на войну, связали узы священного брака. И, поскольку я не вижу разумных возражений против его искательства, то полагаю, что и ты, которая всегда была добрым и послушным ребенком, не станешь выдумывать чего-нибудь, противного разуму. Правда, когда-то в нашем роду свадьбы праздновались более торжественным образом, как и подобает, принимая во внимание нашу знатность, а не келейно и с малым числом свидетелей, словно таясь в углу. Но само небо и обитатели нашего королевства пожелали лишить нас имущества, а короля — трона. Впрочем, уповаю, что бог возвратит корону законному престолонаследнику и обратит его сердце к истинной протестантской епископальной церкви, каковое событие надеюсь увидеть моими собственными старыми глазами так же, как видела я королевскую семью в те времена, когда она боролась с такими же сильными мятежниками и самозванцами, как те, что властвуют ныне, то есть, когда его священнейшее величество, блаженной памяти Карл II почтил посещением мой скромный дом в Тиллитудлеме и соблаговолил в нем позавтракать... и т. д. и т. п.

Мы не станем злоупотреблять терпением наших читателей и приводить полностью многословное послание леди Маргарет. Скажем только о том, что оно кончалось приказанием внучке согласиться на немедленное венчание.

— Я никогда до сих пор не думала, — сказала Эдит, отбрасывая письмо, — что лорд Эвендел способен на неблагородный поступок.

— Неблагородный, Эдит! — воскликнул ее жених. — Так-то вы поняли мое желание назвать вас своею, прежде чем я с вами расстанусь, может быть, навсегда.

— Лорду Эвенделу следовало бы помнить, — сказала Эдит, — что, видя и ценя его постоянство и другие достоинства и понимая, чем мы ему обязаны,

я сочла должным уступить его настояниям, но с условием, что меня не будут торопить с браком. А теперь, пользуясь влиянием, которое на меня имеет единственная моя родственница и близкий мне человек, он меня побуждает с нетерпеливой и даже неделикатной настойчивостью немедленно назначить срок. В этих настоячивых и назойливых уговорах больше любви к себе самому, нежели благородства.

Лорд Эвендел, глубоко оскорбленный услышанным, несколько раз прошелся по комнате, прежде чем ответить на этот упрек. Наконец он сказал:

— Я мог бы избежать брошенного мне тяжкого обвинения, если бы с самого начала решил объяснить мисс Белленден основную причину обращенной к ней просьбы. Ради себя самой она, наверно, не сочла бы заслуживающими внимания соображения, которые я намерен ей изложить, но она должна учесть интересы леди Маргарет. Моя смерть на поле сражения отдала мое имущество тем, кто является моими наследниками по закону о майорате. Если мое поведение будет признано государственною изменой, это имущество может быть конфисковано правительством узурпатора в пользу самого принца Оранского или какого-нибудь его фаворита-голландца. И в том и в другом случае мой высокочтимый друг и моя нареченная невеста останутся без покровителя и без средств. Но, обладая правами и доходами леди Эвендел и имея возможность поддерживать престарелую бабушку, Эдит будет до некоторой степени вознаграждена за согласие унаследовать титул и богатство того, кто не может считать себя достойным ее руки.

Эдит, приведенная в замешательство этим непредвиденным доводом, была вынуждена признать, что действия лорда Эвендела объясняются его деликатностью и уважением к ней.

— И все-таки, — сказала она, — упорство, с которым мое сердце тянется к прошлому (она залилась слезами), таково, что я не могу подавить в себе какое-то зловещее внутреннее сопротивление, препятствующее мне, несмотря на все ваши доводы, не откладывая выполнить мое обещание.

— Мы уже много раз обсуждали это печальное обстоятельство, — сказал лорд Эвендел, — и я полагаю, дорогая Эдит, что и ваши и мои столь безуспешные розыски уже давно вас убедили, что ваша печаль бесплодна.

— Бесплодна! Конечно, бесплодна! — сказала Эдит с тяжким вздохом, который вдруг, словно эхо, отозвался в соседней комнате. Уловив этот звук, мисс Белленден вздрогнула, и лорд Эвендел с трудом ее убедил, что она слышала эхо собственного своего вздоха.

— Оно прозвучало странно отчетливо, — сказала она, — и почти зловеще; впрочем, я так расстроена, что меня способен встревожить любой пустяк.

Лорд Эвендел всячески пытался успокоить Эдит и примирить ее с мыслью о браке, который представлялся ему хоть и поспешным, но единственным средством обеспечить ее независимость. Добиваясь своего, он ссыался на их помолвку, на желание и даже повеление ее бабушки, на то, что это доставит ей известные жизненные удобства и независимость; он коснулся также своей давней привязанности, которую он не раз доказывал разнообразными и многочисленными услугами.

Последние Эдит ощущала тем больше, чем меньше он о них говорил, и так как ей нечего было противопоставить его настояниям, кроме беспричинного внутреннего противодействия, о котором ей было неловко упоминать, видя такое великодушие с его стороны, она в конце концов сослалась на то, что в такой краткий срок и в таком месте невозможно устроить обряд венчания. Но лорд Эвендел предусмотрел и это; он оживленно и весело сообщил, что в сторожке их ждут бывший священник его полка с его верным слугою, прежде служившим сержантом в лейб-гвардии, что его сестра также посвящена в тайну и что к списку свидетелей можно добавить Хедрига и его жену, если это будет угодно мисс Белленден. Что касается места их встречи, то он избрал его исключительно с этой целью. Их брак некоторое время не следует разглашать, так как лорду Эвенделу вскоре

после венчания предстоит тайно уехать. Если бы их свадьба была публичной, его отъезд непременно привлек бы внимание местных властей, которые объяснили бы его не иначе, как участием в каком-нибудь рискованном политическом предприятии. Поспешно рассказав о своих соображениях и намерениях и не дожидаясь ответа, он вышел, чтобы послать к своей невесте сестру и собрать тех, кто должен был присутствовать на церемонии.

Леди Эмили застала свою подругу в слезах, причину которых не понимала, да и не могла бы понять, так как принадлежала к числу девиц, не видящих в замужестве ничего страшного и таинственного. К тому же, разделяя мнение всех знавших лорда Эвендела, она считала, что такой жених никоим образом не может внушать боязнь. Держась таких взглядов, она исчерпала все до одного доводы и выражения участия и сочувствия, к которым прибегают в этих случаях для ободрения. Но когда леди Эмили обнаружила, что ее будущая невестка глуха ко всем обычным убеждениям и увещеваниям, когда она увидела, что частые слезы не переставая катятся по бледным, как мрамор, щекам, когда она почувствовала, что рука, которую она сжимает, чтобы подкрепить свои доводы, похолодевшая и бесчувственная, как у мертвой, не отвечает на ее ласку, — сочувствие уступило в ней место оскорбленной гордости и досаде.

— Должна признаться, — сказала она, — что мне трудно это понять, мисс Белленден. Прошло уже много месяцев, как вы согласились стать женой моего брата, а между тем вы все время откладываете исполнение своего обещания, как будто в этом браке для вас заключается нечто позорящее и бесконечно тягостное. Позволю себе заявить от имени лорда Эвендела, что он не станет домогаться руки какой-либо женщины против ее желания, и хоть я только его сестра, все же берусь утверждать, что ему нет ни малейшей нужды неволить кого бы то ни было совершать насилие над своими чувствами. Простите меня, мисс Белленден, но ваше теперешнее отчаяние не предвещает счастья Эвенделу, и я считаю нужным добавить, что он

отнюдь не заслуживает всех этих горестей и сожалений, — они мне кажутся странным вознаграждением за его длительную привязанность, которую он столько раз доказал вам на деле.

— Вы правы, леди Эмили, — сказала Эдит, вытирая слезы и стараясь принять свой обычный вид, хотя ее все еще выдавали дрожащий голос и бледные щеки, — вы совершенно правы: лорд Эвендел не заслуживает подобного отношения ни от кого и меньше всего от той, кого он подарил своим драгоценным вниманием. Но если я теперь в последний раз поддалась охватившему меня чувству, то меня утешает то, что ваш брат, леди Эмили, знает причину моей нерешительности, я ничего от него не скрала, и он по крайней мере не имеет оснований бояться, что найдет в Эдит Белленден жену, недостойную его привязанности. Но вы все же правы: уступив на мгновение этой бесплодной печали и тяжелым воспоминаниям, я заслужила ваш выговор. Этого больше не будет, я связала свою судьбу с Эвенделом и буду делить ее с ним. Он ни на что не сможет пожаловаться, и его близким не на что будет сердиться; праздные воспоминания о былом не помешают мне внимательно и преданно исполнять мой долг; никакие пустые иллюзии не вызывают сожаления о минувшем...

Произнося эти слова, она медленно подняла глаза, которые до того закрывала рукой, на приоткрытое решетчатое окно, испустила ужасный крик и потеряла сознание. Леди Эмили взглянула туда же и увидела тень мужчины, мелькнувшую у окна. Испуганная больше состоянием бедной Эдит, чем привидением, которое она видела собственными глазами, она принялась звать на помощь. Вскоре на ее крики прибежал лорд Эвендел и вместе с ним священник и Дженни Деннисон. Однако, чтобы привести мисс Белленден в сознание, потребовались сильные средства. Даже после того как она пришла наконец в себя, речь ее была дикой и бессвязной.

— Больше не принуждайте меня, — сказала она, обращаясь к лорду Эвенделу, — это невозможно, небо и земля... живые и мертвые — все против этого,

не предвещающего добра союза. Возьмите от меня все, на что я способна, возьмите мою преданность, мою дружбу. Я вас буду любить, как сестра, я вам буду служить, как крепостная, но никогда больше не говорите со мною о браке.

Нетрудно представить себе удивление лорда Эвендела.

— Эмили, — сказал он сестре, — это все ты наделала! Будь проклято то мгновение, когда я решил тебя вызвать; какая-нибудь твоя безрассудная выходка довела ее до безумия!

— Честное слово, брат, — сказала леди Эмили, — довольно и тебя одного, чтобы свести с ума всех женщин Шотландии. Твоя возлюбленная намерена водить тебя за нос, а ты нападаешь ни с того ни с сего на сестру, которая для тебя же старалась и уже совсем ее убедила, как вдруг в окно заглянул какой-то мужчина; она, с ее болезненной фантазией, приняла его за тебя или кого-то другого и бесплатно разыграла перед нами великолепную трагическую сцену.

— Какой мужчина? Какое окно? — раздраженно воскликнул лорд Эвендел. — Мисс Белленден не способна дурачить меня, и, что бы тут ни случилось...

— Тише, тише! — сказала Дженни, у которой были свои причины добиваться прекращения дальнейших расспросов... — Ради самого неба, милорд, говорите потише, потому что миледи, кажется, приходит в себя.

Едва оправившись после обморока, Эдит слабым голосом попросила, чтобы ее оставили наедине с лордом Эвенделом. Все вышли из комнаты: Дженни — со своим обычным видом всегда готового услужить простодушная, священник и леди Эмили — с выражением любопытства.

Как только они удалились, Эдит показала лорду Эвенделу место рядом с собой на диване; следующим движением, несмотря на его удивление и противодействие, она поднесла его руку к губам, потом она соскользнула с дивана и обхватила его колени.

— Простите меня, милорд! — вскричала она. — Простите меня! Я должна поступить очень нечестно по отношению к вам и отказаться от своего торже-

ственного обета. Вам принадлежит моя дружба, мое глубочайшее уважение, моя искренняя благодарность... Вы располагаете бóльшим — моим словом и моим обещанием... Но простите меня. Я не виновата... Я не люблю вас и не могу выйти за вас, не впадая в грех!

— Вы бредите, дорогая Эдит! — сказал лорд Эвендел в полном смятении. — Вы позволяете своему воображению обманывать себя; ведь это какой-то призрак, порожденный вашей фантазией; тот, кого вы предпочли мне, давно уже в лучшем мире, куда не могут проникнуть ваши бесплодные сожаления, а если бы и проникли, то лишь нарушили бы блаженство, которое он там вкушает.

— Вы ошибаетесь, лорд Эвендел, — сказала Эдит торжественно. — Я не лунатик и не сошла с ума. Нет, я бы сама не поверила, если бы не видела собственными глазами. Но я его видела, я не могу не верить своим глазам.

— Вы его видели! Кого же? — спросил в волнении лорд Эвендел.

— Генри Мортон, — отвечала Эдит, — произнося эти слова таким голосом, точно они были последними в ее жизни, и едва не теряя сознания.

— Мисс Белленден, — сказал лорд Эвендел, — вы обращаетесь со мной как с глупцом или малым ребенком. Если вы раскаиваетесь в своей помолвке со мною, — продолжал он негодующим тоном, — я не таков, чтобы принуждать вас вопреки вашим склонностям, но прошу вас, разговаривайте со мной как с мужчиной, и давайте оставим эти неуместные шутки.

Он собрался было уйти, но, взглянув на нее и заметив ее блуждающий взор и бледные щеки, понял, что она его не обманывала и действительно чем-то очень напугана. Он переменял тон и употребил все свое красноречие, чтобы ее успокоить и дознаться истинной причины этого страха и возбуждения.

— Я его видела, — говорила она. — Я видела Генри Мортон, он стоял у этого окна и смотрел в комнату в тот самый момент, когда я готова была отречься от него навсегда. Его лицо осунулось

и побледнело; на нем был походный плащ и надвинутая на глаза шляпа; выражение лица было такое же, как в тот страшный день, когда в Тиллитудлеме его допрашивал Клеверхауз. Спросите вашу сестру, спросите леди Эмили, разве она не видела его так же отчетливо, как видела его я. Я знаю, что вызвало его из могилы, — он пришел, чтобы укорить меня, потому что в то время, когда сердце мое было с ним в глубоком и безжизненном море, я собиралась отдать свою руку другому. Милорд, между мною и вами все кончено; будь что будет — та, чей брак тревожит покой мертвецов, не может выйти замуж.

— Боже милостивый! — воскликнул лорд Эвендел, шагая по комнате и сам почти обезумев от изумления и досады. — Ее ум совсем помутился оттого, что она заставляла себя согласиться на мою несвоевременную, хотя и бескорыстную просьбу. Если не дать ей отдыха и не окружить ее неусыпной заботой, она навеки потеряет здоровье.

В этот момент отворилась дверь, и в комнату влетел Том Хеллидей, который, оставив вместе с лордом Эвенделом во время революции полк, сделался его слугою и чем-то вроде адъютанта. Его лицо было мертвенно бледно и искажено ужасом.

— Что еще, Хеллидей? — вскричал его господин, вскакивая со стула. — Какие-нибудь новости о...

Он овладел собой и остановился на половине опасной фразы.

— Нет, сэр, — сказал Хеллидей, — нет, сэр, не это, совсем другое: я видел призрак!

— Призрак! Безнадежный болван! — сказал лорд Эвендел, окончательно потеряв терпение. — Кажется, все человечество решило спятить с ума, чтобы увлечь и меня за собой. Какой призрак, ну, отвечай, простофиля?

— Призрак Генри Мортонa, начальника вигов во время битвы у Босуэл-бриджа, — ответил Хеллидей. — Он промелькнул мимо меня точно молния, когда я находился в саду.

— Это какое-то наваждение, — сказал лорд Эвендел, — или чьи-то злонамеренные проделки. — Дженни,

проводите леди в ее комнату, а я попробую расследовать эту историю.

Розыски лорда Эвендела оказались, однако, тщетными. Дженни, которая могла бы, если бы захотела, объяснить происшедшее, имела свой расчет не раскрывать тайны. Дело в том, что с тех пор, как Дженни получила в свою безраздельную собственность деятельного и любящего супруга, ее кокетство бесследно исчезло, но зато расчет стал главной побудительной причиной всех ее действий. Воспользовавшись первыми минутами всеобщего замешательства, она привела в порядок ту комнату по соседству с гостиной, где ночевал Мортон, и уничтожила все признаки его ночного пребывания в ней. Она умудрилась даже затереть следы под окном, в которое заглянул Мортон, чтобы, прежде чем выйти из сада, еще раз увидеть ту, которую он так долго любил и теперь терял навсегда. Было совершенно ясно, что он пронесся по саду мимо Хеллидея; от старшего мальчика, которому она велела оседлать коня незнакомца и держать его наготове, ей стало известно, что Мортон вбежал в конюшню, бросил мальчику золотой, вскочил на коня и со страшной быстротой помчался по направлению к Клайду. Таким образом, тайна пребывала в лоне ее семейства, и Дженни решила, что там ей надлежит и остаться.

«Конечно, — рассуждала она про себя, — миледи и Хеллидей узнали мистера Мортон, но то было днем, а это совсем не значит, что я также должна была узнать его в сумерки или при свете свечи. И к тому же он все время прятал лицо от Кадди и от меня».

Поэтому на вопросы лорда Эвендела она ответила, что ей ровно ничего не известно. Что касается Хеллидея, то он упорно продолжал стоять на своем, утверждая, что, войдя в сад, встретился с промелькнувшим мимо него привидением, лицо которого выражало гнев и печаль. Хеллидей говорил, что знает Мортон достаточно хорошо: ведь он не раз его охранял, и именно ему было поручено перечислить его приметы, если бы он бежал из-под стражи. А такие лица, как у мистера Мортон, попадают не так уж часто.

Но что заставило его посетить места, где он не был повешен или расстрелян, — этого он, Хеллидей, не может уразуметь.

Леди Эмили подтвердила, что видела в окне мужское лицо, но на этом и кончались ее показания. Джон Гьюдбил заявил, что *nil novit in causa*.¹ Он кончил свою работу в саду и пошел приложиться к утренней чарочке как раз в то самое время, когда было замечено привидение. Слуга леди Эмили ожидал приказаний на кухне, и на четверть мили кругом больше никого не было.

Лорд Эвендел вернулся озабоченный и расстроенный: план, выполнение которого, принимая во внимание особые обстоятельства, он считал не менее необходимым в интересах Эдит, чем для своего счастья, рушился теперь без видимых и объяснимых причин.

Зная характер Эдит, он не мог подозревать ее в том, что, изменив внезапно решение, она придумала в свое оправдание этот мнимый призрак. Он объяснил бы эту историю игрою ее расстроенного воображения, возбужденного обстоятельствами, в которых она неожиданно оказалась, но показание Хеллидея в точности совпадало с ее словами, а ведь этот последний не имел никаких причин думать о Мортоне больше, чем о ком-либо другом, и к тому же ничего не знал о привидении мисс Эдит, когда сам возвестил о своем собственном. С другой стороны, было в высшей степени невероятно, чтобы Мортон, так долго и тщетно разыскиваемый и по всей вероятности утонувший на «Свободе», пошедшей ко дну вместе со всем своим экипажем и пассажирами, был цел и невредим и скрывался в стране, где в этом не было никакой необходимости, так как новое правительство покровительствовало приверженцам своей партии. Когда же лорд Эвендел с большой неохотой поделился своими сомнениями со священником, чтобы узнать его мнение, он принужден был выслушать пространную лекцию по демонологии, в которой, сославшись на

¹ Ничего не знает об этом деле (лат.).

Дельрио, Бортхуга и Деланкра, писавших о привидениях, а также на различных знатоков гражданского и общего права о природе свидетельских показаний, ученый джентльмен заявил, что, по его решительному и окончательному суждению, это был или подлинный дух покойного Генри Мортон, возможность чего он, как лицо духовное и как философ, не может ни утверждать ни оспаривать, или что вышепоименованный Генри Мортон, все еще пребывая *in regim natura*,¹ появился сегодня утром во плоти и крови, или, наконец, что глаза мисс Белленден и Томаса Хеллидея были введены в заблуждение каким-нибудь поразительным *deceptio visus*,² если не исключительным сходством во внешности. Какая из этих гипотез наиболее правдоподобна, ученый муж не брался решать, но ручался своей головой, что вся утренняя суматоха была следствием одной из перечисленных выше причин.

Вскоре, вдобавок ко всем этим тревогам, лорду Эвенделу сообщили, что мисс Белленден тяжело заболела.

— Я не уеду отсюда, — воскликнул он, — пока ее здоровье не перестанет внушать опасения! Я не могу и не должен ее покидать, ибо каков бы ни был непосредственный повод ее болезни, затеяв этот злосчастный разговор, я был первой ее причиною.

Он остался гостем в Фери-ноу. В глазах общества это было вполне естественно и не нарушало приличий, так как в усадьбе находились его сестра и леди Маргарет Белленден, которая, узнав о болезни внучки, потребовала, несмотря на свой ревматизм, чтобы ее немедленно к ней доставили. Он с нетерпением ожидал, когда, без ущерба для здоровья Эдит, можно будет окончательно объясниться с нею и вслед за тем выехать в лагерь восставших.

«Она не должна, — думал благородный молодой человек, — смотреть на свою помолвку как на насильственное принуждение вступить в брак, одна мысль о котором сводит ее с ума».

¹ В природе (*лат.*).

² Обманом зрения (*лат.*).

Глава XXXIX

О поле, о любезный дол,
О рощи сень густая,
Здесь годы детства я провел,
Еще невзгод не зная.

«Вид издали на Итонский колледж»

Не только недуги и потребности плоти уравнивают даже самых одаренных людей со всеми остальными. Бывают минуты душевных волнений, когда самый сильный из смертных равен слабейшему из своих собратьев. В такие мгновения, уступая своей человеческой сущности, он усугубляет свалившееся на него горе сознанием, что, предаваясь печали, он преступает те предписания религии и философии, которым стремился подчинять свои страсти и свои действия.

Именно в таком состоянии духа несчастный Мортон покидал Фери-ноу. Знать наверно, что Эдит, которую он любил так давно и которую все еще любит, Эдит, чей образ наполнял его душу долгие годы, готова выйти замуж за соперника дней его юности и что этот соперник имеет все права на ее сердце, так как она, в сущности, не может ему отказать после стольких оказанных им услуг, — это было ему много горше, чем томиться, как до сих пор, в неизвестности, хотя и не было для него неожиданностью.

За годы своего пребывания за границей он однажды писал Эдит. Он прощался с нею навеки и заклинал забыть о его существовании. Он просил не отвечать на письмо, но все же долгое время надеялся, что его просьба не будет исполнена. Его письмо не дошло до той, которой было направлено, и Мортон, не знавший об этом, должен был заключить, что он забыт в соответствии с его собственной исполненной самоотречения просьбой. Все, что, возвратившись в Шотландию, он слышал о мисс Белленден, подготовило его к мысли, что он должен видеть в ней невесту лорда Эвендела. Впрочем, будь она даже свободна от каких бы то ни было обязательств, Мортон, при благородстве его характера, не стал бы расстраи-

вать их предполагаемый брак, притязая на восстановление своих прав, утраченных в долгой разлуке, не закрепленных за ним согласием ее близких и встречавших тысячу препятствий со стороны множества обстоятельств. Почему же он посетил усадьбу, в которой после своего разорения нашли для себя приют леди Маргарет и ее внучка? Он уступил — и мы вынуждены это признать — непоследовательному влечению, которое в его положении могло бы захватить и многих других.

Направляясь в родные места, он случайно узнал, что обе леди, мимо усадьбы которых ему предстояло проехать, были в отсутствии. Услышав, что Кадди с женой — их доверенные слуги, он не устоял пред искушением и остановился у порога их хижины, чтобы выяснить, насколько мисс Белленден — увы! теперь уже не его Эдит — отвечает чувствам лорда Эвендела. Мы уже рассказали, к чему повел этот рискованный шаг: покидая Фери-ноу, Мортон знал, что Эдит все еще его любит, но долг и честь принуждали его оставить ее навсегда.

С какими чувствами должен был он воспринимать разговор лорда Эвендела с мисс Эдит, большую часть которого невольно подслушал, пусть читатель представит себе в меру своего воображения, так как мы не решаемся их описывать. Сколько раз порывался он вбежать в комнату, где они находились, или крикнуть: «Эдит, я еще жив!», но он тотчас же вспоминал, что она связана своим словом, а он обязан вечною благодарностью лорду Эвенделу (чьим влиянием на Клеверхауза он справедливо объяснял свое избавление от пытки и казни). Все это удерживало его от опрометчивых действий, которые внесли бы разлад в отношения между Эдит и ее женихом, но ничем не могли бы способствовать его счастью. Он поборол свои чувства, хотя в нем каждый нерв содрогался от этой пытки.

«Нет, Эдит, — поклялся он мысленно, — я не стану беречь твои раны. Да будет так, как предназначено небом. И я не стану добавлять хотя бы крупинку моей личной скорби к тому бременю, которое ты

несешь. Я был мертв для тебя, когда ты связывала себя обещанием, и ты никогда не узнаешь, что Генри Мортон, твой Генри, жив».

Приняв это решение, но не доверяя себе и стремясь обрести ту душевную твердость, которая, пока до его слуха долетал голос Эдит, могла быть поколеблена в любое мгновение, он поспешно покинул комнату и, пройдя через маленький кабинет и стеклянную дверь, вышел в сад.

Сколько ни уверял он себя, что его решение окончательно, он не мог сойти с этого места, где до него продолжали доноситься звуки ее милого голоса, не воспользовавшись возможностью посмотреть хотя бы украдкой в окно и увидеть ее в последний раз. Когда он подошел и заглянул в окно, Эдит сидела с опущенными глазами. Она внезапно их подняла и обнаружила Мортон. Едва ее душераздирающий крик оповестил об этом предмет ее столь постоянной и столь роковой любви, как Мортон пустился бежать, точно за ним гнались разъяренные фурии. В саду он наткнулся на Хеллидея, но не узнал или даже вовсе его не заметил. Он вскочил на коня и — скорее инстинктивно, чем намеренно, — свернул на первую встретившуюся ему тропу, избегая проезжей дороги, что вела в Гамильтон.

Это, видимо, и помешало Эвенделу убедиться в существовании реального Мортон. После известия о решительной победе горцев при Килликрэнки было установлено тщательное наблюдение за всеми дорогами и переправами, чтобы предупредить возможное выступление якобитов Нижней Шотландии. Не забыли выставить часовых и на Босуэл-бридже, и, так как эти люди не видели ни одного путешественника, проезжавшего в западном направлении, а их товарищи в деревне Босуэл столь же решительно утверждали, что никто не проезжал и с запада на восток, то призрак, в существовании которого были так твердо убеждены Эдит и Хеллидей, стал для лорда Эвендела еще большей загадкой, и он в конце концов начал склоняться к мысли, что разгоряченное и расстроенное воображение Эдит создало фантастический

образ, а Хеллидей, что, впрочем, непостижимо, оказался во власти той же галлюцинации.

Между тем тропа, по которой Мортон мчался со всей быстротой, доступной его сильному и выносливому коню, в несколько секунд привела его к берегу Клайда, где было много конских следов, так как сюда водили на водопой лошадей. Конь, все время шедший галопом, не задерживаясь ни на мгновение, бросился в реку и вскоре достиг быстрины. Он поплыл, и Мортон, движения которого были до этого машинальными, почувствовал, что погружается в холодную воду по самую грудь. Это напомнило ему, что нужно позаботиться о себе и о благородном животном, которое было под ним. Он отличался во всем, что требовало отваги и ловкости, и переправляться на коне вплавь было для него таким же простым и обычным делом, как скакать по полям и лугам.

Он направил коня вниз по течению, к видневшемуся на той стороне пологому выступу, рассчитывая, что там всего легче выбраться из реки. Первые две попытки, однако, не увенчались успехом; конь, обманутый грунтом, едва не опрокинулся вместе со всадником навзничь. Инстинкт самосохранения даже в самых отчаянных обстоятельствах возвращает нас к душевному равновесию, если только мы не находимся во власти безотчетного ужаса, и тем, что Мортон полностью овладел собой, он был обязан опасности, которая ему угрожала. Тщательно выбрав и осмотрев подходящее место, он сделал третью попытку, более успешную, чем предыдущие, и конь со всадником оказались на левом берегу Клайда.

«Но куда, — с горечью в сердце спросил себя Мортон, — куда мне направить путь? Да и не все ли равно, какой точки компаса станет держаться столь горемычный скиталец, как я? Боже милостивый, если бы такое желание не было тяжким грехом, как бы я жаждал, чтобы эти темные воды сомкнулись над моей головой и проглотили воспоминания о былом и мысли о настоящем!»

Едва он выразил в этих скорбных словах отчаяние и нетерпение, вызванные смятением чувств, как тотчас же устыдился своего малодушия. Он вспомнил, сколько раз, среди бесконечных опасностей, осаждавших его почти непрерывно с тех пор, как он ступил на стезю общественного служения, судьба просто чудом сберегала ему жизнь, которую теперь, подавленный своим горем, он так низко ценил.

«Я глупец, — сказал он себе, — я хуже глупца, потому что так дешево ценю жизнь, столько раз и столь поразительным образом сохраненную мне провидением! Ведь кое-что остается в этом мире и для меня — хотя бы сносить свои печали, как подобает мужчине, и помогать тем, кто в этом нуждается. Разве все, что я сейчас видел, что сейчас слышал, — не завершение того, что, как я знал, неизбежно должно случиться? Они оба (он не смел даже мысленно называть их по имени) — в затруднительных обстоятельствах. Ее лишили наследства, он готов, кажется, броситься в какое-то опасное дело, и, не говори он так тихо, я бы знал, в какое. Неужели нельзя им помочь, нельзя их вовремя предостеречь!»

И он принялся упорно думать об этом, заставив себя забыть о собственных бедах и сосредоточить свое внимание на делах Эдит и ее жениха. Внезапно, словно луч света, пробившийся сквозь туман, его осенила мысль о давно забытом письме Белфура Берли.

«Вот кто, — пришел он к выводу, — виновник их разорения. Если этому еще можно помочь, то только через него или получив у него необходимые сведения. Я должен во что бы то ни стало встретиться с ним. Как бы он ни был суров, коварен и фанатичен, все же моя честность и прямота нередко заставляли его уступать. Во всяком случае, я его разыщу, и, кто знает, не повлияют ли добытые мною сведения на судьбу тех, кого я больше никогда не увижу и кто, быть может, никогда не узнает, что я подавляю теперь свои собственные страдания ради их счастья».

Окрыленный этой надеждой, весьма, впрочем, неосновательной, он кратчайшим путем помчался

к большой дороге. Зная в долине каждую тропку, так как в юности он здесь постоянно охотился, Мортон, перескочив две-три изгороди, без труда выбрался на дорогу, которая вела к тому самому городку, где происходило празднество «попки». Он ехал в мрачном настроении, но уже не ощущал того мучительного отчаяния, которое только что его угнетало; ясное понимание своего долга и готовность к самопожертвованию, даже если они не дают человеку счастья, почти всегда приносят успокоение. Он стал усиленно размышлять о том, как ему найти Берли и можно ли добиться от него сведений, благоприятных для той, чьи интересы он намерен был защищать. В конце концов он решил, что будет действовать в зависимости от обстоятельств, при которых состоится их встреча, надеясь, что Берли, разошедшийся, по словам Кадди, со своими единоверцами-пресвитерианами, может быть не так уж враждебно настроен по отношению к мисс Белленден и теперь согласится употребить власть, которую, судя по его письму, он имеет над ее состоянием, в благоприятном для нее направлении.

Миновал уже полдень, когда наш путник оказался поблизости от усадьбы своего покойного дяди Милнвуда. Она стояла среди рощ и лесов, связанных с бесчисленными воспоминаниями о былых радостях и печалях, и произвела на Мортонa грустное впечатление — мягкое, волнующее и в то же время успокаивающее, такое, какое обычно производит на тонко чувствующую натуру, испытавшую бури и превратности общественной жизни, возвращение в родные места, туда, где протекали детство и юность.

«Старая Элисон, — думал он, — меня не узнает, как не узнала честная супружеская чета, с которой я вчера встретился. Я смогу удовлетворить свое любопытство и тотчас же снова отправиться дальше, не сообщив ей о том, что я жив. Говорят, дядя оставил ей наше родовое гнездо. Что ж? Пусть так! У меня столько настоящего горя, что я не в состоянии сетовать на такую неприятность, как эта. Однако странную, надо признаться, избрал он наследницу, отказав

моей доброй старой ворчунье владения если и не прославленных, то все же почтенных предков».

Милнвудский дом, даже в лучшие времена не отличавшийся привлекательностью, теперь, находясь во владении домоправительницы, сделался, казалось, еще более хмурым. Впрочем, все тут было в исправности: на крутой серой крыше не выпала ни одна плитка шифера, в узких окнах не было ни одного битого стекла. Трава во дворе разрослась так густо, как будто тут уже долгие годы не ступала нога человека, все двери были тщательно заперты, и та, которая вела в сени, не отворялась, видимо, уже очень давно — по крайней мере пауки успели заткать паутиной и ее и железные петли на ней.

Мортон не обнаружил вокруг ни малейшего признака жизни; он долго и громко стучал, прежде чем наконец услышал, как кто-то осторожно приотворяет слуховое окно, через которое в те времена было принято разглядывать посетителей.

Перед ним предстало лицо Элисон со множеством новых морщин в добавление к тем, которые его покрывали, когда Мортон покинул Шотландию; ее голова была повязана простою косынкой, из-под которой выбивались космы седых волос, что не столько украшало ее лицо, сколько придавало ему живописность. Дребезжащим, пронзительным голосом она спросила, что ему нужно.

— Я хотел бы побеседовать с некоей Элисон Уилсон, которая тут проживает, — ответил Генри.

— Ее нет дома, — сказала миссис Уилсон собственной персоной. Состояние ее головного убора внушило, вероятно, ей мысль отрицать себя самое. — К тому же, сударь, вы плохо воспитаны, спрашивая ее в таких невежливых выражениях. Вы могли бы не проглатывать слово миссис и осведомиться о миссис Уилсон Милнвуд.

— Прошу прощения, — сказал Мортон, улыбаясь про себя и подумав, что Эли так же ревниво оберегает собственное достоинство, как оберегала его когда-то. — Прошу прощения, я приезжий и к тому же

так долго жил за границей, что почти разучился говорить на родном языке.

— Вы из чужих краев? — спросила Эли. — А не слыхали ли вы чего-нибудь о молодом джентльмене из наших мест, которого зовут Генри Мортон?

— Слышал, — ответил Мортон. — Я слышал это имя в Германии.

— Тогда прошу вас, обождите минутку, голубчик, или... нет... обойдите-ка вокруг дома, там вы найдете дверь — вы увидите, она меньше других; эта дверь на щеколде — она запирается только после заката. Вы откроете ее и войдете, но только смотрите не угодите в чан, там темно; потом вы повернете направо, потом идите прямо вперед, потом вы опять повернете направо и окажетесь у лестницы, что ведет в погреб, и тут вы упретесь в дверь малой кухни — это теперь наша милнвудская кухня, и там я вас встречу, и вы сможете совершенно спокойно передать мне все, что хотели бы сообщить миссис Уилсон.

Постороннему человеку, несмотря на подробные указания Эли, было бы трудно благополучно пробраться по этому темному лабиринту бесчисленных переходов от заднего крыльца к малой кухне, но Генри были отлично известны правила плавания по этим проливам, и его не страшила ни Сцилла, притаившаяся с одной стороны в виде чана с водою, ни Харибда, зиявшая с другой стороны глубокой винтовой лестницей. Единственное препятствие, с которым он все же столкнулся, был визгливый и яростный лай маленького сердитого спаниеля, когда-то принадлежавшего Мортону; отнюдь не напоминая в этом отношении верного Аргуса, он встретил своего возвратившегося из дальних странствий хозяина как совершенно неизвестную ему личность.

«И эта собачка — тоже, — подумал Мортон, обнаружив, что отвергнут своей бывшею любимицей. — Я до того изменился, что ни одно живое существо, никто, кого я знал и любил, меня больше не узнает!»

В этот момент он добрался до кухни, и почти тотчас послышался стук высоких каблуков Элисон и аккомпанирующего им костыля, которым она нащу-

пывала ступени, спускаясь по лестнице; это длилось довольно долго, пока наконец она не появилась на кухне.

За это время Мортон имел возможность рассмотреть скромные хозяйственные приготовления, которых было теперь совершенно достаточно для обитателей его родового гнезда. Огонь был разведен таким образом, чтобы поменьше расходовать топлива, хотя окрестности изобиловали каменным углем, и небольшой глиняный горшок, в котором варился обед для старухи и ее служанки за всё, девочки лет двенадцати, оповещал тонкою струйкой жидкого пара, что, несмотря на теперешнее богатство, Эли не сочла нужным улучшить свой стол.

Когда она показалась, и ее голова, удостоившая Мортон величественным кивком, и лицо, в котором боролись раздражительная брюзгливость, укоренившаяся в результате привычки и снисходительности домашних, с природной сердечностью и добродушием, и чепец, и передник, и юбка в синюю клетку — все было совершенно такое же, как у Эли в прежние времена; только кружевная наколка, надетая наспех для гостя, да кое-какие мелкие украшения отличали миссис Уилсон, пожизненную хозяйку Милнвуда, от доправительницы покойного владельца того же поместья.

— Что вам угодно от миссис Уилсон, сэр? Я миссис Уилсон, — таковы были первые слова, обращенные ею к Мортону, так как пять минут, которые она потратила на свой туалет, возвратили ей, как она полагала, право называться своим славным именем и поразить гостя собственным ослепительным блеском. Переживания Мортон, взволнованного и воспоминаниями о былом и мыслями о настоящем, так его поглотили, что ему было бы нелегко ответить на вопрос Элисон даже в том случае, если бы он знал, как отвечать.

К тому же он заранее не придумал, за кого себя выдавать, скрывая свое настоящее имя, и это было добавочной причиной остаться безмолвным. Миссис

Уилсон с недоумением и даже тревогой в голосе повторила вопрос:

— Что вам угодно от меня, сэр? Вы сказали, что знали мистера Генри Мортонa?

— Простите, сударыня, — ответил Генри, — но я говорил о Сайлесе Мортоне.

Лицо старой женщины вытянулось.

— Значит, вы знали его отца, брата покойного Милнвуда? Но как же вы могли видеть его за границей? Он возвратился домой, когда вас еще и на свете не было. А я думала, что вы сообщите мне новости о бедном мистере Генри.

— О полковнике Мортоне я слышал не раз от отца, — сказал Генри. — Что же касается его сына, то о нем я ничего или почти ничего не знаю; говорили, что он погиб на чужбине во время переезда в Голландию.

— Наверное, так и есть, — сказала со вздохом старушка, — и много слез стоило это моим старым глазам. Его дядя, бедняжка, испустил дух, вспоминая о нем. Он как раз давал мне подробные указания о хлебе, бренди и вине на поминальном обеде после его похорон, сколько раз нужно послать круговую среди собравшихся (он и живой и у самой могилы был человек благоразумный, расчетливый, предусмотрительный), и тогда-то он мне сказал: «Эли (он называл меня Эли, ведь мы давненько были знакомы), Эли, будьте бережливы и храните добро: ведь имя Мортонов из Милнвуда заглохло, как последний звук старой песни». И после этого он все слабел и слабел, и впал в забытие, и не проронил больше ни слова, только один раз что-то пробормотал, а что — мы и не разобрали, что-то об оплившей свече, еще годной в дело. Он никогда не мог смотреть на оплившую свечку, а тут, как назло, она и была на столе.

Пока миссис Уилсон рассказывала о последних минутах старого скряги, Мортон усердно пытался избавиться от настойчивого любопытства собаки, которая, оправившись от первого изумления и оживив былые воспоминания, после длительного обнюхивания и исследований, начала с радостным визгом

кидаться и прыгать на незнакомца, угрожая разоблачить его в любую минуту.

Наконец, потеряв терпение, Мортон не удержался и раздраженно воскликнул:

— Прочь, Элфин! Прочь, судары!

— Вы знаете, как зовут нашу собаку? — сказала старая дама, пораженная этим внезапным открытием. — Вы знаете, как зовут нашу собаку? А ведь имя у нее необычное. И она вас тоже узнала, — продолжала она еще более взволнованным и высоким голосом. — Господи боже! Да ведь это мой мальчик!

Сказав это, бедная женщина повисла на шее Мортон, сжала его в объятиях, начала целовать, словно он и в самом деле был ее сыном, и заплакала от неуправляемой радости. Отпираться было решительно невозможно, даже если бы у него хватило на это духу. Он нежно обнял ее и сказал:

— Да, милая Эли, как видите, я жив и здоров, и благодарю вас за вашу всегдашнюю доброту, как прежнюю, так и нынешнюю. Я счастлив, что у меня есть хоть один друг, приветствующий меня при возвращении в родную страну.

— Друг! — воскликнула Эли. — У вас будет много друзей, потому что у вас будут большие деньги, медовый вы мой, очень большие деньги! Дай бог вам ими получше распорядиться! Но господа боже, — продолжала она, отстраняя Мортон дрожащей рукой и всматриваясь в его лицо, чтобы разглядеть с более удобного для нее расстояния следы, оставленные на нем не столько временем, сколько страданиями, — но господа боже, вы очень, очень переменились, медовый вы мой! Лицо у вас бледное, глаза ввалились, а ваши румяные щеки стали темными и загорели от солнца. О, проклятые войны! Сколько красивых лиц они губят! Когда же вы приехали, медовый вы мой? Где вы были? Что вы там делали? И почему ни разу не написали? Как случилось, что пошел слух о вашей гибели? И почему вы вошли в свой собственный дом тайком, выдавая себя за чужого, и так удивили вашу бедную, старую Эли? — заключила она, улыбаясь сквозь слезы.

Прошло некоторое время, прежде чем улеглось волнение Мортонa, и он начал рассказывать доброй старушке историю последних десяти лет своей жизни. Эту историю мы сообщим читателю в следующей главе.

Глава XL

Он Омерлеем звался,
Но стал он другом Ричарда, и нынче
Его зовите Рутландом, миледи.

«Ричард II»

Они перешли из кухни в устланную тростниковыми циновками комнату миссис Уилсон, в которой она жила, будучи домоправительницей, и из которой не пожелала переселиться. Здесь, сказала миссис Уилсон, нет сквозняка, как в столовой, опасного для ее ревматизма, и здесь ей удобнее, чем в кабинете покойного славного Милнвуда, где ее навещали бы печальные мысли; а что касается большой дубовой гостиной, то ее открывают только затем, чтобы проветрить, вымыть и вытереть пыль, как это всегда делалось и у них в доме, да еще, пожалуй, в самые торжественные праздники.

Итак, они устроились в комнате миссис Уилсон среди горшков с соленьями и вареньями всех сортов и всех видов, которые бывшая домоправительница продолжала по привычке заготавливать на зиму, хотя ни она, ни кто другой никогда не притрагивались ко всей этой снеди.

Приспосабливая свой рассказ к уровню понимания слушательницы, Мортон коротко сообщил ей о гибели корабля вместе со всем экипажем и пассажирами, кроме двух-трех простых матросов, которые заранее припасли себе лодку и уже собрались отвалить от судна, когда он спрыгнул к ним с палубы и неожиданно, вопреки их желанию, навязался им в спутники. Высадившись во Флиссингене, он встретился по счастливой случайности с одним пожилым офицером, служившим когда-то вместе с его отцом.

Воздержавшись по совету этого офицера от немедленного отъезда в Гаагу, он отослал имевшиеся у него рекомендательные письма ко двору штатгальтера.

«Наш принц, — сказал ему старый военный, — пока еще вынужден поддерживать добрые отношения со своим тестем, а также с вашим королем Карлом, и если вы явитесь к нему как изгнанник из Шотландии, он не сможет оказать вам поддержку. Поэтому ждите его приказаний и не проявляйте настойчивости; соблюдайте величайшую осторожность, живите уединенно, скрывайтесь под другим именем, избегайте общества беглецов из Британии, и, поверьте мне, вам не придется раскаиваться в вашем благоразумии».

Старый приятель Сайлеса Мортонa оказался прав. Прошло немало времени, прежде чем принц Оранский, путешествуя по Объединенным провинциям, прибыл в тот город, где, томясь неизвестностью и своим вынужденным инкогнито, все еще проживал Мортон. Ему была назначена частная аудиенция, во время которой принц отозвался с большой похвалой о его уме, осторожности и широких взглядах на борьбу партий в его отечестве, на их цели и побуждения.

«Я охотно оставил бы вас при себе, — заявил Вильгельм, — но это было бы оскорблением Англии. Кое-что я для вас все-таки сделаю, и этим вы обязаны как высказанным вами суждениям, так и представленным рекомендациям. Вот временное назначение в швейцарский полк, стоящий гарнизоном в одной из отдаленных провинций, где вы едва ли встретите своих земляков. Будьте и впредь капитаном Мелвилом и не упоминайте имени Мортонa до наступления лучших дней».

— Так началась моя служба, — продолжал рассказывать Мортон. — Мои заслуги не раз, по различным поводам, отмечались его королевским высочеством, пока он не высадился в Британии и не принес нам долгожданного избавления. Его приказ сохранять инкогнито объясняет, почему я не подавал

о себе вестей моим немногим шотландским друзьям. Я нисколько не удивляюсь слуху о моей смерти, принимая во внимание кораблекрушение и еще то, что я так и не воспользовался переводными векселями, которые получил благодаря щедрости некоторых друзей, — а это обстоятельство, в свою очередь, также косвенно подтверждало известие о моей гибели.

— Но, дорогой мой, — спросила миссис Уилсон, — неужели при дворе принца Оранского не нашлось шотландцев, которые узнали бы вас? Я всегда думала, что Мортон из Милнвуда знают по всей стране.

— Меня умышленно отправили служить подальше от больших городов, — сказал в ответ Мортон, — где я и находился довольно долгое время, так что, кроме вас, Эли, с вашей любовью и добротой, едва ли кто-нибудь мог бы узнать юношу Мортон в теперешнем генерал-майоре Мелвиле.

— Мелвил — девичье имя вашей покойной матушки, — сказала миссис Уилсон, — но имя Мртонов все же приятнее для моих старых ушей. И когда вы вступите во владение вашим имением, вам придется вернуть себе и прежнее имя и прежний титул.

— Я не склонен торопиться ни с тем, ни с другим, Эли, у меня есть причины скрывать еще некоторое время мое существование от всех, кроме вас. Ну, а что касается управления Милнвудом, то оно в хороших руках.

— В хороших руках, голубчик, — повторила вслед за ним Эли, — неужели, говоря это, вы думаете обо мне? И арендная плата и усадебная земля — сущие мучения для меня! И все же я нипочем не захотела нанять помощника, хотя Уилли Мак-Триkit, стряпчий, и так и этак навязывался и лебезил. Но я слишком старая кошка, чтобы кидаться на соломинку, которую ей подсовывают: ему так и не удалось меня обойти, как он обошел многих других. И потом я все время надеялась, что вы все-таки вернетесь домой; вот я и ела немножко каши да молочного супу и берегла добро, как делала, бывало, при жизни вашего бедного дяди. И для меня будет истинным счастьем

смотреть, как вы богатеете да ловко управляетесь с вашим имуществом. Вы, верно, научились этому делу в Голландии — ведь они, говорят, бережливый народ, но вам все же придется держать дом чуточку побогаче, чем держал его старый бедный Милнвуд. И еще я советовала бы вам кушать мясное, пусть даже три раза в неделю, — это освобождает желудок от ветров.

— Обо всем этом мы когда-нибудь еще вдоволь поговорим, — сказал Мортон, пораженный редкостным великодушием, уживавшимся в Эли с отвратительной скарденостью, а также странным противоречием между ее страстью копить и ее бескорыстием. — Должен сказать, — продолжал Мортон, — что я прибыл сюда всего на несколько дней с особым и весьма важным поручением от правительства, и потому, Эли, ни слова о том, что вы меня видели. Когда-нибудь после я вам подробно сообщу о моих замыслах и намерениях.

— Пусть будет по-вашему, радость моя; я не хуже других умею молчать, и старый славный Милнвуд хорошо знал это и рассказал, где хранит свои денежки, а люди обычно это таят, как только могут. Но пойдемте, медовый мой, я покажу вам наш дубовый зал, и вы увидите, как он прибран — словно я ожидала вас со дня на день. Я никого туда не пускала и все делала там сама, своими собственными руками. Это было для меня даже некоторым развлечением, хотя глаза мои наполнялись слезами, и я не раз говорила себе: чего ради я вожусь с решеткою на камине, с коврами, с подушками да с медными подсвечниками — а их там немало, — ведь те, кому это принадлежит, никогда уже не вернутся домой.

С этими словами она повела его в свою святая святых, которое ежедневно убирала и чистила, так как это было для нее делом чести и отрадою сердца. Мортон, войдя следом за ней в эту комнату, получил выговор за то, что «не вытер сапог», и это доказывало, что Эли все еще не утратила своей привычки повелевать. Оказавшись в дубовом зале, он не мог не вспомнить о чувстве благоговейного страха, с которым он вступал сюда мальчиком в тех редких слу-

чаях, когда получал на это милостивое соизволение Эли. В те времена он считал, что равного зала нигде не найти, разве что в царских чертогах. Нетрудно представить себе, что стулья с вышитыми шерстью сидениями, короткими ножками из черного дерева и высокими спинками утратили в его глазах прежнее обаяние, широкая медная доска перед камином и щипцы для помешивания углей лишились былого величия, что зеленые шерстяные ковры не были похожи на шедевры arrasского станка и что вся комната показалась ему темной, угрюмой и безотрадной. Тут можно было увидеть и два хорошо знакомых ему портрета — карикатурное противопоставление двух братьев, столь же непохожих, как те, о которых говорил Гамлет. Эти портреты пробудили в Мортоне множество мыслей и чувств. Один представлял собою изображение его отца, во весь рост, в полном боевом вооружении, в позе, говорившей о его решительном характере; второй изображал его дядю в бархате и парче, и казалось, будто он стыдился своей собственной роскоши, которой был целиком обязан щедрости живописца.

— Странная это была причуда, — сказала Эли, — обрядить почтенного старика в дорогой, роскошный костюм, какого он никогда не носил, вместо мягкого серого домотканого платья с узким кантом на вороте.

В глубине души Мортон вполне разделял ее мнение, так как костюм джентльмена так же мало подходил к неуклюжей фигуре его покойного родственника, как выражение прямоты и благородства — к его лицу жалкого скряги.

Посетив гордость Эли — дубовый зал, Мортон покинул старую домоправительницу, чтобы побывать в соседнем лесу, где у него издавна были заветные уголки, а миссис Уилсон, воспользовавшись его отсутствием, принялась собственными руками стряпать добавочное блюдо к обеду, который она приготовила для себя. Это обстоятельство, само по себе нисколько не примечательное, стоило между тем жизни одной из милнвудских кур, которая, не случись события

столь исключительной важности, как приезд Генри Мортонa, кудахтала бы до преклонного возраста, прежде чем Эли могла бы решиться зарезать ее и съесть. Во время обеда вспоминали о прошлом, и Эли говорила о своих планах на будущее, причем она нисколько не сомневалась, что ее молодой господин будет вести хозяйство с той же благоразумной расчетливостью, с какою вел его старый; себе же она отводила роль искусной и опытной домоправительницы. Мортон предоставил милой старушке видеть сны наяву и строить воздушные замки, не сообщая ей пока о своем намерении возвратиться на континент и остаться там навсегда.

Затем он снял с себя военный костюм, который мог помешать ему при розысках Берли, и надел серый камзол и плащ, которые носил прежде, когда жил в Милнвуде; они сохранялись у миссис Уилсон в ореховом сундуке, откуда она их иногда вынимала, чтобы тщательно вычистить и проветрить. Мортон оставил при себе шпагу и пистолеты, так как в те беспокойные времена редко пускались в путь без оружия.

Когда он появился пред миссис Уилсон в этом наряде, она прежде всего обрадовалась, что «это платье ему как раз впору», и хотя он не пополнел, — продолжала она, — все же выглядит более мужественным, чем тогда, когда его увезли из Милнвуда.

Потом она заговорила о том, как выгодно сохранять старое платье, которое она называла «заготовкой для нового», и пустилась в длинный рассказ о бархатном плаще покойного Милнвуда, превращенном сначала в камзол, а затем в пару штанов; и все эти вещи неизменно казались, по ее словам, всякий раз совсем новыми, — но в этот момент Мортон прервал ее повествование о метаморфозах бархатного плаща, заявив, что пора прощаться.

Он очень ее огорчил, сказав, что должен ехать сегодня же.

— Но куда же вы направляетесь? И что собираетесь делать? И почему не хотите провести ночь

в своем собственном доме, после того как столько лет не спали под его крышей?

— Я знаю, что это нехорошо, милая Эли, но я должен ехать. Потому-то я и хотел скрыть от вас, кто я такой; я ведь знал, что вы не так-то легко меня отпустите.

— Куда же вы едете? — спросила Эли еще раз. — Видал ли кто такого, как вы: заехал на минутку и опять улетает, словно стрела, выпущенная из лука!

— Так нужно, Эли. Сейчас я еду к Нийлу Блейну в «Приют волынщика», — ответил Мортон. — Как вы думаете, смогу ли я там заночевать?

— Заночевать? Конечно, сможете, — сказала Эли, — и к тому же с вас за это хорошенько сдерут. Могу только одно сказать — вы потеряли в чужих краях всякий рассудок; подумать только, платить деньги за ужин и за постель, когда и то и другое можно получить даром, и вам еще скажут спасибо, если вы примете приглашение!

— Уверяю вас, Эли, — сказал Мортон, желая положить конец ее настойчивым уговорам, — это очень важное дело: оно может доставить мне много выгод и не угрожает ни малейшим ущербом.

— Не возьму в толк, как это так, если вы начинаете с того, что готовы выбросить на свой ужин, может, два добрых шотландских шиллинга; впрочем, молодые люди надеются добыть деньги, швыряя их безо всякого счета. Мой бедный старый хозяин действовал куда более верно и никогда с ними не расставался, коль скоро они попадали в его карман.

Настояв на своем, Мортон попрощался с бедной Эли и, вскочив в седло, направился в расположенный невдалеке городок. Предварительно он взял с миссис Уилсон торжественное обещание не обмолвиться о его возвращении ни единым словом, пока она снова не увидит его или о нем не услышит.

«Я вовсе не расточителен, — думал он, медленно продвигаясь к городу, — но если б я поселился с верною Эли, как она об этом мечтает, то не прошло бы недели, как моя нерасчетливость разбила бы сердце этой славной старушки».

Глава ХLI

А где ж хозяин,
Как вы мне обещали? Я всегда
С хозяином беседую охотно.

«Путешествие влюбленного»

Мортон без приключений добрался до городка и остановился в трактире. По дороге он не раз возвращался к мысли о том, как бы платье, которое он носил в юности, по ряду причин более удобное для него, чем военное, не помешало ему сохранить инкогнито. Впрочем, столько лет походов и странствий так изменили его наружность, что вряд ли кто-нибудь смог бы узнать во взрослом мужчине, лицо которого говорило о решимости и вдумчивости, незрелого и робкого юношу, удостоенного когда-то почетного звания Капитана Попки. Разве только какой-нибудь виг из числа тех, кого он водил за собой в сражения, узнает в нем бывшего командира милнвудских стрелков; но от этого риска, если он и вправду существовал, все равно не уберечься.

«Приют» был полон; он, видимо, по-прежнему пользовался доброй славой. Внешний вид и обращение Нийла Блейна, более тучного и менее обходительного, чем прежде, свидетельствовали о том, что его мощна распухла не меньше, чем тело, так как в Шотландии степень предупредительности трактирщика по отношению к гостям его заведения тем меньше, чем больше он преуспевает в делах. Его дочь приобрела вид и манеры ловкой трактирщицы, сохраняющей в атмосфере любви и войны, которая могла бы, казалось, смущать ее при исполнении многотрудных обязанностей, полнейшую невозмутимость. И Нийл и его дочь удостоили Мортонa ровно такую дозой внимания, на какую мог рассчитывать путник, путешествующий без слуг, в те времена, когда они были главным отличительным признаком знатности и богатства.

Разыгрывая взятую на себя роль в соответствии со своим внешним видом, он побывал в конюшне, чтобы взглянуть, накормлен ли конь; возвратившись

в трактир и подсев к столу в общей комнате (ибо потребовать для себя отдельную было бы в те дни неслыханной причудой), он обнаружил, что находится в том самом памятном ему помещении, где несколько лет назад праздновалась его победа на стрелковом соревновании и где его в шутку произвели в капитаны, что повлекло за собой столько тяжелых последствий.

Конечно, он чувствовал, что очень изменился со времени этого пиршества, и все же, оглядевшись вокруг, увидел, что посетители «Приюта» мало чем отличаются от тех, кто заглядывал сюда прежде. Несколько горожан вливали в себя «капельку бренди», несколько драгун сидели вразвалку за своим мутным элем и проклинали тихие времена, не позволявшие им поднести себе лучшее угощение. Их корнет, правда, не играл в трик-трак со священником в рясе, но все-таки был тут как тут и прикладывался к своей чарочке *aqua mirabilis*¹ в обществе пресвитерианского пастора в сером плаще.

Картина была иная — и вместе с тем та же, действующие лица были другие, но характер их в целом оставался все тем же.

«Пусть человечество, подобно морскому приливу, прибывает и убывает, — размышлял Мортон, наблюдая окружающую картину, — всегда найдется довольно таких, что заполнят освобожденное случаем место, и в обычных житейских занятиях и удовольствиях люди будут сменять друг друга, как листья на том же дереве, с теми же индивидуальными чертами отличия и тем же всеобщим сходством».

Переждав несколько минут, Мортон, знавший по опыту, каким способом обеспечивается любезность трактирщика, велел подать пинту кларета, и когда улыбающийся Нийл Блейн предстал перед ним с кувшином пенящегося, только что нацеженного из бочки вина (в то время еще не принято было разливать вино по бутылкам), он пригласил его присесть рядом и отведать его угощения.

¹ Чудодейственной воды (лат.), то есть водки.

Это приглашение было по душе Нийлу Блейну, но оно его не удивило и не смутило; конечно, не каждый посетитель, за неимением лучшего общества, приглашал его разделить компанию, но все же это случалось нередко. Он присел рядом со своим гостем в уединенном уголке у очага, выпил по его настоянию почти все стоявшее перед ним вино и, выполняя одну из своих обязанностей, принялся выкладывать местные новости — о рождениях, смертях, браках, о переезде поместий из одних рук в другие, о разорении старых родов и о возвышении новых. Но политики — неиссякаемого источника красноречия в наши дни — хозяин «Приюта» явно и старательно избегал и только на прямой вопрос Мортонa ответил с видом полного безразличия:

— Гм, да... Тут стоят у нас кое-какие солдаты, иногда больше, иногда меньше. Есть немного немецкой конницы в Глазго; их командира зовут Виттибоди или что-то вроде того, хотя это, пожалуй, самый мрачный и страшный старый голландец, каких я когда-либо видел.

— Может быть, Виттенбольд, — сказал Мортон, — очень молчаливый старик с седой головой и черными, коротко подстриженными усами.

— И все время курит, — ответил Нийл. — Я вижу, ваша честь его знает. Он, может, и неплохой человек, не стану спорить, тем более что он все-таки солдат и голландец, но будь он хоть десять раз генералом и столько же раз Виттибоди, не понимает он толку в волынке: ведь он прервал меня на самой середине «Торфихенского хоровода», а это лучшее, что когда-нибудь выдувала волынка.

— Ну, а эти молодцы, — сказал Мортон, взглянув на солдат, находившихся в помещении, — они тоже из его части?

— Нет, это шотландские драгуны, — ответил хозяин, — это давние наши жуки, ребята, которые были раньше у Клеверза и, кто его знает, может перешли бы снова к нему, будь его руки хоть чуточку подлиннее,

— А ведь говорили, что он убит? — спросил Мор-тон.

— Говорили, — сказал трактирщик, — вы правы, есть такой слух; но, по моему скромному разумению, дьявол помирает не скоро. Хорошо бы, чтобы и здесь не зевали. Если б он захотел, то спустился бы с гор в один миг, скажем, пока я опрокинул бы в себя этот стакан. А кто ему даст отпор? Эти чертовы негодяи драгуны, свистни он только, тотчас переметнулись бы на его сторону. Конечно, теперь они служат Уилли, как прежде служили Джеймсу, и удивляться, понятно, тут нечему: они дерутся за плату, за что же им еще драться? У них ни кола ни двора, разве не так? Хорошая вещь этот переворот или, как они его называют, революция; народ может теперь говорить, не таясь, в присутствии любого солдата, и не боится, что его за это потащут к ним на гауптвахту или зажмут ему в тиски пальцы, как я зажимаю пробку от бочки.

После короткой паузы Мортон, видя, что язык трактирщика постепенно развязывается, решился, хотя и не без колебания, обратиться к нему с вопросом, имевшим для него большое значение, а именно: знает ли Блейн проживающую где-то поблизости женщину по имени Элизабет Мак-Люр.

— Знаю ли я Бесси Мак-Люр? — ответил трактирщик, ухмыляясь, как ухмыляются решительно все трактирщики. — Как же мне не знать Бесси Мак-Люр, сестру первого мужа моей собственной покойной жены (мир праху ее!). Славная она женщина, но уж очень замучили ее всякие беды: двух сыновей, двух дюжих и пригожих парней, потеряла она во время гонений, как их теперь называют, и тихо и безропотно перенесла она свое горе, никого не браня, никого не виня. Если есть какая почтенная женщина на всем белом свете, так это Бесси Мак-Люр. Потерять двух сыновей, как я сказал, и после этого целый месяц терпеть у себя бражничающих драгун — ведь кто бы ни взял верх, тори ли, виги ли, они ставят на постой этих ребят к трактирщикам, — и вот, говорю, потерять двух сыновей...

— Так эта женщина держит трактир?

— Постоялый двор, и очень убогий, — ответил Блейн, самодовольно оглядывая свое заведение, — варит она жидкий и слабенький эль и продает его тем, кто с дороги да с жажды не очень-то в нем разбирается. Но у нее вы не увидите ни бойкой торговли, ни того, что называется процветающей гостиницей.

— А могли бы вы дать мне кого-нибудь, кто бы меня туда проводил? — спросил Мортон.

— Разве ваша честь не останется у меня ночевать? Вряд ли вы найдете у Бесси какие-нибудь удобства, — сказал Нийл, расположение которого к родственнице его покойной жены не заходило так далеко, чтобы посылать ей постояльцев из своего собственного трактира.

— Я должен встретиться у нее с одним моим другом, — ответил Мортон, — и заехал к вам лишь затем, чтобы проглотить чарку-другую и расспросить о дороге.

— Вашей чести было бы много удобнее, — заметил трактирщик с профессиональной настойчивостью, — послать кого-нибудь к Бесси и позвать вашего друга сюда.

— Говорю вам, хозяин, — нетерпеливо ответил Мортон, — ваше предложение меня никак не устраивает; я должен сейчас же отправиться к этой Мак-Люр и хотел бы, чтобы вы нашли для меня провожатого.

— Раз так, сэр, будьте спокойны, никто вам не станет перечить, — сказал Нийл с разочарованием в голосе. — Но на кой черт вам провожатый, когда только и нужно, что проехать мили две или около этого вниз по реке, по той же дороге, по которой ездят в Миллвуд, а потом свернуть на первую разбитую и заброшенную тропу, что ведет в горы, — да вы ее сразу узнаете по старому ясеню у ручья на самой развилке, — а затем держаться этой самой тропы; вы не сможете пропустить постоялый двор Бесси Мак-Люр, потому что черта с два найдешь там хоть какой-нибудь дом на десять шотландских миль, а это

значит не меньше, чем двадцать английских. Очень жаль, что ваша честь намерены покинуть мой кров на ночь глядя. Но невестка моей жены — достойная женщина, и то, что плывет в руки друга, то не в убыток.

Мортон расплатился по счету и отправился в путь. Закат застиг его у старого ясеня, где от дороги ответвлялась тропа, уводившая в горные пустоши.

«Здесь, — говорил он себе, — начались мои злоключения. Именно здесь, в ночь нашей первой встречи с Белфуром Берли, когда мы уже совсем собрались разехаться, он получил тревожное предупреждение, что на дорогах его подстерегают солдаты. Именно здесь, под этим ясенем, сидела старуха, сообщившая ему об опасности. Как странно, однако, что моя судьба так тесно переплелась с судьбой этого человека, и притом безо всякого участия с моей стороны, только из-за того, что я исполнил долг честного человека! Дай бог, чтобы я смог обрести скромный покой и душевный мир там же, где их утратил».

Размышляя подобным образом то вслух, то про себя, он направил коня вверх по тропе.

Только в сумерки достиг он узкой ложины, прежде заросшей лесом, а теперь голой и пустынной, с редкими деревьями, сохранившимися на обрывистых склонах или повисшими между скал и огромных камней, куда не добирались ни люди, ни скот, — точно рассеянные племена покоренной страны, загнанные в каменные твердыни бесплодных гор. Но и эти деревья, чахлые и хилые, не росли и не крепили, а скорее горестно прозябали, да и то лишь затем, чтобы свидетельствовать о бывшем тут когда-то ландшафте. Но между ними во всей своей свежести и стремительности неся ревущий поток, одухотворяя и оживляя все окружающее; ведь только горная речка в состоянии сделать это с самым безжизненным и диким пейзажем, и обитателям таких мест недостает ее даже тогда, когда они созерцают спокойные извивы величественной реки, текущей среди плодородных равнин у роскошных дворцов. Дорога шла вдоль русла

потока, то открывавшегося глазам путника, то скрывавшегося от них, давая о себе знать лишь неистовым шумом воды среди камней или в расщелинах скал, кое-где преграждавших ему путь.

«Что же ты ропщешь? — говорил Мортон, охваченный восторгом и грезя вслух. — К чему сердиться на скалы, останавливающие твой бег на какое-нибудь мгновение? Впереди — море, оно примет тебя в свое лоно. И у человека впереди — вечность, и она его примет, после того как он завершит свой беспокойный и торопливый путь по долине времени. Как твоё бессильное беснование — ничто по сравнению с могучими валами безбрежного океана, так и надежды, заботы, страхи, радости и печали — ничто в сравнении с тем, что будет нас занимать в течение страшной и бесконечной чреды веков».

Размышляя таким образом, наш путник миновал это унылое место. Холмы, отойдя от речки, образовали небольшую зеленую долину; здесь он увидел крошечное хлебное поле и хижину, стены которой были не выше каких-нибудь пяти футов. Ее соломенная крыша, позеленевшая от времени, плесени и пышно разросшейся сочной травы, кое-где пострадала от двух коров, которых манила эта аппетитная зелень, отвлекая порой от более естественного и законного пастбища. Безграмотная, кое-как намалеванная вывеска оповещала путника, что тут он сможет и сам закусить и покормить лошадь, и, несмотря на убогий вид хижины, это предложение не могло не казаться заманчивым, принимая во внимание пустынную и дикость тропы, по которой, направляясь к хижине, двигался путник, и высокие, голые горы, в гордом отчаянье высившиеся за этим убежищем.

«Именно в таком месте, — подумал Мортон, — и подобает жить доверенному лицу Белфура Берли».

Подъехав к хижине, он заметил сидевшую на ее пороге хозяйку — до этого она была от него скрыта огромным, пышно разросшимся ольховым кустом,

— Добрый вечер, матушка, — сказал путешественник, — это вы миссис Мак-Люр?

— Элизабет Мак-Люр, сэр, обездоленная вдова, — услышал Мортон в ответ.

— Могли бы вы приютить у себя на ночь путника?

— Пожалуйста, сэр, если вы удовлетворетесь вдовьим хлебом и солью.

— Я был солдатом, добрая женщина, — сказал Мортон, — и довольствуюсь малым.

— Солдатом, сэр? — переспросила старуха. — Дай вам господа более праведное занятие.

— Но эту профессию считают почетной, матушка. Надеюсь, вы не станете думать обо мне дурно только из-за того, что она была и моею.

— Я никого не сужу, сэр, — ответила женщина, — к тому же по вашему голосу чувствуется, что вы порядочный джентльмен. Но я видела столько зла, содеянного солдатами в этой стране, что даже довольна, что не вижу всего этого незрячими моими глазами.

Только теперь Мортон заметил, что перед ним слепая.

— А не причиню ли я вам беспокойства? — сказал он сочувственно. — Заниматься вашим делом с такою болезнью, должно быть, трудно.

— Нет, сэр, — ответила старая женщина, — дома я хожу почти свободно, да мне еще девочка помогает, а за вашей лошадкой присмотрят драгуны, когда вернутся с объезда, и это будет стоить сущие пустяки. Они теперь стали повежливее, чем прежде.

Мортон сошел с коня.

— Пегги, птичка моя, — проговорила старая женщина, обращаясь к девочке лет двенадцати, появившейся в этот момент перед ними, — отведи лошадь этого джентльмена в конюшню, отпусти ей подпругу, разнуздай и дай ей сенца, пока не вернутся драгуны. Пожалуйста, сэр, входите, — продолжала она, — хоть дом мой и беден, но зато чист.

Мортон вошел вслед за ней в хижину,

Глава XLII

И так говорила старушка мать,
А слезы — ручьем из глаз:
«На эту охоту, Джонни, сынок,
Пошел ты в недобрый час».

Старинная баллада

Войдя в хижину, Мортон увидел, что старая хозяйка сказала правду. Внутри хижины было много лучше, чем можно было ожидать по ее наружному виду. Здесь было чисто и даже уютно, особенно в средней комнате, в которой, как сказала хозяйка, ее гостю предстояло поужинать и провести ночь. Ему подали еду, какая нашлась в трактире, и хотя есть ему не хотелось, он согласился поужинать, чтобы завязать разговор. Несмотря на свою слепоту, старушка сама прислуживала ему за столом и как будто инстинктом находила все, что ей требовалось.

— Есть ли у вас еще кто-нибудь, кроме этой славной девочки, чтобы обслуживать постояльцев? — начал Мортон.

— Нет, сэр, — ответила старая хозяйка, — я живу одна, как вдовица из Сарепты Сидонской. Здесь, в нашем пустынном месте, проезжих немного, и я не привыкла держать прислугу. У меня было когда-то два славных, пригожих сына, которые присматривали за всем. Но бог дал, бог и взял, да святится имя его! — продолжала она, подняв свои незрячие глаза к небу. — Прежде я была побогаче (то есть в отношении земных благ), даже после того, как потеряла моих сыновей, но это было до последнего переворота.

— В самом деле, — сказал Мортон. — А вы пресвитерианка, голубушка?

— Да, сэр, и возношу благодарность за свет божественной истины, который повел меня по праведному пути, — отвечала хозяйка.

— В таком случае, — продолжал гость, — революция принесла вам только хорошее.

— Если она принесла хорошее нашей стране, — ответила старая женщина, — и свободу исповедания,

как велит совесть, то неважно, что именно принесла она бедному слепому червю вроде меня.

— Но все же, — заметил Мортон, — чем она могла вам повредить?

— Это долгая история, сэр, — ответила со вздохом хозяйка. — Поздно ночью, за шесть недель или около того перед битвой у Босуэл-бриджа, один молодой джентльмен остановился у дверей этой убогой хижины, изнуренный и истекающий кровью от ран, бледный и измученный скачкой, и его лошадь еле передвигала ноги: за ним гнались по пятам, и он был одним из наших врагов. А что я должна была сделать? Вы сами были солдатом, и, верно, скажете, что я просто-напросто глупая старая женщина, но я его накормила, перевязала ему раны и скрывала у себя, пока не миновала погоня.

— Но кто, — спросил Мортон, — смеет вас осуждать за это?

— Не знаю, как вам и ответить, — сказала слепая. — Кое-кто из наших людей сердится на меня. Они говорят, что я должна была с ним поступить, как Иаиль поступила с Сисарою. Но ведь я не имела повеления господя проливать кровь человека, а спасти его мне подобало, как женщине и христианке. И потом они говорили, что у меня нет чувства материнской любви, раз я спасла того, кто принадлежал к шайке разбойников, зверски убивших обоих моих сыновей.

— Как это зверски убивших?

— Да, сэр, хотя, может, вы и назовете это иначе. Один из них пал с мечом в руке, сражаясь за поруганный ковенант, а другой... о, они схватили его и расстреляли на лужайке у нашего дома, на глазах его матери! Мои старые глаза ослепила вспышка от выстрелов, и, мне кажется, они стали слабеть с этого ужасного дня, а горе, и разбитое сердце, и слезы, которые не высыхали, еще больше помогли моему недугу. Но увы! Если бы я предала молодую кровь лорда Эвендела мечу его беспощадных врагов, я все равно не воскресила бы ни моего Ниниана, ни моего Джонни.

— Лорда Эвендела? — спросил пораженный Мортон. — Значит, вы спасли лорда Эвендела?

— А как же, — ответила Бесси Мак-Люр. — Потом он был очень добр ко мне, подарил мне корову с теленком и дал солоду, муки и денег, и никто не смел тронуть меня, пока он был в силе. Но мы живем на земле, что принадлежит к Тиллитудлему, хоть это и совсем отдаленный участок, а за поместье долго судились леди Маргарет Белленден и теперешний наш хозяин Бэзил Олифант. Лорд Эвендел держал сторону старой леди, потому что он любит мисс Белленден, ее внучку, говорят, одну из самых добрых и самых красивых девушек в целой Шотландии. Но им пришлось уступить, и Бэзил получил и замок и землю, а потом пришла революция, и кто же переменял кожу быстрее, чем наш теперешний лэрд? Сейчас он говорит, что испокон веку был вигом, а прикидывался папистом, потому что так было нужно. Сейчас он выплыл, а лорд Эвендел пошел ко дну: он слишком горд и отважен, чтобы сгибаться по ветру, хотя многие знают так же, как я, что, какова бы ни была его вера, он не был врагом наших людей, когда мог заступиться за них, и был гораздо добрее, чем Бэзил Олифант, который всегда плыл по течению. Но лорда Эвендела отстранили ото всех дел, и на него косо смотрели, и не спрашивали ни о чем его мнения. И тогда Бэзил, человек мстительный, решил вредить ему во всем, в чем только мог, и стал разорять и притеснять бедную слепую вдову Бесси Мак-Люр, которая спасла лорду Эвенделу жизнь и к которой он был так добр и внимателен. Но только Бэзил ошибся, если этого добивался, потому что не скоро лорд Эвендел услышит от меня хоть слово о том, что они продали корову за арендную плату, которую я им не была должна, или поставили ко мне на постой драгун, хотя сейчас в наших местах совсем тихо, или о чем другом, что может его огорчить, — мне нипочем терпеливо нести свое бремя, потому что эти потери — самая малая его часть.

Удивленный и тронутый этим терпеливым, благодарным и великодушным смирением, Мортон не мог

удержаться, чтобы не осыпать проклятиями тупого мерзавца, который не постеснялся прибегнуть к такой подлой мести.

— Не проклиняйте его, сэр, — сказала старая женщина. — Я слышала, как один славный человек говорил, что проклятие — точно камень, брошенный вверх, и чаще всего падает на голову того, кто его произносит. Но если вы знаете лорда Эвендела, предупредите его, чтобы он поберегся, потому что я слышала странные разговоры среди солдат, которые стоят у меня, и в этих разговорах его имя часто упоминается; а один из них уже дважды побывал в Тиллитудлеме. Он вроде любимчика у хозяина, хотя в прежние времена был в наших краях одним из самых жестоких гонителей пресвитериан (за исключением разве сержанта Босуэла) — его зовут Инглис.¹

— Я всем сердцем желаю благополучия лорду Эвенделу, — сказал Мортон, — и вы можете на меня рассчитывать, я найду способ сообщить ему об этих подозрительных обстоятельствах, а взамен, дорогой друг, разрешите спросить вас о следующем: что вам известно о Квентине Мак-Кейле Айронгрее?

— О ком? — спросила слепая женщина удивленным и встревоженным тоном.

¹ Злодейства этого человека, или, точнее, чудовища, упоминаются на одной из надгробных плит, приводить в порядок которые было наслаждением для Кладбищенского Старика. Я уже не помню, как звали убитого, но обстоятельства, при которых погиб этот мученик, настолько подействовали на мое детское воображение, что нижеследующий текст эпитафии, я в этом уверен, почти точно воспроизводит ее, хотя я не видел оригинала уже более сорока лет:

Здесь жертву Питер Инглис поразил,
Он больше тигром, чем шотландцем был,
Сын ада, жертве отрубив главу,
Он сапогом толкнул ее в траву.
И голова, которой бы корону,
Мячом футбольным стала солдафону.

В письмах Данди также неоднократно встречается имя капитана Инглиша, или Инглиса, командира одного из кавалерийских отрядов. (*Прим. автора.*)

— О Квентине Мак-Кейле Айронгрее, — повторил Мортон, — разве в этом имени есть что-нибудь, вселяющее тревогу?

— Нет, нет, — ответила, колеблясь, хозяйка гостиницы, — но когда о нем спрашивает незнакомый, и к тому же солдат! Господи, спаси нас и помилуй! Какая еще беда теперь разразится над нами!

— От меня — никакой, уверяю вас в этом, — сказал Мортон, — тот, о ком я вас спрашиваю, может меня не бояться, если, как я имею основание думать, этот Квентин Мак-Кейл Айронгрей не кто иной, как Джон Белф...

— Не называйте его по имени, — сказала вдова, прикладывая палец к губам. — Я вижу, вы знаете его тайну, а также его пароль, и не стану от вас таиться. Но, ради бога, говорите потише. Во имя неба, я верю, что, разыскивая его, вы не желаете ему зла! Но вы сказали, что были солдатом?

— Я сказал правду, но ему нечего меня опасаться. Я командовал отрядом в битве у Босуэл-бриджа.

— В самом деле? — сказала старуха. — И верно, в вашем голосе есть что-то такое, что внушает доверие. Вы говорите быстро и без запинок, как честный человек.

— Надеюсь, что я и в самом деле такой, — сказал Мортон.

— Не обижайтесь на меня, сэр, — продолжала миссис Мак-Люр, — в наши печальные времена брат поднимает руку на брата, и он остерегается теперешнего правительства, пожалуй, не меньше, чем прежних гонителей.

— Неужели? — спросил изумленный Мортон. — Я об этом не знал. Я только что прибыл из-за границы.

— Я вам расскажу и об этом, — сказала слепая и стала напряженно прислушиваться; ее поза показывала, насколько способность познавать явления внешнего мира переместилась в ней из органов зрения в органы слуха: вместо того, чтобы бросить вокруг себя опасливый взгляд, она опустила лицо и повела головой, стремясь убедиться, что вокруг нет ни малейшего шороха. — Я вам расскажу и об

этом, — продолжала она. — Вы ведь знаете, как боролся он за возрождение ковенанта, сожженного рукой палача, поруганного и похороненного в черствых сердцах этого косного и глухого народа. И вот, когда он прибыл в Голландию, он не встретил там ни внимания и благодарности от сильных мира сего, ни дружбы и поддержки благочестивых, а он имел право рассчитывать на то и другое; принц Оранский не удостоил его своих милостей, духовные лица — общения. Нелегко было снести это тому, кто столько страдал и так много сделал, — может быть, даже больше, чем много, — но разве мне об этом судить? Он вернулся ко мне и потом в убежище, где нередко скрывался в трудные времена, особенно перед славным днем победы при Драмклогге, и я никогда не забуду, как он пробирался туда каждую ночь в течение года, кроме того вечера после стрелкового состязания, когда молодой Милнвуд стал Капитаном Попки; но и тогда это я предупредила его.

— Вот как! — воскликнул Мортон. — Так, стало быть, это вы сидели в красном плаще у дороги и сказали ему, что на тропе — лев?

— Господи боже! Кто же вы? — сказала старуха, прерывая в изумлении свой рассказ. — Но кто бы вы ни были, — продолжала она спокойнее, — вы не знаете обо мне ничего дурного, разве только то, что я всегда готова была спасти как друга, так и врага.

— Я и не думаю вас обвинять, миссис Мак-Люр; моею целью было вам показать, что я достаточно хорошо осведомлен о делах этого человека и что вы можете, не опасаясь, доверить мне и все остальное. Рассказывайте, пожалуйста, дальше.

— В вашем голосе есть что-то властное, — сказала слепая, — но он звучит все же приятно. Мне остается сказать немного. Стюарты были свергнуты с трона, и теперь вместо них на нем сидят Вильгельм и Мария, но о ковенанте нет и помину, точно это мертвая буква. Они признали священников, что приняли индульгенцию, они признали эрастианскую Генеральную Ассамблею некогда чистой и торжествующей церкви Шотландии, и сделали это от всей души. А наши честные

поборники скрижалей закона считают, что это нисколько не лучше, а даже хуже, чем открытый произвол и вероотступничество во времена гонений, потому что от этого черствеют и притупляются души и алчущим вместо сладостного слова господня дают пресные отруби. И голодное, истощенное создание божие, садясь в воскресное утро пред кафедрой, жаждет услышать то, что подвигнуло бы его на великое дело, а его пичкают праздною болтовней о нравственности, болтовней, которую насильно запихивают в его уши...

— Короче говоря, — сказал Мортон, желая пресечь эти страстные обличения, которые славная старая женщина, столь же ревностная в вопросах веры, сколько и в человеколюбивых делах, могла, вероятно, продолжать беспрестанно, — короче говоря, вы не расположены примириться с новым правительством, и Берли одного мнения с вами?

— Многие наши братья, сэр, говорят, что мы сражались за ковенант, и постились, и возносили молитвы, и претерпевали страдания ради этой великой национальной лиги, но где же все то, ради чего мы претерпевали страдания, и сражались, и постились, и возносили молитвы? И тут некоторые подумали: нельзя ли добиться чего-нибудь, возвратив трон прежнему королевскому дому на новых условиях и основаниях; ведь сколько я понимаю, короля Джеймса сбросили в конце концов из-за спора, который затеяли с ним англичане, защищая семерых нечестивых прелатов. Таким образом, хотя часть народа поддерживала новую власть и они образовали полк под начальством графа Ангюса, наш честный друг и другие, стоявшие за чистоту веры и свободу совести, решили не принимать участия в борьбе с якобитами, прежде чем выяснят, что у них на уме, опасаясь, как бы не рухнуть на землю, словно стена, связанная негашеною известью, или как тот, кто уселся между двух стульев.

— Странное, однако, выбрали они место, — заметил Мортон, — где искать свободы совести и чистоты веры.

— Ах, дорогой сэр! — сказала хозяйка. — Дневной свет рождается на востоке, а духовный может

родиться на севере, ибо что нам, слепым смертным, ведомо?

— И Берли поехал на север в поисках света? — спросил ее гость.

— Вот именно, сэр, и он видел самого Клеверза, которого теперь зовут Данди.

— Как! — вскричал изумленный Мортон. — Когда-то я готов был бы поклясться, что такая встреча должна одному из них стоить жизни!

— Нет, нет, сэр; в смутные времена, сколько я знаю, — сказала мисс Мак-Люр, — случаются внезапные перемены — Монтгомери, и Фергюсон, и еще многие были злейшими врагами короля Иакова, а теперь они на его стороне. Так вот, Клеверз тепло встретил нашего друга и послал его посоветоваться с лордом Эвенделом. Но тут-то между ними и вышел разрыв, потому что лорд Эвендел не пожелал его видеть, и слышать, и повести с ним разговор; и теперь он злится, и в бешенстве грозит отомстить лорду Эвенделу, и не хочет ни о чем слышать, кроме как о том, чтобы сжечь его заживо или убить. Эти припадки гнева — они еще больше растрavляют его ум и служат на пользу врагу.

— Врагу? Какому врагу? — переспросил Мортон.

— Какому врагу? Вы близко знакомы с Джоном Белфуром Берли и не знаете, что у него часто бывают жестокие бои со злым духом? Вам не приходилось видеть его в одиночестве с библией в руке и с обнаженным палахом на коленях? Вам не случалось спать с ним в одном помещении и слышать, как он борется в своих сновидениях с кознями сатаны? Плохо же вы его знаете, если видели только при дневном свете, потому что никому не под силу были бы те посещения и сражения, которые выпадают на его долю. Я ви-дела, как после такой борьбы он так трясся и так ослабел, что его мог бы одолеть даже малый ребенок, а с волос на его лоб так текло, как никогда не течет с моей бедной соломенной крыши даже после летнего ливня.

Слушая миссис Мак-Люр, Мортон вспомнил, каким застал спящего Берли на сеновале в Милнвуде,

рассказы Кадди о том, что он помешался, и слухи, ходившие среди камеронцев, которые нередко не без гордости толковали о душеспасительных трудах Берли и о его борьбе с врагом человеческим. Сопоставив все это, он пришел к выводу, что и сам Берли является жертвой своих иллюзий, хотя, наделенный от природы умом сильным и проницательным, не только скрывает свои суеверные представления от тех, в чьих глазах они могли бы набросить тень на его умственные способности, но усилием воли, доступным, как считают, страдающим эпилепсией, в состоянии задерживать наступление очередного припадка, пока не останется в одиночестве или с людьми, во мнении которых эта одержимость может только его возвысить. Можно было предположить, — и это вытекало из рассказа миссис Мак-Люр, — что оскорбленная гордость, разбитые надежды и неудачи той партии, которой он служил с такой самозабвенной преданностью, усилили присущий ему фанатизм и довели его до временного безумия. Действительно, в те странные времена такие люди, как сэр Гарри Уэйн, Гаррисон, Овертон и другие, находясь во власти самых диких и необузданных грез, на общественном поприще вели себя в трудных обстоятельствах не только со здравомыслием и мужественно в опасностях, но и выказывали при этом поразительную силу ума и настоящую доблесть. Все остальное, сказанное миссис Мак-Люр, укрепило Мортону в этих выводах.

— На рассвете, — сказала она, — пока не встали солдаты, моя маленькая Пегги поведет вас к нашему другу. Но вам придется переждать, пока минет опасный час, как это он сам называет, и только тогда входите к нему в убежище. Пегги скажет, когда можно будет войти. Она хорошо знает его повадки, потому что уже давно носит ему кое-какие вещи, без которых он не мог бы существовать.

— Но где же тайник, в котором этот несчастный обрел для себя убежище?

— О, это ужасное место, — ответила слепая старуха, — в таком месте, наверное, еще не скрывалось ни одно создание божье. Оно называется Черная про-

пасть в Линклейтере — унылое место, но наш друг любит его больше других, потому что оно часто его спасало; я убеждена, он предпочел бы его хоромам с коврами и пуховой постелью. Но вы сами увидите. Много лет назад я там побывала. Я была тогда глухой проказливою девчонкой и не задумывалась над тем, что может из этого выйти. Не нужно ли вам чего-нибудь, сэр, перед тем, как вы ляжете отдыхать? Ведь вам придется тронуться в путь, как только забрезжит свет.

— Нет, ничего не нужно, — ответил Мортон, и они расстались.

Сотворив на ночь молитву, Мортон бросился на кровать; в дремоте он слышал топот коней, когда драгуны возвратились с объезда, и тотчас, истомленный столькими тревожными, крепко заснул.

Глава XLIII

Они вошли в пещеру. Там во мгле
Отверженный, сидевший на земле,
Был в мрачное раздумье погружен.

Спенсер

Едва солнечные лучи осветили верхушки гор, как в дверь скромной комнаты, где ночевал Мортон, слегка постучали, и тоненький детский голосок окликнул его:

— Не угодно ли вам пойти к пропасти, пока не поднялись в доме?

Он вскочил с постели, поспешно оделся и вышел к своей маленькой провожатой. Девочка быстро скользила впереди него в сером тумане, нависшем над болотами и холмами. Они шли по диким местам, не по дороге, а просто вверх по течению речки, не следуя, впрочем, за всеми ее извивами. Ландшафт становился все более пустынным и диким, и наконец с обеих сторон долины остались лишь вереск да скалы.

— Еще далеко? — спросил Мортон.

— Около мили, — ответила девочка.

— И ты часто пускаешься в это трудное путешествие, моя крошка?

— Когда бабушка посылает меня к пропасти с молоком и другой едой, — ответила Пегги.

— А ты не боишься ходить одна по этой дикой дороге?

— Что вы, сэр, нисколько, — ответила провожатая, — никто не тронет такую маленькую, да и бабушка говорит, что нам нечего бояться, когда мы творим доброе дело.

«Защищена невинностью, как тройною броней», — подумал Мортон и молча пошел следом за ней.

Вскоре они подошли к зарослям терна и ежевики, разросшимся там, где некогда были дубы и березы. Здесь провожатая Мортон круто свернула с открытых вересковых полей и вывела его овечьей тропой прямо к потоку. Сиплый, грозный рев уже подготовил его к открывшейся перед ним картине, но ее нельзя было наблюдать без изумления и даже ужаса. Минувая кустарник, сквозь который проходила узкая извилистая тропа, Мортон оказался у самого края плоской скалы, нависшей над пропастью глубиною не меньше ста футов; темный горный поток стремительно падал вниз и исчезал в глубокой, черной, зияющей бездне. Глаз тщетно пытался различить место его падения; взор улавливал только полосу отвесно несущейся пены, проникнуть дальше ему мешали выступы громоздящихся друг на друга утесов, окружавших водопад и скрывавших пучину, куда низвергались его разъяренные воды; еще ниже, на расстоянии, может быть, четверти мили, виднелся выходящий лентой поток, выходявший из ущелья на более ровное место. Но до этого места воды потока скрывались из виду, словно над ними были перекинута своды пещеры, и действительно, крутые и нависшие выступы скал, среди которых они во тьме пробивали себе путь, сближались между собою и почти смыкались над их течением.

Пока Мортон созерцал эту картину яростного безумия, стремившегося, казалось, укрыться от постороннего взора в окружающих рощах и расщелинах,

куда низвергалась вода, его спутница, стоявшая за ним на площадке скалы, откуда лучше всего был виден во всем своем грозном величии водопад, потянула его за рукав и что-то ему сказала, чего он не мог слышать; наклонившись к ней, он разобрал, как она говорила: «Слушайте, слушайте — это он!»

Мортон прислушался, и из самой пропасти, в которую падали воды, среди рева и грохота, донеслись до него вскрики, вопли и даже отрывочные слова, как если бы терзаемый демон потока присоединял свои жалобы и стенания к голосу его бушующих вод.

— Нам сюда, — сказала девочка, — сэр, если угодно, следуйте за мной, но смотрите не оступитесь.

Смело и проворно, легким и привычным движением, она соскользнула с площадки, на которой стояла, и, пользуясь углублениями и едва заметными выступами в скале, начала спускаться по ней прямо в пропасть. Крепкий, смелый и ловкий, Мортон, не колеблясь, двинулся вслед за нею: но ему нужно было все время искать опору и для рук и для ног, так как при этом опасном спуске нельзя было обходиться без рук, — это и помешало ему смотреть по сторонам. Но когда они спустились футов на двадцать и до водоема, принимавшего в себя водопад, оставалось еще футов шестьдесят или семьдесят, его провожатая остановилась. Оказавшись снова возле нее, он огляделся и увидел, что их положение столь же романтично, сколь и опасно. Они стояли теперь почти против самого водопада; выше их, приблизительно на одну четверть его высоты, находилась верхняя точка той пропасти, в которую он с грохотом устремлялся; ниже, на три четверти его высоты, виднелся темный, глубокий, мятущийся водоем, принимавший в себя его воды. Обе страшные точки — та, откуда начиналось падение еще сплошной водной громады, и темная, мрачная пучина, которая ее поглощала, — были теперь прямо пред ним, как и вся стена вихрящейся пены, отрывающейся от первой из этих точек и kloкочущей и кипящей во второй. Они были так близко от величественного потока, что их осыпали брызги и почти оглушал его рев. Но рядом с низвергающейся водой,

в каких-нибудь трех ярдах от водопада, через бездну был перекинут старый, разбитый бурями дуб, как будто случайно сюда упавший; то был мост, ужасающе узкий и ненадежный. Верхушка дерева лежала на той площадке, где стояли Мортон и его спутница; нижняя часть, или комель, — на выступе скалы по ту сторону пропасти; он был, вероятно, закреплен, но Мортон не видел, где именно. Из-за этого выступа, то вспыхивая, то затухая, расходились багровые отблески; искрясь и переливаясь в струях падающей воды и местами окрашивая ее в малиновый цвет, они придавали им причудливое, зловещее освещение, составлявшее контраст с освещением верхней части каскада, озаренной лучами восходящего солнца, которые даже в полдень не могли осветить и третьей части всего водопада. Пока он рассматривал это зрелище, девочка еще раз потянула его за рукав (теперь разговаривать было совсем невозможно) и, указав рукою на дуб и на выступ скалы, дала понять, что он должен перебраться на противоположную сторону.

Мортон с изумлением посмотрел на нее; ему было известно, что гонимые в предыдущие царствования пресвитериане находили убежища в лесах и уединенных долинах, в пещерах и среди речных порогов — в местах самых необычных и самых пустынных; он слышал о приверженцах ковенанта, скрывавшихся долгое время у Доблина, и на диких высотах Полмуди, и в еще более жуткой пещере, называющейся Крихоплином, в Клозбернском приходе, но его воображение никогда и отдаленно не представляло себе ужаса этих убежищ, и он был удивлен, что эта причудливая и романтическая местность до сих пор была ему неизвестна, при всем его интересе к таким чудесам природы. Впрочем, он тотчас сообразил, что тайна этого труднодоступного и дикого места, служившего укрытием для преследуемых проповедников и нонконформистов, тщательно оберегалась теми немногими пастухами, которые могли о нем знать.

Оторвавшись от этих мыслей, он принялся обдумывать, как ему переправиться по этому опасному

и жуткому мосту, влажному и скользкому от непрерывно савившейся на него водяной пыли и висящему над бездною глубиною в семьдесят футов. Между тем его провожатая, очевидно ради того, чтобы придать ему смелости, не задумываясь, легко и свободно прошла туда и обратно. Позавидовав маленьким босым ножкам, находившим опору на шероховатой поверхности дуба с большею легкостью, чем это было возможно в его тяжелых ботфортах, Мортон все же решился попытать счастья; устремив взгляд в одну точку на той стороне, не давая голове закружиться, стараясь не замечать ни шума, ни пенящихся, сверкающих вод, он благополучно переправился по ненадежному мосту и оказался у входа в небольшую пещеру по ту сторону пропасти. Здесь Мортон оставился; при красном свете очага, в котором горел каменный уголь, он мог рассмотреть обитателя этой пещеры, оставаясь незамеченным им, так как стоял в тени, отбрасываемой скалой. То, что он увидел, заставило бы менее решительного и отважного человека отступить от затеянного им предприятия.

Берли, отличавшийся от прежнего лишь страшной всклокоченной бородой, стоял посередине пещеры; в одной руке он держал закрытую на застежки библию, в другой — обнаженный палаш. Его фигура, смутно освещаемая красными отблесками раскаленного угля, казалась обликом самого сатаны в огненном Пандемониуме; его слова, насколько их можно было расслышать, были бессвязны, его жесты — неистовы. В полном одиночестве, в почти неприступном месте, он вел себя как человек, сражающийся со своим смертельным врагом. «Ага! Вот он, вот он! — вскрикивал Берли, взмахивая при каждом слове сверкающим палашом, которым изо всех сил поражал пустой и бесстрастный воздух. — Разве я тебе этого не говорил? Я сопротивлялся, и ты бежал от меня! Трус, вот ты кто... приди ко мне со всеми своими ужасами... приди со всеми совершенными мной злодеяниями, которые для меня страшнее всего, — того, что есть между створками этой книги, достаточно, чтобы спасти меня от кары. Что ты бормочешь там о седых волосах? Я был прав, его

нужно было убить, — чем зрелее зерно, тем оно ближе к жатве. Ты ушел? Ушел? Я всегда знал, что ты трус. Ха, ха, ха!»

С этими дикими возгласами он опустил палаш и замер на месте, как безумец, очнувшийся от припадка.

— Опасное время прошло, — сказала подошедшая к Мортону девочка. — Оно редко продолжается после того, как солнце поднимется над горами; можете войти и разговаривать с ним. Я подожду вас на другой стороне водопада, — он не позволяет, чтобы к нему входили вдвоем.

Медленно и осторожно, готовый, если понадобится, отразить нападение, вошел Мортон в пещеру и предстал перед своим бывшим соратником.

— Как! Ты опять здесь, хотя время твое миновало? — вскрикнул Берли, увидев вошедшего. Он взмахнул палашом; лицо его выражало ни с чем не сравнимый ужас, к которому примешивалось бешенство одержимого.

— Я явился к вам, мистер Белфур, — сказал Мортон спокойным и твердым голосом, — чтобы возобновить знакомство, прервавшееся после битвы у Босуэлского моста.

Как только Берли понял, что перед ним Мортон во плоти и крови, а он понял это с поразительной быстротой, он сразу же овладел своим разгоряченным, неистовым воображением, так как власть над собой была одною из самых поразительных черт этого необыкновенного человека. Он опустил палаш, спокойно вложил его в ножны и пробормотал что-то о сырости и утренней свежести, заставивших старого солдата поупражняться с оружием, чтобы согреть остывшую кровь.

— Ты замешкался, Генри Мортон, и пришел на сбор винограда после того, как пробил двенадцатый час. Согласен ли ты пожать эту руку в знак товарищества и дружбы и стать отныне одним из тех, кто не оглядывается на троны и на династии, но придерживается лишь одних заветов писания?

— Я удивлен, — сказал Мортон, избегая прямого ответа, — что вы, по прошествии стольких лет, узнали меня.

— Черты тех, кто должен трудиться бок о бок со мною, запечатлены в моем сердце, — ответил Берли. — И, кроме сына Сайлеса Мортонна, мало кто решился бы навестить меня здесь, в этой неприступной твердыне. Ты видишь этот подъемный мост, созданный самою природой? — добавил он, указывая на переброшенный через пропасть ствол старого дуба. — Один пинок ногою, и он низвергнется в бездну, оставив врагов по ту сторону в полном бессилии и отдавая того из них, кто будет по эту, во власть еще не знавшего себе равных в единоборстве.

— В этих мерах самозащиты, — заметил Мортон, — вы едва ли теперь нуждаетесь.

— Едва ли нуждаюсь? — переспросил Берли. — Как не нуждаюсь, если враги во плоти и крови объединились против меня на земле, а сам сатана... Но не в этом дело, — добавил он, сам себя прерывая. — Достаточно и того, что я люблю это убежище, мою пещеру Одолламскую, и не сменил бы ее известковых сводов на красивые комнаты в замке графов Торвудов вместе с их обширными землями и баронским титулом. Впрочем, пока ты не избавишься от нелепого бреда юности, можешь думать иначе.

— Вот об этих самых владениях я и хочу с вами поговорить, — сказал Мортон. — Я не сомневаюсь, что найду в мистере Белфуре того же вдумчивого и разумного человека, которого я знал в те времена, когда наших братьев терзали раздоры.

— Вот как, — сказал Берли, — такова, в самом деле, твоя надежда? Может быть, ты объяснишься яснее.

— Тогда в двух словах, — сказал Мортон. — Используя известные средства — нетрудно догадаться, какие, — вы оказали тайное, но пагубное влияние на судьбу леди Маргарет Белленден и ее внучки в пользу низкого и наглого вероотступника Бэзила Олифанта, которому обманутый вами закон отдал во владение принадлежащее им по праву имущество.

— Ты утверждаешь? — сказал Берли.

— Да, я утверждаю, — ответил Мортон, — и теперь вы не станете отрицать то, что собственноручно писали.

— Предположим, что я и не отрицаю, — ответил Белфур. — Предположим, что твое красноречие в силах меня убедить отступить от сделанного по здравом и длительном размышлении. В чем же тут выгода для тебя? Неужели ты все еще не утратил надежды овладеть светловолосой девицей с ее большим и богатым наследством?

— У меня нет этой надежды, — спокойно отвечал Мортон.

— Ради кого же ты осмелился на такое трудное дело, ради кого хочешь отнять добычу у доблестного, стремишься унести пищу из логова льва и вырвать лакомый кусок из пасти пожирающего его? Ради кого ты взялся за разгадывание загадки труднее, чем загадка Самсона?

— Ради лорда Эвендела и его нареченной невесты, — твердо ответил Мортон. — Люди, мистер Белфур, лучше, чем вы себе представляете, и поверьте, что среди них бывают такие, кто готов пожертвовать своим счастьем ради счастья других.

— Раз так, клянусь моею живою душой, — вскричал Берли, — раз так, то хоть у тебя борода и ты создан, чтобы лететь в бой на коне и обнажать меч, ты — покорная, лишенная всякого самолюбия кукла, какая когда-либо оставляла оскорбление безнаказанным. Ты хочешь помочь этому проклятому Эвенделу овладеть любимой тобою женщиной? Ты хочешь разделить их богатствами и наследством, и ты думаешь, что найдется другой человек, оскорбленный еще глубже твоего, но столь же немощный духом, с такою же, как у тебя, холодною кровью, так же пресмыкающийся во прахе земном, и ты смеешь надеяться, что этот другой человек — Джон Белфур?

— Что касается моих чувств, — спокойно заявил Мортон, — то я отвечаю за них только пред небом. Мне кажется, мистер Белфур; что вам вполне без-

различно, владеет ли этим именем Бэзил Олифант или лорд Эвендел.

— Ты заблуждаешься, — сказал Берли, — оба они во мраке, оба не знают света, как те, чьи глаза никогда не открывались навстречу дню. Но Бэзил Олифант — Навал, Димас, низкий негодяй, богатством и силой которого располагает тот, кто угрожает ему их лишением. Он стал приверженцем истинной веры потому, что ему не дали земель Тиллитудлема, он стал папистом, чтобы прибрать их к рукам, он прикинулся эрастианином, чтобы их снова не отняли у него, и он будет подвластен мне, пока у меня документ, при помощи которого их могут у него отобрать. Эти земли — удила между его челюстями, и кольцо, продетое сквозь его ноздри, уздечка и повод в моих руках, и я могу направлять его, куда мне покажется нужным. Вот почему они будут принадлежать Олифанту до тех пор, пока я не найду искреннего и верного друга, которому смогу отдать их во владение. А лорд Эвендел — это язычник, сердце которого словно камень, а чело — как адамант; блага земные сыплются на него, как листья на мерзлую землю, а он с бесстрашием будет смотреть, как их унесет первый же порыв ветра. Языческие добродетели подобных ему для нас опаснее, чем гнусная алчность тех, кто, руководствуясь своей выгодой, должен влечься за нею и потому, раб корысти, может быть призван трудиться на винограднике, хотя бы ради того, чтобы заслужить свою греховную мзду.

— Это могло бы иметь кое-какой смысл несколько лет назад, — сказал Мортон, — и я понял бы ваши доводы, хотя никогда не соглашусь считать их справедливыми. Но к чему при создавшемся в стране положении сохранять за собой влияние, которое невозможно употребить на полезные цели? В нашей стране мир, свобода, веротерпимость — чего же вам больше?

— Чего больше? — воскликнул Берли, вырвав палаш из ножен с такой быстротой, что Мортон едва не вздрогнул. — Взгляни на эти зазубрины, их всего три; не так ли?

— Как будто бы так, — ответил Мортон, — но что из этого следует?

— Кусочек стали, отщербившийся при первом ударе, остался в черепе клятвопреступника и предателя, который первый ввел епископальную церковь в Шотландии; вторую зазубрину оставило ребро нечестивого негодяя, самого смелого и лучшего воина, сражавшегося за прелатистов при Драмклогге; вот эта третья — от удара по каске одного капитана, защищавшего Холирудскую капеллу, когда народ поднялся во времена революции. Я рассек его голову до зубов, разрубив сталь и череп. Большие дела свершило это оружие, и каждый его удар служил делу освобождения церкви. Этот палаш, — продолжал он, вкладывая его снова в ножны, — должен свершить еще большее: он должен срубить эту гнусную и губительную ересь эрастианства, отомстить за поругание подлинной свободы нашей шотландской церкви во всей ее чистоте, восстановить ковенант в сиянии его славы — и тогда пусть он ржавеет и разрушается рядом с костями своего владельца!

— У вас нет ни средств, ни людей, мистер Белфур, чтобы свергнуть нынешнее правительство, — сказал Мортон. — Народ, за исключением кучки дворян-якобитов, в общем, доволен; но вы, конечно, не станете объединяться с теми, кто намерен использовать вас исключительно в своих целях.

— Напротив, — ответил Берли, — мы заставим их служить нашим целям. Я побывал в лагере у этого язычника Клеверза, подобно тому, как будущий царь Израиля посетил филистимлян, я договорился с ним о восстании, и если бы не этот подлый Эвендел, эрастиане были бы теперь изгнаны со всего запада... Я бы его убил, — продолжал он с мрачным, угрожающим видом, — даже если бы он ухватился за рог алтаря! Если бы ты, — продолжал он более спокойным тоном, — сын моего старого друга, был женихом Эдит Белленден и пожелал приложить руку к великому делу с рвением, равным твоему мужеству, то не думай, что я предпочел бы дружбу Бэзила Олифанта дружбе с тобой; тогда ты имел бы возмож-

ность при помощи этого документа (он достал какой-то пергамент) вернуть ей владения ее предков. Это я и хотел сказать тебе, когда видел, как отважно ты бьешься у рокового моста. Девушка любила тебя, и ты ее — также.

Мортон твердо ответил:

— Не стану обманывать вас, мистер Белфур, чтобы достигнуть своего. Я пришел сюда убедить вас восстановить справедливость, а не ради собственной выгоды. Я ошибся, и я скорблю о вас; и о вас я скорблю даже больше, чем о тех, кто из-за вас пострадал.

— Итак, ты отклоняешь мое предложение? — спросил Берли с загоревшимися гневом глазами.

— Отклоняю, — ответил Мортон. — Когда бы вы были действительно человеком чести и совести, каким хотите казаться, вы несмотря ни на что возвратили бы этот пергамент лорду Эвенделу, памятуя об интересах законной наследницы.

— Никогда, пусть он лучше погибнет! — воскликнул Берли, бросая документ в горевшую рядом с ним грудку угля и затапывая его каблуком.

Пергамент курился, корчился и трещал в пламени; Мортон бросился, чтобы его спасти. Но Берли удержал Мортон, и они стали бороться. Оба были сильны. Мортон был подвижнее и моложе, но Берли все же справился с ним и не дал ему спасти документ. Когда он превратился в пепел, они отпустили друг друга, и фанатик, рассвирепевший во время схватки, посмотрел на Мортон диким, горевшим жаждою мщения взглядом.

— Ты проник в мою тайну! — воскликнул он. — И либо ты станешь моим, либо умрешь!

— Я презираю ваши угрозы, — сказал Мортон, — мне вас жалко, и я ухожу.

Но не успел он повернуться к выходу, как Берли опередил его, столкнул ногой ствол старого дуба и, пока он с грохотом и треском падал в пучину, обнажил палаш и прокричал голосом, перекрывшим рев водопада и грохот падающего дерева:

— А теперь выбирай: сражайся, сдавайся или умри! — И, став у выхода из пещеры, он взмахнул палахом.

— Я не стану сражаться с тем, кто спас жизнь моему отцу, — сказал Мортон, — я не научился выговаривать слово «сдаюсь», но жизнь свою я спасу, как сумею.

Сказав это, он проскочил, прежде чем Берли понял его намерение, у него за спиной и, с отличавшей его юношескою ловкостью перепрыгнув через страшную бездну, отделявшую вход в пещеру от выступа противоположной скалы, оказался по ту сторону пропасти, спасшись от своего пришедшего в ярость противника. Он сразу же поднялся по скале и, оглянувшись назад, увидел застывшего от изумления Берли, который, опомнившись, с бешенством неудовлетворенного гнева поспешно скрылся в пещере.

Мортон понимал, что душа этого несчастного человека, непрерывно переходившего от несбыточных надежд ко мраку отчаяния, утратила в конце концов равновесие и что теперь в его поведении была доля безумия, которое казалось тем более странным, что сочеталось с силой мысли и ловкостью, с какою он преследовал свои дикие цели. Поднявшись наверх, Мортон нашел свою провожатую смертельно напуганной падением дуба. Он ей сказал, что это произошло случайно, а она, со своей стороны, уверила его в том, что обитатель пещеры от этого несколько не пострадает, так как у него есть материал для нового моста.

Необычайные происшествия этого утра еще не окончились. Приближаясь к хижине миссис Мак-Люр, девочка вскрикнула от изумления, увидев бредущую им навстречу бабушку, никогда не уходившую так далеко от дома.

— О сэр, сэр! — проговорила старуха, услышав приближающиеся шаги. — Если вы любите лорда Эвендела, то помогите ему немедленно, или уже будет поздно! Слава тебе господи, что, отняв мое зрение, ты оставил мне слух. Пойдемте этой дорогой... вот здесь... и ступайте как можно бесшумнее. Пегги,

голубка моя, беги оседлать джентльмену коня; выведи его тихонько в кустарник и там вместе с ним подожди.

Миссис Мак-Люр подвела Мортонa к маленькому окошку, через которое, сам оставаясь незамеченным, он разглядел двух драгун, сидевших за утренней кружкой эля и занятых разговором.

— Чем больше я думаю, — сказал один из драгун, — тем меньше у меня лежит к этому душа, Инглис; Эвендел был хороший офицер и друг нашего брата — солдата; и хотя нам досталось за бунт в Тиллитудлеме, но, честное слово, Фрэнк, поделом.

— Черт меня побери, если я когда-нибудь ему это забуду! — ответил второй. — Вот теперь-то я и прижму ему хвост.

— Полно, друг! Лучше забудь и прости. Лучше иди с ним вместе в поход да присоединись к этим горланящим горцам. Немало хлеба съели мы у короля Джеймса.

— Ты просто осел, выступлению, как вы его называете, никогда не бывать — время упущено. Хеллидей увидал привидение, миос Белленден упала в обморок неведомо от чего, или еще какая-нибудь чертова чепуха, а дело нельзя больше откладывать ни на день, и та птичка, что пропоет первую, получит поживу.

— И это верно, — ответил его товарищ. — Ну, а этот парень, как его, Бэзил Олифант, прилично заплатит?

— По-королевски, приятель, — ответил Инглис. — Он ненавидит Эвендела, как никого на всем свете, и, кроме того, боится его из-за одного темного дельца. Если мы уберем лорда с дороги, то все, как надеется Бэзил, окончательно останется у него.

— Но будут ли у нас полномочия и достанет ли сил? — спросил первый драгун. — Мало кто пойдет против милорда, и его может сопровождать кто-нибудь из наших ребят.

— Ты, Дик, всего-навсего трусливый дурак, — ответил на это Инглис. — Он спокойно живет в Фериную, чтобы не вызывать подозрений. Олифант —

здешний судья, он прихватит с собой кое-кого из своих, на кого может по-настоящему положиться, да, кроме того, мы с тобой. Олифант говорит, что может взять еще одного отчаянного головореза из вигов, по имени Квентин Мак-Кейл, который давненько имеет зуб против лорда Эвендела.

— Ладно, ладно, ты мой командир, тебе лучше знать, — сказал рядовой, по-солдатски решая сомнения своей совести. — А если что-нибудь будет не так...

— Я все возьму на себя, — сказал Инглис. — Ну что ж, еще кувшин эля — и в Тиллитудлем? Эй, Бесс, слепая, где ты? Куда черт унес эту старую ведьму?

— Задержите их, сколько сможете, — прошептал Мортон, всовывая кошелек в руку хозяйки. — Теперь самое главное — выиграть время.

Торопливо шагая к кустарнику, где девочка держала наготове его коня, он напряженно думал: «В Фери-ноу? Нет, я не смогу их защитить. Нужно скакать прямо в Глазго. Виттенбольд, который командует там войсками, охотно даст кавалерийский отряд и обеспечит содействие гражданских властей. По дороге я извещу обо всем Эвендела».

— Ну, Муркопф, — сказал он, обращаясь к коню, — сегодня ты должен показать свою быстроту и выносливость.

Глава XLIV

Но оторвать померкнувших очей
Не мог он от Эмили своей;
Лежал он молча и уже без сил,
Потом сжал руку ей и дух свой
испустил.

«Паламон и Арсит»

Нездоровье приковало Эдит к постели на весь тот памятный день, когда ее так сильно потрясло внезапное появление Мортонa. На следующее утро, узнав, что она чувствует себя много лучше, лорд Эвендел снова вернулся к своему решению покинуть Фери-ноу. Незадолго до полудня в комнату Эдит

вошла леди Эмили, необычно сдержанная и серьезная. Поздоровавшись, она заметила, что хоть ее новость и тяжела для нее самой, но снимет с мисс Белленден немалое бремя.

— Мой брат, — сказала она, — сегодня уезжает из Фери-ноу.

— Уезжает! — воскликнула мисс Белленден, пораженная этим известием. — Надеюсь, к себе?

— Я имею основания предполагать, что он задумал более дальнее путешествие, — ответила леди Эмили. — Что может его теперь здесь удерживать?

— Боже милостивый! — воскликнула Эдит. — Зачем я родилась на горе всему, что мужественно и благородно! Что нужно сделать, чтобы удержать его от этого рокового шага? Я сейчас выйду к нему. Скажите, что я умоляю его поговорить со мною перед отъездом.

— Это бесполезно, мисс Белленден. Но я скажу ему о вашем желании.

Она вышла с таким же видом, с каким вошла, и сообщила брату, что мисс Белленден чувствует себя лучше и изъявляет желание сойти вниз и повидаться с ним до отъезда.

— Я думаю, — добавила она с раздражением, — что надежда в скором будущем избавиться от нашего общества принесла исцеление ее расшатанным нервам.

— Сестра, — сказал лорд Эвендел, — ты несправедлива или завидуешь.

— Несправедлива, Эвендел, возможно, но я никогда не думала, — сказала она, взглянув на себя в зеркало, — что меня могут упрекнуть в зависти, не имея на то более веских причин. Но пойдем к леди Маргарет; она готовит настоящее пиршество. Тут можно было бы накормить целый отряд, если б он у тебя был.

Лорд Эвендел молча последовал за нею в гостиную, зная, что бесполезно бороться с ее предубеждением и оскорбленной гордостью. Стол был накрыт под тщательным наблюдением леди Маргарет и уставлен всякими яствами.

— Вряд ли вы будете утверждать, милорд, что вы сегодня утром позавтракали; перед отъездом вам нужно отвезти хотя бы того, что в нынешних обстоятельствах могут предложить обитатели этого скромного дома, которые перед вами в таком долгу. А я люблю, чтоб, уезжая на охоту или по делу, молодые люди как следует подкреплялись, и я говорила об этом его священнойшему величеству, когда он завтракал в Тиллитудлеме в году от рождества Христова тысяча шестьсот пятьдесят первом, и его священнойшее величество изволил ответить на это, подняв и выпив за мое здоровье кубок рейнвейна: «Леди Маргарет, вы говорите совсем как оракул горной Шотландии». Таковы были подлинные слова его величества короля, так что ваша честь может судить, опираюсь ли я на высокий авторитет, когда настаиваю, чтобы молодые люди не отказывались от завтрака.

Нетрудно догадаться, что значительную часть этой речи почтенной леди лорд Эвендел пропустил мимо ушей, так как напрягал слух в ожидании легких шагов Эдит. Его рассеянность, вполне, впрочем, естественная, обошлась ему дорого. Пока леди Маргарет исполняла обязанности радушной хозяйки, роль, которую она играла с большим удовольствием и искусством, — к ней подошел Джон Гьюдыл, прервавший ее на полуслове. Как обычно, возвещая хозяйке дома о приходе лица незначительного, он сказал:

— Там один хотел бы переговорить с вашей милостью.

— Один? Что это еще за один? Разве у него нет своего имени? Вы так разговариваете со мной, словно я держу лавочку и выхожу к каждому, лишь только мне свистнут.

— Да, сударыня, у него есть свое имя, — ответил Джон, — но только вашей милости неприятно его услышать.

— Что это значит? Какую чепуху вы городите!

— Это Теленок Джибби, миледи, — сказал Джон сверхпочтительным тоном, хотя обычно позволял себе

отступления от этикета, полагаясь на свои заслуги старого, преданного слуги, не покинувшего господ в беде. — Если уж ваша милость стоит на своем, так это не кто иной, как Теленок Джибби, который пасет за мостом коров Эдди Хеншоу; в Тиллитудлеме его звали Гусенком Джибби, и он отправился на боевой смотр и там...

— Помолчите немного, Джон, — сказала старая леди, с достоинством поднимаясь из-за стола, — вы позволяете себе дерзость, полагая, что я стану разговаривать с этим человеком. Пусть он сообщит о своем деле либо вам, либо Хедригу.

— Он и слышать об этом не хочет, миледи; он утверждает, что пославший его велел передать эту вещь только вам или лорду Эвенделу, никому другому. По правде говоря, он не очень-то трезвый, да и остался таким же дурачком, каким был.

— В таком случае гоните его, — сказала леди Маргарет, — и прикажите ему прийти завтра утром, когда протрезвится. Наверно, он хочет попросить у нас какой-нибудь милости, как бывший слуга нашего дома.

— Может статься, миледи: он, бедняга, в лохмотьях.

Гьюдвил еще раз сделал попытку выяснить, в чем состояло поручение, данное Джибби: оно действительно было исключительной важности, так как то были несколько строк Мортон к лорду Эвенделу, извещавшие последнего о грозящей ему со стороны Олифанта опасности и умолявшие либо немедленно искать спасения в бегстве, либо выехать в Глазго и отдаться властям, где он, Мортон, мог бы обеспечить ему покровительство. Это наспех составленная записка была вручена Мртоном Джибби, которого он увидел вместе с находившимся под его опекою стадом у моста. Он велел ему сразу же идти в Фери-ноу и передать ее в руки лорда Эвендела, подкрепив свое поручение двумя долларами.

Но судьбе, видно, было угодно, чтобы участие Джибби в делах семейства Белленден в качестве гонца или в качестве воина неизменно кончалось неудачно. Как назло, он застрял в кабаке, чтобы

проверить, хорошие ли монеты дал ему его наниматель, и притом так основательно, что, когда он добрался до Фери-ноу, скудная доля рассудка, отпущенная ему природой, была окончательно потоплена в эле и бренди. Вместо того чтобы спросить лорда Эвендела, он пожелал говорить с самой леди Маргарет, имя которой было более привычно для его слуха. Его к ней не допустили, и Джибби, пошатываясь, поплелся назад, оставив письмо у себя и выполнив в точности инструкции Мортон в одном-единственном пункте, и именно в том, в котором нарушить их было бы весьма кстати.

Через несколько минут после его ухода в гостиную вошла Эдит. Она и лорд Эвендел были смущены этой встречей; леди Маргарет, которой, не сообщая о происшедшем, сказали только о том, что их брак на время отложен из-за недомогания ее внучки, объясняла охватившее их смущение робостью жениха и невесты и, чтобы их не стеснять, затеяла светский разговор с леди Эмили. Воспользовавшись удобным моментом, Эдит, лицо которой стало мертвенно бледным, невнятно и сбивчиво прошептала лорду Эвенделу, что ей нужно сказать ему несколько слов. Он предложил ей руку и проводил в маленькую приемную, которая, как мы уже сообщали, находилась рядом с гостиной. Усадив ее в кресло и усевшись возле нее, он приготовился слушать.

— Я очень смущена, милорд, — были первые слова, которые она смогла выговорить, да и то с трудом. — Я, право, не знаю, что я должна сказать и как к этому приступить.

— Если мое присутствие для вас тягостно, — мягко сказал лорд Эвендел, — то вскоре вы от него избавитесь.

— Значит, вы решили, милорд, пуститься на эту отчаянную затею в содружестве с этими отчаянными людьми, несмотря на свой трезвый и проницательный ум, несмотря на настояния ваших друзей, несмотря на верную гибель, которая вас ожидает?

— Прошу прощения, мисс Белленден, но даже ваши увещания не могут меня удержать, раз дело

идет о моей чести. Мои кони оседланы, мои слуги готовы к походу, и сигнал к восстанию будет подан, как только я приеду в Килсайт! И если меня призывает моя судьба, я не стану бежать от нее. Умереть, — добавил он, беря ее руку, — вызвав в вас сострадание, раз я не смог добиться любви, для меня тоже немалое утешение.

— О милорд, останьтесь! — произнесла Эдит голосом, проникшим ему в самое сердце. — Кто знает, быть может, время принесет разъяснение странным событиям, которые так меня потрясли, и мои возбужденные нервы, может быть, успокоятся. О, не торопитесь навстречу гибели! Оставайтесь с нами, будьте нашей опорой и надейтесь на всесильное время!

— Слишком поздно, Эдит, — сказал лорд Эвендел. — Было бы очень неблагородно злоупотребить вашим расположением и вашими добрыми чувствами. Я знаю: любить меня вы не можете; ваша скорбь так сильна, что она вызвала образ умершего или отсутствующего; это говорит о вашем чувстве к другому, и чувстве настолько глубоком, что мне остается рассчитывать лишь на вашу дружбу и благодарность.

В этот момент в комнату ворвался запыхавшийся и испуганный Кадди.

— О милорд, прячьтесь, они окружили дом! — было его первое восклицание.

— Кто они? — спросил лорд Эвендел.

— Кавалерийский отряд во главе с Бэзилем Олифантом, — торопливо ответил Кадди.

— Прячьтесь, милорд! — повторила за Кадди перепуганная насмерть Эдит.

— Клянусь небесами, не стану я прятаться! — вскричал лорд Эвендел. — Какое право имеет этот мерзавец осаждать меня в чужом доме или останавливать на дороге? Я проложу себе путь даже в том случае, если придется сразиться с целым полком; скажите Хеллидею и Хентеру, пусть выводят коней... А теперь прощайте, Эдит! — Он обнял ее и нежно поцеловал. Затем, вырвавшись из рук леди Эмили и леди Маргарет, пытавшихся его удержать, он выбежал из дома и вскочил на коня.

Все были в смятении: женщины, крича, бросились к окнам; отсюда они могли разглядеть кучку всадников, из которых, видимо, лишь двое были солдаты. Они были уже на открытом лугу перед хижинкой Кадди, где начинался подъем к усадьбе, и медленно, соблюдая меры предосторожности, приближались к дому, ожидая, очевидно, встретить сопротивление.

— Он может спастись, он еще может спастись! — повторяла Эдит. — О, если бы он свернул на боковую дорогу!

Но лорд Эвендел, решив грудью встретить опасность, которая его отважной душе представлялась меньше действительной, приказал слугам следовать за ним по пятам и спокойно направился вниз по главной аллее. Старый Гьюдыл побежал за оружием; Кадди схватил ружье, выданное ему для охраны дома, и последовал за лордом Эвенделом. Поспешившая на тревогу Дженни тщетно цеплялась за его платье, суля ему смерть на плахе или на виселице «за то, что суется в чужие дела».

— Замолчи, сучья дочь, — отмахивался от нее Кадди, — кажется, говорю тебе по-шотландски. Разве чужое дело смотреть, как лорда Эвендела прикончат у меня на глазах? — Сказав это, он махнул рукой и понесся вниз по аллее. Впрочем, сообразив по дороге, что, за отсутствием Джона Гьюдыла, он окажется единственным пехотинцем, он занял выгодную позицию за оградой, вставил новый кремль, взвел курок и, прицелившись в хозяина Бэзила, как он его называл, приготовился к действию.

Как только лорд Эвендел выехал из аллеи, отряд Олифанта расступился, чтобы его окружить. Их начальник и еще трое хорошо вооруженных людей, из которых двое были драгуны, а третий одет в деревенское платье, не сдвинулись с места. Впрочем, крепкое сложение, хмурое, злое лицо и решительные движения третьего свидетельствовали, что он — наиболее опасный противник из всех. И тот, кому доводилось встречать его прежде, без труда узнал бы в нем Белфура Берли.

— За мной! — приказал лорд Эвендел слугам. — И если нам помешают, делайте то же, что я. — Он направил коня легкою рысью прямо на Олифанта и уже собирался его спросить, на каком основании тот загораживает ему путь, как Олифант закричал: «Стреляйте в предателя!» — и все четверо одновременно разрядили свои карабины в несчастного лорда. Он пошатнулся в седле, вытащил из кобуры пистолет, но не смог выстрелить и свалился с коня, раненый насмерть. Его слуги вскинули карабины: Хентер выпалил наудачу, Хеллидей, смелый и решительный парень, прицелился в Инглиса и уложил его наповал. В то же мгновение из-за ограды раздался еще один выстрел, отомстивший за смерть лорда Эвендела, так как пуля попала в лоб Бэзилу Олифанту, и он замертво упал на землю. Его люди, пораженные столь быстрым возмездием, не трогались с места, не зная, что предпринять, но Берли, загоревшийся боевым пылом, воскликнул: «Смерть мадианитянам!» — и с палашом в руке бросился на Хеллидея. В этот момент послышался топот, и кавалерийский отряд, несясь во весь опор по дороге из Глазго, начал разворачиваться на роковом поле. Это были драгуны, которых вел голландский генерал Виттенбольд, сопровождаемый Мортонем и представителем гражданских властей.

Предложению немедленно сдаться, сделанному во имя бога и короля Вильгельма, повиновались все, за исключением Берли, который, надеясь скрыться, повернул коня и пустил его вскачь. Несколько солдат под командою офицера бросились за ним в погоню, но только двоим, чьи кони оказались выносливее, почти удалось настигнуть его. Он дважды, не торопясь, обернулся в седле и, разрядив сначала один, а потом и второй пистолет, ускакал от преследователей, смертельно ранив одного из драгун и подстрелив лошадь другого. Так он скакал до Босуэл-бриджа, где, на его беду, ворота оказались запертыми и под сильной охраной. Повернув, он примчался к берегу Клайда и, отыскав подходящее место, устремился в воду; пули преследователей, стрелявших из карабинов и пистолетов, свистели вокруг него, и когда он был уже

на середине реки, в него одна за другою попали две пули. Почувствовав, что опасно ранен, он поворотил коня назад к левому берегу, показывая жестами, что сдается. Кавалеристы прекратили стрельбу, дожидаясь его возвращения. Двое из них въехали в воду, чтобы схватить его и обезоружить. Но вскоре выяснилось, что он хотел отомстить, а не сдаться и спасти себе жизнь. Приблизившись к обоим солдатам, он собрал последние силы и нанес одному из драгун страшный удар по голове, сваливший его с седла. Второй, дюжий и мускулистый, в то же мгновение уцепился за Берли. Тот, в свою очередь, сдавил ему горло, словно тигр, который, издыхая, не выпускает добычи, и оба, упав во время схватки с коней, оказались в воде. Их увлекло течением. За ними тянулся кровавый след. Стоявшие на берегу видели, как они дважды оказывались на поверхности воды; голландец пытался плыть, но Берли не выпускал его из рук, решившись, видимо, погубить его вместе с собой. Их трупы были найдены на четверть мили ниже по течению Клайда. Так как освободить драгуна из цепких объятий Берли можно было, лишь обрубив последнему руки, их поспешили зарыть в одной общей могиле, на которой и посейчас сохраняется нескладный надгробный камень с высеченной на нем еще более нескладной эпитафией.¹ И пока душа этого мрач-

¹ Благородный читатель! Я попросил моего почтенного друга Питера Праудфута, странствующего торговца, известного многим в стране честностью и порядочностью не менее, чем своими муслинами, батистами и мелким товаром, чтобы он достал мне при первой поездке в эти места точную копию упомянутой эпитафии. Согласно его сообщению, которому я не имею оснований не доверять, она звучит следующим образом:

Здесь камень прах святой хранит,
Джон Белфур Берли здесь лежит,
Он, полон пламенного рвения,
За лигу требовал отмщенья,
В бою при Магусе он был,
Он Джеймса Шарпа умертвил,
И здесь, голландцами сражен,
Был в воды Клайда брошен он.

(Прим. автора.)

ного фанатика летела в небо, чтобы отдать отчет в своем земном бытии, душа храброго и благородного лорда Эвендела также покидала его брренное тело. Увидев, что произошло с лордом Эвенделом, Мортон спрыгнул с коня, чтобы оказать посильную помощь своему сраженному насмерть другу. Тот сразу его узнал, но, не в силах что-либо выговорить, дал понять знаками, чтобы его перенесли в дом. Это было сделано со всей возможною осторожностью; его окружили опечаленные друзья. Впрочем, шумное горе леди Эмили намного уступало безмолвной скорби Эдит. Еще не зная о присутствии Мортонa, она заключила в объятия умирающего. Она не знала и о том, что судьба, отнимая у нее одного преданного поклонника, возвращала ей, словно воскресшего из мертвых, другого, — до тех пор, пока лорд Эвендел, взяв их руки в свои, не сжал их с глубоким чувством и не соединил вместе, после чего возвел к небу взор, как бы моля о благословении их союза, откинувшись на подушки и тотчас испустил дух.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я решил было освободить себя от труда писать заключительную главу, предоставив читателю дорисовать в своем воображении все происшедшее после смерти лорда Эвендела. Но, понимая, что нарушение сочинителем давней традиции, даже если оно удобно и ему и его читателям, вызовет неудовольствие, я, признаюсь, был в большом затруднении, когда, к моему счастью, меня пригласила на чашку чая мисс Марта Баксбоди, еще не старая женщина, с большим успехом занимавшаяся в течение добрых сорока лет изготовлением дамских нарядов для Гэндерклю и окрестностей. Зная ее пристрастие к повестям этого рода, я попросил ее просмотреть накануне моего посещения эти разрозненные в то время листы и помочь мне своим опытом, который она накопила, прочитав все книги в трех библиотеках для чтения,

в Гэндерклю и двух соседних городках, где бывают базары. И когда с трепещущим сердцем я предстал перед нею в назначенный вечер, я нашел ее весьма склонной удостоить меня похвального отзыва.

— Никогда еще, — сказала она, протирая очки, — ни один роман, кроме «Истории Джемми и Дженни Джессеми», не приводил меня в такое волнение, — но там действительно настоящий пафос. А что касается вашего плана отказаться от заключения, то он никуда не годится. На протяжении вашего повествования вы сколько угодно можете щекотать наши нервы, но, если вы не обладаете талантом автора «Юлии де Рубинье», никогда не омрачайте конца. Пусть в последней главе блеснет солнечный луч: это совершенно необходимо.

— Мне было бы очень легко, сударыня, повиноваться вашему пожеланию: ведь обе четы, в которых вы по своей доброте принимаете столько участия, прожили долгую счастливую жизнь, произведя на свет сыновей и дочерей.

— Нет нужды, сэр, — сказала она с упреком, — пускаться в подробности относительно их супружеских радостей. Но почему бы вам не сказать несколько слов об ожидавшем их счастье?

— Но, сударыня, — возразил я, — вы же знаете, что всякая книга становится менее интересной по мере того, как автор подходит к концу; тут то же, что с вашим чаем. Это превосходный зеленый чай, но в последней чашке он неизбежно окажется и более слабым и менее вкусным. Если я нахожу, что последняя чашка не становится лучше от того, что на ее дне вы обычно находите нарастающий сахар, то я также думаю, что рассказ, выдыхаясь к концу, может быть только испорчен нагромождением различных подробностей, которые и без того должны быть ясны читателю, — и это даже в том случае, если автор не пожалеет на них своих самых ярких эпитетов.

— Это не так, мистер Петтисон, — сказала почтенная леди, — вы состряпали заключительные главы вашей истории очень поспешно и крайне неловко, я сказала бы, что вы сметали их неизящно, на живую

нитку, и я в моем деле задала бы хорошую трепку даже самой молоденькой ученице, выпустившей из своих рук такую скверную и неряшливую работу. Если вы не исправите этой грубой ошибки, рассказав нам подробно о свадьбе Мортон и Эдит и о том, что стало с другими действующими лицами вашей повести, начиная с леди Маргарет и кончая Гусенком Джибби, предупреждаю вас, никто не скажет, что вы добросовестно сделали вашу работу.

— Ну что же, — ответил я, — у меня такое обилие материала, что я, вероятно, смогу удовлетворить ваше любопытство, сударыня, если только вы не потребуете уж очень мелких подробностей.

— В таком случае, — сказала она, — первое и самое важное: получила ли леди Маргарет свое состояние и свой замок?

— Да, сударыня, получила, и притом самым простым путем: как наследница своего достопочтенного кузена Бэзила Олифанта, не оставившего после себя завещания. Таким образом, после смерти того, кто при жизни так упорно и коварно ее преследовал, ее состояние не только осталось в прежних размерах, но и несколько возросло. Джон Гьюдйл, восстановленный в своей давней должности, стал еще более важным, чем прежде, а Кадди с величайшим восторгом занялся обработкой земель Тиллитудлема и водворился в своей старой хижине, но, как человек осторожный, никогда не хвалился тем метким выстрелом, который возвратил и его госпоже и ему их прежние резиденции. «В конце концов, — сказал он Дженни, от которой у него не было тайн, — старый Бэзил Олифант был двоюродным братом моей госпожи, и к тому же лицом значительным; правда, насколько я понимаю, он действовал против закона, не предъявив приказа о задержании и не предложив лорду Эвенделу сдаться, и хотя я столько же думаю о том, что его уколошил, как если бы пристрелил куропатку, все же лучше об этом помалкивать». Он не только умолчал о своем подвиге, но искусно поддерживал слухи, будто это сделал старый Гьюдйл, за что и получил изрядную толику стаканчиков бренди,

поднесенных ему дворецким, который, резко отличаясь характером от благоразумного Кадди, был склонен скорее преувеличивать, чем преуменьшать свою доблесть. Слепая вдова была обеспечена до конца своей жизни; позаботились и о маленькой провожатой Мортон к водопаду. Что касается...

— Но какое отношение имеет все это к свадьбе, к свадьбе главных действующих лиц?.. — прервала меня мисс Баксбоди, нетерпеливо постукивая по своей табакерке.

— Свадьба Мортон и мисс Белленден была отложена на несколько месяцев, потому что их обоих глубоко опечалила смерть лорда Эвендела. А потом они поженились.

— Надеюсь, не без согласия леди Маргарет, сударь? — спросил непреклонный критик. — Я люблю книги, поучающие молодых людей повиноваться воле родителей. В середине романа молодым людям не возбраняется влюбляться без их согласия, но в конце концов они все же должны получить их благословенье на брак. Даже старый Делвил и тот принял в семью Сесили, хотя она и была дочерью человека низкого происхождения.

— И здесь, сударыня, произошло то же самое, — подтвердил я. — Леди Маргарет ответила согласием на предложение Мортон, хотя старый ковенантер, его отец, долгое время ее немало смущал. Эдит была ее единственным упованием, и она хотела видеть ее счастливой. Мортон, или Мелвил-Мортон, как чаще его называли, стоял так высоко во мнении света и был во всех отношениях такой завидною партией, что она отказалась от своих прежних предубеждений и утешилась мыслью о том, что браки заключаются на небесах, как ей заметил, по ее словам, его священнейшее величество блаженной памяти король Карл II, когда она показывала ему портреты ее прадеда Фергюса, третьего графа Торвуда, красивейшего мужчины своего века, и его второй жены, графини Джейн, горбатой и одноглазой. Таково было замечание его величества короля, говорила она, в одно памятное ей

на всю жизнь утро, когда он почтил ее посещением и изволил у нее завтракать...

— Достаточно, — сказала мисс Баксбоди, снова прерывая меня. — Если она приводила столь авторитетное мнение, чтобы объяснить свое согласие на мезальянс, то и у меня нет никаких возражений. Ну, а как же старая миссис... как же ее зовут... домоправительница?

— Миссис Уилсон, сударыня? — ответил я. — Она стала быть, может, самой счастливой из всех, ибо один раз в году, но замечьте, не больше, мистер и миссис Мелвил-Мортон в весьма торжественной обстановке обедали в большом зале с дубовой панелью; в подобных случаях открывались, в другое время завешанные, штофные обои, расстилался ковер и на стол ставились огромные медные канделябры, увитые лавровыми листьями. Приготовления к этому ежегодному пиршеству заполняли ее мысли на протяжении полугода; остальные полгода старая Элисон наводила порядок после состоявшегося обеда, так что один день удовольствия давал ей работу на целый год.

— А Нийл Блейн? — спросила мисс Баксбоди.

— Дожил до преклонного возраста, попивал бренди и эль за счет своих посетителей, независимо от их убеждений, пел песни вигов и якобитов по желанию трактирных гостей и накопил столько денег, что после его кончины Дженни смогла выйти замуж за мелкого землевладельца. Надеюсь, сударыня, ваши вопросы исчерпаны, так как, по правде говоря...

— А Гусенок Джибби, сударь? Что стало с Гусенком Джибби, услуги которого оказались чреватými такими последствиями для действующих лиц вашей истории?

— Учтите, моя дорогая мисс Баксбоди (извините за фамильярность), прошу вас, учтите, что даже память прославленной Шахразады, этой королевы рассказчиков, не смогла вместить всех подробностей. Я не вполне осведомлен обо всем, что случилось с Гусенком Джибби, но я склонен думать, что он и есть некий Гилберт Даден, иначе Теленок Джибби,

которого секли, возя по всему Гамильтону, за кражу курицы.

Мисс Баксбоди поставила левую ногу на решетку перед камином, откинулась на спинку стула и устремила взгляд в потолок. Заметив, что она впадает в задумчивость, я испугался, не готовится ли она продолжать дознание, и потому, взявшись за шляпу, поспешил пожелать ей покойной ночи, пока демон критицизма не подсказал ей новых вопросов. Таким же образом, любезный читатель, принося благодарность за ваше терпение, не изменившее вам вплоть до этого часа, я беру на себя смелость покинуть вас до следующей встречи.

КОММЕНТАРИИ

«ЧЕРНЫЙ КАРЛИК»

«Черный карлик» — один из романов, напечатанных Скоттом в серии, которую он назвал «Рассказы трактирщика» («*Tales of My Landlord*»). Кроме «Черного карлика», в серию вошли романы: «Пуритане» (1816), «Эдинбургская темница» (1818), «Ламмермурская невеста» (1819), «Легенда о Монтрозе» (1819), «Граф Роберт Парижский» (1832), «Замок Опасный» (1832). Они написаны якобы неким деревенским учителем Питером Петтисоном по рассказам владельца гостиницы «Уоллес» в Гэндерклю. После смерти Петтисона другой вымышленный персонаж — гэндерклюский учитель и церковный псаломщик, или, как именует его Вальтер Скотт, «мой ученый друг и покровитель», мистер Джедедея Клейшботэм — будто бы издал сочинения покойного, чтобы покрыть издержки на его похороны. Об этом и сообщает В. Скотт в полужутливых-полусерьезных предисловиях, предпосланных отдельным томам серии.

События, изображенные в романе «Черный карлик», относятся к первому десятилетию XVIII века. Действие происходит в южной, граничащей с Англией, равнинной области Шотландии. Здесь, в отличие от гористой северной части страны, где все еще господствовали остатки родового строя, а основным занятием жителей было скотоводство, развились земледелие и ремесла. Мирное население южных районов, постепенно втягивавшееся в развитие буржуазных отношений и теснее связанное с английской культурой, заняло более нейтральную позицию в борьбе между шотландскими якобитами (сторонниками изгнанного после событий 1688 года английского короля Иакова II Стюарта) и английским правительством.

В 1707 году английский парламент принял так называемый Закон об унии, по которому Англия и Шотландия объединялись в одно государство с общим королем, войсками и парламентом. В качестве уступки шотландцам королева Анна принесла присягу в том, что не будет вмешиваться во внутренние дела Шотландии и преследовать пресвитерианскую церковь. Однако шотландцы были недовольны этим актом, который они рассматривали как утрату своей национальной независимости.

После унии шотландские феодалы предприняли несколько попыток восстановить на престоле династию Стюартов. Якобитство имело наиболее глубокие социальные корни в горной части страны, где оно основывалось на борьбе шотландских кланов за сохранение древнего родового строя и культуры, против буржуазной и в какой-то мере английской культуры равнинной Шотландии.

Все выступления шотландских якобитов были заранее обречены на неудачу, ибо их цели — реставрация феодальной монархии Стюартов, защита пережившего себя родового строя и патриархального быта от натиска развивающихся буржуазных отношений — противоречили закономерностям исторического развития. Тем не менее исторически реакционные выступления якобитов все же находили отклик в народных массах, ибо шотландское дворянство выдвигало лозунги национальной независимости и стремилось использовать сильное общественное движение, вызванное разорением широких масс крестьянства под натиском буржуазных отношений.

Вальтер Скотт был сторонником того «компромисса» между аристократией и буржуазией, который оказался результатом революционной борьбы XVII века. В унии двух государств он видел средство прекращения многовековых войн, особенно тяжело отзывавшихся на благосостоянии шотландского народа, и вместе с тем залог дальнейшего экономического и культурного развития этой глубоко отсталой в то время страны. Вместе с тем глубокое проникновение в тайные думы и интересы народа и любовь к родной Шотландии вызвали его симпатию к народным героям, сражавшимся за независимость страны.

В «Черном карлике», так же как в большинстве романов Скотта, действие происходит на фоне политических событий, в данном случае — восстания 1707 года. Политическая интрига, связанная с деятельностью якобитов, определяет судьбу двух героев и является движущей силой всего романа. Основной герой — без-

образный карлик Элши — своей таинственностью, мизантропией и чудовищной внешностью, из-за которой его считают сверхъестественным существом, злым духом, поселившимся в старых развалинах, весьма напоминает героев «черного», или «готического», романа XVIII века. Так же, как герои многих «черных романов», Элши руководит действием, спасает невинную девушку от преследований и счастливо выдает ее замуж. Однако философской задачей автора является борьба с пессимизмом и утверждение ценности жизни — тема, часто встречающаяся в художественной литературе эпохи. Человеконенавистник вновь становится человеколюбом, обнаруживая высокие нравственные качества тех людей, с которыми он сталкивается. В этой философско-психологической эволюции, совершающейся на фоне исторических событий, и заключается смысл романа: реальная жизнь, как бы тяжела она ни была, не дает оснований ни для мизантропии, ни для пессимизма, а счастье, не достигнутое в личной жизни, может быть обретоено в деятельности на пользу других.

Стр. 11. *Шенстон* Уильям (1714—1763) — английский поэт. «*Потерянный рай*» — поэма Джона Мильтона.

Стр. 16. *Джедедия Клейшботэм* — вымышленный издатель «Черного карлика» и ряда других романов В. Скотта (см. послесловие).

Стр. 19. «*Любезный пастушок*» — пасторальная драма шотландского поэта Аллана Рэмзи (1686—1758).

Лейден Джон (1775—1811) — шотландский поэт, врач, востоковед и фольклорист.

Ричард Сэртис. — Очевидно, имеется в виду Роберт Сэртис (1779—1834), собиратель древностей и фольклора, сотрудничавший с В. Скоттом.

Стр. 21. *Иаков*. — Имеется в виду шотландский король Иаков VI (1567—1625), вступивший на английский престол в 1603 г., под именем Иакова I.

Стр. 22. *Закон о безопасности* — принятый шотландским парламентом в 1703 г. закон, согласно которому король Англии может быть королем Шотландии лишь в том случае, если он обязуется охранять привилегии пресвитерианской церкви, а также свободу и торговые интересы шотландцев.

Королева Анна (1702—1714) — последняя английская королева из династии Стюартов.

Годолфин Сидней (1645—1712) — английский государственный деятель.

...*договор о полном слиянии обоих королевств* (уния) — принятый в 1707 г. закон о слиянии Англии и Шотландии в единое государство Великобритания с общим королем и парламентом (см. послесловие).

Камеронцы — последователи шотландского пресвитерианского проповедника Ричарда Камерона (ум. в 1680 г.).

Стюарты — королевская династия, правившая в Шотландии (с 1317 г.) и в Англии (1603—1649, 1660—1714). Происходила от старинного шотландского феодального рода, один из представителей которого получил звание королевского управляющего (стюарта).

Прелаты — сторонники англиканской церкви, управляемой епископами, или прелатами.

Пресвитериане — шотландские протестанты, отрицавшие власть епископов. Пресвитерианская церковь управляется выборными старейшинами — пресвитерами.

Стр. 24. *Овидий* — римский поэт (43 до н. э. — 17 н. э.), автор поэмы «Метаморфозы». В поэме пересказываются греческие и римские легенды, каждая из которых заканчивается метаморфозой — то есть превращением людей в животных, деревья, камни и т. п.

Стр. 25. *Джон* — герой шотландской баллады.

Стр. 27. *Якобит* — сторонник низверженного в 1688 г. английского короля Иакова II Стюарта и его потомков.

Стр. 39. *Пикты* — одно из кельтских племен, населявших Шотландию в древности.

Битва при Марстон-муре (1644) — сражение, в котором войска английского парламента и шотландцев под командованием Кромвеля разбили армию короля Карла I.

Монтроз Джеймс, маркиз (1612—1650) — руководитель шотландских роялистов, сторонников низложенного короля Карла I. В 1643—1645 гг. одержал ряд побед, но был разбит в сражении при Филипхоу (1645) и бежал из Шотландии. В 1650 г., во время новой попытки восстановить на престоле Стюартов, был схвачен и казнен.

...*перед данбарским разгромом*... — В 1650 г. войска Кромвеля разгромили шотландских роялистов, руководимых сыном Карла I, будущим Карлом II.

...до событий у Босуэл-бриджа... — В 1679 г. шотландские пуритане были разбиты правительственными войсками под командованием герцога Монмута у Босуэл-бриджа.

...перед высадкой Аргайла... — Имеется в виду граф Арчибалд Аргайл (ум. в 1685 г.), представитель шотландского клана Кэмбелов. В 1681 г. был обвинен в государственной измене и бежал в Голландию. В 1685 г. высадился с небольшим отрядом в Шотландии с целью свержения короля Иакова II, но был схвачен и казнен.

Стр. 48. *Левиафан* — согласно библейской легенде, огромное морское чудовище.

Стр. 52. *Бомонт* Фрэнсис (1584—1616) — английский драматург, писавший совместно с Джоном Флетчером (1579—1625).

Стр. 57. ...голову Горгоны... — Горгоны в древнегреческой мифологии — три крылатых чудовища, взгляд которых обращал в камень все живое. Голова одной из трех сестер Горгон, Медузы, изображалась с высунутым языком, оскаленными зубами и со змеями вместо волос.

Стр. 59. *«Спасенная Венеция»* — трагедия английского драматурга Томаса Отвэя (1652—1685). Рено и Бедамар — злодеи, Джафир и Пьер — положительные персонажи этой пьесы.

Стр. 65. *Кэмбел* Томас (1777—1844) — шотландский поэт и критик.

Стр. 69. ...как у убийцы Банко... — Банко — персонаж из трагедии Шекспира *«Макбет»*. Убийца, подосланный Макбетом к полководцу Банко, является доложить о совершенном преступлении со следами крови на лице.

Стр. 74. *Битва у Филипхоу*... — См. прим. к стр. 39.

Черный Дуглас — прозвище сэра Джеймса Дугласа (1286—1330), героя шотландской истории, совершавшего многочисленные набеги на Англию.

Стр. 84. *Иаков VIII* — сын Иакова II Стюарта. После смерти отца (1701) был провозглашен королем Иаковом III английским и Иаковом VIII шотландским, но не царствовал. В качестве претендента на английский престол пытался высадиться в Англии в 1707 г., но флот его был рассеян английской эскадрой под командованием адмирала Бинга.

Стр. 105. *«Кристабел»* — поэма английского поэта Сэмюэла Колриджа (1772—1834).

Стр. 118. *Виги* — в XVII в. шотландские пресвитериане, противники Стюартов.

Стр. 120. *В деле при Килликрэнки* (1689) шотландские горцы — сторонники низложенного короля Иакова II Стюарта — одержали победу над английскими войсками, но их восстание было вскоре подавлено.

Стр. 121. *Сэр Джон Фальстаф* — персонаж нескольких пьес Шекспира, веселый пьяница и гуляка.

...*конец старой баллады*. — Здесь приведена строфа из стихотворения Р. Бернса «Макферсон перед казнью».

Стр. 122. ...*в 1715 году они снова восстали под предводительством Форстера и Дервентуотера*... — В 1715 г. якобиты подняли очередное восстание с целью возвести на престол высадившегося в Шотландии претендента, Иакова III Стюарта (см. прим. к стр. 84). Их войска были разбиты в сражении при Престоне. Томас Форстер (1675—1738) и граф Джеймс Дервентуотер (1689—1716) — участники этого восстания.

Стр. 125. *Граф Д.* — Дервентуотер (см. прим. к стр. 122).

Стр. 126. *Иаков VIII.* — См. прим. к стр. 84.

Стр. 127. *Вспомним, сколько зла нам причинили в Дарьене и Гленко*. — Дарьен — район в восточной части перешейка, соединяющего Центральную и Южную Америку (восточная часть нынешней республики Панама). В конце XVII в. здесь находилась шотландская колония Новая Каледония. В 1699 г. Дарьен был захвачен Испанией, и все колонисты погибли. Гленко — долина в Шотландии, где в 1692 г. шотландские горцы из клана Кэмбела, подосланные английским правительством, предательски истребили не желавших покориться англичанам сторонников Иакова II — горцев из клана Мак-Доналдов, участвовавших в восстании 1689 г. (см. прим. к стр. 120).

Кокпул и Уайтхэвен — два небольших порта на западном побережье Великобритании.

Стр. 128. ...*память о старом Уилли*... — Имеется в виду король Вильгельм III Оранский (1689—1702), подготовивший объединение Англии и Шотландии.

Стр. 132. *Карлайл* — английская пограничная крепость.

Стр. 135. *«Танкред и Сигизмунда»* — трагедия английского поэта и драматурга Джеймса Томсона (1700—1748).

Стр. 144. *«Королева фей»* — поэма английского поэта Эдмунда Спенсера (1552—1599).

Стр. 167. *Бинг*. — См. прим. к стр. 84.

Старушка Нэнси — королева Анна (см. прим. к стр. 22).

Стр. 171. *Трапписты* — монашеский орден, отличавшийся чрезвычайно суровыми правилами и обегом молчания.

Стр. 175. *Вместе с графом Дервентуотером... он попал в плен под Престоном в Ланкашире.* — См. прим. к стр. 122.

Стр. 176. *Лоу Джон* (1671—1729) — шотландец по происхождению, был генеральным контролером финансов Франции во время регентства герцога Филиппа Орлеанского (с 1715 г, регент при малолетнем Людовике XV). Введенная им финансовая система привела в 1720 г. к государственному банкротству.

...в армию Марлборо... — Джон Черчил, первый герцог Марлборо (1650—1722) — английский полководец и политический деятель, командовавший английскими войсками во Фландрии во время войны за испанское наследство (1701—1714).

М. БЕККЕР

«ПУРИТАНЕ»

Роман «Пуритане» («Old mortality») ¹ повествует о событиях полуторазековой давности, о знаменитом шотландском восстании 1679 года. Восстание это продолжало борьбу народных масс против феодального строя, которая с такой силой разгорелась во время английской революции XVII века. В Шотландии она осложнялась борьбой за национальное освобождение, носившей демократический характер.

Революция протекала под знаком реформации церкви. «Кромвель и английский народ, — по словам Маркса, — воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета». ² В XVII веке в Англии и в Шотландии широко распространилось религиозное протестантское движение, получившее название пуританизма. Первоначальной целью пуританизма была реформация церкви («очищение» ее, откуда и название движения от англ. «purity» — «чистота»). По мере углубления противоречий между буржуазией и феодальной монархией пуританизм приобретал все более

¹ Более точным переводом этого заглавия могло бы быть «Давно усопшие».

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 8, стр. 120.

отчетливый антифеодальный характер, становясь как бы знаменем буржуазной революции.

Когда пуританская армия в 1649 году одержала окончательную победу над королевскими войсками, в Англии была провозглашена республика, которая явилась выражением интересов буржуазии и нового дворянства. Этими интересами и была определена политика Кромвеля, ставшего с 1653 года главой государства. После того как массы английского народа, изверившись в республике, отошли от революции, в стране активизировались реакционные силы. Со смертью Кромвеля эти процессы привели к реставрации старой монархии Стюартов, положившей начало феодальной реакции. Началось наступление на завоеванные революцией права демократических слоев населения, в частности — на свободу вероисповедания. Это вызвало в 1679 году восстание шотландских пуритан, в котором приняло участие крестьянство. К крестьянству примкнули и другие группы населения, придерживавшиеся более умеренных взглядов. Поэтому среди повстанцев не было единства, и это явилось одной из причин их жестокого поражения. После первых успехов в стычках с королевскими войсками повстанцы были наголову разбиты в сражении у Босуэл-бриджа. Потом началась расправа — преследования и казни всех тех, кто был захвачен с оружием в руках или уличен в какой-либо связи с повстанцами. В романе изображен весь этот цикл событий, начиная от убийства епископа Шарпа, которое было вызвано религиозными притеснениями, и кончая репрессиями, последовавшими за победой королевских войск.

Изображая эти трагические и кровавые события, Скотт пытается объяснить причину восстания, и не только этого одного, но всех восстаний, сопровождавших долгую историю религиозной реформы и национальной борьбы шотландского народа. Причиной этой является насилие одного народа над другим, общественная несправедливость, в течение столетий препятствовавшая мирному сосуществованию двух народов. Политика английских реставраторов должна была вызвать гражданскую войну, ответные насилия со стороны притесненных пуритан, и повергнуть страну в великие бедствия. Тирания политических хозяев страны вызывает негодование не только пылкого проповедника Мак-Брайера и неистовой пуританки Моз, но и Генри Мортонa, воплощающего ту линию благоразумной справедливости, которой придерживался и сам Скотт. «Могу ли я быть человеком в полном смысле этого слова, и к тому же шотландцем, и равнодушно взирать на го-

нения, превращающие разумных людей в безумцев?» — спрашивает себя Мортон. И помимо своей воли он должен принять сторону повстанцев, так как их негодование справедливо, но он не может согласиться с методами их борьбы, ибо они также насильственны и несправедливы. Это точка зрения самого Скотта, который боялся революционных потрясений и народных восстаний. Вот почему в его романе пуритане и роялисты одинаково жестоки и одинаково неправы, хотя их идеалы, убеждения и нравы совершенно различны. Генри Мортон сравнивает Клеверхауза с Берли — ведь оба они проливают кровь без сожаления и без раскаяния. И Клеверхауз согласен с ним: «Вы правы... вы совершенно правы — мы оба фанатики...»

И Берли и Клеверхауз — исторические лица. За образом Берли скрывается один из убийц епископа Шарпа, пуританин-фанатик, готовый пожертвовать жизнью за свою веру и за права своей Шотландии. Клеверхауз — известный политический деятель и полководец, приверженец Стюартов, с необычайной жестокостью усмирявший антифеодалные восстания и прозванный в народе «кровавым».

Роман «Пуритане» был задуман в год, когда заканчивался большой исторический период французской революции и последовавших за нею событий. В 1815 году окончательно пала империя Наполеона. Для Скотта было ясно, что французская революция уничтожила феодальное порабощение народа, которое должно было вызвать революционный взрыв. Но революция и особенно якобинская диктатура казались ему тоже несправедливыми. Постепенная эволюция к социальному миру в пределах данного строя, с сохранением добрых старых установлений и традиций, — таков идеал Скотта, оценивающего с таких позиций людей и события далекого и недавнего прошлого. Политический опыт, только что пережитый всей Европой, должен был еще больше обострить историческое чувство Скотта — и его привязанность к прошлому и его понимание исторического процесса как движения народных масс.

В «Пуританах» изображена слепая шотландская крестьянка, Бесси Мак-Люр. Ее сыновей убили королевские солдаты, но тем не менее она спасает жизнь аристократу, за которым гонятся пуритане. В этом поступке Скотт видит целую нравственную философию, которую он противопоставляет яростным политическим страстям пуритан и кавалеров. В образе Бесси Мак-Люр Скотт выразил идею примирения на основе высокой общечеловеческой

нравственности, которая, по его мнению, должна спасти народы от распри и установить тот утопический «социальный мир», который Скотт противопоставлял современной ему революционной идеологии. Та же идея выражена в образе Генри Мортонна.

Окончательное падение династии Стюартов и утверждение Ганноверской династии в лице Вильгельма Оранского (1689) казались Скотту важным шагом на пути к этому «социальному миру». Генри Мортон мечтает только об этом мире, который «без ущерба для конституционных прав короля поставит равные для всех законы на место военного произвола». События 1689 года позволили Мортону вернуться на родину, и его личное благополучие определено тем же мирным счастьем, которым наслаждается Шотландия после вступления на престол Вильгельма Оранского, — так же, как его бедствия были связаны с бедствиями его страны. Идиллическая картина, начинающая эпилог романа, является выражением этой торийской утопии Скотта.

«Пуритане» — замечательный памятник истории шотландского народа. С невиданной ранее глубиной и рельефностью раскрываются в романе национальные черты народной жизни. Удивительно точно и тщательно художник воспроизводит материальную обстановку и неповторимую в своем своеобразии атмосферу духовной жизни эпохи. Писатель рассказывает о народных обычаях, быте и нравах, передает живую народную речь.

Роман открывается живописной картиной традиционного шотландского праздника, красочные картины народной жизни сменяют друг друга. В романе звучат старинные шотландские песни. На его страницах действуют герои, овеянные духом мятежного, воинствующего пуританского XVII столетия. В этом проникновении художника в глубины национальной истории, в поэзию и правду народной жизни, в сущность национального характера и заключается выдающаяся заслуга автора «Пуритан» — романа, который был так высоко оценен М. Ю. Лермонтовым в «Герое нашего времени».

Т. ВАНОВСКАЯ

Стр. 182. *Ковенантеры* — сторонники независимой пресвитерианской церкви в Шотландии. В 1558 г. шотландские протестанты, объединившись для защиты своего исповедания, составили так называемый ковенант (covenant по-английски — договор,

соглашение), в котором декларировали свою решимость отстаивать пресвитерианское исповедание от посягательств со стороны католической реакции и английской церкви. В 1638 г. старый ковенант был подтвержден новым. Ковенант 1638 г. — документ, в котором содержится торжественная клятва шотландских пресвитериан (см. прим. к стр. 22) бороться с абсолютизмом Карла I в вопросах религии и отстаивать пресвитерианство в Шотландии в том виде, в каком оно было установлено в эпоху Реформации. Карл I, стремившийся подчинить короне шотландскую церковь, как это имело место в Англии, встретил упорное сопротивление своим планам. Ковенант объединил широкие народные массы. Переговоры, которые вел в Шотландии по поручению короля герцог Гамильтон, не привели ни к чему. В Шотландии разразилось восстание, известное в истории под названием «епископских войн». В 1643 г. шотландские ковенантеры заключили с лондонскими пресвитерианами, партия которых играла в то время руководящую роль в парламенте, договор о совместной борьбе против роялистов. Этот договор, то есть Торжественная Лига и ковенант, содержал в себе пункт о введении в Англии церковных порядков, близких к шотландским. Выполняя свои обязательства, шотландцы в 1644 г. оказали английскому парламенту помощь вооруженными силами.

Камеронцы — последователи пресвитерианского проповедника Ричарда Камерона, основателя непримиримой по отношению к англиканству религиозной секты. Отказываясь повиноваться Карлу II, отрицая его авторитет в вопросах религии и отвергая индульгенцию (см. прим. к стр. 237), Камерон в 1680 г. «объявил войну» правительству Карла II. В одной из стычек с правительственным отрядом Камерон был убит (1680).

Иаков II (1633—1701) — английский король с 1685 по 1688 г., изгнанный из пределов Англии революцией 1688 г., возведшей на престол его зятя, голландского штатгальтера Вильгельма Оранского. Кратковременное царствование Иакова II отмечено усилением в стране позиций католицизма и гонениями на пресвитериан.

Аргайл Арчибалд — сын маркиза Аргайла, шотландского политического деятеля, казненного правительством Карла II после Реставрации, в 1661 г. Обвиненный в государственной измене и осужденный на смертную казнь, Аргайл бежал в Голландию (1681). В 1685 г. он возглавил шотландский отряд экспедиции, направленной эмигрантами одновременно в Англию и Шотландию

с целью свержения Иакова II, преемника на английском престоле недавно умершего Карла II. Высадившись в Шотландии, он не смог, однако, поднять восстание; вскоре его отряд был рассеян, а сам он схвачен, осужден и казнен в Эдинбурге в том же 1685 г.

Монмут Джеймс Скотт (1649—1685) — побочный сын Карла II. Занимал при Карле II ряд крупных военных постов, в частности был главнокомандующим правительственных войск в Шотландии во время подавления восстания ковенантеров, описанного в «Пуританах». Монмут, тем не менее, пользовался симпатиями пресвитериан, видевших в нем возможного наследника престола и связывавших с ним надежды на прекращение религиозных преследований. В 1683 г. Монмут был обвинен в государственной измене за участие в заговоре, прощен Карлом II, но изгнан из Англии. В 1685 г. одновременно с Аргайлом он был направлен эмигрантами в Англию. Высадившись в Англии, Монмут провозгласил себя королем, был разбит при Седжмуре и, несмотря на покаянное письмо, направленное им королю Иакову II, казнен в Лондоне в 1685 г.

Прелатисты. — См. прим. к стр. 22.

Стр. 183. *Виги.* — См. прим. к стр. 118.

Стр. 185. *Беньян Джон* (1628—1688) — известный английский писатель, автор романа «Странствия паломника». Беньян — страстный проповедник пуританства, идеологии поднимающейся английской буржуазии XVII в. Человек из народа, по профессии медник, убежденный демократ и республиканец, он с восемнадцати лет служил в армии Кромвеля. После Реставрации Беньян отбыл двенадцать лет тюремного заключения, во время которого и написал свою книгу.

Стр. 186. *...в памятный 1715 год...* — Речь идет о восстании 1715 г., поднятом шотландскими якобитами (приверженцами дома Стюартов) в интересах Карла Эдуарда, сына Иакова II. Возглавлял это восстание граф Мар, за которым пошли горные кланы. Восстание не было поддержано населением равнинной Шотландии, и к концу года правительственные войска разгромили повстанцев. В горной части Шотландии вплоть до середины XVIII века сохранялись почти нетронутыми феодальные отношения, и в этом — объяснение реакционной роли горцев во время буржуазной революции и их участия во всех последующих реакционных восстаниях якобитов.

...зимой 1745—1746 года... — В 1745 г. в горной Шотландии вспыхнуло еще одно восстание якобитов, стремившихся возвести на английский престол Карла Эдуарда, сына упоминавшегося в предыдущем примечании претендента. Вскоре после подавления восстания (1746 г.) были уничтожены кланы и проведены различные мероприятия, способствовавшие ликвидации в горной Шотландии феодализма.

Стюарты. — См. прим. к стр. 22.

Стр. 188. *Карл II* — сын казнённого короля Карла I. После смерти Кромвеля (1658) возвратился из эмиграции в Англию и в 1660 г. был коронован. Реставрация сопровождалась массовыми репрессиями по отношению к деятелям республики, реакцией во всех областях политической и общественной жизни, усилением религиозной нетерпимости. В Шотландии во время Реставрации произошел ряд больших и мелких восстаний. Религиозное движение здесь сочеталось с освободительной борьбой против англичан и борьбой буржуазии (в Шотландии в этот период еще очень слабой) в союзе с ремесленниками (страдавшими от экономического застоя) и крестьянством (разоренным «огораживаниями») против земельной аристократии, судорожно цеплявшейся за свои феодальные права и привилегии.

Стр. 190. *Старый Нол* — прозвище Оливера Кромвеля (1599—1658), вождя английской буржуазной революции 1642—1660 гг.
Протектор — титул Кромвеля с 1653 г.

Господин Молчание — еще одно прозвище Кромвеля.

Стр. 193. *Нарушить спящих вечный сон?* — Джон Лэнгхорн (1735—1779), английский поэт. Цитата взята из поэмы «Мертвец».

Мистер Петтисон — вымышленный автор «Пуритан».

Стр. 195. *Джедедия Клейшботэм* — вымышленный издатель «Пуритан» и некоторых других романов В. Скотта.

Стр. 197. *Хемпден* Джон (1594—1643) — двоюродный брат Кромвеля, революционный деятель, боровшийся с епископальной церковью и во многом содействовавший уничтожению епископата (1643). Избранный в парламент, Хемпден стоял на страже интересов умеренных слоев буржуазии, готовых на компромисс с королевской властью. Впрочем, когда выяснилось, что компромисс невозможен, Хемпден как член Комитета безопасности развил кипучую деятельность, организуя и снаряжая армию для борьбы с роялистами. В битве при Челлгров-филде (1643) Хемпден был смертельно ранен.

Хупер Джон — епископ глостерский, протестант, сожжен, как еретик, в 1555 г.

Лэтимер Хью (1485—1555) — епископ вустерский, протестант сожжен, как еретик, в 1555 г.

Стр. 201. ...*царя Соломона*... — В. Скотт имеет в виду следующие слова из так называемых притчей Соломона (библия): «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына, а кто любит, тот с детства наказывает его».

Стр. 206. *Драйден* Джон (1631—1700) — английский поэт и драматург.

Стр. 208. *Лорд-лейтенант* — командующий вооруженными силами графства.

Шериф — глава администрации графства.

Стр. 209. *Кальвинисты* — последователи Жана Кальвина (1509—1564), одного из наиболее видных деятелей Реформации. Наибольшее распространение кальвинизм получил во французской Швейцарии (родина Кальвина) и во Франции, среди французских протестантов (гугенотов). Кальвин требовал от своих приверженцев сурового аскетизма и нетерпимости ко всем инакомыслящим.

Королевское местечко (англ. borough) — населенный пункт, имеющий право посылать своих представителей в парламент.

Стр. 211. *Монтроз* Джеймс, маркиз (1612—1650) — вожь контрреволюции в Шотландии; активно боролся с ковенантерами. В 1643—1645 гг. одержал ряд побед, но в конце концов был разбит при Филипхоу, после чего был вынужден бежать из Шотландии. В 1650 г. высадился в Шотландии с намерением поднять восстание в интересах Карла II, но был схвачен и казнен в Эдинбурге.

Стр. 212. *Красные куртки* — прозвище, данное солдатам, так как они носили мундиры красного цвета.

Килсайт и Типпермур — места битв Монтроза с ковенантерами.

Стр. 214. ...*на злосчастном поле под Вустером*... — Битва под Вустером (1651) закончилась решительной победой Кромвеля над роялистами.

Стр. 215. *Ла Кальпренед* Готье (1610—1663) — французский писатель, автор романов и драм. Упоминаемый в тексте роман «Клеопатра» — одно из наиболее известных произведений Кальпренеды.

Скюдери Мадлена (1607—1701) — французская писательница, автор многотомных романов так называемого прециозного стиля.

Скюдери пользовалась в свое время большой известностью. Наиболее знаменитый ее роман — «Артамен, или Кир Великий» (1649—53).

...рухнул вниз, доспехами звеня — цитата из поэмы Томаса Кэмбела (1777—1844) «Утехи надежды».

Стр. 219. *Мальволио* — персонаж из комедии Шекспира «Двенадцатая ночь», слуга Оливии. В. Скотт имеет в виду 5 сцену III акта этой комедии, где Мальволио, размышлявший и представив себе великолепие, среди которого ему предстоит жить, говорит: «...семеро моих слуг послушным движением направляются за ним (дядюшкой Тоби); тем временем я хмурю брови и, быть может, завожу мои часы».

Стр. 220. *Данбар, Инверкейтинг* — населенные пункты, близ которых происходили битвы Монтроза с ковенантерами.

Марстон-мур, Филипхоу — населенные пункты, где происходили битвы роялистов и ковенантеров.

Круглоголовые — презрительное прозвище, данное роялистами пуританам и сторонникам Кромвеля в Долгом Парламенте (1640—1653). Пуритане коротко стригли волосы и не носили пышных локонов, как кавалеры, то есть роялисты.

Стр. 223. *Роланд* — главный герой поэмы Лодовико Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд».

Стр. 225. *...не иначе, как Гае-трактищиком*. — Гай-трактищик получил это прозвище, очевидно, в память о Гае Гракке, народном трибуне древнего Рима, пламенном ораторе, человеке твердых принципов.

Стр. 228. *...бесчестного возлюбленного несчастной королевы Марии*. — Речь идет о графе Босуэле, убийце супруга Марии Стюарт — Дарнлея. Через несколько месяцев после его убийства последовал брак Марии с Босуэлом. С этого времени начались ее злоключения. Восставшими подданными она была свергнута с престола и заточена в замке Лох-Левен. Бежав оттуда, она перебралась в Англию, где королева Елизавета, продержав ее восемнадцать лет в заключении, в конце концов осудила на смерть. В 1587 г. Мария Стюарт была казнена.

Стр. 230. *...на кобылке, выращенной из желудка...* — Речь идет о принятом в те времена дисциплинарном взыскании, состоявшем в том, что провинившегося солдата сажали на большую деревянную лошадь и держали его на ней с мушкетами, подвязанными к ногам,

Стр. 232. *Рабсак* — имя упоминаемого в библии посланца царя ассирийского. Рабсак хулил и поносил израильского бога; в языке пуритан Рабсак — олицетворение наглости и нечестия.

Стр. 236. *Путь к славной смерти или к торжеству.* — Хотя этот эпиграф и приписан автором Джеймсу Дафффу, он, как считают, сочинен самим В. Скоттом.

Стр. 237. *Индальгенция.* — Под этим названием известен опубликованный в 1672 г. декрет Карла II, предоставлявший на известных условиях право свободного богослужения всем без различия исповеданиям. Так как этот декрет имел в виду не только пресвитериан всевозможных толков, но и католиков, он вызвал бурю негодования, и в 1673 г. Карл II под давлением парламента вынужден был издать так называемый Акт о присяге (Test Act), согласно которому всякое должностное лицо обязано было присягнуть, что оно не верит в таинство пресуществления, один из основных догматов католицизма.

Стр. 238. *...перед золотым тельцом...* — Берли говорит об одном из золотых тельцов, поставленных, по библейской легенде, царем израильским Иеровоамом в Вефиле и Дане.

Стр. 239. *Велиал* — по христианской мифологии дьявол, толкающий людей к идолопоклонству, виновник всех людских злодеяний.

Халфтекст — фамилия (или прозвище) со значением «недоучка» — человек, знающий тексты священного писания только наполовину; напротив, имя другого проповедника, Паундтекста, обозначает человека, хорошо знающего священное писание.

Стр. 241. *Резолюционисты* — сторонники резолюций, принятых шотландским парламентом в 1650 г., после битвы при Данбаре. Этот документ приглашал всех шотландцев, приверженцев ковенанта, вступать в ряды армии, действующей против Кромвеля. Протестующие — противники этих резолюций.

Стр. 244. *...видела герцога... которому потом отрубили в Лондоне голову...* — Элисон, видимо, вспоминает о герцоге Джеймсе Гамильтоне, приближенном Карла II. Гамильтон был казнен правительством Кромвеля в 1649 г.

Стр. 247. *...страшную рассказывает повесть.* — Шекспир, «Генрих IV», ч. II (акт I, сц. 1).

Стр. 250. *Иеремия* — один из библейских пророков; библейская традиция приписывает ему авторство содержащихся в библии книг пророка Иеремии и Плач Иеремии,

Стр. 253. *Ваал* — верховное божество финикийян, культ которого получил широкое распространение в царстве Израильском; в языке библии — олицетворение нечестия.

Киссон — река в Палестине; согласно библейской легенде, пророк Илия истребил на берегах этой реки многочисленных жрецов Ваала.

Стр. 254. *Маммона* — упоминаемое в библии божество, олицетворяющее богатство.

Латитудинарии — представители направления внутри англиканской церкви, считавшего возможным соглашение с пресвитерианами в результате взаимных уступок.

Стр. 255. *Сын Давидов* — то есть царь Соломон, которому библия приписывает авторство так называемой книги Екклесиаста, проникнутой глубоким пессимизмом.

Стр. 256. *Рутвен* Патрик (1573—1651) — шотландец, один из видных генералов на службе шведского короля Густава-Адольфа. Принимал участие в борьбе шотландской контрреволюции с Кромвелем.

Лесли Александр (1580—1661) — шотландец, генерал, прослуживший около тридцати лет в шведской армии, один из военачальников Густава-Адольфа.

Монро Роберт (умер в 1680 г.) — служил в войсках Густава-Адольфа, принимал участие в Реставрации.

Стр. 262. *...в семьдесят поздненько начинать.* — Шекспир, «Как вам это понравится» (акт II, сц. 3).

Стр. 264. *Малколм Кенмор*, или Большоголовый — Малколм III, король Шотландии (убит в 1093 г.). Царствование Малколма протекало в ожесточенной борьбе с завоевателями — норманнами. Род Белленденов, по-видимому, норманского происхождения, и леди Маргарет намекает на какие-то события, связанные с этой борьбой.

Стр. 266. *Навуходоносор* (605—562 до н. э.) — царь Халдеи, во время похода на Египет разорил Иудею. Имя Навуходоносора неоднократно упоминается в библии.

Стр. 267. *...что золотой истукан в поле Деир, и так же, как Седрах, Мисах и Авденаго...* — Библейская легенда рассказывает, что Навуходоносор, завоевав Иудею, поставил на поле Деир золотого идола и велел ему поклоняться. Не выполнили царского повеления только Седрах, Мисах и Авденаго. По приказанию разгневанного царя послушники были брошены в «пещь огненную», но огонь, убив их палачей, не причинил праведникам никакого вреда.

Злобный дух 1642 года... — В 1642 г. началась английская буржуазная революция. В том же году Карл I бежал на север Англии, после чего разразилась гражданская война.

Стр. 271. *Нонконформисты.* — В 1662 г. правительство Карла II провело через парламент так называемый Акт о единообразии в богослужении. Согласно этому акту, к богослужению могли допускаться лишь священники признанного правительством англиканского исповедания; около двух тысяч пресвитерианских священников в связи с этим вынуждены были покинуть свои общины. Лица, не подчинившиеся (по-английски подчиняться — *to conform*) этому акту, стали называться нонконформистами. Таким образом, нонконформисты — те же пресвитериане.

Стр. 272. *...попросту угождатель.* — Шекспир, «Двенадцатая ночь» (акт II, сц. 3).

Стр. 275. *Сенной рынок* — место в Эдинбурге, где происходили публичные казни.

Эрастианство — учение о подчинении церкви государственной власти. Ведет начало от Фомы Эраста (1524—1583), не признававшего за церковью право наказывать за грехи и преступления и считавшего, что карать — дело светских властей.

Стр. 280. *Джон Ячменное зерно* (John Barleycorn) — в фольклоре олицетворение пива, браги или других алкогольных напитков.

Стр. 282. *Кора-Линн* — один из порогов Клайда, близ Ланарка.

Существует ковенант труда, существует и ковенант искупления? — Босуэл, задавая свой вопрос Моз, имеет в виду шотландский национальный ковенант (1638 г.), то есть торжественную клятву шотландских пресвитериан бороться за свои религиозные верования против англиканской церкви и поддерживавшего ее правительства Карла I. Таким образом, слово ковенант на устах Босуэла — символ неповиновения королевской власти. Кадди, говоря о ковенанте труда и ковенанте искупления, имеет в виду так называемый договор между богом и человеком, то есть повеление бога Адаму и Еве «трудиться в поте лица своего», и «договор», содержащийся в христианском вероучении об искуплении греха верою. Босуэл, не зная пуританской терминологии, не понимает уловки Кадди и удовлетворяется ответом Моз.

Стр. 286. *Мерк* — старинная шотландская денежная единица, равная 13 шиллингам 4 пенсам.

Стр. 288. ...*выпускать на свободу своих заключенных в темнице ангелов.* — Для понимания этих слов нужно знать, что фигурки на голландских часах действительно часто изображали ангелов и что в это время так называлась английская золотая монета с изображением ангела.

Стр. 289. *Филистимляне и идумеи* — народы, упоминаемые в библии как постоянные и злейшие враги иудеев. В языке пуритан, отождествлявших свою борьбу за пресвитерианство с борьбою иудеев против язычества, — символ нечестивости и враждебности.

Васан — область в Палестине к востоку от Иордана, неоднократно упоминаемая в библии. В земле Васан, по библии, водилось много диких быков, отличавшихся свирепостью.

Стр. 290. ...*в подобающее вам кресло.* — Имеется в виду скамья, подвешенная к «журавлю», установленному на берегу реки или какого-нибудь водоема. На эту скамью усаживали сварливую женщину, привязывали ее и несколько раз окунали в воду.

Стр. 295. *Зифеи* — согласно библейской легенде, обитатели города и пустыни Зиф, отличавшиеся лживостью и вероломством. *Антиномианство, лапсарианство, сублапсарианство* — различные религиозные течения внутри протестантской церкви.

Стр. 296. ...*я французов встречал.* — Роберт Бернс (1759—1796), «Веселые нищие».

Стр. 297. ...*в один из заграничных шотландских полков.* — Шотландские наемники издавна служили на континенте. Подробнее об этих полках В. Скотт рассказывает в романе «Квентин Дорвард».

Пор-Рояль — женский монастырь в Париже.

Стр. 300. *Монк Джордж* (1608—1670) — генерал республиканской армии, сражался с роялистами в Шотландии. После смерти Кромвеля (1658) начал переговоры с Карлом II и содействовал реставрации Стюартов на английском престоле.

Стр. 301. *В дни великого маркиза...* — Речь идет о Джеймсе Монтрозе (см. прим. к стр. 211).

Стр. 303. *Рочестер* — Джон Уилмот, граф Рочестер (1648—1680), приближенный Карла II, поэт.

Бакингам Джордж Виллье (1627—1687) — роялист, приближенный Карла II, поэт и публицист.

Танжер — город в Северной Африке, полученный Карлом II в приданое за Екатериной, принцессой португальской; Танжер был оккупирован англичанами с 1662 по 1684 г.

Шеффилд Джон (1649—1721) — военный деятель царствования Карла II, автор исторических сочинений, драм, стихов.

Стр. 305. *...после Килсайтской победы...* — Битва при Килсайте (1645) закончилась поражением ковенантеров. Силами роялистов командовал неоднократно упоминаемый в «Пуританах» Монтроз.

Стр. 306. *Дэви* — один из персонажей пьесы Шекспира «Генрих IV», ч. II. В. Скотт имеет в виду акт V, сцену 3.

Стр. 307. *Когда здесь обедал как-то раз герцог...* — Гюльдил говорит, очевидно, о герцоге Джеймсе Гамильтоне (см. прим. к стр. 244).

Апроши — рвы с брустверами, обращенные в сторону неприятеля. При помощи апрошей осаждающие приближались, смыкая кольцо блокады, к стенам осажденной крепости.

Стр. 308. *...бежал от грозных волн?* — Мэтью Прайор (1664—1721), «Генри и Эмма».

Стр. 325. *...капитан им командовал: «Стой!»* — Джонатан Свифт (1667—1745), «Рассуждение о важнейшем вопросе: превратится ли Гамильтонс-Бауну в казарму или солодовню».

Стр. 326. *Кир Великий и Филипп Даст.* — Майор Белленден искажает подлинное имя одного из персонажей романа Мадлены Скюдери «Кир Великий» (Филидасп). Dast по-английски значит «черт подери!» Отсюда реплика майора: Филипп Черт подери!

Марк Антоний (83—30 до н. э.) — римский полководец. В. Скотт намекает, очевидно, на какую-то конную статую Марка Антония.

Стр. 327. *...начитаться женеvской стряпни?* — Майор намекает, видимо, на так называемую «Книгу дисциплины», в которой были изложены принципы организации и порядок богослужения в реформированной шотландской церкви (1560 и 1578). «Книга дисциплины» проникнута принципами кальвинизма, вот почему майор говорит о «женеvской стряпне». Вместе с тем ге-пева по-английски — можжевельовая водка, джин.

Стр. 329. *...Нол угостил нас под Вустером...* — Майор имеет в виду битву под Вустером (1651), в которой Кромвель нанес роялистам решительное поражение.

Стр. 330. *...что были в ходу в Холирудском дворце...* — Холирудский дворец — резиденция шотландских королей в Эдинбурге.

«Ньюз Леттер» («Новости») — Так назывались первоначально рукописные, непериодически выпускавшиеся листки, в кото-

рых наряду с известиями разного рода помещались также списки убитых и раненых офицеров.

Стр. 331. *Мосье С্কюдери... то же самое и господин д'Юрфе*. — Леди Маргарет ошибается, полагая, что автор «Кира Великого» — мосье С্কюдери. В действительности «Кир» был написан сестрою Жоржа С্কюдери, Мадленой С্কюдери, издавшей первые свои произведения под именем брата. Д'Юрфе Оноре (1567—1625) — французский романист, автор нескольких пастушеских романов. Наиболее известный из них — «Астрей».

Стр. 335. *Мараведи* — мелкая испанская монета.

Такой уж обычай у путников есть. — Мэтью Прайор, баллада «Даун-холл».

Стр. 336. *«Наказание суровое и тяжелое»* — название казни путем удушения, применявшейся в Англии к лицам, обвиненным в государственной измене.

Стр. 350. *Остерегайтесь ревности, милорд*. — Шекспир, «Отелло» (акт III, сц. 3).

Стр. 352. *Дядюшка Тоби* — персонаж из «Двенадцатой ночи» — Шекспира.

Стр. 354. *Миссис Куикли* — персонаж нескольких пьес Шекспира. В. Скотт имеет в виду следующие слова миссис Куикли: «...я хочу, чтобы Анну Пейдж получил мой хозяин, или чтоб ее получил мистер Слендер, или, по правде сказать, чтобы ее получил мистер Фентон («Виндзорские насмешницы», акт III, сц. 5).

Стр. 358. *Судья Пересол* — персонаж из комедии Бена Джонсона (1573—1637) «Варфоломеевская ярмарка». Судья Пересол, стараясь раскрыть плутовство на ярмарке, попадает в нелепое положение: его самого задерживают, как мошенника.

Стр. 364. *Я больше не вернусь назад*. — Шотландская народная баллада «Джемми Телфер».

Стр. 367. *Гилеад* (Галаад) — область за Иорданом, неоднократно упоминаемая в библии как центр язычества и нечестия. Пуританские проповедники называли Римским Галаадом, или — в произношении Кадди — Гилеадом, епископальную церковь и поддерживавшее ее правительство. Кадди думает, что это населенный пункт на западе Шотландии.

Стр. 373. *Джок* — герой популярной шотландской баллады.

Валентин и Орсон — герои старинной французской народной повести с одноименным названием.

Стр. 374. *...как сломаны будут печати, и раздастся трубный глас, и изольют влагу сосуды!* — То есть до того, как начнется

Страшный суд. Эти образы и выражения заимствованы из библии (Апокалипсис).

Стр. 375. *Олоферн* — согласно библейской легенде, военачальник царя ассирийского Навуходоносора.

Диотреф — упоминается в Новом завете; в языке пуритан Диотреф — олицетворение надменности и заносчивости.

Димас — ученик и сотрудник апостола Павла, отошедший от христианства и ставший жрецом идолопоклонников. В языке пуритан олицетворение алчности, кровожадности и развращенности.

Стр. 377. *...окончить сделкой мировой.* — Сэмюел Батлер (1612—1680), «Гудибрас» (песнь I).

Стр. 385. *...напоминает нашему майору скачку при Данбаре.* — 13 сентября 1650 г. произошло сражение при Данбаре, в котором Кромвель разгромил шотландцев-роялистов; почти вся шотландская армия была взята в плен, на поле боя осталось свыше трех тысяч убитых шотландцев.

Стр. 388. *...скрестился с палицей булат.* — Сэмюел Батлер, «Гудибрас» (песнь II).

Стр. 392. *Дагон* — упоминаемое в библии верховное божество финикиян с головой и руками человека и телом рыбы.

Стр. 394. *Меч господи и меч Гедеона!* — С этим возгласом, согласно библейскому рассказу, Гедеон и его воины устремились на мидианитян и их разгромили.

Стр. 400. *Гектор* — один из главных героев Троянской войны («Илиада» Гомера), сын царя Трои Приама.

Стр. 401. *...без всадника конь?* — Томас Кэмбел, «Пророчество Лохиеля».

Стр. 402. *...во время оно был бы назареєм...* — Назареями называются в библии избранные, особо набожные люди, связавшие себя разного рода обетами.

Воанергес. — Так названы в евангелии Иаков и Иоани, сыны Зеведеевы.

Стр. 404. *Моавитяне, идумеи, измаильтяне* — упоминаемые в библии народы, жившие по соседству с иудеями. С этими народами иудеи постоянно вели упорные войны.

Дебора — библейская пророчица, отличавшаяся пламенным красноречием.

Харошеф-Гоим — родина многих врагов Израиля.

Стр. 406. *Семей* — враг царя Давида. Библия изображает его упрямым и кровожадным,

Доик — начальник пастухов царя Саула, донесший ему о местопребывании скрывшегося от Саула Давида. В языке пуритан *Доик* — олицетворение жестокости.

Стр. 407. *Хам* — младший сын Ноя, насмеявшийся, согласно библейской легенде, над наготой спящего отца. В языке пуритан *Хам* — олицетворение нечестия.

Амалекитяне — кочевой народ на юге Палестины, враждовавший с иудеями.

Стр. 408. *Гофет* — место к югу от Иерусалима, куда свозились трупы тех, кто, по представлению иудеев, был недостойн погребения в земле.

Хавила и Сура — города, упоминаемые в библии.

Стр. 411. ...*как будто бил он в барабан*. — Сэмюел Батлер, «Гудибрас» (песнь I).

Стр. 413. *Индепенденты* — религиозная протестантская секта, противившаяся иерархической организации церкви. Каждая церковная община, согласно учению индепендентов, представляет собою самостоятельную религиозную общину, независимую от вышестоящей церкви и подчиненную непосредственно самому Христу. Основатель секты индепендентов — Роберт Браун (умер в 1630 г.).

Социциане — рационалистическая протестантская секта, признававшая лишь библию и евангелие; основана Фаустом Социном (1539—1604).

Квакеры — религиозная протестантская секта, основана Фоксом (1624—1690).

...*об оборонительных действиях и о сопротивлении Карлу II...* — Распространенное среди протестантов учение об оборонительных действиях признавало допустимость вооруженного сопротивления со стороны подданных в тех случаях, когда правительство, нарушая данные им обязательства, ущемляет свободу исповедания.

Стр. 414. *Паралипоменон* (по-гречески — добавления) — две книги библии, дополняющие Книги Царств.

Стр. 415. *Он сравнил ее с Агарью...* — В библии рассказывается, что Авраам, уступив настояниям своей жены Сарры, отослал от себя свою рабыню Агарь, родившую ему сына Измаила. Агарь с Измаилом долго скитались в пустыне, Измаил совсем уже погибал от жажды, но посланный богом ангел указал Агари источник,

Иуда. — Имеется в виду колено Иудино, оплакивающее гибель Иерусалима, взятого и разграбленного Навуходоносором.

Рахиль — по библейской легенде вторая дочь Лавана, любившая Иакова и прождавшая четырнадцать лет, пока они не вступили в брак. По истечении шести лет она родила сына Иосифа, а шестнадцать лет спустя — второго сына, Вениамина.

Стр. 416. *Иаков* — библейский патриарх, родоначальник израильтян. Мак-Брайер называет Иаковом ковенантеров.

Маккавей возглавлял борьбу евреев с сирийцами, которых победил при Эммаусе (убит в 160 г. до н. э.).

Стр. 417. *Мероз* — город в северной части Палестины, отказавший в помощи Деборе и Вараку во время битвы с Сисарою (библия).

Сисара — упоминаемый в библии военачальник Иавина, царя Ханаанского, в течение двадцати лет угнетавший израильтян и в конце концов разгромленный ими и убитый Иаилью, женою Хевера, в шатре которого он укрылся, спасаясь от преследования врагов.

Стр. 419. *И старец тоже может быть полезен*. — Шекспир, «Генрих IV», ч. II (акт V, сц. 3).

Стр. 421. *...вино сильнее, чем мороз*. — Считается, что автор этой песенки сам В. Скотт.

Стр. 422. *Типпермур, Элфорд, Иннерлохи, Олд-Эрн, Бриг-о-Ди, Филипхоу* — населенные пункты, близ которых произошли битвы Монтроза с ковенантерами. Во всех перечисленных битвах (кроме битвы при Филипхоу) Монроз одержал победу.

«тени грядущих событий» — цитата из поэмы Томаса Кэмбела (1777—1844) «Пророчество Лохнеля».

Стр. 423. *Данди* — город и порт в Шотландии. В 1651 г. генерал Монк осадил Данди, защищаемый роялистами. После продолжительной осады город был взят.

Стр. 426. *Кулеврина* — длинная пушка (XVI в.).

Фальконет — артиллерийское орудие малого калибра, стрелявшее свинцовыми ядрами (XVI в.).

Секер, полусекер, фалькон — разновидности фальконета.

Стр. 427. *Не имея голубя...* — Библейская легенда рассказывает, что во время потопа Ной дважды выпускал из ковчега ворона, чтобы узнать, не схлынула ли вода; улетев во второй раз, ворон не возвратился. Тогда Ной послал с тою же целью голубя. Дважды вылетал голубь и наконец вернулся назад, держа

в клюве свежий масляный лист. Тогда Ной понял, что вода схлынула.

Стр. 429. *«Хардианут»* — баллада на шотландском диалекте, долгое время считавшаяся народной. Автор этой подделки — леди Уордлоу (1677 — около 1727). Хардианут — датский и английский король Канут II (1019—1042).

Стр. 436. *Пок-пуддинг* — обжора, презрительное прозвище, данное шотландцами англичанам.

Стр. 437. *А грозить ему напрасно.* — Бен Джонсон (1573—1637), «Алхимик» (акт III, сц. 1).

...ни равнодушным лаодикейцем, ни безразличным к делам веры Галлионом... — В библии жители Лаодикеи (Сирия) обвиняются в равнодушии к делам веры; Галлион Люций Анней — римский проконсул в Ахайе (Греция) в 51—52 гг. н. э., брат знаменитого философа и писателя, воспитателя Нерона, Сенеки. Во время волнений иудеев в Коринфе отказался разбирать их споры. В языке пуритан Галлион олицетворяет собой равнодушные и безучастность к общему делу.

Стр. 439. *Саруйя* — мать трех военачальников царя Давида. Сынами Саруйи здесь называются умеренные пресвитериане.

Стр. 446. *Роберт Брюс* — шотландский патриот, убил в 1306 г. Комина, английского ставленника, претендовавшего на шотландский престол, и стал шотландским королем. Независимость Шотландии была окончательно признана англичанами в 1329 г.

Стр. 447. *Столько же и мнений.* — Шекспир, «Троил и Крессида» (акт I, сц. 3).

Стр. 453. *Иезавель* — упоминаемая в библии жена Ахав, отличавшаяся гордостью и порочностью. Под ее влиянием Ахав стал идолопоклонником и воздвиг алтари языческим богам. Царь Ииуй, придя с войсками к дому Иезавели, велел выбросить ее из окна, и кони всадников растоптали ее насмерть. Труп Иезавели был отдан на съедение собакам.

Стр. 454. *Магор-Миссавив* — по древнееврейски «ужас во круг». Согласно библейской легенде, смотрителя храма, заключившего в темницу и жестоко избившего пророка Иеремию, звали Пасхор («мир вокруг»). Иеремия, после того как был выпущен из темницы, сказал ему, что он не Пасхор, а Магор-Миссавив.

Стр. 455. *Мюнстерские анабаптисты* — религиозная секта, сложившаяся в эпоху Крестьянской войны в Германии. Анабаптисты стремились к установлению равенства между всеми, проповедуя мелкобуржуазные уравнилительные идеи.

Стр. 456. *Мадиянитяне* — народ, упоминаемый в библии; злейшие враги израильтян, с которыми они вели кровопролитные войны.

Стр. 457. *Кардинал Битон Дэвид* (1494—1547) — архиепископ Сент-Эндрю. Битон беспощадно преследовал протестантов. После осуждения и сожжения Битоном протестантского проповедника Джорджа Уишарта протестанты решили расправиться с ним. Заговор против Битона возглавлял один из видных представителей шотландской знати — Норман Лесли. Заговорщики проникли в замок Битона и убили его.

Стр. 458. *...скорее на коней!* — Шекспир, «Генрих IV», ч. I (акт III, сц. 1).

Стр. 463. *...ты осталась жить.* — Считается, что автор этих стихов сам В. Скотт.

Стр. 466. *Финлей Джон* (1782—1810) — английский поэт и фольклорист, которого высоко ценил В. Скотт.

Стр. 477. *...за мной на штурм!* — Шекспир, «Генрих V», ч. I (акт III, сц. 1).

Стр. 480. *Стентор* — греческий воин, участник Троянской войны, обладатель громового голоса.

Стр. 492. *...земли, ему подвластной.* — Шекспир, «Генрих IV», ч. I (у В. Скотта ошибочно указано ч. II), акт IV, сц. 4.

Стр. 495. *Фальстаф* — персонаж нескольких пьес Шекспира. Фальстаф — пьяница, обжора. Здесь имеется в виду сцена 2-я IV акта «Короля Генриха IV», ч. I. «Будь я просто сеledка в рассоле, — говорит в этой сцене Фальстаф, — если мне самому не стыдно за своих солдат. Я самым дьявольским образом злоупотребил доверием короля... Взамен полтораcта новобранцев я получил триста с чем-то фунтов».

Стр. 506. *Аман* — согласно библейской легенде, вельможа и фаворит персидского царя Артаксеркса, стремившийся истребить всех иудеев, приготовил виселицу в пятьдесят локтей высоты, чтобы повесить на ней Мордухея, привратника в царском дворце, не желавшего падать ниц перед ним. Благодаря вмешательству Эсфири, ставшей женою царя, Аман впал в немилость и был повешен на виселице, воздвигнутой им для Мордухея.

Стр. 508. *...закон, предавший жителей Иерихона...* — Имеются в виду следующие слова, которые, согласно библейской легенде, бог сказал Иисусу Навину: «Вот я предаю в руки твои Иерихон. и царя его, и находящихся в нем».

Стр. 512. *«Эдом из Гордона»* — популярная шотландская народная баллада.

Стр. 533. *«Спасенная Венеция»* — трагедия английского поэта Томаса Отвэя (1651—1685).

Стр. 544. *...великий жрец всех дев Парнаса...* — Так В. Скотт называет английского поэта Джона Драйдена (1631—1701). Приводимые в тексте романа стихи — из поэмы Драйдена *«Авессалом и Ахитофель»*.

...лик его был райской красоты. — Джон Драйден, *«Авессалом и Ахитофель»* (ч. I, ст. 27).

Стр. 550. *...солдат, одетых в красный цвет.* — Из песни ковенантеров, посвященной сражению у Босуэл-бриджа.

Стр. 553. *Акриды* — принятое в библии название саранчи.

Ахан — один из воинов Иисуса Навина, скрывший, как рассказывает библия, добычу, взятую им в Иерихоне. Сделав это, Ахан, по понятиям иудеев, преступил закон, так как иерихонская добыча была заранее обещана богу. Иудеи побили Ахана камнями.

Он не облекся в одежды вавилонские, но продал одежды праведника жене Вавилона... — В рассказе библии об Ахане среди его добычи упоминается взятая им одежда и двести сиклей серебра. *«Жена Вавилона»* на устах Многогневного — Эдит Белленден. В языке пуритан, так же как и в библии, Вавилон — олицетворение разврата и нечестивости.

Стр. 555. *«По палаткам, Израиль!»* — клич, заимствованный из текста библии и обозначающий *«Расходитесь!»*

Стр. 567. *Иегова-Ире* — «бог усмотрит» (древнеевр.). Так, по библии, Авраам назвал то место на горе Мория, где готовился принести в жертву своего сына Исаака.

Стр. 569. *И не совершал ли ты этих дел ради мадианитянки...* — Как рассказывается в библии, потомки Мадяна пытались при помощи женщин своего колена склонить израильтян к идолопоклонству и вовлечь их в разврат, чтобы вызвать на них божий гнев.

Стр. 572. *Ступени Ахазовы* — так в библии называются солнечные часы.

Стр. 574. *...славы час один ценней безвестных долгих лет.* — Долгое время считалось, что автор этих строк сам В. Скотт. В действительности, как установлено английскими исследователями, их автор — майор Мордонт.

Стр. 579. *...чтобы он тебя, чего доброго, не укусил, в опро-*

вержение старой пословицы. — Английская пословица, которую имеет в виду Клеверхауз, — «мертвые не кусаются».

...и даже сталкивают нас со стульев. — Шекспир, «Макбет» (акт III, сц. 4).

...суд на местах, — ужасающий вид. — Джон Гей (1685—1732), «Опера нищих» (акт III, сц. 2).

Стр. 582. *Фруассар* Жан (1337 — ок. 1405) — французский историк. Хроника Фруассара охватывает период с 1325 по 1400 г.

Стр. 588. *Сан-бенито* — грубое одеяние желтого цвета, в котором жертвы инквизиции, осужденные на сожжение, направлялись к месту казни.

Стр. 591. *Мой край родной, прощай!* — Байрон, «Чайлд Гарольд» (песнь I, строфа 13).

Стр. 593. *Каледония* — древнее название Шотландии.

Стр. 603. *...кто будет судить гору Исава...* — Здесь повторяются содержащиеся в книге Иеремии (библия) пророчества относительно судьбы, ожидающей потомков Исава, Иакова и Иосифа, предавшихся идолопоклонству. Та же судьба, по мысли Берли, ждет и всех гонителей истинной веры, то есть пресвитерианства.

Стр. 604. *А с кем время идет галопом?* — Шекспир, «Как вам будет угодно» (акт III, сц. 2).

Стр. 605. *Розалинда* — персонаж из комедии Шекспира «Как вам это понравится». В. Скотт вспоминает о следующих словах Розалинды: «Время идет различным шагом с различными людьми. Я могу сказать вам, сударь, с кем оно идет иноходью, с кем рысью, с кем галопом, с кем стоит на месте» (акт III, сц. 2).

...то есть с года революции. — Речь идет о Славной революции 1688 г. По инициативе Сити представители знатных дворянских фамилий обратились к голландскому штатгальтеру Вильгельму Оранскому, зятю Иакова II, с просьбой о вооруженной интервенции (июнь 1688 г.). В ноябре Вильгельм высадился в Англии. Иаков, успевший за три года царствования возбудить всеобщую ненависть, покинутый всеми, бежал во Францию. В 1689 г. Вильгельм был провозглашен королем Англии. Особой Декларацией прав Вильгельм обязался управлять страной в полном согласии с парламентом. Революция 1688 г. явилась завершением буржуазной революции 1642 года: она окончательно расчистила почву для развития капитализма в Англии.

Стр. 607. *Эме де Валанс* (ум. в 1260 г.) — епископ винчестерский, сводный брат короля Генриха III,

Стр. 611. *Мак-Кей Хью* (1640—1692) — шотландский генерал, служил во Франции, в Венеции, на острове Крит. В царствование Иакова II и в начале царствования Вильгельма командовал королевскими войсками в Шотландии. В битве при Килликранки (1689) потерпел поражение от вождя якобитов Клеверхауза.

Стр. 615. *...любовь, которой больше нет.* — Джон Логан (1748—1788), «Смерть юной леди».

Стр. 616. *...ни один мужчина со времен патриарха Иакова... не выслуживал себе жены так долго...* — Согласно библейской легенде, Иакову, чтобы получить в жены Рахиль, пришлось в течение четырнадцати лет служить ее отцу Лавану.

Стр. 619. *Джон Томсон* — персонаж шотландских народных рассказов, муж, которым помыкает жена.

Стр. 621. *Панч* — главный персонаж народного кукольного театра в Англии. Живой, находчивый, остроумный, он является выразителем народных идеалов и чаяний.

Стр. 624. *...вспоминая слова евангелия...* — Имеются в виду следующие слова: «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть».

Стр. 637. *Дельрио, Бортхуг и Деланкр* — авторы наиболее известных в XVII в. трактатов по демонологии.

Стр. 638. *Здесь годы детства я провел, еще невзгод не зная.* — Томас Грей (1716—1771), ода «Вид издали на Итонский колледж».

Стр. 645. *Аргус* — собака Одиссея (в поэме Гомера «Одиссея», песнь XVII). Один только Аргус узнал Одиссея, отсутствовавшего двадцать лет и возвратившегося домой в рубище нищего.

Стр. 649. *...его зовите Рутландом, миледи.* — Шекспир, «Ричард II» (акт V, сц. 2).

Стр. 650. *...со своим тестем, а также с вашим королем Карлом...* — Вильгельм Оранский был женат на племяннице английского короля Карла II, дочери герцога Йоркского, в 1685 г. вступившего на английский престол под именем Иакова II.

Стр. 653. *...не были похожи на шедевры arrasского станка...* — Город Аррас в Северной Франции издавна славился производством ковров.

...как те, о которых говорил Гамлет. — Шекспир, «Гамлет» (акт III, сц. 4).

Стр. 656. «*Путешествие влюбленного*». — Считается, что этот эпиграф сочинен самим В. Скоттом.

Стр. 658. *Торфихен* — местечко в Шотландии.

Стр. 664. *Сарепта* — город в Финикии, близ Сидона. Сюда,

к бедной вдове, согласно библейскому преданию, во время года в Иудее был прислан пророк Илия, и вдова, у которой оставалась лишь горсть муки и немного оливкового масла, охотно поделилась ими со своим гостем. Вдовица из Сарепты Сидонской в языке пуритан — образец добродетели и благочестия, хотя она и была язычницей.

Стр. 670. *...защищая семерых нечестивых прелатов.* — В апреле 1688 г. семь епископов англиканской церкви отказались выполнить повеление Иакова II и прочитать с церковной кафедры изданную им в 1687 г. декларацию, в которой объявлялось о прекращении уголовного преследования католиков и протестантских сектантов. Иаков привлек к суду семерых епископов, что вызвало бурю негодования в широких слоях населения, видевших в декларации Иакова дальнейшую уступку католицизму, которому он оказывал неизменное покровительство.

Граф Ангус — герцог Уильям Гамильтон (1635—1694), приближенный Иакова II; одним из первых примкнул к Вильгельму Оранскому (1688).

Стр. 671. *Монтгомери Джеймс* — видный политический деятель при последних Стюартах. В 1684 г. Монтгомери судили за укрывательство ковенантеров и приговорили к изгнанию. Находясь в эмиграции, он вошел в сношения с Вильгельмом Оранским и содействовал его воцарению. Вскоре после вступления Вильгельма на английский престол Монтгомери, однако, связался с якобитами. Его арестовали, но ему удалось бежать из тюрьмы во Францию, где он и умер в 1694 г.

Фергюсон Роберт (1637—1714) — политический деятель, публицист, по прозвищу Заговорщик. Он был замешан в ряде заговоров, но ни разу не подвергся серьезным репрессиям; современники подозревали, что он правительственный агент.

Стр. 672. *Уэйн Генри Младший* (1613—1662) — английский государственный деятель, соратник Кромвеля, казнен после Реставрации Карлом II, как «цареубийца».

Гаррисон Томас (1606—1662) — деятельный участник буржуазной революции, служил в армии Кромвеля, был одним из судей на процессе Карла I. После Реставрации Гаррисон был осужден на смерть и в 1662 г. повешен.

Овертон Роберт (1640—1688) — военный деятель в годы революции и республики, сторонник Кромвеля. Примыкая к левеллерам (оппозиционной демократической партии, возглавляемой Лилберном), Овертон впоследствии отошел от Кромвеля,

Стр. 673. *...был в мрачное раздумье погружен.* — Эдмунд Спенсер (1552?—1599), «Королева фей» (песнь IX).

Стр. 677. *Пандемониум* — по христианским представлениям столица ада. Пандемониум описан Мильтоном в «Потерянном рае».

Стр. 679. *Пещера Одолламская* находилась близ города Одоллама, в земле Ханаанской. Согласно библейской легенде, здесь скрывался Давид от царя Саула.

Стр. 680. *...труднее, чем загадка Самсона?* — В библии приводится следующая загадка, предложенная Самсоном на пиру: «От ядушего произошло ядомое, и от сильного вышло сладкое». Семь дней бились пирующие над этой загадкой и лишь с помощью невесты Самсона наконец разгадали ее. Самсон имел в виду мед, собранный пчелами, роившимися в трупѣ льва.

Стр. 681. *Навал* — согласно библейской легенде, грубый, глупый и надменный богач, оскорбивший Давида, когда тот пас его стада на горе Кармил.

Стр. 682. *Холирудская капелла* — церковь в аббатстве Холируд, находившаяся рядом с Холирудским дворцом в Эдинбурге.

...как будущий царь Израиля посетил филистимлян... — Речь идет о библейском царе Давиде (победителе Голиафа); в молодости, спасаясь от преследования израильского царя Саула, Давид отправился к филистимлянам. По смерти Саула Давид наследовал его престол.

Стр. 686. *...дух свой испустил.* — Джон Драйден, «Паламон и Арсит» (песнь III).

Стр. 696. *«История Джемми и Дженни Джессеми»* — роман Элизы Хейвуд (1693? — 1756), популярной в свое время английской писательницы.

«Юлия де Рубинье» — роман шотландского писателя Генри Макензи (1745—1831). Вальтер Скотт посвятил ему свой первый роман «Уэверли».

Стр. 698. *...приняли в семью Сесили...* — Делвил и Сесили — герои романа «Сесили, или Воспоминания наследницы» английской писательницы Фанни Берней, по мужу Дарбле (1752—1840), вышедшего в 1772 г. и пользовавшегося в свое время большим успехом.

А. БОБОВИЧ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧЕРНЫЙ КАРЛИК

Введение	7
Глава I. Вводная	15
Глава II	21
Глава III	30
Глава IV	40
Глава V	52
Глава VI	61
Глава VII	65
Глава VIII	77
Глава IX	85
Глава X	94
Глава XI	105
Глава XII	114
Глава XIII	121
Глава XIV	135
Глава XV	144
Глава XVI	154
Глава XVII	160
Глава XVIII	169

ПУРИТАНЕ

Введение	181
Глава I. Предварительная	193
Глава II	207
Глава III	215
Глава IV	224
Глава V	236
Глава VI	247

Глава VII	262
Глава VIII	272
Глава IX	296
Глава X	308
Глава XI	325
Глава XII	335
Глава XIII	350
Глава XIV	364
Глава XV	377
Глава XVI	388
Глава XVII	401
Глава XVIII	411
Глава XIX	419
Глава XX	429
Глава XXI	437
Глава XXII	447
Глава XXIII	458
Глава XXIV	466
Глава XXV	477
Глава XXVI	492
Глава XXVII	601
Глава XXVIII	512
Глава XXIX	523
Глава XXX	533
Глава XXXI	550
Глава XXXII	558
Глава XXXIII	564
Глава XXXIV	574
Глава XXXV	579
Глава XXXVI	591
Глава XXXVII	604
Глава XXXVIII	615
Глава XXXIX	638
Глава XL	649
Глава XLI	656
Глава XLII	664
Глава XLIII	673
Глава XLIV	686
Заключение	695
Комментарии	701

ВАЛЬТЕР СКОТТ
Собрание сочинений, т. 4

*Редакторы Э. Великанова
и Б. Томашевский
Художник Б. Воронецкий
Художественный редактор
Л. Чалова*

*Технический редактор
М. Кондратьева*

*Корректоры Л. Никульшина
и В. Урес*

Сдано в набор 20/X 1960 г.
Подписано к печати 10/I 1961 г.
Бумага 84×108¹/₃₂ — 23 печ. л. =
= 37,72 усл. печ. л. Уч. изд. л.
35,856. Тираж 300 000 (200 001—
300 000), Заказ № 92. Цена 1 р. 15 к.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького
Ленинград, Гатчинская, 26